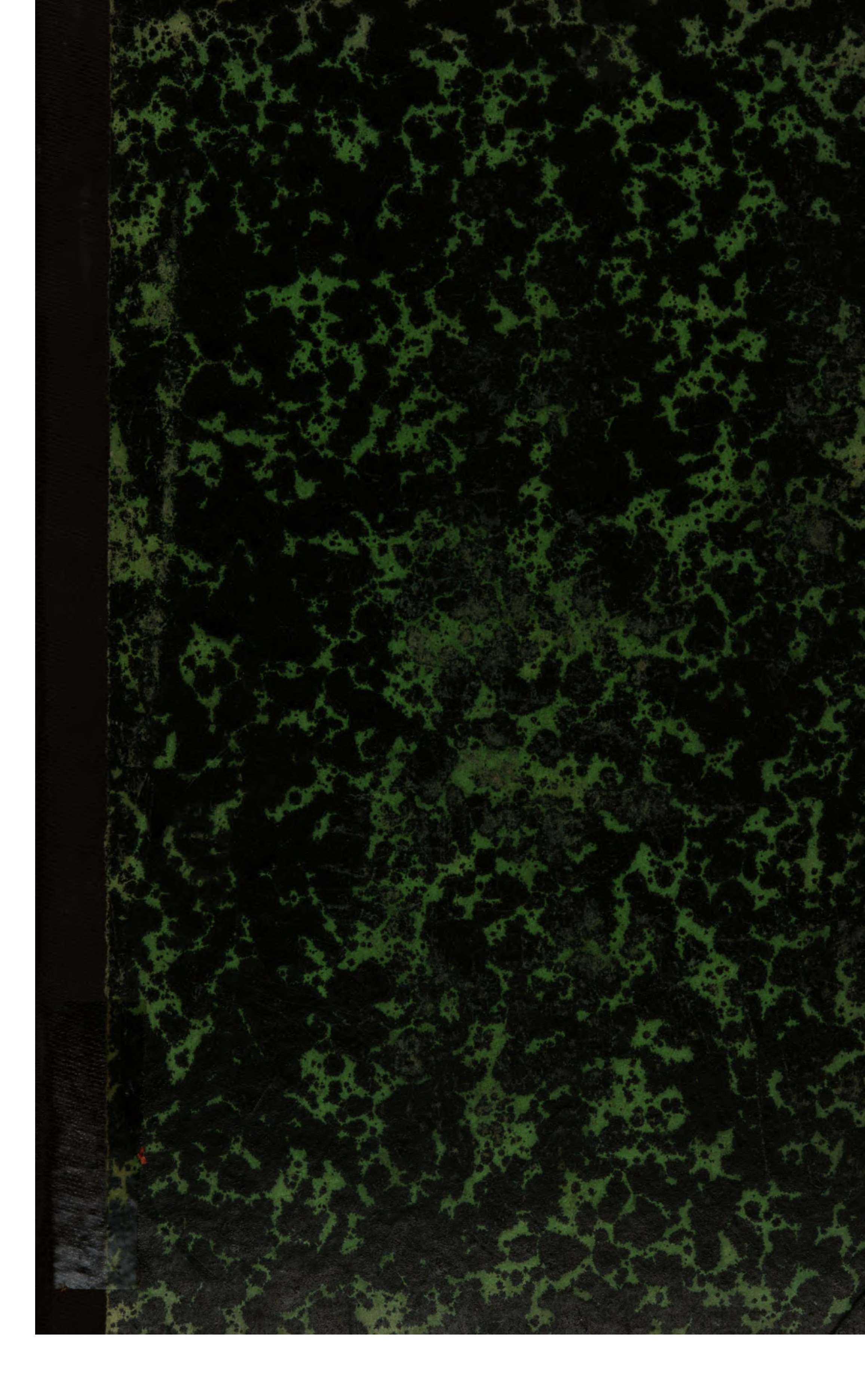
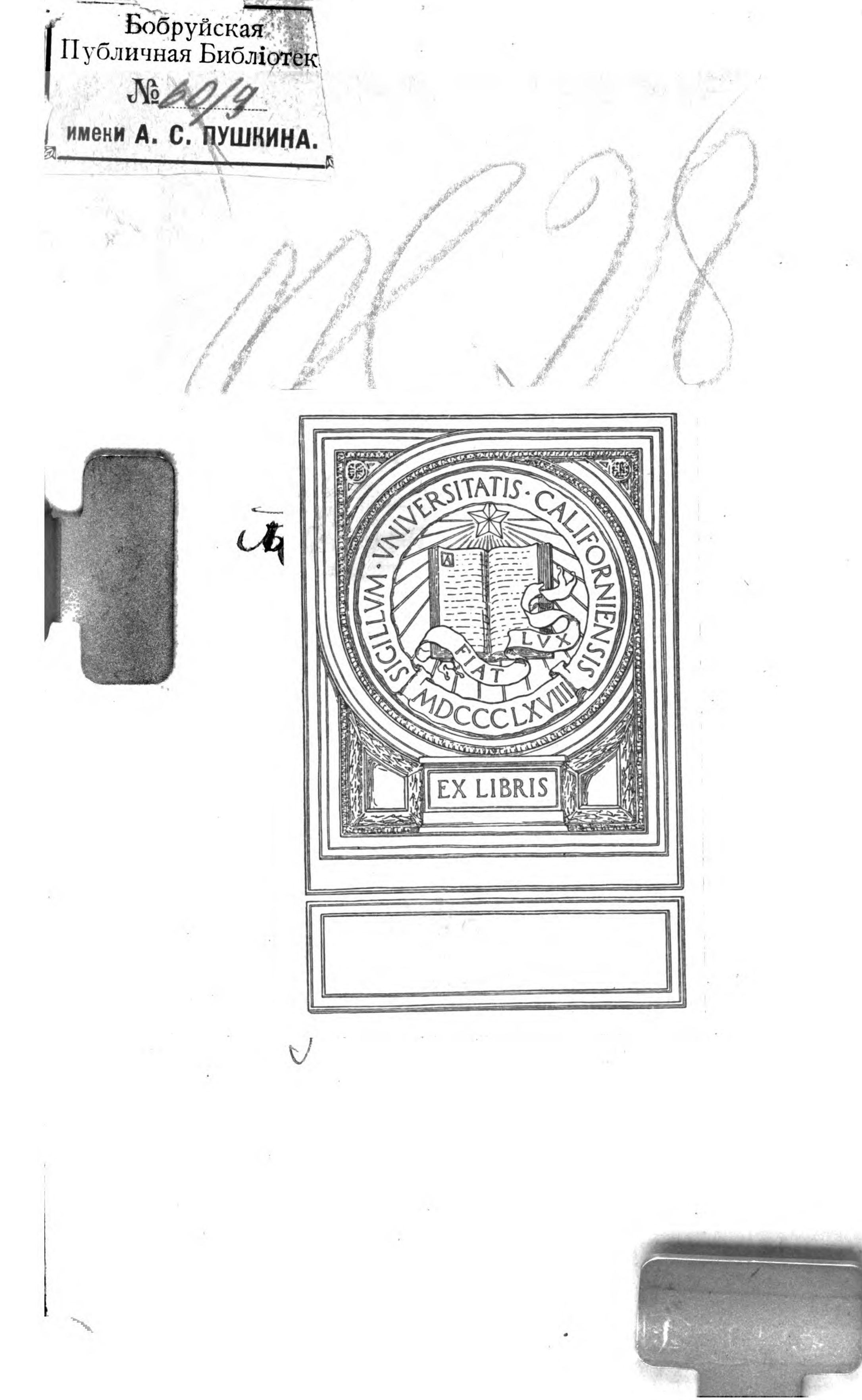

Бобруйская
Публичная Библiотек
№ 60/9
имени А. С. ПУШКИНА.
SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ VI-й. № 9-й.

МIРЪ БОЖIЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНIЯ.

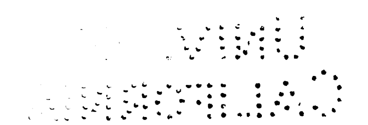
СЕНТЯБРЬ

1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографiя И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1897.

Дозволено цензурою 23-го августа 1897 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ

РАСПРОСТРАНЕНІЕ ИДЕЙ.

I.

Въ своей статьѣ, посвященной генезису идей *), мы занимались изслѣдованіемъ источниковъ, изъ которыхъ происходятъ въ исторіи новыя идеи и вообще новыя стремленія. Мы задались вопросомъ, почему идеи въ общественномъ развитии появляются въ извѣстномъ порядкѣ и почему въ данное историческое время онѣ имѣютъ такое, но не другое содержаніе. Происхожденіе новыхъ идей было поставлено нами въ причинную, непосредственную связь съ матеріальными условіями общественнаго быта, среди которыхъ возникаютъ новыя стремленія. Мы показали, что въ динамикѣ общественнаго развитія идея представляетъ вторичное, производное явленіе, т. е. появляется на историческомъ поприщѣ, какъ выраженіе, въ членораздѣльной формѣ, новыхъ фактовъ жизни. Факты эти возникли въ общественной жизни механически, стихійно, подъ вліяніемъ сознанія, задающагося лишь частными вопросами и не задумывающагося надъ соціальными послѣдствіями, происходящими съ теченіемъ времени, когда мелкія измѣненія въ матеріальныхъ вещественныхъ условіяхъ общественной жизни, накопившись въ достаточномъ количествѣ, передвинутъ центръ общественной тяжести. Мы занимались анализомъ развитія производительныхъ силъ общества: элементы эти, подъ вліяніемъ частныхъ интересовъ и частныхъ стремленій, подлежатъ медленному измѣненію. Мелкія, иногда очень медленно происходящія перемѣны вызываютъ къ жизни со временемъ новый строй вещественныхъ условій общественнаго быта, и вмѣстѣ съ тѣмъ новыя общественныя потребности и новыя соціальныя стремленія. Механически и стихійно, но органически созрѣваетъ въ данномъ обществѣ новая общественная задача, съ своимъ возникновеніемъ накопляющая орудія для своего разрѣшенія: соотвѣтственный классъ. Идея ничто иное, какъ формулировка такой задачи и одновременно указаніе направленія, въ какомъ, сообразно съ интересомъ даннаго класса, слѣдуетъ разрѣшить эту задачу.

---

*) См. «Міръ Божій», 1897, май, «Генезисъ идей».

Мы доказывали, что идея эта лишь отраженіе новыхъ вещественныхъ, по своему существу относительныхъ, фактовъ въ сознаніи членовъ даннаго общества, склонныхъ свои идеалы считать послѣднимъ словомъ развитія.

Но въ своемъ анализѣ мы разсмотрѣли вопросъ не во всей его полнотѣ. Стремясь лишь къ одному, именно къ познанію источниковъ идеи, къ уразумѣнію ея происхожденія, мы ограничили кругъ нашего изслѣдованія и не выходили за предѣлы той среды, непосредственнымъ твореніемъ которой является разбираемая идея. Мы оставили совершенно въ сторонѣ всѣ вопросы о томъ, какъ она, т.-е. новая идея, дѣйствуетъ, если проникнетъ изъ родной среды въ другія страны, въ которыхъ соотвѣтствующіе вещественные элементы еще не созрѣли достаточнымъ образомъ и еще не въ состояніи самостоятельно произвести на свѣтъ данную задачу. Въ обществѣ, въ которомъ данная историческая идея приняла практическую форму, т. е. существуетъ не какъ произведеніе чьей-то взбалмошенной фантазіи, или исключительно впечатлительнаго ума, но какъ достояніе цѣлыхъ группъ народа, въ такомъ обществѣ задача, подготовленная жизнью и сформулированная въ идеѣ, достигла уже такой степени развитія, что появляется вопросъ о наиболѣе соотвѣтственномъ разрѣшеніи возникшей задачи. Иначе бываетъ въ странѣ, въ которой едва начали накопляться вещественныя условія, гдѣ-то вызвавшія къ жизни разсматриваемую идею, какъ формулировку своихъ стремленій. Но идея все-таки проникаетъ и въ такія общества и начинаетъ тамъ дѣйствовать на умы и сердца людей. Она приноситъ съ собой результаты чужого историческаго опыта и, разумѣется, не можетъ остаться безъ воздѣйствія, особенно если въ другой странѣ дождалась полнаго или хотя бы даже частичнаго осуществленія и на дѣлѣ доказала свою пользу, или если въ данномъ обществѣ, въ которое проникла, существуютъ уже соотвѣтственные матеріальные элементы, не успѣвшіе лишь еще высказать свои стремленія.

Въ нашей статьѣ мы займемся изслѣдованіемъ такого воздѣйствія идеи, возникшей изъ фактовъ жизни въ одной странѣ и проникшей въ другія, въ которыхъ развитіе матеріальныхъ условій общественнаго быта не подвинулось настолько, чтобы дать самостоятельно начало данной идеи.

II.

Исторія средневѣковой Европы доставляетъ намъ очень наглядный и характерный примѣръ вліянія, какое можетъ имѣть

на ходъ событій извѣстная идея, возникшая въ совершенно другомъ мѣстѣ.

Мы имѣемъ въ виду распространеніе памятниковъ римскаго права и популяризацію юридическихъ понятій, содержащихся въ этихъ произведеніяхъ античнаго міра. Мы уже касались этого вопроса въ нашей предъидущей статьѣ. Теперь намъ придется повторить приведенные тамъ факты, давъ имъ другое освѣщеніе.

Мы знаемъ уже, что средневѣковые бурги возникли изъ общиннаго строя, изъ котораго медленно образовались муниципальныя, т. е. городскія учрежденія. Старый обычай тяготѣлъ надъ личной инициативой жителей первоначальнаго бурга, налагая ограниченія на свободную дѣятельность гражданъ: онъ не позволялъ имъ распоряжаться самовольно своей собственностью и подчинялъ интересы отдѣльной личности интересамъ возникающей городской общины.

Нельзя было продавать земли, не получивъ на то согласія сосѣдей или, по крайней мѣрѣ, всѣхъ членовъ рода. И даже продажа продуктовъ собственнаго труда не была свободна: гончаръ, колесникъ и другіе не могли высылать произведенныхъ предметовъ изъ предѣловъ общины, пока сосѣди не заявили, что данный продуктъ имъ не нуженъ. Случалось, что даже когда предметъ былъ уже проданъ и удовлетворены всѣ требованія общинныхъ устоевъ, даже тогда какой-нибудь общинникъ могъ догнать покупщика и, возвративъ уплаченныя деньги, отобрать проданный продуктъ—въ предѣлахъ общинной территоріи. Движимая собственность была незначительна и состояла исключительно изъ оружія, домашней утвари, одежды и украшеній. Обычай опредѣлялъ, сколько каждый изъ наслѣдниковъ долженъ получить изъ имѣнія, оставшагося отъ родителей или родственниковъ. Существовала мужская и женская собственность, и состояла каждая изъ разныхъ предметовъ: дѣвушки не имѣли доли въ имѣніи, которое могло переходить въ мужской линіи; мужчины же ничего не получали изъ того, что подлежало женскому вѣдомству.

Однимъ словомъ, правовой строй, свойственный германскимъ народамъ, почти каждой мелочью разнился отъ среды, въ которой мы рождаемся и живемъ теперь. Отношенія и понятія, родственныя нашимъ воззрѣніямъ, возникаютъ лишь съ появленіемъ бурговъ и развитіемъ правильныхъ и систематическихъ торговъ, подъ прикрытіемъ городскихъ стѣнъ. Новый юридическій режимъ въ началѣ не выходитъ за предѣлы бурговъ и лишь въ позднѣйшее время распространяется дальше и дальше, по мѣрѣ того, какъ обмѣнъ продуктовъ начинаетъ соединять между

собой отдѣльные города. «Право купеческое» становится мало-по-малу всеобщимъ учрежденіемъ. Земля въ городахъ и тѣмъ паче движимые продукты освобождаются отъ стѣсненій, которымъ когда-то подлежали, когда авторитетъ общинныхъ устоевъ еще былъ во всемъ своемъ могуществѣ. Появляется личная свобода. По мѣрѣ возникновенія движимой собственности и все болѣе возрастающаго ея значенія по отношенію въ недвижимой, не древній обычай, но воля умирающаго опредѣляетъ, кому изъ дѣтей и сколько достается наслѣдства, дѣвушки получаютъ одинаковое право съ сыновьями въ наслѣдствѣ, оставшемся послѣ смерти отца, вмѣсто отчужденія собственности мужа и жены возникаетъ общность ея. Мало-по-малу созрѣваетъ новый строй правовыхъ понятій и учрежденій, отражающій въ себѣ требованія и послѣдствія свободной купли-продажи. Изо дня въ день, подъ безпрестаннымъ дѣйствіемъ новыхъ вещественныхъ отношеній, жители бурговъ убѣждались въ несоотвѣтствіи и даже противорѣчіи, которыя существовали между древнимъ правовымъ режимомъ и возникающими потребностями повседневной жизни и, замѣтивъ этотъ диссонансъ, искали средствъ разрѣшить его и устранить. Слѣдуя указаніямъ будничной жизни и руководясь эмпирическимъ опытомъ, города формулируютъ свои правовыя потребности и стараются запастись покровительствомъ верховной власти, т. е. получить подтвержденіе монарховъ и князей для новаго юридическаго строя. Грамоты уже въ XII и XIII вѣкахъ служатъ опорой для городскихъ правовыхъ учрежденій противъ притязаній общинныхъ устоевъ. Онѣ относятся къ самымъ разнообразнымъ сторонамъ будничной жизни: признаютъ свободную куплю-продажу, т. е. *jus utendi et abutendi* собственностью, право составлять завѣщанія и т. д. Прогрессивное теченіе жизни создаетъ антагонизмы между обычаями отцовъ и дѣдовъ и воззрѣніями дѣтей и внуковъ, живущихъ въ средѣ новыхъ производительныхъ силъ. Появляется сначала грубое и неловкое, затѣмъ все болѣе и болѣе утонченное умѣніе оперировать понятіями о движимомъ и недвижимомъ имуществѣ, объ имѣніи, добытомъ собственнымъ трудомъ или по наслѣдству, возникаетъ учрежденіе опеки надъ несовершеннолѣтними и право женщинъ наслѣдовать, совершенствуется право личное и новое семейное, вещественное и наслѣдственное.

Города мало-по-малу пробиваютъ дорогу не только для новыхъ запросовъ жизни, но и для новыхъ правовыхъ воззрѣній, и ищутъ формулировки и кодификаціи возникшихъ потребностей. Но воплощеніе въ жизни новыхъ понятій происходитъ слишкомъ медленно. Нравственные инстинкты, воспитанные въ атмосферѣ

древнихъ германскихъ, общинныхъ устоевъ, ропщутъ противъ новыхъ стремленій, не признаютъ ростовщичества легальнымъ и нравственнымъ учрежденіемъ, требуютъ, чтобы правамъ родственниковъ или сосѣдей были подчинены интересы отдѣльной освобождающейся отъ всякой солидарности со своими личности, и чтобы произволу личнаго хищничества была поставлена преграда.

Открытіе памятниковъ римскаго права (распространяется оно въ Германіи въ XV и XVI вѣкахъ) сильно способствуетъ окончательной побѣдѣ новыхъ стремленій и новыхъ воззрѣній. Являясь произведеніемъ обмѣна и возникши изъ свободной купли-продажи, римское право формулировало вразумительнымъ, краткимъ, но сильнымъ языкомъ и разработало какъ разъ тѣ же самыя правовыя положенія, по направленію которыхъ все развитіе средневѣковыхъ городовъ подвигалось, при посредствѣ рефлективнаго, стихійнаго, не координированнаго опыта будничной жизни. Все то, что слѣдовало шагъ за шагомъ высказывать и защищать, исправлять и измѣнять, все это ужъ было изложено систематически и заключалось въ кодексѣ. Средневѣковые города какъ будто получали безплатный подарокъ, освобождающій существующее поколѣніе отъ поисковъ за наиболѣе подходящимъ разрѣшеніемъ мелкихъ, независящихъ одинъ отъ другого запросовъ жизни и одновременно отъ хлопотъ искать оплота и защиты для пріобрѣтенныхъ результатовъ. Развитіе правовыхъ учрежденій можетъ теперь подвигаться свободнѣе, такъ какъ дорога уже указана и очищена. Римскій кодексъ пользуется авторитетомъ вѣковой премудрости и величія Рима. Благодаря этому, онъ способствуетъ скорѣйшей побѣдѣ новаго строя, противоставляя германской старинѣ другую, еще болѣе древнюю и славную. Находя поддержку среди заинтересованныхъ группъ городского населенія, римское право распространяется не только тамъ, гдѣ вещественныя условія благопріятствовали возникновенію такого рода правовыхъ понятій, но завоевываетъ и дальнѣйшія полосы феодальнаго строя. Германскіе консерватисты жалуются, что римскій кодексъ уничтожилъ повсемѣстно древніе германскіе обычаи. Дѣйствительно, мы видимъ наглядно, что опытъ минувшихъ дней, разработанный и координированный въ сводѣ правъ, выступаетъ какъ вліятельный историческій факторъ, и, уничтожая общинные устои, сразу пробиваетъ дорогу для развитія новыхъ правовыхъ учрежденій. Онъ разрушаетъ не только существующія, но и будущія преграды, иными словами—ускоряетъ возникновеніе новыхъ вещественныхъ условій и съ ними новыхъ потребностей.

Если бы средневѣковая Европа не нашла источниковъ рим-

скаго права, ея развитіе, быть можетъ, запоздало бы на нѣсколько вѣковъ и, запоздавши, пошло бы отчасти иначе.

* * *

Римскій кодексъ осуществилъ въ себѣ и воплотилъ извѣстную идею, которая во времена античныя появилась, какъ формулировка требованій будничной жизни, возникшихъ вполнѣ стихійнымъ образомъ. Но оторванная отъ родной почвы, на которой выросла, и пересаженная въ совершенно другую среду, эта идея принимаетъ соотвѣтственно другой характеръ. На мѣстѣ своего возникновенія она была произведеніемъ фактовъ и *только* фактовъ, т. е. отразила въ своемъ содержаніи запросы тогдашней жизни, разрѣшила задачу, созрѣвшую стихійно. По отношенію къ этимъ фактамъ она была *тамъ* вторичнымъ, производнымъ явленіемъ. Послѣ молчанія въ теченіе многихъ столѣтій, она снова появляется какъ историческій факторъ, но уже какъ самостоятельный, первичный факторъ, который *предупредилъ* своимъ появленіемъ факты жизни, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, и ускорилъ ихъ возникновеніе.

Такимъ же точно образомъ дѣйствуетъ всякая другая идея, возникшая въ данномъ мѣстѣ и распространившаяся отсюда въ другія общества. Разумѣется, подчеркивая такое ея вліяніе, мы вовсе не желаемъ сказать, чтобы она была всесильна и могла создать новыя общественныя формы изъ ничего. Мы стремимся показать, что такая, пришедшая изъ чужбины идея способствуетъ скорѣйшему сознанію того, что существуетъ, еще не сознавая себя, хотя матеріальныя условія уже достаточно зрѣлы; что стремленіямъ еще разрозненнымъ и не развившимся она указываетъ способы дѣйствія; словомъ, что такъ или иначе она вліяетъ на ходъ событій, которыя безъ ея дѣйствія, можетъ быть, потекли бы по другому руслу.

Извѣстная идея можетъ проникнуть иногда въ страны, въ которыхъ соотвѣтственныя, матеріальныя отношенія находятся еще въ очень неразвитомъ состояніи. Тамъ она вызываетъ къ жизни движенія, заслуживающія вниманія по своему характеру.

Общественныя стремленія, бывшія гдѣ-то произведеніемъ фактовъ, т. е. выраженіемъ широко распространенныхъ потребностей, привлекаютъ къ себѣ, въ такомъ неразвитомъ обществѣ, впечатлительныя, нервныя натуры, которыя алчно поглощаютъ «заморскую» правду и, поглотивъ скоро, еще скорѣе бросаютъ, чтобы поискать другое идейное блюдо, болѣе модное и новое. Движеніемъ руководитъ тамъ не общественная необходимость, которая домогается въ извѣстномъ духѣ реформъ, не реальная жизнь требуетъ

разрѣшенія созрѣвшей и настоятельной задачи, но какой-то инстинктъ заставляетъ людей волноваться—инстинктъ поглощенія чего-то новаго, наркотическаго. Движеніе, которое гдѣ-то охватываетъ широкія группы народа, переиначивается и становится просто своего рода забавой. Появляются типы «рыцарей на часъ»—сегодня человѣкъ прислушивается къ броженію умовъ на Западѣ и думаетъ основывать фаланстеры, завтра ѣдетъ освобождать Болгарію отъ ига турковъ, зато вскорѣ же, гдѣ-нибудь на окраинѣ, начинаетъ насаждать культуру кулака. По крайней мѣрѣ, такіе типы составляютъ громадный процентъ среди умовъ, воспринявшихъ идею, которая проникла изъ мѣста нормальнаго своего появленія въ менѣе развитую страну.

Разумѣется, есть тамъ и солидные представители: небольшая кучка дѣйствительныхъ идеологовъ. Ихъ впечатлительный умъ, познакомившись съ извѣстной идеей, остается ей вѣренъ. Идеологи эти, умно направляя свои силы, составляютъ авангардъ арміи, которая въ будущемъ возникнетъ, по мѣрѣ созрѣванія соотвѣтственныхъ вещественныхъ отношеній, или, если такія отношенія уже существуютъ, по мѣрѣ сознанія ими своей роли. Въ передовыхъ странахъ, въ которыхъ идея возникла самостоятельно, какъ отраженіе фактовъ тамошней жизни, какъ формулировка выдвинутыхъ мѣстнымъ развитіемъ задачъ, такой штабъ руководителей выходитъ изъ среды соотвѣтственнаго класса; онъ сознаетъ свое происхожденіе и задачи, равно какъ и связь своихъ идейныхъ стремленій съ запросами реальной жизни. Ихъ дѣятельность представляетъ идейную работу въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, но работу, которая имѣетъ корни въ дѣйствительности. При случаѣ, они открыто заявятъ, какъ сдѣлали англійскіе чартисты, что для нихъ идейный вопросъ это вопросъ ложки и вилки. Иначе въ запоздалой странѣ. Идеологи, появившись подъ вліяніемъ идеи, пришедшей извнѣ, черпаютъ силу своихъ убѣжденій не въ сознаніи обидъ и несправедливостей, которыя перенесли они сами или ихъ близкіе, но въ соціальныхъ инстинктахъ своей души и въ рвеніи, которымъ ихъ сердце проникнуто. Они склонны смотрѣть на идею, которая внѣдрилась въ ихъ умъ, какъ на продуктъ, не зависящій отъ матеріальныхъ условій, и съ пренебреженіемъ относятся къ суровой, окружающей дѣйствительности, иногда противорѣчащей ихъ честнѣйшимъ стремленіямъ. Они переносятъ свой собственный душевный опытъ на весь общественный строй: они сами вѣдь сдѣлались апостолами данной идеи вопреки собственному матеріальному интересу, равно какъ и интересу соціальной группы, къ какой принадлежатъ по рожденію. Точно

также могутъ и должны поступить всѣ другіе,—необходимы лишь пророки, которые умѣли бы «глаголомъ жечь сердца людей». Подъ ихъ легкой, оторванной отъ дѣйствительности рукой, идея утрачиваетъ свой классовой характеръ, въ какомъ появилась въ міръ божій въ родной странѣ, перестаетъ быть выраженіемъ чьихъ-то реальныхъ, будничныхъ интересовъ, и лишается всего историческаго мяса. Она становится какъ бы безтѣлеснымъ, эфирнымъ произведеніемъ, созданіемъ «критической мысли» и провозглашеніемъ «абсолютной» справедливости. Идеологъ, лишенный реальной почвы подъ ногами, отъ фактовъ жизни обращается къ этикѣ и логикѣ, отъ жизни къ идеѣ, отъ дѣйствительности къ утопіи. Вмѣсто того, чтобы изслѣдовать объективныя условія развитія общества, онъ чинитъ судъ надъ прошедшимъ и настоящимъ: раздираетъ ризы свои, когда говоритъ о «несправедливости», и проливаетъ слезы умиленія, нашедши честныя дѣла, иначе—аршиномъ своихъ симпатій мѣритъ факты. Появляется «субъективная соціологія»—соціологія честныхъ порывовъ, хорошихъ пожеланій, трепетовъ самоотверженія, но не очень глубокаго пониманія пружинъ исторической жизни.

Такое состояніе длится короче или дольше, до тѣхъ поръ, пока жизнь не произведетъ соотвѣтственныхъ и матеріальныхъ условій и не дастъ идеологамъ практической работы, отвѣчающей ихъ стремленіямъ, и изъ поднебесья метафизики не низведетъ ихъ на землю.

Чаще, однако, жизнь горько подшучиваетъ надъ ними.

Передовому авангарду въ запоздалой странѣ предстоитъ великая задача—очистки среды отъ историческихъ предразсудковъ. Работа эта, по существу своему, отрицательная. Но идеологъ этимъ не довольствуется, онъ жаждетъ положительныхъ результатовъ и стремится къ воплощенію своихъ идеаловъ. Онъ не замѣчаетъ, какъ постепенно становится представителемъ стремленій и защитникомъ классовъ, несущихъ совсѣмъ другое будущее, нежели то, о какомъ онъ мечталъ. Изъ борца за «народъ», напр., онъ дѣлается подчасъ просто идеологомъ мелкой буржуазіи.

III.

Смотря по времени, идеи распространяются неодинаково. Есть эпохи, когда онѣ обречены на жизнь въ узкомъ кругу родной среды, въ которой возникли.

Сфера ихъ дѣйствія зависитъ отъ историческихъ условій.

Разберемъ еще разъ средніе вѣка.

Мѣстная автономія составляетъ отличительную черту вѣковъ XI—XIII и даже XIV и XV. Обмѣнъ продуктовъ соединилъ города между собою уже въ болѣе поздній періодъ средневѣковой исторіи. Вначалѣ каждый бургъ вполнѣ самостоятеленъ экономически и удовлетворяетъ потребностямъ горожанъ мѣстными продуктами. И его общественная жизнь представляетъ замкнутое цѣлое: стремленія, волнующія въ немъ умы, отличаются мѣстнымъ характеромъ, задачи, требующія разрѣшенія, не выходятъ за предѣлы родного уголка. Общественное развитіе бурговъ вездѣ подвигается въ томъ же самомъ направленіи и вездѣ вызываетъ къ жизни тѣ же запросы: пришельцы, по отношенію къ представителямъ первоначальной сельской общины, вездѣ становятся все многочисленнѣе и зажиточнѣе, въ ихъ рукахъ сосредоточивается ремесло и богатство, между тѣмъ какъ муниципальными дѣлами завѣдываютъ роды патриціевъ и самовольно распоряжаются городской казной. Возникаетъ антагонизмъ, который, какъ мы уже знаемъ, составляетъ суть средневѣковой муниципальной исторіи: плебеи, организованные въ цехи, борются противъ привилегій патриціевъ. Въ каждомъ изъ городовъ, который возвышается надъ другими благодаря торговлѣ, появляются тѣ же движенія, требующія введенія болѣе соотвѣтственнаго правового режима, чѣмъ древне-германскій обычай. Горожане разрѣшаютъ появляющіяся задачи, пользуясь вездѣ тѣми же самыми учрежденіями, какъ орудіями борьбы. Но вслѣдствіе взаимной отчужденности такихъ центровъ прогрессивнаго развитія, антагонизмъ и вся общественная эволюція идутъ въ каждомъ городѣ самостоятельно. Нѣтъ взаимной зависимости и взаимнаго воздѣйствія. Тотъ фактъ, что въ какомъ-то бургѣ разрѣшили уже извѣстную задачу и пріобрѣли историческій опытъ, не вліяетъ на событія въ другомъ мѣстѣ.

Разрѣшеніе возникшихъ стремленій происходитъ самостоятельно во многихъ пунктахъ, и люди дѣйствуютъ очень часто, не пользуясь опытомъ жителей другого города.

Разумѣется, мы вовсе не намѣрены утверждать, чтобы каждый городъ довольствовался и жилъ лишь собственнымъ умомъ. Нѣтъ!

Даже въ вѣкахъ XIII и XIV, не смотря на всю автономію тогдашнихъ центровъ ремесленной продукціи, идея, возникшая въ одномъ бургѣ, оказываетъ дѣйствіе на жителей сосѣднихъ городовъ. Плебеи какого-нибудь бурга, убѣдившись на опытѣ въ значеніи цехового строя и создавши идею равноправности всѣхъ горожанъ, указываютъ товарищамъ, проживающимъ въ другомъ промышленномъ центрѣ, наиболѣе соотвѣтственные способы дѣй-

ствія, и наиболѣе пригодныя орудія борьбы. Города, основанные въ болѣе позднее время или развивающіеся медленнѣе, получаютъ уже напередъ готовую схему стремленій и требованій, средствъ и способовъ дѣйствія. Идеи эти, проникши въ городъ, въ которомъ уже, въ стихійномъ, механическомъ воздѣйствіи личныхъ интересовъ, накопились соотвѣтственныя вещественныя условія, еще не сознающія своей исторической задачи, — пробуждаютъ сознательное отношеніе къ запросамъ жизни и ускоряютъ появленіе новыхъ общественныхъ учрежденій. Тотъ же историческій опытъ, сдѣлавшись достояніемъ патриціевъ, учитъ ихъ, какъ слѣдуетъ противодѣйствовать пробужденію сознательнаго классоваго интереса среди плебеевъ... Во всякомъ случаѣ, въ самостоятельный центръ прогрессивнаго развитія врываются указанія эмпиріи, добытыя гдѣ-то на чужбинѣ; проникнувъ сюда, онѣ выступаютъ какъ самостоятельный историческій факторъ, вліяющій на дальнѣйшій ходъ событій,—факторъ первичный. Данная группа борющихся интересовъ получаетъ результаты чужого опыта. Все дѣло въ томъ, что такое воздѣйствіе болѣе развитыхъ центровъ жизни на запоздалые было въ теченіе среднихъ вѣковъ очень незначительно и случалось рѣдко, вслѣдствіе недостатка путей сообщенія и излишка автономіи отдѣльныхъ городовъ. Это правда. Но вліяніе это не было велико и сильно, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока обмѣнъ между городами продуктовъ не принялъ достаточно большихъ размѣровъ. Соотвѣтственно съ такимъ мѣстнымъ характеромъ жизни, и сфера историческаго вліянія, доступная отдѣльной личности, была узка и тѣсна. Кто-то въ данномъ городѣ высказалъ новую идею, готовый сложить свою буйную голову, защищая и распространяя свои убѣжденія. Не смотря на то, что, можетъ быть, онъ обладалъ громаднѣйшими умственными способностями и отличался силой духа, энергіей и умѣньемъ вліять на людей, все-таки жизнь его проходила безслѣдно, убитая мелкими уколами враговъ и среди незначительныхъ надъ ними побѣдъ, въ кругу нѣсколькихъ тысячъ гражданъ. Имя его было неизвѣстно внѣ предѣловъ родного города и память о немъ вскорѣ исчезала. Онъ сгоралъ, какъ свѣча въ тѣсномъ уголку, не способная разсѣять мрака на болѣе далекомъ пространствѣ. И кругъ вліянія, и значеніе самоотверженныхъ поступковъ, и дѣйствіе, которое могли оказать творческіе умы, стремящіеся найти разрѣшеніе для запросовъ жизни, наконецъ, широта пользованія чужимъ опытомъ,—все это было такъ же узко и замкнуто, какъ домики бурговъ, поднимающіеся на высоту трехъ и четырехъ этажей, но шириной всего въ одно или два окна.

Раздробленіе и разрозненность человѣческихъ стремленій и самостоятельная постановка задачъ въ отдѣльныхъ центрахъ жизни происходили вслѣдствіе взаимной экономической независимости бурговъ.

Такое воздѣйствіе одного историческаго центра, прогрессивнаго, на другіе, запоздавшіе въ своемъ развитіи, увеличивается по мѣрѣ того, какъ обмѣнъ товаровъ распространяется въ обществѣ. Между городами, нѣкогда вполнѣ самостоятельными въ экономическомъ и, слѣдовательно, историческомъ отношеніи, возникаетъ все болѣе густая и многочисленная сѣть путей сообщенія, обмѣнъ товаровъ обнимаетъ все болѣе широкія пространства, и, параллельно съ этимъ развитіемъ, распространеніе идей становится интенсивнѣе.

Мы не будемъ изслѣдовывать, шагъ за шагомъ, этого прогресса, но разберемъ лишь послѣднее звено, именно отношенія, свойственныя новѣйшимъ обществамъ.

Государство составляетъ по виду вполнѣ самостоятельное и замкнутоее политическое цѣлое, народъ же—культурное. Но ни первое, ни второй не обладаютъ теперь экономическою независимостью. Международное раздѣленіе труда уничтожило ее. Каждый изъ насъ связанъ неосязательнымъ, но крѣпчайшимъ образомъ съ отдаленнѣйшими странами и отвѣчаетъ постоянно за чужіе грѣхи. Гдѣ-то, на другомъ полушаріи, улучшили технику перевозки мяса и масла, продукты эти въ громадномъ количествѣ изъ Америки и Австраліи привозятся въ Европу, вызываютъ пониженіе цѣнъ на рынкахъ нашей части свѣта и уничтожаютъ благосостояніе европейскихъ земледѣльцевъ. Фабрики хлопчато-бумажныхъ издѣлій въ какой-то странѣ произвели слишкомъ много товара, рынокъ переполненъ, возникаетъ кризисъ, и тысячи ткачей въ Лодзи и Москвѣ лишаются всякаго заработка. И куда бы мы ни посмотрѣли, какія бы стороны жизни ни изслѣдовали, мы найдемъ вездѣ тѣ же самыя картины. Международное раздѣленіе труда распространяется все шире и шире и соединяетъ между собой отдаленнѣйшія мѣста. Параллельно съ этимъ развитіемъ увеличивается идейное воздѣйствіе одной страны на другую. Отдѣльная страна теряетъ свою экономическую и даже историческую самостоятельность. Напр., Англія среди народовъ земного шара представляетъ какъ будто громаднѣйшій городъ, получающій извнѣ сырые и съѣстные припасы и отдающій взамѣнъ фабричныя издѣлія. Всякій перерывъ обмѣна продуктовъ вызвалъ бы въ этой странѣ большія бѣдствія. Желѣзныя дороги, почты и телеграфы, срочные транзакціи и международный обмѣнъ векселей,—все это лишь

видимыя, осязательныя проявленія возрастающей съ каждымъ днемъ взаимной зависимости между отдаленными странами. Надъ культурной жизнью народовъ, надъ политическими стремленіями государствъ, экономическая, стихійно-созрѣвающая организація воздвигаетъ свое зданіе и мало-по-малу соединяетъ государства и народы въ организмъ высшаго разряда—въ организмъ международнаго раздѣленія труда и международнаго обмѣна. Страны становятся лишь провинціями этого болѣе широкаго общественнаго отношенія, просто даже новаго международнаго общества.

И послѣднее все увеличивается съ теченіемъ времени. Лѣтъ десять тому назадъ, только въ видѣ исключенія, мы могли встрѣтить въ политическомъ отдѣлѣ газетъ извѣстія, относящіяся къ Африкѣ или Японіи. Теперь страны эти не сходятъ съ газетныхъ столбцовъ, имѣя тамъ свою спеціальную рубрику. Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, и желѣзныя дороги избороздятъ Азію и Африку, сѣть морскихъ телеграфическихъ проволокъ возрастетъ и количество пароходныхъ линій увеличится,—и весь земной шаръ будетъ составлять сплошной организмъ раздѣленія труда.

Вмѣстѣ съ развитіемъ взаимной зависимости, обмѣнъ продуктовъ становится не только шире, но и интенсивнѣе, и подвижнѣе. Мертвый продуктъ нашей усидчивости и умѣнья уходить все въ болѣе отдаленныя страны. И его примѣру слѣдуютъ безчисленныя толпы людей, покидающія родной уголокъ и ищущія счастья за тридевять земель. Великое переселеніе племенъ осталось навсегда на страницахъ исторіи индо-германскихъ народовъ. Но, что касается его размѣровъ, оно ничтожно въ сравненіи съ величиной теперешней эмиграціи, когда нѣсколько сотъ тысячъ людей оставляютъ ежегодно старую Европу и уходятъ за океанъ.

Точно также интенсивнѣе распространяются и идеи. Новое требованіе, высказанное въ какой-нибудь странѣ, вскорѣ проникаетъ въ самыя отдаленныя захолустья международнаго общества. Достаточно будетъ указать на скорость, съ какой распространилась идея Генриха Джорджа о націонализаціи земли. Простой, но оригинальный и даровитый наборщикъ, совершенно незнакомый съ исторіей развитія экономическихъ доктринъ, высказалъ теорію, въ которой обобщилъ факты и явленія соціальной жизни въ Соединенныхъ Штатахъ, особенно же въ Калифорніи. Теорія его была лишь воспроизведеніемъ физіократическаго ученія, но отличалась радикально-практическими требованіями. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ она распространилась широко и вызвала къ жизни движеніе къ націонализаціи земли. (Говоря о Джорджѣ, мы оставляемъ въ сторонѣ научную стоимость его доктрины, по

нашему мнѣнію, очень ничтожную, но занимаемся лишь механизмомъ ея воздѣйствія).

Также точно дѣло происходитъ и въ другихъ случаяхъ. Благодаря взаимной зависимости, идея, возникшая въ какой-нибудь провинціи международнаго организма, т.е. въ странѣ, въ которой вещественнныя отношенія созрѣли надлежащимъ образомъ, проникаетъ въ другія части этого общества и становится факторомъ дальнѣшаго развитія. Широта и интенсивность мѣстной иниціативы и личнаго почина возрастаютъ. Джоржъ, родившись въ средневѣковомъ бургѣ, повліялъ бы на нѣсколько тысячъ согражданъ родного города. Въ наши дни онъ оказалъ вліяніе на далекія страны. Когда-то геній погибалъ, связанный раздробленіемъ соціальныхъ условій и ихъ мѣстной автономіей, теперь же нерѣдко случается, что человѣкъ обыкновенныхъ, дюжинныхъ способностей можетъ оказать громадное вліяніе, тѣмъ болѣе широкое, чѣмъ интенсивнѣе обмѣнъ продуктовъ.

Страну, которая развивается медленно, просто наводняютъ иностранныя идеи, т. е. чужой историческій опытъ. Можетъ быть, по недостатку соотвѣтственныхъ вещественныхъ условій, вліяніе ихъ ничтожно и поверхностно, но все-таки оно существуетъ. За то, если подходящіе матеріальные элементы, хотя бы и не сознающіе еще своей исторической задачи, уже явились, идея оказываетъ громаднѣйшее вліяніе, она дѣйствуетъ какъ важнѣйшій факторъ исторіи, организуетъ соціальную армію изъ людей, находящихся въ извѣстномъ общественномъ положеніи. Движеніе растетъ не по днямъ, а по часамъ. И даже когда данныя матеріальныя отношенія не обняли всей страны, но составляютъ лишь прогрессивную формацію среди экономическихъ устоевъ старины, даже тамъ идея, пришедшая извнѣ, вліяетъ также. Данный классъ, хотя малочисленный, пріобрѣтаетъ значеніе, по своей величинѣ, не сообразное съ его размѣрами: онъ становится выразителемъ требованій, которыя гдѣ-то доказали свою практическую способность и, быть можетъ, уже начали преобразовывать общественный строй. Выдвинутая проникшей извнѣ идеей группа— только авангардъ большой международной арміи, авангардъ, который въ запоздалой странѣ выступаетъ, пользуясь авторитетомъ своихъ международныхъ собратьевъ.

Все равно, какую идею ни возьмемъ, прогрессивную или ретроградную—механизмъ воздѣйствія тотъ же. Идея, какъ удачно выразился Энгельсъ, становится сама матеріальной, вещественной силой, коль скоро овладѣетъ умами людей. Движеніе, которое начало развиваться въ какой-нибудь запоздалой странѣ, не только производитъ

въ обществѣ такую матеріальную силу, воплощенную въ умахъ людей, но еще даетъ ей размахъ и интенсивность гораздо большую, чѣмъ слѣдовало ожидать по ея размѣрамъ, снабжаетъ ее частью той силы, которая присуща аналогичнымъ стремленіямъ въ передовыхъ странахъ.

IV.

Говорятъ,—и съ такимъ мнѣніемъ встрѣчаешься часто,—что общественная жизнь новѣйшихъ временъ отличается не только бо̀льшимъ разнообразіемъ, но что она необыкновенно сложна. Возникло столько занятій и профессій, наука накопила столько знаній, духъ человѣческій пріобрѣлъ способность проявлять такія разнообразныя и утонченныя чувства, жизненная борьба такъ тяжела и требуетъ столько энергіи и находчивости! Въ будущемъ дѣла примутъ еще болѣе сложный характеръ. По мѣрѣ развитія цивилизаціи требованія жизни станутъ все тяжелѣе. Лишь ловкій и сильный пловецъ будетъ въ состояніи удержаться на волнахъ житейскаго моря и не потонуть въ омутѣ трудныхъ запросовъ жизни.

Факты эти истинны, хотя мы нѣсколько сомнительно относимся къ высказанному пророчеству насчетъ будущаго и думаемъ, что оно горько подшутитъ надъ пророками, которые изъ обычаевъ и явленій современнаго режима строютъ картины грядущаго. Но что бы ни говорили, мы должны сознаться, что ни одинъ изъ прошедшихъ періодовъ исторіи не требовалъ отъ человѣка такого расхода силъ и не держалъ всѣхъ его способностей въ такомъ напряженномъ состояніи. Эпохѣ натуральнаго хозяйства свойственны немногочисленныя потребности; къ тому же онѣ очень просты. Согласно съ этимъ, и проявленія человѣческаго духа очень примитивны и незамысловаты. Мелкое производство, составляющее необходимую основу этого періода экономической исторіи, укладывало всѣ характеры въ тотъ же шаблонъ и подавляло, такъ или иначе, всѣ инстинкты и всѣ влеченія, которыя не соотвѣтствовали тогдашнимъ условіямъ и препятствовали надлежащему исполненію задачъ будничной жизни. Художники слова неоднократно посвящали свои разсказы представленію печальной судьбы артистическихъ мальчугановъ, которымъ пришлось родиться въ крестьянской хатѣ. Мечтательныя натуры, порывающіяся отъ сельскихъ занятій въ волшебный міръ звуковъ и красокъ, всю жизнь свою сгибались подъ бременемъ отвратительныхъ для нихъ работъ. Раздѣленіе труда, совмѣстно съ

другими сторонами теперешней экономической жизни, создало запросъ на способности и таланты, которыя когда-то погибали безслѣдно по недостатку возможности ихъ приложенія. Проявленія человѣческаго духа сдѣлались болѣе сложными не только потому, что нашъ психическій организмъ измѣнился, но просто по той причинѣ, что зародыши, дремлющіе въ глубинѣ нашего естества, увядали безплодно во времена натуральнаго хозяйства, такъ точно, какъ погибаетъ слабый цвѣтокъ среди лопуха и крапивы. Но въ нашу эпоху матеріальная основа общественнаго быта разрослась разносторонне и широко, усложнилась и сдѣлалась разнообразной, и вмѣстѣ съ тѣмъ представители человѣческаго рода, занимающіе различные посты, пріобрѣтаютъ болѣе сложную и заманчивую физіономію, какъ восковая бумага, подъ которую мы подложили замысловатый рисунокъ. Мало того! Развитіе производительныхъ силъ, которымъ слишкомъ тѣсно въ оковахъ индивидуальнаго режима, вызываетъ постоянное перепроизводство товаровъ, знаній и людей, создаетъ конкурренцію и взаимную жизненную борьбу, принуждаетъ всѣ наши способности къ лихорадочной и разстраивающей дѣятельности, нездоровымъ распредѣленіемъ общественныхъ правъ и общественныхъ обязанностей и негигіеническими условіями жизни и труда уродуетъ и калѣчитъ нашъ духъ. Взаимное и всеобщее соревнованіе дало начало очень сложному строю жизненныхъ условій; матеріально-соціальныя силы, вызванныя изъ небытія человѣческой рукой, становятся «желѣзными законами» природы, несутъ съ собой бѣдствія и всегда въ своихъ нѣдрахъ скрываютъ возможность личнаго несчастія. Все это отражается въ человѣческомъ существѣ и усложняетъ его—иногда дѣйствительнымъ, иногда только мнимымъ образомъ.

Не смотря, однако, на такое разнообразіе и сложную структуру психическихъ отправленій, общественный строй теперь проще, чѣмъ былъ нѣкогда. Наше мнѣніе можетъ показаться читателю парадоксомъ, но мы все-таки думаемъ, что оно согласно съ дѣйствительностью. Структура теперешней жизни проще. Это значитъ: общественныя отношенія отличаются однообразіемъ на значительномъ пространствѣ, причемъ такое однообразіе все возрастаетъ. Эта черта новѣйшаго общества обнаруживается уже при самомъ поверхностномъ анализѣ. Достаточно будетъ сопоставить прошлыя отношенія съ отношеніями, свойственными нашей цивилизаціи, и мы сразу поймемъ, какъ значительно и велико это однообразіе. Вмѣсто пестроты костюмовъ, различныхъ обычаевъ, даже блюдъ, распространяется все бо̀льшій шаблонъ. Изъ оконъ поѣзда, который мчитъ насъ поперекъ мѣстности, не потерявшей еще своей отличительной

физіономіи, мы можемъ удобно наблюдать это нашествіе общественнаго однообразія и упадокъ мѣстныхъ прадѣдовскихъ устоевъ. Вдали на горизонтѣ мы видимъ крестьянскія избы особенной архитектуры, глазъ останавливается на селянинѣ, одѣтомъ въ мѣстный костюмъ, ухо можетъ подхватить звуки народной мелодіи. Но вблизи станціи уже господствуетъ типъ архитектуры, который повторяется отъ одного конца международной территоріи до другого, шляпы и покрой платья тѣ же, шарманка вездѣ играетъ тѣ же мелодіи изъ вульгарной оперетки. Мы наталкиваемся постоянно на такое явленіе! Большіе города составляютъ центръ новой эпохи—однообразныхъ отношеній и однообразнаго способа жизни. Желѣзныя дороги служатъ артеріями, по которымъ новая культура, городская, по существу своему космополитическая, распространяется вдоль и поперекъ прежнихъ культурныхъ, національныхъ организмовъ.

Такое паденіе стародавняго разнообразія показываетъ, что въ нѣдрахъ соціальной жизни происходятъ и произошли глубокія перемѣны. Свободная конкурренція создала громадныя производительныя силы, важнѣйшая характеристическая черта которыхъ это концентрація и централизація. Сосредоточеніе орудій труда въ вѣдѣніи того же капитала и соціализація самаго труда сдѣлались факторомъ развитія, всѣхъ послѣдствій котораго нашъ умъ не въ силахъ обнять сразу. Распространяясь, концентрація условій производства упрощаетъ общественныя отношенія. Путешественникъ, который прежде отправлялся изъ Петербурга въ Парижъ, вынужденъ былъ ѣхать въ дилижансѣ, тратилъ на поѣздку много времени и подвергался безчисленнымъ хлопотамъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, предпринимая то же самое путешествіе, онъ могъ воспользоваться прежнимъ опытомъ въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Теперь желѣзная дорога перевозитъ насъ въ двое сутокъ. Концентрація транспорта упростила всѣ условія поѣздки, и, находясь въ купэ, мы почти не замѣчаемъ, что отправляемся въ далекое путешествіе.

Или обратимся къ продукціи мяса въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ Чикаго, Омахѣ, Канзасъ-Сити и въ другихъ городахъ возникли громадные заводы, на которыхъ бьютъ милліоны рогатаго скота. Изо дня въ день, изъ степей, отдаленныхъ на тысячу и болѣе верстъ, пріѣзжаютъ сотни вагоновъ, везущихъ скотъ, и также точно отъѣзжаютъ многочисленные поѣзда, наполненные мясомъ и распредѣляющіе продуктъ по всѣмъ городамъ штатовъ. Этотъ промыселъ ведется въ такихъ широкихъ размѣрахъ, такъ упрощены всѣ задачи и такъ съорганизованы, что великая респуб-

лика Сѣверной Америки легче можетъ національзировать продукцію мяса, чѣмъ Берлинъ отдать ее въ вѣдомство городской думы.

И такія гигантскія фирмы распространяются во всѣхъ сферахъ производства, транспорта и обмѣна. Возрастающее однообразіе исходитъ изъ этого источника. Иногда оно обращается въ пошлѣйшій шаблонъ, хотя мы должны сдѣлать замѣчаніе, что это явленіе не столько происходитъ отъ концентраціи человѣческихъ стремленій, сколько отъ правовыхъ условій, при которыхъ оно дѣйствуетъ. Такое сосредоточіе и соціализація выдвигаютъ на первый планъ не отдѣльныя личности, но массы, т. е., какъ говоритъ теорія вѣроятностей, большія цифры.

Это обстоятельство создаетъ постоянство тамъ, гдѣ нѣкогда господствовали случай и своеволіе.

Если мы наблюдаемъ отдѣльную личность, мало намъ знакомую, мы никоимъ образомъ не сможемъ предвидѣть впередъ ея поведенія: можетъ быть, она кончитъ самоубійствомъ, но, можетъ статься, умретъ самымъ приличнымъ образомъ. Отдѣльная личность—это своеволіе и капризъ, которые не поддаются никакому предвидѣнію. Но дѣло принимаетъ сразу другой видъ, когда мы производимъ нашъ разсчетъ, исходя изъ массовыхъ цифръ. Статистика показала, что даже число поступковъ, по виду столь случайныхъ, какъ ошибки въ адресѣ на письмѣ или самоубійства, держится въ данномъ обществѣ извѣстнаго уровня, и если переступаетъ его, то все-таки тяготѣетъ къ нему, какъ къ своему центру. Намъ трудно было бы найти болѣе подходящій примѣръ, доказывающій, что общежитіемъ и его дѣятельностью руководятъ постоянство и правильность.

Концентрація создаетъ вездѣ группы и выдвигаетъ ихъ вмѣсто отдѣльныхъ личностей. Въ прежнія времена каждый ремесленникъ и каждый крестьянинъ жили самостоятельно, какъ «у Бога за пазухой», деревни и города составляли взаимно независимые центры жизни. Такое раздробленіе, въ сферѣ соціальныхъ силъ и соціальныхъ стремленій, производило безпредѣльную разрозненность и открывало широкое поприще для своеволія и случая, не поддающихся никакому обобщенію. Соціальныя силы, каждая приложенная къ безчисленному множеству самостоятельныхъ пунктовъ, уничтожались взаимно и уравновѣшивались другъ другомъ. Каждый изъ членовъ даннаго народа напоминалъ собой полипа, т. е., застрявъ на мѣстѣ рожденія, даже мысленно не выходилъ за предѣлы родной усадьбы. Онъ дѣйствовалъ и былъ орудіемъ историческаго развитія, но его стремленія сливались въ одно цѣ-

лое со стремленіями небольшой кучки непосредственныхъ сосѣдей. Новѣйшія времена разрушили такую неподвижность и раздробленіе, т. е. взаимное отчужденіе соціальныхъ факторовъ. Вмѣсто сотенъ и тысячъ ремесленниковъ, занимающихся промысломъ каждый въ другихъ условіяхъ, они создали фабрики, зависящія отъ одного и того же международнаго рынка, соединили эти единицы нашей цивилизаціи въ національные и даже международные синдикаты, на одномъ полюсѣ. На другомъ же онѣ произвели армію фабричныхъ рабочихъ.

Общественная жизнь каждаго народа, по мѣрѣ возрастающей промышленной концентраціи, становится все проще, такъ какъ вмѣсто множества независимыхъ группъ стремится къ созданію двухъ ярко обособленныхъ лагерей.

Прежде человѣкъ долженъ былъ разрѣшать чисто мѣстныя задачи при помощи мѣстныхъ же средствъ; теперь возникаютъ болѣе широкіе вопросы, относящіеся ко всему международному обществу, что однако не значитъ, чтобы вездѣ они были тожественны во всѣхъ своихъ подробностяхъ.

Объединеніе и однообразіе, концентрація и соціализація, тѣ же вездѣ вещественные элементы будничной и исторической жизни, тѣ же самыя задачи, тѣ же борющіяся силы и тѣ же орудія исторической развязки, наконецъ большія массы и большія цифры!

Такова отличительная черта общежитія Западной Европы, бросающаяся въ глаза при сравненіи нашей эпохи съ средними вѣками. И, живя въ такой обстановкѣ, мы сознали и убѣдились, что соціальнымъ развитіемъ руководятъ извѣстныя законы и что мы должны подчиняться ихъ дѣйствію. Въ эпоху раздробленія и взаимнаго отчужденія индивидуальныхъ стремленій, человѣку казалось, что его личная воля есть всесильный факторъ, способный въ каждое время преобразовывать общественныя учрежденія въ любомъ направленіи. Но индивидуальныя стремленія, перекрещиваясь другъ съ другомъ или дѣйствуя въ одномъ пунктѣ, не производили никакого результата.

Большія цифры доказали намъ, что изъ стихійныхъ влеченій могутъ возникать постоянныя и сознательныя стремленія.

Познакомившись съ ними, мы можемъ сознательно воздѣйствовать на ходъ общественнаго развитія, разумѣется, не въ каждомъ любомъ направленіи. Африканскій шаманъ имѣетъ противъ грома множество средствъ: амулеты, заклинанья, жертвы. Если бы мы сказали, что это явленіе природы происходитъ по неподлежащимъ измѣненію законамъ, то онъ, можетъ быть, разгнѣвавшись, сказалъ бы, что мы ограничиваемъ значеніе лично-

сти, низводимъ ее на уровень простого орудія, отрицаемъ вліяніе сознательной дѣятельности,—словомъ, наговорилъ бы намъ всякой чепухи, которую приходится очень часто слышать защитникамъ діалектическаго пониманія исторіи. Но наука, изслѣдовавъ природу электричества, нашла, что, дѣйствуя на основаніи ея законовъ, мы можемъ предупредить вредъ, причиняемый громомъ, т. е. поработить его и подчинить своему сознанію. То же самое относится и къ «законамъ» общественнаго развитія. Болѣе близкое знакомство съ историческимъ развитіемъ и уразумѣніе стихійнаго элемента не только не ограничиваетъ вліянія индивидуальной, личной дѣятельности, но, напротивъ, увеличиваетъ и укрѣпляетъ ее, такъ какъ освобождаетъ насъ отъ утопій, т. е. отъ безполезныхъ и напрасныхъ попытокъ. Наше пониманіе есть историческій *детерминизмъ*, но не *фатализмъ*. Для сидѣнія у моря, съ заложенными руками, и пассивнаго выжиданія погоды, здѣсь нѣтъ мѣста и быть не можетъ.

Сознаніе составляетъ одинъ изъ факторовъ историческаго развитія, вопросъ состоитъ лишь въ томъ, какъ это сознаніе появляется, т. е. изъ какихъ источниковъ черпаетъ оно свое содержаніе, и, затѣмъ, въ какомъ направленіи должно дѣйствовать на ходъ событій. Оно не создаетъ своевольно формъ общественнаго общежитія, но лишь осуществляетъ то, къ чему общество накопило всѣ требуемыя условія.

Людвикъ Кржвицкій.

---

* * *

Есть эпохи печалей, вѣка есть и годы,
О которыхъ историкъ, скорбя, говоритъ.
Мракъ угрюмѣй, душнѣй въ эти ночи невзгоды,
Но терновый вѣнецъ величавѣй горитъ!
Не о васъ я скорблю, зѳву чести послушныхъ,
Въ битвѣ съ ложью рѣшившихся жизнь положить:
Я печалюсь о насъ, о друзьяхъ малодушныхъ,
На руинахъ святыхъ остающихся жить.
Ахъ! все помнить, все видѣть... такъ явственно видѣть
Все, чтò, гордые, вы не хотѣли снести,
Безконечно любить, горячо ненавидѣть
И не чувствовать силы за вами идти—
Есть ли пытка страшнѣе?..

П. Я.

ЖИВАЯ ЖИЗНЬ.

Романъ въ 3-хъ частяхъ.

*(Продолженіе *).*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

V.

Прошло недѣли двѣ съ того воскресенья, когда совершилось постриженіе Лозовскаго. Однажды къ дому на Сергіевской подъѣхала извозчичья коляска, изъ нея вышелъ монахъ и направился во дворъ. Всѣ, встрѣчавшіе его на пути, останавливались и смотрѣли на него. Его блѣдное лицо съ прекрасными темными глазами, надъ которыми висѣли густыя ровныя брови, останавливало на себѣ вниманіе каждаго. Какой онъ молодой, этотъ монахъ! И какая-то глубокая, сосредоточенная дума у него въ газахъ.

Онъ вошелъ въ подъѣздъ и позвонилъ. Дома были только отецъ Серафимъ и Варя. Груня отправилась къ Глѣбу на Выборгскую сторону, такъ какъ иногда онъ давалъ урокъ ей у себя на квартирѣ. Ему открыла дверь Варя и, увидавъ его, отступила. Ничего новаго для нея не было въ томъ, что онъ явился въ длинной одеждѣ. Она видѣла, какъ при торжественной обстановкѣ ему одѣвали эту одежду. И съ тѣхъ поръ въ немъ ничто не измѣнилось, но въ лицѣ его, въ этихъ глазахъ, столько было спокойствія, какого-то внутренняго мира; онъ такъ не походилъ на прежняго Лозовскаго... У него теперь было лицо другое, совсѣмъ новое лицо, хотя черты его не измѣнились.

— Это вы, Григорій Евтихіевичъ? — машинально сказала она.

---

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

Онъ усмѣхнулся.

— Нѣтъ, это я—Гермогенъ.

Она смутилась и покраснѣла.

— Да, я совсѣмъ забыла.

Онъ протянулъ ей руку.

— Здравствуйте, а папа вашъ дома?

— Да, пожалуйста, войдите... Онъ давно васъ поджидаетъ.

И она, смущенная своей ошибкой, проводила его въ кабинетъ и сама ушла въ свою комнату.

Какое странное ощущеніе! Она много разъ видѣла семинаристовъ, прямо изъ сюртука переходившихъ въ рясу, но это было совсѣмъ не то. Это была перемѣна костюма, ничего другого они не мѣняли. Они женились и тотчасъ начинали заботиться объ устройствѣ жизни, объ увеличеніи средствъ, объ удовольствіи, и всѣ эти заботы отражались на ихъ лицахъ и какъ-то особенно оживляли ихъ. Въ этихъ лицахъ было что-то будничное, житейское. Тутъ было не такъ. Эта перемѣна была глубокая, это было отреченіе полное и это отреченіе все вылилось въ его глазахъ, какъ въ зеркалѣ. Передъ нею стоялъ человѣкъ, родившійся вновь, новый человѣкъ, котораго она еще совсѣмъ не знала. И онъ интересовалъ ее. Она вышла въ столовую, которая была рядомъ съ кабинетомъ отца Серафима и слушала оттуда ихъ разговоръ.

Отецъ Серафимъ лежалъ на кушеткѣ съ книгой въ рукахъ и въ очкахъ. Еще когда Лозовскій былъ въ передней, онъ услышалъ его голосъ, поднялся, снялъ очки, началъ запахивать полы кафтана. У него даже явилась мысль, не надѣть ли рясу. Никогда прежде при появленіи Лозовскаго подобная мысль не могла придти ему въ голову. То былъ человѣкъ свой, человѣкъ того же міра, а теперь онъ какъ бы пришелъ изъ другого міра. Но отецъ Серафимъ не успѣлъ надѣть рясу. Лозовскій уже стоялъ на порогѣ.

— Здравствуйте, дядя.

— Добро пожаловать, отецъ Гермогенъ! — промолвилъ отецъ Серафимъ, и это обращеніе ему самому было какъ-то странно произносить. Еще такъ недавно это былъ Григорій, просто Гриша, милый родственникъ, племянникъ, а теперь это Гермогенъ, отецъ Гермогенъ, монахъ, уединенное отъ міра существо. Уже съ нимъ нельзя быть такъ попросту, какъ прежде; вѣдь у него теперь нѣтъ ни привязанностей,

ни родныхъ. Правда, какъ онъ самъ говорилъ, теперь стѣна отдѣлила его отъ міра.

Но Лозовскій протянулъ отцу Серафиму руку и они поцѣловались.

— Ну, вотъ, я и опять съ вами!—сказалъ онъ.

— Ну, садись, садись, Гермогенъ! я очень радъ тебѣ, очень радъ.

Онъ уже не прибавилъ „отецъ", видя, что Лозовскій здоровается съ нимъ сердечно, по родственному.

— Садись, теперь ты новый совсѣмъ... Новый человѣкъ!

Лозовскій сѣлъ.

— Да, дядя, это правда, я теперь новый человѣкъ...

— Счастливъ? ты счастливъ, Гермогенъ?

— Счастливъ ли я? На это, дядя, отвѣтить трудно, надо сперва опредѣлить, что такое счастье. Вѣдь существуютъ тысячи, милліоны опредѣленій; ихъ столько, сколько индивидуальностей и вкусовъ. Но необходимо найти общее опредѣленіе, формулу счастья. Разумѣется, я говорю о счастьи для разумнаго существа. Самое распространенное опредѣленіе зиждется на такъ называемой любви другъ къ другу. Не христіанской любви къ ближнему, а любви мужчины къ женщинѣ. Взаимная любовь — вотъ счастье, которымъ удовлетворяется огромное большинство. Но взаимная любовь, это — безсмыслица. Молодая женщина любитъ молодого мужчину. Почему она любитъ его, молодого, красиваго, добраго, честнаго, блестяще-умнаго? Почему она не любитъ другого, у котораго разсѣчена губа или вырваны ноздри, а нервы его такъ расшатаны, что онъ не добръ, а золъ, а на душѣ его лежитъ тяжелый грѣхъ— грабительство, убійство? Вѣдь, если кто изъ двухъ нуждается въ нѣжной любви, такъ это онъ, этотъ уродъ физическій и нравственный. Онъ носитъ въ себѣ муки этого уродства и для него одинъ намекъ на сочувствіе, это уже облегченіе, это уже счастье. Развѣ легко быть злымъ? О, это большое несчастье быть злымъ! Счастье быть добрымъ, потому что добро, проявляясь въ дѣйствіяхъ, доставляетъ удовлетвореніе и удовольствіе. А злоба мучитъ человѣка, она ему бремя. Такъ почему же она отдаетъ свои нѣжныя ласки не этому несчастному, а тому—красивому, честному, доброму, умному? Да вѣдь онъ и такъ уже счастливъ своей красотой, честностью, добротой и умомъ! Это объяснимо и очень просто: съ этимъ физическимъ и нравственнымъ уродомъ ей близость была бы

непріятна, а съ тѣмъ пріятна. Но въ такомъ случаѣ, что же она любитъ въ концѣ концовъ? Она любитъ пріятное, любитъ удовольствіе,—вотъ и все. Она любитъ удовольствіе въ немъ, онъ любитъ удовольствіе въ ней. Значитъ, собственно взаимной любви человѣка къ человѣку здѣсь нѣтъ, а есть только общая любовь къ удовольствію. Каждый изъ нихъ облегчаетъ другому добиваться этого удовольствія, потому что каждый представляетъ другому тѣ достоинства, какихъ у него самого нѣтъ; вмѣсто того, чтобы совершенствоваться самому и развивать лучшія стороны своего духовнаго существа, онъ отыскиваетъ уже готовыя совершенства въ другомъ. Но не выше ли, не болѣе ли достойно духовнаго существа, вмѣсто того, чтобы рваться къ другому, въ себѣ самомъ совершенствовать свою духовную сторону и путемъ долгой и упорной борьбы подымать ее до той высоты, чтобы она была подобна Божеству? И такъ, истинное счастье—въ духовномъ самоусовершенствованіи. То же счастье, которое люди находятъ во взаимной любви, есть маленькое низменное исканіе удовольствія. Пусть каждый добросовѣстно проанализируетъ то состояніе счастья, когда онъ смотритъ въ глаза любимому существу, но добросовѣстно и безпристрастно, и онъ убѣдится, что все его счастье состоитъ изъ цѣлаго ряда маленькихъ ощущеній, самаго невысокаго качества. Вотъ мой взглядъ, дядя, я его вамъ высказалъ.

— Но зачѣмъ же, скажи ради Бога,—возразилъ отецъ Серафимъ, — я тебя спрашиваю не какъ монаха, а просто какъ человѣка,—зачѣмъ же люди должны лишать себя невинныхъ удовольствій, которыя лежатъ въ ихъ природѣ, созданной Богомъ? Не значитъ ли это вступать въ борьбу съ самимъ Богомъ.

— Нѣтъ, Богъ не создалъ человѣка законченнымъ существомъ. Создавъ его изъ тѣла и духа, онъ создалъ въ немъ вѣчную борьбу. А борьба есть движеніе впередъ, она есть постоянное измѣненіе, постоянное совершенствованіе. Вѣдь Богъ создалъ и животныхъ, но имъ онъ придалъ законченность. Они ограничены своими тѣлесными потребностями, въ кругу которыхъ они живутъ и никогда изъ этого круга не выходятъ. Потому у нихъ и нѣтъ борьбы и они неспособны къ совершенствованію. Человѣка онъ поставилъ посрединѣ между животнымъ и собой. Онъ далъ ему два естества: животное и свое и предоставилъ имъ вѣчную борьбу. Человѣкъ, дающій первенство естеству животному, опускается

и падаетъ, а тотъ, кто работой духовной постоянно возвышается путемъ лишеній и отказа отъ мірскихъ удовольствій — тотъ приближается къ Божеству. И вотъ въ чемъ счастье — приближеніе къ Божеству. Кто дальше ушелъ по этой дорогѣ, тотъ и счастливѣе. Такъ вотъ, дядя, отвѣчая на вашъ вопросъ, я съ этой моей точки зрѣнія говорю: я сталъ уже счастливѣе, я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по этому пути.

— Почему же вы увѣрены, что такимъ образомъ идете къ совершенству, а не наоборотъ, не къ паденію? — спросила Варя.

Отецъ Серафимъ поднялъ голову, а Лозовскій оглянулся; они не знали, что Варя давно, еще съ начала объясненія Лозовскаго, стояла на порогѣ, прислонившись къ косяку двери, и внимательно слушала. Лозовскій передвинулъ свой стулъ такъ, чтобы сидѣть лицомъ къ ней.

— А, и ты здѣсь, Варя?—сказалъ отецъ Серафимъ,— а мы и не замѣтили.

— Это вопросъ очень важный, Варвара Серафимовна,— промолвилъ Лозовскій,— но на него надо отвѣтить. Вы хотите сказать, что я, работая надъ духовнымъ самоусовершенствованіемъ въ одиночествѣ, не могу быть безпристрастнымъ судьей своихъ успѣховъ? Что, быть можетъ, то, что я принимаю за успѣхъ, есть въ сущности паденіе? Вы хотите сказать, что единеніе двухъ существъ даетъ гарантію контроля и безошибочности?

— Да, я это хочу сказать, только не умѣла выразиться!— отвѣтила Варя.

— Я отвѣчу вамъ, — съ особеннымъ оживленіемъ сказалъ Лозовскій, очевидно, заинтересованный споромъ: — да, еслибъ мы могли представить себѣ, что два существа задались точной и опредѣленной цѣлью единственно помогать другъ другу, стремиться къ духовному совершенствованію, и если бы мы могли увѣровать, что они неуклонно будутъ слѣдовать по этому пути,—я сказалъ бы, что, можетъ быть, это лучшая форма, это наибольшая гарантія. Но ничего подобнаго не бываетъ, и не для этого люди сближаются. Они сближаются единственно для наслажденія. Они уже тогда не могутъ быть безпристрастными контролерами другъ друга, потому что они пристрастны другъ къ другу. То, что въ постороннемъ они сочтутъ порокомъ, въ немъ или въ ней покажется имъ украшеніемъ.

— Такимъ образомъ вы отрицаете любовь?

— Я не могу отрицать то, что существуетъ.

— Но вы отрицаете то, что она возвышаетъ и облагороживаетъ человѣка.

— Да, это я отрицаю всѣми силами моей души! Если бы это была та любовь, о которой я, если вы слышали, говорилъ раньше, любовь къ уроду, глупцу или преступнику (Варя кивнула головой въ знакъ того, что она слышала), однимъ словомъ—любовь, основанная на стремленіи не къ наслажденію, а къ лишенію, я сказалъ бы, что она и возвышаетъ, и облагороживаетъ. Но эта любовь, какъ я уже высказалъ, есть любовь къ наслажденію, она есть любовь къ себѣ, себялюбіе. Какъ она можетъ возвысить? Нѣтъ, она принижаетъ, она изнѣживаетъ духъ, она разслабляетъ его и дѣлаетъ неспособнымъ къ борьбѣ съ слабостями природы. Прослѣдите. Вотъ два любящихъ существа. Они въ разлукѣ и она его ждетъ. Чего собственно ждетъ она? Она хочетъ видѣть его прекрасные глаза, прижаться къ его груди, ощущать его прикосновеніе, его поцѣлуй; отъ этого кровь ея придетъ въ сладкое волненіе. Чего же она ждетъ, какъ не этого самаго сладкаго волненія? Въ этомъ чувствѣ, во всѣхъ этихъ романическихъ исторіяхъ, трагическихъ и веселыхъ, все вертится около сладкаго волненія. Изъ-за него люди жертвуютъ другимъ, болѣе существеннымъ благомъ, изъ-за него они слѣпнутъ и глохнутъ и теряютъ чутье къ правдѣ, изъ-за него убиваютъ другъ друга. Представьте себѣ, что передъ вами два человѣка: одинъ возлюбленный, другой чужой, и они оба совершили одинаково дурное дѣло. Будете ли вы одинаково судить ихъ? Нѣтъ, вы этого не сможете. Признавая дурное дѣло одинаково дурнымъ для обоихъ, вы къ одному будете строги, а для другого непремѣнно будете искать какихъ-нибудь извиняющихъ обстоятельствъ. Но почему? да потому, что въ немъ исчезнетъ ваше собственное наслажденіе, потому что, осудивъ его строго, вы сами претерпите лишеніе.

Варя задумалась и незамѣтно ушла въ свою комнату; отецъ Серафимъ сталъ разспрашивать Лозовскаго о его новомъ положеніи, измѣнилось ли оно?

— О, да. Конечно, я и прежде пользовался самостоятельностью. У меня была отдѣльная комната, въ которую я всегда могъ уединиться. Но вѣдь уединеніе не въ этомъ; недостаточно, чтобы ты самъ хотѣлъ быть одинокимъ, когда

живешь среди людей. Надо, чтобы и другіе признавали за тобою это право. И вотъ съ той минуты, какъ я сдѣлался монахомъ, за мной и признали это право. На меня смотрятъ уже другими глазами. Вѣдь люди любятъ во всемъ форму. Сами они ищутъ общества, стараются дѣлиться своими впечатлѣніями и мыслями. Это признакъ слабости. Это неспособность, съ одной стороны, задерживать въ своей душѣ впечатлѣнія, а съ другой — жить умственно безъ посторонней помощи, на свой страхъ. Люди какъ бы боятся единоличной отвѣтственности за свою жизнь и постоянно сзываютъ негласный совѣтъ другихъ! Но, живя такимъ образомъ, они не могутъ допустить мысли, чтобы кто-нибудь могъ желать иной жизни. Человѣкъ живетъ среди нихъ, ходитъ, владѣетъ языкомъ, одѣвается, какъ они. Почему же у него будутъ другія желанія и вкусы? Вы можете тысячу разъ намекать имъ объ этомъ или дѣйствіемъ показать имъ это, они все-таки не поймутъ и будутъ невольно безсознательно врываться въ вашу духовную жизнь. Но когда на васъ по установленному обряду надѣнутъ монашескій костюмъ, этотъ „костюмъ одиночества», они тотчасъ же признаютъ это. Это какъ наши дипломы. Вотъ человѣкъ, глубоко изучившій медицину, но онъ не держалъ экзамена и потому не имѣетъ диплома. Всѣ знаютъ, всѣ видѣли, что онъ изучилъ медицину, но онъ не врачъ, потому что у него нѣтъ диплома и къ нему не идутъ лѣчиться. Съ нимъ мы охотно говоримъ о медицинѣ, какъ съ человѣкомъ знающимъ, но за помощью къ нему не пойдемъ; развѣ только въ крайнемъ случаѣ. Но вотъ онъ выдержалъ экзаменъ и у него въ рукахъ дипломъ, а на двери его квартиры прибита досчечка съ надписью, и тѣ же самые люди, которые прежде смотрѣли на него, какъ на дилеттанта, идутъ къ нему и совѣтуются съ нимъ. Имъ нужно было признаніе, обрядъ, форма. То же самое и здѣсь. Едва я надѣлъ „форму одиночества", какъ между мной и товарищами само собой образовалось разстояніе. Я уже не похожъ на нихъ, я изъ другого міра. И это великое преимущество,— одно оно способно было бы увлечь меня въ монашество, ибо что можетъ быть выше наслажденія, какъ чувствовать себя одинокимъ среди людей?

— Что же ты намѣренъ предпринять потомъ, по окончаніи курса?—спросилъ отецъ Серафимъ. Вѣдь тебѣ осталось всего полтора года.

— Потомъ? Этого я еще не знаю. Я постараюсь выбрать какую-нибудь суровую форму жизни.

— Зачѣмъ?

— Чтобъ закалить духъ. Если бы я былъ старикъ, я менѣе объ этомъ заботился бы, но я еще молодъ и во мнѣ многое еще не перебродило. Можетъ быть, поѣду въ какой-нибудь отдаленный сѣверный край миссіонеромъ и буду тамъ насаждать духовную культуру. Я еще не знаю. Знаю только одно, мнѣ предстоитъ суровая жизнь: я не возьму ничего такого, что можетъ дать мнѣ покой и комфортъ, потому что я молодъ и духъ мой еще не вполнѣ закаленъ. Прежде чѣмъ успокоиться и предаться созерцанію, мой духъ, какъ Геркулесъ свои подвиги, долженъ совершить рядъ побѣдъ надъ слабостями плоти. Суровая мнѣ предстоитъ жизнь, дядя, и я этому радуюсь.

Когда онъ ушелъ и отецъ Серафимъ вошелъ въ комнату Вари, то увидѣлъ ее сидящею за столомъ; она оперлась локтями на столъ, положила голову на ладони и глубоко задумалась. Отецъ Серафимъ сперва подумалъ, что она углубилась въ книжку, но книжки передъ ней не было.

— О чемъ ты думаешь, дитя мое? — спросилъ отецъ Серафимъ.

Она вздрогнула и выпрямилась, потомъ произнесла задумчиво:

— Что онъ говоритъ, папа?

— Тебя это такъ тронуло?

— Да, это такой важный вопросъ.

— Но, дитя мое, вѣдь онъ разсуждаетъ съ своей аскетической точки зрѣнія.

— Нѣтъ, папа, у него такая неотразимая логика.

— Ну, если хорошенько покопаться въ головѣ, то можно и отразить!—съ улыбкой сказалъ отецъ Серафимъ. — Вотъ Глѣбъ придетъ, взглянетъ на тебя любовно и все само собой отразится.

Послышался звонокъ, потомъ шаги въ передней; пришла Груня.

VI.

Уже дня три, какъ отецъ Серафимъ замѣчаетъ въ Варѣ какую-то вялость. У нея какъ бы притупилась впечатлительность. Живая, отзывчивая, крайне воспріимчивая ко всѣмъ внѣшнимъ явленіямъ, она теперь смотрѣла какъ-то смутно, словно душа ея жила въ другомъ мірѣ, а этотъ

принимала только, какъ необходимость. Когда къ ней обращались съ какимъ-нибудь вопросомъ, она не сразу отвѣчала, а сперва расширяла глаза, потомъ переспрашивала и затѣмъ только, съ усиліемъ понявъ, въ чемъ дѣло, давала отвѣтъ.

Глѣбъ былъ страшно заваленъ работой и забѣгалъ всего минутъ на двадцать и, конечно, торопился и не могъ быть наблюдательнымъ; случалось, что онъ только зайдетъ къ ней, скажетъ: „здравствуй, Варя“, поцѣлуетъ руку и тотчасъ спѣшитъ кое-что преподать Грунѣ, а затѣмъ опять бѣжитъ на Выборгскую. Но у отца Серафима было слишкомъ много свободнаго времени и онъ долженъ былъ наблюдать. И видѣлъ онъ, что Варя стала не та, что въ душу ея закрался какой-то червякъ и гложетъ. Боже мой, думалъ онъ, что же это значитъ? Неужели разочарованіе? Неужели я напрасно совершилъ этотъ подвигъ, вырвалъ свои корни изъ глубины земли, бросилъ все, съ чѣмъ сжился и слился, и прикатилъ сюда, въ этотъ шумный, чужой мнѣ городъ, гдѣ моей старческой душѣ такъ скучно и тоскливо!

И онъ подходилъ къ ней осторожно и старался заглянуть ей въ душу. Это сдѣлать было нелегко. Они рѣдко бывали вдвоемъ. Груня постоянно была между ними. А онъ не хотѣлъ касаться деликатныхъ струнъ ея души при третьемъ лицѣ. Утромъ Варя уѣзжала на курсы и возвращалась только къ обѣду, а вечеромъ у нихъ всегда кто-нибудь былъ, большею частью Чурилина, которая какъ-то очень привилась къ ихъ дому.

Но иногда Варя заходила къ нему въ кабинетъ и онъ пользовался этимъ и говорилъ ей:

— Присядь-ка у меня, Варенька, да поболтай со старцемъ.

Варя присаживалась на кушеткѣ, на которой онъ лежалъ.

— О чемъ, папа?

— Ну, о чемъ хочешь. Мнѣ всякая твоя болтовня будетъ пріятна.

— Я уже не ребенокъ, папа, я уже разучилась болтать.

— Да, я вижу, что ты не ребенокъ. Да, многому мы теперь съ тобой разучились, дитя мое, — съ грустью говорилъ отецъ Серафимъ.

— Вы жалѣете, папа?

— О чемъ? О, нѣтъ, я ни о чемъ не жалѣю. Да вѣдь ты знаешь, что все это я сдѣлалъ для тебя. Мнѣ что нужно? Теплая комната, да мягкая постель. Все это я имѣю здѣсь. И никогда я не буду жалѣть, если тебѣ будетъ хорошо.

— Развѣ я жалуюсь, папа?

— Ты не жалуешься, но мнѣ твое лицо не нравится.

Она вопросительно посмотрѣла на него.

— Да, послѣдніе дни. Ты какъ бы въ разочарованіи.

— О, нѣтъ, нѣтъ, папа, напротивъ. Только я надъ многимъ стала задумываться.

— Надъ чѣмъ же?

— О, надъ всякими жизненными вопросами. Но вы не безпокойтесь, папа, въ душѣ у меня миръ, мнѣ хорошо. Нельзя жить, не задумываясь.

— Конечно, конечно. Но почему же ты со мной не подѣлишься?

— Потому что я еще сама не умѣю этого высказать. Только, пожалуйста, папа, не думайте что-нибудь дурное, тревожное. Нѣтъ, ничего. Я счастлива больше, чѣмъ когда-нибудь.

— Ну, коли ты счастлива, то мнѣ больше ничего не надо.

Она ушла. Наступило воскресенье. Глѣбъ пришелъ съ видомъ человѣка, который собрался послѣ усиленныхъ занятій отдохнуть. Онъ зашелъ къ Варѣ, подсѣлъ къ ней, взялъ ея руку и держалъ въ своей рукѣ.

— Что это ты сегодня такъ холодна со мной?—спрашивалъ онъ,—ты даже меня не поцѣлавала.

— Нѣтъ, Глѣбъ, ничего.

— Ничего?

— Глѣбъ!..

Ужъ онъ встревожился.

— А, вотъ тебѣ и ничего!..

— Глѣбъ, мнѣ хотѣлось бы высказать тебѣ свои мысли, но я еще не умѣю.

— О чемъ? Можетъ быть, я тебѣ помогу высказать! Важныя мысли, Варя?

— Да, важныя, Глѣбъ. Но нѣтъ, нѣтъ, пока я еще не могу... Да, можетъ быть, это все пустое. Можетъ быть, мнѣ это показалось...

— Варя, ты говоришь—мысли? Мысли ли только?

— А что-же?

— А, можетъ быть, тутъ замѣшались и чувства?

— О, нѣтъ, Глѣбъ,—съ откровенной живостью поспѣшно отвѣтила она,—нѣтъ, нѣтъ, только мысли.

— Ну, съ мыслями мы всегда справимся,—видимо успо-

коившись, сказалъ Глѣбъ, — а вотъ чувства, это — дѣло трудное.

— Нѣтъ, нѣтъ, Глѣбъ, клянусь тебѣ.

— Такъ, значитъ, потомъ?

— Да, послѣ, Глѣбъ.

— А теперь ты будешь весела?

— Хорошо.

И она приложила всѣ старанія, чтобы казаться веселой. Вѣдь она это умѣла, у нея еще въ Кочедаровкѣ была на этотъ счетъ большая практика.

Вечеромъ пришла Чурилина. Пили чай. Отецъ Серафимъ заговорилъ о посѣщеніи Лозовскаго.

— Ну, вашъ Лозовскій!—сказала Чурилина.

— А что? Чѣмъ онъ вамъ не нравится?

— Да помилуйте, въ монахи пошелъ. Вѣдь это собственно затѣмъ, чтобъ сдѣлать карьеру. А я по разсказамъ составила о немъ совсѣмъ другое мнѣніе. Мнѣ онъ представлялся человѣкомъ свободнаго, широкаго ума.

— Нѣтъ, это вы ошибаетесь, — сказалъ отецъ Серафимъ, — онъ не затѣмъ пошелъ въ монахи, а именно для того, чтобы закалить свой духъ въ суровой жизни.

— Да вѣдь, конечно, нужно же ему что-нибудь говорить!

— Не только говорить, но и дѣлать. Онъ по окончаніи академіи поѣдетъ къ дикимъ племенамъ на самый сѣверъ миссіонеромъ, а тамъ не сладко живется. Нѣтъ, это вы напрасно про Лозовскаго такъ говорите; его надо послушать, когда онъ говоритъ,—какая убѣжденность!

— У него страшная логика!—съ какимъ-то непостижимымъ увлеченіемъ воскликнула Варя.

— И ты это находишь?—спросилъ Глѣбъ.

— Да, Глѣбъ, я это нахожу. Кажется, и ты когда-то такъ думалъ!

— Да, я тоже такъ думалъ, но со времени извѣстной исторіи я рѣшилъ, что его логика для того и существуетъ, чтобы однажды перевернуть все его міросозерцаніе вверхъ дномъ.

— Нѣтъ, это невѣрно,—возразила Варя;—то было дѣло характера, а не логики. Можно не выдержать характера и пасть, но это не мѣшаетъ логической стройности мысли.

— Какъ ты странно говоришь—пасть? Что это значитъ въ данномъ случаѣ? Что ты называешь паденіемъ?

— Это не я говорю, Глѣбъ, — опустивъ глаза сказала

Варя:—я со словъ Гермогена. Онъ говоритъ, что такъ называемая любовь есть не болѣе, какъ стремленіе къ наслажденію. Онъ говоритъ, что мы любимъ не человѣка, а то наслажденіе, которое онъ намъ доставляетъ.

— Странное мнѣніе!—промолвила Чурилина.

— Почему же странное? Въ этомъ есть доля правды...

— Ага,—сказалъ Глѣбъ,—значитъ, его логика на тебя подѣйствовала...

— Да, Глѣбъ, онъ заставилъ меня задуматься.

Глѣбъ вскочилъ съ мѣста и промолвилъ съ большимъ волненіемъ:

— Это неправда. Онъ величайшій эгоистъ и потому можетъ судить только объ эгоистической любви.

— Всякая любовь эгоистична! — сказала Варя.—Я говорю, всякая романическая любовь. Если ты любишь, попробуй-ка любимая женщина не отвѣтить на твою ласку, ты почувствуешь себя оскорбленнымъ; попробуй она при тебѣ приласкать другого, даже быть при тебѣ особенно любезной съ нимъ, ты придешь въ негодованіе!

— Но это потому, что я дорожу ея лаской!—возразилъ Глѣбъ.

— А дорожишь потому, что ея ласка доставляетъ тебѣ наслажденіе. Значитъ, ты любишь въ ней свое наслажденіе и, если бы она была ласкова съ другимъ, ты почувствовалъ бы себя какъ бы обворованнымъ.

— Варя, ради Бога... Это не можетъ быть твоя мысль!

— Чего жъ ты такъ волнуешься, Глѣбъ? Вѣдь, это только мысли...

— А, такъ вотъ онѣ, эти мысли... О нихъ была рѣчь!— какъ бы про себя воскликнулъ Глѣбъ и замолчалъ.

Чурилина спорила съ Варей; отецъ Серафимъ старался примирить ихъ, насколько могъ. Но Глѣбъ больше не вмѣшивался.

Вдругъ онъ поднялся, взялъ шапку и сталъ прощаться.

— Куда же ты такъ рано?—спросилъ отецъ Серафимъ.

— Я вспомнилъ... меня будетъ ждать товарищъ... тамъ надо лекцію вмѣстѣ просмотрѣть!—сказалъ онъ...

Отецъ Серафимъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на него. Варя поднялась и проводила его въ переднюю.

— Глѣбъ, зачѣмъ ты уходишь?

Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Мнѣ тяжело, Варя, сидѣть... Ты говоришь дѣйствительно страшныя вещи.

— Глѣбъ...

— Варя, голубчикъ, позволь мнѣ уйти. Я завтра приду... Я переварю это въ головѣ и мы поспоримъ спокойно... А сегодня я не могу, это для меня слишкомъ ново въ тебѣ.

— Ну, приходи же, я буду ждать.

— Я непремѣнно приду! неужели я могу не придти, когда мнѣ грозитъ такая опасность?

— Опасность? что ты, Глѣбъ? Приходи же!

Онъ ушелъ; ему въ самомъ дѣлѣ было тяжело. Онъ относился къ Лозовскому доброжелательно. Онъ давно съумѣлъ стать на его точку зрѣнія, когда рѣчь шла о немъ, и понималъ, что онъ лично во всѣхъ случаяхъ не можетъ поступить иначе. По многимъ сторонамъ его міросозерцанія онъ считалъ его какимъ-то мрачнымъ геніемъ. Но онъ никакъ не думалъ, что въ ясную душу Вари западутъ сѣмена болѣзненныхъ, вычурныхъ, какихъ-то вывихнутыхъ идей и эти сѣмена пустятъ ростки. Да, это правда, что если Лозовскій начнетъ развивать какое-нибудь положеніе, то логика его производитъ впечатлѣніе желѣзной цѣпи, гдѣ каждое звено неразрывно сковано съ другимъ. Но всѣ его идеи такъ были чужды Варину міросозерцанію,—ясному, свѣтлому, исполненному вѣры въ добро и людей.

Но не поступилъ ли онъ дурно, уйдя такъ скоро и оставивъ ее подъ впечатлѣніемъ такихъ доводовъ и такого непріятнаго разговора? Въ послѣднее время онъ слишкомъ былъ занятъ своей работой и потому слишкомъ мало занимался ею. „Да, я запустилъ Варю,—думалъ Глѣбъ,—и вотъ отчего съ ея головой произошли такія странныя перемѣны“.

На другой день онъ, какъ обѣщалъ, едва только освободился, отправился къ Лаудановымъ. Онъ пришелъ къ обѣду. Это былъ странный обѣдъ, къ какому не привыкла квартира отца Серафима. Варя, обыкновенно, возвратившись съ курсовъ, безъ умолку болтавшая, разсказывавшая свои впечатлѣнія и оживлявшая своимъ говоромъ всѣхъ, теперь молчала. Вчерашній разговоръ лишилъ ее сна, и въ эту ночь она почти не сомкнула глазъ. Это отразилось и на ея внѣшности. Она была блѣдна, угрюма, подъ глазами вырисовывались темные круги. Отецъ Серафимъ безсознательно подчинился ея настроенію и тоже молчалъ, а Груня молчала всегда; она усвоила себѣ такую роль.

Послѣ обѣда Глѣбъ зашелъ къ Варѣ въ комнату. Ему

легко было на разговоръ, потому что это было условлено вчера. Онъ сѣлъ противъ нея и взялъ ея руку, которая лежала на столѣ.

— Ну, Варя,—сказалъ онъ,—такъ какъ же? въ чемъ же дѣло?

— Право, Глѣбъ, я даже не могу тебѣ объяснить...

— Но долженъ же я знать! Вѣдь, согласись, что это меня очень близко касается. Ну, скажи откровенно, ты разочаровалась во мнѣ? ты не нашла во мнѣ того, чего искала? Я кажусь тебѣ слишкомъ простымъ, обыкновеннымъ, незначительнымъ...

Варя даже отодвинулась отъ стола, такъ ее испугало это предположеніе.

— Что ты, Глѣбъ, ничего подобнаго! Я даже не думала о тебѣ.

— Ну, вотъ видишь, уже это дурной признакъ, что ты въ такіе роковые дни не думала обо мнѣ.

— Нѣтъ, не то, Глѣбъ; въ тебѣ я не разочаровалась. Ты остался въ моихъ глазахъ тѣмъ же, чѣмъ былъ; такимъ же милымъ, добрымъ, хорошимъ. Нѣтъ, Глѣбъ, въ тебѣ я никогда не разочаруюсь; ты—мой первый и послѣдній, ты мой единственный.

— Такъ въ чемъ же дѣло, Варя? Въ чемъ же ты разочаровалась? А что ты разочаровалась, я вижу по твоимъ глазамъ. Они не тѣ, не тѣ, Варя, совсѣмъ другіе... Я не привыкъ къ такимъ глазамъ.

Варя посмотрѣла на него пытливо, какъ бы взвѣшивая и задавая себѣ вопросъ: можно ли сказать ему это? Потомъ она сказала:

— Я разочаровалась въ самомъ чувствѣ... Въ любви...

— Варя, что же это значитъ? Какъ это?

— Вотъ я и боялась, что ты не поймешь; это оттого, что я не умѣю высказать. Это мое несчастье, что я думаю гораздо яснѣе, чѣмъ говорю.

— Да ты высказывайся просто, ужъ я какъ-нибудь пойму.

— Видишь ли, Глѣбъ, всѣ эти дни я ужасно много думала.

— Да, я это видѣлъ, Варя.

— Да, я думала, я анализировала себя, свой внутренній міръ... Я такъ вѣрила въ чувство, я считала его такимъ важнымъ, я считала его самымъ главнымъ, что есть у че-

ловѣка... Я вѣрила, что оно возвышаетъ и облагороживаетъ... И вотъ я пришла къ заключенію...

— Къ какому, Варя?—спросилъ Глѣбъ, замѣтивъ, что она остановилась, какъ будто боится продолжать...

— Я пришла къ заключенію,—продолжала Варя,—что въ этомъ чувствѣ нѣтъ ничего возвышеннаго. Ты не думай, что я просто повторяю слова Лозовскаго. Это правда, онъ говорилъ эти же слова. Но я ихъ перечувствовала, они теперь мои. Да, это чувство—простое волненіе крови.

— Простое волненіе крови!—задумчиво сказалъ Глѣбъ.— Что же это значитъ, все-таки? Ну, хорошо, это простое волненіе крови, что же изъ этого слѣдуетъ?

— Постой, Глѣбъ!—она приблизилась къ нему, положила свои руки къ нему на плечя и прижалась къ его плечу.— Вотъ я прижимаюсь къ тебѣ и уже сердце у меня бьется сильнѣе, чѣмъ билось только-что, и кровь приливаетъ къ головѣ, я испытываю наслажденіе!—говорила она, закрывъ глаза.—Да, это наслажденіе, конечно, потому, что я тебя люблю... Но скажи, что же тутъ высокаго, что благороднаго?

Она уже отошла отъ него и говорила болѣе холоднымъ, нѣсколько докторальнымъ тономъ.

— Чѣмъ это отличается отъ другихъ удовольствій, ну, напримѣръ, когда голодный съ жадностью ѣстъ или страдающій жаждой пьетъ? Оно отличается только силой, только степенью, но по качеству, это—одно и то же.

Глѣбъ усмѣхнулся.

— Да, Варя, это было бы очень грустно, еслибъ это не походило на бредъ!—сказалъ онъ.—Ты говоришь, какъ ребенокъ; тебѣ понравилась красивая сторона софизмовъ Лозовскаго и ты ихъ не переварила. Лозовскій человѣкъ односторонній. Онъ разсуждаетъ правильно, но его разсужденія вытекаютъ изъ ложнаго положенія. Онъ и ты вмѣстѣ съ нимъ—забываете, что въ этомъ чувствѣ то, о чемъ ты сейчасъ говорила, вовсе не главное. Вы забываете о нравственномъ единеніи двухъ существъ, о духовной сторонѣ чувства. Когда люди дѣлятъ пополамъ и радость и горе, дѣлятся своими мыслями, когда у нихъ одно стремленіе и общая жизнь...

— Но, вѣдь, мы всѣ дѣлимся мыслями!—возразила Варя.—Я, напримѣръ, дѣлюсь мыслями съ Лозовскимъ, но сердце мое въ это время совершенно спокойно, кровь въ

*

моихъ жилахъ льется равномѣрно... Ты стремишься къ одной цѣли съ Чурилиной. Она мечтаетъ о медицинѣ, а ты ею занимаешься. Но видишь, Глѣбъ, у Чурилиной круглое лицо и на этомъ лицѣ слишкомъ маленькій носъ, у нея нѣтъ бровей, какъ ты самъ замѣчалъ,—она некрасива, и у тебя нѣтъ никакой охоты жить съ нею общей жизнью... И такъ, Глѣбъ, выходитъ, что не это главное въ чувствѣ, не духовное единеніе, а что-то другое, что-то менѣе высокое. Какой же выводъ отсюда?

— Право, я не знаю,— сказалъ Глѣбъ.

Онъ не могъ больше спорить. Не столько поражали его ея доводы, сколько ея видъ — холодный, слишкомъ спокойный, не похожій на тотъ, который обыкновенно былъ ей свойственъ. Вотъ онъ взялъ ея руку и она не протестовала, она покорно протянула ему свою, но въ ней онъ не замѣчалъ никакого участія, никакой активности чувства. Боже мой, неужели же она охладѣла?

— Варя, лучше всего ты мнѣ скажи прямо. Ты охладѣла ко мнѣ, ты больше не любишь меня?

— Глѣбъ, ради Бога, не говори этого! Съ какой стати? Откуда это? Какъ ты смѣшиваешь совсѣмъ разныя вещи! Ты мнѣ дорогъ всегда... Но не говори объ этомъ, Глѣбъ, не задавай мнѣ такихъ вопросовъ... Можетъ быть, все то, что я говорю, и невѣрно; я, право, сама не знаю, но со мной что-то такое дѣлается...

Глѣбъ разстался съ нею въ глубокомъ отчаяніи. Онъ чувствовалъ себя безпомощнымъ, потому что не въ его власти было измѣнить направленіе мыслей у Вари. Эта перемѣна пришла откуда-то, извнѣ безъ его участія.

Пройдя нѣсколько шаговъ по улицѣ, онъ встрѣтился съ отцомъ Серафимомъ. Онъ не замѣтилъ, какъ отецъ Серафимъ вышелъ изъ дому и отправился въ церковь и успѣлъ уже простоять вечерню. Должно быть, лицо у него было необыкновенно мрачно, потому что отецъ Серафимъ спросилъ его:

— Что это у тебя за лицо, Глѣбъ? У тебя что-нибудь вышло съ Варей?

— Нѣтъ, не у меня, а у самой Вари что-то странное творится въ головѣ, — отвѣтилъ Глѣбъ. — Рѣшительно, это какая-то болѣзнь.

— Да. Это болѣзнь и она заразительная!—промолвилъ отецъ Серафимъ.

— Я самъ такъ думаю,—сказалъ Глѣбъ.—Я думаю, что зараза пришла изъ Александро-Невской лавры...

— Да, вѣдь, это съ ней произошло послѣ разговора съ Гермогеномъ..

— Странный человѣкъ онъ!—сказалъ Глѣбъ.—Онъ совсѣмъ не различаетъ людей. Впрочемъ, онъ настоящихъ людей не знаетъ и не признаетъ. Когда онъ говоритъ о человѣкѣ, то это какой-то выдуманный человѣкъ. Его странныя идеи годятся для него, но его положеніе совсѣмъ особенное. Онъ заключился въ свои длинныя одежды, замуровался за своей каменной стѣной и, разумѣется, ему можно смотрѣть на человѣчество сквозь стеклянные холодные очки. Чтожъ ему остается? Ему остается только напирать на свое пресловутое самоусовершенствованіе. А намъ предстоитъ совсѣмъ другая жизнь. Намъ предстоитъ живая жизнь среди живыхъ людей. А для этого, для этой жизни нужны здоровыя чувства и ясность духа. Я нахожу, что вліяніе Гермогена на Варю чрезвычайно пагубно.

— Да, съ этимъ я не могу не согласиться, — сказалъ отецъ Серафимъ. — Хорошо бы его какъ-нибудь устранить. Не знаю только, какъ это сдѣлать.

— Какъ можно устранить его, отецъ Серафимъ? Да и зачѣмъ? Если ужъ запало зерно въ ея душу, то оно должно непремѣнно созрѣть. Что, если мы его заглушимъ и потомъ, гораздо позже, оно вдругъ почувствуетъ заснувшія въ немъ силы и начнетъ дозрѣвать, вѣдь, это хуже будетъ!.. Нѣтъ, ничего нельзя устранять насильно. Если это зерно пуститъ глубокіе корни въ ея душѣ, то это будетъ несчастье и придется страдать, вотъ и все...

VII.

Въ домѣ Лаудановыхъ поселилось уныніе. Варя страннымъ образомъ начала уединяться отъ всѣхъ. Ея обычная живость и привѣтливость, казалось, совсѣмъ исчезли. Когда завязывался общій разговоръ, она отстранялась и не принимала въ немъ участія. Когда къ ней обращались съ какимъ-нибудь вопросомъ, она смотрѣла въ отвѣтъ какими-то непонимающими глазами. Глѣбъ боялся, какъ бы это не зашло слишкомъ далеко; онъ пытался заговорить съ нею, разсѣять ее, развлечь интересными темами, которыя, какъ онъ думалъ, должны были занять ее, но все было напрасно.

Безпокоился и отецъ Серафимъ. Онъ совсѣмъ не понималъ той внутренней работы, которая происходила у Вари,

но его тревожила просто внѣшняя перемѣна, которую онъ замѣчалъ въ ней. Ему казалось даже, что за эти дни она какъ-то постарѣла. И онъ говорилъ ей:

— Варенька, мой дружокъ, я думаю, что ты нездорова. Скажи же мнѣ, что съ тобой, ты на себя не похожа.

— Ахъ, нѣтъ, папа, я совершенно здорова,—отвѣчала Варя съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. — Это совсѣмъ не то, я просто... я такъ мало думала вообще; надо же когда-нибудь и мнѣ подумать надъ своей жизнью! До сихъ поръ я жила на вѣру, я не останавливалась надъ очень важными вопросами, а такъ нельзя... Нельзя, папа, чтобъ другіе за за тебя рѣшали вопросы твоей жизни. Каждый долженъ рѣшать за себя то, что до него касается.

— Но въ чемъ же дѣло? Какіе же такіе вопросы? — спрашивалъ отецъ Серафимъ.

— Это трудно разсказать вамъ, папа.

И она этимъ ограничивалась. Это правда, что ей было очень трудно разсказать отцу Серафиму всѣ свои мысли, сомнѣнія и недоумѣнія. Вѣдь, и все дѣло было въ томъ, что она сама не могла формулировать ту работу, которая происходила въ ея головѣ. Она чувствовала какое-то безпокойство. Ей все казалось, что она живетъ не такъ, какъ слѣдуетъ и стремится не къ тому, къ чему долженъ стремиться мыслящій человѣкъ.

Случилось однажды, что отцу Серафиму надо было съѣздить въ городъ за покупкой. Просто у него износились старыя галоши и нужно было купить другія. И такъ какъ въ городѣ онъ до сихъ поръ не могъ оріентироваться, то онъ попросилъ Глѣба съѣздить съ нимъ. Дома остались Варя съ Груней. Это было въ февралѣ. И вотъ въ это самое время къ нимъ пришелъ Лозовскій.

Варя какъ-то вся оживилась. Груня тотчасъ же спряталась въ свою комнату; неизвѣстно, почему, но она боялась Лозовскаго. Онъ производилъ на нее какое-то мрачное впечатлѣніе.

— Такъ ихъ нѣтъ?—сказалъ Гермогенъ.—Ну, чтожъ, я зайду въ другой разъ.

И онъ хотѣлъ повернуться и уйти.

— Нѣтъ, они скоро вернутся,—сказала Варя,—вы посидите; папа будетъ очень жалѣть...

— Если скоро... благодарю васъ, я посижу.

Онъ прошелъ въ кабинетъ и тамъ сталъ ждать. Варя

нѣсколько минутъ оставалась въ гостиной, потомъ вошла къ нему.

— А вы знаете,—сказала она,—я много думала о нашемъ разговорѣ.

— О какомъ разговорѣ?—спросилъ Гермогенъ.

— А о томъ... о послѣднемъ. Помните, тогда вы говорили о... любви...

— Ахъ, да, помню, помню.

— Я очень много думала объ этомъ. Я, можетъ быть, даже согласилась бы съ вами,—говорила Варя съ замѣтнымъ смущеніемъ.—Но вѣдь любовь предполагаетъ влеченіе къ человѣку. А если есть влеченіе, то значитъ это вытекаетъ изъ его природы... Значитъ это естественно...

— Тутъ есть важная ошибка,—сказалъ Гермогенъ;—это правда, что есть влеченіе, но заблужденіе въ томъ, что думаютъ, будто это влеченіе къ человѣку, вотъ къ такому-то... Это не такъ; это влеченіе не къ человѣку, а просто влеченіе...

— Чтожъ это значитъ: просто влеченіе?

— А вотъ, я вамъ поясню примѣромъ. Представьте себѣ—это бываетъ въ какомъ-нибудь уѣздномъ городѣ, гдѣ люди все простые, сѣренькіе,—какая-нибудь дама выдается своей наружностью, ну, можетъ быть, и умнѣе другихъ, кокетливѣе. И за ней ухаживаетъ вся молодежь, она привлекаетъ къ себѣ всѣхъ, всѣ чувствуютъ къ ней влеченіе. Но вотъ случайно пріѣзжаетъ въ городъ другая дама, новая, и у этой оказывается гораздо больше достоинствъ. Она и красивѣе, и интереснѣе, и умнѣе, и одѣвается лучше, и кокетничаетъ искуснѣе... И что же? всѣ бросаются къ ней, начинаютъ ухаживать за этой и уже къ этой чувствуютъ влеченіе. А про ту совсѣмъ забываютъ. Что же выходитъ? Выходитъ, что всѣ эти господа чувствовали влеченіе не къ той дамѣ и не къ этой, а просто *влеченіе* къ идеалу.

— Къ идеалу?

— Ну, да. У нихъ было стремленіе видѣть передъ собой и около себя что-нибудь лучшее и высшее, чѣмъ они сами, вотъ и все. Любовь или, какъ вы говорите, влеченіе, это есть предпочтеніе одного другимъ, преклоненіе передъ однимъ. Но преклоняться можно только передъ великимъ, передъ совершеннымъ. А вѣдь любятъ обыкновенно самыхъ заурядныхъ людей, подчасъ даже мизерныхъ, да и вообще всѣ люди заурядны. Исключительныя натуры попадаются очень рѣдко. На-

полеоновъ и Ньютоновъ немного на земномъ шарѣ. А собственно человѣкъ средній—довольно неинтересное явленіе. За что же любить въ такомъ случаѣ человѣка, любить, то-есть, предпочитать, преклоняться? Самый лучшій изъ нихъ полонъ недостатковъ и слабостей. Разберите любого и вы увидите, что онъ не лучше васъ, почему же ему отдавать предпочтеніе передъ другими? Влеченіе, о которомъ вы говорите, есть исканіе лучшаго, исканіе идеала. Но откройте въ душѣ своей духовный идеалъ, найдите въ ней ея лучшія стороны и отдѣлите отъ негодныхъ и низменныхъ, и вы его полюбите и передъ нимъ преклонитесь. Самоусовершенствованіе, развитіе благороднѣйшихъ сторонъ вашего духа, поднятіе на высоту,—вотъ идеалъ. И только къ этому идеалу стоитъ стремиться. Только его слѣдуетъ любить, передъ нимъ преклоняться, его предпочитать. Человѣкъ не стоитъ любви; худшій изъ нихъ стоитъ презрѣнія, а лучшій—только сожалѣнія.

— Но, однако же, возразила Варя,—вы вотъ ѣдете насаждать культуру среди дикихъ людей. Значитъ, вы какъ бы хотите сдѣлать что-нибудь для человѣка. Значитъ вы его любите.

— Я ѣду, во-первыхъ, для себя. Вѣдь эта поѣздка представитъ для меня рядъ лишеній, а лишенія возвышаютъ душу. Во-вторыхъ, я ѣду не изъ любви, а скорѣе изъ сожалѣнія къ людямъ.

Въ это время отецъ Серафимъ и Глѣбъ возвратились и, войдя въ переднюю, услышали послѣднюю фразу, произнесенную Лозовскимъ. Глѣбъ вошелъ въ комнату съ крайне возбужденнымъ лицомъ. Видъ его не обѣщалъ ничего хорошаго. Онъ небрежно поздоровался съ Гермогеномъ и затѣмъ сказалъ довольно рѣзко, не обращаясь, впрочемъ, къ нему.

— Опять началась здѣсь эта проповѣдь...

— Что это значитъ, Глѣбъ?—сказала Варя.

— Я не могу слышать этихъ монастырскихъ проповѣдей. Мнѣ противны эти затхлые софизмы, высиженные на кладбищѣ... Что за холодныя слова, что за вычурныя понятія! Какъ все это не просто, какъ все это выдумано, искусственно, взвинчено! Вы говорите о страданіяхъ! Развѣ это настоящія страданія? Вы нарочно усѣеваете свою дорогу острыми камнями, чтобъ болѣзненно наслаждаться ранами на вашихъ ногахъ, и думаете, что это и есть подвигъ, лишеніе, которое по вашему возвышаетъ душу... Но это гораздо легче, чѣмъ видѣть, сочувствовать и помогать чужому страданію. Право

же, ваша духовная высота, о которой вы такъ много проповѣдуете, есть простое самоуслажденіе, простая гимнастика празднаго ума и больше ничего. Вамъ слѣдовало бы прекратить это пустословіе!

Лозовскій на это улыбнулся какой-то мертвой улыбкой.

— Ты хочешь обидѣть меня, — сказалъ онъ необыкновенно спокойнымъ, почти смиреннымъ тономъ:—и это удалось бы тебѣ, если бы ты былъ правъ, но ты неправъ.

— О, кротость!—саркастически воскликнулъ Глѣбъ:—и откуда она приходитъ къ вамъ тотчасъ, какъ только вы надѣнете черную рясу? Ты кротокъ, ты смиренъ,—кто этому повѣритъ? Развѣ я тебя не знаю? Я не вѣрю въ твою кротость! она лицемѣрна, какъ все то, что ты говоришь. Довольно, Лозовскій, я тебя понялъ очень хорошо!

— Нѣтъ, я вижу, что ты меня не понялъ,—по прежнему спокойно сказалъ Лозовскій.

— Нѣтъ, я тебя понялъ, повторяю это. Я понялъ тебя очень недавно. Ты просто играешь на величіе. Вся твоя игра заключается въ томъ, что, если ты будешь высказывать презрѣніе къ остальнымъ людямъ, то другіе подумаютъ, что ты выше ихъ, что ты великъ! Это самый дурной способъ возвыситься. И какъ далеко тебѣ до той высоты, которую ты себѣ приписываешь! Истинно возвышенная душа даже не умѣетъ презирать...

Лозовскій, какъ бы найдя безполезнымъ продолжать этотъ споръ, вошелъ въ кабинетъ. Отецъ Серафимъ не зналъ, что ему сказать и какъ быть, и поэтому говорилъ совершенно невпопадъ, стараясь загладить обиду, которую, по его мнѣнію, нанесъ ему Глѣбъ. Но Лозовскій казался очень спокойнымъ и какъ бы не придавалъ никакого значенія происшедшей сценѣ.

Глѣбъ остался въ гостиной; Варя тоже была здѣсь. Онъ опустился въ кресло и приложилъ руку ко лбу. Теперь, когда вспышка его прошла, ему самому было неловко и стыдно за нее. Онъ видѣлъ, что Варя была здѣсь, и ему хотѣлось найти у нея хоть маленькую поддержку.

— Какъ это мучительно, Варя! какъ это все мучительно!— воскликнулъ онъ и протянулъ къ ней руку какъ бы за помощью.

— Прости, Глѣбъ,—отвѣтила Варя:—но ты неправъ...

Глѣбъ опять вскочилъ, взволнованный еще болѣе прежняго.

— Да, вѣдь, я и безъ тебя знаю, что я неправъ! Я вовсе не нуждаюсь въ подтвержденіи этого. Я нуждаюсь совсѣмъ въ другомъ, совсѣмъ въ другомъ... Ахъ, если бы ты знала, какъ у меня болитъ сердце...

Послѣ этого онъ ушелъ и даже не простился съ Варей. Вообще онъ какъ-то потерялъ свое обычное равновѣсіе, сдѣлался способенъ къ вспышкамъ, неожиданнымъ выходкамъ и ему очень часто приходилось чувствовать себя неправымъ.

Наступилъ постъ. Отецъ Серафимъ говѣлъ. Онъ строго держался поста и ѣлъ только одинъ разъ въ день, но допускалъ, чтобы другіе въ этомъ отношеніи поступали свободно. Груня постилась и говѣла вмѣстѣ съ нимъ. Въ этотъ періодъ, когда они вмѣстѣ ходили въ церковь и были связаны одинаковыми интересами, они нѣсколько сблизились. Отецъ Серафимъ обратилъ вниманіе на то, что Груня какъ-то на всѣхъ смотритъ изподлобья и какъ будто недовольна всѣми. Онъ бесѣдовалъ съ нею и старался разузнать причину.

— Что жъ мнѣ быть веселой, отецъ Серафимъ,—говорила она.—Всѣ такіе умные, а я глупѣе всѣхъ. У всѣхъ есть что-нибудь впереди, а у меня ничего нѣтъ.

— Такъ ты завидуешь, Груня?

— Конечно, завидую, отчего жъ мнѣ не завидовать! Я всѣмъ завидую, отецъ Серафимъ, всѣмъ,—откровенно созналась Груня.

— Вотъ это не хорошо; зависть, это—грѣхъ. Вотъ ты и говѣешь, и завидуешь, какъ же это такъ? А, впрочемъ,—прибавлялъ онъ съ своей обычной манерой все въ концѣ концовъ примирять,—впрочемъ, я это понимаю. У тебя теперь ничего нѣтъ, ты отстала въ наукахъ, ну и замужъ не вышла... А вотъ какъ станешь учиться, да пріобрѣтешь какое-нибудь знаніе и у тебя будетъ что-нибудь свое, такъ и перестанешь завидовать. Ну, тогда, можетъ быть, и замужъ выйдешь, тогда будетъ легче...

Отецъ Серафимъ заговаривалъ и съ Варей на счетъ того, что и ей недурно поговѣть.

— Вотъ тогда и душа твоя смирится и, можетъ, ты яснѣе будешь смотрѣть на Божій міръ... Ты только вотъ увѣруй и получишь отраду...

— Нѣтъ, папа,—отвѣчала Варя,—я теперь не могу говѣть, у меня столько мыслей въ головѣ, что онѣ будутъ мѣшать мнѣ...

Варя замѣтно отстала въ своихъ занятіяхъ. Она зани-

малась много, но какъ то мало оставалось въ ея головѣ. Все, что она воспринимала, едва только касалось ея сознанія; все это было ей чуждо, внутренній міръ ея теперь преобладалъ надъ внѣшними впечатлѣніями. Она вся была полна мучительныхъ сомнѣній.

А Лозовскій больше не приходилъ. Однажды, отецъ Серафимъ собрался въ лавру; ему хотѣлось помолиться при торжественной обстановкѣ.

— Я съ вами поѣду, папа!—сказала Варя.

— Зачѣмъ тебѣ, дитя мое? — промолвилъ отецъ Серафимъ, боявшійся для нея встрѣчи съ Гермогеномъ.

— Такъ, я поѣду, я хочу проѣздиться...

— Помилуй, ныньче такая дурная погода, еще простудишься.

— Однако же, вы не боитесь простудиться!

— Поѣзжай, коли тебѣ такая охота!—сказалъ отецъ Серафимъ, пожавъ плечами. Она была очень настойчива и онъ зналъ это и рѣшилъ, что, все равно, ее не переубѣдишь, и онъ съ болью въ сердцѣ согласился.

Онъ имѣлъ въ виду зайти къ Гермогену, но теперь рѣшили ограничиться посѣщеніемъ церкви. Тамъ они не встрѣтили Лозовскаго. Гермогенъ съ тѣхъ поръ, какъ принялъ монашество, въ церкви всегда занималъ мѣсто въ алтарѣ. Такъ они его и не видѣли и отецъ Серафимъ былъ очень радъ этому. Варя вернулась домой разочарованная. У нея теперь явилась потребность бесѣдовать съ Гермогеномъ. Ей казалось, что никто такъ не способенъ освѣтить и разсѣять ея сомнѣнія, какъ онъ.

Глѣбъ тоже теперь очень плохо работалъ. Все время его видѣли задумчивымъ и разсѣяннымъ. Дѣло валилось у него изъ рукъ. Эта мрачная холодность, которую онъ встрѣчалъ со стороны Вари, заставляла его ощущать какую-то физическую боль въ сердцѣ.

Варя не была съ нимъ рѣзка, не отворачивалась отъ него; она позволяла ему цѣловать ея руку, гладить ея волосы и смотрѣть ей въ глаза. Все, повидимому, оставалось по прежнему. Но когда онъ смотрѣлъ на нее, то видѣлъ, что это она дѣлала изъ сожалѣнія.

А солнце уже начало свѣтить по весеннему, и отъ этого ему стало еще тяжелѣе.

VIII.

Въ началѣ поста въ Петербургъ пріѣхала Валентина.

— Ну, вотъ, я и кончила свой сезонъ!—говорила она.

— А будущій?—спрашивали ее.

— А будущій,—хочу добиться, чтобы пѣть здѣсь...

— Но развѣ тебѣ дали дебютъ? — спрашивали ее домашніе.

— Нѣтъ, еще не дали, но должны дать...

Она говорила это съ увѣренностью, тѣмъ не менѣе родные тревожились. Они знали, какъ трудно добиться дебюта въ столицѣ, и боялись, что она слишкомъ самонадѣянна.

Она поправилась, даже нѣсколько потолстѣла; видъ у нея былъ веселый, оживленный и какой-то торжествующій. Новостью ея жизни было то, что за ней по пятамъ слѣдовалъ пріѣхавшій вмѣстѣ съ нею изъ Кіева какой-то господинъ Эмертъ, уже довольно пожилой.

— Кто онъ такой?—спрашивали ее,—этотъ Эмертъ?

— У него восемьсотъ тысячъ! — со смѣхомъ отвѣчала она на это...

Онъ познакомился съ нею въ Кіевѣ. Увидѣвъ ее на сценѣ, онъ сразу былъ плѣненъ и съ той же минуты явился къ ея услугамъ. Она съ нимъ обращалась чрезвычайно странно; когда ей надо было исполнить какое-нибудь порученіе, она не просила его, а просто заявляла. Она слегка третировала его, но старалась не слишкомъ отдалять отъ себя.

Однажды у Мазуриныхъ собрались знакомые и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, что Валентина будетъ пѣть. Она обѣщала это.

Это было вечеромъ, всѣ пили чай, и Эмертъ былъ здѣсь. Валентину стали просить, она отказывалась, но, наконецъ, согласилась. Оказалось, что Эмертъ отлично играетъ на фортепіано. Онъ сѣлъ и началъ играть. Валентина запѣла.

Первые звуки ея голоса показались странными. Въ нихъ какъ бы не доставало чего-то важнаго. Варя замѣтила въ лицѣ госпожи Мазуриной недоумѣніе и даже легкій испугъ. Валентина пѣла дальше, впечатлѣніе было все тоже. Казалось, она не въ голосѣ и вотъ-вотъ должна распѣться и звуки польются легко, свободно. Но вотъ патетическое мѣсто, она взяла высокую ноту, повидимому, безъ труда, но и въ этомъ звукѣ не хватало прежней сочности и полноты.

„У нея голосъ сталъ хуже“ подумала Варя, и взгля-

нула на госпожу Мазурину, у которой въ лицѣ уже выражался настоящій испугъ.

Валентина кончила и встала и съ легкимъ смѣхомъ заговорила о чемъ-то. Раздались апплодисменты. Бывшіе здѣсь гости поднялись, подходили къ ней, жали ей руку и говорили, что это такъ прелестно, что они получили высокое наслажденіе. Но ни отецъ ея, ни мать не подошли къ ней, они были опечалены. Варя тоже сочла не въ правѣ говорить ей комплименты. Она была довольно близка съ Валентиной, на столько, чтобы не быть обязанной лгать.

— Ахъ, господа!—отвѣтила Валентина на комплименты гостей.—Но, вѣдь, мой голосъ уже не тотъ, я половину его растеряла.

Это было сказано чрезвычайно просто, безъ особеннаго сожалѣнія, но во всякомъ случаѣ видно было, что Валентина не скромничаетъ и не ждетъ дальнѣйшихъ комплиментовъ.

— Что ты, Валентина, — нерѣшительно возразила госпожа Мазурина. — Ты просто, должно быть, не въ голосѣ, вотъ и все.

— Нѣтъ, мама, не не въ голосѣ: я, вѣдь, это знаю.

— Но, что же это значитъ? отчего это?

— А, право, не знаю, отчего; можетъ быть, отъ того, что я... послѣднее время полюбила шампанское. Я ужасно люблю это вино и много выпила его въ Кіевѣ.

— Да! — подтвердилъ Эмертъ, — Валентина Яковлевна слишкомъ пристрастна къ шампанскому.

— Вы находите? —спросила она его мелькомъ и какъ-то презрительно взглянула на него.

Эмертъ не повторилъ своего показанія и стушевался куда-то въ сторону.

Тѣмъ не менѣе, Валентину просили еще пѣть и она охотно пѣла и успѣла убѣдить всѣхъ, кто слышалъ ее раньше, что голосъ ея утратилъ очень много.

— Да, — говорила госпожа Мазурина, тихонько обращаясь къ Варѣ,—это такъ непрочно—карьера пѣвицы! Кто могъ думать, что у Валентины такъ скоро пошатнется голосъ? вѣдь, она только-что начала!

Валентина дѣятельно хлопотала, чтобы ее допустили на пробу въ театрѣ, и ей это удалось. И вотъ въ назначенный день она отправилась въ театръ. Госпожа Мазурина зашла къ Варѣ.

— Не хотите ли поѣхать со мной? у Валентины проба. Мы послушаемъ...

Варѣ совсѣмъ не хотѣлось ѣхать, но ей неловко было отказать госпожѣ Мазуриной, которая хорошо къ ней относилась, тѣмъ болѣе, что Варя не ожидала хорошихъ результатовъ и думала, что госпожѣ Мазуриной можетъ понадобиться ея поддержка. Она согласилась.

Вотъ они въ театрѣ, имъ позволили занять мѣста въ партерѣ. Сцена полуосвѣщена, въ театральномъ залѣ совершенно темно. Было еще нѣсколько слушателей, лица которыхъ даже нельзя было разглядѣть. Валентина уѣхала впередъ и была теперь за кулисами.

Вышелъ пѣть какой-то басъ и пропѣлъ довольно исправно; среди слушателей раздавались одобрительные возгласы. Басъ былъ молодой, сильный, начинающій. Потомъ пѣла какая-то дама, у которой оказалось очень плохое контральто. Ей не дали докончить, очень ужъ это было неудачно.

Наконецъ, вышла Валентина и начала пѣть арію Маргариты, ту самую арію, которой она такъ прельстила въ Твери Глѣба и Варю. Варя припоминала, какое чарующее впечатлѣніе произвело на нее когда пѣніе Валентины. Сколько въ ея голосѣ было тогда свѣжести, силы, мягкости. Теперь въ немъ появилась какая-то тяжелая деревянность и въ этомъ большомъ помѣщеніи онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже недостаточно ясно былъ слышенъ, оркестръ совершенно покрывалъ его.

Но Валентину слушали всѣ со вниманіемъ; у нея уже было имя, о ней очень много писали и отъ нея ждали многаго. Она кончила; никто не высказалъ своего впечатлѣнія и тотчасъ вслѣдъ за ней вышли новые пѣвцы.

Госпожа Мазурина поднялась и сказала Варѣ:

— Что жъ, поѣдемте! Вѣдь это уже кончилось...

Они вышли изъ театра. Госпожа Мазурина не высказывала своего впечатлѣнія, но по лицу ея и по голосу Варя видѣла, что оно у нея совершенно правильно. Онѣ поѣхали домой и всю дорогу говорили о посторонних вещахъ. Черезъ часъ вернулась изъ театра Валентина. Она была необыкновенно взволнована. Снявъ шляпку, она упала въ кресло и воскликнула:

— Это безобразіе! они должны, должны, должны принять меня! Это пустяки, что они тамъ говорятъ! У нихъ поютъ

такія драныя кошки, которымъ только по улицамъ ходить съ арфой... Я все-жъ-таки пѣвица...

Госпожа Мазурина старалась успокоить ее.

— Но это вернется, Валя, это непремѣнно вернется! не можетъ быть такъ ни съ того ни съ сего! и они потомъ тебя примутъ.

— О, они и теперь меня примутъ! — воскликнула Валентина и ударила кулакомъ по столу.—Не правда-ли, Эдуардъ Карловичъ,—обратилась она къ Эмерту, который здѣсь присутствовалъ,—они меня примутъ?

— Я надѣюсь!—отвѣтилъ Эмертъ.

— Нѣтъ, этого мало!—рѣшительно заявила ему Валентина.—Этого мало, что вы надѣетесь! они должны меня принять. Это я вамъ говорю серьезно!

Эмертъ, разумѣется, понялъ намекъ и былъ готовъ ко всему. У него были большія связи и онъ тотчасъ же отправился въ походъ. Ему пришлось хлопотать долго и побороть большія трудности.

Дня черезъ два онъ явился торжествующимъ. Валентина была принята на сцену и въ этотъ день она была совершенно довольна и счастлива.

Эмертъ принадлежалъ къ тому типу часто попадающихся на петербургскихъ улицахъ людей, которые, повидимому, цѣликомъ ушли въ заботы о томъ, чтобы у нихъ было все въ порядкѣ. Съ виду это былъ вылощенный господинъ, необыкновенно старательно одѣтый. Въ его одеждѣ именно бросалось въ глаза это качество: старательность. Его самолюбіе заключалось въ томъ, чтобы пиджакъ на немъ сидѣлъ безукоризненно хорошо, чтобы шляпа у него была самаго послѣдняго фасона и чтобы при этомъ все, чтобы онъ ни надѣвалъ, было не слишкомъ рѣзко, не слишкомъ экспресивно, чтобы это, однимъ словомъ, шло къ его сорокалѣтнему возрасту. Во всемъ у него была видна щепетильная корректность съ глуповатымъ оттѣнкомъ. Онъ считалъ бы испорченной цѣлую недѣлю, если бы не отдалъ кому-нибудь визита. Съ другой стороны, онъ склоненъ былъ признать человѣка преступнымъ, если бы тотъ не отдалъ ему визита. Корректность была единственнымъ принципомъ его жизни, корректность рѣшительно во всемъ.

— Какъ вы находите Эмерта?—спросила, однажды, Валентина у Вари.

Варя затруднилась отвѣтить сразу. Эмертъ ей очень не

нравился, но она боялась, что обидитъ такимъ образомъ Валентину. Она думала, что ей-то самой Эмертъ долженъ непремѣнно нравиться, иначе зачѣмъ бы она держала его вблизи себя и посвящала ему столько времени.

— Я, право, не знаю,—сказала Варя,—я никогда о немъ не думала.

— Ну, да, вѣдь, онъ и не можетъ вамъ нравиться!—промолвила Валентина.

— А вы... вамъ?..

Валентина усмѣхнулась.

— Да, вѣдь, онъ ничтожество!..

— Но, однако, вы къ нему благосклонны.

— Да, но онъ очень удобенъ. Вотъ вы сами видѣли, какъ онъ устроилъ мнѣ пріемъ на сцену. Безъ него этого я не добилась бы. А ужъ онъ настойчивъ и, если чего захочетъ, то непремѣнно сдѣлаетъ. Это у него единственное положительное достоинство. По всей вѣроятности, это отъ того, что онъ нѣмецъ. Вотъ мнѣ придется осенью выступать на сценѣ. Кто устроитъ мнѣ все, какъ не Эмертъ?

— Что же онъ можетъ устроить?—спросила Варя.

— О, очень многое. Вѣдь нужна обстановка.

— Какъ обстановка?

— Ну, вы, конечно, ничего не понимаете. Это цѣлая наука. Во-первыхъ, надо, чтобы меня встрѣтили аплодисментами, потомъ—чтобы каждый мой выходъ и уходъ чѣмъ-нибудь были отмѣчены, чтобъ мнѣ поднесли цвѣты, а потомъ, чтобы въ газетахъ написали. Вѣдь это все очень много. И безъ этого никакъ нельзя обойтись. Вѣдь публика всему этому подчиняется, это ее гипнотизируетъ. Вотъ Эмертъ все это мнѣ и устроитъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ пускаетъ въ ходъ свои связи, въ другомъ деньги... Это рѣшительно все равно, результатъ одинаковый.

— Но, вѣдь, это все будетъ ложь?—сказала Варя.

— Ахъ, милая, вы очень наивны. Ложь? Конечно, ложь; но, вѣдь, вездѣ ложь. Никто ни одного шага не дѣлаетъ безъ лжи. Я знала только одного человѣка, который не лгалъ,—это былъ Лозовскій, но за то онъ и ушелъ отъ людей. А люди лгутъ на каждомъ шагу... Однимъ словомъ,—продолжала Валентина,—Эмертъ, въ которомъ нѣтъ рѣшительно никакихъ достоинствъ, нравится мнѣ уже однимъ тѣмъ, что онъ исполняетъ всѣ мои желанія. Я могу повелѣвать имъ, какъ рабомъ.

— Значитъ, вы выйдете за него замужъ?

— Пока въ этомъ нѣтъ надобности. Я вотъ пропою сезонъ здѣсь, а потомъ поѣду за границу. Эмертъ, конечно, будетъ сопровождать меня, потому что безъ его услугъ я какъ безъ рукъ.

— А потомъ?

— Въ Италіи попробую поправить свой голосъ. Я думаю, что это мнѣ удастся. Если не удастся, тогда выйду замужъ.

— За Эмерта?

— Ну, да, если не найду ничего лучшаго...

Однако, не смотря на то, что Валентина была поглощена всѣми этими интересами, ее снѣдало одно тайное желаніе, которое она не рѣшалась привести въ исполненіе. Лаудановыхъ она ни разу не спросила о Лозовскомъ, былъ ли онъ у нихъ, что онъ дѣлаетъ, какъ себя чувствуетъ? Казалось, онъ для нея совсѣмъ не существовалъ. Можетъ быть, даже, такъ и было, но все же воспоминаніе о прошломъ не могло пройти безслѣдно и ее тянуло побывать въ лаврѣ, чтобы хоть издали посмотрѣть на то, каковъ онъ теперь,—главное, какіе у него теперь глаза.

И вотъ, однажды, она, никому не сказавъ объ этомъ, поѣхала въ лавру. Гермогенъ стоялъ по обыкновенію въ алтарѣ, а Валентина, не знавшая объ этомъ, забилась въ отдаленный уголъ, боясь, чтобы онъ какъ-нибудь ее не замѣтилъ. Она хотѣла только видѣть его издали.

И вотъ кончилась служба; народъ сталъ выходить изъ церкви, а Валентина все стояла въ ожиданіи, что онъ появится. И онъ дѣйствительно вышелъ изъ алтаря и направился къ выходу; она прижалась къ углу, потому что онъ проходилъ очень близко отъ нея. Она нашла его страшно похудѣвшимъ; лицо его было блѣдно, сурово и какъ бы удлинилось. Вотъ онъ поравнялся съ нею и вдругъ взгляды ихъ встрѣтились. Гермогенъ, какъ ей показалось, слегка вздрогнулъ и опустилъ глаза. Шаги его сдѣлались еще тверже и онъ нѣсколько быстрѣе прежняго продолжалъ свой путь.

Валентина почувствовала, какъ какой-то холодъ прошелъ черезъ все ея тѣло и остановился въ сердцѣ. Что это былъ за взглядъ!—холодный, презрительный, желѣзный! Она вышла изъ церкви, оглядѣлась,—на паперти не было ни души,—и она тутъ поклялась себѣ никогда больше не видѣть его.

IX.

Между тѣмъ съ Глѣбомъ творилось что-то странное. Онъ бывалъ у Лаудановыхъ и обращеніе его со всѣми осталось прежнее. Но онъ дѣлалъ все какъ-то машинально, ничто его не интересовало и даже самая наука, которой онъ такъ горячо отдавался не такъ еще давно, казалась ему ненужной. Нервы его были страшно напряжены. Онъ переживалъ безъисходное отчаяніе.

Всякій разъ, когда онъ, здороваясь или прощаясь съ Варей, цѣловалъ ея руку, то равнодушіе, съ которымъ она позволяла ему это дѣлать, прибавляло къ его и безъ того уже нестерпимой боли—новую каплю яду.

Однажды онъ явился къ Лаудановымъ крайне взволнованный. Это было видно изъ каждаго его слова. Малѣйшій шорохъ, раздававшійся гдѣ-нибудь въ сосѣдней комнатѣ, приводилъ его въ дрожь. Онъ началъ давать урокъ Грунѣ и нѣкоторыя неточности въ ея отвѣтахъ, сверхъ обыкновенія, страшно раздражали его. Онъ сдѣлался нетерпимъ, несдержанъ. Прежде этого никогда съ нимъ не бывало; въ особенности къ Грунѣ онъ былъ снисходителенъ, такъ какъ зналъ, что ученье давалось ей туго и надо было пооощрять ее.

— Что съ тобой, Глѣбъ Назаровичъ?—спросилъ его отецъ Серафимъ.

— Такъ, нервы разстроены ужасно! Самъ не знаю почему! безъ всякой причины!

Варя была у себя въ комнатѣ. Онъ кончилъ занятія съ Груней и вошелъ къ ней. Глаза его горѣли неестественнымъ блескомъ, онъ сѣлъ противъ нея и заговорилъ какимъ-то страннымъ тономъ, въ которомъ слышалась рѣшимость на что-то важное и значительное.

— Я понимаю, Варя,—говорилъ онъ,—я теперь все понимаю. Все можно объяснить и все надо объяснять, и ничего не надо оставлять недоговореннымъ. Я просто не стою твоей любви, вотъ и все. Да, да, это такъ, и ты, пожалуйста, не возражай. Ужъ я рѣшился тебѣ высказать это и выскажу. Я дѣйствительно слишкомъ заурядная личность, съ этимъ я согласенъ. Я ничтожество. И я обманулъ тебя. Да, да, обманулъ. Вспомни наше прошлое, Варя,—говорилъ онъ съ какимъ-то страстнымъ напряженіемъ въ глазахъ и при этомъ глядѣлъ не на нее, а въ какую-то неопредѣленную точку:—вспомни, Варя, и ты увидишь, что я, дѣйствительно, ничтожество. Я докажу

тебѣ это. Помнишь нашу первую встрѣчу? Она была прекрасна, это такъ; мнѣ больно даже вспоминать теперь, какое это чудное было время... Помнишь тотъ вечеръ на берегу озера. Ты спрашивала меня о моихъ намѣреніяхъ, и я говорилъ тебѣ, что стремлюсь къ наукѣ, что меня глубоко интересуютъ тайны природы, тайны жизни. Это было такъ широко, такъ заманчиво, и ты это почувствовала и тотчасъ же высказала мнѣ горячее участіе. Да, я долженъ былъ показаться тебѣ тогда большимъ, выдающимся явленіемъ, да и мнѣ самому казалось, что я способенъ перевернуть міръ... А помнишь, Варя, наше первое объясненіе, когда я сказалъ тебѣ о своей любви! и тогда еще была рѣчь о какомъ-то невѣдомомъ, но могучемъ стремленіи къ чему-то высокому, необъятному. Можетъ быть, я казался тебѣ великимъ? можетъ быть, я казался тебѣ самымъ большимъ человѣкомъ, какого ты только встрѣчала? И вѣдь все это былъ обманъ, теперь я, едва только прикоснулся къ чистой наукѣ, какъ тотчасъ же оставилъ ее. Я ухватился обѣими руками за практическое прикладное знаніе: маленькій человѣкъ нашелъ себѣ по силамъ маленькое дѣло... Впрочемъ, это ты и виновата въ этомъ, ты доказала мнѣ, что такъ слѣдуетъ, но почему же я тебѣ повѣрилъ? почему я согласился съ тобой? Потому, что силъ у меня въ дѣйствительности хватило только на это маленькое практическое дѣло. А широкіе замыслы пошли къ чорту, отъ нихъ не осталось и тѣни... Я оказался очень слабымъ и очень зауряднымъ существомъ, ты увидала это, ты поняла это... За что же любить такое ничтожество? Ну, да, конечно, онъ правъ, этотъ монахъ... не за что, не за что любить человѣка, его надо только жалѣть, —такого зауряднаго человѣка, какъ я...

Онъ вдругъ поднялся, подошелъ къ ней, взялъ ея руку и крѣпко сжалъ ее.

— Да, Варя, все это такъ, я много думалъ надъ этимъ и пришелъ къ этому выводу. Но знай, что я не могу жить безъ твоей любви... Вся моя сознательная жизнь освѣщена этой любовью, каждый шагъ мой, малѣйшее движеніе сердца, все согрѣто ея тепломъ... Она, твоя любовь, наполняетъ меня... Она—это моя душа, безъ нея я, какъ безъ души... Зачѣмъ же жить, Варя? жить не надо...

— Глѣбъ!

— Не надо, не надо, не надо жить!—чрезвычайно твердо повторилъ онъ.—Помнишь ли ты, Варя,—я не знаю говорилъ ли я тебѣ объ этомъ,—какъ я спасъ Лозовскаго? Онъ

*

хотѣлъ застрѣлиться и я его спасъ. Это было давно, еще въ семинаріи. Ну, что жъ, если такой великій характеръ способенъ былъ стрѣляться изъ-за тройки, такъ что же мнѣ останавливаться передъ этимъ! У меня и характера такого нѣтъ, да и не тройка у меня, Варя, а все, что привязываетъ меня къ жизни. Не говори, что это малодушіе, не говори, что я избѣгаю страданій. Нѣтъ, я способенъ терпѣть, страдать, голодать, все, что хочешь, но только если бы моя жизнь была освѣщена твоею любовью...

— Глѣбъ, что ты говоришь? Глѣбъ!—вся дрожа отъ волненія и ужаса, спрашивала Варя.

— Ты хочешь быть великодушна? не надо, Варя. Это ни къ чему не поведетъ. Великодушіе, Варя, короткое, оно скоро кончается, его ненадолго хватаетъ. Оно прекратится, и тогда хуже будетъ. Есть только одно чувство, Варя, которое можетъ длиться всю жизнь, это—любовь. А знаешь ли, что я тебѣ скажу?—промолвилъ онъ вдругъ, оставивъ ея руку и отойдя отъ нея.—Можетъ быть, я освѣщу тебѣ то, что тебѣ самой еще темно... Вспомни-ка Валентину... Что съ нею было, когда она встрѣтилась съ Лозовскимъ... Ну, вотъ...

Онъ задыхался, ему трудно было произнести слѣдующія слова.

— Ну, вотъ и ты... ты тоже... влюблена въ Лозовскаго...

— Въ Лозовскаго?—съ ужасомъ воскликнула Варя.

— Да, да, въ этого монаха, который почему-то теперь уже сталъ называться Гермогеномъ.

— Глѣбъ, ты оскорбляешь меня!

— А ты убила меня...

Онъ грузно опустился на стулъ и голова упала на столъ. Онъ зарыдалъ...

— Глѣбъ, Глѣбъ... Боже мой...

На порогѣ появился отецъ Серафимъ. Онъ, сидя въ кабинетѣ, давно уже подозрѣвалъ, что въ комнатѣ Вари происходитъ что-то странное. До него доносились отрывистыя фразы изъ ихъ разговора и въ особенности голосъ Глѣба казался ему подозрительнымъ. Варя увидала его.

— Папа, еслибъ ты зналъ!..—съ отчаяніемъ ломая руки, говорила она.

— Выйди отсюда!—тихонько сказалъ ей отецъ Серафимъ.—Охъ, что только между вами дѣется! не ожидалъ я этого, никакъ не ожидалъ... Я успокою его.

Варя тихонько вышла и тутъ же у двери опустилась въ кресло, совершенно убитая.

— Ну, полно, Глѣбъ, что за настроеніе! зачѣмъ такъ распускать себя!—успокоительнымъ голосомъ говорилъ отецъ Серафимъ.—Это все пустое... Есть вещи посерьезнѣй!.. Вотъ ты выучишься, будешь медикомъ, начнешь работать и это ребячество все пройдетъ. Это пройдетъ, Глѣбъ...

— Это прошло уже, это никогда болѣе не вернется!—говорилъ Глѣбъ, не подымая головы.

Но рыданія его мало-по-малу смолкли и на него вдругъ напала такая слабость, что онъ не могъ подняться съ мѣста.

— Ну, пойдемъ ко мнѣ, Глѣбъ Назаровичъ, я тебя уложу на диванъ, ты полежишь, отдохнешь!—говорилъ отецъ Серафимъ. Потомъ онъ помогъ ему встать и бережно перевелъ его въ кабинетъ.

Глѣбъ не могъ заснуть, онъ лежалъ безъ движенія. Лицо его горѣло. Къ вечеру у него обнаружился жаръ. Послали за докторомъ. Тотъ не могъ сказать ничего опредѣленнаго; навѣрное можно будетъ сказать только завтра.

Ночью у него былъ бредъ и затѣмъ пришлось ему остаться въ кабинетѣ отца Серафима. На утро докторъ констатировалъ у него нервную горячку. Варя вошла къ себѣ и съ рыданіемъ повалилась на постель.

— Это все я, все я!—говорила она.—Если Глѣбъ умретъ, я тоже умру съ нимъ!

Теперь въ квартирѣ Лаудановыхъ все было поглощено здоровьемъ Глѣба. Уже три недѣли прошло съ того дня, когда онъ заболѣлъ. Варя почти не выходила изъ кабинета, она все время сидѣла у его постели. Отецъ Серафимъ рѣшительно никакъ не могъ уговорить ее отдохнуть, она бросила всѣ свои занятія, не ходила на курсы, страшно исхудала; знакомые, заходившіе иногда, не сразу узнавали ее. Но она была неутомима, она никому не хотѣла позволить замѣнить ее у постели больного.

Но за то странная перемѣна произошла въ ея міросозерцаніи. Ни одного изъ своихъ сомнѣній, которыя такъ тяготили ее въ послѣднее время, она не рѣшила, а между тѣмъ, не смотря на мучительное сознаніе, что она была причиной болѣзни Глѣба, на душѣ ея была необыкновенная ясность. У нея явилась важная цѣль, которая заслоняла собой все остальное: спасти его, а если нѣтъ, если не удастся, то умереть вмѣстѣ съ нимъ.

Она не могла забыть послѣдняго объясненія, которое такъ дорого ему обошлось. Эти картины недавняго прошлаго, которыя онъ въ своемъ порывѣ только чуть-чуть намѣчалъ нѣсколькими словами, вставали передъ нею во всей своей прелести; она постоянно перебирала свои воспоминанія и ей рисовалось, что она стоитъ вмѣстѣ съ Глѣбомъ и Груней надъ озеромъ въ первый вечеръ ихъ знакомства, при свѣтѣ луны, при тихомъ плескѣ волнъ... Потомъ въ воображеніи ея проносились другія картины: вотъ они вмѣстѣ на рыбномъ заводѣ, затѣмъ цѣлые дни съ утра до вечера въ саду, въ оживленной бесѣдѣ и никогда имъ не скучно и никогда не хочется разстаться. Потомъ этотъ удивительный день, который наполнилъ ея жизнь такимъ страшнымъ счастьемъ, когда онъ пріѣхалъ изъ города и, заставъ ее одну, сказалъ ей о своей любви. „О,—думала она,—пусть я заблуждалась, но это было такое глубокое счастье, какого, должно быть, не переживалъ ни одинъ человѣкъ, и это счастье далъ мнѣ онъ. Уже за это одно я должна быть его вѣчнымъ, вѣрнымъ другомъ“...

И. Потапенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КЪ УЧЕНІЮ МАТЕРІАЛИЗМА.

Прив.-доц. **Г. Челпанова.**

(*Окончаніе*).

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

«*Ссылаться на здравый человѣческій смыслъ* — это одно изъ тѣхъ остроумныхъ изобрѣтеній новѣйшихъ временъ, благодаря которымъ пустѣйшій болтунъ можетъ безопасно начинать и выдерживать споръ противъ человѣка съ самымъ основательнымъ умомъ. Если разсмотрѣть хорошенько, эта апелляція къ здравому смыслу есть не что иное, какъ ссылка на сужденіе толпы, отъ одобренія которой философъ краснѣетъ, а популярный болтунъ торжествуетъ». *Кантъ.*

Теперь мнѣ остается еще отвѣтить на возраженія, которыя были приведены въ статьѣ г. Кардануса, помѣщенной въ «Новостяхъ» за 1896 г., 26 апрѣля, и написанной съ спеціальной цѣлью опровергнуть все утверждаемое мною въ статьѣ «Мозгъ и мысль». Можетъ быть, читатели удивятся, что я такъ поздно отвѣчаю на возраженія г. Кардануса. Къ сожалѣнію, совокупность обстоятельствъ не позволила мнѣ этого сдѣлать раньше, но, я думаю, говорить о матеріализмѣ никогда не поздно. Вопросъ, который я разбиралъ въ своей статьѣ, не есть вопросъ дня: интересъ къ нему сохраняется всегда. Защитники матеріализма у насъ за годъ не перевелись; читатели, сочувствующіе взглядамъ г. Кардануса, тоже.

И я берусь за перо, чтобы отвѣтить ему, дѣлая это по слѣдующимъ соображеніямъ. Я хочу показать, какое у насъ въ концѣ

XIX в. существуетъ отношеніе къ философіи не только у читающей, но и у пишущей публики.

Примѣръ г. Кардануса ясно показываетъ, что, по мнѣнію интеллигентной публики, философіи учиться не слѣдуетъ, о ней можетъ говорить всякій, кто никогда никакихъ философскихъ сочиненій не изучалъ. По мнѣнію большинства публики и, что хуже всего, по мнѣнію нѣкоторой части пишущей публики, философствовать можно на основаніи *здраваго смысла*, что собственно все то, что говорили Кантъ, Гегель, Спенсеръ, Милль и др. великіе мыслители, подлежитъ обсужденію просто на основаніи здраваго смысла. Если, вдобавокъ, разсуждающій—натуралистъ, то уже это званіе совершенно его освобождаетъ отъ необходимости изучать какихъ бы то ни было философовъ; званіе натуралиста даетъ ему право разсуждать обо всѣхъ философскихъ вопросахъ, не справляясь о томъ, что говорили до него другіе философы-натуралисты. Несомнѣнно, конечно, такое отношеніе приводитъ къ весьма пагубнымъ послѣдствіямъ. Если къ философіи такъ относится писатель, то онъ способствуетъ широкому распространенію ложныхъ воззрѣній и дурной манеры философствованія.

Къ числу такихъ писателей я позволяю себѣ отнести и г. Кардануса. Статья его представляетъ интересъ еще и въ томъ отношеніи, что ясно показываетъ, какъ у насъ можно самымъ беззастѣнчивымъ образомъ возводить самыя грубыя обвиненія въ разсчетѣ, что немного найдется изъ публики лицъ, которыя будутъ въ состояніи оцѣнить должнымъ образомъ достоинства такихъ обвиненій.

Г. Карданусъ рѣшилъ выступить съ обвиненіемъ всѣхъ русскихъ философовъ, въ томъ числѣ и меня, сторонника «удобнаго направленія», въ невѣжествѣ, но потомъ самъ устрашился. Въ самомъ дѣлѣ, нападать на кого-нибудь изъ сторонниковъ «удобнаго направленія», значитъ, самому быть сторонникомъ «неудобнаго направленія», почему онъ и спѣшитъ заявить, что онъ «собственно не то, чтобы матеріалистъ, но что онъ только противъ плохихъ противниковъ матеріализма» *).

Почему же г. Кардануcъ причисляетъ меня къ «удобному направленію»? Г. Кардануcъ думаетъ, что *если я матеріализмъ отвергаю, то значитъ я спиритуализмъ признаю*, а это въ глазахъ г. Кардануса значитъ быть сторонникомъ философіи «съ постнымъ маслицемъ». Онъ огорчается, что я въ борьбѣ съ матеріализмомъ беру въ союзники Шопенгауера, и замѣчаетъ по этому

*) Кавычки мои.

поводу, что Шопенгауеръ сознавалъ «недостаточность и спиритуализма».

Если бы г. Карданусъ что-нибудь зналъ изъ философіи, то онъ не подумалъ бы, что кто матеріализмъ отвергаетъ, тотъ спиритуализмъ признаетъ. На самомъ дѣлѣ большинство новѣйшихъ писателей, отвергавшихъ матеріализмъ, отвергали также и спиритуализмъ *). Напр., Паульсенъ, Вундтъ, Риль, Гёфдингъ, Спенсеръ— а это такіе писатели, которыхъ и защитнику матеріализма знать не мѣшаетъ.

Я утверждаю, что г. Карданусъ матеріалистъ, притомъ матеріалистъ низкой пробы. Какъ г. Карданусъ ни отпирайся, что онъ не матеріалистъ,—всякій, кто мало-мальски что-нибудь въ философіи знаетъ, видитъ, что онъ матеріалистъ. Если кто-нибудь требуетъ, чтобы ему «*доказали*, что мысль не протяженна», тотъ, конечно, страдаетъ тѣмъ дефектомъ, который мѣшаетъ ему различать психическое отъ физическаго; онъ, конечно, станетъ серьезно утверждать, «что мысль есть движеніе матеріальныхъ частицъ», онъ будетъ говорить, что «движеніе можетъ превращаться въ ощущеніе» и что это «одинъ изъ сильнѣйшихъ аргументовъ въ пользу матеріализма». Это ли не матеріализмъ? Зачѣмъ же г. Карданусу скрывать свои истинные взгляды?—Скажите прямо, что вы матеріалистъ того же типа, что и Молешоттъ, и Бюхнеръ **), тогда читатель, по крайней мѣрѣ, будетъ знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Впрочемъ, я спѣшу оговориться, можетъ быть, г. Карданусъ не «скрытый» матеріалистъ, какимъ я его считаю, а просто «наивный» матеріалистъ: онъ, можетъ быть, даже и не подозрѣваетъ, что онъ матеріалистъ.

Въ качествѣ истиннаго матеріалиста, г. Карданусъ изображаетъ дѣло такимъ образомъ, будто бы философскій матеріализмъ въ настоящее время можетъ быть защищаемъ какими-нибудь серьезными доводами, и что, будто бы, въ самомъ дѣлѣ есть въ настоящее время мало-мальски философски образованный натура-

---

*) См. *Паульсенъ*. «Введеніе въ философію», 365—370, 132—136. *Вундтъ*. «Физіологическая психологія», 1.004. *Вундтъ*. «System d. Philosophie», стр. 302—311. *Риль*. «Теорія науки и метафизика», М. 1889, стр. 222. *Гёфдингъ*. «Психологія», М. 1896, отд. II, 8, с. *Спенсеръ*. «Психологія», т. II, стр. 364: «Въ заключительныхъ параграфахъ «Основныхъ началъ» я уже сказалъ, что истина въ этомъ случаѣ не можетъ быть выражена *ни матеріализмомъ, ни спиритуализмомъ*». (Ср. «Основныя начала», Кіевъ, стр. 375).

**) Развѣ кто-нибудь, кромѣ матеріалиста станетъ утверждать, что Молешоттъ и Бюхнеръ несравнимые мыслители, какъ это дѣлаетъ г. Карданусъ. См. о нихъ отзывъ Шопенгауера ниже.

листъ, который могъ бы защищать бюхнеро-молешоттовскій матеріализмъ, и что я выступаю, будто бы, противъ «спора, продолжающагося цѣлые вѣка», который, конечно, имѣетъ самыхъ солидныхъ защитниковъ. Кто можетъ говорить такимъ языкомъ, какъ не матеріалистъ и совершенный профанъ въ философіи? Изображать дѣло такимъ образомъ, какъ будто бы бюхнеро-молешоттовскій матеріализмъ въ самомъ дѣлѣ есть серьезная философская доктрина, можетъ только или матеріалистъ, или человѣкъ, не имѣющій никакого отношенія къ современной философіи.

Г. Карданусъ поступаетъ весьма тактично; если бы, въ самомъ дѣлѣ, онъ призналъ, что *то, что я говорю, есть вещь, въ наукѣ давнымъ-давно признанная всѣми лучшими современными мыслителями*, что эти вещи нѣтъ надобности подтверждать новыми доказательствами, а самое большее только популяризировать, излагать въ доступной формѣ для начинающихъ интересоваться философскими вопросами; если бы, говорю я, все это призналъ г. Карданусъ, то онъ лишился бы повода писать статью «о доморощенныхъ философахъ», обвинять ихъ въ томъ, что они невѣжды, а также лишилъ бы міръ примѣра того, какъ можетъ натуралистъ философствовать, если онъ пожелаетъ философствовать «отъ ума», или на основаніи только «здраваго смысла».

Но если бы г. Карданусъ захотѣлъ добросовѣстно критиковать, то онъ долженъ былъ бы признать, что я выступилъ не съ моими личными рискованными взглядами, высказываемыми мною на свой собственный страхъ. Онъ долженъ былъ бы признать, что я преслѣдовалъ цѣль гораздо болѣе простую: я хотѣлъ читателей, стремящихся къ самообразованію, познакомить въ популярной, общедоступной формѣ съ тѣми взглядами, которые были высказаны классиками философіи: Вундтомъ, Паульсеномъ, Бэномъ, Спенсеромъ, а также и выдающимися натуралистами по вопросу объ отношеніи души къ тѣлу, объ отношеніи мозга и мысли. Кому неизвѣстно, что наиболѣе образованные натуралисты высказывались противъ матеріализма *). То, что я защищаю, есть стародавнее наслѣдіе научной философіи, которое я только старался сдѣ-

---

*) См. *Гельмгольцъ*. «Vorträge u. Reden», 1884, B. II, стр. 187. «Das Denken in der Medicin» (имѣется русскій переводъ). *Дю-Буа-Реймонъ*. «Ueber die Grenzen des Naturerkennens. Die Sieben Welträthsel». 1891. (О Дю-Буа-Реймонѣ см. «Міръ Божій», 1897, № 2). *Тиндаль*. Цитируется Тэномъ «Объ умѣ и познаніи», кн. IV, гл. II, I. *Гризингеръ*. «Pathologie u. Therapie der psychischen Krankheiten». 3 Aufl. § 15 цитир. у Liebmann's. «Analysis der Wirklichkeit 1880, 524—5. *Тэтъ*. «О новѣйшихъ успѣхахъ физическихъ знаній», 1877, стр. 23. См. также *Цигенъ* «Физ. Псих.», 1896, стр. 187.

лать доступнымъ для большинства публики. Если бы г. Кардanусъ желалъ быть добросовѣстнымъ, то, конечно, противъ моей статьи долженъ былъ бы вести аттаку совсѣмъ въ иномъ видѣ; онъ долженъ былъ бы сказать, что онъ, г. Карданусъ, не согласенъ съ Вундтомъ, Паульсеномъ, Спенсеромъ, Бэномъ и др.,—а это, конечно, не совсѣмъ удобно. Впрочемъ, я, можетъ быть, напрасно упрекаю г. Кардануса въ недобросовѣстности. Можетъ быть, онъ даже и не подозрѣваетъ, что я только популяризирую воззрѣнія выше названныхъ философовъ, можетъ быть, мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло не съ недобросовѣстностью, а просто съ невѣдѣніемъ.

Вотъ образчики философіи г. Кардануса:

«Вѣдь г. Челпановъ свою статью писалъ для того, чтобы доказать, что ощущеніе не есть форма движенія». Не знаю, читалъ ли г. Карданусъ мою статью съ той степенью внимательности, какая нужна для добросовѣстнаго критика. Вѣроятно, нѣтъ, ибо вся страница 126-я моей статьи *) посвящена разъясненію того положенія, что это истина непосредственно очевидная, такъ же очевидная, какъ то, что матерія протяженна. Ясно, слѣдовательно, что я не писалъ статьи для того, чтобы «*доказать*, что ощущеніе не есть форма движенія». Извѣстно ли г. Карданусу, что эту мысль утверждали очень выдающіеся писатели, не *доказывая* ее въ томъ смыслѣ, какъ этого желаетъ г. Карданусъ *)?

Г. Карданусъ упрекаетъ меня въ томъ, что я это утвержденіе «вдвинулъ» въ качествѣ аксіомы. Пусть г. Карданусъ потрудится

---

*) «Міръ Божій», 1896, № 2.

*) См. *Декартъ*. «Meditationes» (VII). *Фалькенбергъ*. «Ист. Нов. Филос.», Спб., 1894, стр. 86—7. *Юмъ*. «Treatise of human nature». V. I, Part. IV, Sect V, Изд. Selby Bigge, стр. 234. См. выписку о немъ у *Лопатина* «Вопросы Филос. и Психологіи», кн. 30-я, стр. 639—40 примѣч.; *Бэнъ*. «Психологія», Спб., 1887. Введеніе, гл. I. Его же: «Душа и тѣло», гл. VI. *Спенсеръ*. «Психологія», т. I, § 56. *Бэнъ*. («Психологія», l. c.) говоритъ: «Область объекта или внѣшняго міра специфически характеризуется свойствомъ протяженности. *Область субъективнаго міра чужда этого свойства.* Дерево, рѣка, очевидно, имѣютъ протяженность. Удовольствіе не имѣетъ ни длины, ни ширины, ни толщины: свойствъ, которыя мы усматриваемъ въ каждомъ предметѣ, имѣющемъ протяженность. Мысль или идея могутъ относиться къ протяженнымъ величинамъ, но нельзя говорить о протяженности ихъ самихъ. Никто не скажетъ, что актъ воли, желанія, вѣры измѣряются пространственно. Поэтому о всемъ, что входитъ въ область субъекта, говорятъ вообще какъ о непротяженномъ. Такимъ образомъ, если духъ, какъ это обыкновенно дѣлается, принять за цѣлую сумму внутреннихъ субъективныхъ состояній, мы можемъ опредѣлить его отрицательнымъ путемъ, какъ *отсутствіе протяженности*». (Ср. его же «The Senses and the Intellect», 1894, 4-е, стр. 1—2; а также Logic, I, стр. 255 и д.).

доказать, что матерія протяженна: тогда онъ, можетъ быть, пойметъ, что̂ въ наукѣ называется «доказательствомъ», а если онъ это пойметъ, то онъ, можетъ быть, пойметъ, что никому, даже натуралисту, не позволительно употреблять философскіе термины какъ попало. Натуралистъ, «философствующій какъ попало», думаетъ, что о философіи можно говорить, не зная классиковъ философіи. Я не говорю, что г. Кардanусъ долженъ былъ бы знать Канта, Гегеля и иныхъ метафизиковъ, ему слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, знать хоть позитивистовъ, напр., Милля, Бэна, Спенсера, Льюиса и другихъ. А вѣдь о непосредственно очевидныхъ положеніяхъ говорится на первыхъ страницахъ «Логики» Милля, въ неправильномъ цитированіи котораго меня обвиняетъ г. Кардanусъ *).

Затѣмъ у г. Кардануса имѣется рядъ замѣчаній, долженствующій показать его философскую эрудицію.

«Г. Челпановъ,—говоритъ онъ,—какъ приватъ-доцентъ университета, конечно, особенно будетъ обиженъ тѣмъ, что я укоряю его въ сомнительности приводимыхъ имъ цитатъ. Но между людьми науки, принято, во-1-хъ, цитировать по возможности изъ первыхъ рукъ, и цитировать авторовъ *вполнѣ точно*». Смыслъ этого замѣчанія очевиденъ.

Онъ думаетъ, что я пишу ученую диссертацію, посредствомъ

---

*) *Д. С. Милль*. «Система Логики», М. 1897. Введеніе § 4.

«Мы познаемъ истины двоякимъ путемъ: однѣ—*прямо*, нѣкоторыя же—не прямо, а *посредствомъ* другихъ истинъ. Первыя составляютъ содержаніе интуиціи или сознанія; послѣднія суть результатъ *вывода*. Истины, извѣстныя намъ при помощи интуиціи, служатъ первоначальными посылками, изъ которыхъ выводятся всѣ остальныя наши познанія. Такъ какъ наше согласіе съ заключеніемъ основывается всегда на истинности посылокъ, то мы вовсе не могли бы ничего познавать при помощи умозаключеній, *если бы кое-что не было намъ извѣстно ранѣе всякаго умозаключенія*.

Примѣрами истинъ, извѣстныхъ намъ изъ непосредственнаго сознанія, могутъ служить наши тѣлесныя ощущенія и душевныя чувствованія. Я знаю непосредственно по собственному сознанію, что вчера я былъ разсерженъ или что я сегодня голоденъ. Примѣрами истинъ, которыя мы узнаемъ лишь путемъ вывода, можно взять происшествія, случившіяся во время нашего отсутствія, событія, сообщаемыя въ исторіи, или теоремы математики. О двухъ первыхъ разрядахъ этихъ истинъ мы умозаключаемъ на основаніи свидѣтельствъ или же на основаніи слѣдовъ, сохранившихся отъ этихъ происшествій; истины же послѣдняго разряда выводятся изъ посылокъ, выставляемыхъ, напр., въ сочиненіяхъ по геометріи подъ названіемъ опредѣленій и аксіомъ. Все, что мы можемъ знать, должно относиться либо къ тому, либо къ другому классу истинъ,—либо къ *числу непосредственныхъ данныхъ знанія*, либо къ числу заключеній изъ этихъ послѣднихъ».

(См. также выше указаніе на сочиненія другихъ авторовъ, говорившихъ о томъ же самомъ).

которой для людей науки, я долженъ доказать вещь сомнительную. Для этой цѣли, конечно, нужно пустить въ ходъ весь ученый аппаратъ, и подлиники, и цитаты, и т. п. Если бы г. Карданусъ зналъ то, о чемъ онъ берется говорить, то онъ этого не сказалъ бы. Я писалъ не ученый трактатъ, а популярную статью, я доказывалъ не вещь, въ которой сомнѣваются люди науки, а вещь, которая для людей науки давнымъ-давно несомнѣнна, я хотѣлъ только разъяснить, сдѣлать доступнымъ для публики то, что въ наукѣ давнымъ-давно доказано. Но хотя я смотрю на свою статью только какъ на популяризацію, тѣмъ не менѣе, я сдѣлалъ все, что требуется отъ человѣка науки: *я цитировалъ изъ первыхъ рукъ и вполнѣ точно*, какъ это я сейчасъ докажу.

«Онъ цитируетъ,—говоритъ г. Карданусъ,—авторовъ, которыхъ по своей спеціальности долженъ прекрасно знать, и не вѣрно, изъ вторыхъ рукъ. Такъ, напр., Шопенгауера онъ одинъ разъ цитируетъ по соч. Паульсена, «Введеніе въ философію», а другой разъ по переводу (не знаю какому), крайне неточному и невѣрному».

Если бы г. Карданусъ хотѣлъ быть добросовѣстнымъ, то, собираясь упрекать меня въ такомъ тяжкомъ для ученаго грѣхѣ, какъ *невѣрное цитированіе*, онъ обнаружилъ бы больше осторожности.

Г. Карданусъ говоритъ, что я цитирую по переводу, «*не знаю по какому*». Какъ г. Карданусъ не знаетъ по какому переводу, когда у меня въ выноскѣ стоитъ: «Міръ какъ представленіе и воля, М. 1888»? Это единственный переводъ Фета, какой существуетъ у насъ на русскомъ языкѣ. Если бы онъ далъ себѣ трудъ сличить то, что имѣется въ русскомъ переводѣ и у меня въ статьѣ, то онъ увидѣлъ бы, что между тѣмъ и другимъ есть разница. Это значитъ, что *я сличалъ переводъ съ оригиналомъ и исправлялъ и видоизмѣнялъ его согласно тексту.*

Чтобы доказать г. Карданусу, что я сличалъ съ текстомъ, я привожу русскій переводъ и то, что у меня находится въ статьѣ, и онъ увидитъ, какая имѣется разница *).

Въ русскомъ переводѣ:	Въ моей статьѣ:
«Матеріализмъ полагаетъ матерію, а съ нею время и пространство — какъ несомнѣно существующее, и перепрыгиваетъ черезъ отношеніе къ субъекту, въ которомъ единственно это все и	«Матеріалисты полагаютъ матерію... какъ несомнѣнно существующее... . . . .

*) Курсивъ обозначаетъ мѣста, отличающіяся въ переводѣ и въ моей статьѣ, многоточіе обозначаетъ *пропуски* въ моей цитатѣ.

заключается. Далѣе онъ беретъ за путеводную нить законъ причинности, принимая его, при руководствѣ, за самъ по себѣ существующій неизмѣнный порядокъ вещей, veritas aeterna; слѣдовательно, перепрыгивая черезъ умъ, въ которомъ и для котораго единственно существуетъ причинность. Затѣмъ онъ старается найти *первобытное*, простѣйшее состояніе матеріи и развить изъ него всѣ послѣдующія, восходя отъ простого механизма къ химизму, къ полярности, *растительности, животности*. Если бы, предположимъ, это удалось, то послѣднимъ звеномъ цѣпи оказалась бы *животная чувствительность*, познаніе, которое, такимъ образомъ, явилось бы простымъ измѣненіемъ матеріи, состояніемъ, къ которому она приведена причинностью. Если бы мы, такимъ образомъ, слѣдовали *за созерцательными представленіями* матеріализма, то, достигнувъ его вершины, почувствовали бы неукротимый порывъ олимпическаго смѣха, увидавши вдругъ, какъ бы пробуждаясь отъ сна, что его послѣдній, столь трудно добытый результатъ, — познаніе,—уже предполагалось какъ неизбѣжное условіе при первѣйшей исходной точкѣ, — простой матеріи, и хотя мы воображали, что посредствомъ его представляемъ себѣ матерію, но въ сущности обращались только къ представляющему себѣ матерію субъекту, къ видящему ее глазу,

Затѣмъ они стараются найти *первоначальное* простѣйшее состояніе матеріи и развить изъ него всѣ послѣдующія, восходя отъ простого механизма, къ химизму... *къ способности произростанія, ощущенія*. Если бы, предположимъ, это удалось, то послѣднимъ звеномъ цѣпи оказалась бы *способность ощущенія*, познанія которая...

явилась бы простымъ измѣненіемъ матеріи...

Если бы мы такимъ образомъ слѣдовали за *разсужденіями* матеріализма, то, достигнувъ его вершины, почувствовали бы неукротимый порывъ олимпическаго смѣха, увидавши вдругъ, какъ бы пробуждаясь отъ сна, что его послѣдній, столь трудно добытый результатъ познаніе уже предполагалось какъ неизбѣжное условіе при... исходной точкѣ — простой матеріи...

осязающей ее рукѣ и познающему ее уму. Такимъ образомъ, неожиданно открылась бы громадная petitio principii» и т. д.	Такимъ образомъ, неожиданно открылось бы громадное petitio principii»...

Очевидно, шопенгауеровскій текстъ я имѣлъ передъ собою въ то время, когда писалъ статью; иначе, какъ я могъ бы дѣлать *передѣлки*, вполнѣ согласныя съ текстомъ, если бы я не имѣлъ передъ собою текста? Въ интересахъ удобопонятности для читателей, я исправлялъ переводъ, измѣнялъ текстъ по подлиннику, *причемъ не допустилъ рѣшительно ни одного искаженія:* цитировалъ же по русскому переводу, въ надеждѣ, что заинтересовавшійся читатель поищетъ и прочтетъ по русскому переводу скорѣе, чѣмъ по нѣмецкому подлинику. Оттого, цитируя другое мѣсто изъ 2-го тома Шопенгауера, я сослался на книгу Паульсена, на русскомъ языкѣ, въ надеждѣ, что, можетъ быть, заинтересовавшійся читатель пожелаетъ познакомиться съ этимъ аргументомъ въ бо̀льшей полнотѣ, чѣмъ это находится у меня. Тогда онъ найдетъ его у Паульсена.

Отчего г. Кардану̀съ, такъ озабоченный точностью и вѣрностью перевода, не обратилъ вниманія на такое большое количество *пропусковъ* *) въ моемъ переводѣ, долженъ же онъ былъ видѣть эти пропуски, когда онъ сличалъ текстъ съ переводомъ? Вѣдь г. Карданусъ, который взялся меня изобличить въ незнаніи Шопенгауеровскаго текста, и это могъ бы мнѣ поставить въ счетъ. Или же г. Карданусъ *боялся* указать на это потому, что въ такомъ случаѣ его изобличеніе моего невѣжества, моего незнанія шопенгауеровскаго текста, должны были бы совершенно утратить свою пикантность, потому что тогда всякій увидѣлъ бы, что съ моей стороны существовало *умышленное измѣненіе текста*, а не незнаніе текста? Конечно, г. Карданусъ долженъ былъ преднамѣренно не замѣчать передѣлокъ, дабы не потерять повода написать бранную статью о русскихъ философахъ, обнаруживъ при этомъ случаѣ замѣчательную ученость въ области философіи.

Далѣе г. Карданусъ обнаруживаетъ новую бездну учености въ слѣдующемъ замѣчаніи о неправильности моего перевода, который онъ называетъ *искаженіемъ*: «у Шопенгауера сказано,—говоритъ онъ,—Animalität, т. е. одушевленность, а въ переводѣ—ощуще-

---

*) Вѣдь *пропуски*—это не то же, что ошибки. Если переводчикъ переводитъ плохо, то онъ неточно передаетъ *отдѣльные* термины или мысли, онъ можетъ пропустить одно или два слова, но какъ бы переводчикъ ни былъ плохъ, онъ едва ли станетъ пропускать 6—7 строчекъ.

ніе; у Шопенгауера сказано: thierische Sensibilität (животная чувствительность), а въ переводѣ—ощущеніе». Г. Карданусъ ошибается, думая, что Animalität нужно переводить черезъ «одушевленность», и что thierische Sensibilität нужно переводить черезъ «животная чувствительность», и что всякій другой переводъ есть искаженіе. Я сейчасъ покажу, что такъ можетъ говорить только тотъ, кто къ философіи имѣетъ очень отдаленное отношеніе.

Возьмемъ прежде всего слово Animalität; это слово происходитъ отъ слова animal, что значитъ животное. По вульгарнымъ представленіямъ, у животныхъ есть *душа*, у растеній души нѣтъ; душа есть то, что отличаетъ животныхъ отъ растеній. По этимъ же представленіямъ выходитъ, что животныя *одушевлены*. По натурфилософіи г. Кардануса выходитъ точно такимъ же образомъ; вотъ почему онъ предлагаетъ переводить, Animalität посредствомъ слова «одушевленность». Шопенгауеръ такого вульгарнаго различія между животными и растеніями совсѣмъ не признавалъ; для него растенія такъ же *одушевлены*, какъ и животныя; между растеніями только та разница, что животныя обладаютъ *способностью ощущенія*, а потому Animalität переводить черезъ «одушевленность» *нельзя*, скорѣе, можно было бы перевести посредствомъ «животность», какъ это сдѣлалъ Фетъ, если бы этотъ терминъ не былъ такъ неуклюжъ *).

Что здѣсь Animalität значитъ «способность ощущенія», г. Карданусъ могъ бы видѣть изъ самого текста, если бы онъ читалъ тексты философовъ какъ слѣдуетъ. Вотъ слова Шопенгауера. Матеріалистъ «старается найти первоначальное, простѣйшее состояніе матеріи, чтобы затѣмъ изъ него развить всѣ остальныя,

---

*) Растенія, напр., по Шопенгауеру (изд. Griesebach'a 3-й т.), обладаютъ *волей*, которая, по его мнѣнію, есть первичное *психическое* состояніе (den Willen haben sie (die Pflanzen) ganz unmittelbar). Какъ думаетъ г. Карданусъ,—*одушевлены* растенія или же нѣтъ, разъ они обладаютъ *волей*, т. е. психической способностью?

Пойдемъ дальше. Шопенгауеръ хотѣлъ совершенно упразднить слово *душа* (Seele) или распространить его употребленіе на всѣ процессы, которые являются объективаціей воли. На стр. 410 изд. Griesebach'a говорится: «Наша вторая книга заканчивается вопросомъ о цѣли той воли, которая, какъ оказалось, есть сущность всѣхъ вещей въ мірѣ.., названіе «міровой *души*» (Weltseele), посредствомъ котораго нѣкоторые философы обозначали ту внутреннюю сущность вещей, вмѣсто нея даетъ только лишь ens rationis, ибо душа обозначаетъ только лишь индивидуальное единство сознанія, которое, очевидно, той сущности не принадлежитъ, и вообще *понятіе души*, такъ какъ оно гипостазируетъ познаніе и волю въ неразрывной связи и при этомъ независимо отъ животнаго организма, *не можетъ быть оправдано, а, слѣдовательно, и употребляемо* (also nicht zu gebrauchen). Шопенгауеръ думалъ, что если по-

восходя отъ простого механизма къ химизму, къ полярности, къ способности произрастанія (Vegetation), къ Animalität». Стало быть, замѣтимъ, по Шопенгауеру, *высшее состояніе матеріи* есть Animalität. Теперь читаемъ дальше: «Если бы предположить, что это удалось, то *послѣднимъ звеномъ цѣпи* оказалось бы (thierische Sensibilität, Erkennen) способность ощущенія, познанія». Не очевидно ли, что Animalität соотвѣтствуетъ thierische Sensibilität, т. е. «способности ощущенія» *)? Вотъ почему я перевелъ Animalität посредствомъ «способность ощущенія», вполнѣ согласно съ мыслью Шопенгауера.

Далѣе г. Кардянусъ находитъ, что thierische Sensibilität нужно было переводить посредствомъ «животная чувствительность» и что я *извратилъ, переводилъ невѣрно*; развѣ Sensibilität не значитъ «способность ощущенія», а такъ какъ способность ощущенія можетъ быть по Шопенгауеру *только* у животныхъ, то развѣ будетъ искаженіе, если я отброшу «животная»?

Я съ цѣлью остановился такъ долго на толкованіи шопенгауеровскаго текста, чтобы показать, что переводить такъ, какъ переводитъ г. Карданусъ, можетъ только тотъ, кто при переводѣ смотритъ въ лексиконъ и ищетъ тамъ значеніе слова, а человѣкъ науки обыкновенно старается уразумѣть смыслъ переводимаго мѣста и затѣмъ уже переводить на родной языкъ тѣмъ словомъ, которое наилучше выражаетъ переводимую мысль.

Г. Карданусъ далѣе замѣчаетъ: «приводя затѣмъ цитату изъ Шопенгауера, г. Челпановъ не потрудился заглянуть въ подлинникъ, изъ котораго онъ ясно увидѣлъ бы, что знаменитый германскій философъ *говоритъ о матеріализмѣ вовсе не съ насмѣшкой*». Г. Карданусу хотѣлось щегольнуть передъ читателемъ своими философскими познаніями и тѣмъ, что онъ видѣлъ Шопенгауера на нѣмецкомъ языкѣ въ изд. Фрауенштедта, и для этой

нятіемъ души объяснять что-либо (В. II, стр. 202), то пищевареніе нужно было бы объяснять посредствомъ допущенія *души* въ желудкѣ, произростаніе (Vegetation) посредствомъ *души* въ растеніяхъ, сродство посредствомъ *души* въ химическихъ элементахъ, паденіе камня посредствомъ *души* этого послѣдняго.

Шопенгауеръ, употребляя слова: химизмъ, полярность, свойство произростанія (Vegetabilität), способность ощущенія (Animalität), имѣлъ въ виду терминологію своей собственной натурфилософіи, которая отнюдь не допускала существованія различія между растеніями и животными, которое, по мнѣнію г. Кардануса, состоитъ въ одушевленности; различіе между ними только лишь *въ способности ощущенія*. (См. «Ueber die vierfache Wurzel des Satzes vom Zureichenden Grunde». Изд. Frauenstädt'a. Lpz. 1875, стр. 47).

*) Schopenhauers Werke, изд. Griesebach'a B., I стр., 62.

цѣли дѣлаетъ только что приведенное замѣчаніе. Я долженъ замѣтить, что вовсе не имѣлъ въ виду опредѣлить, какъ *вообще* Шопенгауеръ относился къ матеріализму, сочувственно или совсѣмъ несочувственно. Постановка и рѣшеніе этого вопроса вовсе не входили въ мой планъ. Мнѣ нужно было показать, что матеріализмъ не состоятеленъ съ точки зрѣнія теоретико-познавательной *). Для иллюстраціи этой мысли, я нашелъ нужнымъ привести очень красивое мѣсто изъ Шопенгауера, въ которомъ онъ говоритъ о матеріализмѣ *насмѣшливо*, и въ самомъ дѣлѣ, можно ли сказать, что это мѣсто не показываетъ, что «*Шопенгауеръ относился къ матеріализму насмѣшливо*»? «Если бы,—говорится у него,—мы такимъ образомъ слѣдовали за разсужденіями матеріализма, то, достигнувъ его вершины, почувствовали бы *неукротимый порывъ олимпійскаго смѣха*». Неужели это не значитъ относиться къ матеріализму насмѣшливо?

Если же г. Кардапусъ желаетъ знать, какъ Шопенгауеръ *вообще* относился къ матеріализму, то для этого нужно прочитать *всѣ* его сочиненія, а не одну страницу.

Какъ Шопенгауеръ относился къ матеріализму и къ матеріалистамъ бюхнеро-молешоттовскаго пошиба, г. Карданусъ можетъ видѣть изъ слѣдующихъ мѣстъ. Вотъ что Шопенгауеръ говоритъ о матеріалистѣ Молешоттѣ: «Не знай я,—пишетъ онъ,—что книгу написалъ знаменитый д-ръ Молешоттъ, я бы предположилъ, что она исходитъ даже не отъ студента, а отъ парикмахерскаго подмастерья, прослушавшаго анатомію и физіологію. До того это невѣжественная, грубая, неуклюжая, вообще лакейская вещь». «Изъ этой же школы новая книга д-ра Бюхнера о веществѣ и силѣ, и совершенно въ томъ же духѣ... Эти негодяи отравляютъ голову и сердце, и невѣжественны, какъ лакеи, глупы и дрянны... Его вещь не только въ высшей степени безнравственна, но и фальшива, нелѣпа и глупа, а корень лежитъ въ невѣжествѣ, которое дитя лѣности». «Такой человѣкъ, какъ Бюхнеръ, не учился ничему, развѣ только немножко своей клистирной спринцологіи, не занимался ни философіей, ни древними языками, и съ этимъ

---

*) См. объ этомъ *Гефдингъ*. «Психологія» II, 8 с. *Паульсенъ*. «Введеніе», стр. 76—7. *Вундтъ*. «Психологія», 1.007—8. *Риль*. «Теорія науки и метафизика», 215,223—4. *Ланге*. «Ист. Мат.» II, 144. *Шопенгауеръ*. «Міръ какъ представленіе и воля», М. 1888, стр. 33—5. *Kurd Lasswitz* «Die Lehre Kants von der Idealität des Raumes u. d. Zeit im Zusammenhange mit seiner Kritik des Erkennens allgemeinverständlich dargestellt». 1881. Ср. *Циіенъ*. «Физіол. Псих.» 1893, стр. 186 и д.

осмѣливается онъ нагло и дерзко говорить «о природѣ вещей и міра» *).

Г. Карданусъ, какъ истинный профанъ въ философіи, вычиталъ на одной страницѣ одну мысль изъ Шопенгауера **) объ относительномъ оправданіи матеріализма (въ области естествовѣдѣнія, а не философіи) и рѣшается на этомъ основаніи говорить вообще о Шопенгауерѣ. Если бы г. Карданусъ хоть сколько-нибудь былъ знакомъ съ современнымъ состояніемъ философской мысли, то онъ зналъ бы, что такой матеріализмъ, какой въ этомъ мѣстѣ признаетъ Шопенгауеръ, признавали всѣ противники вульгарнаго матеріализма: Кантъ, Ланге, Вундтъ и Паульсенъ.

«Такія же странныя ошибки,—говоритъ далѣе г. Карданусъ,—г. Челпановъ допускаетъ и по отношенію къ другимъ своимъ цитатамъ. Говоря, напр., о методѣ самонаблюденія въ психологіи, г. Челпановъ заявляетъ, будто Д. С. Милль считаетъ, что для изслѣдованія психическихъ явленій существуетъ только методъ внутренняго опыта, т. е. методъ самонаблюденія, а между тѣмъ, у Милля сказано: «послѣдовательность, существующая между психическими явленіями, не можетъ быть выводима изъ физіологическихъ законовъ нашей нервной организаціи; и всякаго дѣйствительнаго познанія нужно искать на долгое время, если не навсегда, въ прямомъ изученіи *посредствомъ опыта и наблюденія* (курсивъ г. Кардануса, а не Милля) послѣдовательности явленій въ самой душѣ». «Гдѣ же здѣсь рѣчь о самонаблюденіи?», спрашиваетъ г. Карданусъ. Едва ли можно обнаружить больше невѣжества въ области самой элементарной психологіи, чѣмъ дѣлаетъ это г. Карданусъ на такомъ маломъ пространствѣ. Если онъ находитъ, что изучать Канта или Гегеля въ настоящее время совсѣмъ безполезно, то, мнѣ кажется, онъ не станетъ отрицать, что Милля-то не только философствующій натуралистъ, но и всякій мало-мальски образованный человѣкъ долженъ знать и *понимать*, между тѣмъ

*) Эти мѣста можно найти въ книгѣ *Куно Фишера* «Артуръ Шопенгауеръ». М. 1896, стр. 97—8.

**) Въ указываемомъ мѣстѣ Шопенгауеръ говоритъ: «Тѣмъ не менѣе цѣль и идеалъ всякаго *естествовѣдѣнія* въ основѣ—строго проведенный матеріализмъ». «Такимъ образомъ,—замѣчаетъ, приводя это мѣсто, г. Карданусъ,—если бы г. Челпановъ потрудился прочитать Шопенгауера въ подлинникѣ, а не въ искаженномъ переводѣ, онъ не сталъ бы утверждать, что *Шопенгауеръ осмѣиваетъ матеріализмъ*. Вѣдь осмѣивать то, что тутъ же ставится какъ идеалъ естествознанія, могутъ только наши доморощенные философы». Г. Карданусъ не обратилъ вниманія на то, что *естествознаніе* и *философія* для Шопенгауера двѣ вещи разныя, и то, что можетъ быть идеаломъ для естествознанія, можетъ быть совсѣмъ непригодно для философскаго пониманія міра.

цитата, только-что нами приведенная, такъ дерзко меня обвиняющая, ясно показываетъ полное *непониманіе* Милля. Г. Кардануcъ цитируетъ мѣсто изъ Милля и *невидитъ того*, *что въ немъ заключается*. Попробуемъ пояснить это мѣсто изъ Милля, изложивъ содержаніе того параграфа, въ которомъ оно заключается. Огюстъ Контъ, какъ извѣстно, возсталъ противъ такъ называемаго *субъективнаго* метода психологіи. *Субъективный* методъ психологіи называется еще иначе: *самонаблюденіе*, *интроспекція*, *внутренній опытъ*, *внутреннее чувство*, и есть не что иное, какъ «*прямое изученіе посредствомъ опыта и наблюденія послѣдовательности явленій въ самой душѣ*». (Слова Милля) *).

Огюстъ Контъ нашелъ, что этотъ методъ непригоденъ, не можетъ привести къ точнымъ научнымъ результатамъ, что вмѣсто него нужно примѣнять френологію или *физіологическіе законы нашей нервной организаціи*. Милль (въ цитируемомъ г. Кардануcомъ параграфѣ) возражаетъ на это Огюсту Конту, что психологія не можетъ быть изучаема при помощи знанія законовъ нашей нервной организаціи, а «при помощи прямого опыта и наблюденія душевныхъ явленій», т. е. самонаблюденія. Вотъ гдѣ находится «самонаблюденіе» у Милля.

Г. Кардануcъ, по наивности предполагая, что самонаблюденіе есть что-то противоположное *опыту* и *наблюденію*, нашелъ нужнымъ, мнѣ въ назиданіе, отмѣтить курсивомъ слова «опытъ и наблюденіе» въ цитатѣ Милля, гдѣ онъ говоритъ именно о самонаблюденіи. Произнося обвиненіе по адресу цѣлаго сословія, необходимо знать хоть азбуку философіи и знать, что такое *самонаблюденіе*, о которомъ говорится на первыхъ страницахъ всякаго учебника психологіи.

Имѣя такой необыкновенно скудный запасъ свѣдѣній даже по элементарной психологіи,—я уже не говорю о философіи,—выступать съ обвиненіемъ всѣхъ русскихъ философовъ, уличать въ ложномъ цитированіи авторовъ, которыхъ долженъ знать не только университетскій преподаватель, но и всякій просто образованный человѣкъ,—дерзость, во всякомъ случаѣ, характерная. Конечно, г. Кардануcъ можетъ разсчитывать на сочувствіе какой-нибудь части публики, ибо кому неизвѣстно, что «публика любитъ въ

*) Напр., г. Кардануcъ въ книжкѣ *Бинэ* «Введеніе въ экспериментальную психологію», Спб. 1896 г., стр. 22, могъ бы узнать слѣдующее: «Всѣмъ извѣстно, что означаетъ слово *интроспекція* (*самонаблюденіе*), имѣющее своими синонимами: *внутреннее чувство*, сознаніе и т. п. Это актъ, посредствомъ котораго мы *непосредственно усматриваемъ то*, *что происходитъ внутри насъ*, *наши мысли*, *воспоминанія*, *эмоціи*».

книгахъ больше всего свои собственныя мысли». Но какъ говоритъ этика относительно спекулированія на счетъ невѣжества публики?

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ г. Карданусу. Напрасно онъ такъ насмѣшливо относится къ тому, что «наши философы впряглись въ колесницу Канта». Если принять во вниманіе, какъ изучали Канта такіе выдающіеся натуралисты, какъ I. Мюллеръ, Гельмгольцъ и др., то, можетъ быть, изученіе Канта и для г. Кардануса было бы весьма благодѣтельно, и, можетъ быть, онъ не наговорилъ бы того вздора, которымъ онъ думаетъ поучать русскую публику. Что касается сѣтованій г. Кардануса на то, что нынѣ профессора философіи стали заниматься публицистикой, т. е. стараются популярно и общедоступно излагать философскія доктрины, то это замѣчаніе я считаю такою пошлостью, о которой и говорить не слѣдуетъ.

Въ «Новомъ Словѣ» (1896 г. сентябрь) *), въ отдѣлѣ «По поводу внутреннихъ вопросовъ», г. *С. К.* о современномъ состояніи философской мысли въ Россіи высказываетъ соображенія, которыя точно такимъ же образомъ показываютъ, съ какимъ скуднымъ запасомъ свѣдѣній наши критики смѣло пускаются поучать русскую публику.

Говорить объ обскурантизмѣ, который какъ въ этой статьѣ, такъ и во всѣхъ остальныхъ своихъ «произведеніяхъ» обнаруживаетъ г. С. К.,—я не предполагаю. Объ этомъ говорилось до меня, и говорилось хорошо. Я хочу сказать только нѣсколько словъ pro domo sua, по вопросу о матеріализмѣ. Вотъ его слова: «...Къ числу повѣтрій принадлежитъ и изобиліе философскихъ упражненій (по психологіи, этикѣ, метафизикѣ, исторіи философіи и т. д.), въ каждомъ журналѣ можно найти статью. Въ одномъ журналѣ какой-нибудь смѣлый приватъ-доцентъ новой формаціи разноситъ всѣхъ матеріалистовъ... Нельзя не пожалѣть, что голоса тѣхъ немногихъ, дѣйствительно философски образованныхъ людей, которые, не претендуя на собственныя теоріи, знакомили насъ съ движеніемъ философской мысли на Западѣ... становятся все менѣе и менѣе слышны... они и теперь дѣлаютъ свое скромное полезное дѣло, но ихъ заглушаютъ голоса модныхъ философовъ и той философской ярмарки, на которой собираются и галдятъ любители».

Изъ этого отрывка легко видѣть, что тѣ «немногіе дѣйствительно философски образованные люди», которые знакомили г. С. К. «съ движеніемъ философской мыли на Западѣ»—или очень плохо

---

*) Слѣдовательно, при старой его редакціи, на что обращаемъ вниманіе читателей. *Ред.*

дѣлали свое дѣло ознакомленія съ западно-европейской мыслью, или ужъ г. С. К. былъ необыкновенно плохъ въ усвоеніи того, съ чѣмъ его знакомили тѣ «немногіе дѣйствительно философски образованные люди», потому что не узналъ, что «смѣлый приватъ-доцентъ» въ своей статьѣ не имѣлъ никакой претензіи высказать что-нибудь совершенно новое, а хотѣлъ только познакомить читателей «Міра Боьяго» «съ движеніемъ философской мысли на Западѣ».

Г-нъ С. К. долженъ былъ бы знать, какъ публика относится у насъ къ печатному слову, и долженъ былъ бы осмотрительнѣе произносить свои сужденія о людяхъ. Онъ не исполнилъ самаго простого правила литературной морали, по которому требуется говорить только о томъ, о чемъ имѣешь вполнѣ достаточныя свѣдѣнія.

Г-нъ С. К. особенно недоволенъ тѣмъ, что критикуется матеріализмъ. Должно быть, оттого, что онъ въ этомъ чуетъ что-то «ретроградное», ему, должно быть, мерещится образъ спиритуалистическій *метафизики* и полная погибель *позитивизма.* Спѣшу успокоить г. С. К. Если бы уроки «тѣхъ немногихъ дѣйствительно философски образованныхъ людей», которые знакомили г. С. К. «съ философскимъ движеніемъ на Западѣ», пошли ему въ прокъ, то онъ зналъ бы, что и позитивисты отвергали матеріализмъ, напр., *Льюисъ*, *Спенсеръ*, *Бэнъ*, *Риль* и др. *). Итакъ, очевидно, что или г. С. К. совсѣмъ статьи моей не читалъ, но счелъ возможнымъ выражаться обо мнѣ съ презрѣніемъ, или онъ говоритъ о вещахъ, о которыхъ не имѣетъ никакого понятія.

«Мы играемъ относительно Западной Европы роль кухарки, получающей отъ барыни по наслѣдству старомодныя шляпки. Въ то время какъ мы еще дѣлимся на *матеріалистовъ* и *спиритуалистовъ*, передовая западная мысль въ лицѣ Конта, Спенсера и проч. отрицаетъ и ту и другую систему». Это было сказано Н. К. Михайловскимъ еще въ 70-хъ годахъ. Къ сожалѣнію, эту почетную роль мы продолжаемъ до сихъ поръ исполнять, и если будутъ у насъ такіе писатели, какъ г. Кардanусъ, г. С. К. и tutti quanti, то это положеніе вещей продлится еще на много десятковъ лѣтъ.

---

*) См. *Льюисъ* «Вопросы о жизни и духѣ». Т. II. Гл. «Движеніе какъ видъ чувствованія». *Бэнъ* «Душа и тѣло», стр. 215. *Риль* «Теорія науки и метафизики». Отд. II, гл. 2-я. *Спенсеръ* «Основныя начала». Кіевъ, 1886. 154. «Психологія», т. II, гл. X (см. выше).

ЖЕНСКОЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО ВЪ АНГЛІИ.

Л. Гижицкой.

Перев. съ нѣмецкаго **Л. Давыдовой.**

I.

Исторія женскаго избирательнаго права въ Англіи начинается съ первыхъ временъ существованія англійскаго парламента. Уже въ XIII столѣтіи крупные землевладѣльцы, принадлежавшіе къ стариннымъ фамиліямъ, посылали своихъ представительницъ въ парламентъ. Многочисленные историческіе источники свидѣтельствуютъ о томъ, что свободныя гражданки городовъ, которыя, какъ вдовы или незамужнія, самостоятельно вели какое-нибудь предпріятія, также не встрѣчали препятствій для пользованія своимъ избирательнымъ правомъ *). Существуетъ интересный документъ, относящійся къ 1572 г., т. е. къ царствованію королевы Елизаветы, изъ котораго мы узнаемъ, что владѣлица Айлсбѳри, пользующаяся избирательнымъ правомъ вслѣдствіе несовершеннолѣтія своего сына, подавала голосъ въ пользу двухъ гражданъ своего города, избранныхъ въ члены парламента, и, въ качествѣ избирательнаго коммиссара, слѣдующимъ образомъ оповѣщала объ этомъ своихъ согражданъ: «Всему христіанскому народу, который будетъ читать это посланіе, посылаю я, Доротея Пакингтонъ, вдова Джона Пакингтонъ, рыцаря и владѣльца города Айлсбѳри, свой поклонъ. Я извѣщаю его, что выбрала представителями моего города честныхъ гражданъ Томаса Личбрильда и Джона Бѳрдана».

Съ теченіемъ времени участіе женщинъ въ общественнй жизни все расширялось и это обстоятельство привлекло къ себѣ вниманіе знаменитаго юриста, сэра Эдварда Кока. Онъ первый обратился за справкою къ священному писанію, и рѣшилъ не допускать жен-

*) C. C. Stopes: «British Freewomen», London 1894.

щинъ на судѣ въ качествѣ свидѣтелей, ссылаясь на апостольское изреченіе: «mulier taceat in ecclesia» (женщина должна молчать въ церкви). Онъ уже въ концѣ XVI вѣка выступилъ противъ «вторженія» женщинъ и старался доказать, что въ англійскихъ законахъ нигдѣ не упоминается о политической равноправности мужчинъ и женщинъ. Тутъ впервые былъ поднятъ вопросъ, который впослѣдствіи такъ усердно разрабатывался и друзьями, и противниками женскаго движенія въ Англіи,—вопросъ о томъ, употребляется ли въ англійскомъ законодательствѣ слово «man» въ смыслѣ «мужчина» или «человѣкъ»? Кокъ настаивалъ на первомъ толкованіи, и его мнѣніе восторжествовало: женщинъ перестали допускать къ общиннымъ и парламентскимъ выборамъ. Въ то время, конечно, не могло быть и рѣчи о настоящемъ женскомъ движеніи, которое оказалось бы въ силахъ противостоять теченію событій: избирательное право было лишь привилегіей немногихъ обезпеченныхъ женщинъ, и потеря его никого, кромѣ нихъ, не затрагивала. Но единичные случаи протеста были и тогда. Такъ, Анна Клиффордъ, графиня Дорсетъ, Пемброкъ и Монтгомери, составила себѣ имя въ исторіи Англіи многолѣтней, энергической борьбой за сохраненіе своихъ правъ. Въ царствованіе Карла II она принимала участіе въ выборахъ, въ качествѣ шерифа графства Вестморландъ, и выставила своего кандидата. Но ея кандидатъ не былъ признанъ и правительство выставило на его мѣсто другого. Тогда она обратилась къ государственному секретарю съ слѣдующей жалобой: «Узурпаторъ разорилъ меня *), король презрѣлъ меня, но подданный не будетъ надо мною властвовать. Вашъ ставленникъ не будетъ представителемъ отъ Вестморланда». Въ концѣ концовъ она одержала такую блестящую побѣду, что король даже пригласилъ ко двору эту мужественную женщину. Она не приняла приглашенія и сказала при этомъ: «если бы я хотѣла появиться во дворцѣ Карла II, я должна была бы надѣть на себя шоры, какъ мои лошади». Но Анна Клиффордъ не имѣла послѣдовательницъ въ своей борьбѣ за право. Изнѣженная, роскошная жизнь привилегированныхъ сословій въ теченіе XVI и XVII в. была неподходящей почвой для развитія сильныхъ женскихъ характеровъ; хорошенькая головка дамы Рококо, съ ея замысловатой напудренной прической, не могла вмѣщать въ себѣ серьезныхъ, преобразовательныхъ мыслей. Голоса отдѣльныхъ мужчинъ, какъ, напр., Томаса Мора и Даніеля Деброэ, ратовав-

---

*) Намекъ на Кромвеля, во время протектората котораго ея замки и укрѣпленія были разрушены. Она потомъ опять всѣ ихъ отстроила.

шихъ за расширеніе круга дѣятельности и умственныхъ интересовъ женщинъ, оставались голосами, вопіющими въ пустынѣ, потому что соціальныя условія для возникновенія широкаго женскаго движенія еще не назрѣли.

Борьба за попранныя Яковомъ II политическія права народа захватила собою и женщинъ. «Декларація правъ» и послѣдовавшій за нею «законъ о правахъ» (Bill of rights), изданный въ 1689 г. при Вильгельмѣ III, значительно ограничилъ права короны и расширилъ права гражданъ, въ особенности избирательное право и право петицій. Правда, женскія права при этомъ не были затронуты; но расширеніе общественной свободы, самодѣятельности и образованія необходимо должно было косвенно отразиться и на женщинѣ высшаго и средняго круга. Первою женщиной писательницей, выступившей за духовное освобожденіе женщины отъ верховенства мужчины, была Мэри Астель. (Главныя сочиненія ея—«A serious proposal to ladies», 1694, и «Reflections upon Mariage», 1700). Но въ теченіе всего XVIII вѣка не могло быть и рѣчи о женскомъ движеніи и требованіи женщинами политическихъ правъ. Движеніе это началось во Франціи, гдѣ во время великой революціи женщины входили полноправными членами во всевозможные клубы и тайныя общества и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже занимали въ нихъ руководящее положеніе. По примѣру Франціи, и въ Англіи возникали многочисленные подобные союзы, которые шли такъ далеко въ подражаніи своему образцу, что ввели въ употребленіе слово «citizeness» вмѣсто «citoyenne» *). Требованія равноправности и политическихъ правъ для женщины впервые ясно и опредѣленно были высказаны Мэри Уоллостонкрафтъ въ ея замѣчательномъ сочиненіи «Vindication of the Rights of Women» (London, 1792, новое изданіе 1890 г.) «Безъ равенства нѣтъ нравственности,— говоритъ она между прочимъ, — нѣтъ справедливости, которая распространялась бы только на одинъ полъ... Почему мужчина является полнымъ властелиномъ, когда женщина, наравнѣ съ нимъ, одарена разсудкомъ?.. Могутъ сказать, что обычай привелъ къ порабощенію женщины; но это рабство, какъ и всякое другое, приведетъ только къ одному результату — къ приниженію какъ господъ, такъ и рабовъ...» и т. д.

Въ первыя десятилѣтія нашего вѣка возникали всевозможные союзы, которые служили къ распространенію тѣмъ или инымъ способомъ идей смѣлыхъ провозвѣстницъ женскаго движенія. Практи-

*) M. Ostrogorski. «La femme au point de vue du droit publique». Ouvrage couronné par la Faculté de droit à Paris, 1892.

ческое значеніе ихъ заключалось въ томъ, что женщины не только стали принимать болѣе живое участіе въ общественной жизни, но и начали пользоваться тѣми правами, которыя еще не были отняты у нихъ закономъ. Такъ, женщины стали избираться въ попечители бѣдныхъ, въ смотрители рабочихъ домовъ, въ тюремные инспекторы, и пр.; онѣ принимали также участіе въ приходскихъ выборахъ. Лордъ Ли рѣшилъ въ пользу женщинъ вопросъ о томъ, понимаются ли подъ выраженіемъ «каждый человѣкъ, платящій налоги», также и женщины, платящія налоги; по этому толкованію онѣ могли бы принимать участіе и въ парламентскихъ выборахъ.

Но противникомъ политической равноправности женщинъ выступилъ другой авторитетный человѣкъ, извѣстный своими научными изслѣдованіями. Это былъ Джемсъ Милль, отецъ величайшаго друга женщинъ, ученикъ Бентама. Въ своей статьѣ о «правительствѣ» онъ говоритъ: «Ясно одно, что всѣ тѣ личности, интересы которыхъ безусловно зависятъ отъ интересовъ другихъ лицъ, не могутъ пользоваться избирательными правами. Съ такой точки зрѣнія мы должны разсматривать положеніе дѣтей до извѣстнаго возраста, такъ какъ ихъ интересы покрываются интересами ихъ родителей. То же можно сказать и о женщинѣ». Вопросъ о женскихъ правахъ сдѣлался въ то время уже настолько жгучимъ, что это нападеніе Джемса Милля не могло остаться безъ отвѣта. Вильямъ Томсонъ отвѣтилъ на него цѣлой брошюркой *), въ которой старался опровергнуть аргументы Милля. Въ ней онъ говоритъ между прочимъ: «существуетъ ли на самомъ дѣлѣ тожество между интересами мужчинъ и женщинъ? И, если оно существуетъ, то является ли это достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы лишать одну изъ сторонъ ея политическихъ правъ?.. Мы должны различать три категоріи женщинъ: тѣхъ, которыя не имѣютъ ни отца, ни мужа; тѣхъ, которыя живутъ въ домѣ отца, въ качествѣ взрослыхъ дочерей, и тѣхъ, которыя живутъ въ домѣ у мужа. Первая категорія не можетъ связывать своихъ интересовъ ни съ чьими мужскими интересами. Взрослыя дочери могутъ отстаивать свои интересы передъ отцами; но какъ только онѣ выходятъ замужъ, онѣ опять возвращаются къ положенію дѣтей или идіотовъ... Если женщинѣ вообще трудно доставать себѣ работу, то къ чему же мужчинамъ еще болѣе увеличивать эту трудность, издавая законы только въ свою пользу?..» Это указаніе на жен-

*) «The Appeal of one Half of the Human Race, Women, against the Pretensions of the other Half. Men, to retain them in Political, and thence in Civil and Domestic Slvery». Lond., 1825. («Отвѣтъ половины человѣчества—женщинъ—на требованія мужчинъ удержать ихъ въ домашнемъ и политическомъ рабствѣ»).

скую работу указываетъ на значительный шагъ впередъ въ женскомъ движеніи. До сихъ поръ право женщины на политическую равноправность съ мужчиной выводилось изъ имущественныхъ правъ женщинъ; теперь же, при началѣ Чартистскаго движенія и борьбы противъ устарѣвшихъ формъ парламентскихъ выборовъ, объ этомъ больше нѣтъ и рѣчи.

Быстрое развитіе англійской промышленности съ одной стороны, и растущая тягость налоговъ съ другой—вотъ главныя движущія силы современнаго женскаго движенія въ Англіи. Оно имѣло въ виду двѣ цѣли: во-первыхъ, расширеніе сферы женской дѣятельности, такъ какъ женщины все болѣе и болѣе вытѣснялись изъ узкаго круга семьи и принуждены были искать заработка на сторонѣ; и, во-вторыхъ, достиженіе правовой и политической равноправности, которая разсматривалась, какъ основа общественной жизни. Успѣхъ англійскаго женскаго движенія въ значительной степени объясняется тѣмъ, что оно никогда не ограничивало себя борьбою за отдѣльныя частности, а всегда, не боясь ни преслѣдованій, ни насмѣшекъ, высоко держало свое знамя, на которомъ было написано: «политическая равноправность». Но подобно тому, какъ французская революція была революціей буржуазіи, такъ и англійское женское движеніе въ его цѣломъ является также революціей женской части буржуазіи. Борьба за политическую равноправность не могла особенно воодушевить женщинъ-пролетаріевъ, такъ какъ здѣсь шло, какъ мы уже говорили, только о равноправности между *имущими* женщинами и *имущими* мужчинами; рабочее сословіе, какъ мужское, такъ и женское, не было заинтересовано въ этой борьбѣ. Поэтому, въ началѣ женщины-работницы не принимали никакого участія въ женскомъ движеніи, да и теперь еще работницы, какъ классъ, стоятъ въ сторонѣ отъ борьбы англійскихъ женщинъ за свое освобожденіе. Буржуазный характеръ современнаго женскаго движенія въ Англіи особенно подчеркивается тѣмъ, что его поддерживали и до сихъ поръ еще поддерживаютъ разныя буржуазныя партіи, между тѣмъ какъ рабочая партія, хотя рѣшеніе женскаго вопроса и входитъ въ ея программу, на практикѣ еще мало занимается этимъ вопросомъ.

II.

Когда, въ 1832 г., въ Англіи была, наконецъ, проведена реформа избирательнаго права, маленькая кучка друзей женскаго движенія надѣялась, что и старыя права женщинъ будутъ возстановлены и подтверждены. Но ихъ ожидало горькое разочаро-

ваніе: противодѣйствіе противъ допущенія женщинъ къ выборамъ оказалось непреодолимымъ. Въ новомъ законѣ ясно было сказано, что избирательное право распространяется только на мужчинъ (mall persons). Черезъ нѣсколько лѣтъ такая же перемѣна въ редакціи закона лишила женщинъ права участія въ общинныхъ выборахъ.

У многихъ женщинъ только тогда проснулось сознаніе своихъ правъ, когда они были утрачены; въ ихъ средѣ началась усиленная агитація. Успѣхи женскаго движенія въ образовательной сферѣ,—въ 1848 и 1849 гг. были открыты первые женскіе колледжи,—подняли самосознаніе женщинъ и внушили имъ увѣренность въ побѣдѣ. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить вліяніе и примѣръ Америки, гдѣ женщины играли такую видную роль въ борьбѣ за освобожденіе негровъ; эти первые шаги на общественной аренѣ пробудили въ американской женщинѣ стремленіе къ завоеванію себѣ политическихъ правъ. Въ іюлѣ 1848 г. американки созвали первый женскій конгрессъ въ Нью-Іоркѣ и на этомъ конгрессѣ было постановлено добиваться прежде всего равныхъ съ мужчиною политическихъ правъ. Такимъ образомъ было положено начало женской революціи, которая оказалась болѣе долговѣчной, чѣмъ другія революціонныя бури, ознаменовавшія собою знаменитый 1848 годъ. Движеніе захватывало все болѣе широкіе круги: въ различныхъ штатахъ Сѣверной Америки созывались многолюдныя собранія и самые выдающіеся вожди эмансипаціи негровъ стали во главѣ этого новаго освободительнаго движенія. Въ это же время и англійское женское движеніе выставило человѣка, вокругъ котораго всѣ могли сплотиться—Джона Стюарта Милля. Въ іюлѣ 1851 г. появилась въ «Westminster Review» его статья о женской эмансипаціи, возбудившая большую сенсацію. Уже одинъ тотъ фактъ, что такой солидный, авторитетный журналъ, какъ «Westminster Review», рѣшился дать у себя мѣсто защитѣ гражданскихъ правъ женщины, показываетъ, насколько усилился общественный интересъ къ этому вопросу. Большинство аргументовъ Милля уже были высказаны его предшественниками—м-съ Астель, Мэри Уолостонкрафтъ, Томсономъ,—но онъ первый высказалъ слѣдующій новый и вполнѣ современный взглядъ: онъ требовалъ политической равноправности между женщинами и мужчинами во имя соціальнаго прогресса, такъ какъ женщины, вслѣдствіе своей замкнутости въ тѣсномъ семейномъ кругу, до сихъ поръ всегда являлись консервативнымъ элементомъ въ семьѣ, и своимъ вліяніемъ на мужчинъ всегда служили препятствіемъ для соціальнаго прогресса. Семейное своекорыстіе, которое, въ проти-

воположность своекорыстію вообще, выставляется добродѣтелью, а не порокомъ, и даже вмѣняется въ обязанность, постоянно заставляетъ мужчинъ вступать въ компромиссы и жертвовать своимъ гражданскимъ долгомъ во имя интересовъ семьи. И причиною этого является неразвитость женщинъ, ихъ замкнутость въ семейномъ кругу и равнодушіе къ общественной жизни, къ которой онѣ не имѣютъ доступа. Милль особенно упрекаетъ своихъ соотечественницъ въ томъ, что онѣ постоянно стоятъ на сторонѣ анти-либеральныхъ и анти-демократическихъ идей.

Этотъ фактъ уже былъ принятъ къ свѣдѣнію консервативной партіей, которая начала все болѣе и болѣе интересоваться вопросомъ о женскомъ избирательномъ правѣ, разсчитывая на значительное увеличеніе количества своихъ избирателей въ томъ случаѣ, если женщины получатъ избирательныя права. Въ томъ же году, когда появилась статья Милля, лордъ Броугэмъ внесъ въ парламентъ законопроектъ, по которому во всѣхъ избирательныхъ законахъ «для упрощенія способа выраженія», слова «male person» опять предлагалось замѣнить словомъ «man». Его законопроектъ былъ принятъ, и даже съ добавленіемъ, что слово «man» можетъ включать въ себя и женщинъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ особыхъ постановленій противъ такого толкованія. Но все это было обставлено такимъ образомъ, что женское движеніе ничего не выиграло отъ такого законопроекта. Гораздо больше значенія для него имѣла первая женская петиція объ избирательномъ правѣ, поданная въ слѣдующемъ году палатѣ лордовъ черезъ посредство графа Карлиля.

Поведеніе консерваторовъ пріобрѣло имъ симпатіи женщинъ, и когда въ 1866 г. самый выдающійся консервативный дѣятель Дизраэли (будущій лордъ Биконсфильдъ) высказался въ палатѣ общинъ за женское избирательное право, онъ завоевалъ этимъ для своей партіи прочную поддержку значительной части англійскихъ женщинъ, что имѣло большое значеніе, такъ какъ уже тогда выборная агитація въ значительной степени находилась въ рукахъ женщинъ, и—какъ ни странно это можетъ показаться—на выборъ того или иного кандидата большое вліяніе оказывало сочувственное отношеніе къ нему политически-безправныхъ женщинъ.

Вся агитаторская дѣятельность Милля была направлена къ тому, чтобы усилить также и либеральный, демократическій элементъ женскаго движенія. Черезъ мѣсяцъ послѣ рѣчи Дизраэли въ палатѣ общинъ, Милль представилъ парламенту петицію, подписанную 1.499 женщинами, и по его иниціативѣ въ Манчестерѣ

возникъ первый женскій союзъ для борьбы за политическія права. Стоявшая на очереди новая избирательная реформа, которая должна была сильно демократизировать англійское избирательное право, чрезвычайно оживила женское движеніе. Милль сдѣлался представителемъ его въ парламентѣ и внесъ поправку къ правительственному законопроекту, предлагая обезпечить женщинамъ равныя съ мужчинами политическія права. Но правительственный законопроектъ, и безъ этой поправки, встрѣтилъ сильное противодѣйствіе въ парламентѣ, такъ какъ понижалъ избирательный цензъ, опредѣляемый платой за квартиру, и вслѣдствіе этого болѣе чѣмъ вдвое увеличивалъ число избирателей; парламентъ не чувствовалъ никакой склонности учетверять число избирателей, прибавляя къ нимъ еще избирателей-женщинъ. Поэтому поправка Милля, несмотря на его блестящую вступительную рѣчь, была отклонена 196 голосами противъ 76. Единственный результатъ ея заключался въ томъ, что точно также была отклонена и другая поправка, предлагавшая снова замѣнить терминъ «man»—терминомъ «male person» («лицо мужскаго пола»).

Въ виду этихъ неудачъ передовыя женщины Манчестера и Сальфорда рѣшили добиваться своей цѣли другимъ путемъ. Ссылаясь на законъ лорда Броугэма и на то, что слово «man» слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ «мужчины», а «человѣка»— какъ слово «homo» въ латинскомъ языкѣ,—около 7.000 женщинъ, имѣющихъ права на это въ качествѣ владѣлицъ, или лицъ, нанимающихъ квартиры на свое имя, потребовали, чтобы ихъ имена были внесены въ избирательные списки.

Введеніе новой избирательной реформы вызвало такое смятеніе среди чиновниковъ, призванныхъ надзирать за выборнымъ механизмомъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ это требованіе женщинъ было удовлетворено, но въ значительномъ большинствѣ случаевъ онѣ потерпѣли неудачу. Тѣ, которымъ было отказано, обратились съ жалобой въ судъ, и начался длинный процессъ, во время котораго снова переворошили всѣ аргументы за и противъ. Пресса также принимала живѣйшее участіе въ обсужденіи этого вопроса. Но судъ рѣшилъ противъ женщинъ. Возмущеніе по случаю еще разъ проигранной битвы чрезвычайно оживило женское движеніе: женскіе союзы стали выростать какъ грибы, и тотъ же Милль, своей книгой «О подчиненности женщинъ», далъ имъ оружіе, которое они уже больше не выпускали изъ рукъ.

До сихъ поръ главной цѣлью женской агитаціи было парламентское избирательное право; теперь же они стали добиваться права участія въ городскихъ, общинныхъ и школьныхъ выборахъ.

Здѣсь онѣ опять встрѣтили поддержку со стороны Милля и его единомышленниковъ—въ особенности со стороны Брайта и сэра Чарльза Дилька. По предложенію Брайта, самостоятельнымъ незамужнимъ или овдовѣвшимъ женщинамъ было предоставлено активное избирательное *) право въ городскихъ выборахъ (Municipal Suffrage). Въ слѣдующемъ году, благодаря неутомимой агитаціи Милля и его друзей, удалось, въ связи съ общей реформой школьнаго дѣла, провести законъ, считающійся наиболѣе радикальнымъ изъ англійскихъ избирательныхъ законовъ. Всѣ, платящіе налоги, граждане, безъ различія пола, какъ женатые, такъ и неженатые, были допущены къ выборамъ въ школьные совѣты, и всѣ совершеннолѣтніе обитатели могли быть избираемы въ эти совѣты. Такимъ образомъ, женщины обезпечили себѣ вліяніе на народное образованіе. Успѣхъ ихъ дѣятельности на этомъ поприщѣ увеличилъ число друзей женскаго движенія и косвеннымъ образомъ содѣйствовалъ и ихъ борьбѣ за политическія права.

Слѣдующій законопроектъ о женскомъ избирательномъ правѣ исходилъ отъ Брайта и былъ формулированъ слѣдующимъ образомъ:

«Во всѣхъ законахъ, относящихся къ квалификаціи избирателей... обозначенія, ограничивающіяся до сихъ поръ только мужчинами, должны быть примѣнены также и къ женщинамъ... не взирая на всѣ противоположные законы и обычаи».

Мы видимъ, что здѣсь дѣло опять-таки вертится вокругъ двоякаго значенія слова «man». Брайтъ предлагалъ не какое-либо измѣненіе дѣйствующаго избирательнаго закона, а только другое толкованіе его текста. Предложеніе его неожиданнымъ образомъ имѣло успѣхъ: во второмъ чтеніи оно было принято 124 голосами противъ 91. Тутъ только противники встрепенулись, и въ особенности Гладстонъ, который является фанатическимъ врагомъ женскаго движенія, поскольку оно преслѣдуетъ политическія цѣли.

Женское избирательное право въ Англіи не связано ни съ какой политической партіей; этимъ и объясняется тотъ фактъ, что консерваторъ Дизраэли высказывался за него, а либералъ Гладстонъ—противъ, и въ числѣ ихъ послѣдователей находились какъ либералы, такъ и консерваторы. Смотря по тому, считалось ли женское избирательное право полезнымъ или вреднымъ для партіи въ данную минуту, политическіе дѣятели становились въ ряды его сторонниковъ или противниковъ. Поэтому, когда законопроектъ

*) Активное избирательное право—право избирать, а пассивное—быть избираемымъ. *Пр. перев.*

Брайта прошелъ во второмъ чтеніи и былъ переданъ въ коммиссію, то Гладстонъ употребилъ всю силу своего вліянія, чтобы провалить его тамъ. Всѣ равнодушные и часто отсутствующіе члены парламента были привлечены въ засѣданіе, когда разсматривался законопроектъ, и онъ былъ отвергнутъ 220 голосами противъ 94. Затѣмъ онъ еще 4 раза представлялся въ парламентъ, и всѣ 4 раза былъ отвергаемъ.

Между тѣмъ, число женщинъ, требовавшихъ себѣ политическихъ правъ, все возрастало. Въ 1873 г. былъ составленъ и меморандумъ о женскомъ избирательномъ правѣ, подписанный уже 11.000 женщинъ и переданный ими Дизраэли. Въ этомъ обширномъ произведеніи встрѣчается, между прочимъ, слѣдующее характерное заявленіе:

«Если вы обратите вниманіе на вліяніе, оказываемое законодательнымъ расширеніемъ избирательнаго права на новые слои народной массы, то вы замѣтите, что интересы среднихъ и низшихъ слоевъ народа гораздо болѣе принимаются во вниманіе, съ тѣхъ поръ, какъ они обладаютъ политическими правами; если бы женщины получили политическія права, то получился бы такой же результатъ».

Отвѣтъ Дизраэли былъ отпечатанъ и въ тысячахъ экземпляровъ распространенъ по всей странѣ. Въ немъ онъ, между прочимъ, выражаетъ надежду, что парламентъ въ скоромъ времени удовлетворитъ справедливыя требованія женщинъ. Но эти слова оказались только любезной фразой. Въ слѣдующемъ году Дизраэли былъ сдѣланъ первымъ министромъ, и въ теченіе тѣхъ семи лѣтъ, во время которыхъ онъ стоялъ во главѣ англійскаго кабинета, онъ ни разу не воспользовался своимъ высокимъ положеніемъ, чтобы сдѣлать что-нибудь въ пользу женскаго дѣла.

III.

Женщины, между тѣмъ, продолжали работать, не смущаясь никакими неудачами. Впрочемъ, онѣ одерживали и довольно крупныя побѣды; такъ, на островѣ Мэнѣ (Isle of Man) онѣ добились пассивнаго избирательнаго права въ мѣстный парламентъ *), а въ 1870 и 1884 гг. добились крупной реформы законовъ, касающихся имущественныхъ правъ незамужнихъ женщинъ. На почвѣ имущественнаго права онѣ достигли полнаго равенства съ мужчинами:

*) Островъ Мэнъ, у сѣверо-восточныхъ береговъ Шотландіи, имѣетъ 54.000 жителей кельтской расы; онъ имѣетъ свою особую конституцію, пользуется правомъ законодательства и находится во владѣніи Англіи, представителемъ которой тамъ является губернаторъ.

замужнія женщины получили право самостоятельно распоряжаться своимъ пріобрѣтеннымъ или унаслѣдованнымъ имуществомъ, заключать отъ своего имени контракты и пр. Казалось бы, для политической эмансипаціи женщины этотъ законъ могъ имѣть своимъ послѣдствіемъ только то, что отнынѣ и замужняя женщина, поскольку она является собственницей или арендаторшей какого-нибудь имѣнія, дома, торговаго заведенія и пр., будетъ требовать себѣ равнаго съ мужчиною избирательнаго права. Но на дѣлѣ вышло иначе: женскіе союзы, обезнадеженные постоянными неудачами въ парламентѣ, рѣшились пойти на компромиссъ и отказаться отъ избирательнаго права замужнихъ женщинъ. Въ 1885 г. онѣ составили проектъ закона, который былъ внесенъ въ парламентъ м-ромъ Ульдэлемъ, въ качествѣ поправки къ новому правительственному проекту реформы избирательнаго закона. Поправка эта гласитъ такъ:

«При выборахъ въ парламентъ, женщины должны пользоваться одинаковыми правами съ мужчинами, и всѣ законодательныя постановленія, относящіяся къ этимъ выборамъ, должны быть измѣнены соотвѣтствующимъ образомъ.

Замужнія женщины не могутъ вноситься въ избирательные списки и принимать участіе въ выборахъ».

Реакціонная вторая часть поправки какъ бы уничтожала собою первую часть и плохо подходила къ общему характеру демократической избирательной реформы, проведеніе которой съ такимъ трудомъ удалось Гладстону, сдѣлавшемуся тѣмъ временемъ преемникомъ Дизраэли. Эта реформа увеличила число избирателей съ 2 милліоновъ до 5, потому что, кромѣ домовладѣльцевъ и хозяевъ квартиръ, право голоса получили также лица, занимающія отдѣльныя комнаты, и часть мужской прислуги, также какъ и сельское населеніе, бывшее до сихъ поръ почти безправнымъ. Но тотъ самый человѣкъ, который освободилъ цѣлые классы народа отъ политическаго безправія, воспользовался всей силой своего вліянія для того, чтобы не дать права голоса женской половинѣ народа. Онъ заявилъ, что разсмотрѣніе вопроса о женскомъ избирательномъ правѣ можетъ привести къ крушенію всю избирательную реформу, и этимъ смутилъ многихъ сторонниковъ его. Только небольшая кучка либераловъ, не смотря на увѣщанія своего вождя, рѣшилась голосовать за дарованіе женщинамъ политическихъ правъ. Оно было отклонено 227 голосами противъ 137. Въ слѣдующіе года м-ръ Ульдэль нѣсколько разъ предлагалъ на разсмотрѣніе парламента свой законопроектъ, но каждый разъ съ одинаковымъ успѣхомъ. Женщины должны были, наконецъ, убѣдиться, что ихъ тактика требовать малаго, чтобы хоть чего-нибудь добиться,—ни къ

чему не приводитъ. Эта тактика только дискредитировала все ихъ движеніе и привела къ первому расколу въ ихъ средѣ, впослѣдствіи все усиливающемуся.

Но болѣе радикальное теченіе въ женскомъ движеніи было вызвано не только возмущеніемъ противъ безпринципности старыхъ женскихъ союзовъ и по поводу ихъ отказа отъ борьбы за права замужнихъ женщинъ. До сихъ поръ какъ-то всегда само собою подразумѣвалось, что борьба шла только изъ-за активнаго избирательнаго права. Почему? Развѣ законы, вырабатываемые парламентомъ, не распространяются также и на женскую часть населенія? Развѣ женщины не должны были бы имѣть права голоса при рѣшеніи вопросовъ, затрогивающихъ судьбу ихъ сестеръ? Всѣ эти соображенія повели къ основанію «Лиги для освобожденія женщины» (Woman Franchise League), которая занимаетъ совершенно исключительное положеніе среди другихъ женскихъ союзовъ. Число членовъ ея не такъ значительно, какъ въ остальныхъ, но зато среди нихъ находятся такіе выдающіеся радикальные политики, какъ Чарльзъ Дилькъ, Джонъ Бёрнсъ, д-ръ Панкгёрстъ, Джемсъ Стансфельдъ, извѣстные вожаки рабочей партіи, какъ Гербертъ Бероузъ, Томъ Мэнъ, Бенъ Тиллетъ, такія представительницы женскаго движенія, какъ графиня Абердинъ, лэди Сомерсетъ, лэди Дилькъ, и др. Лига эта выработала законопроектъ, который въ 1889 г. былъ внесенъ въ парламентъ. Онъ гласитъ:

«Во всѣхъ законахъ, относящихся къ парламентскому, городскому и мѣстному избирательному праву, всѣ термины и обозначенія, относившіеся до сихъ поръ только къ мужчинамъ, должны быть распространены также и на женщинъ.

Женщина, выходя замужъ, не лишается своего избирательнаго права».

Законопроектъ этотъ изъ года въ годъ представлялся въ парламентъ, но дѣло ни разу не доходило до слушанія его: или среды (день, предназначавшійся для выслушиванія предложеній отдѣльныхъ членовъ) обыкновенно оказывались занятыми какими-нибудь важными правительственными предложеніями—средство, къ которому зачастую прибѣгаетъ правительство, чтобы не допустить какія-либо нежелательныя пренія,—или что-нибудь другое мѣшало.

Между тѣмъ, на другомъ поприщѣ борьба женщинъ за избирательное право увѣнчалась успѣхомъ, и имъ открылось новое, широкое поле для дѣятельности.

1888-й годъ ознаменовался большимъ прогрессомъ въ области мѣстнаго самоуправленія, такъ какъ съ этого года «совѣты графствъ» (county-councils)—учрежденія, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалось управленіе мѣстными дѣлами—стали избираться всѣми, платящими налоги, жителями графствъ, тогда какъ прежде

они состояли изъ лицъ, назначаемыхъ правительствомъ. Женщины получили здѣсь избирательное право на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ онѣ уже имѣли городское избирательное право, т. е. при условіи самостоятельнаго владѣнія или найма дома, веденія какого-либо дѣла и платежа налога для бѣдныхъ. По закону, избирательное право въ совѣты графствъ было предоставлено «каждому человѣку» (every person), удовлетворяющему этимъ условіямъ. Исключеніе составляли только замужнія женщины. Естественно, что англійскія женщины рѣшили воспользоваться такой формулировкой новаго закона и попробовать счастія на новомъ пути. Четверо изъ нихъ выставили свою кандидатуру въ совѣтъ Лондонскаго графства и были избраны. Самъ совѣтъ графства, который имѣетъ право выбирать одну треть своихъ сочленовъ, между тѣмъ какъ двѣ трети выбираются населеніемъ, голосовалъ въ пользу женщины. Можно себѣ представить, какъ велика была радость по случаю этой побѣды, которая лучше всякихъ разсужденій свидѣтельствовала о томъ, что женщинамъ удалось привлечь на свою сторону широкіе круги населенія. Но торжество ихъ было преждевременнымъ. Выбранныя женщины уже заняли свои мѣста въ совѣтѣ графства, когда вдругъ оказалось, что противъ одной изъ нихъ—лэди Сангёрстъ—была подана жалоба въ судъ со стороны побѣжденнаго ею конкуррента на выборахъ, который доказывалъ, что избраніе ея незаконно. Судъ рѣшилъ дѣло въ пользу мужчины, и женщины были вынуждены удалиться изъ совѣта графства, куда онѣ проникли послѣ столькихъ усилій. Ссылка на законъ лорда Броугэма не произвела никакого дѣйствія: судьи продолжали настаивать, что пассивное женское избирательное право идетъ въ разрѣзъ со всѣми традиціями англійскаго законодательства. Когда въ слѣдующемъ году были организованы, по образцу англійскихъ, шотландскіе совѣты графствъ, то, во избѣжаніе подобныхъ недоразумѣній, въ законѣ было оговорено, что женщины не имѣютъ права выставлять свои кандидатуры.

Женщинамъ оставалось только утѣшать себя мыслью, что онѣ, по крайней мѣрѣ, добились хоть активнаго избирательнаго права въ совѣты графствъ, что тоже является немаловажной побѣдой. Для того полумилліона женщинъ, которыя пользуются этимъ правомъ, оно имѣетъ большое воспитательное значеніе, потому что даетъ имъ возможность на дѣлѣ доказать свою подготовленность къ политической жизни. Даже противники женскаго движенія должны были признать, что женщины серьезнѣе и сознательнѣе относятся къ своимъ избирательнымъ обязанностямъ, чѣмъ большинство мужчинъ. Женщины особенно заинтересовались вопросами о тюремномъ управ-

леніи, о санитарномъ состояніи улицъ, объ общественныхъ увеселеніяхъ: онѣ давали своимъ кандидатамъ самыя подробныя инструкціи на этотъ счетъ и своей агитаторской дѣятельностью часто оказывали вліяніе на рѣшенія совѣта графства.

Успѣшная дѣятельность женщинъ на поприщѣ мѣстнаго самоуправленія объяснялась ихъ врагами, и даже частью ихъ друзей, тѣмъ, что разсматриваемые здѣсь вопросы касаются только нѣсколько расширеннаго домашняго хозяйства, что вполнѣ соотвѣтствуетъ способностямъ и познаніямъ женщинъ, между тѣмъ какъ общіе политическіе вопросы, и въ особенности внѣшняя политика, превосходятъ предѣлъ ихъ пониманія. Соображеніе это не лишено справедливости, но при этомъ забываютъ, что самое обладаніе извѣстнымъ правомъ является лучшимъ воспитательнымъ средствомъ для успѣшнаго пользованія имъ. Умственная ограниченность женщины объясняется тѣмъ, что ее насильственно замыкали въ самый узкій кругъ дѣятельности. Тамъ же, гдѣ ей открывали доступъ къ образованію или къ общественной дѣятельности, она вездѣ доказала, что способна къ развитію, также какъ и мужчина. Въ Англіи кругъ ея дѣятельности постепенно все расширялся, и наконецъ въ 1894 г., при новой реорганизаціи мѣстнаго самоуправленія, женщины получили пассивное избирательное право въ общинные совѣты (Parish-District Councils), и также право быть избираемыми въ попечители бѣдныхъ (Poor-Law Guardians). Это право было предоставлено всѣмъ женщинамъ, не исключая и замужнихъ. На послѣднихъ выборахъ въ попечители бѣдныхъ на эту должность были избраны 835 женщинъ. Во многихъ общинахъ женщины были избраны на должности санитарныхъ инспекторовъ, инспекторовъ техническихъ и сельскохозяйственныхъ школъ, на должности завѣдующихъ домами трудолюбія и врачей въ общественныхъ больницахъ и домахъ для умалишенныхъ. На послѣднихъ выборахъ въ школьные совѣты было избрано 122 женщины. Все это показываетъ, что англійскій народъ очень скоро пріучился выбирать женщинъ на общественныя должности и остался доволенъ ихъ первыми шагами на этомъ поприщѣ.

Въ Ирландіи женщины, являющіяся плательщицами прямыхъ налоговъ, уже съ 1887 г. пользуются активнымъ избирательнымъ правомъ въ городскомъ самоуправленіи, а съ прошлаго (т. е. 1896 г.) года онѣ получили пассивное и активное избирательное право въ попечительства о бѣдныхъ. Въ англійскихъ колоніяхъ Африки, Австраліи и Канады женщины пользуются избирательнымъ правомъ въ городскомъ самоуправленіи на тѣхъ же условіяхъ, какъ въ Англіи.

IV.

По мѣрѣ развитія политической и общественной дѣятельности англійскихъ женщинъ, между ними все рѣзче и рѣзче обозначались политическія разногласія, несмотря на объединяющее всѣхъ ихъ стремленіе къ достиженію избирательныхъ правъ. Чѣмъ глубже онѣ проникнуты своими политическими убѣжденіями—консервативными, или либеральными, или соціалистическими—тѣмъ сильнѣе въ нихъ желаніе бороться за торжество своихъ идей; поэтому онѣ всѣ вмѣстѣ добиваются политическихъ правъ, справедливо считая ихъ однимъ изъ самыхъ могучихъ орудій въ этой борьбѣ. Главныя англійскія партіи находятъ свое отраженіе и въ женскомъ движеніи.

Подъ руководствомъ консерваторовъ возникла такъ-называемая «Примрозъ Лига» (Primrose League), насчитывающая милліонъ членовъ—мужчинъ и женщинъ. Во время выборовъ члены примрозъ-лиги отличаются своей неутомимой, энергической дѣятельностью въ пользу консервативныхъ кандидатовъ; почти никто изъ консервативныхъ членовъ парламента не бываетъ избранъ безъ ихъ содѣйствія. Политическая программа ихъ ограничивается требованіемъ активнаго избирательнаго права для незамужнихъ и овдовѣвшихъ женщинъ.

«Либеральный женскій союзъ» (The Womens Liberal Federation) имѣетъ около 200.000 членовъ, которые проявляютъ такую же дѣятельность при выборахъ либеральныхъ кандидатовъ, какъ члены примрозъ-лиги—при выборахъ консервативныхъ кандидатовъ. Онѣ добиваются предоставленія всѣмъ женщинамъ, какъ незамужнимъ и вдовамъ, такъ и замужнимъ, активнаго избирательнаго права на мѣстныхъ и парламентскихъ выборахъ.

Наконецъ, третья группа—лига освобожденія женщины—(The Woman Franchise League), большинство членовъ которой состоитъ изъ соціалистовъ, высказывается въ этомъ отношеніи еще болѣе рѣшительно, и требуетъ для женщинъ не только активнаго, но и пассивнаго избирательнаго права.

Между этими тремя главными направленіями стоятъ, конечно, еще многочисленныя промежуточныя группы, которыя, смотря по обстоятельствамъ присоединяются то къ тѣмъ, то къ другимъ.

Но какъ только женское избирательное право ставилось на очередь въ парламентѣ, такъ всѣ различныя направленія въ женскомъ движеніи начинали развивать самую энергическую дѣятельность. Послѣ того, какъ въ 1886 г. былъ отклоненъ законопроектъ м-ра Ульдэля, вопросъ о женскомъ избирательномъ правѣ обсуждался въ парламентѣ только въ 1892 г. Консервативный депутатъ сэръ Аль-

бертъ Роллитъ внесъ въ парламентъ законопроектъ, доженствующій предоставить всѣмъ женщинамъ, участвующимъ въ городскихъ выборахъ и въ выборахъ въ совѣты графства активное избирательное право въ парламентъ. Этотъ законопроектъ вполнѣ отвѣчалъ воззрѣніямъ консервативной партіи на женскій вопросъ: въ немъ шла рѣчь только объ активномъ избирательномъ правѣ, и только для незамужнихъ женщинъ. Обсужденіе его въ парламентѣ вызвало самыя горячія преніи. Съ одной стороны противникомъ законопроекта выступилъ старый, непримиримый противникъ женской эмансипаціи, Гладстонъ, который выпустилъ цѣлую брошюрку съ рѣзкой критикой законопроекта Роллита. Съ другой стороны, противъ него выступила и «Лига для освобожденія женщины», которая обратилась въ парламентъ съ петиціей объ отклоненіи этого законопроекта, и, кромѣ, того старалась склонить на свою сторону общественное мнѣніе путемъ печати. Въ парламентѣ представители обѣихъ сторонъ получили слово. Брошюрка Гладстона, въ которой говорилось о распаденіи семьи подъ вліяніемъ женской эмансипаціи, составляла главное содержаніе рѣчей либеральныхъ противниковъ. Одинъ изъ нихъ указалъ на то, что самый фактъ поддержки этого законопроекта со стороны консерваторовъ внушаетъ серьезныя опасенія, такъ какъ они не рѣшились бы высказаться въ пользу такого «прыжка въ неизвѣстность», если бы не были увѣрены въ томъ, что большая часть женщинъ-избирателей настроена консервативно. Съ другой стороны, онъ предупреждалъ также противъ соціалистическихъ увлеченій женщинъ, которыя могутъ оказаться на сторонѣ фабіанцевъ и своими голосами провести въ парламентъ вожаковъ рабочихъ, въ родѣ Бёрнса и Бенъ Тиллета. Противъ законопроекта выступилъ также м-ръ Асквитъ, реформаторъ новѣйшаго фабричнаго законодательства въ Англіи; онъ считалъ лишеніе замужнихъ женщинъ избирательнаго права несовмѣстнымъ съ демократическимъ духомъ современности.

Въ результатѣ голосованія получилось отклоненіе законопроекта 202 голосами противъ 193, т. е. большинствомъ только 9 голосовъ. Изъ консерваторовъ 94 голосовали за законопроектъ, а 82 противъ; изъ либераловъ—59 за и 86 противъ. Большинство консерваторовъ было, слѣдовательно, на сторонѣ женщинъ. Въ слѣдующемъ же году они опять имѣли возможность доказать свои симпатіи къ женскому движенію. Правительство представило парламенту законопроектъ о новомъ расширеніи избирательныхъ правъ населенія, и виконтъ Вольмеръ внесъ къ нему поправку, въ силу которой эти права должны были распространяться и на женщинъ. Но тутъ дѣло не дошло до голосованія, потому что правительство въ скоромъ времени взяло назадъ свой законопроектъ.

Такимъ образомъ, борьба опять оказалась безплодной и англійскія женщины не добились успѣха ни на одномъ изъ намѣченныхъ путей. Но онѣ не пали духомъ и продолжали работать съ еще большимъ рвеніемъ. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ онѣ были заняты собираніемъ подписей для массовой петиціи, которая была подписана женщинами самыхъ различныхъ политическихъ направленій. Эта петиція должна была доказать противникамъ неосновательность ихъ мнѣнія, будто лишь незначительное меньшинство женщинъ заинтересовано въ полученіи политическихъ правъ, и дѣйствительно въ 1895 г., когда петиція была подана въ парламентъ, на ней было ни болѣе, ни менѣе, какъ 257.000 подписей. Въ этой петиціи англійскія женщины, безъ различія партій и направленій, просили у парламента предоставленія женщинамъ политическихъ правъ. Въ то же время въ парламентъ были внесены три законопроекта, довольно точно отражающіе въ себѣ три главнѣйшія направленія въ женскомъ движеніи.

Первый законопроектъ, составленный консерваторомъ мистеромъ Макдона, предоставлялъ женщинамъ активное избирательное право и оставляетъ невыясненнымъ вопросъ о томъ, предоставляется ли это право также и замужнимъ женщинамъ. Второй законопроектъ, принадлежащій либералу м-ру Макъ-Лорену, также ограничивается предоставленіемъ женщинамъ лишь активнаго избирательнаго права, но зато рѣшительно высказывается въ пользу замужнихъ женщинъ. Третій законопроектъ, исходящій отъ сэра Чарльса Дилька, Джона Бёрнса и Кейръ Гарди, требуетъ не только полной политической равноправности женщинъ, но и всеобщаго, равнаго избирательнаго права для всѣхъ совершеннолѣтнихъ гражданъ. Большинство женщинъ стояло за проектъ Макъ-Лорена. Проектъ Дилька поддерживала только небольшая группа передовыхъ женщинъ, объединившаяся подъ знаменемъ «Лиги для освобожденія женщины». Причина численной незначительности этой группы объясняется всей исторіей женскаго движенія въ Англіи. Оно съ самаго начала носило чисто буржуазный характеръ, и женщины рабочаго класса, которыя должны бы были быть наиболѣе заинтересованы въ осуществленіи законопроекта Дилька, всегда стояли въ сторонѣ отъ женскаго движенія и относились къ нему безучастно. Въ данномъ случаѣ вина падаетъ, главнымъ образомъ, на рабочую партію, которая, съ своей стороны, мало интересовалась женскимъ вопросомъ и только въ послѣднее время обратила вниманіе на организацію женскихъ рабочихъ союзовъ. О политическомъ развитіи работницъ никто не заботился. Члены рабочей партіи, сочувствующіе эмансипаціи, не агитируютъ въ

ея пользу въ своей средѣ, а дѣлаются членами уже существующихъ женскихъ политическихъ союзовъ. Такъ же поступаютъ и немногія работницы, интересы которыхъ не ограничиваются узкими чисто-дѣловыми вопросами.

Всѣ три законопроекта постигла одинаковая судьба: вслѣдствіе распущенія парламента лѣтомъ 1895 г., ни одинъ изъ нихъ не былъ представленъ къ обсужденію. Но проектъ Макъ-Лорена оказалъ практическое дѣйствіе на ирландское законодательство: согласно его предложенію городское избирательное право въ Ирландіи было преобразовано, и женщины получили право голоса въ городскомъ самоуправленіи.

Проектъ Дилька тоже не прошелъ безслѣдно: онъ легъ въ основаніе избирательнаго закона въ англійскихъ южно-австралійскихъ колоніяхъ. Южно-австралійское правительство предоставило всѣмъ совершеннолѣтнимъ мужчинамъ какъ активное, такъ и пассивное избирательное право, а съ 1886 г. прекрасно организованный женскій политическій союзъ, поддерживаемый многими мужчинами, началъ энергичную борьбу за политическую равноправность женщинъ. Въ южно-австралійскій парламентъ было представлено два законопроекта, которые, однако, были отклонены значительнымъ большинствомъ голосовъ вслѣдствіе ихъ консервативнаго характера. Въ 1893 г. правительство представило въ парламентъ законопроектъ, который былъ принятъ обѣими палатами. Законопроектъ этотъ предоставляетъ женщинамъ активное избирательное право при парламентскихъ выборахъ.

Весною слѣдующаго года происходили первые парламентскіе выборы при участіи женщинъ. Одна изъ южно-австралійскихъ газетъ, «The South-Australian Argus», слѣдующимъ образомъ описываетъ эти выборы: «женщины были всюду и ихъ присутствіе на улицахъ и въ переполненныхъ залахъ, гдѣ происходили выборы, оказывало самое облагораживающее вліяніе на толпу. Никогда еще избирательныя собранія не проходили такъ спокойно, какъ во время послѣднихъ выборовъ, когда женщины первый разъ принимали участіе въ голосованіи... Даже монахини воспользовались своимъ избирательнымъ правомъ, и въ Сѣверной Аделаидѣ можно было наблюдать оригинальную картину—процессію доминиканокъ въ ихъ длинныхъ темныхъ одѣяніяхъ, безмолвно и торжественно подходящихъ къ избирательнымъ урнамъ. Вообще, послѣдніе выборы прошли лучше и спокойнѣе, чѣмъ когда-либо, и многіе думаютъ, что этимъ мы обязаны участію въ нихъ женщинъ».

Выборы эти опровергли распространенное мнѣніе, будто жен-

щины не нуждаются въ избирательномъ правѣ и не станутъ имъ пользоваться, когда оно будетъ имъ даровано: изъ 77.752 мужчинъ подали голоса 51.572, а изъ 59.166 женщинъ своимъ правомъ голосованія воспользовались 39.312, т. е. процентное отношеніе воздержавшихся отъ голосованія для обоихъ половъ почти одинаковое. Но и еще другое, очень распространенное мнѣніе было опровергнуто ими, а именно, будто дарованіе женщинамъ политическихъ правъ приведетъ къ торжеству реакцію; къ общему удивленію случилось какъ разъ обратное, и на первыхъ выборахъ, въ которыхъ принимали участіе женщины, побѣда осталась на сторонѣ радикальной и въ особенности рабочей партіи. Женщины еще не выставляли своего кандидата на этихъ выборахъ.

Южная Австралія, однако, не занимаетъ, по отношенію къ женскому вопросу, исключительнаго мѣста въ ряду англійскихъ колоній. Еще за годъ передъ тѣмъ, самая демократическая изъ колоній, Новая Зеландія, послѣ 14-лѣтней неутомимой агитаціи женщинъ, предоставила имъ активное избирательное право на выборахъ въ парламентѣ. Первые выборы, происходившіе при участіи женщинъ, дали тѣ же результаты, какъ и выборы въ Австраліи. Изъ 191.661 женщины 90.290 подали свои голоса въ пользу либеральныхъ и соціалистическихъ кандидатовъ. Почти вся выборная агитація находилась въ рукахъ женщинъ и участіе ихъ выразилось, между прочимъ, и въ томъ, что они украшали цвѣтами залы, гдѣ происходили выборы, и угощали избирателей чаемъ. Выборы прошли очень спокойно, нигдѣ не было никакихъ нарушеній порядка, такъ что одинъ изъ чиновниковъ, надзирающій надъ процедурою выборовъ, заявилъ даже, что онъ предпочитаетъ имѣть дѣло со 100 избирателями-женщинами, чѣмъ съ 50 избирателями-мужчинами.

Принимая во вниманіе многолѣтнюю, упорную борьбу женщинъ изъ-за политическихъ правъ, успѣхи ихъ дѣятельности въ мѣстномъ самоуправленіи въ Англіи и на парламентскихъ выборахъ въ англійскимъ колоніяхъ—не говоря уже о сѣверо-американскихъ штатахъ Вайомингѣ, Утахѣ, Колорадо и Идаго, гдѣ женщины обладаютъ политическими правами,—нельзя не видѣть, что все это движеніе заслуживаетъ самаго глубокаго уваженія, и что оно близится къ достиженію своей цѣли. Въ культурныхъ странахъ старой Европы существуетъ одно препятствіе къ политической равноправности женщинъ, котораго нѣтъ въ австралійскихъ колоніяхъ, а именно—численный перевѣсъ женщинъ надъ мужчинами. Это обстоятельство и доставило главный матеріалъ для возраженій противникамъ женскаго избирательнаго права при обсужденіи

этого вопроса въ парламентѣ 3-го февраля этого года. Поводомъ къ преніямъ послужилъ осторожный и умѣренный законопроектъ м-ра Фетфуля Беггса, повторяющій почти слово въ слово законопроектъ Макдона, внесенный въ парламентъ въ 1895 г. Онъ предоставляетъ активное избирательное право на выборахъ въ парламентъ «каждой женщинѣ, самостоятельно владѣющей или нанимающей на свое имя домъ, или квартиру въ городѣ или въ сельской общинѣ». Но такъ какъ англійскій парламентаризмъ несомнѣнно сильно демократизируется теперь и идетъ на встрѣчу введенію всеобщаго равнаго избирательнаго права, то этотъ умѣренный проектъ долженъ былъ встрѣтить большія возраженія и со стороны враговъ, и со стороны друзей. Характерно, что Лабушеръ, одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ противниковъ женскаго избирательнаго права, критиковалъ проектъ Беггса именно съ этой стороны и доказывалъ его несправедливость и нелогичность, потому что онъ не требуетъ для женщинъ равныхъ съ мужчиною политическихъ правъ и, напр., лишаетъ этихъ правъ значительную массу всѣхъ одинокихъ женщинъ, нанимающихъ отдѣльныя комнаты (lodgers); далѣе въ законопроектѣ не упоминается о томъ, распространяется ли это право также и на замужнихъ женщинъ, или нѣтъ... «Если мы дадимъ женщинамъ избирательныя права, то мы должны дать ихъ имъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и мужчинамъ», говорилъ Лабушеръ. Его политическій единомышленникъ, сэръ Вильямъ Гаркуртъ, высказался въ томъ же смыслѣ и прибавилъ къ этому, что принятіе разсматриваемаго законопроекта будетъ имѣть огромныя послѣдствія: «всякому очевидно, что рано или поздно въ Англіи будетъ введено всеобщее избирательное право», которое, конечно, распространится и на женщинъ, и, принимая во вниманіе, что въ Англіи на 1.200.000 женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ, онѣ составятъ такое огромное большинство, которое неминуемо захватитъ въ свои руки всѣ государственныя дѣла. Слова Гаркура произвели большое впечатлѣніе на парламентъ и на періодическую печать: враги женскаго движенія тотчасъ же подхватили ихъ, а друзья не съумѣли съ достаточной ясностью и убѣдительностью доказать всю призрачность этого возраженія. Вмѣсто того, чтобы отстаивать принципъ всеобщаго, активнаго и пассивнаго женскаго избирательнаго права, они всячески отстаивали проектъ Беггса. Только одинъ изъ ораторовъ указалъ на то, что предположеніе, будто въ будущемъ всѣ мужчины будутъ стоять на одной сторонѣ, а всѣ женщины на другой—лишено всякаго основанія; но онъ не упомянулъ, что какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошломъ, съ того момента, какъ женщины серьезно

стали заниматься политическими вопросами, не было, да и не можетъ быть рѣчи объ единой *женской партіи*; въ женской средѣ уже теперь замѣтна дифференціація, и она, конечно, будетъ обозначаться все рѣзче и рѣзче, когда женщины добьются политическихъ правъ, достиженіе которыхъ и объединяетъ ихъ въ настоящее время. Женщины присоединятся къ различнымъ мужскимъ партіямъ; въ вопросахъ, касающихся женскихъ интересовъ, онѣ будутъ отстаивать свою точку зрѣнія, но во всемъ остальномъ будутъ сливаться съ партіями, являющимися представительницами тѣхъ общественныхъ классовъ, къ которымъ онѣ принадлежатъ.

Несмотря на ловкую тактику противниковъ и неудачную защиту друзей (характерно, что ни сэръ Чарльзъ Далькъ, ни кто-либо изъ представителей рабочей партіи не выступилъ на защиту проекта, а Джонъ Бёрнсъ даже не присутствовалъ на голосованіи), проектъ Беггса былъ принятъ 230 голосами противъ 159, т. е. большинствомъ 71 голоса. За него голосовали 120 консерваторовъ и 92 либерала. Затѣмъ онъ былъ переданъ на разсмотрѣніе коммиссіи и въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ будетъ опять поставленъ на очередь въ парламентѣ. Хотя его поддерживаютъ всѣ женскіе политическіе союзы, и въ ихъ числѣ «Womens Liberal Federation» съ ея 800.000 членовъ, тѣмъ не менѣе, принятіе его парламентомъ все-таки остается очень сомнительнымъ. Сочувствіе лорда Сольсбэри и имена Бальфура, Ритчи, Лекки и Стэнли, стоящихъ на сторонѣ женщинъ, врядъ ли обезоружатъ враговъ, къ которымъ принадлежатъ нетолько противники женскаго избирательнаго права, но и противники ограничительнаго проекта Беггса.

Черезъ четыре недѣли послѣ того, какъ женское избирательное право разсматривалось въ палатѣ общинъ, оно обсуждалось и въ палатѣ лордовъ; виконтъ Темпльтоунъ внесъ на обсужденіе палаты законопроектъ о женскихъ избирательныхъ правахъ, который былъ отвергнутъ уже при первомъ чтеніи, что является печальнымъ предзнаменованіемъ для проекта Беггса: даже въ случаѣ, если онъ будетъ принятъ палатою общинъ, онъ, несомнѣнно, потерпитъ крушеніе въ палатѣ лордовъ.

Но если побѣда 3-го февраля и не будетъ имѣть практическаго значенія, она все-таки знаменуетъ собою крупный шагъ впередъ, и указываетъ на то, что приближается время рѣшенія вопроса о политической равноправности женщинъ.

ПАМЯТИ ЛЕРМОНТОВА.

Тянутся горы туманною цѣпью,
Ястребъ кружится въ лазури надъ степью,
Вѣтеръ качаетъ ковыль;
Вѣтеръ повѣялъ вечернею лаской,
Въ сердцѣ воскресла завѣтною сказкой
Старая быль.

—

Здѣсь, у подножья горы-великана,
Въ заревѣ молній, во мглѣ урагана
Палъ онъ—пѣвецъ молодой.
Тамъ, гдѣ пышнѣй разрослася осока,
Высится въ горной степи одиноко
Камень сѣдой.

—

Люди въ стремленьи къ наживѣ упорномъ
Путь проложили къ вершинамъ нагорнымъ,
Грозный разрушивъ оплотъ;
Умеръ Кавказъ непокорный и дикій,
Пали твердыни,—лишь геній великій,
Геній поэта живетъ.

О. Чюмина.

Пятигорскъ, 8-го іюля 1897 г.

ЗЛОЙ ДУХЪ.

Романъ Іонаса Ли *).

(Переводъ съ норвежскаго В. Фирсова.).

*(Продолженіе *).*

V.

Была уже осень.

Андерсъ Браттъ расхаживалъ по комнатамъ въ одной жилеткѣ и хлопоталъ о томъ, чтобы вина были подогрѣты или остужены. Одни сорта охлаждались на льду; другіе онъ самъ принесъ изъ погреба и поставилъ отогрѣваться въ комнатѣ.

— Видишь ли, Гетта, — говорилъ онъ озабочено,—какъ слѣдуетъ, съ достоинствомъ принять такихъ людей, какъ Іонстоны, труднѣе, чѣмъ задать обѣдъ властямъ и представителямъ города. Для тѣхъ довольно хорошихъ блюдъ и вволю вина, а съ этимъ бариномъ не такъ-то просто! Тѣ съ дѣтства знаютъ, что къ чему подходитъ, что прилично, а гастрономія у нихъ въ крови. Жареная баранина съ брусникой для меня самый вкусный ужинъ, и послѣ него я сплю, какъ убитый, а если бы они наѣлись такой баранины на ночь, такъ не сомкнули бы глазъ до утра...

Жена безшумно хлопотала въ гостиной. Ея накидка и шляпа лежали еще на креслѣ. Она только-что пріѣхала изъ церкви и торопилась уставить принесенные отъ садовника букеты въ большія фарфоровыя вазы.

Директоръ принесъ изъ погреба еще одну «резервную» бутылку, на всякій случай, и осторожно уложилъ ее въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ печки на два березовыхъ полѣна.

Сегодня онъ хотѣлъ угостить Іонстона на славу. И былъ къ тому поводъ... Наканунѣ онъ уже почти заручился большинствомъ

---

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

голосовъ для постановленія совѣта приступить къ расширеніямъ порта и устроить новую пароходную пристань какъ-разъ на участкѣ Іонстона! Этого онъ добился не безъ труда, пустивъ въ дѣло все свое вліяніе на согражданъ. Оставалось только уговорить самого Іонстона и привлечь на свою сторону всѣхъ его приверженцевъ.

— Вѣдь это обогатитъ его!—самодовольно говорилъ онъ женѣ.— Теперь, когда начнется отчужденіе земли подъ набережную, ему заплатятъ за каждый квадратный футъ столько, сколько онъ заплатилъ за сажень. И остальная его земля вздорожаетъ всемеро. Онъ можетъ считать себя вполнѣ обезпеченнымъ, даже богатымъ человѣкомъ! Свое предложеніе я сообщу ему совершенно спокойно, за стаканомъ бургундскаго... Обсужденія отложимъ до другого раза. Ужасно мнѣ хочетъ озадачить его! Обрадуется и согласится онъ не сразу... нѣтъ! Это въ немъ поднимается постепенно... Сначала удивится, будетъ думать, а тамъ и пойметъ. Не пойдетъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, противъ своихъ выгодъ!

Въ столовой шумѣли посудой и приборами. Столъ накрывали Гертрудъ съ экономкой. Постлали большую, тонкую скатерть; салфетки разложили тѣ, которыя употреблялись только въ особенно торжественныхъ случаяхъ. На буфетѣ красовались двѣ красивыя хрустальныя вазы: одна — съ кремомъ, другая — съ пирожными.

Директоръ продолжалъ распоряжаться, не надѣвая сюртука, и былъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа. Онъ былъ непритворно счастливъ, сознавая, что можетъ устроить судьбу друга и опять поднять на нѣкоторую высоту захудалый родъ Рэнеберговъ. Притомъ и для его собственныхъ выгодъ крайне важно было расширеніе порта.

Съ ранней юности и во все это время, когда онъ самъ пробивалъ себѣ дорогу, Андерсъ Браттъ чувствовалъ высоко, высоко надъ собой значеніе и власть владѣльцевъ большого завода. Онъ привыкъ удивляться старому заводчику и преклоняться передъ родомъ Рэнеберговъ. А когда Рэнеберги разорились, онъ сохранилъ все свое почтеніе къ ихъ послѣднимъ отпрыскамъ. Онъ гордился тѣмъ, что когда-то видѣлъ этотъ родъ во всемъ его великолѣпіи.

Іонстонъ, женатый на дочери послѣдняго заводчика, наслѣдовалъ только развалины огромнаго состоянія. Были лѣса, фабрики, заводы, обширная оптовая торговля; но все это въ долгахъ, и наступилъ тяжелый торговый кризисъ; пришлось ликвидировать дѣла и начинать жизнь сначала. Отъ богатства остались однѣ жалкія крохи...

— Ты сама увидишь, Гетта, что они пріѣдутъ ровно въ три часа!—предупредилъ онъ жену.—Ни минутой раньше, но зато и не опоздаютъ.

— Удивительные люди!—продолжалъ онъ, расхаживая по комнатѣ.—Въ дѣлахъ не гонятся за особенной пунктуальностью, довольствуясь одной приблизительной точностью; но опоздать на званый обѣдъ! О, это было бы такое преступленіе, котораго они себѣ никогда бы не простили!

Онъ пошелъ въ свой кабинетъ, надѣясь до обѣда успѣть разобрать сегодняшнюю почту.

Послѣ обѣда Абрагамъ столкнулся съ Гертрудъ на лѣстницѣ, которая вела въ садъ.

— Кстати, не можете ли сказать мнѣ, каковъ сегодняшній курсъ на Гамбургъ?—спросилъ онъ самымъ дѣловымъ тономъ. За обѣдомъ она была съ нимъ суха и не улыбнулась ни одной изъ его остротъ... Теперь онъ хотѣлъ отомстить ей насмѣшкой надъ ея дѣловитостью.

— Еслибъ вы заглянули въ свою записную книжку, то нашли бы въ ней портретъ овцы или собаки!—отвѣтила она.—Другихъ «курсовъ» вы не отмѣчаете кажется.

— Ядовито!—усмѣхнулся онъ.—Но это вамъ не къ лицу. Добродушіе или простой гнѣвъ больше идутъ къ вашему лицу... Однако, что это значитъ, что, рѣшительно при всякой встрѣчѣ со мной, вы становитесь такъ подозрительны и колки? Это вовсе не въ вашемъ характерѣ...

— У меня просто не хватаетъ ума разговаривать съ вами!—замѣтила она съ прежней враждебностью. — Ваши разсужденія черезчуръ глубоки и тонки для меня.

— Смотрите, Гертрудъ, вы превратитесь въ кустъ шиповника!—разсмѣялся онъ.—Такъ и колетесь, и впиваетесь!.. Но серьезно,—скажите мнѣ, за что вы такъ злы со мной? Когда-то мы вѣдь были хорошими друзьями...

Послѣднюю фразу онъ проговорилъ мягко, сердечно, но и это не подѣйствовало на нее.

— Въ чемъ же вы видите злость?—спросила она.—Неужели всякій, кто не восхищается вами, золъ?

— Перестаньте кусаться!.. Вотъ злючка!

— Благодарю васъ! Теперь, можетъ быть, мы окончимъ эту бесѣду?

Съ этими словами она уже хотѣла было уйти отъ него; но онъ остановилъ ее.

— Постойте, Гертрудъ!—сказалъ онъ уже съ нескрываемой тоской.—Если бы вы знали, какъ вы огорчаете меня!.. И такъ вы думаете, что я очень высокаго о себѣ мнѣнія? Какъ сильно вы ошибаетесь! Во мнѣ нѣтъ ни крошки порядочнаго человѣка, потому что я не умѣю идти своимъ собственнымъ путемъ...

— Если бы вамъ сказалъ это кто-нибудь другой, полагаю, что..

— Ахъ, Гертрудъ, перестаньте же, не корчите изъ себя маленькой дѣвочки! Неужели бы я сталъ говорить съ вами такъ, еслибъ не зналъ, что мы можете понять меня!

— Но я вѣдь... «злючка».

— Послушайте, Гертрудъ... За обѣдомъ я любовался вами: этотъ красный бантъ на черномъ платьѣ, при черныхъ волосахъ и при вашихъ темныхъ глазахъ, придавалъ вамъ что-то, напоминавшее пышную гвоздику...

— Все это вздоръ! неправда! Вы забыли, что мы сидѣли на одной и той же сторонѣ стола.

— И все-таки мнѣ не пришлось смотрѣть на васъ сквозь тетю Софи и другихъ: вы превосходно отражались въ зеркалѣ... Я видѣлъ не только все, что вы дѣлали, во и все, что вы думали... по выраженію вашихъ глазъ. О, ваши размышленія были тоже самыхъ темныхъ цвѣтовъ! Кстати, помните, Гертрудъ, какъ, разъ, вы стояли возлѣ меня и смотрѣли рисунокъ, который я оканчивалъ. Выраженіе вашего лица было тогда другое! Въ тѣ времена вы вѣрили, какъ и я, что передъ вами въ самомъ дѣлѣ великій живописецъ... И за то спасибо Гертрудъ!.. Было же, значитъ, время, когда вы мнѣ вѣрили!

Противъ воли на губахъ ея заиграла улыбка. Такъ ясно она представила себѣ, съ какими ухищреніями она старалась тогда овладѣть его рисункомъ. Этотъ рисунокъ былъ портретъ ихъ покойнаго козла!.. Потомъ она вставила рисунокъ въ золоченую рамку, которая и теперь валяется на чердакѣ.

— Вотъ видите, Гертрудъ!—сказалъ онъ мягко.—Меня только и хватаетъ на изображеній звѣрей. Поневолѣ я долженъ оставаться при этомъ. Я не могу видѣть даже человѣческаго лица, не подмѣтивъ въ немъ сходства съ какой-нибудь звѣриной мордой. И это сходство становится мнѣ такъ очевидно, такъ овладѣваетъ мною, что я невольно впадаю въ преувеличеніе, и выходитъ каррикатура... Пока я не уясню себѣ сходства какого-нибудь человѣка со звѣремъ, всѣ его особенности ускользаютъ отъ меня. Какъ видите, серьезнаго портретиста изъ меня никогда не выйдетъ. Но васъ мнѣ бы очень хотѣлось когда-нибудь изобразить.

— Послѣ всего что вы сказали, это очень лестно для меня.

— Нѣтъ, серьезно... Я думаю, я нашелъ бы средство передать на полотно необыкновенный цвѣтъ и блескъ вашихъ глазъ...

— Нельзя ли однако узнать, въ видѣ какого же звѣря вы желали бы меня изобразить?

Онъ встряхнулъ головой.

— Теперь вы опять естественны и говорите, какъ товарищъ, Гертрудъ! — сказалъ онъ. — Поэтому буду съ вами откровененъ. Не скрою отъ васъ, что я очень къ вамъ привязанъ. Почему не признаться въ этомъ? Вы для меня гораздо дороже, чѣмъ думаете... И знаете еще что? Я не могу думать о чемъ-нибудь черномъ — о блестящемъ черномъ цвѣтѣ, въ которомъ есть точно скрытый огонь, что-то живое, — не вспомнивъ о васъ... Такое богатство темныхъ оттѣнковъ присуще только вамъ! И вотъ, представьте себѣ, рядомъ съ вами, сталъ мнѣ являться другой образъ... весь изъ свѣтлыхъ оттѣнковъ... такой привлекательный, что можно погубить душу, любуясь имъ.

— Словомъ, вы промѣняли кукушку на ястреба?

— Нѣтъ, не «кукушку на ястреба», потому что я ничего не промѣнялъ. По цѣлымъ ночамъ лежалъ я, не отрывая глазъ отъ обоихъ видѣній, и доходилъ до полнаго отчаянія, не зная, какъ раздѣлиться между двумя увлеченіями. Такъ въ древности раздирали человѣка пополамъ, привязывая его къ лошадямъ, которыхъ гнали въ противоположныя стороны...

Въ ея глазахъ блеснулъ какой-то особенный огонекъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, нельзя васъ не пожалѣть!—сказала она насмѣшливо. — Увлеченіе двумя красками!.. Вдобавокъ существуютъ, вѣроятно, и всѣ промежуточные оттѣнки, которымъ вы тоже должны отдать должное вниманіе...

— Понимаю, вы видѣли мои рисунки въ комнатѣ Клауса! Но эти рисунки хламъ! Единственный изъ всѣхъ, какіе есть у Клауса— это набросокъ, изображающій Отту Гойби...

Она метнула въ него негодующимъ взглядомъ и опять хотѣла уйти.

— Какъ? вы хотите уйти со всѣми этими черными мыслями въ душѣ?—вскричалъ онъ.—Неужели вы не знаете, что художникъ всегда немножко увлекается предметомъ, который его вдохновляетъ? Будь это женщина, кошка, или рыба—все равно! Когда Отта со своей телячьей головой и зелеными глазами скользитъ между столиками, какъ змѣя—о! я дорого бы далъ, чтобы уловить ее на полотно и написать такою, какова она въ дѣйствительности.

— Вы... вы хотите написать портретъ этой... дамы... красками?—вскричала Гертрудъ, задыхаясь.

— Непремѣнно! Иначе это улавливанье ея фигуры... на память... замучаетъ меня. И почему же нѣтъ? О, я вижу теперь, что въ комнатѣ Клауса вы подумали обо мнѣ что-нибудь дурное! Я такъ и подумалъ за обѣдомъ.

— Что же я могла подумать?—спросила она, сдвигая брови.

— Что?

Онъ помолчалъ, озабоченно потирая себѣ лобъ.

— Ахъ, Гертрудъ! — сказалъ онъ печально. — Меньше всего хотѣлъ бы я потерять вашу дружбу... притомъ именно теперь. Нельзя судить обо мнѣ, какъ о другихъ...

Онъ вдругъ сильно поблѣднѣлъ, и въ его лицѣ появилось такое страданіе, что она испугалась за него.

— Я долженъ сказать правду, Гертрудъ! — продолжалъ онъ тихо —Мнѣ часто приходитъ въ голову, что, если бы я могъ показать отцу дѣйствительно хорошую, оригинальную, картину, всѣ препятствія устранились бы сами собой... Такой картиной долженъ быть портретъ этой дикой Отты...

— Господи!—вскричала она нетерпѣливо.—Не велика же ваша энергія, Абрагамъ! Если бы я добивалась сдѣлаться художникомъ, я не стала бы прибѣгать къ ухищреніямъ, и никакая сила не удержала бы меня отъ моихъ стремленій! Охота вамъ оставаться здѣсь?

— Вы—другое дѣло! Я знаю, что вы съумѣли бы расчистить себѣ дорогу.

— А васъ что удерживаетъ? Принимайтесь мужественно за дѣло, и завтра же объявите свою волю отцу!

— Помните, Гертрудъ, исторію царя Сервія Туллія, черезъ трупъ котораго переѣхала его честолюбивая дочь?

— Вы намекаете на своего отца?

— Да. Онъ не пережилъ бы этого!..

— Господи, не малярòмъ же вы добиваетесь сдѣлаться! О чемъ же ему сокрушаться?—вскричала она съ негодованіемъ.— Эти отцы такъ требовательны, что нѣтъ ни малѣйшей возможности повиноваться имъ—ни малѣйшей! И ради его каприза вы отказались бы отъ своего призванія къ живописи? О, вы...

Она внезапно повернулась къ нему спиной и убѣжала отъ него точно боясь наговорить больше, чѣмъ слѣдовало.

Онъ посмотрѣлъ на дверь, черезъ которую она скрылась, и на губахъ его появилась горькая улыбка.

— Да, конечно! — пробормоталъ онъ. — Дѣло не сложное... Просто, какъ ножъ, которымъ вооружается отцеубійца!

Въ гостиной дымились сигары Іонстона и директора, которые расположились на угловомъ диванѣ за кофе. Директоръ отяжелѣлъ отъ обильной трапезы и его круглое лицо покрылось багровыми пятнами.

— Кстати, твой пустырь?—заговорилъ директоръ, задумчиво кладя свою сигару на столикъ и берясь за чашку.—Вѣдь этой покупкой ты сдѣлалъ очень выгодное пріобрѣтеніе.

— Возможно...

— Ты могъ это замѣтить уже лѣтомъ, при оцѣнкѣ имуществъ. Настоящая находка этотъ пустырь!

— Находка для такой слѣпой курицы, хочешь ты сказать?

— Согласись, Іонстонъ, что ты недостаточно наѣзженъ для трудныхъ и скучныхъ путей, которыми усѣяны спекуляціи! Почему ты не начиналъ еще построекъ?

— Да видишь ли, я все еще никакъ не могу придумать...

Іонстонъ озабоченно сталъ приклеивать отставшій листъ сигары.

— Однако, я предупреждалъ тебя, что ты можешь располагать хорошимъ кредитомъ въ обоихъ банкахъ!—съ легкой укоризной замѣтилъ директоръ.

— Дѣло въ томъ, что я не люблю рисковать безъ крайней необходимости...

— И, тѣмъ не менѣе, ты имѣешь всѣ шансы разбогѣть опять,—спокойно сказалъ директоръ.—Это такъ и слѣдуетъ. Ты остороженъ, не рискуешь чужими средствами и чувствуешь органическое отвращеніе къ сомнительнымъ спекуляціямъ.

— Да, этого рода обогащенія я не желаю!—отозвался Іонстонъ, пуская тонкую струйку дыма.—Вообще, я смолоду радикально вылѣченъ отъ всякой наклонности къ спекуляціямъ.

Директоръ усмѣхнулся.

— Гетта, милая, пришли намъ по рюмочкѣ шартреза!—крикнулъ онъ въ другую комнату.—А что, Іонстонъ, если бы мы добились расширенія порта въ эту сторону? Вдвоемъ мы бы, пожалуй, устроили это... Понимаешь вѣдь, что это и въ моихъ интересахъ, такъ какъ пристань будетъ ближе къ моему лѣсопильному заводу. А?

Іонстонъ задумчиво чиркнулъ спичкой и поднесъ ее къ сигарѣ, не закуривая.

— Говоря по совѣсти,—началъ онъ и, бросивъ догорѣвшую спичку, зажегъ другую, но и о той забылъ...

— Да брось окурокъ, возьми новую сигару!—нетерпѣливо посовѣтовалъ ему директоръ.

— Видишь ли... говоря по совѣсти, мнѣ просто не хочется вмѣшиваться въ это дѣло.

— Вотъ какъ!.. Гм... Да, конечно...

Директоръ насмѣшливо засмѣялся.

— Иначе говоря, ты умываешь руки?.. Понимаю! Ты знаешь, что это необходимо мнѣ и многимъ другимъ, а также, что намъ не обойтись безъ твоей земли, если мы не хотимъ строить портъ въ открытомъ морѣ. И вотъ, ты предоставляешь всѣ хлопоты намъ, а самъ въ полнѣйшей чистотѣ и невинности положишь потомъ барыши себѣ въ карманъ!.. Да ты, братъ, самый ловкій дѣлецъ изъ всѣхъ, какихъ я только когда-нибудь видалъ! И въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ тебѣ безпокоиться? Ты такъ ловко устроилъ дѣло, что и безъ того всѣ выгоды пойдутъ прямо въ твой карманъ. Съ пустыремъ ты подготовилъ себѣ великолѣпнѣйшую спекуляцію!

— Было бы недурно, если бы во мнѣ сидѣлъ такой безсознательный и геніальный спекуляторъ! — добродушно замѣтилъ Іонстонъ.—Видитъ Богъ, что это мнѣ было бы очень кстати.

— Да развѣ ты не подсадилъ насъ всѣхъ? Кого, какъ не тебя, вынуждены будутъ горожане просить съ поклонами объ уступкѣ ими же проданнаго тебѣ участка, когда опомнятся и поймутъ, что тѣсный портъ имъ невыгоденъ? А ты можешь преспокойно ломаться и разводить руками—отъ этого тебѣ, конечно, будетъ не хуже! И перестанешь ты комедьянить только тогда, когда предложатъ тебѣ внушительную сумму за каждый футъ твоей земли. Ловко! Ну, что жъ, выпьемъ за здравіе ловкихъ дѣльцовъ, а расширенія порта я, во всякомъ случаѣ, добьюсь, потому что оно мнѣ нужно! И знаешь что, Іонстонъ? Отчего бы намъ не идти въ дѣлахъ рука объ руку? Вдвоемъ мы составили бы въ этомъ округѣ несокрушимую силу! Вотъ, напримѣръ, почему бы намъ не добиться проведенія сюда желѣзной дороги? У меня составлены уже всѣ разсчеты — это я говорю тебѣ по секрету. Увѣряю тебя, Іонстонъ, что стоитъ только намъ съ тобой дружно взяться за это дѣло, и оно будетъ въ шляпѣ. Сначала нуженъ, конечно, благоустроенный портъ... Но не пойдешь же ты противъ насъ, когда возникнетъ вопросъ о городскомъ займѣ на эти расширенія порта?..

На дворѣ слышались выстрѣлы. Клаусъ съ Абрагамомъ забавлялись стрѣльбой въ цѣль.

Вбѣжавшая Гертрудъ поспѣшила къ окну.

— Клаусъ побѣдилъ!—вскричала она.—Попалъ въ самое яблоко.

— Вотъ такъ-то и забавляются наши парни!—замѣтилъ директоръ.—Прыгаютъ, какъ жеребята. А пора бы ихъ загнать и въ манежъ да выѣздить изъ нихъ двухъ добрыхъ купцовъ.

— Клауса еще можно выѣздить, — вспылила Гертрудъ, — но Абрагама... это Богъ знаетъ что!

Въ своемъ возмущеніи она не находила выраженій и быстро вышла изъ комнаты.

Отецъ проводилъ ее удивленнымъ взглядомъ, точно не понимая, что съ нею сдѣлалось. Разговоръ оборвался.

— Однако, мнѣ надо еще побывать въ заводской конторѣ!— спохватился вдругъ директоръ.—Ты извинишь меня, Іонстонъ? Я только просмотрю полученныя безъ меня телеграммы...

На смѣну мужу явилась въ гостиную госпожа Браттъ.

— Скажите мнѣ правду, — обратился къ ней Іонстонъ. — Что значитъ эта вспышка вашей дочери? Вы вѣдь слышали... Не жаловался ли ей на что-нибудь Абрагамъ?

Госпожа Браттъ покраснѣла: пришлось собраться съ мыслями, прежде чѣмъ она нашлась, что отвѣтить.

— Онъ производитъ такое впечатлѣніе, Іонстонъ!—сказала она, помолчавъ.—Въ его характерѣ что-то особенное, не подходящее къ нашей обыденной жизни...

— Гм! Онъ воспитанъ въ такомъ поклоненіи свободѣ, что сталъ врагомъ всего будничнаго... и не стѣсняется пренебрегать привычками другихъ людей...—проговорилъ Іонстонъ съ горечью.

Она покачала головой.

— Я думаю, наоборотъ!—сказала она.—Притомъ во всемъ чувствуется, что Абрагамъ поступаетъ лишь по собственнымъ убѣжденіямъ...

— Да, подчиняется только своимъ наклонностямъ! По крайней мѣрѣ, не могутъ сказать, что въ чемъ-нибудь стѣснено развитіе его оригинальности...

— Знаете, недавно я перечитывала біографіи великихъ итальянскихъ мастеровъ пятнадцатаго столѣтія!—заговорила она съ жаромъ,—и невольно задумывалась надъ тѣмъ, что ни одного изъ нихъ не предназначали для живописи. Одинъ долженъ былъ сдѣлаться каменьщикомъ, другого прочили въ кузнецы. Навѣрное, и у нихъ было во взглядѣ то же печальное выраженіе, какъ и у Абрагама, пока имъ не удалось расправить крылья и дать просторъ своему творческому призванію, и создать все то, что и теперь...

— Все это было бы очень убѣдительно, если бы кто-нибудь поручился мнѣ, что изъ него выйдетъ Рафаэль, или Леонардо-да-Винчи! — печально улыбаясь, перебилъ ее Іонстонъ.—Но вѣрнѣе, что тутъ больше увлеченія собственной фантазіей, чѣмъ призванія... Крупица таланта еще не замѣняетъ геніальности!

Дама разгорячилась.

— Намъ, пожилымъ людямъ, не въ диковинку видѣть, какъ люди попадаютъ совсѣмъ не въ тѣ условія, къ какимъ они пригодны!—сказала она.—Съ этимъ мы давно свыклись. Но это вѣдь своего рода убійство—по крайней мѣрѣ, отчасти! Вѣдь тутъ человѣку оставляется лишь на мизинецъ интереса къ жизни!

— Въ этомъ есть доля правды, сударыня. Но почемъ же можно судить...

— Отнять у человѣка его призваніе, это все равно, что разбить въ немъ горячую привязанность, или любовь,—продолжала она, не слушая его.—И право, не знаю... становятся ли люди лучше отъ того, что ихъ пріучаютъ подавлять въ себѣ всякое чувство, всякое проявленіе страсти. А когда впослѣдствіи потребуется отъ такихъ людей сила и энергія, у нихъ ничего такого и не оказывается...

— Но согласитесь же, что здѣсь все устроено и расчищено для его дѣятельности!—проговорилъ Іонстонъ печально.—Онъ могъ бы, пожалуй, снова поднять благосостояніе и значеніе своего рода. Наше имя всегда было здѣсь въ почетѣ...

— Кто знаетъ, что впереди?—мечтательно замѣтила хозяйка.—Есть вѣдь какая-то особенная мощь въ такихъ старыхъ родахъ. Можетъ быть, нѣсколько поколѣній образованныхъ и дѣятельныхъ людей должны были подготовить ростокъ, на которомъ появится пышный цвѣтокъ искусства.

Онъ промолчалъ. Въ комнатѣ сгущались сумерки.

— Да, всегда такъ бываетъ!—послышалось наконецъ съ того мѣста, гдѣ сидѣлъ Іонстонъ.—Отнимается у того, кто и безъ того ничего не имѣетъ.

— Но, дорогой Іонстонъ... Развѣ теперь ваши отношенія къ сыну не оставляютъ васъ въ одиночествѣ? И неужели вы желали бы опустошить жизнь вашего единственнаго сына?

Въ продолженіе всего этого разговора госпожа Рэнебергъ сидѣла въ сторонѣ и не проронила ни слова. Но, по звуку спицъ ея вязанья, слышно было, что руки у нея дрожали. Водворилось общее молчаніе, и никому не приходило въ голову потребовать огня, пока за дверьми не раздался громкій голосъ разговаривавшаго съ кѣмъ-то директора.

Былъ уже первый часъ ночи, когда Іонстонъ со свѣчою въ рукахъ поднялся въ мезонинъ, въ комнату сына.

Онъ тихонько пріотворилъ дверь, поднялъ свѣчу и оглядѣлъ комнату.

На подушкахъ чернѣла голова отвернувшагося къ стѣнѣ Абра-

гама. Весь онъ разметался; въ положенiи его тѣла было что-то, наводившее на мысль, что онъ провелъ нѣкоторое время въ самыхъ невеселыхъ размышленiяхъ, потомъ бросился на кровать и заснулъ, не давъ себѣ труда даже укрыться какъ слѣдуетъ.

Отецъ стоялъ довольно долго въ раздумьи и, приблизивъ свѣчу къ одному изъ эскизовъ на стѣнѣ, разсѣянно посмотрѣлъ на этотъ эскизъ.

Да, онъ рѣшился положить конецъ всѣмъ этимъ недоразумѣнiямъ! Но вдругъ ему стало тяжело на душѣ, такъ тяжело, что онъ побоялся опять поддаться слабости, и быстро подошелъ къ кровати сына.

— Абрагамъ... Проснись, Абрагамъ!

Молодой человѣкъ проснулся, обернулся къ свѣту и съ недоумѣнiемъ посмотрѣлъ на отца.

— Я пришелъ сказать тебѣ,—торопливо заговорилъ отецъ,—что, если у тебя есть мужество и охота посвятить себя живописи, ты можешь ѣхать учиться. Полагаю, что это будетъ самое лучшее... Вѣрно, и ты того же мнѣнiя?

Абрагамъ широко раскрылъ глаза, но тотчасъ же овладѣлъ собой, не поддавшись искушенiю, и криво улыбнулся.

— Съ чего это тебѣ пришло въ голову, отецъ?.. Гертрудъ? Болтовня этой дѣвочки?.. Неужели ты придаешь значенiе такимъ пустякамъ!

— Нѣтъ, я самъ пришелъ къ заключенiю, что ты не созданъ для торговой дѣятельности. Это дѣло ясное; у тебя нѣтъ ни охоты, ни способностей къ такой дѣятельности. Зато у тебя большое дарованiе, призванiе къ живописи... Отчего же не посвятить себя таланту, который есть, вмѣсто того, чтобы добиваться того, чего нѣтъ? Подумай самъ, можешь ли добиться чего-нибудь въ искусствѣ.

Iонстонъ поставилъ свѣчу и ходилъ теперь взадъ и впередъ по комнатѣ, разсуждая съ какимъ-то несвойственнымъ ему оживленiемъ.

— Денегъ я могу дать тебѣ достаточно... Во всякомъ случаѣ, хватитъ... Лучше всего поѣзжай, какъ можно скорѣе. Здѣсь ты и такъ уже потерялъ нѣсколько дорогихъ лѣтъ молодости...

Онъ остановился и пристально посмотрѣлъ на сына. Тотъ полулежалъ въ кровати. Въ лицѣ его было столько недоумѣнiя, точно онъ не довѣрялъ собственнымъ умамъ. Съ минуту онъ думалъ, что все это просто ему снится; потомъ ему пришло въ голову, что онъ сошелъ съ ума и бредитъ... Не было вѣдь ни малѣйшаго правдоподобiя въ томъ, что его отецъ самъ пришелъ къ нему

ночью и сталъ говорить объ искусствѣ совсѣмъ не такъ, какъ говорилъ всегда.

— Мы будемъ работать каждый на своемъ поприщѣ,—сказалъ Іонстонъ, не дождавшись отвѣта.—Ты будешь трудиться по своему... тамъ, гдѣ это для тебя окажется удобнымъ; я останусь здѣсь и, по мѣрѣ возможности, буду заботиться о томъ, чтобы ты не остался безъ средствъ и не былъ бы принужденъ ронять свое искусство до степени ремесла!

Дѣло было сдѣлано!

Іонстонъ взялъ со стола свѣчу, кивнулъ сыну головой и торопливо вышелъ изъ комнаты.

Онъ торопился вернуться въ постель. Не то, чтобы онъ надѣялся уснуть; но впотьмахъ и въ одиночествѣ есть что-то успокоительное, этого ему очень хотѣлось...

Однако онъ не успѣлъ еще задуть свѣчки, какъ въ спальню вбѣжалъ Абрагамъ въ одной сорочкѣ и туфляхъ на босую ногу.

— Я не могу опомниться, отецъ!—заговорилъ онъ въ сильнѣйшемъ возбужденіи.—Вѣрно, кто-нибудь оклеветалъ меня, разсказавъ тебѣ, что я жалуюсь на свою судьбу? Но я прямо объявляю, что это ложь! Проклятыя...

— Да нѣтъ же, мой мальчикъ! Я просто обдумалъ мой сегодняшній разговоръ съ госпожой Браттъ и пришелъ къ извѣстнымъ тебѣ выводамъ.

— Она надоумила тебя пожертвовать собой «ради счастья сына»? Но подумала ли эта баба о томъ, каково тебѣ будетъ, если ты захвораешь или будешь несчастенъ здѣсь.. одинъ? Когда поднимаютъ одинъ конецъ рычага, другой неминуемо опускается... Не вижу, какое мнѣ будетъ «счастье» въ сознаніи твоего несчастія.

— Я все это обдумалъ, Абрагамъ, и въ самомъ дѣлѣ нахожу, что тебѣ слѣдуетъ ѣхать. Я не приношу себя въ жертву, разъ сознаю, что такъ будетъ лучше.

— Послушай, отецъ! — пытливо заглядывая отцу въ глаза, сказалъ сынъ. — Это вѣдь очень серьезно... Правда ли, что ты самъ пришелъ къ этому рѣшенію? И вѣрно ли, что ты не будешь страдать... не будешь тосковать?

Старикъ приподнялся на локоть.

— Знаешь ли что, мальчикъ? Теперь я въ самомъ дѣлѣ начинаю такъ думать...

— Видишь ли, отецъ... Самъ-то я вѣрю въ свои силы и не сомнѣваюсь, что могу сдѣлаться художникомъ. Но ты!.. О, ты самъ убѣдишься, когда я лучше изучу технику!.. Я сталъ бы посылать тебѣ одну картину за другой и скоро твои опасенія

разсѣялись бы. Подожди, не туши свѣчи! Я сбѣгаю только кое за чѣмъ къ себѣ...

Чрезъ минуту онъ уже вернулся — на этотъ разъ въ брюкахъ—съ цѣлой пачкой набросковъ и рисунковъ въ рукахъ.

— Посмотри безпристрастно, отецъ! Поставь свѣчу позади себя... Вотъ такъ! Теперь всмотрись! Видишь эту отвислую лошадиную голову? Неужели не видно, что эта лошадь загнана, что весь свѣтъ ей опостылѣлъ и жизнь превратилась въ каторгу? Я нарисовалъ эту голову третьяго дня... На этой клячѣ привезли въ городъ тяжелый возъ досокъ, и она стояла подъ сѣрымъ ненастнымъ небомъ, понуривъ голову и поводя облѣзлыми боками. А вотъ это! Это лошадь адвоката Альсинга, потерявшая всякое терпѣніе, дожидаясь его у подъѣзда госпожи Михельсонъ. Видишь, какъ она подняла голову, и встряхивается, и ржетъ, призывая своего хозяина? Выраженія тоски и нетерпѣнія надо искать здѣсь, возлѣ угловъ рта, и выше, къ ушамъ... Я только и забочусь о выраженіи. Ну, это такъ себѣ. Это обжорливая кобыла аптекаря. Она только и думаетъ, что объ овсѣ, капризна и избалована. Видишь, какъ она ѣстъ и какое наслажденіе выражается во всей ея фигурѣ, въ полузакрытыхъ глазахъ, въ мордѣ,—даже въ спинѣ... Надо больше свѣта, отецъ. Какъ хочешь, а я зажгу лампу! Ну, вотъ, теперь лучше. Взгляни на эту корову. Развѣ это не добродушное, разсудительное созданіе со всѣми наклонностями хорошей хозяйки дома? А вотъ эта кошка любитъ только самое себя... Какъ она заботится о своей шерсти, какъ нѣжно прилизываетъ на себѣ взлохмаченное мѣсто. Ну, вотъ мы и дошли до моихъ каррикатуръ. Это человѣко-звѣри...

Онъ продолжалъ свои объясненія, говорилъ съ горячимъ увлеченіемъ и устроилъ цѣлую выставку, раскладывая рисунки по кровати, на столѣ, на стульяхъ.

— Мнѣ слѣдовало бы поработать въ Парижѣ!—говорилъ онъ среди объясненій.—Посмотрѣлъ бы ты, что бы изъ меня вышло не далѣе, какъ черезъ годъ!

— Только годъ, мой мальчикъ?—откликнулся отецъ.—Впрочемъ, если ты возьмешься за дѣло какъ слѣдуетъ... Да, ты правъ, твоя сила въ изображеніи звѣрей... Есть вѣдь нѣсколько знаменитыхъ мастеровъ, писавшихъ только звѣрей... Ванъ-деръ-Вельде... Роза Бонеръ...

— О, тѣ устарѣли! Есть новые, отецъ, которые уловили настоящій смыслъ такой живописи.

— Да, да, тебѣ лучше знать. Добивайся всегда только самаго лучшаго—не дѣлай, какъ другіе... Можетъ быть, это глупо,

но я увѣренъ, что ты добьешься чего нибудь серьезнаго, если будешь развивать въ себѣ только свои собственныя, оригинальныя, стороны таланта. Вотъ что, отдай мнѣ эти рисунки. Я развѣшу ихъ у себя въ кабинетѣ...

— А знаетъ ли тетя Софи о твоемъ неожиданномъ рѣшеніи?

— Нѣтъ. Однако, пора тебѣ и лечь спать, мальчикъ. Ужъ поздно. Только вотъ еще что. Тетя Софи навѣрное заговоритъ о бѣльѣ, дорожныхъ вещахъ и пр., и потребуетъ отложить поѣздку. Но мы не обратимъ на это вниманія! Не правда ли? Будетъ съ нея одной недѣли. Можно вѣдь положить тебѣ по дюжинѣ и моего бѣлья. А тамъ купишь, что нужно, въ Парижѣ.

— Разумѣется...

— Я не веселъ теперь, Абрагамъ, но это только потому, что грустно разставаться съ тобой. Но, въ сущности, я доволенъ, мой мальчикъ! Отрадно сознавать, что ты выходишь на вѣрную дорогу.

— Ахъ, отецъ...

— Ну, сбирай рисунки! Только не уноси... оставь хоть до завтра... Господи, неужели уже четвертый часъ?..

Абрагамъ собрался уходить.

— Завтра я съ облегченнымъ сердцемъ увижу, что тебя нѣтъ въ конторѣ, Абрагамъ!—улыбаясь, замѣтилъ старикъ.

— А у меня-то какая гора съ плечъ!—откровенно признался молодой человѣкъ и, напѣвая что-то подъ носъ, пошелъ къ себѣ наверхъ.

И заснулъ онъ въ мечтахъ самыхъ радужныхъ...

VI.

Гертрудъ сидѣла на ступенькахъ балконной лѣстницы и чистила только что собранную ею въ огородѣ клубнику. Госпожа Браттъ была на верандѣ и покачивалась въ своей качалкѣ, читая «Исторію французской революціи» Тьера.

— Не понимаю, какъ Іонстоны помѣстятъ у себя епископа, мама!—замѣтила дочь.—Вѣдь у нихъ и такъ уже гостятъ старушка Малькольмъ и бывшій управляющій Ренебергскаго завода.

— Какъ-нибудь потѣснятся! — отозвалась мать. — Епископъ вѣдь близкій родственникъ покойной госпожи Іонстонъ. Притомъ въ это теплое время года на одну ночь устроиться не мудрено... Кстати, у нихъ есть вѣдь и почти совсѣмъ готовая-пристройка.

— Но въ ней нѣтъ еще оконъ! Не положатъ же они епископа спать въ неотдѣланный срубъ.

— Ну, за Іонстона нельзя поручиться. Онъ такъ разсѣянъ

и равнодушенъ ко всякимъ условностямъ. А главное, всѣ они живутъ между собой въ большомъ согласіи и не станутъ привередничать... Епископъ! Всѣ мы люди, простые, смертные люди, дитя мое!

— Конечно, люди, мама! Но Іонстону не приходится скупиться. Отецъ говоритъ, что теперь его дѣла такъ хороши, что ему слѣдовало бы построить себѣ приличный домъ, а не пристроивать къ старой лачужкѣ одну комнату за другой.

— Они такія противоположности,—твой отецъ и Іонстонъ... Пойми, дитя, что не пристало Іонстону поступать, какъ разбогатѣвшіе мѣщане. Какъ бы ни увеличивалось его состояніе, онъ уже не измѣнитъ своихъ привычекъ. И представить себѣ нельзя Іонстоновъ и всѣ ихъ старинныя вещи въ новомъ, чисто отштукатуренномъ и только что выкрашенномъ домѣ на одной изъ бойкихъ улицъ города! Вокругъ стараго дома у нихъ такія славныя ивы, и садикъ разросся преуютный... Я думаю, Іонстону было бы труднѣе разстаться съ этимъ мѣстомъ, гдѣ онъ такъ много трудился, чѣмъ нѣкогда съ великолѣпнымъ жилищемъ на заводѣ...

— Впрочемъ, епископа положатъ, вѣроятно, въ бывшую комнату Абрагама!—прервала Гертрудъ размышленія матери. — Воображаю, какъ его преосвященство будетъ удивленъ обоями этой комнаты. Все звѣри... работы Абрагама... Зато видъ изъ окна на городъ и на проливы превосходный!

— Помнитъ ли онъ теперь этотъ видъ! —задумчиво произнесла госпожа Браттъ.—Я думаю, не мало онъ грустилъ у своего окна... Онъ былъ точно плѣнникъ. Манившій его міръ былъ для него отрѣзанъ...

— Господи, мама! Нашла, когда жалѣть о немъ. Третій годъ онъ рыщетъ по свѣту на полной свободѣ... То онъ въ Парижѣ, то въ Италіи, то опять въ Парижѣ... Похоже на то, что онъ забылъ не только видъ изъ окна, но и всѣ свои былыя огорченія и самый нашъ городъ вмѣстѣ съ отцомъ, не смотря на то, что онъ «не хотѣлъ идти къ этой свободѣ черезъ трупъ своего отца», кстати сказать, и не умершаго отъ тоски!

— Ты разсуждаешь необдуманно, Гертрудъ. Разумѣется, онъ теперь не нарадуется своей свободѣ... Но это не отъ легкомыслія. Наоборотъ! Теперь только крѣпнутъ и растутъ его силы.

— Да развѣ я отрицаю это, мама? Эти артисты... Они, какъ мотыльки, парятъ надъ жизнью и во всемъ ищутъ только красоты. Но нельзя же ихъ назвать настоящими людьми. Велики ли ихъ горести, когда новыя увлеченія то и дѣло вытѣсняютъ у нихъ старыя? А каковы ихъ труды по части изученія натуры... Фу!

Госпожа Браттъ остановила на дочери долгій взглядъ. Значитъ, въ трезвой головкѣ этой Гертрудъ тоже могли роиться мечты и невеселыя грезы...

— Что это значитъ, что до сихъ поръ Іонстонъ не пригласилъ отца на вечеръ, по случаю пріѣзда епископа?—проговорилъ Клаусъ, входя на веранду.

— Да вѣдь епископъ еще не пріѣхалъ! — примирительно замѣтила мать. — Не можетъ же Іонстонъ приглашать гостей, не будучи увѣренъ въ пріѣздѣ епископа.

Съ большой дороги послышался шумъ колесъ. Казалось, мчался очень большой экипажъ, вѣрнѣе всего—карета.

— Это непремѣнно епископъ!—вскричалъ Клаусъ и побѣжалъ черезъ комнаты къ противоположнымъ окнамъ. Но оказалось, что проѣзжало только нѣсколько порожнихъ телѣгъ съ базара...

На садовой дорожкѣ показался самъ директоръ. Въ этотъ вечеръ онъ возвращался съ завода ранѣе обыкновеннаго. Клаусъ, только что раскупорившій себѣ бутылку сельтерской воды и добавившій въ стаканъ, «для вкуса», изрядное количество коньяку, замѣтилъ отца издали и благоразумно отступилъ со своимъ питьемъ въ собственную комнату. Онъ не любилъ философскихъ размышленій отца объ излишнемъ употребленіи спиртныхъ напитковъ...

— Что, нѣтъ ко мнѣ письма или посланнаго изъ города? — нетерпѣливо освѣдомился директоръ.

Онъ остановился у садовой рѣшетки и сталъ разсѣянно смотрѣть на дорогу. Въ вечерней тишинѣ слышалось только постукиванье колесъ какой-то тащившейся изъ города телѣги, да мимо самаго забора промелькнулъ мужикъ верхомъ на неосѣдланной лошади...

Директоръ вернулся на веранду и, взявъ со стола приготовленную для него чашку остуженнаго кофе, усѣлся читать газеты.

— А каковъ барометръ?—спросила госпожа Браттъ.

Онъ только пожалъ плечами.

— Грустно видѣть, какъ повисли листья на деревьяхъ,—продолжала она.—Этой засухѣ нѣтъ конца...

Онъ ея не слушалъ. Его вниманіе было привлечено человѣкомъ, который имѣлъ видъ посыльнаго и быстро приближался къ воротамъ сада. Лицо директора прояснялось по мѣрѣ приближенія этого человѣка и почти расплылось въ улыбку, когда посыльный поровнялся съ воротами. Увы! онъ прошелъ мимо...

— Однако, уже половина шестого!—пробормоталъ директоръ, взглянувъ на часы.

Онъ отложилъ газеты и сталъ нетерпѣливо барабанить пальцами по столу.

— Проклятые комары!—проворчалъ онъ черезъ минуту, раздражительно обмахнувшись платкомъ.

На дорогѣ послышался стукъ колесъ. Директоръ насторожился. Но это была только крестьянская одноколка.

Онъ схватилъ со стола чашку, залпомъ допилъ остатки кофе и снова принялся за газеты.

— Что новенькаго?—попыталась госпожа Браттъ развлечь его.

— На лондонской биржѣ?—отозвался онъ иронически.—Какже... Фонды крѣпнутъ; желѣзо поднимается... Вотъ тебѣ газета. Можешь сама прочесть все, что тебя интересуетъ.

Она съежилась, однако взяла газету и поправила очки. Что бы тамъ ни говорили, а всегда интересны проявленія духа времени! Конечно, было время особеннаго подъема духа... Камиллъ Дюмуленъ...

Протяжно заскрипѣла дворовая калитка и всѣ подняли голову. Но это были только возвращавшіяся съ пастбища коровы.

— Впусти коровъ и запри калитку, Анна!—крикнула Гертрудъ служанкѣ, а сама схватила за ошейникъ собаку, которая взвизгивала и рвалась впередъ.—Нѣтъ, Тирасъ, сегодня не будетъ охоты на коровъ!—приговаривала она.—Лежи смирно и не думай о спортѣ.

— Экій визгъ!—раздражительно замѣтилъ директоръ и отвернулся въ сторону.—Заставь ее молчать!—прибавилъ онъ дочери черезъ плечо.

На дорогѣ послышался гулъ, и вслѣдъ затѣмъ въ облакѣ пыли крупной рысью промчалась карета, направлявшаяся въ городъ. На этотъ разъ это былъ несомнѣнно экипажъ епископа.

Директоръ всталъ и криво усмѣхнулся, проводивъ глазами карету. Въ душѣ онъ надѣялся, что его заводъ привлечетъ вниманіе епископа и что представится случай поклониться. Но изъ кареты никто не выглянулъ.

— Епископъ проѣхалъ!—совсѣмъ некстати прибѣжалъ изъ комнатъ объявить новость Клаусъ.

Директоръ нервно отвернулся и украдкой посмотрѣлъ на часы.

— Если будетъ приглашеніе отъ Іонстона, то никакъ не позже шести часовъ!—все съ тою же безтактностью замѣтилъ сынъ.

Отецъ промолчалъ; потомъ провелъ рукой по бритой части щеки, какъ бы соображая, необходимо ли побриться, если бы... Въ концѣ концовъ онъ вдругъ принялъ рѣшеніе, собралъ со стола газеты и быстро ушелъ въ кабинетъ.

— Принеси кипятку!—послышалось его приказаніе горничной уже изъ дверей кабинета.

Тѣнь большой рябины у веранды становилась все длиннѣе и длиннѣе. Госпожа Браттъ стала поливать грядку гвоздики, обрамлявшую среднюю клумбу. Посланнаго отъ Іонстона все не было.

Совсѣмъ уже стемнѣло, когда Клаусъ вернулся домой съ вечерней прогулки и обратился къ отцу съ нескрываемымъ негодованіемъ.

— Однако, это, по меньшей мѣрѣ, странно съ его стороны. Очень странно, чтобы не сказать больше! Согласись, отецъ... Ты ихъ постоянно приглашаешь, а онъ...

— Пусть дѣлаетъ, какъ хочетъ,—сухо отозвался отецъ.

— Да развѣ,—вмѣшалась госпожа Браттъ,—мы не знаемъ Іонстона? Онъ такъ разсѣянъ, и навѣрное, не догадался, кого пригласить по случаю пріѣзда епископа. Во всякомъ случаѣ, Іонстонъ никогда не бывалъ къ тебѣ непочтителенъ, Браттъ.

— Разсѣянъ... Гм! Конечно, его разсѣянность очень мила... Но насколько я знаю, онъ никогда не бывалъ разсѣянъ себѣ во вредъ.

Клаусъ взглянулъ на отца. Такого озлобленія онъ и не ждалъ! Впрочемъ, и то сказать, что отецъ былъ выбритъ и почти совсѣмъ готовъ идти на вечеръ... Развѣ это пріятно?

— Просто Іонстонъ чванится своимъ родствомъ съ епископомъ и пренебрегаетъ отцомъ!—сказалъ онъ, чтобы попасть въ тонъ.

— Ну ужъ ты, тоже хорошъ, со своимъ «просто»!—вспыльчиво накинулась на него Гертрудъ.—Отцу стоитъ вытянуть палецъ, чтобы ты бросился по указанному направленію, какъ мой Тирасъ.

— Клаусъ правъ — это болѣе, чѣмъ странно! — отрѣзалъ директоръ.—У Іонстона есть свои слабыя стороны, очень слабыя... Не стоитъ и защищать его.

И онъ широко распахнулъ дверь и вышелъ.

Слѣдующій день былъ днемъ генеральныхъ сраженій, какъ обыкновенно выражался директоръ, т. е. суббота.

У конторы, какъ всегда бывало по субботамъ, толпилось множество людей, добивавшихся поговорить съ директоромъ и для этого перехватить его на пути въ сберегательный банкъ или въ городской совѣтъ. Въ самой конторѣ было нѣсколько наиболѣе назойливыхъ просителей.

Директоръ стоялъ посреди конторы съ портфелемъ подъ мышкой, совсѣмъ готовый ѣхать въ совѣтъ. Просителямъ онъ отвѣчалъ спокойно, но сухо и скупясь на слова. Съ толпой на

улицѣ онъ обошелся еще суше, держа себя неприступно и не подавая ни малѣйшихъ надеждъ попрошайкамъ.

Въ этотъ день ему не было времени съѣздить домой пообѣдать, и онъ удовольствовался парой бутербродовъ и полубутылкой пива, за которыми посылалъ изъ конторы. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ онъ заѣзжалъ перекусить къ Іонстону. Но сегодня это не пришло ему въ голову...

Изъ совѣта онъ прошелъ прямо въ банкъ. Тамъ онъ, не отрываясь, сидѣлъ за дѣлами почти до вечера. Передъ вечеромъ въ его кабинетъ явился конторщикъ съ докладомъ, что его спрашиваетъ господинъ Іонстонъ.

— Если онъ пришелъ по дѣламъ банка, я къ его услугамъ!— сухо отвѣтилъ директоръ.—Въ противномъ случаѣ... Онъ самъ можетъ видѣть по числу дожидающихся, что у меня нѣтъ свободнаго времени.

— Господинъ Іонстонъ будетъ ждать въ пріемной,—доложилъ конторщикъ помолчавъ.

— Гм! Утонченно вѣжливый господинъ! — пробормоталъ директоръ.—Ну, Гордеръ, возьмемтесь же за дѣла дружнѣе! Перечтите протоколъ засѣданія и давайте подписывать, господа...

Когда засѣданіе было кончено и кліенты удовлетворены, директоръ высунулся изъ дверей своего кабинета.

— Прошу покорно, Іонстонъ! — пригласилъ онъ. — Теперь я свободенъ.

Онъ предложилъ другу стулъ церемоннѣе, чѣмъ обыкновенно.

Въ дверяхъ показалась сѣдая голова инспектора путей сообщенія.

— Я не мѣшаю?..

— Нисколько. Прошу васъ!—пригласилъ директоръ.

— Это кстати!—заговорилъ Іонстонъ.—Теперь васъ трое членовъ городского управленія, а такъ какъ я четвертый, то можно будетъ въ принципѣ покончить съ однимъ дѣломъ.

— Я слушаю съ величайшимъ вниманіемъ! — завѣрилъ директоромъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ. Вчера, какъ вы, можетъ быть, слышали, у меня останавливался епископъ...

— Положимъ, я этого не слышалъ! — вставилъ директоръ. — Но это, конечно, не измѣняетъ дѣла... Ну съ, мы очень заинтересованы.

— Я обѣщалъ ему похлопотать объ одномъ дѣлѣ, которое онъ принимаетъ очень близко къ сердцу и которое, впрочемъ, должно быть желательно всему нашему городу. Это дѣло—упорядоченіе

пассажирскаго движенія черезъ нашъ округъ сухопутьемъ. Съ каждымъ годомъ увеличивается число пріѣзжихъ туристовъ; извозчичій дворъ старика Эноксена превратился въ настоящее городское учрежденіе, отъ котораго зависитъ иногда время отхода пароходовъ и возможность сообщенія съ нѣкоторыми глухими частями округа. Епископъ заручился въ окружномъ управленіи путей сообщенія справкой о числѣ проѣзжающихъ, и оказывается, что ихъ вдвое болѣе, чѣмъ необходимо для устройства правильнаго дилижанснаго сообщенія отъ нашего города до предгорій. Не хотите-ли взглянуть справку, господа.

Онъ передалъ бумагу Андерсу Братту. Тотъ взглянулъ на нее только мелькомъ и тотчасъ же передалъ ее Вогe. Добродушный инспекторъ путей сообщенія, очевидно, составлявшій справку о проѣзжихъ, тихонько улыбался, считая вопросъ почти рѣшеннымъ. Кто не зналъ, что директоръ былъ вѣрный другъ Іонстона!..

— Я долженъ пояснить, — вставилъ онъ осторожно, — что я интересуюсь этой идеей болѣе двухъ лѣтъ... Я молчалъ по весьма понятной осмотрительности...

— По весьма понятной осмотрительности?—передразнилъ его директоръ и засмѣялся неестественнымъ смѣхомъ, щурясь, точно отъ солнца.—Иначе говоря, вы не хотѣли вооружить противъ себя Пера Эноксена? И хорошо дѣлали. Старикъ сердитый и врядъ-ли ему понравится перспектива полнаго разоренія.

— Идея понемногу сдѣлалась мнѣ роднымъ дѣтищемъ, господинъ директоръ! Если мои скромныя знанія и двадцати-семи-лѣтній опытъ въ управленіи здѣшними путями сообщеній хоть чего-нибудь да стоютъ, я готовъ всячески поддерживать предложеніе его преосвященства.

— Поддерживайте, батенька, сколько хотите, но я иду противъ вашего дѣтища. И вотъ вамъ мои основанія: всякія полумѣры, въ родѣ дилижансовъ и т. п., только тормозятъ осуществленіе самаго главнаго, а именно проведенія желѣзной дороги до нашего города. Мнѣ очень жаль, Іонстонъ, что въ этомъ случаѣ я не могу услужить твоему епископу... Тѣмъ не менѣе, передай ему это вмѣстѣ съ нижайшимъ поклономъ. Мы останемся при телѣжкахъ Пера Эноксена, пока не добьемся желѣзной дороги. Такова, по крайней мѣрѣ, моя программа.

На щекахъ Іонстона появилось два красныхъ пятна. Онъ никакъ не ожидалъ наткнуться на такое категорическое сопротивленіе своему предложенію.

— У тебя что-то на умѣ, Браттъ!—сказалъ онъ, покачивая головой.—Ты вѣдь знаешь, что твоя давнишняя мечта о желѣзной дорогѣ надолго еще не осуществима.

— Будемъ добиваться, насколько хватитъ силъ! — небрежно отвѣтилъ директоръ и съ самодовольной усмѣшкой уставился глазами въ потолокъ.

— Однако, извини меня... Я нахожу твои разсужденія неубѣдительными. Даже досадно... положительно досадно... въ такомъ благомъ дѣлѣ наткнуться на совершенно безпричинное препятствіе... Точно камень на улицѣ, о который спотыкаешься...

Инспекторъ въ полнѣйшемъ недоумѣніи поглядывалъ то на Іонстона, то на директора... У него не хватало мужества стать на одну изъ противоположныхъ сторонъ, и онъ предпочиталъ молчать.

— Можетъ быть, ты еще передумаешь, Браттъ? — спросилъ Іонстонъ.

— Передумаю? — Птичій глазъ директора округлился больше обыкновеннаго. «Они сидѣли тамъ вчера и воображали себя всемогущими, и даже не вспомнили о другихъ!..» — думалъ онъ. — Нѣтъ, я высказалъ свои убѣжденія. Ну, на сегодня, кажется, достаточно, господа? Возьмите-ка протоколы и запирайте кассу! — крикнулъ онъ въ другую комнату и потянулся всѣмъ тѣломъ съ видомъ человѣка, покончившаго съ надоѣдливыми дѣлами.

— Истрепался я сегодня, какъ старая рукавица, и голоденъ, какъ волкъ! — пояснилъ онъ Іонстону, берясь за шляпу и привѣтливо посмѣиваясь, вполнѣ удовлетворенный тѣмъ, что сразу расквитался за вчерашнее.

— Пойдемъ ко мнѣ! — предложилъ незлобивый Іонстонъ. — Софи насъ чѣмъ-нибудь угоститъ... Навѣрное, у нея осталась лососина и всякія закуски послѣ вчерашняго...

Директоръ порывисто обернулся и пытливо посмотрѣлъ на Іонстона. Что это, насмѣшка, что ли?.. Его приглашаютъ доѣдать остатки послѣ... епископа!.. Но нѣтъ, Іонстонъ, видимо, думалъ о другомъ, и выраженіе его лица было обычное! «Ну, и пусть остается съ носомъ, если ничего не умѣетъ помнить... Впрочемъ, теперь мы съ нимъ квиты».

— Чортъ знаетъ, для чего ты слушаешься всякихъ епископовъ, Іонстонъ! — сказалъ онъ. — Выходятъ только неурядицы... Такъ ты говоришь — лососина?.. Все равно, лишь бы меня накормили... Я готовъ идти съ тобой.

Когда подходили къ дому Іонстона, на широкомъ новомъ балконѣ бѣлѣла лѣтняя шляпа вдовствующей госпожи Малькольмъ, а въ гостиной у рояля импровизировалъ что-то управляющій. Его старые, очерствѣвшіе пальцы неловко ковыляли по клавишамъ, а головой онъ кивалъ каждому аккорду, точно привѣтствуя вызываемые звуки.

— У васъ всегда чувствуешь себя въ какомъ-то особенномъ мірѣ или въ иномъ вѣкѣ!—проговорилъ директоръ, располагаясь на балконѣ рядомъ съ старухой Малькольмъ.—Здѣсь такая тишь, что, переступая порогъ, я сразу воображаю себя на тысячу миль отъ банка, отъ завода, отъ всего города со всѣми его передрягами.

— Все относительно, господинъ директоръ!—улыбаясь, отвѣтила старуха.—Вы называете это тишью. А съ моря доносятся свистки пароходовъ; въ кабинетѣ Іонстона поминутно трещитъ телефонъ, надъ окнами гудятъ телеграфныя проволки, на улицѣ непрестанное движеніе, и все это сливается въ такой гулъ, точно по близости пожаръ... Я вѣдь привыкла къ одиночеству въ моей маленькой деревенькѣ. Тамъ дни бѣгутъ однообразно и безшумно, какъ тѣни. Но мы не скучаемъ. По утрамъ молочница приноситъ съ почты газету. Эту газету мы читаемъ вмѣстѣ съ управляющимъ, а потомъ обсуждаемъ прочитанное. А тамъ обѣдъ и послѣобѣденный отдыхъ въ саду, или въ залѣ, гдѣ управляющій играетъ что-нибудь на роялѣ. Наконецъ, чай и тихій вечеръ съ партіей въ экарте или въ пикетъ.

Госпожа Рэнебергъ распоряжалась тѣмъ временемъ по хозяйству, и вскорѣ на балконѣ былъ поданъ чай съ обильными закусками, приготовленными исключительно для директора.

Мужчины, кромѣ оставшагося у рояля управляющаго, и госпожа Рэнебергъ сѣли за столъ. Старушка Малькольмъ осталась въ своей качалкѣ.

— Извините мою прожорливость, сударыня!—обратился къ хозяйкѣ директоръ, опустошая тарелки съ закусками.—Никогда я не могъ научиться ѣсть—изящно, потихоньку и мало... Для этого я всегда бывалъ слишкомъ голоденъ.

— А знаете, директоръ,—вмѣшалась въ разговоръ госпожа Малькольмъ, придвигая къ столу кресло,—какъ весело видѣть мужчину съ такимъ здоровымъ аппетитомъ послѣ трудового дня.

— Однако, жаль хорошенькихъ тарелочекъ! — остался при своемъ директоръ.—Хоть бы управляющій игралъ погромче и отвлекъ вниманіе отъ меня...

— Я обѣщалъ ему лососину, Софи!—вполголоса замѣтилъ свояченицѣ Іонстонъ.

— Это на тебя похоже!—разсмѣялась она.—Самъ же ты потребовалъ остатокъ лососины къ завтраку...

— Но стаканъ холоднаго пунша къ фрикассе изъ угря былъ бы кстати, если бы ты догадался объ этомъ, Іонстонъ!—подала свой совѣтъ старуха Малькольмъ.

— Очень кстати... хотя бы и не къ фрикассе изъ угря!—пробормоталъ директоръ, уничтожая закуски.

— Можете себѣ представить, господинъ директоръ,—обратилась къ нему госпожа Малькольмъ, когда Іонстонъ вышелъ распорядиться насчетъ пунша; — что я не могу безъ какого-то неопредѣленнаго ужаса слышать скорыхъ шаговъ. Мнѣ все кажется, что бѣгутъ сообщить о пожарѣ или о какомъ-нибудь другомъ несчастіи. Это осталось во мнѣ со времени нашихъ бѣдствій, когда я жила на заводѣ моего брата Рэнеберга. Я вѣдь уже давно замѣчала, что съ его справедливымъ, честнымъ и прямодушнымъ характеромъ онъ не годился для своей торговой дѣятельности, особенно когда начался кризисъ... Потомъ явился Іонстонъ съ совершенно такимъ же характеромъ... Да, люди нашего склада годятся только для поддержанія завоеваннаго предками положенія въ обществѣ, да и то не всегда; а чего-нибудь новаго завоевать мы не въ силахъ...

Она умолкла и задумчиво покачала головой.

Живо припомнилось директору, какъ часто онъ видѣлъ ее совершенно такою же—она всегда была старообразна—когда существовали еще заводы Рэнеберга. Съ тѣхъ поръ она даже похорошѣла,—такъ шли къ ея лицу сѣдые волосы.

— Теперь, когда Іонстонъ входитъ въ комнату, всегда такой разсѣянный, тихій, точно чѣмъ-то озабоченный,—продолжала она, помолчавъ, — у меня всякій разъ сердце сжимается отъ паническаго страха. Кстати, позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ, господинъ директоръ. Говорятъ, его дѣла случайно очень поправились?.. Надѣюсь, это правда? Я спрашиваю это только потому, что и тогда всѣ увѣряли, что дѣла хороши...

— Я солгалъ бы, сударыня, если бы сказалъ, что дѣла Іонстона только хороши. Его дѣла изъ ряду вонъ великолѣпны!

— Мнѣ такъ вотъ и говорили. Но я всегда становлюсь такой мнительной и нервной, когда рѣчь заходитъ о торговыхъ дѣлахъ... А знаете, что утѣшаетъ меня больше всего? Никогда бы я сама не повѣрила этому, не далѣе, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ... это то, что Абрагамъ пренебрегъ торговлей и отдался искусству! По крайней мѣрѣ, онъ никогда не узнаетъ, что значитъ банкротство. Послушай, Іонстонъ! — обратилась она къ нему, когда тотъ вошелъ съ бутылкой пунша въ рукахъ.—Надо бы прочесть директору отрывокъ изъ послѣдняго письма Абрагама. Онъ пишетъ такъ занимательно, что увлекаетъ даже такую старуху, какъ я. Прочти объ этой англійской актрисѣ, портретъ которой такъ удался его учителю.

Іонстонъ вынулъ изъ бокового кармана бумажникъ, набитый счетами, записками и письмами, досталъ изъ бумажника два

листка плотно исписанной почтовой бумаги и разгладилъ листки на столѣ.

— Вертятъ мною, Браттъ!—сказалъ онъ, улыбаясь.—Своихъ дѣлъ у меня довольно, а тутъ меня втягиваютъ еще въ городскія дѣла и, вдобавокъ ко всему, я долженъ теперь изучать техническія выраженія живописцевъ, вникая во всевозможныя тонкости...

Директору подали кофе. Явившійся изъ комнатъ управляющій усѣлся подлѣ Іонстона, и, вооружившись очками, тоже смотрѣлъ въ письмо. Всѣ приготовились слушать.

— Надо вамъ пояснить, директоръ!—сказала, въ видѣ предисловія, старуха Малькольмъ, — что онъ въ самомъ дѣлѣ подвигается впередъ. Одинъ извѣстный живописецъ пожелалъ пріобрѣсти его картину, и эта картина будетъ выставлена въ салонѣ. Теперь онъ изучаетъ портретную живопись и работаетъ въ одной мастерской на Монмартрѣ... Подумать, что всего двадцать шесть лѣтъ назадъ я стояла съ Рэнебергами на Монмартрѣ и любовалась разстилавшимся передъ нами огромнымъ городомъ...

Пока она говорила, управляющій окончательно завладѣлъ письмамъ, и отстранивъ Іонстона, взялся читать. Сразу было замѣтно, что онъ привыкъ читать вслухъ, и въ его старческомъ голосѣ, отчетливомъ и ясномъ, было что-то, напоминавшее неторопливыя движенія старой выѣздной лошади.

«Гм!..»

«Модъ Бранскомъ, новая звѣзда «Follies Bergère»... Гм!— «Ярко-желтое съ черной отдѣлкой, вмѣстѣ съ ея глазами...» Нето!.. «Перехожу къ другому портрету его работы...» — Ну, вотъ оно!—«Перехожу къ другому портрету его работы: это портретъ Алисы Линдгардтъ, англійской актрисы. На вполнѣ аристократическомъ, прекрасномъ лицѣ свѣтятся большіе, неподвижные и очень темные глаза, совсѣмъ воловьи, но неотразимые. Она стоитъ въ дверяхъ балкона съ перламутровымъ вѣеромъ въ рукахъ. Жидкая кровь лишь слабо окрашиваетъ ея щеки и придаетъ лицу немного жизни; зато въ глазахъ—цѣлое море мистическихъ идей и мечтательности. Удивительно хорошъ изгибъ ея наклоненной, породистой, шеи; широкія, мягко опущенныя плечи и бюстъ въ полномъ соотвѣтствіи съ классической головой. Просто зачесанные и лишь слегка подвитые впереди волосы дополняютъ впечатлѣніе. Подъ свободнымъ платьемъ, по отдѣльнымъ, какъ бы намѣченнымъ, контурамъ угадывается тѣло настоящей Юноны. Очень возможно, что это великолѣпно выхоленное, эгоистическое тѣло высосало ради возвышенія своей прелести всѣ соки сердца красавицы, и теперь ея сердце не краше сморщеннаго, выдавленнаго лимона. Но это увидитъ когда-нибудь только ея анатомъ, да те-

перь видитъ Господь, привыкшій видѣть много печальнаго. Мнѣ говорили, что ежегодно по нѣскольку ваятелей и владѣльцевъ восковыхъ музеевъ валяется у нея въ ногахъ, вымаливая позволеніе сдѣлать модель съ ея дивнаго тѣла. Но никто, кромѣ покровительствуемой самой королевой фирмы Гонтрамъ Снобсъ и К°, до сихъ поръ не добился отъ нея этой милости»...

Чтеніе продолжалось довольно долго.

Старуха Малькольмъ положила руку на стоявшій возлѣ ея кресла круглый столикъ и слушала, поигрывая большимъ разрѣзательнымъ ножемъ.

— А вѣдь, когда къ тебѣ на слѣдующее лѣто вернется Абрагамъ, придется ему устроить мастерскую, Іонстонъ!—замѣтила она, когда чтеніе кончилось.

— Ничего, можетъ устроить себѣ Монмартръ въ мезонинѣ!—улыбаясь, отвѣтилъ Іонстонъ.—Впрочемъ, я предоставлю ему расширить свою комнату и сдѣлать перестройки, какія ему покажутся необходимыми. Очень возможно, что онъ вернется даже ранѣе, чѣмъ предполагалось, и, во всякомъ случаѣ, не позже начала весны.

— Да выстрой ты себѣ что-нибудь порядочное, Іонстонъ!—посовѣтовалъ директоръ.—Охота тебѣ мучиться со всѣми этими пристройками. Въ концѣ концовъ изъ этого дома выйдетъ вѣдь настоящая клѣтка.

Онъ собрался уходить и взялся за шапку.

— Іонстонъ и его домъ точно резиновые!—шутилъ онъ съ дамами на прощанье.—Особенно домъ, который все расширяется да расширяется, пока не вылѣзетъ изъ города въ море.

Всѣ добродушно смѣялись, и Іонстонъ, какъ всегда, проводилъ директора до самыхъ сѣней.

«Я погорячился на счетъ Іонстона въ банкѣ!»—съ нѣкоторымъ чувствомъ раскаянія думалъ директоръ по дорогѣ домой.—«Но дилижансное сообщеніе!.. Нѣ-ѣтъ! Этого не будетъ! Надо же, чтобы они поняли, что изъ затѣи, которую пожелали бы провести помимо Андерса Братта, никогда и ничего не выйдетъ! Дилижансы!.. Какъ же, дожидайтесь!»

— Пообѣдалъ у Іонстона?!—недоумѣвали въ домѣ, когда съ такими хлопотами подогрѣваемый до самаго вечера обѣдъ пришлось убрать со стола.

— Какъ же, какъ же! Угостили меня отлично, было превесело.

— Однако, что же это?—вскричалъ Клаусъ, таращa глаза на отца.—Это... это... просто-на-просто непонятно!

— Что жь тутъ непонятнаго? Мать была вчера права... Очень легко отнестись къ такому человѣку несправедливо... Но въ

томъ-то и штука, что о немъ нельзя судить, какъ о какомъ-нибудь Гаррестадѣ, Клаусъ. Да, это безусловно порядочные люди. Однако... уфъ! Фрикассе изъ угря съ холоднымъ пуншемъ очень вкусное, но тяжеловатое блюдо для этого времени года.

— Не налить ли тебѣ чашку кофе, Браттъ?

— Нѣтъ, спасибо. Я уже напился кофе у нихъ на балконѣ. Старуха Малькольмъ — онъ принялъ нѣсколько самодовольный видъ—отнеслась ко мнѣ совсѣмъ по родственному и подѣлилась со мной даже своими тревогами... Гм! Бѣдняжка стала нервна, и мнѣ пришлось даже ободрять ее... А впрочемъ, она мало измѣнилась и все такая же, какъ и въ дни ихней славы. Хе, хе... Заставила меня прослушать отрывокъ изъ письма Абрагама... Эти письма Іонстонъ хранитъ вмѣстѣ съ деньгами и векселями.

— Что же пишетъ Абрагамъ!—заинтересовалась Гертрудъ.

— Пишетъ о своей живописи, и, кажется, пишетъ толково. Похоже на то, что изъ него можетъ выйти знаменитость. Стали обращать на него вниманіе въ Парижѣ, а это вѣдь то же самое, что попасть на рельсы.

— А развѣ я не предсказывалъ это три года назадъ?—проговорилъ Клаусъ.

Директоръ прошелся раза два по комнатѣ и что-то весело насвистывалъ.

— Положеніе весьма недурное!—снова заговорилъ онъ черезъ минуту.—Тѣмъ болѣе, что его отецъ повелъ дѣла хорошо и состояніе растетъ. Весьма возможно, что имя Іонстоновъ затмитъ еще имена Рэнеберговъ и Малькольмовъ... И это правильно. Старуха, небось, поняла это.

— А когда его ждутъ сюда, Браттъ?

— Іонстонъ полагаетъ, что онъ вернется не позже начала весны, а можетъ, и раньше. Они, кажется, прочатъ за него одну изъ его кузинъ... Младшая, говорятъ, прехорошенькая!

Онъ безцеремонно повернулся и пристально посмотрѣлъ на Гертрудъ.

— Но онъ вѣдь не слишкомъ-то податливъ!—продолжалъ директоръ, возобновляя свою ходьбу.—Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать, что это теперь женихъ завидный, и что даже самая требовательная дѣвушка не можетъ желать для себя ничего лучшаго.

— Отецъ, кажется, воображаетъ, что дѣвушки, какъ мухи, полетятъ на палитру этой «знаменитости»? — съ высокомѣріемъ проговорила Гертрудъ, и вышла изъ комнаты.

— Видѣла, Гетта!—расхохотался отецъ.—Ревнуетъ! Не перенесла намековъ на возможность соперницъ. Что жъ? такъ и слѣдуетъ...

VII.

Пришла весна.

Какъ-то утромъ Гертрудъ разбудило пѣніе пѣтуха, доносившееся изъ коррирода. Передъ этимъ ей, точно во снѣ, казалось, что кто-то звалъ ее по имени, потомъ громко закудахтала курица, и гдѣ то злобно зарычала собака... Какъ могли куры попасть въ корридоръ?.. Кто-нибудь загналъ ихъ туда.

Снова послышался голосъ пѣтуха. На этотъ разъ было ясно, что пѣтуха травятъ.

Гертрудъ вскочила съ постели и бросилась къ дверямъ, но, едва высунувъ голову, тотчасъ же захлопнула дверь.

Абрагамъ Іонстанъ.

Въ корридорѣ слышался смѣхъ... Она стояла и прислушивалась. Сердце у нея такъ и стучало.

Опять раздалось пѣтушиное пѣніе, на этотъ разъ у самыхъ ея дверей.

— Гертрудъ, вѣдь это я, Абрагамъ,—послышался голосъ.— Я только что вернулся въ Норвегію.

— Поздравляю съ пріѣздомъ!—отозвалась она. — Вотъ Клаусъ-то обрадуется!

— Я убѣжалъ изъ дому, не допивъ кофе, чтобы скорѣе повидаться съ вами... и съ Клаусомъ, прежде чѣмъ онъ уйдетъ въ свою контору... Я пріѣхалъ вчера поздно вечеромъ.

— Я тоже рада вашему пріѣзду.

— Рады? Ну, такъ вамъ слѣдовало бы просунуть вашу славную ручку въ двери, чтобы поздороваться съ человѣкомъ, такъ долго не бывавшемъ на родинѣ.

— Вы съ ума сошли... Я сейчасъ одѣнусь и спущусь внизъ.

— Можете себѣ представить, какъ мнѣ хочется посмотрѣть, насколько вы похорошѣли... Я такъ стосковался по отечеству и теперь такъ счастливъ, увидавъ родныя мѣста, что готовъ прыгать и ѣсть березовыя почки, какъ наши козы... Какая прелесть у насъ весна!

Она слышала, какъ онъ прошелъ въ комнату Клауса, откуда стали доноситься громкіе, веселые голоса, и какъ онъ пошелъ въ гостиную.

Наконецъ она одѣлась, и неторопливой походкой вошла въ гостиную.

— Простите, если испугалъ васъ своими шутками!—проговорилъ онъ, здороваясь съ нею. При этомъ взглядъ его съ удивленіемъ и съ нескрываемымъ восхищеніемъ скользнулъ по ней, и онъ невольно задержалъ ея руку въ своихъ рукахъ.—Если при-

помните, подражать голосамъ животныхъ я всегда былъ мастеръ, а васъ я помнилъ только такою, какой привыкъ васъ видѣть... въ дни нашей ранней юности.

Она молча улыбалась.

— Точно схожу на берегъ послѣ долгаго скитанія по морямъ!—продолжалъ онъ восторженно. — По прежнему ли любите животныхъ и держите на дворѣ цѣлый звѣринецъ? Вѣдь на этой симпатіи къ животнымъ мы когда-то сдружились съ вами. Съ тѣхъ поръ никогда и никто не бывалъ мнѣ такъ близокъ въ моемъ искусствѣ.

— Я думала видѣть васъ совсѣмъ другимъ!—улыбаясь и съ чувствомъ проговорила она.—Заграницей люди становятся такими пресыщенными... разочарованными...

— Разочарованными?.. Благодарю покорно! Много же вы помните обо мнѣ. Разочарованный художникъ,—да вѣдь это дохлая рыба! А я воображалъ васъ всегда прежней Гертрудъ, такой, съ какой разстался. Неужели бы я посмѣлъ дать такое звѣриное представленіе въ корридорѣ, если бъ я воображалъ...

Она тихонько освободила свою руку и пошла въ столовую, гдѣ уже былъ приготовленъ утренній кофе. Онъ пошелъ за нею.

— А вѣдь я имѣлъ о васъ постоянныя свѣдѣнія!—продолжалъ онъ, пока она разставляла чашки.—И сколько тетя Софи ни набрасывала на все романическіе покровы, я понялъ изъ ея писемъ, что вы деспотически властвовали на всѣхъ здѣшнихъ балахъ...

— Абрагамъ!—раздалось въ дверяхъ.

— Да, да, это я вернулся домой!—откликнулся онъ и безъ церемоніи бросился въ объятія госпожи Браттъ. Тутъ же, смѣясь и шутя, онъ разсказалъ, что всякій разъ, когда ему нужно было изображать возвышенную мечтательность, или загадочную Сибиллу, онъ думалъ о глазахъ добрѣйшей госпожи Браттъ и жалѣлъ, что не можетъ писать съ нея...

— Ахъ, какъ здѣсь хорошо! — говорилъ онъ черезъ минуту, уже сидя за столомъ.—Я въ вашей столовой—точно гдѣ-то въ нашихъ душистыхъ, лѣсахъ. И не мудрено: здѣсь столько этихъ вашихъ чудныхъ цвѣтовъ, а подъ окнами шумитъ рѣка... Какая прелесть эти горы вдали!..

Онъ бросился къ окну.

— Посмотрите же, Гертрудъ, какія краски... Этотъ маленькій домикъ въ кустахъ!.. А тамъ видите... тропинка между деревьями и утесами... Да вѣдь это цѣлый мотивъ для пейзажа.

Она стояла возлѣ него, чувствуя по колебанію воздуха его порывистыя движенія. Подлѣ нея мелькалъ клочокъ его сѣраго платья; передъ нею была его вытянутая по направленію къ го-

рамъ рука... И почему-то ей казалось, что, въ сущности, онъ восхищается ею, а не горами, на которыя указываетъ.

— Теперь вамъ всюду мерещутся живописные «мотивы»! — пошутила она, но, отходя назадъ къ столу, была значительно румянѣе, чѣмъ всегда.

Онъ тоже вернулся къ столу и сѣлъ возлѣ госпожи Браттъ. Совсѣмъ, какъ прежде, вытягивалъ онъ свои длинныя ноги въ широчайшихъ сѣрыхъ брюкахъ и очень красивыхъ ботинкахъ. Но онъ возмужалъ и лицо его стало еще красивѣе прежняго.

Вошелъ Клаусъ. Ему оставалось только нѣсколько минутъ до ухода въ контору и онъ очень торопился. Прихлебывая кофе, онъ сталъ условливаться съ Абрагамомъ насчетъ ближайшей охоты, которой слѣдовало ознаменовать возвращеніе на родину. Съ субботы на воскресенье, напримѣръ? Конечно, въ шкерахъ, на кроншнеповъ!.. Онъ беретъ на себя позаботиться о патронахъ съ дробью подходящаго номера... Лодку можно взять отцовскую, парусную... Очень важно запастись вдоволь вкусной провизіей...

Клаусъ былъ всецѣло поглощенъ своими охотничьими соображеніями и съ увлеченіемъ говорилъ о дроби и порохѣ.

— А вы, Гертрудъ? Не поѣдете ли и вы съ нами? — обратился къ ней Абрагамъ.

Она подняла голову. Шутитъ или говоритъ серьезно? Прежде у него была эта привычка—ради шутки перемѣшивать серьезное съ пустяками.

— Вамъ не повезетъ на охотѣ, а вы свалите на меня, что, молъ, въ лодку сѣла баба,—отвѣтила она, смѣясь.

— Пустяки, поѣдемте!—настаивалъ онъ.—Ночью будемъ пить кофе среди шкеръ и полюбуемся прерывистымъ свѣтомъ маяка. Съ добрымъ запасомъ шалей, и всего такого... А въ самомъ дѣлѣ, поѣдемте!!

— Много насъ спасутъ шали...

— Отъ чего же спасать? А какъ интересно плыть подъ парусами ночью...

Она потупилась съ такимъ видомъ, что не стоитъ, молъ, и продолжать этотъ разговоръ.

— Это моя первая просьба на родинѣ... Примите, Гертрудъ, хоть это во вниманіе!—продолжалъ онъ упрашивать ее и сказалъ это такъ мягко, что она уже не смѣла больше и взглянуть на него.

Но все-таки она промолчала.

— Какъ это похоже на васъ!—вскричалъ онъ. — Такая осторожность и столько размышленій... точно дѣло идетъ о поручительствѣ по векселю.

Она смотрѣла въ свою чашку, и ему видны были только ея густыя, длинныя, рѣсницы подъ черными бровями.

— Если не поѣдете, я буду считать все наше удовольствіе испорченнымъ! — добавилъ онъ рѣшительно и даже перекинулъ ногу на ногу, какъ бы считая переговоры оконченными.

— А почему ей и не ѣхать? — вмѣшался Клаусъ. — Когда въ прошломъ году у насъ гостили Стибольты, она съ Жанеттой выѣзжала же на охоту съ нами! И охота была чудеснѣйшая...

— Хорошо, только ужъ не пеняйте на меня, если ничего не убьете! — проговорила она наконецъ, сдаваясь.

— О, мы будемъ самые счастливые охотники!—восторжествовалъ Абрагамъ.

Дверь распахнулась, и въ столовую вошелъ директоръ.

— Кого я вижу! Патріарха Авраама!—весело привѣтствовалъ онъ молодого человѣка.—Нашего знаменитаго живописца! То-то я слышалъ изъ своей комнаты какіе-то звуки наверху въ корридорѣ.

— Ну, добро пожаловать на родинѣ, Абрагамъ!—продолжалъ онъ, обнимая его. — Однако заграницей вы болѣе прославились, чѣмъ пополнѣли... Небось, отецъ теперь на седьмомъ небѣ?

Онъ положилъ раскрытый портфель на столъ и принялся, какъ всегда дѣлалъ по утрамъ, прихлебывать кофе стоя. При этомъ онъ не переставалъ перелистывать свои бумаги, что не мѣшало ему разговаривать. Всегда торопясь, онъ привыкъ дѣлать многое одновременно.

— Ну, какъ вамъ жилось, Абрагамъ? Вашъ отецъ никакъ не соглашался открыть вамъ годовой кредитъ и предпочиталъ дѣлать двѣнадцать отдѣльныхъ переводовъ. Сначала я не понималъ, для чего это онъ дѣлаетъ такое усложненіе, и потомъ я сообразилъ, что старикъ хочетъ заручиться лишними предлогами для переписки, чтобы чаще получать отъ васъ письма. То-то вотъ! Артисты народъ ненадежный... И я тоже каждый мѣсяцъ къ послѣдней почтѣ приготовлялъ ему переводные векселя... Теперь, слава Богу, на время я избавленъ отъ этого труда... Приходилось вѣдь еще подвергаться ежемѣсячнымъ допросамъ, такъ какъ госпожа Рэнебергъ передъ каждымъ письмомъ вывѣдывала у меня разныя новости о Гертрудъ и тому подобное...

Гертрудъ вздрогнула отъ негодованія. Ага! Значитъ, отецъ опять былъ во всемъ замѣшанъ и подогрѣвалъ отношенія. Это онъ, конечно, насплетничалъ про балы, и все такое!.. Онъ и теперь интригуетъ... Но не торжествуетъ ли онъ слишкомъ рано?!

Директоръ перевернулъ нѣсколько листовъ въ своемъ портфелѣ.

— Я слышалъ изъ той комнаты, что вы сманили ее съ собой

на охоту?—замѣтилъ онъ, не отрываясь отъ бумагъ.—И какъ это она довѣряетъ свою жизнь такимъ палачамъ, которые отправляются на убійство несчастныхъ птицъ! Кстати, Клаусъ, напомни мнѣ, чтобы я послалъ за лодочникомъ Торгерсеномъ. Пусть осмотритъ лодку, и лучше всего возьмите его съ собой. Ты вѣдь отпѣтый шалопай, а артисты бываютъ разсѣянны!

Онъ допилъ кофе, взялъ портфель подъ мышку и приготовился уходить.

— Гетта, — позвалъ онъ жену. — Проводи меня, пожалуйста. Мнѣ надо тебѣ кое-что сказать.

Они вышли.

— Можешь не хлопотать о лодочникѣ, Клаусъ! — обратилась Гертрудъ къ брату.—Было бы смѣшно нанимать человѣка только ради меня... Я предпочитаю сама оберегать свою жизнь... на сушѣ; это надежнѣе.

— Какъ?—вскричалъ Абрагамъ.—Вы измѣняете?

— Я буду мысленно сопутствовать вамъ!—отвѣтила она.

— Съ чего же такой внезапный капризъ, Гертрудъ. Чѣмъ я заслужилъ такое наказаніе?

— Просто вспомнила, что обѣщалась быть въ воскресенье у Торы Лэбергъ.

— Увертки! Я замѣчаю только, что у васъ прежняя наклонность припасать неожиданности... Пріятныя неожиданности!..

Она посмотрѣла на него, слегка прищурившись, хорошо знакомымъ ему надменнымъ взглядомъ.

— Неужели вы полагаете, что я не могла бы отказаться безъ «увертокъ»?—спросила она, растягивая слова.

— Такъ вотъ какъ! — усмѣхнулся онъ. — Начинаю понимать вашъ характеръ, хотя это и не такъ-то просто. Въ глубинѣ вашей души спрятана волшебница... прекрасная, но темная, какъ ночь.

— Вы предпочитаете людей, которые мягки, какъ шелковый шнурокъ: его можно обвить вокругъ пальца?

— Во всякомъ случаѣ есть такой красный шнурочекъ въ моей жизни, и я долженъ держаться за этотъ шнурокъ, и... и когда-нибудь удавлюсь на немъ! Однако, я сознаю, что велъ себя сегодня утромъ слишкомъ ребячливо... Остается поблагодарить за урокъ, Гертрудъ! Дѣлать нечего, Клаусъ! Приходится подчиняться необходимости, и поѣдемъ одни! Я провожу тебя...

Онъ поклонился барышнѣ довольно церемонно и вышелъ вслѣдъ за товарищемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(*Продолженіе* *).

XXVI.

Надеждинъ довольно подробно разсказалъ исторію своего умственнаго развитія [55]). Но разсказъ все-таки не даетъ намъ многихъ существенныхъ моментовъ какъ разъ изъ *литературной* дѣятельности ученаго, для насъ особенно любопытной. Приходится дополнять свѣдѣнія изъ другихъ источниковъ, фактически достовѣрныхъ, но далеко не всегда идущихъ въ тонъ автобіографическому разсказу профессора.

Надеждинъ—сынъ сельскаго дьякона, воспитанникъ рязанскаго духовнаго училища, потомъ семинаріи и, наконецъ, московской академіи. Весь этотъ путь будущій профессоръ университета прошелъ съ блестящимъ успѣхомъ. Въ академіи онъ засталъ большую популярность философіи среди студентовъ и самъ увлекся предметомъ, одновременно занимался исторіей; но какая собственно философская система вызывала его исключительное сочувствіе, мы не знаемъ. По окончаніи академическаго курса слѣдовало профессорство въ рязанской семинаріи по русской и латинской словесности.

Было бы очень поучительно знать съ точностью, въ какомъ направленіи шло преподаваніе литературы у будущаго критика. Отъ него самого мы ничего не узнаемъ на этотъ счетъ, и, можетъ быть, потому, что профессору въ эпоху составленія автобіографіи было не особенно лестно вспоминать о своемъ раннемъ учительствѣ.

Дѣло происходило въ половинѣ двадцатыхъ годовъ. Шеллингіанство и романтизмъ были уже фактами русской литературы, сочиненія Пушкина вызывали всеобщій интересъ, въ высшей сте-

---

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

[55]) *Н. И. Надеждинъ*. Автобіографія съ дополненіями. П. Савельева *Русскій Вѣстникъ*. 1856, мартъ.

пени горячій, положительный или отрицательный. Даже университетская наука въ лицѣ Мерзлякова успѣла произнести осужденіе отечественному классицизму.

И вотъ въ это-то самое время рязанскіе семинаристы слышали отъ своего профессора самыя допотопныя рѣчи о поэзіи и вообще о литературѣ. Имъ образцами краснорѣчія рекомендовались отрывки изъ св. книгъ и сочиненій Ломоносова. Они предостерегались отъ увлеченій западной литературой. Тамъ, поучалъ профессоръ, господствуетъ «суетное остроуміе и дерзкое вольномысліе, прикрытое обольстительными прикрасами ложнаго краснорѣчія».

Это проповѣдывалось въ 1825 году; годъ спустя Надеждинъ уволился изъ духовнаго званія для поступленія на гражданскую службу и переѣхалъ въ Москву.

Здѣсь онъ, у своего земляка, профессора медицинскаго факультета, познакомился съ Каченовскимъ, и это знакомство открыло ему одновременно и литературную, и ученую карьеру. Каченовскій явился дѣятельнѣйшимъ воспріемникомъ молодого ученаго.

Этотъ фактъ для насъ достаточно краснорѣчивъ, но желательно было бы отъ самого Надеждина услышать объясненіе рѣшительнаго переворота въ его судьбѣ.

Въ Москвѣ Надеждинъ въ теченіе пяти лѣтъ не имѣлъ никакихъ оффиціальныхъ занятій, состоялъ домашнимъ наставникомъ въ частномъ домѣ, у «большого барина». Въ домѣ была богатая библіотека, преимущественно изъ французскихъ книгъ, между прочимъ, французскій переводъ знаменитой исторіи Гиббона.

Надеждинъ набросился на чтеніе, отъ Гиббона перешелъ къ Гизо, читалъ съ увлеченіемъ, но увлеченіе не разстраивало старой закваски, столь знакомой рязанскимъ семинаристамъ.

Читателя не подкупили ни талантъ, ни идеи западныхъ историковъ. Все это ложилось ровнымъ, спокойнымъ слоемъ, и Надеждинъ былъ очень доволенъ своей уравновѣшенностью.

«Не будь положенъ во мнѣ,—говорилъ онъ,—сначала школьный фундаментъ старой классической науки, я бы потерялся въ такъназывавшихся тогда высшихъ взглядахъ, новыхъ романтическихъ мечтаніяхъ, которыя были à l'ordre du jour. Теперь, напротивъ, эти новыя пріобрѣтенія настилались во мнѣ на прочное основаніе, и дѣло шло своимъ чередомъ».

По обыкновенію, очень удачнымъ для Надеждина.

Каченовскій, очевидно, быстро оцѣнилъ «фундаментъ» своего молодого пріятеля, и поспѣшилъ приспособить его къ своему журналу.

Приспособленіе не представляло никакихъ затрудненій, тѣмъ

болѣе, что одновременно съ сотрудничествомъ должна была зайти рѣчь и объ ученомъ будущемъ «магистра священныхъ и гуманныхъ наукъ».

Въ какомъ направленіи могъ Надеждинъ принять участіе въ *Вѣстникѣ Европы*? Мы знаемъ, журналъ велъ войну противъ германской философіи и стоялъ за классицизмъ. Успѣха среди публики журналъ не имѣлъ никакого. Ему съ каждымъ годомъ грозила «смерть обыкновенная, по чину естества», какою онъ и умеръ. Чисто младенческая растерянность и старческая немощь обнаруживались всякій разъ, когда профессору приходилось серьезно браться за перо журналиста и критика. Ученый впадалъ въ совершенно нелитературный уличный тонъ полемики, или, чувствуя даже и на этомъ поприщѣ свое безсиліе, обращался съ мольбой къ начальству на журналистовъ и цензоровъ.

Оба «качества» для насъ представляютъ большую важность. Они полностью были усвоены новымъ сотрудникомъ *Вѣстника Европы*. Надеждинъ вполнѣ послѣдовательно выполнялъ програму профессорскаго журнала, насколько вопросъ шелъ о внѣшней писательской политикѣ.

Для примѣра намъ достаточно двухъ фактовъ. Оба они касаются самаго опаснаго противника Каченовскаго, Полеваго, и оба удостовѣрены документально.

Тщетно уловляя благосклонность читателей въ теченіе многихъ лѣтъ, Каченовскій въ концѣ 1828 года, въ самый разгаръ сотрудничества Надеждина, обратился съ своего рода манифестомъ къ публикѣ.

Онъ обѣщалъ умножить свои труды по издательству журнала. «Предполагаю работать самъ», заявлялъ профессоръ, «не отказывая однакожъ и другимъ литераторамъ участвовать въ трудахъ моихъ».

Фраза—высоко-забавная для всѣхъ, кто имѣлъ представленіе о значеніи *самого* въ журналистикѣ! Ею, конечно, не замедлили воспользоваться, и *Московскій Телеграфъ* напечаталъ жестокую отповѣдь «Бенигны», т. е. самого издателя, старческой фанфаронадѣ ученаго, указывалъ на безнадежную отсталость его въ литературѣ, неисправимую приверженность къ «смѣшнымъ предразсудкамъ» и полную неспособность научиться чему-нибудь отъ современнаго умственнаго движенія.

Каченовскій закипѣлъ гнѣвомъ и немедленно въ примѣчаніи подъ статьею Надоумки объявилъ, что онъ не станетъ препираться съ Бенигною, а приметъ «другія мѣры ко охраненію своей личности».

И мѣры послѣдовали.

Каченовскій подалъ жалобу въ московскій цензурный комитетъ, прежде всего на цензора, Сергѣя Глинку, разсматривавшаго журналъ Полеваго.

Оскорбленный статью Бенигны считалъ оскорбительной для мѣста своего служенія, для своихъ «дипломовъ на ученыя степени», для своего званія ординарнаго профессора и свои соображенія подтверждалъ пунктами устава о цензурѣ.

Совѣтъ университета дѣятельно принялъ сторону своего сочлена и доносилъ попечителю учебнаго округа: онъ, совѣтъ, «не можетъ оставить безъ вниманія оскорбленіе, нанесенное личности издателя *Вѣстника Европы*, одного изъ достойнѣйшихъ своихъ чиновниковъ, по утвержденію высшаго начальства съ честью въ теченіе многихъ лѣтъ преподававшаго при московскомъ университетѣ: риторику, археологію, теорію изящныхъ искусствъ и нынѣ занимающаго кафедру россійской исторіи и статистики». Полевой сомнѣвался въ правахъ издателя *Вѣстника Европы* на его исключительныя литературныя притязанія.

Совѣтъ университета перечислялъ эти права: «избраніе высшаго начальства народнаго просвѣщенія въ публичные преподаватели словесности и законовъ ея въ университетѣ Московскомъ, званіе члена ученаго сословія Императорской россійской академіи, всемилостивѣйшія награжденія Государя Императора, которыхъ былъ удостоиваемъ издатель *Вѣстника Европы*, единственно по ученой службѣ своей при университетѣ по предмету словесности и исторіи россійской».

Въ заключеніе совѣтъ также ссылался на «пунктъ» и просилъ попечителя «принять начальническія мѣры для учиненія законнаго взысканія и для отвращенія на будущее время подобнаго оскорбленія личности чиновниковъ университета».

Процессъ не имѣлъ успѣха для Каченовскаго. Любопытно, что даже цензоръ Глинка, въ отвѣтъ на жалобу, высказалъ убійственный взглядъ на литературныя заслуги «чиновника университета» и академика.

Глинка предлагалъ перевести, «если только можно перевесть на какой-нибудь языкъ», статьи Каченовскаго и посмотрѣть: «что̀ скажутъ тогда европейскіе любители словесности, привыкшіе къ соображенію мыслей съ ясностью и точностью словъ, что скажутъ они о семъ туманномъ сбродѣ рѣчей?» «Да и я долженъ прибавить», говорилъ цензоръ уже какъ критикъ, «что если бы у насъ всѣ стали такъ писать, то россійская словесность быстрыми бы шагами отступила къ тринадцатому столѣтію».

Главное управленіе цензуры оправдало Глинку [56]).

Эпизодъ превосходно характеризуетъ профессорскую атмосферу философской эпохи и показываетъ, какъ много здѣсь было простору мысли и свободному знанію.

Обидчивость Каченовскаго на чужіе отзывы не мѣшала ему самому наѣздничать безъ мѣры и удержу, во вредъ чужой «чести». Статья *Вѣстника Европы* объ *Исторіи русскаго народа* Полеваго, переполнена личной бранью и оскорбленіями [57]). Такія выраженія, какъ «лохмотья отъявленной нищеты», «уродливость изувѣченнаго натурой калѣки», «шарлатанство», пестрятъ на каждой страницѣ и все заканчивается такимъ сравненіемъ *исторіи:* «сіе море великое и пространное: тамо гады, ихъ же нѣсть числа: животныя малыя съ великими».

Статья принадлежитъ Надеждину и показываетъ, какъ основательно сотрудникъ вошелъ въ личные интересы редактора.

Легко представить, какое впечатлѣніе подобные ученые подвиги могли производить на неученыхъ! Пушкинъ на юридическое предпріятіе Каченовскаго отозвался остроумнымъ *Отрывкомъ изъ литературныхъ лѣтописей*, а въ статьяхъ объ *исторіи* Полеваго достойно оцѣнилъ и критику Надеждина [58]).

Эпиграфомъ къ *Отрывку* стоитъ латинская фраза: *Tantae ne animis scholasticis irae*!.. Слова «схоластическія души» и «гнѣвъ» мѣтко выражали не только характеръ разсказываемаго событія и его героевъ, но и дѣятельность новаго критика *Вѣстника Европы*.

XXVII.

Пушкинъ посвящалъ эпиграммы и Каченовскому, и Надеждину; оба они представлялись поэту выходцами какого-то темнаго и на рѣдкость тупоумнаго міра, но изъ двухъ—Надеждинъ занималъ первое мѣсто въ сильныхъ чувствахъ Пушкина.

Ему пришлось лично встрѣтиться съ тѣмъ и съ другимъ, и обѣ встрѣчи разсказаны имъ самимъ. Съ Каченовскимъ у поэта завязался «дружескій» и «сладкій» разговоръ: это—иронія, но разговоръ, очевидно, дѣйствительно былъ, и Пушкинъ свою иронію не сопровождаетъ никакимъ язвительнымъ замѣчаніемъ.

---

[56]) Подробное изложеніе исторіи у Барсукова II, 265.

[57]) *В. Евр.* 1830, январь, 37.

[58]) *Сочиненія.* Спб., 1887, V, 64; P. S. ко 2-й ст. объ Исторіи, стр. 78. Ср у Сухомлинова. *Полемическія статьи Пушкина. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію.* Спб., 1889, II, 249.

Совершенно другое впечатлѣніе отъ встрѣчи съ Надеждинымъ. «Онъ,—сообщаетъ Пушкинъ, — показался мнѣ весьма простонароднымъ, vulgar, скученъ, заносчивъ и безъ всякаго приличія. Напримѣръ, онъ поднялъ платокъ, мною уроненный. Критики его были очень глупо написаны, но съ живостью, а иногда и съ краснорѣчіемъ. Въ нихъ не было мыслей, но было движеніе; шутки были плоски».

Это писалось около пяти лѣтъ спустя послѣ первыхъ статей Надеждина. Негодованіе поэта должно было улечься, тѣмъ болѣе, что статьи Надоумки не принесли ему рѣшительно никакого ущерба. И поэтъ не правъ только въ одномъ: глупостью Надеждинъ не страдалъ, и мысли у него были, хотя и не его собственныя.

Надеждинъ былъ приглашенъ въ *Вѣстникъ Европы* съ очевидной цѣлью дать генеральное сраженіе новой литературѣ и преимущественно, конечно, Пушкину, и онъ съ первой же статьи взялъ необыкновенно развязный тонъ. Эго должно было сойти за живость и бойкость пера, но тяжелая схоластическая основа мысли и языка автора—всѣ его старанія быть остроумнымъ и легкимъ—превращала въ какое-то неуклюжее комическое метаніе за хлесткими словечками и головокружительно-хитросплетенными фразами.

Критикъ даже прибѣгъ къ діалогу, сочинилъ «сцену изъ литературнаго балагана», изобрѣлъ нѣкое «сонмище нигилистовъ», пересыпалъ бесѣду драматическими ремарками, латинскими восклицаніями, въ примѣчаніяхъ велъ даже переписку съ редакторомъ, вообще напрягалъ всѣ усилія сокрушить врага.

Во имя чего собственно поднимался такой шумъ, что̀ отрицалъ отважный критикъ и чего желалъ?

Первая статья Надоумко появилась въ концѣ 1828 года—*Литературныя опасенія за будущій годъ*, вторая—въ началѣ слѣдующаго—*Сонмище нигилистовъ*. Она и представила публикѣ во всемъ блескѣ мысли и талантъ критика.

Нигилистами назывались новѣйшіе авторы, лишенные «идеи», равнодушные къ «холодному смыслу и размышленію».

Но что значила на языкѣ критика *идея?*

Это понятіе для поэтическаго творчества дано германской философіей и романтизмомъ. Оно достаточно было превознесено первыми русскими шеллингіанцами. Не было рѣшительно никакой заслуги толковать объ *идеѣ* художественнаго произведенія, другой вопросъ—опредѣлить понятіе и примѣнить его къ фактамъ.

Надеждинъ уклонился отъ положительной задачи и предпочелъ болѣе легкую—отрицаніе и высмѣиваніе всего, что, по его мнѣнію, лишено было идеи. Но отрицаніе—чисто словесное, бездоказатель-

ное уже въ силу того, что не былъ установленъ самый *принципъ* отрицанія и какого бы ни было приговора.

Критикъ нашелъ *благодарный* матеріалъ для своихъ упражненій въ поэмахъ Пушкина, по очень простой причинѣ. Здѣсь на сценѣ самыя простыя вещи, реальныя и даже будничныя. Ничего выспренняго, нарочито-философическаго, сколько-нибудь подходящаго подъ схоластическій масштабъ *изящнаго* и *идеальнаго*.

Въ результатѣ, поэзія Пушкина *ничто*, *нуль*, тѣмъ болѣе, что можно даже скаламбурить по строю одной изъ поэмъ.

«Литературный хаосъ, осѣменяемый мрачною философіею *ничтожества*, разрожается *Нулиными!* Неужели бѣдной нашей литературѣ вѣчно мыкаться въ мрачной преисподней губительнаго *нигилизма?*»

Фамилія пушкинскаго героя оказалась неистощимымъ запасомъ для остротъ и каламбуровъ. Вся статья о поэмѣ въ сущности и состоитъ изъ этихъ упражненій, чередующихся съ французскими, латинскими, итальянскими восклицаніями, съ воспоминаніями объ «Іонійской философической школѣ», о «глубокомысленномъ Кантѣ», о «великомъ Галлерѣ».

Съ поэмой критику рѣшительно нечего дѣлать. «Что тутъ анатомировать?» спрашиваетъ онъ.

«Мыльный пузырь, блистающій столь прелестно всѣми радужными цвѣтами, разлетается въ прахъ отъ малѣйшаго дуновенія... Чтó же тогда останется?.. Тотъ *нуль*, но въ добавокъ... безцвѣтный! А эта *цвѣтность* составляетъ все оптическое бытіе его!.. Скажемъ посему только pro forma: *Графъ Нулинъ проглотилъ пощечину Натальи Павловны*; геній поэта переварилъ ее съ творческимъ одушевленіемъ и... разрѣшился *Нулинымъ*. C'est le mot de l'énigme».

У критика есть оригинальные термины—*нигилистическое изящество*, *пародіальный геній*, *арлекинское величіе*, наконецъ, *прыщики на лицѣ вдовствующей нашей литературы*: все это для характеристики таланта и произведеній Пушкина.

Надеждину особенно ненавистно пристрастіе поэта къ слишкомъ простымъ мотивамъ и жанровымъ картинамъ. На его языкѣ «мастеръ фламандской школы» — презрительнѣйшая брань. Пушкинъ «не переросъ скудной мѣры человѣчества» и «душа его даже слишкомъ дружна съ земною жизнью».

Въ статьѣ о *Полтавѣ* критикъ безпощаденъ къ *усамъ* Мазепы, къ «бурлацкому» окрику Карла XII: это каррикатура, «Енеида наизнанку». Если Петръ Великій царь—онъ можетъ «держать Мазепу за усы», и ужъ, конечно, объ этомъ писать неприлично!

Эти замѣчанія вводятъ насъ отчасти въ эстетическія тайны критика, намъ давно извѣстныя, еще по *Наукѣ* Галича. Все тѣ же выспреннія возглашенія о невиданной землей красотѣ, о недосягаемыхъ идеалахъ.

Изящныя искусства «должны быть отглашеніями вѣчной гармоніи». Геній это—«творческій зиждительный *духъ*, воззывающій изъ нѣдръ своихъ собственныя, самородныя и самообразныя изящныя формы, для воплощенія вѣчныхъ идей, созерцаемыхъ имъ во всей небесной ихъ лѣпотѣ»...

Такова философія критика! На меньшемъ онъ не помирится. Все, что не «небесная лѣпота» и не «вѣчная гармонія»—все это «оскорбляетъ человѣческую природу».

Онъ и Байрона допускаетъ не потому, что англійскій поэтъ воспроизвелъ извѣстныя культурныя черты своего времени, создалъ рядъ общечеловѣческихъ образовъ, а потому, что у него все необыкновенно, все, по представленію критика, исполински-велико.

«*Байроновы* поэмы суть опустѣвшія кладбища, на которыхъ плотоядные коршуны отбиваютъ съ остервенѣніемъ у шипящихъ змѣй полуистлѣвшіе черепы. Его міръ есть адъ: и какое исполинское величіе потребно для Полуфема, избравшаго себѣ жилищемъ сію безпредѣльную бездну?..»

Такой полетъ не препятствуетъ критику соперничать съ кѣмъ угодно, не только съ Пушкинымъ, и въ «арлекинскомъ величіи». Это соперничество, при какой-то зудящей страсти Надеждина быть оригинальнымъ и остроумнымъ, ставитъ его безпрестанно въ самыя комическія положенія, менѣе всего соотвѣтствующія «небесной лѣпотѣ».

Напримѣръ, критикъ желаетъ въ конецъ доконать поэта и изображаетъ ужасы, къ какимъ можетъ привести реализмъ, «вѣрнѣе снимки съ натуры».

«Да съ какой натуры!»—восклицаетъ эстетикъ.—«Вотъ тутъ-то и заковычка!. Мало ли въ натурѣ есть вещей, которыя совсѣмъ нейдутъ для показу?.. Дай себѣ волю... пожалуй, залетишь и Богъ вѣсть куда!—отъ спальни недалеко до дѣвичьей, отъ дѣвичьей до передней, отъ передней до сѣней; отъ сѣней дальше и дальше!.. Мало ли есть мѣстъ и предметовъ еще болѣе *вдохновительныхъ*»..

Потомъ критикъ цитируетъ стихи, гдѣ описывается, что лакей принесъ на ночь Нулину:

Сигару, бронзовый свѣтильникъ,
Щипцы съ пружиною, *будильникъ*.

Критикъ снова пускается въ догадки: «Кто не чувствуетъ, что послѣднее слово есть вставка, замѣнившая другое равно созвуч-

ное, но болѣе идущее къ дѣлу слово, принесенное поэтомъ съ истинно героическимъ самоотверженіемъ въ жертву туранскому приличію?..»

Естественно, Пушкинъ находилъ шутки своего критика плоскими и даже его статьи глупыми. Не лучшаго мнѣнія были о нихъ и современные журналисты. *Сынъ Отечества* остроумно воспользовался образцами надеждинскаго остроумія, напечатавъ замѣтку *О чутьѣ критика Имярека, живущаго на Патріаршихъ Прудахъ*, съ эпиграфомъ *Similis simili gaudet—подобный подобнымъ и любуется*, и безъ большихъ усилій пришелъ къ сравненію критика съ героиней крыловской басни.

Попадалъ Надоумко въ просакъ и въ другихъ случаяхъ, помимо остроумія. Напримѣръ, клеймя растлѣвающее вліяніе *Нулина* на молодыхъ дѣвицъ, онъ сообщалъ о себѣ: «Завалившись недавно еще за двадцать три года».

Эта метрическая справка и удивительное словечко «завалившись» стóили Надеждину эпиграммы Пушкина и злой замѣтки въ томъ же *Сынѣ Отечества*.

Взглядъ на творчество Пушкина, какъ на «галантерейную литературу» и «пародію», Надеждинъ сохранитъ до конца. Единственное исключеніе будетъ сдѣлано только для *Бориса Годунова*. И произойдетъ это совершенно неожиданно.

По поводу VII-й главы *Евгенія Онѣгина* Надеждинъ повторялъ прежнія шутки и насмѣшки надъ притязаніями Пушкина быть серьезнымъ поэтомъ, совѣтовалъ ему «*разбайрониться* добровольно и добросовѣстно», не признавалъ за нимъ таланта «изображать природу поэтически съ лицевой ея стороны, подъ прямымъ угломъ зрѣнія: онъ можетъ только мастерски выворачивать её наизнанку». Слава Пушкина не болѣе, какъ «молва, сплетающаяся по гостинымъ и будуарамъ на прывычку журнальныхъ листковъ, вмѣстѣ съ модами и извѣстіями о *Лебедянскихъ скачкахъ*»...

Стиль и этой статьи ничѣмъ не уступалъ красотамъ прежнихъ «сценъ». Говорилось о «стереотипныхъ пропорціяхъ», «о педантической чиновности и аккуратности природы», въ противоположность «рѣзвому скаканію разгульной фантазіи» Пушкина.

Наконецъ, критикъ давалъ рѣшительный совѣтъ «сжечь *Годунова*!»—произведеніе, очевидно, окончательно негодное.

Статья напечатана въ *Вѣстникѣ Европы*. Одновременно выходила въ свѣтъ диссертація автора, наступала смерть журналу Каченовскаго и его питомецъ вступалъ въ составъ профессоровъ московскаго университета.

Почти годъ спустя Надеждину пришлось отпѣвать журналъ, пріютившій его первыя критическія дѣтища.

Отпѣваніе не лишено извѣстнаго интереса для характеристики автора. Надеждинъ, между прочимъ, говорилъ о почившемъ *Вѣстникѣ:*

«Онъ начался нѣжными вздохами отроческой чувствительности, провелъ мужество въ шумныхъ бояхъ и окончился старческими суровыми роптаніями. Вѣтреная молодежь не была почтительна къ его преклоннымъ лѣтамъ: она издѣвалась надъ его сѣдинами и ругалась сѣтованіями. Старецъ долго сохранялъ презрительное хладнокровіе; но при дверяхъ гроба собрался съ послѣдними остатками угасающихъ силъ, ополчился на рать супостатовъ и грянулъ грозно. Вѣроятно, сіе чрезмѣрное напряженіе порвало послѣднія нити, коими онъ привязывался къ жизни, и *Вѣстникъ Европы* преставился».

Нельзя, конечно, увидѣть особенной почтительности къ «старцу» въ этой отходной, и что̀ еще любопытнѣе, это—иронія надъ старческими роптаніями и предсмертнымъ напряженіемъ.

Мы знаемъ, кому *Вѣстникъ* обязанъ своей безпокойной агоніей. Воинственный критикъ изъ молодежи, пытавшійся электризовать трупъ, говорилъ надъ нимъ послѣднее слово уже въ собственномъ изданіи. Не бо̀льшимъ уваженіемъ напутствовался здѣсь же и другой профессорскій журналъ *Атеней*, недавно еще напечатавшій отрывокъ изъ диссертаціи Надеждина.

Атеней издавался профессоромъ Павловымъ. Съ нимъ мы встрѣтимся, какъ съ главнѣйшимъ насадителемъ шеллингіанства въ Москвѣ. Но философія не помѣшала редактору ополчиться на Пушкина и извести публику совершенно непреодолимой ученостью.

О немъ ходила эпиграмма:

Журналъ казенный, философскій,
Благонамѣренный московскій...

Теперь Надеждинъ припоминалъ эту шутку и говорилъ о покойникѣ: «Онъ надѣялся подлеститься къ публикѣ ученостью—и перепугалъ ее». Но зато *Атеней* сохранилъ «невинную репутацію» и, по словамъ автора, «только при чтеніи его одного позволялось обходиться *безъ перчатокъ*».

Органъ Каченовскаго, очевидно, требовалъ перчатокъ.

Все это излагалъ публикѣ новый издатель, съ 1831 года, журнала *Телескопъ* и приложенія къ нему—*Молва*, еженедѣльной газеты. Въ ея программѣ первое, даже исключительное мѣсто, занимали: «моды», «картинки», «модные экипажи и мебели», «модные обычаи и изобрѣтенія», «модныя издѣлія» и, наконецъ, «острыя слова и забавные анекдоты».

Очевидно, профессоръ желалъ уловлять благосклонность публики и не скупился на *пріятное*.

Теперь онъ состоялъ ординарнымъ профессоромъ теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи. Совершилось это благодаря диссертаціи *О такъ-называемой романтической поэзіи*. Она—послѣднее слово эстетической философіи ученаго и вмѣстѣ съ критикой *Телескопа* должна считаться вѣнцомъ его литературной дѣятельности.

XXVIII.

Сочиненіе Надеждина прошло въ факультетѣ не безъ затрудненій. Мы уже говорили, въ какое смущеніе пришли нѣкоторые профессора отъ шеллингіанскихъ тенденцій автора. Но были и другія, болѣе существенныя замѣчанія, прямо касавшіяся литературнаго таланта и умственныхъ способностей будущаго профессора.

Ученые критики въ своемъ докладѣ писали:

«При взглядѣ на планъ диссертаціи г. Надеждина должно сказать, что онъ изложенъ языкомъ запутаннымъ и загадочнымъ, въ чемъ, повидимому, сочинитель полагалъ главное достоинство сочиненія, почему цѣлаго—полноты, надлежащей связи и отношенія между частями, даже при самомъ величайшемъ напряженіи ума, отъ излишней метафизической тонкости выраженій, однимъ взглядомъ обозрѣть весьма затруднительно» [59]).

Если такое впечатлѣніе книга производила на спеціалистовъ, если они не могли допустить выраженій въ родѣ *людскость*, *работная матерія*, на какія же завоеванія могла разсчитывать диссертація въ большой публикѣ?

Надеждинъ взялъ въ полномъ смыслѣ жгучій вопросъ. Еще въ статьяхъ *Вѣстника Европы* онъ неоднократно проявлялъ страсть и гнѣвъ противъ новаго направленія.

Въ автобіографіи онъ разсказываетъ, что его негодованіе было возбуждено особенно непочтительностью романтиковъ къ «почтеннымъ старикамъ», т. е. къ русскимъ классикамъ, и онъ «сталъ въ душѣ за классицизмъ».

Читатели, дѣйствительно, услышали о «гробницѣ романтическаго суесловія», о «великомъ Ломоносовѣ». Но это отнюдь не значило, будто у критика было вполнѣ опредѣленное художественное міросозерцаніе. Руководящую идею отыскать въ статьяхъ не менѣе трудная задача, чѣмъ и въ диссертаціи, по мнѣнію московскихъ профессоровъ.

Теперь явилась цѣлая книга о романтизмѣ.

---

[59]) Н. Поповъ. *Н. И. Надеждинъ на службѣ въ Московскомъ университетѣ. Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1880, часть CCVII, стр. 12.

Гораздо раньше ея въ журналѣ Измайлова *Благонамѣренный* была напечатана статья *О романтикахъ и о Черной рѣчкѣ*, нападавшая на *самозванцевъ* романтизма: они пишутъ «всякія нелѣпости», ссылаясь на «романтическій вкусъ». Въ ихъ произведеніяхъ нѣтъ «ни глубокихъ чувствъ, ни прелестей мечтательности, составляющихъ существенность поэзіи романтической» [60]).

Очевидно, критика очень скоро и въ сентиментализмѣ, и въ романтизмѣ распознала уродливыя и комическія увлеченія: для этого не требовалось особеннаго художественнаго чутья, а простой здравый смыслъ. На него именно и ссылались критики шаликовской чувствительности и романтической чертовщины.

Если Надеждинъ имѣлъ въ виду ту же цѣль—сразить псевдоромантиковъ, передъ нимъ и рядомъ съ нимъ оказывалось сколько угодно сочувственниковъ, даже болѣе полезныхъ для просвѣщенія публики, чѣмъ онъ съ своимъ краснорѣчіемъ и ученостью.

Повидимому, авторъ диссертаціи вступилъ именно на этотъ благороднѣйшій путь.

Книга переполнена энергичнѣйшими воплями противъ «необузданнаго скаканія *Поэзіи Романтической*», «изгаринъ и поддонковъ *Романтическаго* духа», противъ «чернокнижія», «адскихъ мраковъ», вообще «*Лже-Романтическихъ* изгребій», и къ «пластическимъ мятежникамъ нашихъ временъ» обращается такая рѣчь:

«Пусть предстанетъ даже на судъ сама *Романтическая Поэзія*: она обличитъ и сомнетъ похитительницу, украшающуюся теперь ея именемъ».

Изъ подобныхъ декламацій состоитъ весь отрывокъ, напечатанный въ *Вѣстникѣ Европы*.

Въ *Атенеѣ* изъясняется происхожденіе романтической поэзіи и ея отличіе отъ классической: всѣ изъясненія извѣстны изъ книги Сталь и многочисленныхъ статей и трактатовъ о романтизмѣ на всѣхъ языкахъ. Только врядъ ли кто могъ формой до такой степени затемнить совершенно ясную мысль, какъ этого достигъ русскій ученый.

До сихъ поръ, слѣдовательно, ничего оригинальнаго, и позже, когда мы познакомимся съ критикой молодыхъ шеллингіанцевъ, членовъ кружковъ, идеи Надеждина утратятъ всякое право на новизну и смѣлость. Профессоръ ни на шагъ не опережалъ студентовъ, во многихъ отношеніяхъ даже отставалъ. Мы убѣдимся въ этомъ изъ простого хронологическаго сопоставленія фактовъ. Въ сущности, нападки на «буйность и кровожадность» лже-ро-

---

[60]) Ср. Колюпановъ I, 538.

мантизма въ началѣ тридцатыхъ годовъ являлись запоздалыми: для критики и искусства это былъ вполнѣ «завоеванный пунктъ» и профессоръ велъ войну съ призраками.

Но оставался еще одинъ вопросъ, самый существенный: программа будущаго развитія литературы.

Попробуйте извлечь ее изъ разсужденій Надеждина.

Вы можете набрать сколько угодно доказательствъ, что онъ *не сочувствуетъ* классицизму. «Кумирная неподвижность *классической поэзіи*», «раскупленные *Агамемноны*», «рабское ярмо французскаго вкуса, возлагаемое на поэзію, во имя *Аристотеля* и *Буало*, насилуетъ ея истинное достоинство и посему отнюдь не можетъ и не должно быть терпимо».

Это проповѣдывалъ съ большимъ краснорѣчіемъ еще Мерзляковъ почти за двадцать лѣтъ до диссертаціи, даже больше. Авторъ диссертаціи все-таки увѣнчиваетъ Ломоносова-поэта: онъ «не только былъ истинный поэтъ, но еще по превосходству поэтъ *русскій*, въ коемъ сей великій народъ пробудился къ полному поэтическому сознанію самого себя». Мерзляковъ думалъ о поэтическомъ талантѣ великаго ученаго такъ, какъ впослѣдствіи стала думать вся русская критика.

И такъ, классицизмъ упраздненъ?

Не совсѣмъ. Авторъ диссертаціи готовъ предпочесть «работное подражаніе *классицизму*», «быть снисходительнѣе къ *нео-классическому* педантизму», выбрать скорѣе «*французскій* вкусъ», чѣмъ,—вы думаете,—психопатовъ романтизма? Да,—если это Вольтеръ, Байронъ, Шиллеръ, Гёте, Пушкинъ.

Именно въ примѣръ «лже-романтическаго неистовства» приводится поэзія Байрона, а Вольтеръ попадаетъ рядомъ съ нимъ собственно въ качествѣ «кощуна». Они оба «отсвѣчиваютъ мрачное пламя одной и той же есѳетической преисподней». На Байрона сыплются невѣроятные громы: онъ «язва природы, ужасъ человѣчества, ненавидящій землю, отверженный небомъ», «справедливо величается отъ своихъ соотечественниковъ именемъ *сатанинскаго*».

Шиллеръ и Гёте—только за отдѣльные пороки, въ родѣ *Чернаго рыцаря* въ *Орлеанской Дѣвѣ* и чертей и вѣдьмъ въ *Фаустѣ*,—унижаются предъ «нео-классическимъ педантизмомъ», но зато Пушкинъ не находитъ пощады! По мнѣнію, критика гораздо охотнѣе можно согласиться перелистать подчасъ *Хорева* и *Димитрія Самозванца* Сумарокова, даже *Рослава* Княжнина, по крайней мѣрѣ отъ безсонницы, чѣмъ губить время и труды на безпутное скитаніе по *цыганскимъ* таборамъ или *разбойническимъ* вертепамъ. Тамъ, «если нечѣмъ полюбоваться, не съ чего и стошниться».

Очевидно, представленія критика какія-то массовыя, не уясненныя и не разчлененныя. Онъ будто поддается гипнозу страшныхъ словъ *сатана*, *цыганъ*, *разбойникъ*, *адъ*, *Каинъ*, не отдаетъ отчета ни въ общемъ смыслѣ, ни въ подробностяхъ ужасающихъ его явленій.

Причислить Пушкина къ «мятежникамъ«, тиранящимъ «терпѣніе здравомыслія» и «на алтарь чистыхъ дѣвъ извергающимъ скверныя уметы руками неомовенными», значило даже для 1830 г. писать величайшія «нелѣпыя бредни», стóившія самаго нездравомыслящаго романтизма. Не было никакой надежды изъ подобнаго источника дождаться дѣйствительно поучительныхъ мыслей, лично авторомъ продуманныхъ и доказанныхъ.

Было бы, конечно, совершенно неосновательно становиться на современную намъ почву литературной критики и поражать стараго эстетика новѣйшимъ усовершенствованнымъ оружіемъ. Мы призываемъ Надеждина отнюдь не на экстренный судъ истины, какъ она намъ представляется въ настоящее время. Мы желаемъ остаться въ точно опредѣленныхъ предѣлахъ извѣстной эпохи и судить *сравнительно* и *относительно*, принимая за высшую мѣру современниковъ самого критика.

И вотъ на этотъ-то безусловно законный и справедливый масштабъ Надеждинъ въ общемъ *ниже* своего поколѣнія. Нѣкоторыя идеи онъ довольно прочно усвоилъ отъ своихъ старшихъ современниковъ, хотя и не вполнѣ послѣдовательно. Но это какъ разъ идеи-труизмы, нисколько не стоющія такой напряженной широковѣщательной риторики. Другія, несравненно болѣе жизненныя и по времени спорныя, но явно прогрессивныя и для будущаго литературы властныя, не удостоились ни признанія, ни даже должнаго вниманія со стороны профессора.

Любопытно, что даже самые простые и наглядные выводы современной общественной мысли принимали у Надеждина менѣе всего научный и культурный характеръ. Напримѣръ, единственный вопросъ великаго значенія, затронутый диссертаціей о народности и національности. Мы увидимъ, съ какой тщательностью онъ разъяснялся теоретически и съ какой стремительностью прилагался къ жизни молодыми философами, все тѣми же членами общества и кружковъ. Мы убѣдимся, на какомъ широкомъ историческомъ и философскомъ основаніи воздвигался юными писателями идеалъ народнаго творчества и національной мысли. У Надеждина все сводится къ чувству патріотизма, весьма недалекому отъ карамзинской любви къ отечеству и народной гордости.

Предшественникомъ Надеждина въ этомъ направленіи былъ

извѣстный намъ неудавшійся словесникъ-шеллингіанецъ Давыдовъ. На лекціяхъ этотъ профессоръ изумлялъ слушателей громкимъ, *сановитымъ*, но совершенно не вразумительнымъ краснорѣчіемъ, умѣлъ сливать вмѣстѣ Цицерона, Квинтиліана и Гегеля, всю жизнь удовлетворяясь работой компилятора и положеніемъ академическаго метафизика. На философію взглядъ у него выработался вполнѣ соотвѣтствующій подобному житію.

Ея основы «святая вѣра наша, мудрые законы изъ исторической жизни нашей, развившіеся въ органическую систему, прекрасный языкъ, представляющій удивительную логику народа въ запечатлѣніи природы своею личностью, дивная исторія славы нашей».

Всѣ эти данныя сами по себѣ полны психологическаго и культурнаго значенія, но въ рукахъ профессора вдохновленная ими «философія» превращалась въ самодовольную благонамѣренную реторику, отрѣшенную и отъ психологіи, и отъ исторіи, и вообще отъ фактовъ. А если и призывались они на сцену,—исключительно съ тѣми же патріотическими и назидательными цѣлями.

Надеждинъ—превосходный примѣръ.

Въ одной изъ статей *Вѣстника Европы* у него встрѣчается дѣльное замѣчаніе о *народности*. Она «не состоитъ въ искусствѣ накидывать русскія пословицы и поговорки гдѣ ни попало... Чтобы быть *народнымъ*, надобно уловить *духъ* народный, а онъ не продается, подобно газамъ, въ бутылкахъ» [61]).

Это написано въ 1829 году, когда вопросъ о *народности* и *національности* волновалъ и ученыхъ, и молодежь. У Надеждина онъ такъ и остался мимолетнымъ.

Въ дисертаціи много говорится о «патріотическомъ енѳуасіасмѣ». Онъ признается «родовымъ непреложнымъ наслѣдіемъ русской поэзіи», и весь національный характеръ русскихъ сводится къ патріотизму. Будто критикъ какой угодно національности не могъ бы того же самаго доказать о своемъ народѣ!

Но Надеждинъ нагромождаетъ цѣлыя горы на своемъ открытіи, и принимается бичевать русскихъ поэтовъ, почему они не воспѣли побѣды русскихъ надъ турками! «Неужели въ груди ихъ не бьется сердце русское?.. Увы! они сдѣлались романтиками и ничѣмъ не захотятъ быть болѣе!»

Такъ ученый понималъ *національное* содержаніе поэзіи!

Время нисколько не измѣнило этого взгляда, даже упрочило и до послѣдней степени съузило. Три года спустя въ универси-

---

[61]) Въ ст. о *Полтавѣ*. *В. Евр.* 1829, № 8.

тетской рѣчи профессоръ рисовалъ безнадежное положеніе европейскихъ народовъ и быстрый прогрессъ русскаго, долженствующаго во всемъ опередить Западъ. Европейцы «изнурены вѣковой дряхлостью, согбены подъ тяжестью вѣковыхъ предразсудковъ, терзаемы болѣзненными конвульсіями возрожденія» и вообще близки къ вымиранію...

Невольно въ этомъ торжественномъ похоронномъ маршѣ слышались давнишнія рѣчи преподавателя словесности, предостерегавшаго рязанскихъ семинаристовъ отъ соблазновъ западной литературы.

Такую же своеобразную форму приняла у Надеждина и другая популярная идея,—правда, очень сложная по своему происхожденію, но представлявшая тѣмъ болѣе интереса для ученаго изслѣдователя.

Русскимъ молодымъ философамъ, искавшимъ прочныхъ культурныхъ основъ для національнаго творчества, естественно представился старый *исходный* моментъ всякаго художественнаго возрожденія — возвратъ къ классическому міру и къ классическому искусству. Россіи слѣдуетъ сбросить съ себя чужія вліянія, подавляющія ея самобытный геній, обратиться къ первоисточнику европейской цивилизаціи и выработать самостоятельно содержаніе и форму искусства. Отсюда—классическія тенденціи русскихъ шеллингіанцевъ, не во имя самого классицизма, а ради освобожденія русскаго умственнаго развитія отъ рабства предъ современной европейской и особенно французской образованностью и литературой [62]).

Съ неменьшимъ усердіемъ ратуетъ за классицизмъ и Надеждинъ, но у него классическая идея просто метательный снарядъ для борьбы съ ненавистнымъ романтизмомъ, и авторъ, ослѣпленный цѣлью, впадаетъ въ безвыходныя противорѣчія съ самимъ собой.

Ему требуется противоставить античный, языческій міръ новому и христіанскому, и онъ не стѣсняется въ изображеніи эпикурейства и эгоизма классическаго человѣка: «неумѣренная расточительность внѣшней жизни», «веселое пированіе на роскошномъ лонѣ природы», античный патріотизмъ—«чисто матеріальное побужденіе», оно «не возвышалось никогда за предѣлы вещественной природы», ему было невѣдомо «познаніе внутренняго всеобщаго достоинства человѣческой природы»...

---

[62]) Веневитиновъ въ статьѣ *Нѣсколько мыслей въ планъ журнала.* Кирѣевскій. *Девятнадцатый вѣкъ.* Сочиненія I, 78.

Чему же новый человѣкъ можетъ научиться отъ подобнаго міросозерцанія, т. е. отъ *содержанія* античной литературы?

Оказывается, всѣмъ добродѣтелямъ.

По мнѣнію ученаго, «древняя классическая поэзія съ самаго нѣжнѣйшаго дѣтства была наставницею добродѣтели и установительницею благочинія». Даже больше. «Вездѣ и всегда изученіе *классической* древности поставлялось во главу угла умственнаго и нравственнаго образованія юношества, какъ первоначальная стихія развиваемой духовной жизни».

Авторъ забылъ, что эпоха самаго восторженнаго культа классической древности—возрожденіе—отличалась чѣмъ угодно, только не нравственностью и не благочиніемъ.

Выводъ Надеждина изъ всѣхъ разсуждній не трудно предугадать. Ему во многихъ отношеніяхъ дорогъ классицизмъ, не можетъ онъ отвергнуть и романтизма, воплощающаго духовную природу человѣка, очевидно, надо «возвести ихъ къ дружественному гармоническому единству». Такъ предписываетъ диссертація.

Въ университетской рѣчи та же мысль нѣсколько опредѣленнѣе: «соединить идеальное одушевленіе среднихъ временъ съ изящнымъ благообразіемъ классической древности, уравновѣсить душу съ тѣломъ, идеи съ формами, просвѣтить мрачную глубину Шекспира лучезарнымъ изяществомъ Гомера».

Задача—логическая, по существу съ незапамятныхъ временъ сознанная даже классическимъ міромъ въ принципѣ гармоническаго развитія нравственныхъ и физическихъ силъ. Поставить ее для профессора не требовалось никакихъ нарочитыхъ усилій мысли. Другое дѣло—указать пути осуществленія, отмѣтить данныя въ современномъ развитіи искусства, обѣщающія достиженіе великой цѣли, а прежде всего точно и ясно опредѣлить понятія «изящнаго благообразія» и «внутреннее могущество духа», т. е. истинно-художественныя *формы* искусства и его дѣйствительно-идейное *содержаніе*.

Безъ этого опредѣленія ученому всегда можетъ представиться искушеніе напасть, подобно Мерзлякову, на поэтическое произведеніе въ родѣ баллады только потому, что оно не вкладывается въ «освященныя древностью» рамки, или, подобно самому Надеждину, произнести смертный приговоръ современному роману, напримѣръ, *Евгенію Онѣгину*—во имя «небесной лѣпоты» и «вѣчной идеи».

Надеждинъ, повидимому, понялъ задачу, и постарался ее выполнить въ своемъ журналѣ *Телескопъ* и въ той же рѣчи. Эти старанія—вѣнецъ критическаго таланта профессора и собственно

по нимъ можно судить, на сколько могло быть плодотворно и глубоко его вліяніе на младшихъ современниковъ.

XXIX.

Мы знаемъ желаніе Надеждина видѣть *Годунова* сожженнымъ; оно высказано въ 1830 году въ *Вѣстникѣ Европы*, годомъ раньше по поводу *Полтавы* грозно защищались «освященныя древностью и оправданныя вѣковыми опытами правила, составлявшія доселѣ коренное уложеніе критическаго судопроизводства», и вотъ въ только-что народившемся *Телескопѣ* является статья о *Борисѣ Годуновѣ*.

Предъ нами тоже діалогъ старыхъ знакомыхъ, самого автора и его пріятеля Тлѣнскаго. Но роли сильно измѣнились: Тлѣнскій принужденъ энергично укорять автора за отступничество отъ прежняго «образа мыслей». Раньше Надеждинъ считалъ Пушкина способнымъ только на каррикатуры, теперь онъ, тотъ же поэтъ,— авторъ оригинальнаго драматическаго произведенія, вполнѣ серьезнаго и полнаго достоинствъ. Они не тускнѣютъ даже отъ невозможности подвести пьесу подъ какой-либо традиціонный титулъ: драмы, трагедіи, комедіи, и критикъ настолько безпристрастенъ и даже *чутокъ*, что даже довольно проницательно объясняетъ равнодушіе публики къ новому созданію Пушкина.

Публика «привыкла отъ него ожидать или смѣха, или дикости, оправленной въ прекрасные стишки, которые можно написать въ альбомъ, или положить на ноты. Ему вздумалось теперь перемѣнить тонъ и сдѣлаться постепеннѣе: такъ и перестали узнавать его!... Онъ теперь чудитъ, а не щебечетъ».

Авторъ не ожидалъ этого, и ему самому «странно такое превращеніе». Въ дѣйствительности, конечно, не столь значительно превращеніе «щебетанія», сколько «странность» авторскаго слуха. Раньше ухо критика упорно слышало одинъ фарсъ, даже во всемъ *Онѣгинѣ*, теперь оно вдругъ усовершенствовалось.

Откуда такія «чудеса», какъ выражается Тлѣнскій?

Критикъ даже понимаетъ большія тонкости въ пьесѣ, отлично объясняетъ роль юродиваго, какъ единственнаго органа «безмолвствующаго народа», справедливо подвергаетъ сомнѣнію доступность древнему лѣтописцу идей, какія поэтъ влагаетъ въ уста Пимена.

Не обходится, конечно, дѣло и безъ крупныхъ недоразумѣній: критикъ до глубины души возмущенъ сценой Самозванца съ Мариной: «хитрый Самозванецъ» будто бы не могъ открыть «своей

Дульцинеѣ тайну», не доволенъ и смѣшеніемъ языковъ въ сценѣ битвы...

Но что все это въ сравненіи съ недавними упражненіями Надоумки!

Очевидно, профессоръ могъ говорить по временамъ вполнѣ осмысленнымъ языкомъ, писать даже сравнительно простымъ и вразумительнымъ слогомъ и, что казалось совершенно неожиданнымъ, обнаруживать художественную чуткость.

Одновременно предъ нами нѣкоторый актъ самоотверженія: критикъ самъ сознается въ перемѣнѣ своихъ воззрѣній на талантъ Пушкина.

Мы должны запомнить эту перемѣну. Она важнѣе всякихъ другихъ филисофскихъ идей профессора для его вліянія на сотрудника *Телескопа* Бѣлинскаго, если только безусловно отъ Надеждина Бѣлинскій долженъ былъ заимствовать *естественный* взглядъ на первостепеннаго современнаго поэта,—естественный, какъ увидимъ, при великомъ *художественномъ* дарованіи молодого критика.

Но перемѣны съ Надеждинымъ не ограничились частными вопросами о произведеніяхъ Пушкина. Профессоръ рѣшилъ провозгласить два принципа великаго значенія и силы въ новой литературѣ. Правда, провозглашеніе это состоялось довольно поздно, отнюдь не было новымъ словомъ даже для большой публики. Но оно шло съ университетской каѳедры, изъ устъ авторитетнаго ученаго, освящалось, слѣдовательно, наукой и благонамѣреннѣйшей мыслью.

Объявивъ цѣлью новаго творчества единство, сліяніе классицизма съ романтизмомъ, изящество формъ съ могуществомъ духа, Надеждинъ поспѣшилъ раскрыть непосредственные частные результаты этого стремленія.

Главныхъ два: «потребность *естественности* и потребность *народности* въ изящныхъ искусствахъ».

Мы знаемъ, какъ раньше критикъ понималъ естественность. Ему казалось оскорбительнымъ для человѣческой природы все, что не совпадало съ вѣчной гармоніей и небесной лѣпотой, и именно съ этой точки зрѣнія послѣдовательно уничтожался *Евгеній Онѣгинъ*: онъ такъ близокъ къ земной жизни и не переросъ скудной мѣры человѣчества! Отсюда изящный каламбуръ: «Для *генія* не довольно смастерить *Евгенія!*»

Теперь совершенно другое теченіе мысли.

«Современное эстетическое направленіе, — говоритъ профессоръ,—требуетъ отъ художественныхъ созданій полнаго сходства

съ природою, равно чуждаясь поддѣльнаго излишества, какъ въ наружныхъ матеріальныхъ формахъ, такъ и во внутренней идеальной выразительности. Оно спрашиваетъ у образа: гдѣ твой духъ? у мысли: гдѣ твое тѣло? Отсюда нисхожденіе изящныхъ искусствъ въ сокровеннѣйшіе изгибы бытія, въ мельчайшія подробности жизни, соединенное съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ вещественныхъ условій дѣйствительности, съ географическою и хронологическою истиною физіономій, костюмовъ, аксессуаровъ».

Это значитъ, критикъ требуетъ отъ художественнаго произведенія мѣстной и исторической вѣрности лицъ и событій. Это основное положеніе реализма, но профессоръ идетъ гораздо дальше.

Онъ желаетъ «всеобъемлющаго взгляда на жизнь», а на этотъ взглядъ «всѣ черты, изъ коихъ слагается физіономія бытія», одинаково заслуживаютъ безпристрастнаго вниманія и художника, и критика.

Надеждинъ сравниваетъ старое искусство съ новымъ и находитъ существенную разницу именно тамъ, гдѣ раньше видѣлъ одно «арлекинское величіе». Теперь нидерландская школа—типичная представительница творчества, потому что «миніатюрная живопись дѣйствительности превращается въ господствующую подробность генія».

Профессоръ привѣтствуетъ появленіе «частныхъ сценъ домашней жизни», во всѣхъ искусствахъ, въ музыкѣ Обера, въ скульптурѣ Рауха, въ живописи Шарле, въ романахъ Бальзака, даже водевили Скриба находятъ себѣ мѣсто въ «философіи современной исторіи».

Терпимость со стороны ученаго эстетика поистинѣ безграничная, и онъ разсужденія объ естественности заключаетъ фразой, уничтожающей всѣ его прежнія издѣвательства надъ «пародіальной» поэзіей Пушкина:

«Все устремляется къ сближенію съ природой, великой во всѣхъ своихъ подробностяхъ, нелицепріятной ко всѣмъ своимъ явленіямъ».

Это совершенно полное уложеніе художественнаго реализма, правда, въ очень общей формѣ, но совершенно опредѣленное. Если бы его послѣдовательно примѣнить на практикѣ, русская литературная критика немедленно стала бы въ уровень съ современнымъ искусствомъ и русское общество не присутствовало бы при миѳологической ожесточенной журнальной борьбѣ, отравлявшей существованіе величайшимъ художникамъ русскаго слова и ставившей часто въ недостойное положеніе даже искреннихъ поборниковъ общественной мысли.

Надеждинъ, помимо *естественности*, столь энергично отмѣтилъ и другое, «равно могущественное направленіе современнаго генія» къ *народности*.

Здѣсь идея привязывается не столько къ исторической и философской, сколько къ чувствительной, внушается патріотическими влеченіями. Такъ и объясняется понятіе народности: это «патріотическое одушевленіе изящныхъ искусствъ».

Профессоръ не замѣчаетъ, что *естественность* жестоко можетъ пострадать отъ подобнаго одушевленія, разъ оно самовластно и исключительно будетъ управлять вдохновеніемъ художника. Профессоръ говоритъ проникновеннымъ тономъ о «родномъ *благодатномъ* небѣ», о «родной *святой* землѣ», о «родныхъ *драгоцѣнныхъ* преданіяхъ» и, конечно, о «родной славѣ» и «родномъ величіи».

И здѣсь же немедленно указываетъ на свободу художника отъ «вліянія предубѣжденій и страстей».

Но вѣдь патріотическое одушевленіе непремѣнно ради родной благодати, святости, драгоцѣнности, въ высшей степени легко можетъ повести къ предубѣжденіямъ, потому что оно въ такой формѣ явное *пристрастіе*, т. е. страсть въ пользу одушевляющаго предмета.

Какъ же, при такихъ требованіяхъ, критикъ отнесется къ самому національному и народному созданію русскаго искусства—къ сатирѣ? Онъ долженъ будетъ признать ее *неестественной*, такъ какъ изъ его *естественности* явно вытекаетъ панегирическое отношеніе къ родному. И мы снова впадаемъ въ потокъ краснорѣчивыхъ воззваній диссертаціи—писать оды на русскія побѣды!

Очевидно, надлежало критику отдѣлить отъ политики, по крайней мѣрѣ, полагая и утверждая *основы* ея развитія, необходимо было принципъ *народности* выяснить исторически и доказать ради его самого, а не постороннихъ практическихъ цѣлей.

И Надеждинъ приближался къ этой цѣли, но не сознавалъ всего ея значенія—независимаго, самодовлѣющаго.

Онъ понимаетъ безплодность подражательнаго искусства, стѣснительность чужеземныхъ вліяній для истинныхъ талантовъ, но, устраняя заимствованную внѣшнюю основу искусства, онъ не утверждаетъ національной, внутренней, т. е. не проникаетъ въ художественную и культурную силу *народнаго* творчества.

Онъ готовъ признать право на существованіе за народной поэзіей, говоритъ ей даже довольно лестные комплименты, но это снисходительное благоволеніе ученаго и эстетическаго аристократа къ *дѣтямъ природы*.

Фактъ въ высшей степени важный! Разсматривая развитіе и

идею національности и народности у молодыхъ русскихъ критиковъ, мы снова убѣждаемся въ педантичности и отсталости профессора отъ своихъ современниковъ съ болѣе живой философской мыслью и болѣе глубокимъ художественнымъ чувствомъ.

Надеждинъ восклицаетъ:

«Потеряютъ ли когда свое волшебное очарованіе народныя пѣсни, народныя пляски, народныя басни и преданія, завѣщанныя намъ младенческими досугами первобытныхъ, необразованныхъ народовъ!»

Отвѣтъ, конечно, благопріятный, но все-таки это не «искусство человѣческое». Всѣ эти пѣсни и басни «равнозначительны съ гармоническою пѣснью соловья, съ затѣйливой архитектурой пчелы, даже съ роскошнымъ великимъ убранствомъ сельскаго крина».

Изящныя искусства начинаются только съ «разсвѣтомъ мышленья», и «истинное творческое одушевленіе» только тамъ, «гдѣ свободная игра жизни просвѣтлена идеею, покорна цѣли».

Слѣдовательно, за народомъ, какъ поэтомъ, не признается мышленія, и на сцену снова выступаетъ такая *идея* и *цѣль*, что, очевидно, извѣстное намъ изображеніе *естественности*, оправданіе мелочей будничной жизни, подрывается въ корнѣ. Потому что, именно народная поэзія какъ нельзя болѣе склонна къ такой *естественности* и несравненно рѣже, чѣмъ водевиль Скриба, можетъ впасть въ тривіальность.

XXX.

Мы видимъ, главнѣйшіе руководящіе принципы творчества и критики никакъ не могли въ мысляхъ Надеждина принять вполнѣ устойчивыя и ясныя формы. Профессоръ безпрестанно сбивался на выспренній эстетическій путь. Его безпрестанныя обмолвки и безсиліе провести разъ воспринятую идею до ея логическихъ послѣдствій производятъ впечатлѣніе менѣе всего самостоятельнаго и убѣжденнаго мышленія. Будто ученый поддавался по временамъ современнымъ теченіямъ, но поддавался не умомъ и сердцемъ, а краснорѣчивымъ словомъ.

Въ результатѣ, сопоставляя лекціи и статьи Надеждина, можно набрать сколько угодно противорѣчій и несообразностей.

Напримѣръ, *естественность* и *народность* разъяснены въ публичной рѣчи 6-го іюля 1833 года. Кажется, на счетъ естественности, по крайней мѣрѣ, не могло быть сомнѣнія, рѣчь составлялась раньше, можетъ быть, даже за нѣсколько мѣсяцевъ и почти совпала съ статьей *Молвы* о журналѣ Кирѣевскаго *Европеецъ*.

Молва недовольна взглядами *Европейца* какъ разъ на естественность.

«Никто не выдумывалъ взгляда оригинальнѣе и своенравнѣе, какъ новый московскій журналъ... Разбирая стихотворенія Баратынскаго, онъ утверждаетъ, что самыя мелкія подробности жизни являются поэтическими, когда мы смотримъ на нихъ сквозь гармоническія струны его лиры!» При такомъ взглядѣ, по увѣренію *Европейца,* «балъ, маскарадъ, непринятое письмо, пированіе друзей, неодинокая прогулка, чтеніе альбомныхъ стиховъ, поэтическое имя, однимъ словомъ, всѣ случайности и всѣ обыкновенности жизни тѣсно связываются съ самыми возвышенными минутами бытія и съ самыми глубокими, самыми свѣжими мечтами и воспоминаніями, такъ что, не отрываясь отъ гладкаго паркета, мы переносимся въ атмосферу музыкальную и мечтательно просторную». «Взглядъ чудный и небывалый!» восклицаетъ *Молва.* «Въ отличіе отъ прочихъ журнальныхъ взглядовъ мы, можемъ назвать его *сквознымъ,* но не въ смыслѣ вѣтра, ибо онъ болѣе удивителенъ, чѣмъ опасенъ» [63]).

Телескопъ, въ свою очередь, громилъ *Горе отъ ума* и объявлялъ, что оно «отжило уже почти вѣкъ свой».

Не легко было читателямъ разобраться въ убѣжденіяхъ редактора и профессора, и еще труднѣе было у подобнаго руководителя заимствоваться идеями и принципами, все равно, въ области философіи или критики.

Надеждинъ, несомнѣнно, тяготѣлъ къ шеллингіанству: мы могли это видѣть изъ его широковѣщательныхъ разсужденій объ изящномъ, о геніѣ, объ идеалѣ, о вѣчномъ и прекрасномъ. Все это шеллингіанскіе полеты, и они давно были извѣстны русской литературѣ по сочиненіямъ самыхъ раннихъ русскихъ философовъ.

Естественно, профессоръ часто достигалъ большой силы краснорѣчія: темы все были въ высшей степени благодарныя для ораторскихъ импровизацій, и аудиторія изъ юношества тридцатыхъ годовъ, какъ нельзя болѣе, приспособлена къ путешествіямъ въ заоблачныя высоты любомудрія.

И предъ нами—восторженныя воспоминанія слушателей Надеждина. Одно изъ нихъ мы приведемъ: оно передаетъ и впечатлѣнія слушателей, и средства, какими лекторъ вызывалъ ихъ.

Въ сентябрѣ 1832 года товарищъ министра народнаго просвѣщенія Уваровъ съ многими знатными лицами посѣтилъ университетъ и явился на лекцію Надеждина. Событіе осталось незабвеннымъ для очевидцевъ.

[63]) *Молва.* 1832, № 11.

«Предметомъ лекціи было объясненіе *идеи безусловной красоты*, являющейся подъ *схемою гармоніи жизни*, о ея осуществленіи въ Богѣ подъ образомъ *вѣчной отчей любви* къ творенію и проявленіи въ духѣ человѣческомъ *стремленіемъ къ безконечному, божественнымъ восторгомъ*, а въ душѣ художника образованіемъ *идеаловъ*. Студенты, записывавшіе лекціи, бросили свои перья, чтобъ черезъ записыванье не пропустить ни одного слова, и только смотрѣли на профессора, котораго глаза горѣли огнемъ вдохновенія; одушевленный голосъ сопровождался оживленностью физіономіи, живостью движеній, торжественностью самой позы: даже посторонніе посѣтители, вмѣсто тяжелой неподвижности, которую соблюдали на лекціяхъ другихъ профессоровъ, невольно обратились къ профессору и смотрѣли на него, какъ будто на оракула» [64]).

При всемъ восторгѣ, Уваровъ все-таки догадался задать оракулу очень прозаическій вопросъ, «понимаютъ ли его студенты»· Надеждинъ отвѣчалъ, разумѣется, утвердительно, но это еще не рѣшало вопроса вообще о цѣлесообразности такого преподаванія.

Другой слушатель Надеждина, отдавая должное его импровизаторскому таланту, заявляетъ печальный фактъ: профессора далеко не всѣ студенты понимали, обзывали даже его лекціи схоластикой, школярствомъ. Правда, это, по словамъ автора, были слушатели, не получившіе философскаго образованія [65]). Но много ли было получившихъ? И могъ ли плодотворно вліять на аудиторію профессоръ, требовавшій—не ради предмета, а ради своего преподаванія нарочитой спеціальной подготовки?

Наконецъ, третій слушатель, Константинъ Аксаковъ, даетъ, повидимому, самыя точныя и реальныя свѣдѣнія объ успѣхахъ профессора.

«Надеждинъ производилъ съ начала своего профессорства большое впечатлѣніе своими лекціями. Онъ всегда импровизировалъ. Услышавъ умную, плавную рѣчь, почуявъ, такъ сказать, воздухъ мысли, молодое поколѣніе съ жадностью и благодарностью обратилось къ Надеждину, но скоро увидѣло, что ошиблось въ своемъ увлеченіи. Надеждинъ не удовлетворилъ серьезнымъ требованіямъ юношей; скоро замѣтили сухость его словъ, собственное безучастіе къ предмету и недостатокъ серьезныхъ занятій».

Мы видимъ, съ какой стремительностью молодежь философской эпохи набрасывалась даже на призракъ мысли. Легко представить,

---

[64]) Проворовъ. *О с.*, стр. 10—11.

[65]) Максимовичъ. *Москвитянинъ*, 1856, № 3. Дополненія *Къ воспоминанію о Н. И. Надеждинѣ*, напечаталъ старый слушатель Надеждина, Лавдовскій, въ высшей степени восторженныя. *Моск. Вѣд.* 1856, № 81, 7-го іюля.

*

сколько сочувствія вызывала у подобной публики даже способность профессора вызвать у другихъ работу идей. Станкевичъ проститъ всѣ недостатки Надеждину за то, что профессоръ «много пробудилъ своими знаніями» въ его душѣ, и если онъ—Станкевичъ—будетъ въ раю, то Надеждину обязанъ за это. Но тотъ же Станкевичъ «чувствовалъ бѣдность преподаванія» своего благодѣтеля [66]).

Понимали, несомнѣнно, и другіе, и даже больше Станкевича. По крайней мѣрѣ, его товарищъ, съ большимъ сочувствіемъ вспоминающій о другомъ московскомъ шеллингіанцѣ,—профессорѣ Павловѣ,—не считаетъ нужнымъ говорить о философскихъ заслугахъ Надеждина.

Популярность профессора среди студентовъ основывалась, помимо мимолетнаго увлеченія краснорѣчіемъ, на «деликатности» его обращенія: со студентами Надеждинъ «не любилъ никакихъ полицейскихъ пріемовъ». А въ этомъ отношеніи студенты были еще менѣе избалованы, чѣмъ «воздухомъ мысли».

Но далеко не всегда Надеждинъ оставался вѣренъ даже и такому либерализму. По поводу его диссертаціи произошла исторія, напоминающая процессъ Каченовскаго съ цензоромъ Глинкой изъ-за статьи Полевого.

Тотъ же *Московскій Телеграфъ* неуважительно отозвался объ отрывкѣ изъ книги Надеждина и въ отвѣтъ «Прямиковъ изъ села Тихомірова» въ *Московскомъ Вѣстникѣ* взывалъ о личномъ оскорбленіи.

Диссертація была представлена на судъ гг. профессоровъ. «Этотъ судъ профессоровъ», увѣрялъ Прямиковъ, «былъ строгій, основанный на правилахъ, предписанныхъ самимъ закономъ и по праву отъ Верховной Власти имъ дарованному. Слѣдовательно, это дѣло было оффиціальное. Какъ же онъ, Полевой, будучи частнымъ человѣкомъ, могъ вмѣшиваться въ такое дѣло? А тѣмъ болѣе, какъ онъ, не принадлежа собственно ни къ государственнымъ чиновникамъ, ни къ сословію ученыхъ, могъ присвоить себѣ право быть ревизоромъ дѣйствій цѣлаго университета и послѣ одобренія университетомъ оной диссертаціи и удостоенія г. Надеждина высшей ученой степени доктора, смѣетъ столь дерзко поносить и сочиненіе, и сочинителя?»

Дальше приводилась статья закона, карающая преступленіе Полевого, угрожалось «уголовнымъ порядкомъ», и указывалось на вредное вліяніе «особливо» среди «молодыхъ людей» такихъ критикъ [67]).

---

[66]) *День*. 1862, № 40.
[67]) Барсуковъ. III, 26—7.

Не разногласитъ съ подобными справками и пристрастіе критики—именовать своихъ литературныхъ противниковъ непремѣнно *не литературными* именами—въ родѣ «литературный *Робеспьерръ*», и даже *террористы*. Къ счастью, слово *нигилистъ* еще не имѣло соотвѣтствующаго значенія. Не лишены страсти въ извѣстномъ направленіи и удивительно яростные нападки Надеждина на восемнадцатый вѣкъ. Даже Деместры и Бональды не достигали такого паѳоса. И паѳосъ тѣмъ замѣчательнѣе, что онъ увлекалъ профессора, преподававшаго *исторію* искусствъ, слѣдовательно, обязаннаго владѣть представленіемъ объ *историческомъ* смыслѣ явленій и менѣе всего располагающаго нравственнымъ правомъ показывать внезапныя стихійныя пропасти и «рѣзкія глубокія межи» на пути человѣческой цивилизаціи.

А между тѣмъ профессоръ въ торжественномъ собраніи университета обращался къ публикѣ совершенно въ тонѣ запальчиваго агитатора на миттингѣ:

«Я вызываю васъ, м.м. г.г., указать мнѣ въ исторіи человѣческаго рода другую подобную эпоху, которая бы въ краткомъ пространствѣ столѣтія сосредоточила столько распутствъ и ужасовъ! Въ тяжкомъ вѣковомъ томленіи Римской Имперіи вы не найдете періода, съ коимъ можно бы было сравнить сей зловѣщій вѣкъ, начавшійся оргіями регентства и заключившійся свирѣпствами терроризма, вѣкъ кощунства и нечестія, разврата и безначалія, вѣкъ шарлатановъ и изувѣровъ, интригановъ и крамольниковъ, сибаритовъ и убійцъ».

Но противорѣчія и несообразности были, очевидно, рокомъ въ жизни Надеждина. Его ученая и литературная карьера прервалась политическими страданіями за напечатаніе въ *Телескопѣ* одного изъ *философическихъ писемъ* Чаадаева.

Письма, какъ извѣстно, крайне сенсаціоннаго содержанія. Они—самый рѣзкій, почти отчаянный крикъ человѣческаго сердца, надорваннаго нескончаемыми разочарованіями въ себѣ самомъ, въ судьбахъ своей родины, во всемъ человѣчествѣ. Это—лирическій пессимизмъ, въ высшей степени сложнаго и своеобразнаго состава, эффектнѣйшее выраженіе чувства, обуревающаго тургеневскаго Потугина, нераздѣльно слитыхъ въ любви и ненависти къ Россіи.

Въ *Письмахъ* звучало не мало и вполнѣ современныхъ мотивовъ, прежде всего тоска о культурномъ прогрессѣ Россіи, свободномъ и могучемъ не менѣе европейскаго, страстные поиски причины, почему онъ не осуществился и еще болѣе нетерпѣливая жажда источника, его возможнаго осуществленія.

Мы видѣли, одни указывали на связь съ древнимъ міромъ,

на возрожденіе античнаго классицизма на русской почвѣ, какъ первоосновы всякой европейской цивилизаціи. Чаадаеву представлялся болѣе краткій путь, мимо Эллады и Византіи, прямо католичество и послѣдовательный западный европеизмъ.

Устами автора говорила страсть, своего рода азартъ ясновидящей мысли: это доказывается и складомъ *Писемъ*, и строжайшимъ испугомъ одиночества, сопровождавшимъ возникновеніе *Писемъ*. Но что также въ нихъ было много прочувствованной и выстраданной правды, засвидѣтельствовано отзывомъ Пушкина, совершенно спокойнымъ и безпристрастнымъ.

Поэтъ не согласенъ съ унизительнымъ представленіемъ Чаадаева о русской *исторіи*, но сужденія о современномъ состояніи Россіи во многомъ казались Пушкину «глубоко справедливыми», и онъ пояснялъ, почему.

«Наша общественная жизнь весьма печальна. Это отсутствіе общественнаго мнѣнія, это равнодушіе ко всякому долгу, къ справедливости и правдѣ, это циническое презрѣніе къ мысли и къ человѣческому достоинству дѣйствительно приводятъ въ отчаяніе. Вы хорошо сдѣлали, что громко это высказали» [68]).

Но Пушкинъ въ то же время опасался послѣдствій. И опасенія не замедлили оправдаться.

Телескопъ былъ запрещенъ, предсѣдателю цензурнаго комитета, ректору Болдыреву, предложено выйти въ отставку, Надеждинъ, редакторъ журнала, исключенъ изъ службы и сосланъ въ Усть-Сысольскъ, Чаадаевъ подвергнутъ временному надзору въ качествѣ сумасшедшаго.

Болдыревъ въ дѣлѣ не причемъ, онъ подписалъ листы, не читая, но Надеждинъ долженъ былъ отдавать себѣ отчетъ въ печатаніи подобной статьи. Что же его заставило рискнуть?

Современникамъ вопросъ представлялся такъ, будто Надеждинъ просто утопилъ цензора, пустилъ статью, не боясь за себя лично и не щадя довѣрчиваго сослуживца [69]).

Можетъ быть, редакторъ подцензурнаго изданія и могъ питать такія надежды, но, во всякомъ случаѣ, редакторъ *Телескопа* пострадалъ не за либерализмъ. *Письмо* обѣщало шумъ и шуму, дѣйствительно, произошло даже больше, чѣмъ можно было ожидать. Журналъ, конечно, выигрывалъ, и, естественно, редакторъ подвергся сильному соблазну.

Дальнѣйшая судьба Надеждина, редактора *Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*, потомъ виднаго чиновника того же

---

[68]) Письмо отъ 19 окт. 1836 на франц. яз. Сочин. VII, 411.

[69]) Барсуковъ. IV, 388.

министерства, нисколько не соотвѣтствовала опрометчивому поступку на поприщѣ журналистики. Даже въ эпоху сороковыхъ годовъ и послѣ 1848 года никому и на умъ не приходила мысль о сомнительности убѣжденій бывшаго профессора.

И его профессорская дѣятельность постепенно отходила въ область преданій. На литературной сценѣ, правда, дѣйствовалъ одинъ изъ его учениковъ и даже сотрудниковъ, но врядъ ли самый тщательный психологическій и идейный анализъ могъ бы открыть точки соприкосновенія между неистовымъ Виссаріономъ и бывшимъ оракуломъ московскаго университета.

Врядъ ли и съ самаго начала этихъ точекъ существовало особенно много. При подробномъ разборѣ критической дѣятельности Бѣлинскаго намъ само собой представится все общее, что могло быть у него съ Надеждинымъ. Мы могли и теперь предугадать главнѣйшія общія идеи, именно тѣ, какія самого Надеждина ставили въ уровень съ современнымъ умственнымъ движеніемъ.

Но мы ни въ какомъ случаѣ не могли бы взять на себя смѣлость утверждать, будто профессоръ являлся оригинальнымъ обладателемъ этого капитала и онъ первый и единственный подѣлился имъ съ своимъ слушателемъ. Напротивъ. Мы переходимъ къ другому, внѣуниверситетскому, философскому теченію, и убѣждены, что простая исторія его обозначитъ законныя мѣста въ умственномъ движеніи тридцатыхъ годовъ, *отцамъ*, т. е. профессорамъ и оффиціальнымъ ученымъ, и *дѣтямъ*, ихъ слушателямъ, но далеко не всегда послѣдователямъ и ученикамъ.

Настоящихъ, общепризнанныхъ учителей было мало у этой молодежи. Мы уже знаемъ нѣкоторыя черты взаимныхъ отношеній между профессорами и молодыми писателями: Мерзляковъ вызываетъ почтительное, но рѣшительное осужденіе, Надеждинъ сначала увлекаетъ, но скоро разочаровываетъ. Оба профессора, казалось бы, званные и избранные руководители именно писателей: оба—ученые по литературѣ, краснорѣчію, искусству.

Но дѣйствительность не оправдала многообѣщающихъ предзнаменованій. Истиннымъ учителемъ молодежи по философіи и, слѣдовательно, по литературному и критическому искусству, явился спеціалистъ совсѣмъ другой науки, не имѣющей ничего общаго ни съ «умозрительными теоріями», ни съ изящными искусствами.

Даже больше. Именно этого профессора современники ставятъ во главѣ московскаго шеллингіанства, мимо Давыдова и Надеждина, ему приписываютъ переселеніе германской философіи въ среду московскихъ студентовъ и съ его именемъ люди совершенно разныхъ направленій связываютъ начало философскихъ увлеченій будущихъ критиковъ и публицистовъ.

Исторически честь не единолично заслуженная, но *нравственно*, несомнѣнно, законченная, разъ *сила* вліянія одного человѣка затмила *права* чужой дѣятельности.

XXXI.

Михаилъ Григорьевичъ Павловъ, студентъ харьковскаго университета, потомъ медико-хирургической академіи, наконецъ, московскаго университета, по окончаніи курса математики, и медикъ, заграницей спеціалистъ по сельскохозяйственнымъ наукамъ.

Это своего рода энциклопедія, только какъ разъ безъ предмета, создавшаго нашему ученому славу, безъ философіи. Она въ германскихъ университетахъ, повидимому, поглощала почти все его время, и потомъ, сочиняя книги по сельскому хозяйству, читая лекціи по физикѣ, Павловъ неизмѣнно оставался усерднымъ апостоломъ шеллингіанства.

Одинъ изъ его слушателей разсказываетъ:

«Германская философія была привита московскому университету М. Г. Павловымъ. Каѳедра философіи была закрыта съ 1826 г. Павловъ преподавалъ введеніе къ философіи вмѣсто физики и сельскаго хозяйства. Физики было мудрено научиться на его лекціяхъ, сельскому хозяйству невозможно; но его курсы были чрезвычайно полезны. Павловъ стоялъ въ дверяхъ физико-математическаго отдѣленія и останавливалъ студента вопросомъ: «Ты хочешь знать природу? Но что̀ такое природа? Что такое знать?» [70]).

Отвѣты на вопросы Павловъ черпалъ въ шеллингіанской системѣ и умѣлъ излагать ихъ съ «пластической ясностью». Если профессоръ не достигалъ идеала въ этомъ направленіи, вина была въ самой философіи Шеллинга, не законченной и не уясненной во всѣхъ подробностяхъ.

Лекціи Павлова приняты были «съ жаромъ» университетской молодежью. Многіе студенты отважились на самостоятельное изученіе Шеллинга: такія увлекательныя перспективы умѣлъ показать профессоръ, самъ воодушевленный истинами новаго «любомудрія».

«Отъ первой лекціи до послѣдней», разсказываетъ одинъ изъ его слушателей, «не было ни одной холодной, ни одной сухой или скучной. Одушевленіе не оставляло профессора ни на минуту. И это одушевленіе переходило въ его слушателей. Мысли Павлова, мало принесшія намъ пользы въ самой наукѣ, послужили однакоже для насъ путеводною нитью въ другихъ, развили или, по крайней мѣрѣ, послужили къ развитію какого-то особеннаго критическаго

---

[70]) *Былое и думы.* VII, 119. *Записки Ж. А. Полеваго.* Спб. 1888, 85—6.

взгляда на науку вообще, на ея начала и основанія, на ея развитіе и выполненіе» [71]).

Мы видимъ, отзывы современниковъ о Павловѣ отнюдь не менѣе благопріятные, чѣмъ о Надеждинѣ или о Галичѣ. Павловъ имѣетъ несомнѣнныя преимущества своей учительской близостью къ молодежи. Мы сейчасъ увидимъ значеніе этого факта, но предварительно мы тщательно должны рѣшить вопросъ, какъ далеко могло идти вліяніе популярнѣйшаго профессора-шеллингіанца и какіе вполнѣ озязательные плоды могло принести оно въ критической литературѣ?

Павловъ *создалъ* у слушателей интересъ къ философіи и лекціями, и сочиненіями. Въ какомъ направленіи развилась собственная мысль профессора, видно изъ его статей, предназначенныхъ для большой публики.

Съ перваго взгляда статьи, повидимому, сильно подрываютъ только что засвидѣтельствованное очевидцами достоинство Павлова, *ясность мышленія*. Напротивъ, мы прямымъ путемъ попадаемъ въ безвыходныя дебри тѣхъ самыхъ натуръ-философскихъ аналогій, гипотезъ, почти ясновидѣній, знакомыхъ намъ по произведеніямъ Велланскаго.

Очевидно, Шеллингъ у русскихъ мыслителей дѣйствовалъ преимущественно на страсть къ мнимо-научному глубокомыслію, баюкивавшему философовъ одновременно призраками строгаго познанія природы и неограниченнаго проникновенія въ ея законы и тайны.

Фактъ, вполнѣ естественный.

Если Шеллингъ, въ центрѣ широкаго и блестящаго развитія опытныхъ наукъ, могъ впасть въ мистическое толкованіе ихъ выводовъ и опытному изслѣдованію явленій противоставить творчество и созерцаніе,—на русской почвѣ было несравненно больше простора для самыхъ фантастическихъ экскурсій въ область невѣдомаго и непознаваемаго.

Русскіе философы оказывались, приблизительно, въ положеніи древнихъ греческихъ мудрецовъ, до-сократовскихъ временъ. Обладая весьма ограниченными свѣдѣніями о природѣ и человѣческой душѣ, они, именно въ силу этой ограниченности, съ чрезвычайной отвагой пускались въ открытіе причины всѣхъ причинъ, создавали поразительнѣйшіе абсолюты, часто дѣтски-наивнаго содержанія, просто брали какое-нибудь вещество—воду, огонь, воздухъ, и къ нему пріурочивали развитіе міровой жизни.

---

[71]) Колюпановъ I, 475.

Этотъ размахъ воображенія тѣшилъ незрѣлую мысль, и какой-нибудь Θалесъ могъ искренне воображать себя носителемъ верховной истины, Пиθагоръ вполнѣ серьезно облекать въ непроницаемый туманъ поэтическую игру своей фантазіи и даже дѣлить на разныя степени, будто въ священномъ орденѣ, своихъ учениковъ, сообразно съ приближеніемъ ихъ къ святилищу высшей мудрости.

Естественно, въ подобныхъ системахъ первое мѣсто занимаютъ элементарнѣйшіе пріемы мышленія—сравненіе, аналогія, часто просто—метафора, поэтическая фигура. Въ эллинской философіи, вплоть до Аристотеля лишенной сколько-нибудь значительнаго научнаго основанія, эти упражненія процвѣтаютъ даже послѣ трезвой скептической мысли Сократа, еще Платонъ будетъ сочинять поэмы вмѣсто разсужденій и безъ малѣйшихъ затрудненій самые сложные вопросы философіи и психологіи рѣшать путемъ лирическаго безпорядка, сравненій, уподобленій, аллегорій.

Достаточно вспомнить чрезвычайно размашистую задачу въ діалогѣ *Республика* о «высшемъ благѣ» и результатъ всѣхъ препирательствъ, уподобленіе этого идеала солнцу! Для эллинскаго мудреца рѣшеніе вполнѣ удовлетворительное. Такимъ оно и должно быть для всякаго первичнаго ученическаго философскаго мышленія, не умѣющаго разграничивать логики и поэзіи, идей и образовъ, знанія и воображенія.

То же самое происходитъ съ русскими шеллингіанцами.

Они, конечно, неизмѣримо ученѣе древнихъ греческихъ философовъ, но вѣдь и творчество, ихъ соблазняющее, гораздо зрѣлѣе и сложнѣе. Вода или огонь въ качествѣ абсолюта вызовутъ у нихъ улыбку сожалѣнія, но это не значитъ, чтобы они вообще отказались отъ натурфилософскихъ принциповъ. Тѣмъ болѣе, что, мы знаемъ, само естествознаніе своими открытіями влекло философовъ на этотъ путь.

Несомнѣнно, «животный магнетизмъ», какъ всеобъемлющая основа жизни, болѣе научное и философски-глубокое представленіе, чѣмъ какая-либо изъ четырехъ стихій, постепенно возводившихся у древнихъ философовъ въ первоисточники бытія. Но *сущность* міросозерцанія та же.

Шеллингъ, на основаніи своей теоріи абсолютнаго тожества, логически могъ дойти до чисто-платоновской идеи: міръ *слѣдуетъ* изучать не по фактическимъ даннымъ, а по высшимъ категоріямъ разума, *чистыхъ отвлеченій*. «Мы явленія оставимъ въ сторонѣ,— говоритъ Платонъ,—они не дадутъ намъ настоящаго знанія, а только *мнѣнія*, *грёзы*. Единственный источникъ реальнаго вѣдѣ-

нія, совершенной *увѣренности*—діалектическій процессъ мысли—*черезъ идеи къ идеямъ»* [72]).

Шеллингіанство именно и становилось на этотъ путь, стремясь чисто-философскими обобщеніями предвосхитить данныя опытныхъ наукъ и созидая міръ дѣйствительности изъ міра идей, бытіе изъ мышленія.

Метафизика искони вѣковъ вращается въ однихъ и тѣхъ же предѣлахъ. Все новое, входящее въ ея область, принадлежитъ не ей: это—матеріалъ, заимствованный ею извнѣ, изъ исторіи и естествознанія. Пріемы, путь и цѣли остаются неизмѣнными, и вполнѣ естественно не только у Шеллинга, но и у Гегеля и также у Шопенгауера будутъ звучать самые подлинные голоса древнѣйшихъ, отъ Будды до Платона, разгадчиковъ тайны Изиды.

Легко представить, съ какимъ юношескимъ пыломъ должны были наброситься на столь увлекательныя приманки русскіе ученики западной философіи. Уже на примѣрѣ Велланскаго мы видѣли, до какихъ предѣловъ могъ развиться соблазнительный и безотвѣтственный натурфилософскій азартъ. Павловъ, одаренный гораздо болѣе оригинальной и точной мыслью, остался сыномъ своей эпохи и послѣдователемъ господствующей вдохновенной мудрости.

Мы видѣли, одинъ изъ слушателей Павлова придаетъ большое значеніе простой постановкѣ вопроса: что̀ такое природа?

И Павловъ, дѣйствительно, ставилъ эти вопросы, но какъ отвѣчалъ?

Напримѣръ, въ журнальной статьѣ объяснялось понятіе *вещества*. По мнѣнію философа, вещество—*свѣтъ* сгущенный и потемненный тяжестью, при взаимномъ ихъ ограниченіи.

Дальше, что такое самый свѣтъ?

«Свѣтъ есть проявленіе силы расширительной, электричество есть тотъ же свѣтъ, но смѣшанный въ предѣлахъ сильнѣйшаго ограниченія; оттуда дѣйствія его такъ порывисты, бурны, а именно отъ усилія расторгнуть узы, столь противныя его натурѣ».

Потомъ, опредѣленіе *животныхъ*: они—соединеніе вещества съ преобладаніемъ жидкихъ частей [73]).

Можно, конечно, до безконечности изобрѣтать подобныя опредѣленія, но врядъ ли они сколько-нибудь въ состояніи увеличить *знаніе* и помочь *пониманію* естественныхъ явленій. Весь смыслъ ихъ формальный, діалектическій, очень полезный для гимнастическихъ упражненій мысли, но безплодный для ихъ содержанія.

[72]) *Respublica*, lib. VI.

[73]) *Телескопъ,* 1836, ч. 32 и 36.

Больше пользы было для слушателей Павлова отъ его простыхъ сообщеній объ идеяхъ *критической* философіи. Въ статьѣ *О способахъ изслѣдованія природы* Павловъ знакомилъ публику съ кантовскимъ воззрѣніемъ на познаваемое и непознаваемое, на *явленіе* и *сущность*. Философъ, конечно, не останавливался на кантовскомъ дуализмѣ и переходилъ на шеллингіанскій путь къ всеобъемлющему вѣдѣнію. Но для русской молодежи важно было слышать «пластически ясное» изложеніе великой критической системы. Оно, при всемъ соблазнѣ шеллингіанскихъ откровеній, могло вызвать въ умахъ въ высшей степени плодотворную работу и удержать юную мысль отъ головокружительныхъ полетовъ въ царство невѣдомаго и неизслѣдуемаго.

Несомнѣнно, критической философіи на первыхъ порахъ было не подъ силу бороться съ полурелигіозной, полупоэтической системой Шеллинга, сулившей дать отвѣты на всѣ запросы идеально-тоскующаго духа, примирить всѣ противорѣчія человѣческаго ума и жизни въ чудной вѣчной гармоніи высшаго разума. Но уже весьма существеннымъ фактомъ было знакомство будущихъ критиковъ съ философіей, представлявшей своего рода противоядіе противъ крайнихъ увлеченій созерцаніемъ и догматизмомъ. Въ этомъ большое преимущество Павлова предъ Велланскимъ.

Но оставалась еще самая важная задача, та самая, къ какой въ Петербургѣ приступилъ Галичъ съ своей книгой *Наука объ изящномъ*. Мы говоримъ о приложеніи философіи къ критикѣ. Галичу оно совершенно не удалось; оно даже не стояло въ программѣ петербургскаго эстетика. Какъ же отнесся къ задачѣ Павловъ?

Онъ выступилъ на поприще журналистики съ журналомъ *Атеней*. Мы видѣли, здѣсь былъ напечатанъ отрывокъ изъ диссертаціи Надеждина. Въ той же самой книгѣ помѣщено «новое опредѣленіе романтизма»: «это—новый родъ словесности, въ которомъ, для краткости, выпускается здравый смыслъ» [74]).

Слѣдовательно, журналъ враждовалъ съ современнымъ направленіемъ литературы и стоялъ за классицизмъ?

Отвѣтъ дается утвердительный многочисленными статьями, въ родѣ хвалы *Стихотворной науки* Буало, могочисленныхъ издѣвательствъ надъ романтизмомъ, и особенно критикой на произведенія Пушкина.

По поводу IV и V главъ *Евгенія Онѣгина* «Атеней» писалъ: «*Романтическое* выручаетъ стихотвореніе отъ всѣхъ притязаній

---

[74]) *Атеней*, 1830, январь, 116.

здраваго смысла и законныхъ требованій вкуса». Роману Пушкина, конечно, произносится смертный приговоръ: «Нѣтъ характеровъ, нѣтъ и дѣйствія. Легкомысленная только любовь Татьяны оживляетъ нѣсколько оное».

Не пощажена и форма, стихи романа. Въ общемъ, они хоронили по «сотни мелочей», «заживо цѣпляютъ людей, учившихся по старымъ грамматикамъ» [75]).

Можно подумать, журналъ будетъ твердо стоять на стражѣ старой школы и до конца вести войну противъ Пушкина, какъ представителя неразумныхъ новшествъ?

Оказалось, *Атеней* повторилъ оригинальную исторію Мерзлякова и Надеждина: одинъ—классикъ—*плакалъ* надъ стихами Пушкина, другой—врагъ *нигилизма*—отрекся отъ своей вражды къ «нигилисту». Не судьба была профессорамъ выдерживать фронтъ даже на разстояніи весьма скромныхъ періодовъ времени. Всего годъ спустя *Атеней* напечаталъ статью о *Полтавѣ*. Авторъ—Максимовичъ—защищалъ Пушкина отъ упрековъ критики въ искаженіи характеровъ и возстановлялъ безусловно и психологическое, и историческое достоинство поэмы [76]).

Это происходило въ 1829 году, а годъ спустя все-таки явилась статья Надеждина, еще не признававшаго Пушкина, и сатирическая замѣтка о романтизмѣ.

Очевидно, у журнала не было твердаго символа критической вѣры, и редакторъ его. или не могъ додуматься до этого символа, или считалъ его лишнимъ для своей учености и философской мысли.

Второе объясненіе, пожалуй, вѣрнѣе: при блестящихъ способностяхъ профессора, внимательное отношеніе къ современной литературѣ не могло не привести его къ устойчивымъ и болѣе основательнымъ литературнымъ понятіямъ. Но Павловъ, подобно Галичу, не желалъ снизойти до *поэтовъ* и въ критическомъ отдѣлѣ своего журнала предоставлялъ хозяйничать людямъ самаго разнообразнаго умственнаго склада.

Повидимому, и современники понимали и цѣнили безучастіе профессора къ самымъ жгучимъ вопросамъ времени. *Атеней* велъ упорную борьбу съ *Московскимъ Телеграфомъ* и статьями, и сатирическими замѣтками. Но это не помѣшало брату Николая Поле-

---

[75]) *Атеней*, 1828, № 4; ст. подпис. *В.*, принадлежитъ М. Дмитріеву, сотруднику *Вѣстника Европы*, автору статей противъ Пушкина и заслужившему отъ поэта наименованіе лже-Дмитріева въ отличіе отъ И. И. Дмитріева. Письмо къ А. С. Пушкину, апр. 1825 г. Сочин. VII, 120.

[76]) *Атеней*, 1829, № 6.

вого—постоянной жертвы выходокъ *Атенея*—дать самый лестный отзывъ о Павловѣ. Очевидно, профессоръ царствовалъ въ журналѣ, но не управлялъ, по крайней мѣрѣ, насколько дѣло касалось литературной полемики и критики.

Но и собственно философская дѣятельность Павлова продолжалась недолго. Правительство поручило ему устроить земледѣльческій хуторъ, и онъ послѣдніе годы жизни посвятилъ исключительно своей оффиціальной спеціальности, сельскому хозяйству.

Мы, слѣдовательно, можемъ опредѣлить границы *практическаго* вліянія популярнѣйшаго шеллингіанца. Павловъ не былъ *руководителемъ* молодого поколѣнія, а только *возбудителемъ* новыхъ умственныхъ интересовъ. Онъ, подобно своимъ современникамъ ученымъ, не могъ стать на одномъ и томъ же *жизненномъ* пути съ будущими дѣятелями литературы и работать съ ними ради общихъ цѣлей—*литературнаго* прогресса.

Онъ, дѣйствительно, «въ дверяхъ» аудиторіи останавливалъ студента, проходилъ съ нимъ даже въ аудиторію, но дальше—пути профессора и студента расходились. Профессоръ шелъ въ свой ученый кабинетъ, а студенту предоставлялось собственными силами разбираться въ явленіяхъ *толпы* и *улицы*, точнѣе—общедоступной и тѣмъ болѣе настоятельной дѣйствительности.

Великая заслуга, конечно, *призывать* умы къ работѣ, да еще на новомъ пути, но еще выше назначеніе всякаго учителя *совмѣстно работать* съ своими учениками, рука объ руку съ ними проходить весь намѣченный путь и нравственной чуткостью и умственной терпимостью устранить разстояніе, отдѣляющее одно поколѣніе отъ другого, и тѣмъ спасти юныхъ путниковъ отъ недоразумѣнія и ошибокъ. Это единеніе и неразрывная преемственность культурной работы — высшій идеалъ всякаго прогресса, и онъ, повидимому, труднѣе всего осуществимъ въ русскомъ обществѣ. Не осуществился онъ и въ философскую эпоху.

Ея младшее поколѣніе, взявшее впослѣдствіи въ свои руки судьбу литературы и критики, осуждено было на самостоятельную работу именно въ важнѣйшей области практическаго примѣненія философскихъ идей. Мы должны помнить этотъ фактъ: онъ многое объяснитъ и, если потребуется, многое оправдаетъ.

Ив. Ивановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Эволюція рабства у различныхъ человѣческихъ расъ.

(*Продолженіе* *).

Шарля Летурно.

Переводъ съ французскаго Э. Пименовой.

Глава VII.

Рабство въ Мексикѣ и Перу.

Древняя Мексика.—Происхожденіе мексиканской цивилизаціи.—Первобытные обитатели, явившіеся съ востока и запада. — Рабство въ окружности Мексики. — Сходство между нѣкоторыми обычаями дикарей и мексиканскими обычаями.—Человѣческія жертвоприношенія.—Жертвоприношенія рабовъ.—Военный каннибализмъ.—Религіозный каннибализмъ.—Чудовищное количество священныхъ жертвъ.—Священныя жертвы купцовъ. — Рабы.—Военное рабство.—Юридическое рабство.—Продажа дѣтей.—Добровольное рабство.—Невольничьи ярмарки.—Домашнее рабство.—Классъ крѣпостныхъ.—Работы, возлагаемыя на женщинъ.

Тѣ цивилизаціи, достигшія сравнительно высокой степени развитія, которыя найдены были испанцами въ центральной Америкѣ, къ сѣверу и югу отъ Панамскаго перешейка, составляютъ для этнографической соціологіи довольно темную и интересную проблему. Откуда онѣ взялись? Врядъ-ли Америка служила центромъ, въ которомъ зародились человѣческія расы. Вѣрнѣе даже, до-историческій человѣкъ былъ пришельцемъ въ Новомъ Свѣтѣ, куда онъ явился въ чрезвычайно отдаленную эпоху, когда конфигурація материковъ и распредѣленіе океанскихъ водъ было совсѣмъ иное и сообщеніе между Америкой, съ одной стороны и, Азіей, Европой и, быть можетъ даже, Африкой, съ другой, было гораздо легче, чѣмъ теперь.

Впрочемъ и въ историческія времена сообщеніе между этими частями свѣта не представляло уже такихъ непреодолимыхъ препятствій. Со стороны Азіи Беринговъ проливъ и теперь легко проходимъ для эскимосскихъ лодокъ. Въ Европѣ большія суда

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

скандинавовъ, выходя изъ Исландіи, безъ труда достигали Гренландіи и, спустившись къ югу, плавали вдоль береговъ сѣверной Америки. Мы знаемъ, что въ VIII вѣкѣ у нихъ были поселенія въ Гренландіи. Но вѣдь то, что могли дѣлать скандинавы въ теченіе арктическаго лѣта, могло быть сдѣлано, конечно, и другими мореплавателями, раньше ихъ. Наконецъ, если въ легендѣ объ Атлантидѣ заключается хоть какая-нибудь доля истины—что впрочемъ, весьма вѣроятно, такъ какъ большинство знаменитыхъ древнихъ легендъ въ основѣ заключаютъ истину — то, слѣдовательно, и Африка въ древнѣйшія эпохи содѣйствовала заселенію центральной Америки.

Большею частью туземцы въ Америкѣ приближаются къ монгольскому типу и особенно въ южной Америкѣ желтый типъ довольно замѣтно выраженъ. Но индѣйцы краснокожіе, повидимому, происходятъ отъ помѣси съ иммигрантами бѣлой расы, и нѣкоторыя племена, напримѣръ, манданы, не представляютъ даже и слѣдовъ монгольскаго происхожденія. Кромѣ того, и древнѣйшіе мексиканскіе барельефы, особенно въ Юкатанѣ, изображаютъ человѣческій типъ съ длиннымъ горбатымъ носомъ, болѣе чѣмъ семитическаго происхожденія. Такимъ образомъ, древнія цивилизаціи центральной Америки могли быть результатомъ иммиграціи, явившейся съ востока и запада и скрестившейся съ первоначальными поселенцами монгольскаго или монголоиднаго типа. Въ Мексикѣ и ближайшихъ къ ней мѣстностяхъ представителями послѣдней цивилизаціи, уничтоженной мексиканцами, были ацтеки, находившіеся въ очень близкомъ родствѣ съ расой краснокожихъ и даже, судя по ихъ преданіямъ, сами происходившіе съ сѣверо-востока. Но на плоскогорьяхъ Анагуака ацтеки сами вторглись въ цивилизацію, уже существовавшую давно и основанную нѣсколькими послѣдовательными потоками иммиграцій, а именно: чичимеками и тольтеками. Но опредѣлить часть, которая приходится на долю каждой изъ этихъ народностей въ дѣлѣ основанія древнихъ цивилизацій центральной Америки, теперь почти невозможно, да это и не входитъ въ нашу задачу. Мы разсмотримъ пока рабство въ томъ видѣ, въ какомъ оно встрѣчается у ацтековъ и у ихъ сосѣдей одинаковой расы, т. е. у нахуасовъ, гдѣ рабство могло принять такую же смѣшанную форму, какъ и сама раса.

У всѣхъ племенъ нахуасовъ мы находимъ обычаи, аналогичные тѣмъ, которые встрѣчаются у мексиканскихъ ацтековъ. Вездѣ къ военноплѣннымъ относятся съ величайшею свирѣпостью, также какъ и у краснокожихъ, и вездѣ есть рабы. У этихъ націй, обитавшихъ на перешейкѣ, былъ также всюду распространенъ обы-

чай свистать и даже были въ употребленіи копья, снабженныя свистками. Кромѣ того, мексиканцы, также какъ и индѣйцы, праздновали всѣ выдающіяся событія посредствомъ мимическихъ танцевъ—«areitos» или «arretos». Тласкальтеки сдирали кожу съ живыхъ плѣнныхъ и покрывались ею, чтобы чествовать бога войны, что дѣлали также и мексиканцы. Москитосы обращали въ рабство своихъ военноплѣнныхъ, но предварительно они отрѣзывали имъ носы, вѣроятно, для того, чтобы отмѣтить ихъ самымъ вѣрнымъ способомъ. У всѣхъ націй перешейка, гдѣ рабство было обычнымъ явленіемъ, каждое знатное лицо непремѣнно имѣло большое число плѣнныхъ, обращенныхъ въ рабовъ; этимъ рабамъ либо выбивали одинъ изъ переднихъ зубовъ, либо татуировали у нихъ на рукахъ или лицѣ знакъ ихъ владѣльца.

Но вотъ другое сходство: въ Юкатанѣ, гдѣ рабовъ было очень много, на похоронахъ королей умерщвляли сотни рабовъ обоего пола, и этотъ обычай встрѣчается также въ Мексикѣ, такъ какъ нравы майевъ въ Юкатанѣ, Гватемалѣ и Никарагуа имѣютъ много аналогичныхъ чертъ съ нравами нахуасовъ. Юкатанскія преданія однако указываютъ на такую отдаленную эпоху, когда рабство еще не существовало въ этой области, но съ тѣхъ поръ оно укрѣпилось и распространилось по всей землѣ майевъ. Въ Юкатанѣ, въ Гватемалѣ учрежденъ былъ торгъ невольниками и существовало даже особое законодательство, относящееся къ рабамъ. Вступая въ близкія отношенія съ какою-нибудь женщиной-рабыней, свободный человѣкъ платилъ за нее ея владѣльцу или же вмѣсто нея давалъ ему другую рабыню. Но бракъ съ рабыней унижалъ свободнаго человѣка. Дѣти рабыни не могли наслѣдовать послѣ своего господина, хотя бы онъ и былъ ихъ отцомъ. Но за то тотъ, кто похищалъ свободнаго человѣка, чтобы обратить его въ рабство, присуждался къ смерти подъ палочными ударами, а жена его и дѣти продавались.

Жертвоприношенія рабовъ были очень распространены у всѣхъ племенъ майевъ. Квачцы обыкновенно начинали свои религіозныя празднества такого рода жертвоприношеніями. Кромѣ того, и въ другихъ случаяхъ приносились въ жертву рабы, когда надо было вымолить какую-нибудь милость у боговъ, выпросить дождь, обильный урожай, рожденіе сына и т. п. Въ такихъ случаяхъ приносились въ жертву преимущественно плѣнные, затѣмъ другіе рабы, а за недостаткомъ ихъ и свои собственныя дѣти, такъ какъ боговъ во что бы то ни стало надо было отблагодарить за милость какою-нибудь кровавою жертвой. Въ Юкатанѣ особенную славу пріобрѣли потопленія въ колодцѣ Шишена. Этотъ колодецъ,

широкій и глубокій, представлялъ нѣчто въ родѣ бездны, въ которую вела спиральная лѣстница, доходящая до уровня воды; тамъ топили молодыхъ дѣвушекъ, если ожидался плохой урожай или какое-нибудь другое бѣдствіе. Въ Юкатанѣ избіенія плѣнныхъ составляютъ такое обычное явленіе, что тамъ для каждаго сосѣдняго и враждебнаго племени отводилось даже особое спеціальное дерево, на которомъ вѣшали головы жертвъ, принадлежащихъ къ этому племени.

Такъ какъ мѣстность эта была довольно густо заселена, то войны были очень часты. Нахуасы и майи безъ труда добывали плѣнныхъ для своихъ жертвоприношеній и рабовъ для охраны; то же самое было и въ Мексикѣ. Въ этомъ обширномъ государствѣ, довольно населенномъ и сравнительно цивилизованномъ, человѣческія жертоприношенія производились въ очень широкихъ размѣрахъ, но всегда къ нимъ примѣшивался каннибализмъ, такъ что, пожалуй, даже можно предположить, что желаніе поѣсть человѣческаго мяса не совсѣмъ было чуждо тому рвенію, которое проявляли мексиканцы, производя свои обильныя жертвоприношенія. Впрочемъ, такіе нравы существовали у всѣхъ племенъ, населяющихъ эту область; всѣ одинаково были падки до человѣческаго мяса, вѣроятно, потому, что у нихъ не было крупнаго убойнаго скота и, слѣдовательно, ощущался недостатокъ въ мясѣ. Нѣкоторые факты даже дозволяютъ думать, что религія въ данномъ случаѣ служила лишь для прикрытія и оправданія каннибализма. Такъ, напримѣръ, побѣдители нахуасы безъ всякой церемоніи пожирали на полѣ битвы трупы побѣжденныхъ, а иногда также раненыхъ и плѣнныхъ. Фернандъ Кортецъ и его товарищъ по оружію Діацъ приводятъ не мало такихъ примѣровъ. По ихъ словамъ, ихъ союзники туземцы часто устраивали жестокія надругательства надъ мексиканцами, показывая имъ издали куски мяса ихъ соотечественниковъ, которыми они собирались лакомиться. Эти туземцы постоянно жестоко терзали плѣнныхъ, какъ бы европейцы ни старались помѣшать этому, и всегда похищали съ поля битвы трупы убитыхъ, чтобы ими полакомиться. Притомъ же они не ограничивались только пожираніемъ убитыхъ враговъ, а по пути забирали въ плѣнъ кого попало и обращались съ плѣнниками, какъ съ настоящею дичью. Въ одной изъ своихъ экспедицій Сандоваль нашелъ у побѣжденныхъ туземцевъ большія количества маиса и жареныхъ дѣтей, — добыча, которую они не успѣли захватить съ собой. Мексиканцы поступали не лучше. Въ чужой землѣ кацики, не стѣсняясь, овладѣвали нѣсколькими индѣйцами въ деревняхъ, которыя имъ попадались на пути, и безъ церемоніи

съѣдали ихъ, изжаривъ предварительно въ печахъ, совершенно такъ, какъ это дѣлали полинезійцы. Даже въ самой Мексикѣ королевскіе повара, приготовлявшіе разныя многочисленныя и изысканныя блюда для своего монарха, зачастую употребляли для этого мясо очень маленькихъ дѣтей.

Вездѣ, даже въ республиканскомъ городѣ Тласкала, испанцы видѣли клѣтки, сдѣланныя изъ толстаго дуба, въ которыя заключали для откармливанія плѣнныхъ, предназначенныхъ для съѣденія. Иногда даже въ этихъ клѣткахъ сидѣли дѣти, а между тѣмъ именно жители Тласкалы больше всего жаловались на мексиканцевъ за то, что тѣ нарочно воевали съ ними, для того только, чтобы добыть людей для своихъ жертвоприношеній и для съѣденія. Повидимому, тласкалы возмущались противъ этого ужаснаго обычая лишь потому, что мексиканцы примѣняли его къ нимъ.

Но сами испанцы, хотя и не дошли до каннибализма, но все-таки пріобрѣли нѣкоторыя странныя привычки. Напримѣръ, за неимѣніемъ масла для перевязки ранъ, они пользовались «жиромъ индѣйца». Очевидно, общеніе съ варварами и дикарями вредно вліяетъ даже на цивилизованныхъ людей, и чтобы проникнуться этою истиной, намъ вовсе не надо заходить далеко въ дебри исторіи. Вездѣ и всегда цивилизованный человѣкъ, выхваченный изъ своей среды и вынужденный жить среди людей, принадлежащихъ къ низшему типу, этика которыхъ совсѣмъ иная, въ концѣ концовъ измѣняется; его нравственное чувство мало-по-малу притупляется, и незамѣтно для себя самого, даже не думая объ этомъ, онъ отстаетъ отъ тѣхъ принциповъ, которыми привыкъ руководствоваться съ дѣтства. Постепенно онъ теряетъ способность различать законное отъ незаконнаго и уровень его нравственности сильно понижается.

Но каннибализмъ ацтековъ въ древней Мексикѣ представляетъ еще ту любопытную черту, что онъ существовалъ одновременно съ сравнительно довольно высокою цивилизаціей, къ которой онъ, вѣроятно, былъ привитъ. Антропофагическія привычки мексиканцевъ дѣйствительно приближаются къ самой первобытной дикости, къ новозеландцамъ и Мамбуту. Произведя нашествіе въ Мексику и сосѣднія страны, нахуасы, еще не вышедшіе изъ состоянія первобытной грубости, внесли съ собою какъ бы новый запасъ свирѣпости въ страну. Тутъ, пожалуй, еще болѣе виноваты ацтеки, которые за два вѣка до испанскаго завоеванія пересадили въ Мексику старинный обычай своей расы, вскрывать грудь побѣжденнаго врага и, вырвавъ изъ нея трепещущее сердце, вцѣпляться въ него зубами. Этотъ обычай существовалъ у краснокожихъ и

*

до сихъ перъ еще не исчезъ у племенъ, обитающихъ вблизи арктической области; но нѣкогда онъ былъ распространенъ по всей Америкѣ и еще въ XVII вѣкѣ былъ въ ходу у индѣйцевъ въ Чили. Ацтекамъ, слѣдовательно, не трудно было возобновить его у мексиканскихъ нахуасовъ, но они присоединили къ нему необузданный каннибализмъ. Плѣнныхъ по прежнему приносили торжественно въ жертву на религіозныхъ церемоніяхъ, но жрецы возвращали владѣльцамъ тѣла плѣнныхъ, и эти тѣла служили для приготовленія самыхъ лакомыхъ блюдъ на веселыхъ пирахъ.

Съ жертвой поступали такимъ образомъ: пять жрецовъ удерживали ее на коническомъ камнѣ, а шестой, главный жрецъ, вскрывалъ ей грудь агатовымъ ножомъ, вырывалъ сердце и подносилъ его въ даръ избранному идолу. Чѣмъ сильнѣе кричала жертва, чѣмъ дольше дымилось сердце, тѣмъ жертва считалась пріятнѣе божеству.

Во время осады Мексики Кортецомъ испанцы изъ своего лагеря или съ палубы своихъ бригантинъ въ порту могли видѣть издали, какъ мучили такимъ образомъ ихъ товарищей, попавшихъ въ руки осажденныхъ. Плѣнныхъ украшали перьями, вкладывали имъ въ руки вѣера и въ такомъ нарядѣ они должны были волей-неволей плясать передъ статуей бога войны «Гуицилолочли». Кромѣ того, согласно одному мексиканскому обычаю, весьма напоминающему обычай маорійцевъ Новой Зеландіи, лица жертвъ препарировались и даже настолько хорошо, что ихъ можно было узнать и въ видѣ дара ихъ клали у подножія идоловъ.

Подобныя жертвоприношенія составляютъ столько же актъ мести, сколько и актъ благочестія. Но эти избіенія въ честь бога войны и во время войны не были единственными и даже не были наиболѣе многочисленными. Мексиканцы были чрезвычайно благочестивы и всѣ явленія природы приписывали дѣятельности боговъ. Притомъ же они прибѣгали ко вмѣшательству и покровительству боговъ въ массѣ разныхъ другихъ случаевъ. Праздники и религіозныя церемоніи въ Мексикѣ были поэтому очень многочислены и почти всегда сопровождались человѣческими жертвоприношеніями. Такимъ образомъ, во всѣхъ храмахъ приносилось множество священныхъ жертвъ и истреблялось множество людей, такъ какъ въ одномъ только городѣ Мексико было 73 храма и въ каждомъ совершались жертвоприношенія. Вычисляютъ, что ежегодно въ мексиканскомъ королевствѣ приносилось въ жертву не менѣе 30.000 человѣкъ. Разумѣется, надо было вести постоянныя войны, чтобы добывать нужное количество плѣнныхъ, но ихъ все-таки не хватало и остальное поставляли невольничьи

рынки, пополнявшіеся осужденными преступниками или рабами, которые признаны были порочными и неисправимыми. Кромѣ того, приносились также въ жертву дѣти, но хроникёры не указываютъ откуда ихъ доставали, хотя, по всей вѣроятности, они также добывались во время войны.

Къ числу чисто религіозныхъ жертвоприношеній принадлежали тѣ, которыя совершались купцами. Каждый богатый купецъ считалъ долгомъ чести дать хоть одинъ разъ въ своей жизни большой пиръ, на которомъ главныя блюда были приготовлены изъ человѣческаго мяса. Пиршество это обставлялось очень торжественно. Сначала покупали отборныхъ рабовъ, такъ называемыхъ «вымытыхъ», такъ какъ ихъ дѣйствительно очень усердно мыли, чтобы сдѣлать ихъ мясо нѣжнѣе. Покупка производилась на невольничьемъ рынкѣ, гдѣ владѣльцы рабовъ, предназначенныхъ для продажи, убирали ихъ цвѣтами и заставляли плясать передъ покупателями. На рынкѣ находились рабы обоего пола и пѣсенники, которые пѣли во время танцевъ. За такихъ рабовъ, которые умѣли пѣть и танцовать со вкусомъ, платили гораздо дороже, затѣмъ купецъ уводилъ къ себѣ купленныхъ рабовъ и посылалъ приглашенія, гости являлись въ полночь и имъ тотчасъ раздавались подарки и цвѣты, послѣ чего амфтріонъ произносилъ длинную рѣчь, въ которой разсказывалъ объ опасностяхъ, сопряженныхъ съ его профессіей и въ заключеніе заявлялъ, что онъ долженъ отблагодарить бога войны Гуицилочли. Тогда начинались празднества, продолжавшіяся нѣсколько дней. Рабовъ, предназначенныхъ для съѣденія, наряженныхъ и украшенныхъ, выставляли на эстрадѣ и только на четвертый день вели въ храмъ бога войны Гуицилочли, гдѣ ихъ опьяняли особымъ напиткомъ—«pulque». Въ полночь имъ вырывали волосы съ темени, сопровождая эту операцію танцами и пѣніемъ. На зарѣ—вторичный визитъ въ храмъ, за которымъ слѣдовало кажущееся нападеніе, причемъ осужденныхъ рабовъ брали въ плѣнъ, и ихъ владѣлецъ долженъ былъ выплачивать ихъ стоимость фиктивнымъ побѣдителямъ; вѣроятно, это дѣлалось для того, чтобы уподобить эти жертвы настоящимъ военноплѣннымъ, обыкновенно служившимъ для жертвоприношеній. Наконецъ, послѣ разныхъ другихъ церемоній, рабовъ убивали, сопровождая это обычными обрядами. Тѣла ихъ, сброшенныя внизъ, уносились, затѣмъ жарились и весело съѣдались съ приправою масла. На эти тѣла смотрѣли какъ на остатки священной жертвы, такъ какъ во время жертвоприношенія всегда собирали нѣсколько крови жертвъ и натирали ею губы идола. На первый взглядъ можетъ показаться, что эти странные и крово-

жадные обычаи могли зародиться только въ мозгу безумца, но въ сущности они явились лишь результатомъ тѣсной связи, существовавшей между чревоугодіемъ и религіей дикарей. Такія свирѣпыя привычки были присущи ацтекамъ или, вѣрнѣе, нахуасамъ, побѣдоносное нашествіе которыхъ произвело нравственный упадокъ цивилизаціи страны, основанной, главнымъ образомъ, древними «игаллеками», не приносившими человѣческихъ жертвъ и явившимися откуда-то издалека. Нашествіе ацтековъ имѣло еще и другія ретроградныя послѣдствія. Во время ихъ господства народъ приведенъ былъ въ крѣпостное состояніе, между тѣмъ какъ прежде, въ эпоху первыхъ королей, онъ принималъ участіе въ правительствѣ и даже занималъ придворныя должности и т. п. Въ царствованіе же Монтезумы низшіе классы были отданы во власть знатныхъ, которые могли поступать съ ними, какъ хотѣли, терзать и притѣснять ихъ и даже продавать какъ рабовъ.

Каждая провинція выплачивала королю дань золотомъ, перьями, драгоцѣнными камнями, матеріями и людьми, мужчинами и женщинами, которые предназначались либо для жертвоприношеній, либо для рабства. Но главною поставщицею рабовъ все-таки была война, такъ какъ взявшій въ плѣнъ могъ или принести своего плѣнника богамъ, или дѣлалъ его своимъ рабомъ, если хотѣлъ, или же продавалъ его. Юридическіе рабы составляли вторую категорію рабовъ. Цѣлый рядъ преступленій влекъ за собою рабство; такъ, рабомъ дѣлался тотъ, кто совершилъ важное воровство, покражу зерна, кто продалъ свободнаго человѣка, кто причинилъ смерть чужой рабынѣ, сдѣлавъ ее беременной; тотъ, кто не донесъ о заговорѣ, кто не уплатилъ налоговъ, и т. д., и т. д. Затѣмъ, очень бѣдные родители часто продавали своихъ дѣтей, либо для жертвоприношеній, либо для рабства. Дѣти приносились въ жертву богу дождя, такъ какъ считалось, что этотъ богъ любитъ нѣжное дѣтское мясо.

Къ этимъ категоріямъ рабовъ мы должны прибавить еще добровольныхъ рабовъ, т. е. такихъ, которые продавали сами себя. Въ каждомъ городѣ былъ свой рынокъ рабовъ, но главная торговля происходила въ Акапулько, въ двухъ миляхъ отъ Мексико, гдѣ устроена была настоящая невольничья ярмарка. Продавцы украшали свой товаръ какъ можно лучше, и наряженные рабы должны были пѣть и плясать, чтобъ привлечь покупателя.

Однако, несмотря на свирѣпые нравы мексиканцевъ, они обращались все-таки довольно мягко со своими домашними рабами, которыхъ нельзя было ни продавать безъ ихъ согласія, ни на-

казывать безъ предварительнаго предупрежденія. Если послѣ такихъ предупрежденій рабъ все-таки не исправлялся, то господинъ его надѣвалъ ему на шею деревянный ошейникъ и тогда уже могъ распоряжаться съ нимъ какъ вздумается. Рабъ, однако, могъ укрыться въ королевскій дворецъ, и послѣ этого онъ становился свободнымъ. За исключеніемъ его господина или его сыновей, никто не имѣлъ права остановить раба или помѣшать ему укрыться въ королевскомъ дворцѣ. Такимъ образомъ, законъ оказывалъ нѣкоторое покровительство рабу, защищая его отъ жестокости господина. Убійство раба считалось уголовнымъ преступленіемъ, а продажа его обставлялась извѣстными формальностями и должна была происходить въ присутствіи четырехъ уважаемыхъ свидѣтелей. Только такой рабъ, который былъ признанъ неисправимымъ и уже нѣсколько разъ продавался, могъ быть проданъ для жертвоприношеній. Рабъ же, пользующійся хорошею репутаціей, имѣлъ право обладать собственностью, даже имѣть рабовъ; онъ самъ распоряжался своею семьей и дѣти его были свободны, такъ какъ въ Мексикѣ никто не рождался рабомъ.

Послѣ смерти своего владѣльца рабы переходили къ его наслѣдникамъ вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ, и случалось часто, что владѣльцы передъ своею смертью отпускали своихъ рабовъ на волю.

Въ Мексикѣ существовало еще среднее положеніе между рабствомъ и независимостью, это—крѣпостное состояніе. Нѣкоторые города и провинціи доставляли двору служебный персоналъ, садовниковъ, рабочихъ и др. Къ этому классу принадлежали и тѣ носильщики, которыхъ касики отдавали въ распоряженіе испанскихъ завоевателей. Во время своего труднаго отступленія отъ Мексико, Кортецъ пользовался такими носильщиками, которые несли раненыхъ и больныхъ.

Въ Мексикѣ работали даже такіе люди, которые не находились въ крѣпостномъ состояніи. Всѣ, за исключеніемъ знатныхъ и солдатъ, занимались земледѣльческими работами, и мексиканскія женщины не истощали своихъ силъ въ работѣ. Онѣ вездѣ участвовали въ полевыхъ работахъ, но на нихъ возлагался болѣе легкій трудъ. Разумѣется, это относится только къ женщинамъ свободнымъ и принадлежащимъ къ болѣе зажиточному классу. Другимъ приходилось все-таки выполнять трудныя работы, напримѣръ, размалывать зерно въ мельницѣ первобытнаго устройства. Это работа настолько тяжела, что двѣ испанки, взятыя въ плѣнъ во время похода Кортеца, погибли отъ истощенія силъ, потому что ихъ заставляли дѣлать эту работу.

Въ древней Мексикѣ, какъ и во всѣхъ невольничьихъ странахъ, существовали, какъ мы видимъ, двѣ категоріи рабовъ: военноплѣнные и домашніе рабы, но разница между ними нигдѣ не была такъ рѣзко выражена, какъ въ Мексикѣ, гдѣ съ домашнимъ рабомъ обращались мягко, а военноплѣнный считался только жертвеннымъ мясомъ и не имѣлъ ровно никакихъ правъ.

Древній Перу.

Происхожденіе перуанской цивилизаціи. — Легенды. — Сходство съ Китаемъ. — Жертвоприношенія животныхъ. — Похоронныя жертвоприношенія.— Мягкость перуанскаго правительства. — Общинная организація труда.— Обязательный трудъ. — Перуанское земледѣліе. — Аналогія съ Китаемъ.— Трудъ женщинъ. — Гуманитарная организація. — Чиновники-надзиратели.— Отсутствіе закона спроса и предложенія въ Перу.—Аналогія между организаціей іезуитскихъ миссій и Перу. — Религіозное рабство. — Эволюція туземнаго рабства въ Америкѣ.—Невольничій режимъ и государственный коммунизмъ.

Мексиканская цивилизація, какъ мы уже видѣли, хотя и носитъ свой особенный характеръ, тѣмъ не менѣе многими сторонами соприкасается съ дикостью краснокожихъ, по крайней мѣрѣ постольку, поскольку это касается ацтековъ. Но соціальныя условія Перу были совсѣмъ особенныя; ничего подобнаго не встрѣчается ни въ современномъ человѣчествѣ, ни даже въ исторіи. Мнѣ уже не разъ приходилось говорить раньше о соціальной организаціи инковъ. Это былъ любопытный примѣръ централистскаго строя, или, какъ теперь выражаются, «государственнаго соціализма». Наверху, господствуя надъ цѣлымъ обществомъ, стоялъ императоръ, полу-богъ, сынъ солнца, вокругъ котораго ютилась огромная семья инковъ, его собственная; члены ея занимали всѣ высшія мѣста администраціи. Внизу, подъ этой аристократіей, находилась нація, народъ, работающій подъ руководствомъ довѣренныхъ лицъ, надзирателей, совершенно такъ, какъ въ какой-нибудь мастерской. Это трудолюбивое населеніе, раздѣлявшееся на десятичныя группы, не знало ни свободы, ни нужды. Своимъ трудомъ это населеніе кормило всѣхъ и всѣ главные акты его жизни подчинялись правиламъ, продиктованнымъ свыше, даже браки устраивались и праздновались административнымъ образомъ разъ въ годъ—однимъ словомъ, перуанское населеніе управлялось совершенно такимъ же образомъ, какимъ управляется стадо домашнихъ животныхъ хорошимъ хозяиномъ, хотя и эксплуатирующимъ его и обращающимся съ нимъ деспотично, но все-таки

съ добротой. Откуда же взялись эти цивилизаторы, съумѣвшіе навязать милліонамъ людей такой почти монастырскій режимъ, не встрѣчающійся болѣе нигдѣ на страницахъ исторіи человѣчества? Согласно перуанскимъ преданіямъ, иниціаторами этого режима были иностранцы, бѣлые и бородатые люди, явившіеся съ береговъ озера Титикака. Дѣйствительно, въ этой области встрѣчается очень много развалинъ, чрезвычайно древнихъ, предшествующихъ даже той эпохѣ, на которую указываютъ мѣстныя преданія, какъ на эпоху появленія инковъ.

Что касается происхожденія перуанской цивилизаціи, то тутъ поле открыто для всякаго рода предположеній. Много уже было высказано гипотезъ, но ни одна изъ нихъ не основывается на сколько-нибудь достовѣрныхъ данныхъ. Условія соціальнаго и духовнаго состоянія туземнаго населенія Америки, по стольку, по скольку они могли быть изучены, не дозволяютъ приписать перуанской цивилизаціи американское происхожденіе. Съ другой же стороны намъ ничего неизвѣстно о доисторическихъ переселеніяхъ, а между тѣмъ доисторическій періодъ въ Америкѣ существовалъ сравнительно очень недавно. Перуанскія возвышенности, конечно, могли быть мѣстомъ переселеній въ одну изъ доисторическихъ эпохъ; но откуда же явились переселенцы? Изъ гипотетической Атлантиды, Египта, Китая? Между древнимъ Египтомъ и Перу можно найти нѣкоторыя общія аналогіи, но очень недостаточныя, не считая уже того, что египтяне никогда не были великими мореплавателями. Атлантида, быть можетъ, и представляетъ дѣйствительное преданіе, но возможно также, что это только плодъ фантазіи. Нѣкоторыя вѣроятія говорятъ въ пользу первобытнаго Китая и не безъ основанія указываютъ на большое сходство характера китайцевъ и древнихъ перуанцевъ. И тутъ, и тамъ встрѣчается покорное повиновеніе власти, кротость, строгость соблюденія формъ, терпѣливость, привязанность къ древнимъ обычаямъ и т. д. Но я лишь упоминаю объ этихъ предположеніяхъ, не дѣлая изъ нихъ никакихъ выводовъ, такъ какъ лишь дальнѣйшія изслѣдованія и открытія въ этомъ направленіи могутъ содѣйствовать разрѣшенію проблемы.

Сравнительно съ тѣми ужасами, которые сопровождали мексиканскую религію, перуанскій культъ носилъ гораздо болѣе идиллическій характеръ, но нѣкоторыми сторонами онъ все-таки напоминалъ религію ацтековъ. Правда, инки запретили человѣческія жертвоприношенія религіознаго характера и даже не дозволяли совершать ихъ тогда, когда нужно было вымолить у небесныхъ боговъ выздоровленіе монарха, такъ что во всѣхъ случаяхъ при-

ходилось ограничиваться лишь принесеніемъ въ жертву животныхъ, но ритуалъ этихъ жертвоприношеній былъ совершенно такой же, какой былъ установленъ въ Мексикѣ для человѣческихъ жертвоприношеній. Животное, лама, приносившееся въ жертву, удерживалось нѣсколькими людьми, совершенно такъ же, какъ человѣческая жертва въ Мексикѣ, причемъ голову жертвы старательно повертывали къ востоку, затѣмъ вскрывалась грудь животнаго съ лѣвой стороны и вырывалось трепещущее сердце. Сходство тутъ слишкомъ велико, чтобы быть случайнымъ, и въ этомъ можно видѣть нѣкоторыя указанія на общность происхожденія, хотя древнія королевства Мексики и Перу ничего не знали другъ о другѣ. Прибавимъ, что съ животнаго, приносимаго въ жертву, также сдирали шкуру, какъ и съ человѣческой жертвы въ Мексикѣ, и сердце и кровь жертвы совершенно также приносились въ Перу въ даръ солнцу, какъ приносились человѣческія сердца въ даръ мексиканскимъ богамъ.

Однако, инки все-таки не совсѣмъ избавились отъ первобытнаго варварства и у нихъ сохранился обычай похоронныхъ жертвоприношеній. Со смертью какого-нибудь инки всегда приносились въ жертву его любимые слуги, его жены и любимыя наложницы. Тутъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, руководствовались желаніемъ доставить усопшему монарху возможность имѣть соотвѣтствующую свиту на томъ свѣтѣ. Во время такихъ избіеній, между слугами и женами покойника возникало настоящее соревнованіе въ проявленіяхъ преданности, и всѣ добивались счастья быть заживо погребенными вмѣстѣ съ монархомъ, сыномъ солнца, такъ что приходилось выбирать среди желающихъ. Но, помимо этихъ остатковъ первобытной дикости, перуанское правительство отличалось мягкостью и отеческимъ отношеніемъ къ подданнымъ. Мексиканцы угнетали своихъ вассаловъ налогами и рекрутскими наборами, кромѣ того, они приносили въ жертву массу вассаловъ своимъ ужаснымъ богамъ, тогда какъ инки допускали чужеземцевъ въ число своихъ подданныхъ и присуждали имъ одинаковыя права и обязанности. Правда, главное право, дарованное подданнымъ, заключалось въ правѣ труда, и даже дѣти и калѣки должны были трудиться въ Перу, а лѣнивцы и тунеядцы приговаривались иногда къ смертной казни.

Перуанская организація труда дѣлала рабство ненужнымъ. Весь соціально-необходимый трудъ распредѣленъ былъ между плебейскимъ населеніемъ, которое раздѣлялось на группы въ 50, 100, 500 и 1.000 человѣкъ, работавшихъ подъ руководствомъ надсмотрщика, либо въ полѣ, либо въ мастерскихъ. Каждый перуанецъ

былъ навсегда прикрѣпленъ къ землѣ, на которой родился, и долженъ былъ заниматься отцовскою профессіей, совершенно такъ, какъ это практиковалось въ Египтѣ. Тщательная статистика дозволяла центральному правительству соразмѣрять трудъ съ числомъ рабочихъ рукъ и съ способностями своихъ подданныхъ. Каждый округъ имѣлъ свою промышленную спеціальность; въ одномъ—жители занимались исключительно горною промышленностью, добычею руды, въ другомъ—обработывали металлы. Ремесленникъ получалъ отъ государства всѣ необходимыя орудія и матеріалы и работа производилась смѣнами рабочихъ въ опредѣленные сроки. Во все время своей работы, рабочіе жили на счетъ государства. Такъ же точно исполнялись и всѣ крупныя общественныя работы. Избытокъ производства сохранялся въ общественныхъ магазинахъ и раздавался народу въ случаѣ нужды, но, кромѣ того, каждая семья получала въ свое владѣніе клочекъ земли и новымъ брачнымъ парамъ ежегодно раздавались свободные участки.

Въ опредѣленное время, ежегодно происходила генеральная стрижка ламъ. Шерсть, временно сложенная въ общественные магазины, распредѣлялась затѣмъ между семьями, точнѣе—между женщинами, главныя занятія которыхъ были—пряжа и тканье; такъ же поступали и съ хлопчатою бумагой въ долинахъ, гдѣ климатъ былъ теплѣе. Правительственные чиновники раздавали шерсть, дѣлали заказы и затѣмъ отбирали готовыя ткани. Самыя необходимыя ремесла не подвергались спеціализаціи и каждый одновременно былъ портнымъ, ткачемъ, земледѣльцемъ и т. д.

Въ столичномъ округѣ существовали, кромѣ того, особенныя обязательныя работы, которыя должны были выполнять по очереди всѣ жители; нужно было носить воду, дрова и т. п. Для многочисленной семьи инковъ и эти работы были не только обязательными, но и личными, такъ что никто не могъ отъ нихъ откупиться.

Земледѣліе, конечно, пользовалось наибольшимъ почетомъ, но орудія были очень первобытны, такъ что обработка земли отчасти напоминала ту, которая существуетъ у полинезійцевъ. Женщины помогали во время этихъ работъ и всегда при этомъ пѣли. Замѣчателенъ былъ также способъ удобренія земли; внутри страны пользовались для этого человѣческимъ удобреніемъ, а у береговъ—гуано, которое добывали съ тѣхъ же самыхъ острововъ, гдѣ и теперь еще добывается оно. Правительство, сознавая огромную пользу, приносимую этимъ удобреніемъ, взяло эти драгоцѣнные острова подъ свое покровительство и никто не смѣлъ, подъ страхомъ смертной казни, вступать на нихъ безъ особенной нужды

или убивать птицъ, доставлявшихъ этотъ полезный продуктъ. Такая заботливость о земледѣліи напоминаетъ Китай, также какъ и способъ удобренія земли, методическому примѣненію котораго Китай обязанъ процвѣтаніемъ своего земледѣлія и густотою своего населенія. Также чрезвычайно напоминаетъ Китай еще слѣдующій перуанскій обычай: ежегодно, во время праздника, устраиваемаго близъ Куско, столицы, самъ Инка, полу-богъ, сынъ солнца, вооруженный золотымъ инструментомъ, вскапывалъ землю въ присутствіи всей своей семьи и подданныхъ.

Всего важнѣе, однако, было распредѣленіе въ Перу, соціально-необходимой работы. Перуанское общество раздѣлялось на руководящій классъ избранныхъ, господствующій надъ массою, и на пролетаріевъ, выполнявшихъ всю необходимую и тяжелую работу. При такой системѣ распредѣленія труда рабство было совсѣмъ не нужно, но за то все населеніе было порабощено въ большей или меньшей степени. Такъ какъ порабощеніе это касалось, главнымъ образомъ, мужской части населенія, то положеніе женщины, прирожденной рабы всѣхъ первобытныхъ или варварскихъ обществъ, было сравнительно болѣе сносное, но не такъ было всегда. Въ отдаленныхъ отъ столицы провинціяхъ все еще господствовали старинные нравы и земледѣльческія работы всецѣло возлагались на женщинъ; мужчины же оставались дома, чтобы прясть и чесать шерсть. Но это были только простые мѣстные пережитки; во всей же остальной странѣ замужнія женщины оставались дома и занимались пряжей и т. д. Работа эта была для нихъ обязательной и онѣ никогда не разставались со своими прялками, даже тогда, когда отправлялись изъ одной деревни въ другую. Женщины, принадлежащія къ нѣсколько болѣе высшему кругу, заставляли другихъ нести за собою свои прялки. Трудъ признавался долгомъ; всѣ женщины сознавали это и старались съ рвеніемъ выполнять свой долгъ. Даже во время посѣщеній другъ друга женщины всегда занимались работой; всѣ знали, что не слѣдуетъ терять времени и каждый по мѣрѣ силъ и возможности долженъ былъ исполнять соціальную работу. Такъ, напримѣръ, на стариковъ, болѣе или менѣе неспособныхъ уже ни къ какой работѣ, налагались разныя легкія обязанности; они должны были прогонять птицъ съ только-что засѣянныхъ полей и т. д. Но перуанская администрація, столь же предусмотрительная, какъ и деспотическая, остерегалась слишкомъ заваливать и изнурять работой своихъ рабочихъ, и дни отдыха были распредѣлены очень разумно, давая возможность рабочему населенію предаваться развлеченіямъ и отдыху. Въ каждомъ лунномъ мѣсяцѣ три дня

отводились для общественныхъ празднествъ, но въ эти дни сельскіе жители обязаны были являться въ городъ за инструкціями на всю слѣдующую недѣлю. Цѣлый штатъ чиновниковъ, отвѣтственныхъ передъ центральнымъ правительствомъ, обязанъ былъ наблюдать и руководить населеніемъ рабочихъ, причемъ эти чиновники образовывали настоящую административную іерархію и каждый изъ нихъ былъ главою какой-нибудь десятичной группы, состоявшей изъ 10, 50, 100, 1.000 и десятка тысячъ человѣкъ. Всѣ нити этой административной сѣти въ концѣ концовъ сходились вмѣстѣ, въ рукѣ верховнаго владыки, Инки.

При такой организаціи не могло быть, конечно, ни налоговъ, ни свободной промышленности, ни торговли; экономическій законъ предложенія и спроса, признающійся вездѣ неизбѣжнымъ, не существовалъ въ Перу, представлявшемъ ничто иное, какъ обширную мастерскую, управляемую предусмотрительными руководителями. Въ Перу существовали всѣ преимущества и всѣ неудобства, неизбѣжныя при такомъ строго коммунистическомъ режимѣ. Никто не пользовался свободой, но никто также не могъ опасаться того, что будетъ покинутъ на произволъ судьбы. Старики, вдовы и инвалиды—всѣ получали помощь. Пауперизмъ не существовалъ, не существовало и богатыхъ, за исключеніемъ семьи Инки. Личные участки земли обрабатывались даже въ отсутствіи своихъ владѣльцевъ, когда тѣ бывали заняты исполненіемъ какой-нибудь общественной работы; объ этомъ заботилась администрація, а огромные склады припасовъ въ общественныхъ магазинахъ устраняли всякую возможность голодовокъ.

Эта любопытная соціальная организація являлась точка въ точку реализаціей нѣкоторыхъ утопій, считающихся у насъ неосуществимыми. Нигдѣ подобный соціологическій экспериментъ не былъ примѣненъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ въ Перу, такъ какъ государство это имѣло, по крайней мѣрѣ, 800 миль въ длину. Въ прошломъ столѣтіи іезуиты попробовали было воспроизвести перуанскую организацію въ своихъ американскихъ миссіяхъ, въ особенности въ Парагваѣ. Они учредили родъ маленькихъ католическихъ Перу, но переняли одни только недостатки перуанской организаціи, увеличивъ религіозное рабство и обязанности. Въ такихъ миссіяхъ не могло быть и рѣчи объ индивидуальной свободѣ. Молодыхъ индѣйцевъ женили, лишь только они достигали соотвѣтствующаго возраста, совершенно такъ, какъ это дѣлали въ Перу. Съ восьми часовъ утра населеніе миссій распредѣлялось по мастерскимъ или работало въ полѣ подъ строгимъ надзоромъ надсмотрщиковъ, «коррежидоровъ». Женщинамъ каждую субботу

раздавалось извѣстное количество хлопка, которое онѣ должны были вернуть въ концѣ недѣли уже въ видѣ готовой пряжи. Къ этому порабощенію присоединялось еще и религіозное рабство. Въ святую пятницу индѣйцы должны были бичевать себя въ церкви, и дѣти обоего пола, съ терновыми вѣнками на головѣ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ должны были сохранять положенія распятаго Спасителя. Одинъ миссіонеръ, проѣзжавшій черезъ Парагвай, разсказываетъ по этому поводу, что это зрѣлище «вызвало у него слезы любви и благоговѣнія».

Разумѣется, при такомъ режимѣ индѣйцы, управляемые іезуитскими миссіями, очень мало развивались въ умственномъ отношеніи. По словамъ Бугенвилля, они вели совершенно механическое существованіе, не вѣдая удовольствій ни горя и умирали безъ сожалѣнія, чему легко можно повѣрить.

Изучая туземную Америку съ точки зрѣнія рабства, мы снова можемъ убѣдиться, что рабство не составляетъ необходимаго учрежденія; оно не существуетъ въ очень первобытныхъ обществахъ, гдѣ промышленность еще не пробовала насиловать природу и гдѣ средства къ существованію составляютъ, главнымъ образомъ, охота, рыбная ловля и сборъ плодовъ. Однако и въ этихъ первобытныхъ обществахъ все-таки бываетъ нужно исполненіе соціально-необходимой работы и эту работу возлагаютъ на женщинъ, прирожденныхъ рабовъ, непростительная вина которыхъ заключается именно въ томъ, что онѣ—существа наиболѣе слабыя.

При своемъ началѣ рабство имѣетъ временный и грубый характеръ. Плѣнныхъ женщинъ обращаютъ въ рабство и наложницъ; мужчинъ же заставляютъ работать прежде чѣмъ съѣсть ихъ, подвергнуть пыткѣ или продать. Рабство у американскихъ дикарей не выходитъ за предѣлы этой первой стадіи своей эволюціи. Дальнѣйшаго развитія рабство достигаетъ у націй, населяющихъ центральную Америку и уже вышедшихъ изъ состоянія первобытной дикости. Изъ этихъ націй, безспорно, Мексика и Перу наиболѣе интересны, но не въ равной степени. У мексиканскихъ ацтековъ мы видимъ, съ одной стороны, ужасно дикіе нравы, съ другой же—относительную цивилизацію. Тутъ существовало нѣчто въ родѣ компромисса между древнимъ соціальнымъ устройствомъ томисковъ и свирѣпостью ацтекскихъ завоевателей, неспособныхъ отказаться отъ каннибализма и потому придавшихъ ему религіозный характеръ. Рабство у ацтековъ имѣло, такимъ образомъ, двойное происхожденіе, и по тому оно отличалось, съ одной стороны, возмутительною жестокостью по отношенію къ плѣннымъ, и съ другой — мягкостью въ отношеніи къ домашнимъ рабамъ.

Притомъ у ацтековъ рабство не имѣло наслѣдственнаго характера, что, повидимому, указываетъ на его недавнее происхожденіе, но вообще относительно Америки можно сказать, что рабство у туземцевъ нигдѣ не достигало конечныхъ степеней своей эволюціи.

Въ Древнемъ Перу мы встрѣчаемъ уже совершенно иныя условія. Тамъ разрѣшена проблема соціальнаго труда безъ помощи рабства въ собственномъ смыслѣ этого слова, и мы видимъ осуществленіе утопіи, которую въ Европѣ считаютъ обыкновенно химеричной. Въ самомъ дѣлѣ, перуанское общество представляло большое коммунистическое государство, настолько централизованное, насколько это было возможно. Въ этой любопытной монархіи масса населенія, надъ которымъ господствовалъ Инка, сынъ солнца, и его очень многочисленная семья, существовалъ режимъ, напоминающій одновременно и казарму, и мастерскую. Руководство принадлежало исключительно верховной власти и всякая индивидуальная инициатива была устранена; правительство думало и дѣйствовало за всѣхъ, но управляло оно разумно и даже съ добротой.

Этотъ государственный коммунизмъ не лишенъ былъ преимуществъ. Въ Перу, какъ мы уже указывали, никто не былъ свободенъ, но никто не былъ покинутъ. Однако, эти преимущества возмѣщались весьма серьезными недостатками. Перуанскій режимъ упрекаютъ въ томъ, что онъ организовалъ застой и противился всякому прогрессу. Эти упреки не лишены основанія. Во всякомъ случая, такая организація не благопріятствуетъ перемѣнамъ, и чтобы сдѣлать возможною дальнѣйшую эволюцію такого общества, необходимо, чтобы извнѣ были нанесены удары и разбили бы форму, въ которую вылилось и застыло общество.

Безъ сомнѣнія, такой полуневольничій коммунизмъ, какой существовалъ въ Перу, представляетъ соціальную форму низшаго разряда. Но тотъ же самый упрекъ можно сдѣлать и индивидуализму, доведенному до крайности. Правда, перуанскій соціализмъ сковываетъ индивида, но, по крайней мѣрѣ, онъ удовлетворяетъ его главныя и наиболѣе настоятельныя потребности. Наоборотъ, крайній индивидуализмъ, реализированный, впрочемъ, въ Америкѣ только у туземцевъ на Огненной Землѣ, стоящихъ на самой низкой ступени развитія, совершенно отрицаетъ основныя свойства человѣческой природы, такъ какъ человѣкъ прежде всего общественное существо. Такой индивидуализмъ оставляетъ поле открытымъ для самой безпощадной конкурренціи, для самаго жестокаго эгоизма и совершенно замѣняетъ взаимопомощь взаимною борьбой. Формула его: «Каждый противъ всѣхъ и всѣ противъ каждаго». Безъ сомнѣнія, такой стѣснительный коммунистическій режимъ,

какой существовалъ въ Перу, не можетъ содѣйствовать прогрессу, но общество при немъ все-таки можетъ существовать, между тѣмъ какъ оно совершенно не можетъ существовать, когда царитъ разнузданный, безграничный индивидуализмъ и «большіе могутъ пожирать малыхъ». Задача заключается въ томъ, чтобы найти соціальную форму болѣе смѣшаннаго характера. Нельзя оспаривать у общества права и, пожалуй, даже обязанности, требовать отъ каждаго своего члена, чтобы онъ до нѣкоторой степени жертвовалъ своею индивидуальною свободой. Но жертва эта не должна переходить границъ, безусловно необходимыхъ для поддержанія и сохраненія въ должномъ порядкѣ соціальнаго организма. За этими предѣлами стѣсненія становятся уже тягостными и начинаютъ давить на членовъ общества, почему всякое общество, подъ страхомъ застоя и гибели, должно позаботиться объ обезпеченіи полной индивидуальной свободы своихъ членовъ, ограничиваясь лишь такими стѣсненіями, которыя безусловно необходимы для существованія общественнаго строя.

Глава VIII.

Рабство въ Полинезіи. — Новая Зеландія и ея классъ рабовъ. — Соціологическіе результаты положенія Полинезіи. — Военный каннибализмъ. — Невольничьи набѣги.—Торговля рабами.—Отсутствіе какихъ бы то ни было правъ у рабовъ.—Работа рабовъ.—Съѣдобные рабы.—«Священный» рабъ, предназначающійся для пировъ.—Похоронныя жертвоприношенія рабовъ.—Малочисленность рабовъ.—Полинезійская промышленность.—Земледѣліе.—Работы мужчинъ.—Тяжелый трудъ женщинъ.—Подчиненное положеніе женщинъ.—Полудикая Полинезія.—Каннибализмъ на пути къ исчезновенію.—Отсутствіе рабства на Маркизскихъ островахъ; крѣпостные.—Похоронныя жертвоприношенія плебеевъ. — Человѣческія жертвоприношенія.—Природа въ Полинезіи.—Презрѣніе полинезійцевъ къ труду.—Промышленныя касты въ Тонгѣ.—Земледѣліе.—Подчиненіе женщинъ.—Понятія о красотѣ въ Таити.—Тяжелый трудъ женщинъ изъ народа.—Фабрикація матерій изъ бумаги.—Работы мужчинъ.—Легкость существованія.—Эволюція рабства.

Несмотря на нѣкоторыя помѣси, полинезійская раса, населяющая острова, обнаруживаетъ большую однородность нравовъ, хотя вліяніе разобщенія сказывается тутъ сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и различные полинезійскіе архипелаги достигаютъ далеко не одинаковой степени цивилизаціи. Такъ, напримѣръ, въ Новой Зеландіи господствовали гораздо болѣе первобытные нравы, поэтому мы и начнемъ съ нея свое изслѣдованіе эволюціи полинезійскаго рабства.

Новая Зеландія была населена отдѣльными монархическими племенами, независимыми и часто враждовавшими другъ съ дру-

гомъ. Первые изслѣдователи различали въ Новой Зеландіи только два класса: прирожденныхъ аристократовъ, знать—«rangatiras», составляющую касту, къ которой принадлежали всѣ вожди—и народъ, состоящій изъ рабовъ. На самомъ дѣлѣ было не такъ. Положимъ, народъ въ Новой Зеландіи находился въ сильномъ порабощеніи, но все-таки тамъ были еще и настоящіе рабы, находящіеся совершенно во власти своихъ владѣльцевъ. Рабы эти, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, были военноплѣнными. Новозеландцы относились съ необыкновенною свирѣпостью къ побѣжденнымъ врагамъ и часто тутъ же на полѣ битвы пожирали ихъ и притомъ съ такою яростью, что разрѣзали на куски раненыхъ, даже не потрудившись раньше ихъ убыть. Однако, не всѣ плѣнные подвергались такой участи. Новозеландцы также производили невольничьи набѣги, и первымъ европейскимъ колонистамъ въ Новой Зеландіи пришлось однажды наблюдать, какъ побѣдители вели около двухъ тысячъ плѣнныхъ всякаго возраста и пола. Эти многочисленные плѣнные были затѣмъ распредѣлены между начальниками племени, но только между ними, и обращены въ рабство. Таково было происхожденіе настоящихъ рабовъ въ Новой Зеландіи. Классъ этихъ рабовъ пополнялся избыткомъ плѣнныхъ, тѣми изъ нихъ, которые уцѣлѣли и не были пожраны на мѣстѣ на полѣ битвы, изъ жадности и обжорства, или же изъ чувства мести. Новозеландскихъ рабовъ можно было покупать и продавать. За нихъ платили топорами, корзинами плодовъ и т. п. Рабы употреблялись, главнымъ образомъ, какъ вьючная скотина, такъ какъ ни одинъ вождь или знатный человѣкъ не согласился бы унизиться до того, чтобы нести хотя бы самую легкую ношу. Эти низкія обязанности предоставлены были рабамъ. Во время военныхъ экспедицій рабы сопровождали своихъ владѣльцевъ, несли за ними провизію или отправлялись за нею въ деревню, когда истощались всѣ запасы. По дорогѣ женщины-рабы также должны были заботиться о продовольствіи воиновъ, выкапывая корни съѣдобнаго папоротника. Въ этомъ отношеніи обязанность рабынь напоминаетъ тѣ обязанности, которыя исполняютъ австралійскія женщины.

Новозеландскіе рабы стояли внѣ обычнаго права, существующаго въ странѣ, и дѣти ихъ всегда оставались рабами, хотя бы и были дѣтьми вождя. Обычай дозволялъ вождямъ брать въ жены рабынь, такъ какъ вожди имѣли право дѣлать многое такое, чего не смѣли дѣлать простые смертные, для которыхъ такой неравный бракъ всегда имѣлъ очень дурныя послѣдствія, и каждый получалъ право грабить человѣка, унизившаго себя подобнымъ брачнымъ союзомъ.

Въ домѣ владѣльца рабы выполняли всѣ домашнія работы, преимущественно же кулинарныя. Затѣмъ они исполняли также земледѣльческія работы, такъ какъ вожди не могли принудить своихъ плебейскихъ подданныхъ воздѣлывать землю, потому что тѣ были обязаны только нести военную службу. Рабъ же былъ совершенно во власти своего господина, который пользовался надъ нимъ правомъ жизни и смерти, но между тѣмъ, по странному противорѣчію, отношенія между рабомъ и господиномъ не подчинялись никакому этикету. Въ Новой Зеландіи женщины-рабы занимались проституціей, отдаваясь иностранцамъ, и дѣлали это зачастую по приказанію и ради выгоды своихъ владѣльцевъ. Безправные рабы пользовались со стороны вождей еще меньшимъ вниманіемъ, нежели собаки, и не возбуждали къ себѣ никакого состраданія. Ихъ наказывали обыкновенно съ величайшею жестокостью и рабъ, уличенный въ воровствѣ, наказывался смертью, вслѣдъ за чѣмъ его съѣдали во время веселаго пира. Впрочемъ, въ Новой Зеландіи не надо было прибѣгать къ какому-нибудь предлогу, чтобы убить и съѣсть раба. Обыкновенно рабы доставлялись войной, а каждаго военноплѣннаго можно было убить и съѣсть тутъ же на полѣ битвы; если же находили нужнымъ пощадить его, то такой участи могли подвергнуть его позднѣе, когда вздумается, Этотъ обычай существовалъ даже въ первое время англійской колонизаціи Новой Зеландіи. Если какой-нибудь вождь принималъ друга, котораго хотѣлъ особенно почтить, то онъ убивалъ для него молодую рабыню и притомъ не первую попавшуюся, а наиболѣе любимую. Прежде чѣмъ убить ее, ее наряжали для торжества и совершали надъ нею церемонію посвященія, послѣ чего уже нельзя было пощадить ее, такъ какъ это считалось святотатствомъ.

Такіе дикіе обычаи, напоминающіе обычаи древнихъ мексиканцевъ, но еще болѣе жестокіе, кажутся почти невѣроятными и потому я привожу здѣсь слѣдующій фактъ: «Одинъ морякъ показалъ Уельду (бывшему сановнику новозеландской колоніи), въ Веллингтонѣ, представляющемъ великолѣпный городъ въ настоящее время, то мѣсто, гдѣ была убита одна изъ подобныхъ жертвъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Это была красивая молодая дѣвушка, которую хорошо знали всѣ моряки, находившіеся въ этомъ порту. Нѣкоторое время она была любовницей капитана одного купеческаго корабля и однажды этотъ капитанъ, съѣхавъ на берегъ съ частью экипажа, увидалъ ее въ праздничномъ нарядѣ, окруженную пирующими гостями. Оказалось, что владѣлецъ ея принималъ въ этотъ день гостей и она должна была служить угощеніемъ. Каменныя печи были уже растоплены для того, чтобы изжарить нѣж-

ные куски ея мяса, которыми хозяинъ намѣревался угостить своихъ гостей. Европейцы вмѣшались и предложили, какъ выкупъ, всѣ деньги и вещи, какія у нихъ были, но имъ отвѣчали, что это невозможно, такъ какъ она уже «посвящена» для пира. Даже боченокъ съ порохомъ, предметъ столь соблазнительный для туземцевъ, не могъ побѣдить ихъ упорства и они отказывались, говоря: «Вѣдь вамъ же сказали, что она посвящена», и ее ударили по затылку большимъ тяжелымъ ножомъ, который отдѣлилъ верхнюю часть черепа»...

Въ жертву приносились, большею частью, рабы женскаго пола и новозеландцамъ даже въ голову не приходило, что подобные поступки могутъ вызвать порицаніе, такъ что даже лучшіе изъ нихъ совершали ихъ съ полнымъ равнодушіемъ. Въ началѣ европейской колонизаціи одна изъ молодыхъ женщинъ, обреченная подобнымъ образомъ на смерть своимъ господиномъ, спокойно отправилась прощаться со знакомыми европейскими семьями. Иногда обреченныя жертвы искали спасенія въ бѣгствѣ и прятались въ лѣсу, но это бывало рѣдко. Всѣ эти ужасы совершались спокойно и самымъ невиннымъ образомъ, не мѣшая новозеландцамъ проявлять гуманныя чувства въ другихъ случаяхъ. Старики, напримѣръ, пользовались у нихъ большимъ вниманіемъ; имъ всегда уступали почетныя мѣста на пирахъ, совѣтахъ и различныхъ церемоніяхъ и нѣкоторые вожди содержали людей, принадлежащихъ къ простому народу, только потому, что они достигли преклоннаго возраста. Но вообще вожди и знатные люди презирали народъ, чернь. Они говорили, напримѣръ, первымъ колонистамъ, что европейское образованіе годится только для дѣтей вождя и совершенно безполезно для тѣхъ людей, которые никогда не могутъ имѣть собственности и слугъ и никогда не выйдутъ изъ своего низкаго положенія.

Рабство однако было плохо организовано въ Новой Зеландіи и не имѣло большого значенія. Рабами были только пощаженные на войнѣ плѣнные, исполнявшіе затѣмъ роль слугъ въ жилищѣ сильныхъ и знатныхъ. Въ дѣйствительности новозеландцы еще не чувствовали потребности въ образованіи многочисленнаго класса рабовъ, и они иногда ограничивались тѣмъ, что налагали номинальное рабство на побѣжденныя племена, приводя ихъ какъ бы въ крѣпостное состояніе и заставляя выплачивать себѣ оброкъ пищевыми продуктами. Это зависѣло отъ того, конечно, что жизнь новозеландцевъ была очень не сложна, и промышленность ограничивалась лишь изготовленіемъ пирогъ, оружія и утвари изъ дерева, базальта, нефрита и сѣтей для рыбной ловли и охоты. Мужчины исполняли сами большую часть этихъ работъ и были даже очень

*

искусными ремесленниками. Земледѣліе находилось еще въ зачаточномъ состояніи. Вся страна была необработана, за исключеніемъ маленькихъ участковъ полей, засаженныхъ большею частью сладкими пататами. Что же касается земледѣльческихъ орудій, то они отличались своею первобытностью. Промышленный и земледѣльческій трудъ раздѣленъ былъ между обоими полами. Мужчины должны были готовить оружіе, инструменты, лодки, но плетеніемъ корзинъ, веревокъ и т. д. мужчины и женщины занимались совмѣстно. Однако, задачи женщинъ были труднѣе. На нихъ налагалась обязанность собирать ракушки, игравшія такую важную роль въ пропитаніи народа, и женщины и молодыя дѣвушки ежедневно шли въ море, чтобы набрать ракушекъ у скалъ. Кромѣ того, всѣ земледѣльческія и огородническія работы были исключительно предоставлены женщинамъ и рабамъ. Миссіонеръ Марсденъ былъ однажды очень удивленъ, увидѣвъ, что жена Шонги, одного изъ главныхъ вождей, который пріобрѣлъ большую извѣстность со времени своего путешествія въ Англію, обработываетъ землю совмѣстно со своими слугами и подаетъ имъ въ этомъ примѣръ, несмотря на свою слѣпоту. Маленькая дочка этой принцессы сидѣла тутъ же, возлѣ полосы, которую обрабатывала ея мать.

Новозеландскія женщины держались мужчинами въ безусловномъ подчиненіи; отцы выдавали ихъ замужъ, не спрашивая ихъ никогда. Въ случаѣ вдовства жены вождей не смѣли вторично выходить замужъ, и если онѣ это дѣлали, то ихъ лишали всего ихъ имущества. Мужья же, наоборотъ, имѣли право брать наложницъ, когда вздумается; на эту роль преимущественно предназначались плѣнницы. Всѣ такіе факты, наблюдавшіеся много разъ, отчасти путешественниками, но преимущественно миссіонерами и колонистами, во многомъ напоминаютъ нравы негровъ папуасской расы, населяющихъ Меланезійскіе архипелаги. Въ Новой Зеландіи рабство явилось, главнымъ образомъ, результатомъ каннибальскихъ вкусовъ и потребностей. Военноплѣнныхъ щадили, чтобы потомъ, на досугѣ, съѣсть ихъ. Затѣмъ, въ ожиданіи этой участи, ихъ стали утилизировать для различныхъ полезныхъ работъ. Плѣнницы же, возведенныя въ рангъ наложницъ, надолго избавлялись отъ съѣденія. Наконецъ, наступало такое время, когда на раба стали смотрѣть, какъ на мѣновую цѣнность, предметъ торговли, который можно продать и купить. Къ этимъ дикимъ нравамъ примѣшалась религія, которая всегда приноравливается къ господствующимъ взглядамъ. Въ Новой Зеландіи она не только освятила обычай каннибализма на полѣ битвы, но даже оправдывала простое убійство раба ради кулинарныхъ цѣлей.

Новозеландскіе полинезійцы, очень интересные во многихъ отношеніяхъ, были, однако, наиболѣе дикими представителями своей расы, такъ какъ на другихъ архипелагахъ нравы уже болѣе или менѣе смягчились. Каннибализмъ еще существовалъ на Маркизскихъ островахъ и на островахъ Мореплавателей, но уже вездѣ въ другихъ мѣстахъ онъ имѣлъ лишь символическій религіозный характеръ. Впрочемъ, даже на Маркизскихъ островахъ и на архипелагѣ Мореплавателей уже исчезъ домашній кулинарный каннибализмъ, столь распространенный въ Новой Зеландіи ко времени англійской колонизаціи, когда жители Маркизскихъ островов уже начали стыдиться своихъ каннибальскихъ привычекъ и пристрастіе къ человѣческому мясу можно было встрѣтить у нихъ лишь у стариковъ, послѣднихъ представителей исчезающаго типа. Ненависть, мщеніе, опьяненіе борьбой были единственными побужденіями, заставлявшими иногда обезумѣвшихъ туземцевъ съѣдать куски мяса побѣжденнаго врага. Кромѣ того, рабство, повидимому, не существовало на Маркизскихъ островахъ. Какъ и въ Новой Зеландіи, маркизское общество распадалось на два класса: на классъ аристократіи, очень гордой и высокомѣрной, такъ-называемыхъ, «акаикосовъ» (akaïkis) и на чернь—«кикиносовъ» (kikinos). Эти послѣдніе находились въ полномъ порабощеніи и должны были падать ницъ при видѣ вождя, и пироги аристократовъ, встрѣчаясь съ пирогами кикиносовъ, не уклоняясь отъ своего пути, преспокойно топили ихъ, такъ какъ кикиносы не могли повернуть въ сторону, ибо должны были прежде всего бросать свои весла и повергаться ницъ, не смѣя сдѣлать ни одного движенія, чтобы избѣжать готовящейся имъ участи.

Но уничтоживъ каннибализмъ маркизцы все-таки не уничтожили человѣческихъ жертвоприношеній. Такія жертвоприношенія были обязательны въ случаѣ смерти вождя и, за неимѣніемъ рабовъ, приносили въ жертву кикиносовъ. Надо было принести въ жертву не менѣе двухъ человѣкъ, души которыхъ должны были доставить на тотъ свѣтъ, одна—поясъ покойника, другая же—голову кабана, составлявшую самое лакомое блюдо на похоронномъ торжествѣ. Эта голова, или, вѣрнѣе, ея двойникъ, предназначалась для подарка стражу нукагивскаго рая, помѣщавшагося, по понятіямъ туземцевъ, на чудномъ островѣ, посреди облаковъ. Церберъ, стоящій у вратъ этого рая, не приминулъ бы закрыть ихъ передъ носомъ новоприбывшаго, если бы онъ не умилостивилъ его раньше поднесеніемъ головы священнаго кабана. Кикиносы, приносимые въ жертву на похоронахъ, не всегда принадлежали къ племени умершаго. Очень часто отряды воиновъ, снаря-

женныхъ для этой цѣли, отправлялись съ цѣлью похитить людей изъ какого-нибудь сосѣдняго племени; они выслѣживали и подстерегали свою жертву, какъ искусные охотники, устраивая ловушки. Когда жертва попадалась въ нее, ее немедленно отводили въ «vahitapou»—мѣсто жертвоприношенія.

Такіе же точно нравы господствовали и на островахъ Мореплавателей, гдѣ существовалъ еще военный каннибализмъ, но пролетаріи обладали уже нѣкоторымъ чувствомъ гордости и служили изъ любви, а не за условленную плату. Во всѣхъ другихъ архипелагахъ каннибализмъ предковъ уже почти исчезъ, однако сохранились еще человѣческія жертвоприношенія и обыкновенно жертвами были люди изъ народа, на которыхъ указывали жрецы. Полинезійскіе боги оставались антропофагами гораздо дольше, чѣмъ ихъ служители, и чтобы добиться ихъ помощи или обезоружить ихъ гнѣвъ, необходимо было принести имъ въ даръ человѣческое тѣло. Весьма часто вожди и жрецы вступали между собою въ соглашеніе и прибѣгали къ этому способу, чтобы отдѣлаться отъ людей, которые имъ были почему-либо непріятны. На всѣхъ архипелагахъ плебеи питали къ своимъ вождямъ чувство суевѣрнаго поклоненія и покорно выполняли всѣ ихъ приказанія и желанія. Когда раздавались зловѣщіе звуки священнаго барабана, возвѣщавшіе, что боги требуютъ жертвы, эти послѣднія безпрекословно покорялись своей судьбѣ. Боги заявляли подобныя требованія при разныхъ обстоятельствахъ, то по случаю похоронъ вождя, причемъ если умиралъ знаменитый вождь, не было недостатка въ добровольныхъ жертвахъ, то по случаю объявленія войны, передъ битвой и т. п., по случаю какого-нибудь празднества, полученія дани отъ вассальныхъ острововъ, отмѣны табу и т. д. Плебеи были такъ хорошо выдрессированы въ послушаніи, что, получая объявленіе о томъ, что ихъ ожидаетъ насильственная смерть, они не позволяли себѣ ни малѣйшаго ропота и даже не пробовали избѣжать своей участи и отправлялись въ назначенное мѣсто, гдѣ спокойно ожидали, когда наступитъ часъ ихъ смерти, проводя иной разъ въ такомъ ожиданіи нѣсколько часовъ и даже дней. Жрецъ изрекъ приговоръ; онъ совѣщался съ богами и мысль объ ослушаніи никому не приходила въ голову. Разумѣется, такая абсолютная покорность низшихъ классовъ устраняла необходимость рабства, и, во время войнъ, которыя бывали очень часто, побѣжденныхъ щадили очень рѣдко. Всѣ плѣнные, безъ различія пола и возраста, убивались и головы ихъ подносились въ даръ богамъ. Иногда такимъ образомъ совершенно уничтожались цѣлые классы Рабочія руки

не были нужны, и люди не стѣснялись въ удовлетвореніи своего чувства мести.

Мать природа, какъ выражались въ прошломъ вѣкѣ, была не только благосклонна, но даже особенно предупредительна къ полинезійцамъ. Только въ Новой Зеландіи природа обнаруживала скупость, такъ какъ тамъ водилась только одна порода млекопитающихъ и въ особенности растительное царство было бѣдно растеніями, годными къ употребленію въ пищу. Поэтому-то новозеландцы были гораздо свирѣпѣе другихъ островитянъ. Богатство растительнаго царства, обиліе съѣдобныхъ растеній и плодовъ, которые даже не требовали никакой культуры и давали урожай въ изобиліи, оказывало благотворное вліяніе на характеръ полинезійцевъ, которые во многихъ случаяхъ поступали согласно съ евангельской моралью, не дѣлая большого различія между своимъ ближнимъ и собой и охотно дѣлясь съ нимъ съѣстными припасами, когда онъ нуждался. Но, конечно, такіе факты можно было наблюдать, главнымъ образомъ, лишь между людьми, принадлежащими къ одному и тому же классу, и знатные люди, не стѣсняясь, конфисковали въ свою пользу избранные запасы, а именно: мясо кабана, ѣсть которое было запрещено черни.

Полинезійцы, такимъ образомъ, не имѣли нужды добывать «въ потѣ лица» свой хлѣбъ, и таитяне отвѣчали слѣдующими словами на банальныя увѣщанія предполагаемыхъ европейскихъ цивилизаторовъ, убѣждавшихъ ихъ трудиться: «зачѣмъ намъ работать? Развѣ у насъ нѣтъ плодовъ хлѣбнаго дерева, кокосовъ и банановъ столько, сколько намъ нужно? Если вы работаете для того, чтобы имѣть красивую одежду и прекрасные корабли, то это ваше дѣло. Но мы, мы и такъ довольны тѣмъ, что имѣемъ». Такіе взгляды были распространены на всѣхъ этихъ благословенныхъ островахъ, на островахъ Таити, такъ и на Маркизскихъ, но преимущественно они существовали у людей, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ. Какъ бы ни было первобытно устроено общество, все-таки оно не можетъ существовать безъ извѣстной доли коллективныхъ усилій, необходимыхъ для удовлетворенія самыхъ неизбѣжныхъ потребностей этого общества, а иногда также и искусственныхъ потребностей, порожденныхъ соціальною же жизнью. Но эти потребности не могутъ быть удовлетворены безъ труда, и лишь только произошла дифференціація въ соціальномъ организмѣ, лишь только образовалась хоть какая-нибудь іерархія, — распредѣленіе необходимаго для поддержанія общества труда дѣлается тотчасъ же очень неравномѣрнымъ. Обыкновенно, всегда такъ бываетъ, что трудъ глав-

ною своею тяжестью обрушивается на слабыхъ и на низшихъ, на женщинъ и на чернь. То же самое произошло и въ томъ земномъ раѣ, который называется полинезійскимъ архипелагомъ. Вождямъ не нужно было работать, въ принципѣ все имъ принадлежало. Полинезійская поговорка гласитъ: «вождь не можетъ быть воромъ»; другими словами — ему все принадлежитъ и онъ имѣетъ право забирать себѣ все, что захочетъ. Если въ Таити вождь обращался къ кому-нибудь съ вопросомъ: «Кому принадлежитъ эта свинья, это дерево и т. д.», то владѣлецъ этихъ предметовъ отвѣчалъ: «тебѣ и мнѣ». Въ Таити знатные люди — «arii» — присваивали себѣ безъ всякаго стѣсненія большую часть урожая, принадлежавшаго низшимъ классамъ. Одинъ изъ такихъ знатныхъ господъ, убившій человѣка изъ народа, страшно разсердился, когда ему сказали, что въ Англіи его бы за это повѣсили. Привилегированнымъ классамъ на островахъ не о чемъ было, слѣдовательно, безпокоиться и незачѣмъ было утомлять себя работой, чтобы добыть средства къ жизни. Но низшіе классы находились въ другихъ условіяхъ, имъ надо было трудиться, и это вызвало образованіе промышленныхъ кастъ и наслѣдственныхъ профессій.

Въ Полинезіи женщины не подвергались такому дурному обращенію, какъ въ Астраліи. Оба пола танцовали и развлекались вмѣстѣ и мужчины не отказывались даже иногда помогать женщинамъ въ уходѣ за дѣтьми. Но подчиненіе женщины было все-таки велико и трудъ ихъ очень тяжелъ. Онѣ не имѣли права подходить къ своимъ мужьямъ и отцамъ во время обѣда и у нихъ была отдѣльная посуда для ѣды, которою мужчины не могли пользоваться, и даже кушанья для нихъ не могли приготовлять на одномъ и томъ же огнѣ. При такомъ взглядѣ на женщину ничего нѣтъ удивительнаго, что имъ часто приходилось переносить немилосердные побои и жестокое обращеніе отъ мужчины.

Понятія о красотѣ у таитянъ были совершенно такія же, какъ и у негровъ центральной Африки. Чтобы считаться красавицей, надо было быть очень толстой, и таитянки подвергались спеціальному режиму, чтобы растолстѣть; онѣ воздерживались отъ всякаго движенія и имъ дозволено было только ходить на рѣку для умыванія, причемъ ихъ усиленно кормили веществами, содержащими много крахмала. Прежде чѣмъ дозволить женщинамъ явиться въ публикѣ, мужчины подвергали ихъ осмотру. Если результатъ оказывался удовлетворительнымъ, такія женщины возбуждали всеобщее восхищеніе и молодые люди добивались ихъ благосклонности. Разумѣется, такому режиму подвергались только женщины высшихъ классовъ, такъ какъ женщины низшихъ классовъ должны были исполнять

разныя тяжелыя работы, быть носильщицами, собирать плоды хлѣбнаго дерева и приготовлять ихъ въ пищу, ловить рыбу, собирать ракушки, разбивать скорлупу орѣховъ и т. п. Съ большими усиліями онѣ разбивали плодъ пандануса, чтобы извлечь изъ него ядро, и если онѣ съѣдали хоть одно ядрышко, то ихъ за это нещадно били. Но самымъ главнымъ женскимъ ремесломъ было плетеніе цыновокъ и приготовленіе тканей изъ древесной коры нѣкоторыхъ деревьевъ. Это была продолжительная и трудная работа и, разъ начатая, она не могла быть прервана. Фабрикація этой ткани напоминала фабрикацію бумаги. Каждая семья имѣла отдѣльную хижину, служащую мастерской для приготовленія этихъ тканей и, кромѣ того, въ каждомъ округѣ были отдѣльныя большія зданія, гдѣ фабрикація производилась въ широкихъ размѣрахъ по случаю какого-нибудь праздника или визита какого-нибудь вождя. Тутъ приготовлялись куски тканей длиною иногда въ 600 или 700 футовъ. Женщины, занятыя этимъ дѣломъ, не могли уходить изъ мастерской, и мужчины иногда удостаивали приносить имъ провизію и даже стряпать для нихъ. Такъ какъ веселость составляла главную черту этой расы, то работницы пѣли и смѣялись во время работы, а когда былъ готовъ кусокъ матеріи, то тутъ же вокругъ мастерской затѣвалась пляска. Послѣ изготовленія ткани приступали къ ея окраскѣ, преимущественно въ красный или желтый цвѣтъ, для чего пользовались различными растительными соками, а чтобы сдѣлать на ткани узоръ, нажимали на нее, когда она была совсѣмъ еще мягкая, листьями, травой и т. п. предметами, пропитанными краской.

Жены вождей всегда предсѣдательствовали на этихъ работахъ и даже зачастую имѣли притязаніе считаться особенно искусными въ выдѣлкѣ драгоцѣнныхъ тканей. Мужчины никогда не вмѣшивались въ женскія работы и занимались исключительно только фабрикаціей оружія, сѣтей, удочекъ изъ перламутровыхъ раковинъ, постройкою пирогъ, хижинъ и т. д.; кромѣ того, они должны были заниматься военными упражненіями. Однако, всѣ эти занятія далеко не наполняли всей жизни, и у обоего пола оставалось еще много свободнаго времени, которое они и проводили въ пляскѣ, пѣніи, купаніи, плетеніи вѣнковъ и музыкальныхъ упражненіяхъ. Вообще, трудно было бы найти гдѣ-нибудь болѣе веселое и несложное существованіе, чѣмъ жизнь полонезійцевъ, и если бы они сами не портили этой идиллической картины разными ужасами, то жизнь ихъ можно было бы назвать вполнѣ счастливой, хотя, разумѣется, это счастье было довольно ограниченное, но въ своемъ родѣ могло быть полное и вполнѣ подходило бы къ характеру

полинезійцевъ, представляющихъ много сходства съ дѣтьми. Всѣ эти черты, приведенныя мною, не заключаютъ въ себѣ ничего новаго, но именно поэтому-то онѣ и представляютъ большой соціалогическій интересъ, такъ какъ подтверждаютъ еще разъ, что рабство вездѣ имѣло одинаковое происхожденіе и прошло черезъ приблизительно одинаковыя фазы развитія.

Цивилизація полинезійской расы, конечно, находилась еще въ зародышевомъ состояніи, но и тутъ уже можно было наблюдать различныя формы рабства на различныхъ архипелагахъ. Самая низшая форма существовала въ Новой Зеландіи, гдѣ земледѣліе было простымъ огородничествомъ. Такъ какъ первобытная культура растеній не требовала особенно большого труда, то женщины могли выполнять эту работу и не было надобности въ рабахъ; поэтому новозеландцы предпочитали убивать побѣжденнаго врага, съѣдая тутъ же на полѣ битвы его трепещущее мясо, нежели обращать его въ рабство. Такіе нравы, напоминающіе дикихъ звѣрей, встрѣчаются, повидимому, въ началѣ всѣхъ человѣческихъ обществъ, когда борьба за существованіе достигаетъ между первобытными классами особенной свирѣпости, но силою вещей, современемъ, нравы эти измѣняются и смягчаются. Послѣ счастливой битвы въ рукахъ побѣдителей оказывается плѣнныхъ больше, чѣмъ сколько они могутъ съѣсть на мѣстѣ. Вмѣсто того, чтобы убивать ихъ безъ всякой пользы, они уводятъ ихъ въ деревни, исключительно какъ запасный пищевой матеріалъ. Но пока наступитъ время употребить ихъ въ пищу, плѣнныхъ заставляютъ работать, возлагая на нихъ часть того тяжелаго труда, который, до появленія этихъ помощниковъ, выполнялся преимущественно женщинами. Такова зародышевая фаза рабства, она-то и существовала въ Новой Зеландіи. Впослѣдствіи рабъ превратился въ мѣновую цѣнность, потому что его можно было продать, и затѣмъ въ домашній скотъ, потому что онъ исполнялъ всѣ работы и, кромѣ того, представлялъ драгоцѣнный пищевой рессурсъ, такъ какъ раба можно было съѣсть во всякое время.

Другіе полинезійскіе архипелаги прошли уже эту первую фазу рабства, но и тамъ еще не образовался настоящій классъ рабовъ, какой мы находимъ въ болѣе цивилизованныхъ обществахъ, или же этотъ классъ въ Полинезіи существовалъ очень недолго. На Маркизскихъ, Сандвичевыхъ островахъ и островахъ Таити этотъ классъ замѣняли плебеи. Названіе этого класса мѣняется въ разныхъ мѣстахъ, но соціальное положеніе его вездѣ остается одинаковымъ. Благодаря существованію этого класса, рабство оказывается ненужнымъ, такъ какъ всѣ принадлежащіе къ этому классу и

все ихъ имущество находятся въ распоряженіи высшихъ, владѣющихъ не только землей, но безпредѣльно властвующихъ и надъ народомъ, обитающимъ на этой землѣ. Итакъ, въ Полинезіи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, рабство прошло черезъ слѣдующія фазы: въ первой—рабъ не что иное, какъ военноплѣнный, избѣжавшій съѣденія; во второй—мало развитой въ Полинезіи, уже происходитъ образованіе класса рабовъ; наконецъ, въ третьей—рабъ уже превращается въ крѣпостного. Такова, впрочемъ, лишь въ общихъ чертахъ эволюція рабства, но черты эти болѣе развиты и лучше организованы въ обществахъ, которыя намъ остается еще изучить въ слѣдующихъ главахъ.

Глава IX.

Рабство у народовъ монгольской расы.—Распредѣленіе монгольскихъ народовъ.—Номады и осѣдлые.—Рабство у номадовъ.—Женскій трудъ у киргизовъ.—Праздность мужчинъ,—Женскій трудъ у монголовъ.—Монархическій режимъ.—Притѣсненія крѣпостныхъ людьми благороднаго происхожденія.—Ламайское духовенство.—Похоронныя жертвоприношенія рабовъ.—Избіеніе военноплѣнныхъ. — Чингисханъ. — Рабство смягчаетъ свирѣпость. — Невольничьи набѣги туркменъ.—Караванъ плѣнныхъ. — Выкупъ и продажа плѣнныхъ. — Рабство въ Хивѣ и Бухарѣ.—Тибетъ съ точки зрѣнія рабства.—Обязательный трудъ. — Тяжесть женскаго труда. — Рабство въ Китаѣ. — Домашнее рабство. — Рабство прежнихъ временъ.—Прежнія права владѣльца.—Продажа дѣтей родителями.—Бракъ посредствомъ купли.—Подчиненіе и трудъ женщинъ.—Похищеніе и рабство.—Отношенія между господами и рабами.—Фиктивныя похоронныя жертвоприношенія рабовъ.—Ремесленный трудъ, свободные ремесленники.—Ремесленныя ассоціаціи.—Отсутствіе крупной промышленности.—Стачки.—Мелкая собственность и земледѣліе въ Китаѣ.—Рабство въ Японіи.—Похоронныя жертвоприношенія рабовъ.—Проституція дочерей.—Паріи.—Крѣпостничество и феодализмъ.—Эволюція рабства у желтыхъ расъ.

Настоящіе представители монгольской расы населяютъ большую часть азіатскаго континента, отъ Японіи и до Каспійскаго моря и отъ Тибета до арктическаго океана. Степень ихъ цивилизаціи весьма различна, начиная отъ самоѣдовъ, еще не вышедшихъ изъ каменнаго вѣка, до обитателей Китая и Японіи, достигшихъ сравнительно очень высокой цивилизаціи. Въ общемъ всѣ эти народы могутъ быть раздѣлены на кочевыхъ и осѣдлыхъ. Японцы, корейцы и китайцы составляютъ главную массу цивилизованныхъ и осѣдлыхъ монголовъ. Вся остальная часть монголовъ или монгольскихъ татаръ ведетъ пастушескій и кочевой образъ жизни, за исключеніемъ Хивы, Бухары и Тибета.

Они странствуютъ по обширныхъ равнинамъ къ сѣверу отъ Тибета и вокругъ Китая. Число ихъ не велико, всего какихъ-нибудь нѣсколько милліоновъ, сравнительно съ тѣмъ огромнымъ пространствомъ, на которомъ разсѣяны ихъ классы и племена. Земледѣліе у этихъ кочевыхъ народовъ представляетъ лишь второстепенное занятіе, вслѣдствіе чего неизбѣжный соціально-необходимый трудъ сравнительно легокъ. Всякій же ручной трудъ, кромѣ того, который требуется войной и охотой, ненавистенъ мужчинамъ монгольскаго племени, и волей-неволей вся тяжесть работы падаетъ на женщинъ и такіе порядки существуютъ во всей этой обширной области.

У киргизовъ женщины значительно превосходятъ мужчинъ, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается разныхъ полезныхъ искусствъ. Онѣ исполняютъ также разныя домашнія работы, ухаживаютъ за скотомъ, шьютъ и ткутъ, а также вышиваютъ шелками и золотомъ и т. п. У туркменъ кибитки всегда дѣлаются женщинами, за исключеніемъ деревянныхъ столбовъ, которые ихъ поддерживаютъ. По мнѣнію туркменъ, мужчина не долженъ трудиться, такъ какъ это унижаетъ его достоинство, и туркменъ дома не работаетъ, а если не отправляется на охоту или въ походъ, то занимается только чисткою своей лошади. Выполнивъ это, онъ съ спокойною совѣстью проводитъ время въ болтовнѣ съ сосѣдями, причемъ разговоръ большею частью касается лошадей, ихъ воспитанія, качествъ и т. п.

Въ западной Монголіи нравы такіе же. Забота о стадахъ всецѣло предоставлена женщинамъ и дѣтямъ. Мужчины страшно лѣнивы; они избѣгаютъ насколько возможно всякой ходьбы пѣшкомъ и всегда имѣютъ на готовѣ осѣдланную лошадь. Они разъѣзжаютъ въ гости, отъ кибитки къ кибиткѣ, и проводятъ время въ пріятныхъ разговорахъ. Такое же раздѣленіе труда существуетъ и у калмыковъ. Всѣ домашнія и другія работы лежатъ на женщинѣ, а мужчины проводятъ жизнь въ питьѣ чая или водки, игрѣ въ кости и т. п.

Но монгольскія и татарскія женщины—трудолюбивыя работницы и рѣдко подвергаются дурному обращенію; только остяки въ данномъ случаѣ составляютъ исключеніе и въ ихъ жилищахъ очень часто, среди ночи, раздаются крики истязуемыхъ женщинъ. У настоящихъ же монголовъ женщины не бываютъ особенно порабощены и не терпятъ особенныхъ притѣсненій. Онѣ пользуются большою независимостью и, благодаря своей дѣятельной жизни и отсутствію подавляющихъ условій, пріобрѣтаютъ болѣе увѣренную и энергическую осанку. Сильныя и трудолюбивыя, онѣ выполняютъ всякую работу безъ малѣйшаго ропота, и тата-

рамъ не нужны рабы. Дѣйствительно, у татаръ нѣтъ настоящаго организованнаго рабства, но зато существуютъ повинности, которыя лежатъ на простомъ народѣ, обязанномъ служить высшимъ классамъ. Обширныя татарскія степи раздѣлены на участки, принадлежащіе отдѣльнымъ этническимъ группамъ; границы этихъ участковъ строго опредѣлены и обитатели ихъ раздѣляются на господъ и слугъ. Руководящіе классы, къ которымъ причисляются князья, знать и духовенство, господствуютъ надъ народомъ, находящимся у нихъ въ полной зависимости и обязаннымъ платить имъ подати. Кромѣ того, низшій классъ обязанъ пасти стада, принадлежащія высшимъ классамъ. Высшіе классы пользуются огромными правами по отношенію къ низшимъ, даже правомъ жизни и смерти, но только верховный трибуналъ обязанъ бываетъ разсмотрѣть приговоръ надъ рабомъ, и если господинъ поступилъ несправедливо со своимъ рабомъ, то онъ, въ свою очередь, подвергается наказанію.

Въ обыденной жизни монгольскіе нравы представляютъ любопытную смѣсь добродушія и деспотизма. Слуги имѣютъ собственныя стада, и господа и рабы живутъ вмѣстѣ, занятія ихъ одинаковы, но господинъ, сидящій въ кибиткѣ рядомъ со своимъ слугой и мирно покуривающій вмѣстѣ съ нимъ, какъ съ равнымъ, можетъ во всякое время наказать его и заставить его терпѣть всевозможныя несправедливости и все это совершенно безнаказаннымъ образомъ. Для человѣка, принадлежащаго къ низшему классу, существуетъ только одинъ способъ избѣжать произвола, это—вступить въ религіозный орденъ, сдѣлаться ламой. Священное помазаніе обезоруживаетъ гражданскую власть, и лама, освобожденный отъ всякихъ податей, можетъ уйти за предѣлы родной страны и странствовать по всему монгольскому міру. Онъ даже самъ можетъ сдѣлаться господиномъ и властвовать надъ низшими, если только попадетъ въ ряды высшаго духовенства.

Если права аристократіи надъ жизнью и имуществомъ низшихъ классовъ уже довольно значительны, то права князей еще неограниченнѣе, о чемъ свидѣтельствуютъ похоронныя жертвоприношенія, принимавшія иногда размѣры настоящихъ человѣческихъ гекатомбъ. Марко Поло съ удивленіемъ говоритъ объ этихъ жертвоприношеніяхъ по случаю смерти кого-нибудь изъ князей. «Когда тѣло великаго «Хана» переносится на гору «Альчай»,— разсказываетъ Марко Поло,—то сопровождающіе его стрѣляютъ въ каждаго, кто попадется имъ на встрѣчу, приговаривая: «Ступай служить нашему господину на томъ свѣтѣ». Но ярость ихъ распространяется не только на людей, а также и на лошадей, которыхъ они убиваютъ при встрѣчѣ, тоже полагая, что эти убитыя

лошади отправятся служить на томъ свѣтѣ умершему князю. На похоронахъ великаго Хана Монгу солдаты, сопровождавшіе его тѣло, убили такимъ образомъ около 20.000 человѣкъ». Теперь уже не совершаются подобныя избіенія, но тѣмъ не менѣе обычай этотъ не совсѣмъ исчезъ. По словамъ отца Гюка, вмѣстѣ съ царственнымъ покойникомъ хоронятъ деньги, драгоцѣнные камни и царскія одежды. Кромѣ того, отравляютъ ртутью извѣстное число дѣтей обоего пола и трупы ихъ располагаютъ вокругъ покойника, помѣстивъ въ рукахъ каждаго изъ нихъ какіе-нибудь предметы: трубку, вѣеръ, кисетъ, съ которыми покойникъ не разставался при жизни. Позволительно думать, что эти похоронныя жертвы поставляются рабочимъ классомъ и преимущественно домашними слугами покойника, составляющими какъ бы его собственность. Впрочемъ, даже простые вожди какого-нибудь племени могутъ располагать какъ собственностью, такъ и личностью своихъ подданныхъ. Однако, крѣпостные слуги—одинаковой расы со своими господами и классъ этихъ слугъ восполняется самъ собою, а не военноплѣнными, какъ это наблюдается въ другихъ случаяхъ. Вообще татарскіе и монгольскіе народы щадятъ своихъ плѣнныхъ лишь въ томъ случаѣ, если намѣрены извлечь изъ нихъ какую-нибудь выгоду, продать ихъ или получить выкупъ. Чаще всего они убиваютъ ихъ тутъ же на мѣстѣ, какъ это дѣлалъ Чингисханъ, вѣроятно, руководствовавшійся въ этомъ случаѣ только обычаями и привычками своей расы. Монгольскій завоеватель истреблялъ обыкновенно все населеніе завоеванныхъ имъ городовъ и дѣлалъ исключеніе только для рабочихъ, занимающихся художественными ремеслами, которыхъ онъ дарилъ своимъ рабочимъ и ихъ женамъ. Современные монголы до сихъ поръ такъ поступаютъ и убиваютъ своихъ плѣнныхъ безъ различія пола и возраста. Только мысль о собственной выгодѣ можетъ удержать руку побѣдителя. Вотъ почему киргизы щадили своихъ плѣнныхъ; они могли продавать ихъ въ Хиву и Бухару. Туркмены въ особенности занимались этимъ прибыльнымъ дѣломъ и безпрестанно устраивали набѣги, преимущественно на персіянъ, ненависть къ которымъ имѣла отчасти религіозную подкладку. Туркмены сунниты, а персы—презрѣнные шіиты. Что же касается того, можно ли продавать магометанина, то, по словамъ туркменъ, тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго, такъ какъ даже священная книга Коранъ и та продается и даже одинъ изъ патріарховъ, Іосифъ, былъ проданъ. Успокоивъ свою совѣсть такими доводами, туркмены устраивали настоящую охоту за людьми, на морѣ и на сушѣ. Ихъ вооруженныя суда на Каспійскомъ морѣ обыскивали берега и ловили людей; но территоріальные набѣги были болѣе часты и

болѣе прибыльны. Такъ какъ у туркменъ господствовала въ нѣкоторомъ родѣ анархія, то такіе набѣги устраивались обыкновенно отдѣльными лицами, въ свою пользу, а не ради выгоды какого-нибудь князька, какъ это дѣлается въ центральной Африкѣ. Несчастные обитатели пограничныхъ персидскихъ деревень жили въ постоянномъ страхѣ, опасаясь за свою собственность и за самихъ себя. Другія туркменскія шайки занимались преимущественно грабежемъ каравановъ, и персы, на которыхъ было произведено нападеніе, рѣдко защищались и даже сами связывали себя по приказанію туркменъ, чтобы избѣжать смерти. Плѣнниковъ или привязывали къ хвосту лошади, или гнали ихъ точно стадо передъ собой. Для большей безопасности ихъ заковывали такъ, что каждый шагъ причинялъ имъ страданіе. Никто не обращалъ вниманія на ихъ слабость, на ихъ раны и ихъ заставляли идти цѣлыми днями. Кто не могъ слѣдовать, того убивали. На ночь ихъ приковывали посредствомъ желѣзнаго ошейника и цѣпи къ короткому столбу. Стариковъ часто тутъ же на мѣстѣ приносили въ жертву и эти избіенія совершались съ религіозною цѣлью. Такъ какъ несчастные были въ глазахъ туркменъ еретиками, то они и составляли очистительную жертву, приносимую Аллаху.

Вернувшись въ свой лагерь, грабители раздѣляли между собою все награбленное добро, движимую собственность, животныхъ и рабовъ и тщательно заботились о правильномъ дѣлежѣ. Плѣнные персіане служили для туркменъ изряднымъ источникомъ дохода и они рѣдко оставляли ихъ у себя, за исключеніемъ развѣ женщинъ, которыхъ они брали въ жены или дѣлали изъ нихъ наложницъ. Плѣнныхъ мужчинъ отдавали ихъ родственникамъ за уплату въ среднемъ около 50 червонцевъ. Во многихъ случаяхъ родственники плѣнныхъ торопились ихъ выкупать и сами отправлялись за ними къ туркменамъ. Много плѣнныхъ отправлялось форсированнымъ маршемъ въ Хиву и Бухару, на невольничьи рынки. Въ этихъ городахъ рабство было уже вполнѣ организовано и рабы должны были исполнять всѣ самыя тяжелыя работы. До завоеванія Россіей туркменскихъ степей, добычею туркменъ бывали порою русскіе матросы и русскіе рыбаки, попадавшіе въ руки пиратовъ Каспійскаго моря. Эти несчастные иногда въ теченіе нѣсколькихъ долгихъ лѣтъ собирали нужную для выкупа сумму, терпя лишенія и продавая потихоньку часть выдаваемой ими на руки провизіи и порою даже прибѣгая къ мелкому воровству для этой же цѣли.

Хива и Бухара, впрочемъ, только на половину татарскія государства и въ нихъ преобладаютъ арабскіе нравы. Страсть къ невольничьимъ набѣгамъ отчасти объясняется у туркменъ мусуль-

манскою религіей, поощряющей рабство невѣрныхъ и смотрящей на нихъ, какъ на законную добычу правовѣрныхъ. Въ общемъ татары и монголы отличаются грабительскими наклонностями и страстью къ наживѣ, но въ своихъ обществахъ, по большей части, они замѣнили рабство крѣпостнымъ состояніемъ. Быть можетъ, такой результатъ слѣдуетъ приписать вліянію ламайскаго буддизма, очень распространеннаго между этими народами.

Въ Тибетѣ мы находимъ два большихъ класса, одинъ занимается исключительно свѣтскими, мірскими дѣлами, другой — исключительно небесными; но гуманитарный духъ этого послѣдняго класса нравственно властвуетъ надъ первымъ. «Я не хочу ни преслѣдовать, ни притѣснять,—говорилъ Дебраджа, свѣтскій великій лама.—Согласно принципамъ нашей религіи, мы должны скорѣе лишать себя пищи и сна, нежели вредить кому бы то ни было». Такова теорія, но практика, конечно, можетъ быть другая. Очень трудно, разумѣется, воплощенному богу не быть деспотомъ, и вотъ какимъ образомъ вышеуказанное лицо формулировало свое всемогущество: «у насъ есть только одинъ непреложный законъ, заключающійся въ томъ, что ни одинъ изъ моихъ подданныхъ, на котораго я возложилъ какую-либо обязанность, не можетъ, пока живъ, отказаться отъ ея исполненія и не смѣетъ показаться мнѣ на глаза, не выполнивъ всѣхъ моихъ приказаній, если только я самъ не разрѣшу ему явиться». Это, безъ сомнѣнія, самая чистая доктрина абсолютной монархіи, какъ ее и должно понимать въ странѣ, гдѣ въ лицѣ одного и того же человѣка соединяются свѣтская и духовная власть и гдѣ это лицо является не только царемъ, но и воплощеніемъ верховнаго существа высшаго духа, управляющаго вселенной. При такой системѣ правящіе классы могутъ обходиться безъ рабовъ, такъ какъ по отношенію къ нимъ все населеніе находится въ положеніи рабовъ. Правительство является главнымъ собственникомъ и всѣ остальные владѣютъ отдѣльною собственностью только потому, что оно допускаетъ это, и оно по своему произволу налагаетъ тяжелыя работы и прибѣгаетъ къ реквизиціямъ.

Въ домашней жизни тибетцы и бутанцы сохранили еще старинныя привычки татаръ и главную часть тяжелыхъ работъ возлагаютъ на женщинъ. Климатъ Тибета довольно суровъ и въ горахъ разводятъ лишь небольшое число полезныхъ растеній, почти исключительно пшеницу, ячмень и горохъ; за исключеніемъ работъ во время жатвы, въ которыхъ удостоиваютъ принимать участіе и мужчины, всѣ остальныя сельскохозяйственныя работы исполняются однѣми женщинами. Домашнія работы, конечно, также выпадаютъ на долю женщинъ; въ особенности же трудна

обязанность носить воду, такъ какъ всѣ тибетскія деревни выстроены на склонахъ горъ, и за водой надо ходить въ глубокія долины. Женщины и дѣвушки носятъ воду въ длинныхъ и толстыхъ стволахъ бамбука, которые онѣ нагружаютъ себѣ на плечи; наиболѣе сильныя и мужественныя несутъ иногда сразу два такихъ ствола, но работа эта весьма тяжела.

Несмотря на свое гуманитарное направленіе и принципы, проповѣдующіе состраданіе, ламайскій буддизмъ не уничтожилъ эксплуатацію низшихъ классовъ привилегированнымъ меньшинствомъ и эксплуатацію женщинъ мужчинами. Общее крѣпостное состояніе замѣнило рабство и сдѣлало его ненужнымъ. Давленіе, тяготѣющее сверху, тѣмъ болѣе трудно свергнуть, что господа, эксплуатирующіе низшіе классы, приписываютъ себѣ сверхъестественныя права. Великій лама почти богъ, а высшее духовенство, окружающее его, стоитъ выше обыкновенной знати, и деспотизмъ тибетской теократіи давитъ гораздо болѣе тяжело, чѣмъ административный деспотизмъ Китайской имперіи, гдѣ ученые мандарины достигаютъ власти посредствомъ обыкновенныхъ свѣтскихъ экзаменовъ и конкурса.

Въ Китаѣ вообще рабство настолько не бросается въ глаза, оно настолько ограничено и носитъ такой семейный характеръ, что зачастую мало освѣдомленныя лица, даже побывавшія въ Китаѣ, утверждаютъ, что рабство тамъ неизвѣстно. На самомъ же дѣлѣ оно только мало развито и не даетъ повода къ слишкомъ вопіющимъ злоупотребленіямъ. Взглядъ, брошенный на оффиціальный списокъ плательщиковъ податей, достаточенъ, чтобы удостовѣриться въ существованіи порабощеннаго класса, такъ какъ всѣ люди, подлежащіе налогамъ, раздѣляются на двѣ категоріи: на «почтенныхъ» (honorables) и «презрѣнныхъ» (viles), въ разрядъ которыхъ зачисляются всѣ наемные слуги, куртизанки, актеры, актрисы и *рабы*.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Китаѣ не найдется ни одной богатой семьи, которая не владѣла бы, по крайней мѣрѣ, двадцатью рабами. Это составляетъ своего рода роскошь, льститъ тщеславію, такъ какъ въ сущности въ этомъ нѣтъ необходимости, потому что въ Китаѣ нѣтъ недостатка въ свободныхъ ремесленникахъ. Одинъ изъ императорскихъ указовъ даже обязываетъ чиновниковъ имѣть рабовъ, вѣроятно, для усиленія ихъ престижа. Но въ древности рабство въ Китаѣ было гораздо болѣе развито. Въ XII вѣкѣ въ Китаѣ существовали общественные рабы; это было военноплѣнные и люди, приговоренные къ рабству за извѣстные преступленія и проступки.

Въ настоящее время усиленная обработка земли въ Китаѣ составляетъ дѣло рукъ свободныхъ сельскихъ хозяевъ, но такъ было не всегда. Мелкая собственность также воздѣлывалась прежде рабами и согласно одному древнему указу (420 до Р. Х.) каждая семья, владѣющая землей, должна была имѣть восемь рабовъ обоего пола; мужчины воздѣлывали землю, а женщины должны были исполнять домашнія работы. Неженатому собственнику земли достаточно было четырехъ рабовъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ, арендованныхъ государствомъ, и гдѣ не хватало быковъ для полевыхъ работъ, вьючный скотъ замѣняли рабами, которыхъ, вѣроятно, впрягали въ плугъ, куда еще теперь впрягаютъ женщинъ. Слѣдуетъ прибавить, впрочемъ, что плугъ китайскій очень легокъ и что работа совершается на затопленныхъ рисовыхъ поляхъ. Въ наше время уже только одни богатые китайцы имѣютъ рабовъ и считаютъ своимъ долгомъ, выдавая своихъ дочерей замужъ, давать имъ въ приданое нѣсколько семействъ рабовъ.

Китайское рабство наслѣдственное и только во второмъ поколѣніи рабъ можетъ выкупить себя, если ему удавалось собрать для этого нужную сумму денегъ. Первобытное рабство имѣло очень суровый характеръ. Въ древнемъ Китаѣ владѣлецъ имѣлъ право жизни и смерти надъ своимъ рабомъ и даже могъ заставить рабыню ради своей выгоды сдѣлаться проституткой. Къ этимъ правамъ слѣдуетъ прибавить еще право превращать своихъ рабовъ въ евнуховъ. Въ настоящее время это послѣднее право осталось только у императора и императорскихъ принцевъ, вѣроятно, потому, что только они одни обладаютъ многочисленными гаремами. Современные китайскіе законы даже присуждаютъ къ вѣчному изгнанію и къ ста палочнымъ ударамъ всякое частное лицо, воспитавшее молодыхъ евнуховъ для своей личной службы.

Феодальное рабство встрѣчается въ настоящее время только въ Кореѣ. Тамъ существуетъ военная аристократія, въ рукахъ которой находится политическая власть; она владѣетъ наслѣдственными рабами, съ которыми должна бы обращаться по отечески, но которыхъ она можетъ бить сколько ей вздумается. Благороднымъ корейцамъ запрещено подъ страхомъ изгнанія убивать своихъ рабовъ. Если кто-либо ударилъ раба съ намѣреніемъ убить его, то вина считается болѣе тяжелой, такъ какъ это будетъ уже не простое убійство, а преднамѣренное. Рабъ, случайно убившій своего господина, приговаривается къ смерти черезъ удавленіе. и это же самое наказаніе присуждается въ томъ случаѣ, если рабъ ударилъ родителей своего господина. Въ китайскомъ законодательствѣ существуетъ много статей, налагающихъ

разныя наказанія на рабовъ, и между прочимъ за то, если они,—справедливо или нѣтъ,—осмѣлются обвинять въ чемъ-нибудь своего господина или его родственниковъ. Такая вопіющая несправедливость китайскихъ законовъ по отношенію къ рабамъ не мѣшаетъ однако китайскимъ оффиціальнымъ моралистамъ громко провозглашать врожденное равенство господина и раба. Напримѣръ, въ одномъ изъ эдиктовъ говорится: «Хотя люди рождаются въ различныхъ условіяхъ, одни рождаются благородными, другіе простолюдинами, но у всѣхъ природа одинаковая». Въ другомъ эдиктѣ сказано: «Что жъ? Развѣ этотъ рабъ не сынъ человѣка, а слѣдовательно, самъ человѣкъ... Бѣдность вынудила его родныхъ продать его тѣло». Въ дѣйствительности, несмотря на прекрасныя правила, продажа дѣтей ихъ родителями является одною изъ главныхъ причинъ рабства. Въ Небесной имперіи права отца семейства до сихъ поръ еще почти таковы, какъ были въ античномъ мірѣ, и законъ съ точки зрѣнія злоупотребленія отеческой властью ставитъ на одну доску сына, внука и раба. Въ Китаѣ, какъ и въ первобытномъ Римѣ, отецъ семейства имѣетъ право не принимать своего новорожденнаго ребенка, и въ такихъ случаяхъ ребенокъ можетъ быть убитъ или покинутъ, что обыкновенно равносильно смерти. Уже Марко Поло упоминаетъ объ этомъ обычаѣ, удержавшемся до нашего времени. «Король приказывалъ подбирать всѣхъ найденышей, число которыхъ иногда въ одинъ годъ достигало 20.000, и содержалъ ихъ на свой счетъ. Въ этой странѣ бѣдныя женщины сообща бросаютъ своихъ дѣтей, надѣясь, что кто-нибудь подберетъ ихъ и будетъ кормить. Король между тѣмъ раздаетъ этихъ найденышей богатымъ, чтобы они о нихъ заботились, и въ особенности такимъ, у которыхъ нѣтъ дѣтей, приказывая имъ усыновлять ихъ. Что касается тѣхъ, которые живутъ на его счетъ, то онъ ихъ впослѣдствіи женитъ и даетъ имъ средства къ жизни».

Если можно бросить новорожденнаго, то тѣмъ болѣе можно продать его, и потому продажа дѣтей представляетъ самое обычное явленіе въ Китаѣ, что подтверждаютъ миссіонеры заодно со всѣми путешественниками. Но, по всей вѣроятности, продавали не однихъ только новорожденныхъ, такъ какъ китайскіе законы, формально разрѣшающіе продажу дѣтей, требуютъ въ то же время, чтобы эта продажа совершалась съ ихъ согласія. Заручившись этимъ согласіемъ, мужчина можетъ продать не только своихъ дѣтей, но и своихъ младшихъ братьевъ, сестеръ, племянниковъ и племянницъ, свою вторую жену, своего внука и двоюроднаго брата. Законъ ставитъ только одно ограниченіе: тотъ, кто купилъ ре-

бенка, не имѣетъ права перепродавать его, но тутъ на помощь является экспортная торговля, и много молодыхъ дѣвушекъ покупаются подставными лицами и отправляются на Филиппинскіе острова къ креоламъ, которые обращаютъ ихъ въ служанокъ. Цѣны на этотъ живой товаръ подчиняются закону предложенія и спроса, такъ что во время войны и голода семьи, обремененныя большимъ количествомъ дѣтей, продаютъ ихъ часто просто за горсть риса. Впрочемъ, и бракъ въ Китаѣ представляетъ ничто иное, какъ покупку дѣвушки у ея родителей, и тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ красивыхъ дочерей, воспитанныхъ согласно китайской модѣ, извлекаютъ изъ этого большія выгоды. Молодая дѣвушка продается тому, кто больше дастъ, и ея мнѣнія даже не спрашиваютъ. Вообще, въ Китаѣ женщина ничто иное, какъ раба. Одинъ древній китайскій авторъ говоритъ: «Новобрачная должна быть въ домѣ тѣнью и эхомъ». Въ народныхъ классахъ женщины, конечно, завалены работой. Участь ихъ такъ тяжела, что самоубійство женщинъ представляетъ довольно обычное явленіе въ Китаѣ. «Мой старшій братъ,—сказалъ одинъ китаецъ мужу, который во время супружеской ссоры разбилъ чугунный горшокъ,—ты поступилъ очень глупо. Вмѣсто того, чтобы разбить горшокъ, ты бы лучше разбилъ голову своей женѣ; по крайней мѣрѣ, такимъ образомъ ты могъ бы быть увѣренъ, что въ твоемъ домѣ водворится миръ»—«Я уже думалъ объ этомъ,—отвѣчалъ мужъ,—но это была бы еще большая глупость, за двѣсти сатсковъ мнѣ починятъ мой чугунный горшокъ, но чтобы пріобрѣсти какую-нибудь женщину, я долженъ заплатить гораздо дороже».

Къ разнымъ законнымъ способамъ, посредствомъ которыхъ пополняется классъ рабовъ, надо еще прибавить разные незаконные способы, напр., похищеніе и продажа свободныхъ людей, захваченныхъ измѣнническимъ образомъ. Законы караютъ эти поступки, и обиліе всевозможныхъ наказаній, которыми переполнено китайское законодательство, указываетъ, что подобные поступки составляютъ весьма обычное явленіе. Мы имѣемъ мало свѣдѣній относительно того, въ какомъ положеніи находились рабы въ Китаѣ въ очень отдаленную эпоху, но обычай сжигать на могилѣ знатныхъ бумажныя модели, изображающія пажей и придворныхъ дамъ, заставляетъ предполагать, что въ Китаѣ въ древнія времена приносили въ жертву слугъ и рабовъ душамъ умершихъ знатныхъ людей, какъ это и до сихъ поръ еще практикуется у татарскихъ народовъ.

Ремесленныя и полевыя работы производятся въ Китаѣ свободными людьми, но, вѣроятно, въ прошломъ низшіе классы были гораздо болѣе порабощены, чѣмъ теперь, слѣды чего можно найти въ китайскомъ законодательствѣ. Вслѣдствіе того, что въ Китаѣ

еще очень силенъ духъ общины и очень развита склонность къ ассоціаціямъ, тамъ существуетъ множество ремесленныхъ корпорацій и цеховъ всякаго рода. Всѣ ремесла и профессіи организуются одинаковымъ образомъ и общественное мнѣніе не дѣлаетъ никакой разницы между тѣмъ, кто живетъ своимъ трудомъ, такъ что рабочій уважается не менѣе врача или какого-нибудь художника и заработная плата его бываетъ не меньше. Такъ какъ большихъ фабрикъ почти не существуетъ въ Китаѣ и орудія производства еще очень просты, то каждый рабочій обладаетъ всѣмъ, что ему нужно. Вообще, положеніе ремесленника въ Китаѣ было бы не слишкомъ дурно, еслибъ различныя причины не ухудшали его: тиранія корпорацій, добивающихся монополіи, голодовки, смуты и ожесточенная конкурренція, являющаяся результатомъ избытка населенія. Поэтому стачки составляютъ частое явленіе въ Китаѣ, и участники стачекъ обнаруживаютъ всегда удивительную энергію и героическое упорство и предпочитаютъ смерть уступкамъ.

Земледѣліе въ Китаѣ пользуется не только уваженіемъ, но прославляется всѣми способами. Ежегодно самъ императоръ въ столицѣ и губернаторы въ провинціяхъ справляютъ праздникъ земледѣлія, берясь за плугъ. Такой обычай принесъ свои плоды и почва Китая обрабатывается съ величайшею любовью и искусствомъ. Законъ поддерживаетъ и поощряетъ земледѣліе; онъ караетъ всякаго, кто оставляетъ свое поле необработаннымъ и пріобщаетъ къ воровству намѣренную потерю земледѣльческихъ орудій и порчу земледѣльческихъ продуктовъ.

Всѣ промышленные и земледѣльческіе классы по праву свободны, но на самомъ дѣлѣ, какъ и въ Тибетѣ и въ Индо-Китаѣ, обязаны исполнять разныя общественныя работы. Во время переѣзда одного посланника изъ Пекина въ Кантонъ по каналамъ, палками сгоняли прибрежныхъ крестьянъ, чтобы они тащили барку, на которой ѣхалъ посланникъ.

Вся эта организація въ Китаѣ составляетъ полную противоположность индивидуализму, но вполнѣ отвѣчаетъ политической доктринѣ, поставленной въ основу соціальнаго зданія, согласно которой императоръ является въ одно и то же время отцомъ и матерью имперіи. Въ XI вѣкѣ императоръ, соблазненный теоріями одного соціалиста Вангъ-нганъ-че, попробовалъ было ввести государственный соціализмъ, разумѣется, монархическій, въ своей имперіи. Онъ объявилъ землю собственностью государства и ежегодно раздавалъ всѣмъ семействамъ нужное количество зерна для посѣва. Это возбудило однако много возраженій и много злоупотребленій и въ концѣ концовъ реформа провалилась, т. е. государство отказалось отъ этой системы, главнымъ образомъ, впро-

чемъ, вслѣдствіе ожесточеннаго сопротивленія класса ученыхъ. Впрочемъ, оппозиція ученыхъ была вызвана не столько аграрною реформой, сколько намѣреніемъ императора измѣнить традиціонную форму экзаменовъ и комментаріи къ книгамъ, которыя считаются священными.

Въ Японіи императору удалось ввести много коренныхъ реформъ, не вызвавъ слишкомъ сильнаго сопротивленія, но политическая организація Японіи, по сравненію съ Китаемъ, болѣе недавняго происхожденія и, кромѣ того, японскій народъ, съ точки зрѣнія расы, не столь однороденъ, какъ китайскій. Японія заимствовала у Китая его цивилизацію, сохранивъ до послѣднихъ лѣтъ феодальный режимъ, отмѣненный въ Китаѣ съ учрежденіемъ мандарината. Въ японской исторіи ничего не говорится о рабствѣ, такъ какъ оно было, по всей вѣроятности, весьма ограничено и существовало лишь въ домахъ знатныхъ господъ. Въ одномъ повѣствованіи, относящемся къ началу прошлаго столѣтія, разсказывается о слугахъ, которые бросаются въ яму при закладкѣ зданія, строющагося ихъ господиномъ, и на нихъ воздвигается фундаментъ. Другіе же распарываютъ себѣ животъ, когда умираетъ ихъ господинъ. По всей вѣроятности, это были домашніе рабы. Извѣстно также, что въ древней Японіи закапывали живыми рабовъ въ могилу вмѣстѣ съ ихъ умершимъ господиномъ. Въ началѣ нашей эры императоръ Икуме-ири-бика, услышавъ однажды стоны этихъ несчастныхъ, рѣшилъ отмѣнить этотъ ужасный обычай. Чиновникъ, подавшій ему счастливую мысль замѣнять живыхъ жертвъ фарфоровыми куколками, былъ вознагражденъ за свою находчивость довольно курьезнымъ способомъ: онъ получилъ мѣсто директора погребальныхъ процессій.

Всѣ эти факты указываютъ, что въ Японіи рабство существовало и развивалось такъ же, какъ и вездѣ. Очевидно, право родителей, существующее и по сіе время, отдавать въ наемъ своихъ дочерей для проституціи, за извѣстное годовое вознагражденіе въ 100 или 200 фр., проистекаетъ также изъ первоначальнаго права продавать ихъ. Дѣти были собственностью родителей, и если случалось, что какая-нибудь молодая дѣвушка дѣлалась проституткой безъ разрѣшенія своихъ родителей, такъ сказать, за свой собственный счетъ, то ее наказывали плетью, въ отместку за то, что она лишила своихъ родителей дохода. Однако, въ Японіи уже не существовало класса рабовъ въ собственномъ смыслѣ этого слова и населеніе давно уже раздѣлялось на пять кастъ: 1) принцы; 2) благородные, но не титулованные (самураи); 3) ремесленники; 4) купцы и 5) ремесленники, занимающіеся такими профессіями, которыя считаются нечистыми, куда причислялись, между прочимъ,

и мясники. На еще болѣе низкой ступени находились такія презрѣнныя существа, какъ палачи, сводни, затѣмъ, нищіе, прокаженные, калѣки и, наконецъ, «Christaus» или потомки древнихъ христіанъ. Эти несчастные должны были ютиться въ особыхъ кварталахъ, родъ «гетто», и законъ ихъ игнорировалъ. На нихъ-то благородные японцы въ прежнія времена пробовали остріе своихъ сабель ради забавы.

Въ современную эпоху въ Японіи рабство замѣнено было крѣпостнымъ состояніемъ. На островахъ Ліу-Чу оно существовало во всей своей первобытной суровости. Тамъ земля составляла собственность короля и онъ раздавалъ ея продукты своимъ «самураямъ». Несчастные крѣпостные, обрабатывавшіе землю, доведены были до крайней нищеты и, несмотря на обильные урожаи, постоянно жили впроголодь.

Собственно въ Японіи нравы были нѣсколько болѣе гуманны. Несмотря на порабощенность японскаго крѣпостного крестьянина, оброкъ, который онъ долженъ былъ выплачивать, былъ установленъ опредѣленнымъ образомъ и не могъ измѣняться по произволу, а центральная власть строго карала всякія злоупотребленія и вымогательства знатныхъ. Въ настоящее время феодализмъ въ Японіи уже уничтоженъ, частью добровольно, частью же силой, и микадо соединяетъ въ своемъ лицѣ духовную и свѣтскую власть.

Японская промышленность до послѣдняго времени имѣла семейный характеръ; не было ни машинъ, ни большихъ фабрикъ, работа совершалась обыкновенно вокругъ домашняго очага и, конечно, женщины имѣли въ ней свою долю.

Мы видимъ, слѣдовательно, что у желтыхъ расъ, какъ и у черныхъ, наибольшая тяжесть соціально-необходимой работы, нужной для поддержанія болѣе или менѣе организованныхъ обществъ, ложилась на слабыхъ и безправныхъ, на женщинъ и рабовъ. У тѣхъ и у другихъ расъ рабство развивалось одинаково; повсюду его первоначальнымъ источникомъ была война и оно появлялось тотчасъ же, какъ только побѣдители нашли болѣе выгоднымъ для себя эксплуатировать побѣжденныхъ и продавать ихъ, вмѣсто того, чтобы убивать или съѣдать. Затѣмъ, мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ усложнялась соціальная организація, образовывался настоящій классъ рабовъ, пополняемый изъ разныхъ источниковъ. Всѣ эти крупные факты соціальной эволюціи пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе общій характеръ, по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся далѣе въ своемъ изслѣдованіи. У желтыхъ расъ мы могли прослѣдить эволюцію рабства гораздо далѣе, чѣмъ у негритянскихъ расъ. Желтая раса вообще болѣе развита; она раньше цивилизо-

валась и образовала болѣе сложныя общества, нежели негритянскія, и въ этихъ обществахъ рабство измѣнило свою форму. Вообще, за исключеніемъ монголоидовъ, находящихся на очень низкой ступени развитія, и наименѣе цивилизованныхъ полинезійцевъ, напримѣръ, новозеландцевъ, можно сказать, что монгольскіе народы, лишь только они нѣсколько цивилизовались, тотчасъ же обнаруживаютъ склонность къ облегченію суровости первоначальнаго рабства, и оно превращается въ большей или меньшей степени въ крѣпостное состояніе. Мало-по-малу, законъ начинаетъ оказывать нѣкоторое покровительство рабамъ, ихъ положеніе становится менѣе ужаснымъ и не столь безправнымъ, какъ прежде.

Таково измѣненіе первоначальной формы рабства въ Центральной Америкѣ, въ Индо-Китаѣ, у монголовъ, у номадовъ-татаръ, на Малайскомъ архипелагѣ, въ Китаѣ и во всѣхъ странахъ китайской цивилизаціи. Но въ этихъ послѣднихъ государствахъ, сравнительно очень цивилизованныхъ, эволюція рабства сдѣлала большой шагъ впередъ и народилась заработная плата, явившаяся естественнымъ послѣдствіемъ рабства и крѣпостного состоянія. Сначала господинъ, сохраняя всѣ свои права надъ рабомъ, нашелъ выгоднымъ для себя дать ему нѣкоторую свободу, т.-е. рабъ получилъ право работать и продавать себя подъ однимъ только условіемъ удѣлить часть барыша своему господину. Но многіе изъ такихъ рабовъ въ концѣ-концовъ сами выкупились на свободу или же были освобождены. Свободные, но лишенные средствъ къ жизни, они должны были поступать на службу къ тѣмъ, кто соглашался платить имъ за работу, однимъ словомъ, они сдѣлались ремесленниками. Изъ класса крѣпостныхъ вышли и другіе рабочіе, такъ какъ крѣпостной въ принципѣ былъ свободенъ и могъ располагать своимъ временемъ, подъ условіемъ лишь своевременной уплаты оброка. Мало-по-малу число этихъ ремесленниковъ, свободныхъ въ принципѣ, но вынужденныхъ ради того, чтобы жить, ежедневно отказываться отъ значительной доли своей свободы, очень возрасло, и въ странахъ болѣе цивилизованныхъ, какъ Китай и Японія, эти ремесленники составили цѣлый общественный классъ, образующій корпораціи, изъ котораго въ концѣ-концовъ выдѣлился новый классъ—классъ купцовъ, какъ только продукты производства пріобрѣли мѣновую цѣнность. Не смотря на то, что эта эволюція повела впослѣдствіи къ вопіющимъ злоупотребленіямъ, все-таки нельзя отрицать, что въ самомъ началѣ она носила несомнѣнно прогрессивный характеръ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВЪ КАЗАРМѢ.

(Изъ личныхъ наблюденій).

I.

Поколебался.

Презлое существо былъ Полупьяновъ. Насъ, молодыхъ солдатъ, отданныхъ ему въ обученіе, онъ немилосердно мучилъ. Бывало, разбудитъ онъ насъ еще задолго до того, какъ раздавалась обыкновенно команда, протяжнымъ гуломъ разносившаяся по всей казармѣ: «Вставай! Подымайсь!..»,—разбудитъ, и его, еще заспанное, непріятное, побитое оспой лицо, съ злыми, подслѣповатыми глазами, сейчасъ же наводило насъ на печальную мысль о предстоящей намъ страсти.

— Ну, живо! Чого тамъ... Вотъ я съ васъ повыбиваю домашнія макароны да вареники!—выкрикиваетъ онъ хриплымъ голосомъ, съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ.—Охарченко! Почисть пуговки на моемъ мундерѣ, да смотри... А ты, Коробка... Коробка!—повторяетъ онъ усиленнымъ крикомъ, не замѣчая съ его стороны достаточнаго вниманія къ своему ефрейторскому званію...—Я съ тобой говорю. Во хрунтъ!.. Ишь, лодырь. Я тоби учора приказувалъ онучи мнѣ помыть... Говори: что есть солдатъ?

— Солдатъ есть слуга царю,—отвѣчаетъ Коробка, живой солдатикъ съ блѣднымъ лицомъ, выражающимъ испугъ и недоумѣніе.

Онъ еще недавно изъ родной деревни; въ немъ живы впечатлѣнія прежней не солдатской жизни; онъ еще не оріентировался, не всмотрѣлся и не понялъ всего сложнаго и мудренаго для него казарменнаго обихода, который встрѣтилъ его въ первый же день прибытія въ полкъ такъ нерадушно, непривѣтливо: насмѣшки со стороны старыхъ солдатъ, опытныхъ, умудренныхъ, надъ его неуклюжими манерами, шапкой съ наушниками и широкими шальварами,—это обычный привѣтъ новобранцамъ.

— Что есть солдатъ?—не отстаетъ Полупьяновъ.

— Слуга царю,—безсознательно повторяетъ Коробка.

— Слыхалъ; дальше.

Коробка молчитъ.

— Галкинъ! Скажи ты ему, что есть солдатъ.

Галкинъ скороговоркой читаетъ нѣсколько строкъ, но на срединѣ останавливается и дальше не знаетъ.

Съ Коробки льется потъ. Слѣдуетъ «наставленіе»...

Всю эту сцену Полупьяновъ продѣлываетъ *такъ себѣ*, экспромтомъ, въ видѣ утренняго привѣтствія своимъ ученикамъ.

Рота только начинаетъ подыматься, а насъ «молодыхъ», въ числѣ восьми, Полупьяновъ вывелъ уже во дворъ въ 4 часа холоднаго апрѣльскаго утра.

— Стройся!.. Не разгуваривай... не ходи... Смотри: хрунтъ це святэ місто.

Начинается осмотръ. Полупьяновъ подходитъ къ каждому и впивается въ него, или, лучше сказать, во все его тѣло.

— Убери животъ,—командуетъ онъ правофланговому.—Терещенко, подверни носокъ.

— А ты, ты!—накидывается Полупьяновъ на Коробку,—опять повѣсилъ подбородокъ!—небольшое, но основательное внушеніе.

— На особыхъ правахъ!—обращаетъ онъ вниманіе и на меня,—подай правое ребро впередъ.

И т. д.

До 12-ти часовъ дня, когда барабанъ пробьетъ сборъ на обѣдъ, времени много. Энергичному и предпріимчивому человѣку, каковъ Полупьяновъ, можно въ такой промежутокъ времени довольно-таки насладиться. Но Полупьяновъ не такой человѣкъ, чтобы насытиться этимъ. За невниманіе во фронтѣ онъ обѣщаетъ намъ въ недалекомъ будущемъ, т. е. послѣ обѣда, многое-разное.

Полупьяновъ былъ не любимъ всей ротой, и старыми, и молодыми солдатами, за свой характеръ, льстивый и злобивый.

Но какъ *солдатъ*, онъ былъ образцовымъ. Онъ именно былъ солдатъ съ ногъ до головы. Фигура его, стройная и высокая, могла внушать столько же страха молодымъ, сколько выражала собою покорность безусловную передъ старшими.

«Не сдобровать Коробкѣ,—думаю я ночью, когда вся рота, подъ команду «ложись спать, не шуми», притихла.—Не сдобровать ему. Съѣстъ его Полупьяновъ. А жаль Коробку»...

Послѣ обѣда. Молодыхъ обучаютъ «словесности».

Дядьки излагаютъ нѣсколько разъ какое-нибудь правило или свѣдѣніе и заставляютъ «племяшей» повторять слышанное слово въ слово.

— Кто есть военный министръ?—вопрошаетъ учитель и самъ же отвѣчаетъ:—генералъ-адъютантъ Анохскій *).

— Ружье,—слышится въ другой группѣ,—Шиштымъ Берданъ **). Шиштымъ-де имя мастера, а Берданъ—хвамилія.

Въ нашей группѣ Полупьяновъ свирѣпствуетъ:

У Хазарезова, неряшливаго армянина, галстухъ свернулся на сторону. Быстрымъ движеніемъ правой руки учитель вноситъ поправку въ туалетъ Хазарезова.

— Кто есть русскій Царь?—спрашиваетъ онъ у него, не давъ ему еще опомниться.

— Не знаю,—просто отвѣчаетъ Хазарезовъ, у котораго слезы стоятъ въ глазахъ.

— Коробка, скажи ему!

— Сынцаревичъ Александра,—невпопадъ отвѣчаетъ Коробка.

Полупьяновъ свирѣпѣетъ...

Коробку уводятъ.

Казарма принимаетъ обычный видъ. Учителя приступили къ своимъ лекціямъ.

Въ группѣ, первой ко входу, учитель бьется съ слушателями, стараясь втолковать въ ихъ головы сущность солдатскаго долга. Но, видно, туго поддается ихъ память.

Рослый дѣтина-новобранецъ несетъ такую чушь, что учитель, суровый унтеръ-офицеръ, не можетъ сдержать улыбки.

Въ дверяхъ показывается ротный командиръ. Приходъ его не былъ предупрежденъ дежурнымъ по ротѣ.

Строго обходитъ онъ ротное помѣщеніе, останавливаясь у каждой группы.

— Полупьяновъ! А гдѣ же одинъ молодой? Кого нѣтъ?

— Коробки, ваше благородіе.

— Гдѣ жъ Коробка?

Полупьяновъ молчитъ.

— Хвораетъ, ваше благородіе,—выручаетъ его фельдфебель.

— Когда же онъ заболѣлъ? Отчего мнѣ дежурный не доложилъ при утреннемъ рапортѣ?

— Сейчасъ захворалъ, ваше благородіе, — путается фельдфебель.

— Какъ сейчасъ? Гдѣ онъ? Привести его ко мнѣ.

Полупьяновъ совершенно смущенъ.

Дня за два до этого происшествія, ротный командиръ, строгій

---

*) Ванновскій.

**) Системы Берданъ.

служака съ ногъ до головы, точно исполнявшій и требовавшій и отъ подчиненныхъ дисциплины и неотступленія отъ распоряженій начальства, отдалъ приказаніе: ни въ какомъ случаѣ не бить новобранцевъ, подкрѣпляя свои слова ссылкой на новый приказъ по войскамъ, по которому учитель, обучая новобранца, не смѣетъ подходить къ нему ближе, чѣмъ на три шага.

Привели Коробку.

— Чѣмъ ты боленъ?—спросилъ командиръ.

— Не могу знать, ваше благородіе.

— Врешь, говори правду,—обычно строгимъ и суровымъ голосомъ отрѣзалъ начальникъ.

— Ушибся, ваше благородіе,—нашелся Коробка.

— Когда, гдѣ ушибся?.. Фельдфебель! какъ ушибся Коробка?—спросилъ офицеръ, давно догадываясь, что отъ него что-то хотятъ скрыть.

Мало-по-малу овъ добирается до истины.

Фельдфебель получилъ строгій выговоръ, а Полупьяновъ былъ отправленъ подъ арестъ и представленъ къ разжалованію въ рядовые.

На другой день въ приказѣ по полку появилось распоряженіе, которымъ Полупьяновъ былъ лишенъ ефрейторскаго званія и ротному командиру предписывалось не давать ему въ обученіе новобранцевъ.

Это былъ необычайный случай. Весь полкъ говорилъ о немъ. Новобранцы подбодрились, неожиданно столкнувшись съ такимъ фактомъ правосудія, который, по ихъ мнѣнію, ставилъ ихъ, на будущее время, внѣ произвола дядекъ, унтеръ-офицеровъ и вообще стараго солдата.

— Нѣтъ теперь службы,—сокрушались старые солдаты;—какая это служба!?

Черезъ нѣсколько дней, отбывъ срокъ ареста, Полупьяновъ возвратился въ роту. Его узнать нельзя было, такъ онъ измѣнился. Онъ какъ-то осунулся, сгорбился, лицо его выражало тупое страданіе, точно въ теченіе пяти сутокъ онъ пережилъ тяжелую душевную невзгоду.

Въ немъ, очевидно, произошла какая-то перемѣна, ставшая мнѣ понятной спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ я увидѣлъ его возвратившимся изъ карцера.

Онъ затосковалъ, не будучи въ состояніи примириться съ новымъ порядкомъ вещей, видя въ немъ посягательство на весь его стройно сложившійся взглядъ на солдатскій режимъ. Онъ потерялъ почву: она куда-то ушла, ускользнула изъ подъ его ногъ. Это былъ для него ударъ, заставлявшій его скорбѣть и по временамъ своимъ растеряннымъ видомъ вызывать въ другихъ жалость.

Полупьяновъ былъ сбитъ съ той позиціи, на которой стоялъ, казалось, такъ прочно, такъ незыблимо, что это что-то новое, чего онъ не могъ уразумѣть своимъ забитымъ и озлобленнымъ умомъ, было для него несчастіемъ, поразившимъ его въ самую основу его солдатскаго міровоззрѣнія.

Полупьянова мучила новость его положенія, при которомъ онъ не смѣлъ учить. Онъ сильно запилъ, чуть было не попалъ подъ судъ, но потомъ какъ-то одумался и попросился въ денщики. Рота, т. е. строевая служба была теперь ему невыносима. Черезъ годъ онъ вышелъ въ запасъ арміи.

II.

Двѣ смерти.

Каждую весну пріѣзжали они къ намъ на югъ, эти бѣдные, больные офицеры. Ихъ прикомандировывали къ полкамъ, расположеннымъ на югѣ, изъ полковъ, квартирующихъ на сѣверѣ и внутри Россіи, для лѣченія «безъ несенія службы».

И вотъ пріѣзжали они съ ужаснымъ недугомъ, съ особеннымъ лихорадочно-знойнымъ блескомъ въ глазахъ и характернымъ румянцемъ на впалыхъ щекахъ,—пріѣзжали съ надеждами и умирали съ ними подъ плѣнительнымъ, лучезарнымъ небомъ, подъ плескъ и говоръ морской волны, подъ палящими лучами безстрастнаго солнца...

Одинокій, безъ родныхъ, друзей, безъ матеріальной поддержки, часто очень талантливый человѣкъ, сходитъ онъ въ могилу въ полномъ разцвѣтѣ юныхъ силъ, съ необъятнымъ стремленіемъ жить и съ устремленнымъ куда-то—Богъ вѣсть, куда—лихорадочнымъ взоромъ. Куда глядитъ онъ, о чемъ думаетъ въ эти тяжелыя минуты одиночества? Вспоминаетъ ли свое дѣтство, школьные годы, думаетъ ли о несчастной матери, малолѣтнихъ братьяхъ и сестрахъ, которыхъ онъ такъ любилъ и въ глазахъ которыхъ былъ чѣмъ-то въ родѣ героя?

Но скоро-скоро наступитъ конецъ и этимъ думамъ, и этимъ страстнымъ порывамъ. Неподвижно лежитъ онъ, безпомощно свѣсивъ тощія руки. Во всей, когда-то полной жизни фигурѣ, чуется теперь грустная безнадежность. Расширенные зрачки болѣзненно сосредоточенныхъ глазъ какъ будто устремились на далекую, милую родину, а на подушкахъ кровавыя пятна... Въ эти минуты тоскливаго, томительнаго одиночества какія картины встаютъ въ больномъ мозгу больного страдальца, сколько безъисходной, скорбной грусти въ покорномъ взглядѣ!

И вотъ кончены мука и жизнь. Онъ умеръ и лежитъ на столѣ. Нѣжно-женственное лицо, не смотря на мертвую блѣдность, и послѣ жизни сохранило все ту же печать спокойной грусти. Завтра унесутъ его на кладбище и схоронятъ на чужой землѣ. Ни одной слезы, ни единаго вздоха...

Медленно, торжественно, несутъ офицеры гробъ. Меланхолически звучитъ похоронная музыка полкового оркестра, шагъ за шагомъ движутся за гробомъ офицеры съ полуротой солдатъ...

Опустили гробъ и зарыли... Солдаты дали залпъ: послѣдняя военная почесть.

Успокой его, родная земля!..

Хоронили у насъ скоропостижно умершаго солдата Ярыгина. Пришелъ Ярыгинъ со стрѣльбы, взялся за разборку ружья, да вдругъ на полу-словѣ уронилъ его и хлопнулся головой объ острый косякъ кровати. Мгновеніе—и черное облако окутало душу, умъ замеръ отъ предсмертной тоски, и Ярыгина—какъ не бывало. Съ утра Ярыгинъ докладывалъ фельдфебелю: «Не здоровъ я, дяденька; будто какъ сердце стукаетъ шибко». Но фельдфебель не придалъ значенія этимъ словамъ, и Ярыгина не стало, а, между тѣмъ, это былъ образецъ высокой души. Когда глядишь на него, бывало, хочется еще глядѣть; когда слушаешь, хотѣлъ бы еще слушать. Смутно боишься, что вотъ Ярыгинъ отвернется и тебѣ нельзя будетъ смотрѣть въ его голубые, добрые-предобрые глаза; перестанетъ говорить—и тебѣ нечѣмъ будетъ тѣшить слуха.

Лучшій сказочникъ и пѣсенникъ, Ярыгинъ совершенно безсознательно привлекъ къ себѣ всѣхъ въ ротѣ. Голосъ его былъ необыкновенной чистоты и силы, безъ малѣйшей вибраціи; пѣлъ онъ съ вдохновеннымъ чувствомъ, передавая содержаніе пѣсенъ съ тѣмъ музыкальнымъ чутьемъ, знающимъ мѣру, которое свойственно лишь людямъ, не только даровитымъ, но и долго занимавшимся обработкой своего голоса. Это былъ самородный талантъ, не имѣвшій и понятія о школѣ или теоріи. Иногда въ свободные вечера сидитъ Ярыгинъ, читаетъ книжку, или бесѣдуетъ съ товарищами; потомъ вдругъ отложитъ книжку въ сторону, задумается, подопретъ голову рукой и заведетъ какую-нибудь пѣсню съ самой высокой ноты, зальется переливами, и огласится казарма чистыми, мелодичными, за сердце хватающими звуками то грустной, то залихватской, веселой пѣсни. Въ эти минуты не фельдфебель и не унтеръ-офицеры были хозяевами роты, а Ярыгинъ. «Горе выпѣваю», говоритъ онъ, бывало. Съ тѣхъ поръ ни разу мнѣ не удавалось слышать подобнаго пѣнія, ни разу не видѣлъ я на лицахъ пѣвцовъ того вдохновенія, какое ловилъ въ лицѣ и во всей фигурѣ Ярыгина.

Это была, несомнѣнно, артистическая душа и вмѣстѣ натура, умѣвшая сохранить въ своемъ внутреннемъ мірѣ разъ навсегда установившееся отношеніе къ людямъ и къ окружающимъ предметамъ. Ярыгина не трогала жизнь, не трогала среда; онъ былъ чистъ и ясенъ. Только временами замѣтишь, бывало, какъ на его лицо набѣжитъ облачко.

Кончилась эта прекрасная жизнь, кончилось и ея невѣдомое намъ горе...

Заказали Ярыгину сосновый гробъ, обмыли, одѣли, уложили. Забили гробъ, поставили на ротныя дроги и повезли на кладбище. И ему оказали военную почесть. Барабанщикъ и трубачъ замѣняли похоронную музыку.

— Ты куда? ты куда?...—жалобно спрашиваетъ труба.

— Въ таръ-та-ра-ры... въ таръ-та-ра-ры,—ожесточенно отвѣчаетъ барабанъ.

Скоро засыпали солдаты ярыгинскую могилу и грустно поплелись въ казармы. Даже старая ротная лошадь, какъ будто чуявшая невозвратимую потерю своихъ сослуживцевъ, даже и она плелась домой нехотя, медленнымъ, понурымъ шагомъ...

Успокой его, родная земля!...

III.

«Притворство имѣетъ».

Я думаю, рѣдко можно встрѣтить такого суроваго на видъ и въ то же время добродушнаго, почти мягкаго человѣка, какимъ былъ нашъ фельдфебель Пилипенко. Рота относилась къ нему съ уваженіемъ, почти граничащимъ съ любовью. Рослый, плотно и стройно сложенный, съ большими усищами, которымъ не одинъ прапорщикъ завидовалъ, прямымъ и открытымъ лицомъ, онъ при первомъ взглядѣ производилъ впечатлѣніе суроваго солдата, но стоило поближе всмотрѣться въ него, или только заговорить, чтобъ это впечатлѣніе мигомъ исчезало, и предъ вами стоялъ человѣкъ съ небольшими не то смѣющимися, не то просто добрыми, карими глазами, составлявшими глубокій контрастъ съ лицомъ и со всей его фигурой.

Пилипенко служилъ ужъ пятый годъ, т. е. «кончалъ курсъ наукъ», какъ онъ выражался, а выражаться онъ любилъ изысканно, вставляя въ рѣчь какія-нибудь «образованныя» слова, которыя Богъ знаетъ изъ какого кладезя мудрости онъ почерпалъ.

Была поздняя осень. Невылазная грязь стояла во дворѣ. Сѣялъ мелкій дождь и навѣвалъ тоску. Маленькая комната, въ которой

мы жили съ фельдфебелемъ, въ мезонинѣ надъ ротнымъ помѣщеніемъ, тускло освѣщалась небольшой жестяной лампочкой.

— Что, покоитесь?—обратился онъ ко мнѣ, войдя въ каморку.— Давайте-ка лучше чай пить. Это дѣло будетъ вульгарнѣй.

— Пожалуй,—отвѣтилъ я.

— Вотъ мы кликнемъ Евсеенко.

Черезъ нѣкоторое время появился Евсеенко—глупѣйшее созданіе — и, пыхтя и отдуваясь, поставилъ на столъ небольшой, пузатый самоваръ. Комната наполнилась шипѣньемъ, паромъ, и я понемногу сталъ оживать отъ своего полудремотнаго, тоскливаго настроенія.

— Ну, ты теперь ступай, если хочешь, а не хочешь, сиди, потомъ чаю выпьешь,—обратился фельдфебель къ своему денщику Евсеенко.

— Я піду,—отвѣтилъ послѣдній,—опосля приду.

Что за милый человѣкъ былъ этотъ денщикъ, или, какъ ихъ нѣкоторые называли у насъ, камчадалъ! Это было что-то беззавѣтно доброе, простое, быть можетъ, отъ глупости. Онъ чинилъ и стиралъ намъ бѣлье, убиралъ каморку, мылъ посуду, словомъ, не было дѣла, котораго бы не дѣлалъ для насъ Евсеенко, и находилъ еще время держать себя въ чистотѣ и другимъ помогать. Тому заштопаетъ мундиръ, тому сапоги вычиститъ, для другого въ лавочку сбѣгаетъ, или клубъ *), и все это дѣлалъ охотно, безъ принужденія, такъ, просто отъ доброты сердечной. Зато къ службѣ былъ положительно негоденъ, Онъ, кажется, органически не выносилъ муштровки, выучки, вообще солдатской науки, да и слабъ былъ очень. Иногда, глядя на его худенькое лицо, дивишься, бывало, гдѣ беретъ онъ силу такъ проворно двигаться и безъ устали работать.

— Вотъ вы все тужите,—говорилъ мнѣ Пилипенко, когда мы, по уходѣ денщика, усѣлись за чай.—Должно быть, хорошо вамъ было жить на волѣ. Конечно, дѣло господское. А вотъ намъ, мужикамъ, и здѣсь скверно, а какъ вспомнишь, что дома,—и того хуже... Бѣдность-то какая! Вотъ домой ѣздилъ въ запрошломъ году, такъ всѣ диву даются, что въ сапогахъ ходишь, а отецъ,

---

*) Солдатскій клубъ, или чайная, помѣщался во дворѣ казармъ, въ большой просторной залѣ. За ничтожную плату солдаты могли получать тамъ чай, сахаръ, хлѣбъ, кое-какую закуску и не болѣе одной рюмки водки въ день на человѣка. Клубъ устроенъ былъ командиромъ баталіона и взималъ такой процентъ прибыли, который покрывалъ расходы на топливо и прочее. Такіе «клубы» существуютъ теперь при всѣхъ отдѣльныхъ войсковыхъ частяхъ.

такъ тотъ прямо серчаетъ. «Твои дѣды, говоритъ, сапоговъ совсѣмъ не знали, въ лаптяхъ умѣли ходить, да Бога помнить, а ты, говоритъ, въ сапогахъ, да, не умывшись, лба не перекрестивши, табакъ куришь». Что говорить — отъ необразованія, единственно отъ этого порока, ну и, впрочемъ, сказать такъ надо, нашъ братъ-мужикъ страсть какъ разбалуется на службѣ. Другой такъ и вовсе къ деревнѣ не годится. Вы то возьмите: каждый день тебѣ щи съ мясомъ, каша, хлѣба—ѣшь не хочу, а работа солдатская все-жъ-таки не та, что мужицкая. Никакого равненія нѣтъ; а дома-то развѣ въ свѣтлый праздникъ, да и то не у всякаго щи съ говядиной.

— Что же, останетесь сверхъ срока?

— На вторительной-то? Нѣтъ, не останусь. На волю охота. Не дай Богъ, опять подъ судъ отдадутъ.

— Развѣ вы были подъ судомъ? Разскажите, Иванъ Андреевичъ.

Иванъ Андреевичъ налилъ намъ по третьему стакану, скрутилъ папиросу и, сильно затянувшись, не торопясь, сталъ разсказывать.

— Подъ судомъ-то я не былъ, да чуть не попалъ. Я раньше, до васъ, въ 10-й ротѣ былъ. Тогда еще капитанъ Т. поручикомъ былъ. Онъ меня и фельдфебелемъ сдѣлалъ. Лютъ я былъ на новобранцевъ, не такой, какъ теперь. Ну и то сказать: даромъ самъ не обижалъ и другимъ надъ ними воли не давалъ,—больше для страху. Вотъ разъ пригнали молодыхъ. Въ нашу роту 12 попали и все поляки, и ни одинъ по-русски не знаетъ. Лопочутъ что-то не то по нашему, не то по ихнему—я понятія не возьму. И промежъ нихъ одинъ маленькій, худой, на одну ногу хромаетъ. Я и говорю ротному: «В. б.! на что намъ такой солдатъ? Куда я съ нимъ? И маленькій—по ранжиру не выходитъ: его и въ 16-ю-то роту на лѣвый флангъ, а не то что въ 10-ю». «Что жъ, говоритъ, дѣлать. Полковникъ назначилъ. Можетъ, и выходится». Ну, знаете сами, служба. Ничего я не сказалъ. Такъ Троцикъ и остался у насъ въ ротѣ. Что мученія съ нимъ было, что смѣху... Ему что хочешь говори, а онъ только и знаетъ: «Цо... цо?..» Одну ногу за собой тянетъ, а самъ какъ-то все бокомъ, нѣтъ того, чтобы прямо ходить. Ну, только сказать: мученіе, болѣе ничего. Молодые всѣ ружейные пріемы дѣлаютъ, а Троцикъ, какъ былъ полякъ, такъ и есть. А ротный, одно слово—«выходится, говоритъ. Чтобъ у меня солдатъ былъ». Ну, какъ его, лодыря, выучить? Ну одначе, сталъ я во вниманіе брать: какая такая тому есть вина, что хромаетъ Троцикъ? Вотъ и сталъ замѣчать, пришелъ на замѣчаніе, что Троцикъ мой взаправду вовсе и не хромой, а одно только отъ него притворство. Ну, а впрочемъ, никому своего за-

мѣчанія не рекомендую, а такъ, самъ для себя. Сталъ я самъ биться съ нимъ. Что больше бьюсь, то больше думаю: «притворяется, польское дите». Ну, день прошелъ и другой также. Все равно, какъ дерево учи. Ну, думаю, Богъ Тройцу любитъ. Завтра лимъ я тебя выучу, лимъ нѣтъ. Ну, утромъ вышли молодые на ученье. Я съ Троцикомъ отдѣльно. «Троцикъ, не шкандыбай», кричу, «не волочи ногу», а онъ, вотъ какъ передъ Богомъ, пуще того хромаетъ. Злость меня взяла. Ничего не слышу, ничего не вижу, да какъ водворю ему...

Замолчалъ Пилипенко. Молчалъ и я.

— Что жъ дальше?—спросилъ я немного погодя.

— Дальше? А дальше только и было, что переименовали въ младшіе унтеръ-офицеры, да еще спасибо, что подъ судъ не отдали, перевели вотъ въ эту роту.

— Да какъ узнали-то?

— А узнали вотъ какъ. Я какъ въ азартъ пришелъ, такъ, прямо сказать, ничего не видѣлъ, а командиръ полка у воротъ стоялъ и все смотрѣлъ на ученье. Послѣ того Троцика увели въ лазаретъ, а меня командиръ арестовать велѣлъ. Ну, слава Богу, Троцикъ мой выздоровѣлъ, а то очень я боялся—не умеръ бы. Главный врачъ, сказывали, и тотъ не зналъ: жить ли ему, не то умереть. А много я въ ту пору помучился: все какъ-то не по себѣ мнѣ, пищи не принимаю, спать лягу—и сонъ нейдетъ...

— А все жъ-таки по моему вышло,—воскликнулъ онъ вдругъ, оживляясь.

— Что по вашему вышло?

— А то, что Троцикъ притворство имѣлъ. Главный-то врачъ самъ изъ поляковъ, такъ онъ ихняго брата знаетъ. Такъ ли, этакъ ли, а и онъ смекнулъ, что хромота эта—одно ослѣпленіе: кости цѣлы, ноги ровны. Вотъ разъ и приходитъ, днемъ этакъ, не въ очередь, и говоритъ по ихнему, по-польски: «Троцикъ, ступай! Я тебя увольняю». А Троцикъ вскочилъ съ койки, да въ ноги врачу. А врачъ и говоритъ: «Богъ съ тобой, говоритъ, ступай». Троцикъ, какъ былъ въ халатѣ лазаретномъ, такъ и подался бѣжать—и совсѣмъ не хромаетъ. Ну, тутъ его, обыкновенно, въ роту—и выучили... Посмотрите, солдатъ какой!...

— А вотъ вы мнѣ что скажите, Иванъ Андреевичъ! часты ли бываютъ случаи подобнаго притворства?

— Бываютъ. Мало ли дряни въ полкъ приходитъ? Одинъ глазъ портитъ, другой рану на ногѣ глубже ковыряетъ, всякой дрянью посыпаетъ, и все больше городскіе, а то бываетъ и такъ, что больной онъ, а не сидится ему въ лазаретѣ, въ роту просится,

плачетъ. Да вотъ сами знаете, Телебня, онъ еще, кажется, съ вашего году.

Это была правда. Высокій, здоровый новобранецъ Телебня находился въ глазной палатѣ. Однажды, при входѣ врача, онъ быстро подошелъ къ нему и взмолился: «ваше в—діе! Явить таку божецку мілость: выпішить міні у роту».—Какже я тебя выпишу?—удивился врачъ.—Ты вѣдь боленъ. Да что тебѣ въ ротѣ лучше, чѣмъ здѣсь?

— И, и, в. в., лучше: тамотко и борщъ, и каша, и товарищи, и уружейны пріемы... Выпішить, в. в., явить таку начальніцку власть...

Да, бываютъ и такіе экземпляры.

IV.

Двухсердечный.

Сегодня нашъ полкъ прибылъ въ уже сформированный, заселенный лагерь. Выдержавъ трехсуточную морскую бурю, казалось, что и на сушѣ покачиваетъ.

Ну, и трепало же насъ! Весь почти полкъ поголовно лежалъ пластомъ. Морской валъ заливалъ палубу, скрипѣли снасти, суетливо носилась по пароходу прислуга. Страшный, зловѣщій шумъ взбунтовавшейся стихіи мрачно вторилъ общему спецефически-болѣзненному и угнетенному состоянію пассажировъ. Оханья и стоны довершали картину. Офицеры смѣшались съ солдатами. Всякій старался найти мѣстечко на загроможденной палубѣ.

Но никто на пароходѣ не умеръ, а всѣхъ насъ преблагополучно выгрузили на портовый берегъ, дали передохнуть съ полчаса и подъ звуки скораго марша, держась направленія главныхъ, многолюдныхъ улицъ города С., вывели за городъ въ общедивизіонный лагерный сборъ.

Къ вечеру нашъ полкъ заполнилъ оставленное для него мѣсто. Бѣлыя, чистыя палатки стройно стали въ рядъ по плану, строго преслѣдующему единство и порядокъ, такъ что съ любой возвышенности можно видѣть, какъ въ одной стройной линіи расположились палатки солдатъ, офицеровъ, командира полка, лазарета и т. д.

Только на заднемъ редантѣ суетились до поздней ночи солдатскія жены. Землянки—норы, выкопанныя въ прошломъ году, пришли въ упадокъ. Стѣны осыпались, входное отверстіе пришлось отрывать; только единственное маленькое оконце въ земляномъ потолкѣ, благодаря предусмотрительности деревенскихъ бабъ, ежегодно кочующихъ за своими мужьями, сохранилось въ цѣлости.

*

Наконецъ, и здѣсь все устроилось, все пришло въ нормальный видъ.

Наступила темная августовская ночь. Барабаны забили на молитву. Гулъ десятка тысячъ голосовъ пѣхоты и артиллеріи производилъ въ надвигавшейся ночи какое-то грустное и въ то же время таинственное впечатлѣніе, и, долго послѣ окончанія молитвы, звучалъ еще эхомъ въ далекихъ горахъ. Послѣ трехдневнаго утомительнаго переѣзда и еще болѣе безпокойно проведеннаго дня, солдаты, какъ легли, такъ мгновенно и отдались крѣпкому, здоровому сну.

Мнѣ не спалось. Я вышелъ изъ палатки. Густая, черная тьма нависла надъ бѣлымъ городомъ. Чуть можно было разглядѣть сосѣднія палатки съ неясно выдѣлявшимися очертаніями. Въ воздухѣ было тихо, душно. Лишь изрѣдка пробѣгалъ трепетный шумъ отъ шелеста холщевыхъ домовъ, и опять все погружалось въ мертвенную тишину. Охваченный безмолвіемъ темной ночи, я стоялъ неподвижно, весь отдавшись мечтамъ.

Вдругъ мои глаза поражены были видомъ взвившейся въ темнотѣ яркой ракеты, высоко разсыпавшейся съ трескомъ, подобнымъ ружейному выстрѣлу. Не успѣло еще вслѣдъ затѣмъ остынуть впечатлѣніе отъ оглушительно раздавшагося въ ночной тишинѣ пушечнаго удара, какъ чей-то повелительный голосъ отчетливо прозвучалъ: «Барабанщики! На тревогу!» Я уже зналъ, что такое тревога. И мнѣ все-таки стало жутко. При подобной исключительной обстановкѣ мнѣ не приходилось ее видѣть, и она получила въ моихъ глазахъ нѣчто своеобразное, почти таинственное...

По всей передней лагерной линіи трещатъ барабаны. Испуганные не обычнымъ ночнымъ шумомъ, бродячія собаки, привлекаемыя въ лагерь многочисленными съѣдобными отбросами, подняли протяжный отчаянный вой. Солдатскія жены и дѣти, на заднемъ редантѣ, вообразивъ, что мужей гонятъ на войну, вторятъ имъ плачемъ на голосъ и причитаютъ. Въ лагерѣ давка, толкотня. Прерывисто дыша, запыхавшіеся, вспотѣвшіе солдаты бѣгутъ, какъ попало, ищутъ своихъ частей и, не находя, попадаютъ въ чужія. Кто на ходу скатываетъ шинель, кто бѣжитъ на босу ногу, держа въ рукахъ сапоги. Въ темнотѣ звенятъ орудія, ржутъ лошади. Люди спотыкаются, падаютъ, толкаютъ другъ друга, ругаются... Скрещенныя ружья издаютъ лязгъ и настроенное воображеніе невольно рисуетъ картины сраженія, кровопролитія, стоны раненыхъ и всѣ ужасы войны... Всѣ стараются, изъ силъ лѣзутъ, чтобъ скорѣе выстроиться первыми. Суета, давка...

Но не прошло и пяти минутъ, какъ полкъ занялъ уже свое

мѣсто въ дивизіи, позади которой помѣстилась артиллерійская бригада. Загремѣла музыка походный воинственный маршъ, и въ ночную тишину ворвался топотъ многотысячной массы солдатъ.

Идешь и знаешь, что это красивая игра, что это примѣръ, наука, а не дѣйствительность, а все-таки... не то, что страшно, а какъ-то именно жутко.

Отрядъ, въ которомъ я находился, пройдя верстъ пять, получилъ приказаніе расположиться бивуакомъ въ небольшой низменности, въ недальнемъ разстояніи отъ чистой, ключевой воды. Не смотря на степной характеръ мѣстности и ночную тьму, откуда-то, съ быстротой, свойственной солдату легко оріентироваться въ незнакомой мѣстности, появились хворостъ и щепки, и поле озарилось въ нѣсколькихъ пунктахъ яркимъ пламенемъ.

Когда я проснулся на другое утро, чуть забрезжила заря. Первое, что я увидѣлъ, былъ высокаго роста еврей, стоявшій посреди бахчи, которой ночью я не замѣтилъ. Его глаза и лицо выражали столько печали, что я приподнялся на колѣни, чтобы увидѣть предметъ, такъ его огорчившій. Оказалось, мы расположились на ночлегъ на рубежѣ самой бахчи, обильно усѣянной громадными арбузами, потребленными за ночь солдатами. Тамъ и сямъ были во множествѣ разбросаны арбузныя корки. Постоялъ, постоялъ еврей, грустно покачалъ головой, укоризненно взглянулъ въ сторону богатырскимъ сномъ спавшихъ солдатъ и скрылся.

Къ полудню мы возвратились въ лагерь и въ награду за расторопность и молодечество получили право отдыха до слѣдующаго утра. Воспользовавшись свободнымъ временемъ, я направился вдоль лагеря. Думалъ, не встрѣчу ли земляковъ, или просто знакомыхъ, что не рѣдко бываетъ среди такой громадной людской массы.

Былъ яркій, солнечный день, но не было жарко. Что то разнѣживающее было въ самомъ воздухѣ, въ легкомъ дыханіи слабаго вѣтерка съ моря. Дышалось широко и вольно. Да и лагерь имѣлъ праздничный видъ. Кое-гдѣ группами мирно расхаживали солдаты, кое-гдѣ сидѣли и вели не шумный, не торопливый разговоръ.

Къ помѣщенію полковой канцеляріи подъѣхалъ на гнѣдой крупной лошади высокій, статный офицеръ въ бѣломъ кителѣ. Онъ легко спрыгнулъ съ коня и, бросивъ поводья, увѣренно и твердо ступая, вошелъ въ канцелярію. Это былъ полковой адъютантъ, поручикъ фонъ-Штейнъ, котораго солдаты передѣлали въ Винштилева.

Фонъ-Штейнъ! При одномъ этомъ имени солдаты трепетали. Это была гроза полка. Не было ни одного солдата, который бы не боялся и въ то же время не питалъ уваженія къ нему; не было ни одного офицера, который бы не цѣнилъ его ума, его знаній,

не завидовалъ его умѣнью внушить солдату сразу, при одномъ лишь взглядѣ сѣрыхъ, стальныхъ глазъ, трепетное повиновеніе. За то не было въ полку и человѣка, который любилъ бы и симпатизировалъ фонъ-Штейну.

Былъ ли это по натурѣ злой человѣкъ? Казалось, онъ жилъ ненавистью, черпалъ въ ней свою силу, свой умъ. Энергичный и дѣльный, обладавшій не дюжинными познаніями, съ желѣзнымъ характеромъ и сильной волею, онъ презиралъ людей и это сказывалось въ его неизмѣнно пренебрежительномъ и часто грубомъ отношеніи къ офицерамъ, не только младшимъ, но случалось и старшимъ. Въ его рукахъ какъ бы сосредоточивалось все управленіе полкомъ. Онъ былъ ближайшимъ совѣтникомъ и довѣреннымъ лицомъ полковника, который не могъ ступить шагу безъ фонъ-Штейна. Не разъ порывался онъ сбросить съ себя это иго, но страхъ очутиться среди сложныхъ полковыхъ дѣлъ безъ такого умѣлаго и способнаго офицера деморализировалъ это желаніе мягкаго и добраго, но безхарактернаго и нерѣшительнаго полковника.

Фонъ-Штейнъ всегда былъ угрюмъ и серьезенъ. На лицѣ его видна была работа мысли..Странно! Казалось бы, такому человѣку должна была быть чуждой грубость, рѣзкость, часто не человѣчное, лишенное гуманности отношеніе къ людямъ... И однако, это было такъ. Гордый, неприступный, онъ не сходился ни съ кѣмъ изъ офицеровъ полка, не посѣщалъ собраній, на которыхъ молодежь предавалась невиннымъ развлеченіямъ. Все свое свободное время онъ отдавалъ книгамъ историческаго и философскаго содержанія и спеціально изучалъ высшую математику.

Не знаю, какъ теперь, но въ мое время образованные офицеры въ пѣхотныхъ полкахъ были явленіемъ не зауряднымъ. Не мудрено поэтому, что и въ Энскомъ полку фонъ-Штейнъ составлялъ исключеніе среди большинства неразвитыхъ, полуинтеллигентныхъ офицеровъ. Незнавшіе жизни и всего, что внѣ круга солдатскаго и узко служебнаго обихода, незнакомые съ самыми элементарными познаніями, не интересовавшіеся ни литературой, ни наукой, хотя бы и спеціально-военной, они были профанами во всемъ, что выходило за рамки службистики и солдатской муштровки. Но надо сознаться,—ни одинъ изъ нихъ не носилъ въ себѣ столько злобы и человѣконенавистничества, сколько таилось этихъ элементовъ въ фонъ-Штейнѣ. А многіе изъ нихъ, не смотря на свою взбалмошность и нравственную неустойчивость, были людьми, безъ сомнѣнія, добрыми и чуткими.

Не удивительно, что фонъ-Штейнъ относился презрительно, а подчасъ и брезгливо къ этимъ людямъ безъ высшихъ интересовъ и стремленій.

Когда, по порученію полковника, онъ составлялъ для нихъ тактическія задачи, этотъ неизмѣнно подсказывалъ:

— Потруднѣе, Константинъ Николаевичъ! Позамысловатѣе!

— Потруднѣе, г. полковникъ? Позамысловатѣе? Да этихъ олуховъ надо еще учить сложенію съ вычитаніемъ... они вѣдь и этого не знаютъ...

— Уже вы всегда такъ несправедливы,—робко вступается полковникъ. — Иные, правда, и не знаютъ наукъ математическихъ. Управленіе вырабатываетъ изъ нихъ все-таки привычку рѣшать эти задачи, заставляетъ мозги ворочаться въ одну сторону. И то благо. Съ трудомъ, а все же рѣшатъ... Ну, посидятъ и сдѣлаютъ.

— Олухи...—отрѣжетъ фонъ-Штейнъ.

Особенный страхъ внушалъ фонъ - Штейнъ писарямъ. Одинъ изъ нихъ, какъ только фонъ-Штейнъ обращался къ нему съ чѣмъ-нибудь, даже не заключавшимъ въ себѣ ничего устрашающаго, вдругъ желтѣлъ весь, его высокій, тонкій корпусъ сгибался, а глаза принимали такое жалостливое выраженіе, что даже самъ фонъ-Штейнъ, бывало, улыбнется.

— Х—зовъ! адъютантъ зоветъ,—сострить кто-нибудь изъ писарей.

Х—зова начинаетъ бить лихорадка.

Однажды фонъ-Штейнъ явился въ канцелярію въ неурочный часъ, когда имѣлъ обыкновеніе обѣдать. Не заставъ никого въ канцеляріи, онъ крикнулъ на весь корридоръ: «Эй, дежурный! Гдѣ вы тамъ, шляетесь?» А дежурный въ тотъ день былъ Х—зовъ. Онъ на нѣсколько минутъ отлучился изъ канцеляріи въ писарское помѣщеніе; увидавъ здѣсь распивающихъ чай товарищей, онъ и самъ соблазнился. Только-что взялъ онъ въ руки горячій стаканъ, раздался знакомый ему, отчетливый и рѣзкій голосъ адъютанта. Х—зовъ, у котораго ухо было въ постоянномъ напряженіи, мгновенно выронилъ стаканъ изъ рукъ... Онъ до того растерялся, что сталъ безъ цѣли метаться по комнатѣ, забывъ какъ будто выходъ изъ нея, потомъ схватилъ висѣвшую на стѣнѣ надъ чьей-то кроватью, оставшуюся еще отъ прибытія въ полкъ, большую широкополую, соломенную шляпу, нахлобучилъ ее на голову, и не успѣли еще писаря придти въ себя, какъ Х—зовъ стоялъ уже передъ изумленнымъ фонъ-Штейномъ, держа два пальца правой руки у оригинальнаго головного убора...

Фонъ-Штейнъ, войдя въ лагерное помѣщеніе канцеляріи, крикнулъ на писаря съ маленькимъ носомъ, по фамиліи Мерешка:

— Что ты тутъ написалъ?

Мерешка былъ типъ, совершенно противоположный Х—зову.

Испугать его или смутить не могъ даже фонъ-Штейнъ. Онъ все сносилъ стоически хладнокровно. Никогда не терялся и не выражалъ въ своемъ лицѣ ни испуга, ни замѣшательства.

— Написалъ,—отвѣтилъ Мерешка совершенно спокойно.

— Читай!

Мерешка прочелъ написанное.

А дѣло было вотъ въ чемъ. Фонъ-Штейнъ приказалъ Мерешкѣ представить послужной списокъ подпрапорщика Б. къ производству въ офицеры. Мерешка, въ графѣ, озаглавленной «грамотный» начерталъ: «неграмотный», а на вопросъ: «былъ въ походахъ», отвѣтилъ: не былъ, но зато наградилъ его ранами, полученными въ несуществующихъ сраженіяхъ. Фонъ-Штейнъ имѣлъ неосторожность подписать это представленіе, не обративъ вниманія на эти, не значущія въ данномъ случаѣ графы, за нимъ расчеркнулся и полковникъ. Фонъ-Штейнъ самъ свезъ эти бумаги въ канцелярію начальника дивизіи тутъ же въ лагерѣ, а тамъ досмотрѣлъ эти курьезныя ошибки и досмотрѣлъ-то самъ баронъ X.

Мерешка, прочтя написанное, былъ поколебленъ въ своемъ хладнокровіи. Онъ уныло посмотрѣлъ на фонъ-Штейна. Его лицо покрылось густой краснотой. Фонъ-Штейнъ энергично поднялся съ мѣста, какъ-то особенно тряхнулъ своей красивой головой. Онъ уставилъ глаза въ Мерешку, какъ бы наслаждаясь его замѣшательствомъ, потому что привести въ замѣшательство Мерешку не всегда удавалось и ему... И долго потомъ не могъ забыть Мерешка своего «небывавшаго въ походѣ» юнкера, тѣмъ не менѣе награжденнаго имъ «ранами»...

День быстро смѣнился удушливымъ вечеромъ. Откуда-то всплыла на безмятежное небо одинокая грозовая тучка. Она какъ-то необыкновенно быстро, можно сказать, разросталась, заволокла всю ширь горизонта и повисла надъ самой головой. Ударилъ и разсыпался мелкой дробью громъ, рѣжуще замигала молнія и на растрескавшуюся, жаждавшую влаги землю полилъ проливной дождь. Мгновенно праздничная картина лагеря приняла печальный видъ. Палатки изъ бѣлыхъ превратились въ грязновато-сѣрые. Всѣ прячутся, бѣгутъ, спѣшатъ укрыться отъ дождя. Нужно прежде всего сохранить ружье, аммуницію, бѣлье, а ужъ послѣ всего и себя.

Какую тоску наводитъ бѣлый городъ въ темноту или въ ненастный день! Сиди въ палаткѣ. Пахнетъ сырой землей. Воздухъ спертъ. Дождь барабанитъ надъ самой головой. Но ему и этого мало. Онъ ужъ пробирается внутрь, сразу во многихъ мѣстахъ найдя себѣ входы.

Я осторожно открылъ пологъ палатки. Сумерки сгущались. Тучи стремительно носились по небу. Неистовый дождь и не думалъ переставать. Закрываясь шинелью, обрызганный грязью и водой изъ подъ своихъ собственныхъ ногъ, пробѣжалъ Мерешка по направленію къ заднему реданту.

Мои наблюденія были прерваны цѣлой водяной струей, хлынувшей на меня съ крыши палатки. Я предпочелъ закрыть пологъ, подвѣсилъ къ потолку одѣяло, укрылся шинелью и крѣпко заснулъ тѣмъ сномъ, какимъ спитъ только здоровая, презирающая неудобство и невзгоды, молодежь...

* * *

Нѣсколько лѣтъ спустя мнѣ пришлось въ одномъ изъ многолюдныхъ южныхъ городовъ встрѣтить Мерешку. Я остановилъ его и мы разговорились.

— Всѣ думаютъ, фонъ-Штейнъ злой,—началъ Мерешка, вспомнивъ, между прочимъ, злополучную исторію съ юнкеромъ.

— А по вашему, неправда это?—спросилъ я.

— Оно, положимъ, нельзя сказать, чтобъ очень добрый былъ. Ну да не всегда онъ былъ такимъ. Знаете, какой онъ былъ раньше, когда пріѣхалъ въ полкъ изъ Петербурга? Онъ вѣдь переведенъ изъ гвардіи за что-то. Я два срока служилъ, такъ мнѣ очень даже извѣстно, какой онъ былъ въ то время. Совсѣмъ другой человѣкъ... И отчего это! Пріѣдетъ молодой офицеръ. Такой онъ ласковый, доступный, а тамъ годъ-два послужитъ, глядь—не тѣмъ сдѣлался. Сначала солдатъ ему братъ, товарищъ, а потомъ вдругъ возьметъ, да перемѣнится. На твоихъ же глазахъ покроется щетиной. По новости за книжками сидитъ, квартирка у него чистенькая, самъ аккуратный, денщикъ не нахвалится добротой да лаской барина. Офицера встрѣтитъ—спроситъ: «Иванъ Ивановичъ, читали, какая статья въ журналѣ пропечатана?» Или: «Приходите, скажетъ, Иванъ Ивановичъ, вечеркомъ, почитаемъ что-нибудь». А прошло время, книжки заброситъ, въ собраніе ходитъ только на билліардѣ играть; Ивана Ивановича увидитъ и ужъ не о книжкѣ толкъ идетъ, да и совѣстно: засмѣяли больно за эти книжки-то,—а примѣрно: «Иванъ Ивановичъ! Видали, милашка какая на нашемъ небосклонѣ появилась», а къ себѣ если зоветъ, то на картежъ, а не то чтобы на благородное что-нибудь. Неаккуратный становится, картузъ непремѣнно на боку или на затылкѣ—ни дать, ни взять гицуль или фараонъ. Квартира грязная: какъ ни придешь—окурки, порванныя карты, неубранный самоваръ, и денщикъ не хвалитъ ужъ, а слезами плачетъ, да голосомъ реветъ отъ барина. Самъ, другой разъ, съ пустымъ брюхомъ

и порожнимъ карманомъ лежитъ, а тоже—«Ваня, говоритъ, куда бы намъ сегодня закатиться?» Это съ утра-то ужъ о предбудущихъ мамзелькахъ думаетъ, а всего-то ему много, что 22—23 года. И это всѣ такъ. А фонъ-Штейнъ совсѣмъ другого разбору человѣкъ. Это не скудельный сосудъ и не горшокъ надтреснутый, что ни щей въ него налить, ни выбросить. Сами знаете, ему книги всегда милѣй были. Злѣй не видалъ, какъ если придешь съ дѣломъ, да помѣшаешь. Зубами скрипитъ... Я одинъ, можно сказать, изъ всѣхъ писарей не боялся его. И самъ не знаю почему, такъ вотъ не боюсь, да и только. Да и бить онъ меня почти что не билъ. Ужъ какъ на меня свирѣпо ни взглянетъ—я глазомъ не моргну. Придешь къ нему. Начнетъ на тебя кричать. Виноватъ если—смолчу. Нѣтъ—самъ начинаю зубами щелкать. Онъ слово—я два. Въ него бисъ входитъ, а я какъ водой его холодной окачиваю... Какой во мнѣ, примѣрно, гнѣвъ къ нему будетъ?! Онъ вѣдь двухсердечный и съ птицей въ головѣ...

— Т. е. позвольте. Какъ это двухсердечный, да еще съ птицей въ головѣ?—спросилъ я, озадаченный этимъ заключеніемъ.

— А такъ. На дисциплинѣ помѣшанъ,—отвѣтилъ сразу Мерешка.

Очевидно, въ головѣ Мерешки давно ужъ сложилась цѣльная идея.

— Бываетъ такъ. Одинъ думаетъ, въ царство небесное попадетъ, ежели пуговицы, какъ звѣзды горѣть будутъ, другой голову потеряетъ изъ-за сапоговъ глянцовитыхъ. А этотъ фонъ-Штейнъ вообще насчетъ того, чтобъ солдатъ солдатомъ былъ. Увидитъ его примѣрно, идетъ онъ по двору безъ галстуха. Сейчасъ птица эта клювомъ въ башкѣ у него: «Тюкъ, тюкъ! По какому случаю безъ галстуха солдатъ шляется? Дисциплина нарушена! Тюкъ, тюкъ!..» Или замѣтитъ у грамотнаго солдата книгу. Опять птица эта покою не даетъ. Опять тюкъ, тюкъ! У солдата книга! Какимъ манеромъ? А разрѣшеніе на ней ротнаго командира есть написано? Дисциплина страдаетъ!.. Вотъ, глядя по случаю: арестъ. «Помилуйте, какъ возможно?—тюкаетъ птица.—Развратъ отъ этого въ войскѣ! Тюкъ, тюкъ»... въ родѣ какъ ка-ра-улъ!! выдѣлываетъ эта птица и покою не даетъ ему, а черезъ это самое и нашему брату.

— Ну, хорошо. Положимъ. А вотъ вы еще сказали: двухсердечный. Это что же такое?

— Двухсердечный? А это, изволите видѣть, вотъ что. Лошади этакія бываютъ съ норовомъ. Можетъ, и вамъ доводилось видѣть? Ей пудовъ по сорока тащить—въ самый разъ. И она съ этимъ грузомъ вскачь бѣжитъ. Натурально, ей подбавляютъ, подклады-

ваютъ, а все мало—все бѣгомъ бѣжитъ, или рысью. Вся въ мылѣ, задохлась, а все нейдетъ шагомъ, ровно. Нѣтъ въ ней этого смиренья. Это вотъ и есть двухсердечная лошадь. А долго ли такъ набѣгаетъ лошадка? Посмотришь: либо надорвалась, либо какая другая болѣзнь приключилась. Ну, пропасть должна. Непремѣнно такая скотина пропадаетъ. Упадетъ и не встанетъ. Вотъ этакій же фонъ—Штейнъ. Силы да сердца *) въ немъ прорва, а дѣвать куда же въ полку?

Отъ книгъ голова чумѣетъ, играть въ карты началъ, тоже успѣха мало, да и не на что,—только долги наживешь. Съ офицерами компаніи не водитъ, потому по себѣ не находитъ. Вотъ и опять налегъ на книжку (когда онъ спитъ—не знаешь)... Тоже и насъ, писарей, хвалить не за что, Который ранѣе того, до службы приказчикомъ былъ, а который хоть мало-мало грамотный, при сохѣ ходилъ, а тутъ писаремъ сдѣлался, ну, и оказывается: въ корню старшій писарь, прямо сказать, дубъ стоеросовый, а въ пристяжкахъ—правая верблюдъ крымскій, лѣвая—просто полѣно, а тамъ дальше мелкота, шушера писарская—такъ сиволапые нетесы. Какъ и перо въ рукахъ держать не смыслятъ... Охъ и не любитъ же онъ офицеровъ! Къ нему какъ-то тоже подвалился разъ прапорщикъ молоденькій. «Что вы, говоритъ, Константинъ Николаевичъ, все съ книгами вашими? Не хотите ли, говоритъ, сегодня на дачу нагрянемъ: тамъ двѣ московскихъ актрисы проживаютъ»... Такъ онъ ему, не повѣрите, такое сказалъ, что и солдату не во всякомъ мѣстѣ говаривалъ.

Посмотрите... развѣ что не услышимъ,—непремѣнно надорвется, переломится, какъ лошадь та. Такіе-то, бываетъ, либо хватится за сердце... тррахъ... и пеки блины, либо возьметъ револьверъ, положитъ на столъ, посидитъ, подопретъ голову, потомъ походитъ по комнатѣ... до утренняго разсвѣту промучается, записки пишетъ и рветъ, рветъ и пишетъ, а тамъ схватитъ его, искусителя, къ головѣ приставитъ... пли...

Бывало у насъ въ полку и этакое... Много я разнаго перевидѣлъ въ полку за десять-то лѣтъ!! Такъ же вотъ будетъ... Двухсердечный!—круто оборвалъ Мерешка и сталъ торопливо прощаться.

А. Гедеоновъ.

---

*) Въ простонародномъ быту это слово равносильно понятію объ энергіи, внутренней силѣ.

ѲОМА КАМПАНЕЛЛА,

ЕГО ЖИЗНЬ И ИДЕАЛЫ.

I.

Въ южной Италіи, въ провинціи Реджіо, еще до сихъ поръ сохранился небольшой городокъ Stilo, въ которомъ, 5 сентября 1568 года, родился второй изъ двухъ величайшихъ утопистовъ новаго времени—Ѳома Кампанелла *). Уже въ дѣтствѣ онъ обращалъ на себя вниманіе окружающихъ своей необыкновенной умственной зрѣлостью. Тринадцати лѣтъ отъ роду онъ могъ произносить экспромтомъ рѣчи на любую предложенную ему тему,—все равно, въ прозѣ или стихотворной формѣ, и вмѣстѣ съ такимъ изъ ряду вонъ выходящимъ ораторскимъ дарованіемъ, въ средніе вѣка особенно почитаемымъ и культивируемымъ, онъ соединялъ страстную любовь къ философіи. Еще мальчикомъ онъ углубился въ чтеніе «Summa theologiae» Ѳомы Аквинатскаго, которое оказало рѣшающее вліяніе на его дальнѣйшее развитіе. Отецъ Кампанеллы, мечтавшій о судейской карьерѣ для сына, послалъ его въ Неаполь къ своему брату, бывшему тамъ профессоромъ права, но молодой философъ, пятнадцати лѣтъ отъ роду, самольно вступилъ въ доминиканскій духовный орденъ, дававшій своему времени талантливѣйшихъ людей и смѣлыхъ мыслителей, въ родѣ Альберта Великаго и Савонароллы.

Врожденная спобность Кампанеллы быстро усваивать всѣ знанія, а также его изумительный ораторскій талантъ сразу привлекли къ нему особенное вниманіе учителей и монаховъ, предвидѣвшихъ въ лицѣ его драгоцѣнную боевую силу. Какъ разъ въ это время, во второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія, «общество Іисуса», основанное въ 1537 году Лойолой, съ цѣлью борьбы

*) О первомъ, Томасѣ Морѣ, см. «Міръ Божій» 1896 г., мартъ, статью проф. Виппера «Утопія Томаса Мора».

съ еретиками и охраненія папскаго авторитета, стало затмевать остальные духовные ордена. Доминиканцы, боровшіеся противъ такого грознаго соперничества и пытавшіеся вновь завоевать прежнее авторитетное положеніе, увидѣли въ молодомъ Ѳомѣ восходящую звѣзду, способную затмить ихъ противниковъ, и, удовлетворяя всѣми средствами его неутомимой жаждѣ знанія, надѣялись на скорое возрожденіе ордена.

Въ тѣ времена монастыри поддерживали съ ревнивой заботливостью обычную тогда страсть къ схоластическимъ преніямъ; они дѣлали другъ другу взаимные вызовы, чтобы въ словесныхъ турнирахъ, къ которымъ была допускаема и свѣтская публика, защищать свои теологическія и философскія воззрѣнія. Профессоръ философіи въ San-Giorgio, приглашенный въ г. Козенцу францисканцами, чтобы въ публичномъ диспутѣ представить мнѣнія ордена, заболѣлъ въ моментъ отъѣзда и послалъ вмѣсто себя своего ученика Кампанеллу. Когда послѣдній явился въ назначенное собраніе, пронесся ропотъ неудовольствія: полагали, что ученый профессоръ лишь по небрежности могъ вмѣсто себя прислать такого безбородаго диспутанта. Но когда послѣдній заговорилъ, неудовольствіе перешло въ изумленіе. Онъ провелъ свою задачу такъ блестяще и съ такимъ остроуміемъ, что сами францисканцы должны были объявить его побѣдителемъ. «Геній Телезія воскресаетъ въ немъ», говорили они.

Съ этого момента юный философъ начинаетъ свою пропагаторскую дѣятельность. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ переходилъ изъ одного города Италіи въ другой, чтобы спорить о теологическихъ и философскихъ вопросахъ, волновавшихъ тогда умы его современниковъ. Вездѣ одерживалъ онъ блестящія побѣды, которыя, однако, не замедлили возбудить зависть и навлечь на его голову ненависть другихъ орденовъ, въ особенности «общества Іисуса». Іезуиты, положимъ, имѣли уважительныя основанія ненавидѣть юнаго пропагандиста, такъ какъ ихъ ордену онъ на первыхъ же порахъ объявилъ непримиримую войну и взывалъ къ его немедленному уничтоженію за то, что онъ,—какъ объяснялъ Кампанелла,—«искажаетъ чистое ученіе Евангелія въ угоду княжескому деспотизму». Изъ Рима онъ переходилъ во Флоренцію, изъ Флоренціи въ Венецію, Падую, Болонью, нигдѣ не переставая писать, говорить и вербовать своихъ учениковъ. Профессора и ученые монахи не рѣшались даже вступать въ диспутъ съ этимъ геніальнымъ юношей, объясняя его умственное превосходство сношеніями съ дьяволомъ и предосудительнымъ знакомствомъ съ магіей. Особенное возмущеніе противъ себя онъ навлекъ своими

страстными нападками на философскіе авторитеты, преимущественно на Аристотеля, сочиненія котораго въ то время почитались наравнѣ съ библіей. Двадцати лѣтъ онъ опубликовалъ свою первую книгу («Philosophia sensibus demonstrata», Neapol 1590), направленную противъ Стагирскаго философа и его почитателей. Іезуиты воспользовались озлобленіемъ, подогрѣтымъ «документальными данными», обвинили его въ ереси и колдовствѣ и добились отъ папы запрещенія его пропагаторской дѣятельности. Кампанелла получилъ приказаніе возвратиться въ монастырь Stilo.

Очутившись за стѣнами монастыря, насильно оторванный отъ полнаго бурь и опасностей дѣла, онъ отдался научнымъ изслѣдованіямъ, занялся также поэзіей и началъ было трагедію, долженствовавшую представить печальную развязку жизни Маріи Стюартъ. Лишь эти разностороннія занятія способны были на время успокоить его клокочущую и жаждущую битвъ душу и примирить его съ мыслью о невольной жизни въ монастырѣ, «этой тѣсной и мрачной тюрьмѣ, гдѣ заблужденіе такъ долго томило меня въ своихъ оковахъ», какъ сказалъ другой знаменитый доминиканецъ, Джіордано Бруно, современникъ и соратникъ нашего воинствующаго философа. Но такая спокойная жизнь, вдалекѣ отъ живого міра, продолжалась недолго. Богатое воображеніе Кампанеллы стало открывать предъ нимъ новые горизонты не только въ сферѣ мысли, но и въ области соціальной жизни. Въ тѣсной и темной кельѣ зарождались свѣтлые и широкіе идеалы, а вмѣстѣ съ ними крѣпла рѣшимость поставить все на карту для ихъ осуществленія.

Съ этого момента начинается новый періодъ въ жизни Кампанеллы. Онъ становится соціальнымъ преобразователемъ и политикомъ. Къ сожалѣнію, объ этомъ періодѣ мы имѣемъ лишь неопредѣленныя указанія. Самъ Кампанелла въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ не упоминаетъ объ этомъ ни слова, если не считать тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ разсказываетъ о пыткахъ и лишеніяхъ во время *двадцатисемилѣтняго* заточенія его въ различныхъ итальянскихъ тюрьмахъ. Но эти немногія строки рисуютъ намъ только послѣдствія его реформаціонной попытки, не говоря ничего о ней самой, и лишь Pietro Gianomi въ своей «Гражданской исторіи Неаполитанскаго королевства» (Neapol 1723) вполнѣ опредѣленно говоритъ о заговорѣ, который Кампанелла затѣялъ съ цѣлью освободить Калабрію отъ испанскаго ига. Джіаноми утверждаетъ, что сообщаемыя имъ подробности этого предпріятія извлечены изъ исчезнувшихъ впослѣдствіи актовъ инквизиціоннаго процеса Кампанеллы. «Послѣд-

ній,—пишетъ онъ,—былъ близокъ къ тому, чтобы совершить переворотъ въ Калабріи, гдѣ онъ распространялъ новыя идеи и проектировалъ различные планы освобожденія. Онъ увлекся такъ далеко, что желалъ реформировать государства и осуществить новыя общественныя системы».

Безъ сомнѣнія, Кампанелла уже въ то время имѣлъ мысль своего «Солнечнаго государства», которую онъ лишь впослѣдствіи развилъ въ деталяхъ; несомнѣнно также, что онъ, согласно общему стремленію этой эпохи, выразившемуся наиболѣе ярко въ крестьянскихъ войнахъ Германіи и въ движеніи анабаптистовъ, имѣлъ намѣреніе политическій переворотъ довершить соціальными преобразованіями. Какъ и другіе выдающіеся и положительные умы его времени (Ришелье, Бэконъ, папа Павелъ V), Кампанелла вѣрилъ въ астрологическія предсказанія, и вотъ, сидя въ своемъ монастырскомъ заточеніи, онъ вычиталъ по различнымъ созвѣздіямъ тревожныя знаменія, предвѣщавшія на землѣ, особенно въ Неаполитанскомъ королевствѣ и въ Калабріи, общественныя смуты. Благодаря необычайному дару слова и, вообще, неотразимому вліянію всей своей личности, онъ увѣрилъ монаховъ своего монастыря въ справедливости этихъ знаменій и сталъ склонять ихъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы свергнуть съ своей страны испанское владычество и учредить, на мѣсто монархіи, теократическую республику, съ необходимой оговоркой, что іезуиты должны быть изъ этой республики исключены, а въ случаѣ надобности, и вовсе истреблены. Онъ увѣрялъ, что самъ Богъ избралъ его для такого предпріятія. Умѣло пользуясь своимъ ораторскимъ дарованіемъ и политично подбирая себѣ сознательныхъ сторонниковъ для борьбы противъ испанцевъ, онъ, въ то же время, не упускалъ изъ виду настоятельную необходимость военной силы. Послѣднее обстоятельство принудило его прибѣгнуть къ исключительнымъ мѣрамъ, именно къ присоединенію къ своему дѣлу многочисленныхъ въ то время бандитовъ и ссыльныхъ. Онъ разсчитывалъ въ рѣшительную минуту поднять народъ, разрушить стѣны темницъ, освободить заключеныхъ, сжечь ихъ процессуальные акты и такимъ путемъ привлечь къ возстанію. Кромѣ того, онъ разсчитывалъ на помощь визиря Хассана Цикалы, который командовалъ турецкимъ флотомъ, стоявшимъ на якорѣ въ Квардавальскихъ водахъ. Цикала былъ по происхожденію калабріецъ, оставившій свою родину, лишь бы уйти отъ испанскаго гнета, и перешедшій въ исламъ.

Нельзя сказать, что обстоятельства не благопріятствовали планамъ Кампанеллы. Недовольныхъ въ то время было не мало.

Кромѣ множества калабрійскихъ ссыльныхъ, все населеніе было склонно къ рискованной попыткѣ, изнемогая подъ тяжестью чрезмѣрныхъ налоговъ. Патеръ Діонисій Понціо изъ Nicastro взялъ на себя задачу распространенія возстанія въ провинціи Catanzaro; обладая неисчерпаемой энергіей и слѣпо преданный своему вождю, котораго считалъ и всюду называлъ посломъ Господнимъ, онъ привлекалъ къ себѣ массу тайныхъ слушателей своими горячими призывами къ освобожденію «бѣдныхъ и слабыхъ» отъ тиранніи министровъ испанскаго короля. Монахи этой мѣстности поддерживали его агитацію съ необыкновеннымъ рвеніемъ. Въ одномъ монастырѣ Pizzoli находилось двадцать пять монаховъ, на которыхъ возложена была вербовка ссыльныхъ. Болѣе трехъ сотъ доминиканцевъ, францисканцевъ и августинцевъ, участвовали въ заговорѣ. Предполагалось, что въ моментъ возстанія двѣсти проповѣдниковъ двинутся въ деревни и села раздувать возмущеніе среди народа. Около двухъ тысячъ ссыльныхъ были готовы къ борьбѣ. Позднѣе обнаружилось изъ свидѣтельскихъ показаній во время процесса, что участниками комплота были даже епископы изъ Nicastro, Gerace, Melito и другихъ мѣстностей. Къ концу 1599 года все было готово къ возстанію; заговоръ, стоившій массы жертвъ и усилій, наконецъ, созрѣлъ, и оставалось лишь открыть карты, но... онъ былъ открытъ правительству двумя измѣнниками.

Графъ Ламосскій, вице-король Неаполя, узнавъ о грозящей опасности, немедленно выслалъ въ Калабрію войска подъ предлогомъ охраны берега отъ турецкаго флота. Хорошо освѣдомленныя доносчиками, войска безъ особенныхъ затрудненій захватили врасплохъ настигнутыхъ заговорщиковъ и отправили ихъ на судахъ въ Неаполь; недоставало среди нихъ только главнаго виновника. Кампанелла съ разбитымъ сердцемъ рыскалъ по уединеннымъ мѣстамъ, ища убѣжища и спасенія. Его соумышленники транспортировались моремъ, и на мачтахъ раскачивались трупы заговорщиковъ. Немного спустя, въ Неаполь былъ привезенъ и самъ Кампанелла. Его нашли въ одной пастушьей избушкѣ, куда его спряталъ отецъ, нашли какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ хотѣлъ переправиться въ лодкѣ на турецкое судно. Онъ былъ посаженъ въ страшный тюремный замокъ Сантъ-Эльмо вблизи Неаполя.

Вся эта трагическая развязка произошла въ 1600 году. Въ томъ же году и почти въ то же самое время, другой великій доминиканецъ, Джіордано Бруно, горѣлъ на кострѣ въ Римѣ, произнося свою упрямую фразу: «сжечь не значитъ опровергнуть»...

Продолжительнымъ и страшнымъ мученичествомъ искупилъ Кам-

панелла свою революціонную попытку. Въ предисловіи къ своей книгѣ «*Atheismus triumphatus*» *) онъ разсказываетъ о мученіяхъ, имъ перенесенныхъ. «Я былъ запираемъ въ пятидесяти тюрьмахъ и семь разъ подвергался самой жестокой пыткѣ. Въ послѣдній разъ пытка продолжалась сорокъ часовъ. Меня сдавливали туго стянутыми веревками, врѣзывавшимися въ мое тѣло до самыхъ костей. Связавъ за плечами мои руки, подвѣшивали меня надъ острой сваей, такъ что кровь моя лилась ручьями. По истеченіи сорока часовъ сочли меня мертвымъ и прекратили мои мученія. Одни изъ моихъ палачей поносили меня и, чтобы усилить мои страданія, потрясали веревкой, на которой я висѣлъ; другіе шепотомъ хвалили мою душевную стойкость. Ничто не могло поколебать меня, и моимъ мучителямъ не удалось вырвать изъ меня ни одного слова. Послѣ этой пытки я проболѣлъ шесть мѣсяцевъ, и, когда я какимъ-то чудомъ выздоровѣлъ, меня бросили въ темную яму... Пятнадцать разъ стоялъ я передъ судомъ. Однажды спросили меня: «Откуда ты знаешь даже то, чему никогда не учился? Имѣешь ты въ своемъ распоряженіи дьявола?»—Я отвѣчалъ: «Чтобы изучить то, что я знаю, истрачено мною лампаднаго масла болѣе, нежели испито вами вина»... «Меня обвиняли также въ томъ, что я написалъ книгу «De tribus Impostoribus», которая появилась еще до моего рожденія; что я приверженецъ ученія Демокрита, распространяю предосудительныя идеи противъ церкви, ея ученія и устройства... Наконецъ, я былъ обвиненъ не только въ ереси, но и въ крамолѣ, ибо я, вопреки Аристотелю, который приписывалъ міру вѣчное существованіе, утверждаю, что на солнцѣ лунѣ и звѣздахъ видны знаменія, предвѣщающія революціонныя метаморфозы вселенной».

Въ своемъ «Городѣ Солнца» Кампанелла также упоминаетъ о страданіяхъ, вынесенныхъ имъ въ неаполитанскихъ тюрьмахъ. При этомъ онъ съ торжествующей гордостью замѣчаетъ: «Философъ, не смотря на пытку въ теченіе сорока часовъ, все-таки не открылъ ни одной буквы изъ того, что онъ считалъ необходимымъ утаить».

---

*) «Atheismus triumphatus» (т. е. побѣжденный атеизмъ) появился въ 1631 году и далъ врагамъ Кампанеллы новый поводъ возвести противъ него обвиненія въ ереси; именно, утверждали, что онъ притворно обличаетъ атеизмъ, въ дѣйствительности же оказываетъ ему важную поддержку, приписывая атеистамъ новые доводы, до которыхъ они одни никогда не додумались бы и которые онъ лишь для виду и весьма слабо опровергаетъ. Одинъ изъ его критиковъ даже замѣтилъ, что это сочиненіе правильнѣе называть: «Atheismus triumphans» (т. е. торжествующій атеизмъ).

Двадцать шесть лѣтъ томился этотъ сильный духъ въ тюремныхъ стѣнахъ, вдали отъ вольнаго воздуха и свѣта, среди вѣчныхъ оскорбленій и непередаваемыхъ мукъ. Брошенный въ неаполитанскую тюрьму dell'Ovo тридцатидвухъ-лѣтнимъ борцомъ, полнымъ энергіи и жажды жизни, онъ вновь увидѣлъ Божій свѣтъ лишь въ 1627 году, уже шестидесятилѣтнимъ старцемъ. Враги были неумолимы, и неоткуда было ждать освобожденія. Въ одномъ трогательномъ стихотвореніи онъ проситъ Бога о помощи:

«Да смягчится вѣчная любовь моими страданіями изъ жалости, и пусть высшая мудрость даритъ мнѣ сочувствіе своего божественнаго всемогущества. Ты, мой Богъ, видишь мои безконечныя мученія и безъ моихъ словъ. Уже двѣнадцать лѣтъ я страдаю всѣми своими чувствами. Мои члены семь разъ были подвергаемы пыткѣ; невѣжественные издѣвались надо мной и проклинали меня; отъ меня отняли свѣтъ солнца, мои мускулы истерзаны, мои кости поломаны, мое тѣло измято, я сплю на твердомъ полу, я прикованъ, моя кровь проливалась ручьями, я былъ подвергаемъ жесточайшимъ лишеніямъ, моя пища попорчена и недостаточна. Развѣ, о Боже, всего этого недостаточно, чтобы позволить себѣ надежду на твое покровительство?

«Сильные міра сего дѣлаютъ себѣ изъ человѣческихъ тѣлъ пьедесталъ, а души людей держатъ въ клѣткахъ, какъ птицъ; изъ человѣческой скорби и слезъ приготовляютъ себѣ игралище ихъ беззаконныхъ неистовствъ, изъ костей—ручки ихъ орудій, которыми они насъ пытаютъ, изъ нашихъ дрожащихъ членовъ—шпіоновъ и ложныхъ свидѣтелей, побуждающихъ насъ возводить на себя совершенно неосновательныя обвиненія... Но Ты, съ высоты своего судилища, лучше меня видишь все это, и если Твоя непреклонная справедливость, а также зрѣлище моихъ мукъ недостаточны, чтобы возмутить Тебя,—тогда, о Боже, пусть хоть всеобщее народное бѣдствіе поставитъ предѣлъ Твоему терпѣнію, такъ какъ промыселъ Твой долженъ бдѣть надъ нами...»

Въ одномъ изъ болѣе позднихъ стихотвореній, Кампанелла съ тѣми же жалобами обращается къ солнцу, которое онъ, подобно Телезію, считалъ одушевленнымъ существомъ, творцомъ всѣхъ низшихъ созданій—растеній, животныхъ и т. д.

«Гимнъ къ весеннему солнцу».

«Не дошла моя молитва къ Богу, и я обращаюсь теперь къ Тебѣ, о весеннее солнце!

«Ты призываешь къ жизни всѣ хилыя и умирающія существа, изъ состраданія пробуди и меня, ибо я люблю Тебя больше всего.

«Какъ можешь Ты оставить въ сырой и темной тюрьмѣ того, кто боготворилъ Тебя всю свою жизнь?

«Помоги мнѣ оставить темницу въ то время, когда зеленая травка начинаетъ показываться изъ земли!

«Ты пробуждаешь отъ долгаго сна барсуковъ и кротовъ, Ты одаряешь движеніемъ и силой самаго незначительнаго червяка...

«О, солнце! Нашлись люди, которые отказываютъ Тебѣ въ жизненности и разсудкѣ и, тѣмъ самымъ, ставящіе Тебя ниже насѣкомаго!

«О нихъ я писалъ, что они обнаружили неблагодарность къ Тебѣ, что они еретики, и вотъ эти люди заживо похоронили меня, такъ какъ я защищалъ Тебя.»

«Если я погибну, кто тогда будетъ почитать Тебя и называть живымъ храмомъ, священнымъ ликомъ истиннаго Божества, отцомъ природы, повелителемъ звѣздъ, жизнью и душою всѣхъ низшихъ существъ?

«Сжалься надо мною, о Боже! Плодотворный источникъ всякаго свѣта, да засіяетъ, наконецъ, надо мною Твой лучъ!»

Несмотря на всѣ эти жалобы, гордый стоическій духъ Кампанеллы до конца не изнемогъ подъ тяжестью пожизненной пытки. «Я превозмогъ и побѣдилъ всѣ мученія!» говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ. Палачи его отчаялись, наконецъ, вырвать признаніе у этого «упрямаго доминиканца», и истерзанный мученикъ былъ осужденъ къ пожизненному заключенію. Онъ былъ не одинъ въ своемъ заключеніи: его окружали лучшія мечты и его излюбленные идеалы. Въ одномъ сонетѣ онъ пишетъ:

«Въ цѣпяхъ, но свободный, одинъ, но неодинокій, я пристыдилъ своихъ враговъ... Въ глазахъ простой толпы я глупецъ, но я мудръ для божественнаго разумѣнія.

«Прикованный къ землѣ, я возношусь къ небу, съ измученнымъ тѣломъ, но съ бодрой душой, и когда тяжесть несчастья стремится свергнуть меня въ бездну, крылья моей души вновь подымаютъ меня высоко-высоко надъ міромъ.

«На своемъ челѣ я ношу печать любви къ истинѣ, питая увѣренность, что со временемъ я приду въ тѣ края, гдѣ буду понимаемъ всегда и безъ словъ»...

Нельзя сказать, что Кампанелла не имѣлъ уже вовсе никакихъ друзей въ Италіи; они лишь были безсильны противъ двойной тираніи іезуитовъ и испанскаго короля. Лишь съ назначеніемъ герцога Оссуны вице-королемъ Неаполитанскаго королевства, явилась возможность дѣятельныхъ сношеній калабрійскаго монаха-заговорщика съ внѣшнимъ строемъ. Либеральный вице-

король завязалъ дружественныя сношенія съ Кампанеллой, геній котораго онъ съумѣлъ оцѣнить, посѣщалъ его часто въ тюрьмѣ и даже совѣщался съ нимъ о дѣлахъ своего королевства. Кампанеллѣ было позволено работать, переписываться съ друзьями и принимать ихъ у себя, въ замкѣ. Насколько было сильно обаяніе его генія, можемъ судить по тому, что не успѣли завязаться связи его съ внѣшнимъ міромъ, какъ во всей западной Европѣ стала распространяться молва о великомъ философѣ. Даже такія лица, какъ Іаковъ I, король Англіи, папы и другія могущественныя особы стали обращаться къ нему за совѣтами, придавая особенное значеніе его астрологическимъ познаніямъ. Двое нѣмецкихъ ученыхъ, Товій Адами и Каспаръ Шоппе, опубликовали его манускрипты и способствовали ихъ распространенію во Франціи, Англіи и Италіи.

Все это не могло нравиться іезуитамъ, и они рѣшили положить конецъ вновь начавшейся пропагандѣ доминиканца-еретика. Къ тому времени сила новаго ордена Іисуса стала всемогущественной; рѣдко кто могъ противиться желаніямъ и рѣшеніямъ іезуитовъ. Особенной ихъ ненавистью пользовался неаполитанскій вице-король Оссуна, за то, главнымъ образомъ, что онъ не соглашался ввести въ своей области инквизицію. Поддерживаемые вліятельными врагами, оставленными Оссуной въ Мадридѣ, іезуиты стали интриговать съ цѣлью лишить герцога занимаемаго имъ высокаго положенія. Понимая грозящую опасность, герцогъ предпочелъ не дожидаться, когда ему будетъ предложено оставить Италію, и, поддерживаемый Кампанеллой, рѣшилъ объявить свою полную независимость отъ Испаніи и провозгласить себя королемъ Неаполя и Калабріи. Герцогъ поступалъ такъ подъ вліяніемъ своего геніальнаго друга, избравшаго его своимъ орудіемъ для новой попытки осуществленія своихъ завѣтныхъ соціально-политическихъ идеаловъ. Но... и въ этотъ разъ заговоръ былъ открытъ испанскому правительству, и герцогъ Оссуна, схваченный и заключенный въ замокъ, былъ замѣщенъ ставленникомъ іезуитовъ, кардиналомъ Борджіа.

Для Кампанеллы опять наступили тяжкіе дни. Два года спустя послѣ этой второй революціонной попытки, умеръ въ Римѣ его вліятельный защитникъ, папа Павелъ V, который напрасно ходатайствовалъ предъ Филиппомъ III о помилованіи геніальнаго доминиканца. Тюремная жизнь Кампанеллы грозила еще болѣе ухудшиться. Услыхавъ о смерти своего покровителя, онъ впалъ въ отчаяніе. «Лишь смерть разлучитъ меня съ моей неволей!» восклицалъ онъ. Но судьбѣ угодно было, наконецъ, сжалиться надъ

нимъ. Въ лицѣ новаго папы Урбана VIII онъ нашелъ себѣ еще болѣе горячаго защитника. Послѣ пятилѣтнихъ стараній и ходатайствъ, новый папа добился-таки освобожденія Кампанеллы, правда, подъ тѣмъ лишь условіемъ, что онъ, Урбанъ VIII, предастъ его формальному духовному суду, какъ еретика. Но лишь только этотъ еретикъ былъ приведенъ въ Римъ, какъ получилъ полную свободу.

Это произошло 15-го мая 1626 года, т. е. двадцать шесть лѣтъ и четыре мѣсяца спустя послѣ его перваго заточенія въ зáмокъ Сантъ-Эльмо, вблизи Неаполя.

Недремлющіе отцы іезуитскаго ордена забили тревогу. Ихъ ненависть преслѣдовала «еретика» по стопамъ. Не успѣлъ онъ получить свободу, какъ они стали возбуждать противъ него римскую чернь. «Это позоръ,—говорили они,—что папа покровительствуетъ Кампанеллѣ, революціонеру и врагу церкви. Зачѣмъ тогда возмущаться Лютеромъ и Кальвиномъ! Римъ таитъ въ себѣ гораздо болѣе опаснаго змія».

«Никогда еще не было проявлено столько человѣческой ярости и изступленія, какъ по отношенію къ этому бѣдному и хилому монаху», пишетъ одинъ современникъ. Ярость слѣпого народа, подстрекаемаго іезуитами, дошла, наконецъ, до того, что Кампанелла вынужденъ былъ бѣжать переодѣтымъ изъ Рима при участіи французскаго посланника.

Послѣдніе годы жизни Кампанелла провелъ въ Парижѣ, въ доминиканскомъ монастырѣ, гдѣ онъ продолжалъ свои философскія занятія, но особенное вниманіе сталъ удѣлять астрологіи. Подобно большинству своихъ современниковъ, онъ глубоко вѣрилъ въ астрологическія предсказанія. Если онъ избѣгъ костра,—обычной участи всѣхъ еретиковъ того времени,—и даже находилъ себѣ преданныхъ друзей среди папъ, королей и министровъ, защищавшихъ его отъ мести испанскаго правительства и инквизиціи, то обязанъ этимъ, главнымъ образомъ, своей славѣ замѣчательнаго астролога. Такъ, однажды, министръ Людовика XIII, знаменитый Ришельё, обезпокоенный бездѣтностью короля, предложилъ Кампанеллѣ вопросъ: вступитъ ли на престолъ герцогъ орлеанскій? Тотъ отвѣтилъ: «Imperium non gustabit in aeternum», т. е. онъ, герцогъ, никогда не достигнетъ власти. И дѣйствительно, нѣсколько времени спустя королева разрѣшилась отъ бремени сыномъ, будущимъ королемъ Людовика XIV. Между прочимъ, подъ конецъ своей жизни, онъ предсказалъ, что 1-го іюня 1639 года произойдетъ солнечное затменіе, имѣющее для него роковое значеніе. По мѣрѣ приближенія этого времени, онъ сталъ все строже

выполнять всевозможныя астрологическія предписанія, необходимыя для предотвращенія грозящей опасности. Онъ заперся въ келію съ чисто выбѣленными стѣнами, ежедневно окроплялъ ихъ разными благовонными эссенціями; освѣщеніемъ служили ему семь восковыхъ свѣчей. Кромѣ того, онъ старался отогнать отъ себя тревожное настроеніе гармоничными звуками музыкальныхъ инструментовъ.

Въ такихъ странныхъ приготовленіяхъ къ чему-то великому и роковому прошли послѣдніе дни его жизни. 21-го мая 1639 года, т. е. ровно за десять дней до затменія солнца, Кампанеллы не стало.

II.

Ѳома Кампанелла, до конца дней, глубоко вѣрилъ въ грядущее объединеніе всего человѣческаго рода въ одной религіи и одномъ общежитіи. Лишь послѣ такого объединенія, вѣрилъ онъ, наступитъ на землѣ миръ и всеобщее благополучіе. Всецѣло проникнутый своей идеей о приближающемся золотомъ вѣкѣ, Кампанелла полагалъ, что его краснорѣчивое описаніе новой философской республики убѣдитъ всѣ народы въ необходимости радикальнаго переустройства всей ихъ общественной, семейной и личной жизни. Въ одномъ изъ своихъ сонетовъ онъ слѣдующимъ образомъ предсказываетъ этотъ переворотъ:

«Если когда-то царилъ счастливый золотой вѣкъ, то почему ему не наступить вновь? Вѣдь, всякое явленіе, завершившее весь кругъ своего развитія, возвращается къ своему исходному моменту.

«Если бы люди стали сообща дѣлать то, что способствуетъ ихъ счастью и нравственности, сообразно моимъ указаніямъ, тогда міръ сталъ бы раемъ».

Въ другомъ сонетѣ онъ говоритъ, что «поэты увидятъ вѣкъ, настолько превосходящій всѣ другія эпохи, насколько золото выше всѣхъ остальныхъ металловъ; тогда философы увидятъ государство, какого еще никогда не было на землѣ».

Такая идеалистическая восторженность и вѣра въ будущее замѣтно отличаетъ Кампанеллу отъ Томаса Мора. Послѣдній не вѣрилъ въ возможность практическаго осуществленія своего идеала и не предпринималъ никакихъ попытокъ къ такому осуществленію. Кампанелла, по натурѣ,—страстный боецъ, мессія, беззавѣтно преданный своимъ идеаламъ и непоколебимо вѣрный своей реформаторской миссіи. Никакія разочарованія не могли поколебать его пламенную вѣру. «Къ стыду безбожниковъ,—пишетъ онъ въ своемъ

теологическомъ трактатѣ «Atheisums triumphatus»,—я ожидаю на землѣ прелюдію рая, золотой вѣкъ всеобщаго счастья, изъ котораго будутъ исключены лишь скептики, лишенные вѣры».

Въ какихъ чертахъ представлялась ему эта «прелюдія земного рая», показываетъ его «*Civitas solis*», составляющая часть его «*Philosophia realis*»—трактата, въ первый разъ появившагося во Франкфуртѣ (въ 1620—1623) и затѣмъ переизданнаго въ Парижѣ въ 1637 году, т. е. незадолго до смерти его автора. Переводовъ этой утопіи на новыя языки существуетъ сравнительно весьма немного и въ настоящее время они являются библіографической рѣдкостью. Въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія появились два перевода въ Парижѣ, первый въ 1840 году, второй въ 1844 году. Въ 1885 году «Городъ солнца» появился на англійскомъ языкѣ въ сборникѣ «*Ideal commonvealths*», заключающемъ въ себѣ, кромѣ утопіи Кампанеллы, еще «Жизнь Ликурга» Плутарха, «Утопію» Томаса Мора и «Новую Атлантиду» Бэкона. Русская читающая публика, вообще мало знакомая съ великими утопистами, меньше всего знаетъ жизнь и сочиненія Кампанеллы, этого замѣчательнаго дѣятеля шестнадцатаго столѣтія *).

Трактатъ написанъ въ діалогической формѣ: ведется бесѣда между великимъ магистромъ госпиталійскаго ордена съ генуэзскимъ адмираломъ, разсказывающимъ ему о своемъ морскомъ путешествіи и объ интересномъ островѣ *Топобрана*, гдѣ находится «Городъ Солнца».

Великій магистръ: Разскажите, пожалуйста, о приключеніяхъ, пережитыхъ вами въ вашемъ морскомъ плаваніи.

Адмиралъ: Вы уже знаете, что, посѣтивъ всѣ страны свѣта, я прибылъ на островъ Топобранъ, гдѣ былъ принужденъ сойти на берегъ. Страхъ, который внушили мнѣ обитатели этого острова, заставилъ меня искать убѣжища въ лѣсу. Когда я, наконецъ вышелъ оттуда, предо мной находилась большая равнина.

Великій магистръ: Что затѣмъ приключилось съ вами?

Адмиралъ: Я очутился внезапно среди многочисленной толпы людей, мужчинъ и женщинъ, одинаково вооруженныхъ. Многіе изъ нихъ превосходно знали языкъ нашей страны. Я послѣдовалъ за ними въ «Городъ Солнца».

Великій магистръ: Опишите этотъ городъ и образъ правленія въ немъ...

---

*) Въ январьской книжкѣ «Вопросовъ философіи и психологіи», за прошлый годъ, была помѣщена о немъ статья М. М. Ковалевскаго, подъ заглавіемъ: «*Развитіе идей государственной необходимости и общественной правды въ Италіи*». Также И. Щегловъ. «Соціальныя ученія». Изд. 80-хъ годовъ.

Здѣсь начинается разсказъ адмирала о всѣхъ особенностяхъ философской республики, лишь изрѣдка прерываемый краткими вопросами и возраженіями собесѣдника. Изъ этого разсказа мы узнаемъ, что «Городъ Солнца» не есть «ни монархія, ни республика», такъ какъ, хотя высшій глава государства, *Sol*, избирается народомъ, но его власть—духовная и свѣтская въ одно и то же время—не подлежитъ никакому контролю. Этотъ абсолютный правитель, котораго Кампанелла называетъ «Метафизикомъ», долженъ быть одаренъ всѣми знаніями и добродѣтелями соляріевъ, подобно тому, какъ чистое Бытіе было воплощеніемъ всѣхъ свойствъ, какими люди обладаютъ лишь въ небольшой степени. Его знанія должны быть энциклопедичны; онъ долженъ быть хорошо знакомъ съ исторіей всѣхъ народовъ, ихъ нравами, привычками и религіозными обрядами, знать математику, физику и особенно астрологію; преимущественное вниманіе обращалось также и на его техническія знанія. Кампанелла является, такимъ образомъ, первымъ мыслителемъ, возвысившимъ ремесленный и, вообще, ручной трудъ на такую высокую степень достоинства. Такую же свободу отъ предразсудковъ своего времени онъ выказалъ и въ области медицины. Врачи и хирурги считали тогда ниже своего достоинства изучать анатомію, которая относилась къ сферѣ простыхъ ремеслъ, къ профессіи цырюльника, и даже знаменитый Парацельзій раздѣлялъ съ ними такое пренебреженіе къ столь важной отрасли медицины. Между тѣмъ, Кампанелла, этотъ мистическій монахъ и мечтатель, проведшій почти всю жизнь въ монастырѣ и тюрьмахъ, сознавалъ столь ясно все значеніе анатоміи, что, по его увѣренію, соляріи изучали человѣческій организмъ по трупамъ казненныхъ преступниковъ.

Описывая обширность знаній верховнаго правителя, разсказчикъ спѣшитъ прибавить, что граждане солнечнаго города, въ глазахъ которыхъ «Аристотель есть лишь логикъ, а не философъ», презираютъ схоластическое краснобайство; что они пріобрѣтаютъ знанія не книжной выучкой, а непосредственнымъ изученіемъ живой природы; что ихъ городъ является сплошнымъ музеемъ, такъ какъ стѣны его украшены геометрическими чертежами, астрономическими картами, а также изображеніями всевозможныхъ звѣрей и растеній, сопровождаемыми сжатыми, но точными объясненіями. Какое важное значеніе Кампанелла придавалъ наглядному методу обученія, видно изъ того, что даже азбука была разрисована на стѣнахъ подлѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ обыкновенно играли маленькія дѣти. Благодаря этой новой методѣ, говоритъ разсказчикъ, соляріи пріобрѣтаютъ въ одинъ годъ столько знаній, сколько въ

школахъ Европы, «гдѣ лишь рабски зубрятъ слова», получаютъ въ теченіе десяти лѣтъ.

Подъ верховнымъ контролемъ «метафизика», государствомъ управляютъ три второстепенныхъ администратора. Они также избираются и олицетворяютъ три высшія способности души: *мощь*, *любовь* и *мудрость*. Первый изъ этихъ трехъ правителей завѣдуетъ войной и военнымъ искусствомъ. Представитель мудрости, вмѣстѣ съ тринадцатью учеными, изъ которыхъ первый называется астрологомъ, заботится о научномъ и техническомъ образованіи гражданъ. Любовь («Mor») регламентируетъ все, относящееся къ поддержанію и улучшенію породы; она соединяетъ людей и животныхъ въ видахъ усовершенствованія потомства. Граждане этого удивительнаго общежитія, по словамъ генуэзскаго адмирала, досконально знакомы съ нашими порядками и нравами, вызывающими у нихъ ироническія насмѣшки; но ничто не вызываетъ у нихъ столько смѣха, какъ то обстоятельство, что «въ то время, какъ мы удѣляемъ столько вниманія усовершенствованію нашихъ псовыхъ и лошадиныхъ породъ, никто не несетъ заботы объ облагороженіи человѣческой расы». Въ солнечномъ государствѣ думаютъ и поступаютъ иначе. Ничто не предоставляется волѣ стихіи и случая; напротивъ, «Любовь» ведетъ съ ними систематическую борьбу на всѣхъ пунктахъ: она устанавливаетъ сроки посѣва и жатвы, надзираетъ за правильнымъ расплодомъ животныхъ, регулируетъ приготовленіе и особенности съѣстныхъ припасовъ, покрой и качества платьевъ, но особенныя заботы посвящаетъ цѣлесообразному воспитанію юнаго поколѣнія.

Мудрое правленіе этихъ четырехъ высшихъ сановниковъ влечетъ за собою нравственное и физическое усовершенствованіе гражданъ. Человѣческіе пороки и злыя наклонности, если и не атрофируются вполнѣ, то, благодаря «ловкой политикѣ», почти не проявляются. Исключительные случаи преступленій подавляются, однако, съ неумолимою строгостью. Правовое начало возмездія проникаетъ всю юстицію соляріевъ: око за око, зубъ за зубъ. Но тюремъ нѣтъ. Для постановки обвинительнаго приговора необходимъ допросъ свидѣтелей и обвинителя. Затѣмъ, такъ какъ въ странѣ свободныхъ и равныхъ гражданъ нѣтъ мѣста палачу, то смертные приговоры исполняются всѣмъ народомъ: преступника побиваютъ камнями. Такая жестокая карательная система смягчается, правда, требованіемъ, чтобы обвиненный, до совершенія казни, призналъ ея справедливость; въ противномъ случаѣ онъ не наказывается.

Подробнѣе всего разсказчикъ распространяется о важнѣйшей общественной функціи — поддержаніи и усовершенствованіи чело-

вѣческой расы. «Что касается этого пункта,—говоритъ онъ,—то здѣсь все регламентировано до мельчайшей подробности и исключительно съ точки зрѣнія общественной, а не частной. У насъ считается совершенно естественнымъ притязаніе человѣка на исключительное владѣніе своимъ жилищемъ и такое же обладаніе женой и дѣтьми. Соляріи же, наоборотъ, полагаютъ, что произведеніе потомства преслѣдуетъ цѣли вида, а не индивидуума; согласно имъ, эти функціи интересуютъ республику, а не частныхъ лицъ, поскольку послѣднія не являются интегрированной частью общественнаго организма».

Дитя принадлежитъ обществу. Его воспитаніе простирается не только на время *до* его рожденія, но и на время, непосредственно предшествующее его зачатію, къ которому допускаются лишь избранныя пары. Во время беременности женщины живутъ среди изображеній и статуй красивѣйшихъ героевъ, чтобы одушевляться совершенствомъ ихъ внѣшнихъ формъ. Среди соляріевъ такъ глубоко вѣруютъ въ эстетическое внушеніе, что даже племенныхъ животныхъ окружаютъ прекрасными изображеніями быковъ, лошадей, собакъ и прочихъ животныхъ. На третьемъ году жизни ребенокъ начинаетъ знакомиться съ азбукой способомъ, о которомъ было упомянуто выше. Съ шестого года его знакомятъ съ естественными и прикладными науками, при чемъ все время обученіе носитъ скорѣе характеръ игры, чѣмъ сухого заучиванія. Занятія продолжаются ежедневно не свыше четырехъ часовъ, и каждый ребенокъ, до наступленія зрѣлости, долженъ изучить всѣ науки, такъ какъ «тотъ, кто знакомъ лишь съ одной и ту узналъ лишь по книгамъ, есть тѣмъ не менѣе круглый невѣжда». Чтобы соединить теорію съ практикой, соляріи водятъ своихъ дѣтей въ поле, въ лѣсъ, въ горы и тамъ учатъ ихъ минералогіи, ботаникѣ, земледѣлію и т. д., а также пріучаютъ ихъ къ перенесенію всякихъ лишеній, дѣлаютъ ихъ ловкими и сильными. Изъ всѣхъ этихъ упражненій не исключены и дѣвушки; онѣ, также какъ и мальчики, участвуютъ въ различныхъ гимнастическихъ играхъ, охотятся на дикихъ звѣрей и, такимъ образомъ, подготовляютъ себя къ обученію военному искусству. Мало того, «они, соляріи, заставляютъ молодыхъ людей посѣщать кухни, сапожныя и столярныя мастерскія, мѣста обработки металловъ и т. п., чтобы дать имъ, такимъ путемъ, техническое образованіе и возможность проявить ихъ природныя наклонности». Каждый гражданинъ новой республики долженъ знать нѣсколько ремеслъ, и въ этомъ требованіи Кампанелла сходится съ Платономъ, бывшимъ также противъ прикрѣпленія—обычнаго въ древности и въ средніе вѣка—

одной семьи, вмѣстѣ съ ея потомствомъ, къ веденію одного и того же промысла.

Преимущественнымъ почетомъ въ солнечномъ государствѣ пользуются тѣ граждане, которые проявили особенную преданность общественному долгу, «и,—прибавляетъ разсказчикъ,—ничто не кажется имъ болѣе безсмысленнымъ, какъ то, что *мы* относимся къ своимъ рабочимъ пренебрежительно, и, въ то же время, считаемъ благородными тѣхъ, которые, не принося никакой пользы, живутъ въ довольствѣ и роскоши, такъ какъ для этого у насъ есть рабы, несущіе заботы о нашихъ удовольствіяхъ и удовлетвореніи нашихъ страстей». Каждый полезный трудъ пользуется уваженіемъ, и «соляріи не можетъ понять, почему прислуживаніе за столомъ, приготовленіе обѣда или обработка земли должны считаться унизительными занятіями»... Все производство у нихъ регулировано такъ хорошо, что каждому не приходится работать больше четырехъ часовъ въ день; остальное время посвящается отдыху, образованію и развлеченіямъ. Наиболѣе тяжкія и опасныя работы считаются наиболѣе почетными. Время земледѣльческаго труда является у соляріевъ настоящимъ праздникомъ. Въ опредѣленный день они оставляютъ городъ, вооруженные, съ развивающимися знаменами и музыкой, чтобы обработывать свои поля. Этотъ обычай напоминаетъ нѣчто подобное у перуанскихъ инковъ. Въ коммунистическомъ государствѣ Перу, до времени вторженія въ него христіанскихъ варваровъ, существовалъ обычай посвящать третью часть обрабатываемыхъ земель Солнцу, ихъ богу, и получаемую отсюда жатву они употребляли часть на поддержаніе культа, часть на распредѣленіе между своими семьями. Эти земли обрабатывались празднично разодѣтымъ населеніемъ при пѣніи священныхъ гимновъ. Кампанелла, вѣроятно, имѣлъ уже кое-какія свѣдѣнія объ этой интересной странѣ, открытой въ началѣ шестнадцатаго столѣтія; самое названіе философской республики напоминаетъ намъ культъ солнца, какъ высшаго божества инковъ. Нѣкоторыя частности быта «Солнечнаго города» какъ бы заимствованы у перуанской коммуны. Такъ, напримѣръ, и соляріи, и инки относятся къ унаваживанію полей. «Они,—говоритъ генуэзецъ,—не унаваживаютъ своихъ земель, такъ какъ они полагаютъ, что употребленіе навоза приноситъ вредъ плодамъ, подобно тому, какъ у женщинъ, украшающихъ себя румянами, рождаются лишь хилыя дѣти».

Всѣ граждане солнечнаго государства считаютъ себя членами одной и той же семьи; одновозрастные называютъ себя братьями и сестрами, молодые старыхъ—отцами и матерями. Обѣдъ общій

въ большихъ столовыхъ залахъ, причемъ молодежь до 20 лѣтъ прислуживаетъ старшимъ. Хотя за обѣдомъ не принято вести разговоровъ, но зато въ это время поются пѣсни или играетъ музыка. Врачи бдительно надзираютъ за пищей и регулируютъ ее сообразно временамъ года и возрасту; но всегда она отличается разнообразіемъ. Нѣкоторое время они хотѣли было питаться одной растительной пищей, но затѣмъ принуждены были признать необходимость потребленія мяса. Опредѣлено, между прочимъ, также и то, сколько разъ должны соляріи принимать пищу въ сутки, именно: взрослые два раза, старики—три и дѣти четыре раза. Съ особенной педантичностью соблюдается у нихъ чистота. Для этого они совершаютъ частыя купанія, обновляютъ столь же часто бѣлье, которое стирается у нихъ въ водѣ, «профильтрованной сквозь песокъ въ особыхъ резервуарахъ». Особенно много потребляется ими благовонныхъ эссенцій; они натираютъ свои тѣла масломъ ароматическихъ растеній и жуютъ каждое утро анитъ (укропъ), ѳиміамъ или петрушку, чтобы сдѣлать свое дыханіе пріятнымъ.

Какъ мужчины, такъ и женщины носятъ одинаковую одежду, «приспособленную для войны», съ той лишь небольшой разницей, что туника у мужчинъ доходитъ до колѣнъ, тогда какъ у женщинъ она немного длиннѣе. Словомъ, равенство половъ проведено до мельчайшихъ деталей.

Привольная и здоровая жизнь, заполненная физическими и духовными упражненіями, разнообразіемъ полезнаго труда и разумными развлеченіями, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ, все это дѣлаетъ соляріевъ счастливѣйшими существами на нашей землѣ. Но странно... одно несчастье преслѣдуетъ ихъ особенно часто: *эпилепсія*,—правда, замѣчаетъ разсказчикъ, «болѣзнь вообще выдающихся личностей, Гераклита, Сократа, Каллимаха и Магомета». Соляріи лѣчатъ ее соотвѣтственными гимнастическими упражненіями и молитвой. Что касается ихъ врачебнаго искусства, то оно столь же просто, какъ и оригинально. Молочныя и винныя ванны, движеніе на чистомъ воздухѣ, музыка, танцы—вотъ и всѣ почти важнѣйшія врачебныя средства. Въ исторіи они не совсѣмъ новы: еще раньше соляріевъ, спартанскія женщины купали своихъ новорожденныхъ въ винѣ, чтобы сдѣлать ихъ крѣпкими, а философъ древности, Демокритъ, вылѣчивалъ, какъ разсказываютъ, ревматизмъ и рѣзь въ почкахъ звуками флейтъ...

Бѣлый цвѣтъ самый распространенный среди соляріевъ; они «презираютъ черный цвѣтъ, особенно любимый японцами». Вся одежда ихъ была бѣлаго цвѣта. Вообще, Кампанелла придавалъ важное значеніе цвѣту платьевъ, ему онъ придавалъ символиче-

ское значеніе. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ говоритъ слѣдующее:

«Траурный костюмъ больше всего приличествуетъ нашему вѣку... Это столѣтіе стыдится веселыхъ цвѣтовъ, ибо оно рыдаетъ надъ своимъ декадансомъ, оно плачетъ вслѣдствіе царящей въ немъ тираніи и страдаетъ отъ оковъ, свинцовыхъ пуль и цѣпей, отъ кровожадныхъ героевъ и изнывающихъ въ тоскѣ душъ справедливыхъ.

«...Этотъ цвѣтъ есть также символъ дошедшаго до крайности безумія, дѣлающаго насъ слѣпыми, злыми и мрачными.

«...Но я вижу впереди время, когда всѣ станутъ носить бѣлыя туники, если только высшая воля извлечетъ насъ изъ грязи»...

Что касается организаціи собственности, то и орудія производства, и предметы потребленія изъяты изъ частной собственности; послѣдней, вообще, нѣтъ мѣста въ «городѣ солнца». Въ видахъ поддержанія общественной собственности, воспитаніе и содержаніе дѣтей возложено на общество, что дѣлаетъ лишнимъ образованіе отдѣльныхъ семействъ, ибо, читаемъ мы въ трактатѣ, «частная собственность обусловливается и поддерживается тѣмъ обстоятельствомъ, что каждый изъ насъ имѣетъ отдѣльно собственный домъ». Также, «всѣ вещи владѣются ими сообща и распредѣляются между ними правительствомъ». Хотя соляріи не исповѣдуютъ католической религіи, но охотно читаютъ отцовъ католической церкви, цитируя изъ ихъ писаній мѣста въ подкрѣпленіе своихъ взглядовъ на собственность. Между прочимъ, они ссылаются на Тертулліана, рисующаго намъ солидарную жизнь первыхъ христіанъ, на Климента и другихъ.

Соляріямъ хорошо знакомы возраженія противъ общности имущества, которыя еще Аристотель высказалъ въ защиту частной собственности.

Великій магистръ: Но, какъ возражалъ Аристотель Платону, никто тогда (при общности имущества) не станетъ работать; всякій станетъ полагаться на трудъ другихъ.

Адмиралъ: Чтобы не входить въ пренія по данному вопросу, я скажу лишь, что любовь соляріевъ къ своему отечеству невѣроятна, подобно тому, какъ это, согласно исторіи, было у римлянъ...

Великій магистръ: Также дружбы не можетъ быть среди соляріевъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ ничего, что они могли бы взаимно дарить.

Адмиралъ: Даже больше, никто не въ правѣ получать что-либо отъ другого; каждый получаетъ все, въ чемъ онъ нуждается,

отъ общины. Однако и у нихъ дружба имѣетъ много случаевъ для своего проявленія, именно: въ битвахъ, во время болѣзни, при изученіи чего-либо, когда каждый старается воодушевить другихъ, помочь имъ, дать имъ совѣтъ и т. д.

Послѣднее возраженіе магистра госпиталійскаго ордена о невозможности дружбы въ странѣ солнца напоминаетъ одинъ историческій фактъ. Вскорѣ послѣ открытія Америки, испанскимъ королемъ посланы были въ страну инковъ ученые правовѣды. Одинъ изъ нихъ, Паоло Ондегардо, узнавъ, что въ Перу нѣтъ ни одного бѣднаго индійца, такъ какъ всѣ отличались благосостояніемъ, приписалъ такой строй дьявольскому внушенію. «При подобныхъ порядкахъ, — писалъ онъ, — не можетъ процвѣтать христіанская любовь къ ближнему, ибо богатые лишены возможности упражняться въ покровительствѣ бѣднымъ, а сыновняя любовь и вовсе изсякнетъ, такъ какъ дѣти освобождены отъ обязанности поддерживать своихъ престарѣлыхъ и бѣдныхъ родителей»...

Въ странѣ солнца матеріальный интересъ пересталъ играть первенствующую роль въ межчеловѣческихъ отношеніяхъ; гражданъ связываютъ здѣсь болѣе высокіе мотивы симпатіи и любви къ родинѣ. «Они богаты, такъ какъ не имѣютъ ни въ чемъ недостатка, и въ то же время они бѣдны, потому что у нихъ нѣтъ собственности: слѣдовательно, они не являются рабами внѣшнихъ условій, а наоборотъ,—ихъ господами».

Не имѣя частной собственности, они не нуждаются ни въ деньгахъ, ни въ торговлѣ, хотя и покупаютъ у другихъ націй предметы, которые они сами не могутъ производить. «Но такъ какъ они не желаютъ деморализироваться порочными обычаями чужеземныхъ купцовъ, то послѣдніе допускаются лишь въ гавани солнечнаго государства».

Соляріи изумляютъ всѣхъ своимъ гостепріимствомъ. «Они очень любезны и учтивы къ чужимъ, посѣщающимъ ихъ страну; содержатъ ихъ на государственный счетъ. Омывъ иностранцу ноги, соляріи показываютъ ему достопримѣчательности своего города, удѣляютъ ему почетное мѣсто при своихъ общихъ столахъ и выбираютъ изъ своей среды лицъ спеціально для оказанія ему разныхъ услугъ. Въ случаѣ, если чужестранецъ желаетъ стать гражданиномъ ихъ государства, его подвергаютъ двухмѣсячному испытанію; выдержавъ искусъ, онъ становится полноправнымъ членомъ гостепріимной республики».

Таковъ «Городъ солнца», прелюдія земного рая Кампанеллы.

Вышеприведеннымъ мы и закончимъ нашъ краткій очеркъ жизни и соціально-политическихъ идеаловъ итальянскаго утописта, насколько послѣдніе выразились въ знаменитѣйшемъ изъ его трактатовъ, «дающемъ—по словамъ самаго Кампанеллы—понятіе объ образцовомъ государствѣ и непобѣдимомъ градѣ, одно созерцаніе котораго даетъ возможность внѣшняго воспріятія всѣхъ знаній».

Вмѣстѣ съ Джіордано Бруно, Кампанелла принадлежитъ къ той сплоченной фалангѣ свободныхъ умовъ, которая была авангардомъ тогдашней бурной, одушевленной золотыми мечтами эпохи. Оба доминиканца были, употребляя выраженіе Бэкона, novorum hominum primi, истинными піонерами своего времени. Надо было обладать рѣдкимъ мужествомъ, чтобы при багровомъ заревѣ всюду пылавшихъ инквизиціонныхъ костровъ безбоязненно выступить на борьбу противъ традиціонныхъ устоевъ средневѣковой мысли и жизни. Всю колоссальную тяжесть этой борьбы могли вынести на своихъ плечахъ лишь такіе титаны, какъ эти два бѣдныхъ монаха, не отступавшихъ ни на шагъ. Палачи дрожали предъ беззащитными жертвами. Джіордано Бруно справедливо замѣтилъ своимъ инквизиторамъ: «вы больше боитесь объявить мнѣ смертный приговоръ, чѣмъ я—его выслушать». Вступая въ борьбу съ темными историческими силами, эти люди заранѣе знали, что̀ поставили на карту. «Я слышу,—пишетъ, напримѣръ, Джіордано Бруно,—голосъ своего сердца, которое взываетъ ко мнѣ: куда ведешь ты меня, безстрашный боецъ? сократи свой размахъ, умѣрь свой полетъ, такъ какъ слишкомъ большая отвага не останется безнаказанной. Но я возражаю на это: почему мнѣ бояться такого конца? Неустрашимо подымемся мы къ облакамъ и тогда можемъ умереть удовлетворенными, если только небу угодно послать намъ славную смерть»...

Новыя философскія идеи, провозглашенныя этими двумя доминиканцами, въ корнѣ отличались отъ тѣхъ, что проповѣдывалъ средневѣковый католицизмъ. Земля—эта жалкая юдоль стенаній и плача, гдѣ дьяволъ всюду расположилъ свои сѣти для уловленія человѣческихъ душъ,—представлялась имъ воплощеніемъ красоты, а вся природа, даже въ самыхъ ничтожныхъ своихъ проявленіяхъ,—неизсякаемымъ источникомъ жизнерадостнаго изученія. Міръ есть истинный образъ Божій («mundum esse Dei veram statuam»), природа есть воплощенное божество (natura est Deus in rebus)—такъ мыслитъ Джіордано Бруно, и Кампанелла высказываетъ такія же мысли: «Міръ есть великое и совершенное существо, изваяніе самого Божества». Эти религіозно-философскія положенія, во второй половинѣ семнадцатаго столѣтія, были раз-

виты Спинозой, философомъ того же чекана. Его «Natura sive Deus» есть лишь болѣе краткая формулировка идей нашихъ доминиканцевъ. Всѣ тѣла, даже и тѣ, которыя кажутся намъ совершенно безчувственными, одарены, по мнѣнію Кампанеллы, внутренней жизнью. Звѣзды, элементы, растенія,—все это живыя созданія; даже трупы не лишены жизненности, ибо смерть относительна. Богъ живетъ вездѣ и во всемъ, или, что то же, природа въ самой себѣ таитъ свой жизненный принципъ, словомъ—идея всеодушевленія или панпсихизма, имѣющая столько сторонниковъ среди замѣчательнѣйшихъ современныхъ философовъ, была одной изъ основныхъ въ философскомъ міросозерцаніи Кампанеллы.

«Я родился, чтобы вести борьбу съ тремя великими бѣдствіями: тиранніей, ханжествомъ и софистикой», говорилъ Кампанелла въ одномъ изъ своихъ сонетовъ, и вся его долголѣтняя жизнь была однимъ неуклоннымъ и мученическимъ выполненіемъ возложенной имъ на себя задачи.

Е. Лозинскій.

ИЗЪ ЮЖНЫХЪ МОТИВОВЪ.

Горная дорога.

Полдень жжетъ... Иду я въ гору...
Каменистыя громады!
Нѣтъ нигдѣ отрады взору
И для сердца нѣтъ отрады.

—

Тяжелѣе—путь песчаный,
Смѣны нѣтъ камнямъ и зною;
Отъ акацій запахъ пряный
Разливается волною.

—

По дорогѣ каменистой
Поднимая за собою
Тучу пыли золотистой—
Побрели волы съ арбою.

—

Коростель неугомонный
Все твердитъ мотивъ знакомый,
Умъ охваченъ полусонный,
Непонятною истомой...

—

Шагъ еще—и полной грудью
Вновь дышу я на вершинѣ,
И къ безмолвью, и къ безлюдью
Всей душой стремлюсь я нынѣ.

—

Здѣсь стихаетъ гулъ нестройный,
    Отзвукъ шума городскаго,
Величавый и спокойный,
    Предо мной—Кавказъ былого.

—

Небо... горы... Надъ пустыней
    Паръ клубится изъ расщелинъ,
Вьется онъ въ лазури синей,
    Какъ куренья изъ моленъ.

—

Гдѣ раздоры? Гдѣ насилья?
    Гдѣ борьба за кроху хлѣба?
Духъ людской, расправивъ крылья,
    Какъ орелъ стремится въ небо!

О. Чюмина.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Дневникъ» Никитенки.—Никитенко какъ представитель обывательской философіи приспособляемости.—Отраженіе этой философіи въ его дѣятельности.—Значеніе критической стороны его «Дневника».—Его мѣткія характеристики и отзывы о дѣятеляхъ и направленіяхъ.—Слабость Никитенки, какъ мыслителя и дѣятеля въ шестидесятые годы.—Причины этого явленія въ прошломъ эпохи, описываемой авторомъ «Дневника».

Въ августѣ исполнилось двадцать лѣтъ со дня смерти Александра Васильевича Никитенки, имя котораго если и извѣстно современному читателю, то лишь какъ автора единственной въ своемъ родѣ книги — «Дневника», озаглавленнаго авторомъ такъ: «Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ». При жизни, однако, онъ пользовался почтенной и вполнѣ заслуженной извѣстностью, какъ хорошій профессоръ, добросовѣстный критикъ, академикъ и администраторъ. Но всѣ эти, такъ сказать, оффиціальныя стороны его дѣятельности пошли на смарку, затерлись и забылись послѣ появленія въ 80-хъ годахъ *) его «Дневника», въ которомъ Никитенко выступаетъ въ роли несравненнаго лѣтописца своего времени. Въ немъ изумленному обществу явился новый человѣкъ. Сбросивъ вицмундиръ и отложивъ въ сторону всякое мірское попеченіе, Никитенко перерождается и такъ основательно, какъ только можетъ русскій обыватель, который при исполненіи обязанностей—одно, а затѣмъ, «вымывъ руки», становится прямою противоположностью именно этимъ обязанностямъ.

Разсматриваемый и оцѣниваемый съ этой точки зрѣнія, Никитенко представляетъ характернѣйшій образецъ обывательской приспособляемости. Бюрократъ до мозга костей, цензоръ, выслужившій въ цензурѣ полный пенсіонъ, и консерваторъ чистой крови, онъ въ тиши кабинета написалъ удивительную книгу, ужаснѣйшій доносъ потомству на бюрократію, цензуру и консерватизмъ. Родился онъ въ царствованіе Александра I, пережилъ всю николаевскую эпоху, шестидесятые годы и умеръ въ концѣ 70-хъ. Кажется, довольно смѣнъ и направленій, и настроеній. Кажется, могъ человѣкъ хоть разъ высказаться, открыто стать «ошуйю» или «одесную», могъ, что называется, прорваться. Съ нимъ этого не случилось, онъ ко всему примѣнялся легко и свободно, съ поразительной гибкостью и даже не безъ своеобразнаго изящества. По крайней мѣрѣ, читая его «Дневникъ», эту глубокомысленную и остроумную характеристику его времени и современниковъ—и какихъ современниковъ!—читатель ни разу не испытываетъ чувства жгучей боли или стыда за автора, скорѣе, напротивъ—восхищается неуловимой дипломатіей и ловкостью, съ которою Никитенко, проскользнувъ между Сциллой и Харибдой, достигаетъ чина тайнаго совѣтника, званія академика и многихъ

*) Въ «Русск. Старинѣ», а затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ. Далѣе вездѣ цитируется это трехтомное изданіе.

другихъ благъ и успокоивается на лаврахъ, правда дешевыхъ, но все же лаврахъ. «Я не принадлежу никакой партіи», замѣчаетъ Никитенко по поводу академическихъ раздоровъ, гдѣ боролись «нѣмцы» и «русскіе». «Я прежде всего принадлежу моему убѣжденію, и только», гордо заявляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. И всѣ партіи ухаживали за нимъ и считали его въ своихъ рядахъ. Быть внѣ партій значитъ служить самому себѣ—и только, и въ этомъ искусствѣ Никитенко не знаетъ соперниковъ.

Удивительна выдержка, съ которою онъ ведетъ свою лѣтопись, систематически, ежедневно, съ глазу на глазъ съ самимъ собой изливая накопившіяся въ немъ горечь и желчь неудовольствія и раздраженія противъ тѣхъ, предъ кѣмъ приходилось ему сгибаться, кому служить, чьи молча выносить обиды, глупости и капризы. Его «Дневникъ», это—кладезь приспособляемости и мудрой житейской опытности. Онъ въ равной мѣрѣ ладитъ съ Клейнмихелемъ, Уваровымъ и Ростовцевымъ, и отъ каждаго пріемлетъ малую толику. Онъ не скрываетъ, что это ему доставалось не дешево. Онъ вѣчно заваленъ кучею дѣлъ, служитъ въ десяти разныхъ учрежденіяхъ, пишетъ десятки докладныхъ записокъ, сознавая ясно все ничтожество этихъ занятій, все ихъ безплодіе и ненужность. Эта работа уподобляетъ его «каторжнику», какъ онъ съ горечью жалуется неоднократно. Въ то же время его влечетъ совсѣмъ въ иную сторону. «У всякаго общественнаго дѣятеля,—пишетъ онъ, — свои элементы силы, посредствомъ которыхъ онъ достигаетъ желаемыхъ результатовъ. Элементами моей силы я считаю: мысль и слово, а не эрудицію. Мое естественное влеченіе обратитъ каѳедру въ трибуну» (Т. I, стр. 418). А между тѣмъ, этотъ «трибунъ» — цензоръ. Трудно придумать болѣе роковое «стеченіе обстоятельствъ».

Его выручаетъ дневникъ, на страницахъ котораго его огорченная душа ищетъ утѣшенія и примиренія съ идеалами. Ибо и послѣдніе ему далеко не чужды. Онъ никогда не забываетъ ихъ, они неустанно грызутъ его сердце и волнуютъ его умъ. Только ихъ онъ держитъ про себя, не давая имъ проявиться въ дѣйствіи. Какъ русскій обыватель, онъ вѣчно пребываетъ въ надеждѣ славы и добра, что и способствуетъ ему выносить всяческія казни безтрепетно и безропотно. Никитенко вовсе не лицемѣръ, не Тартюфъ или іезуитъ. Въ немъ много благожелательности, природнаго добродушія и тонкаго юмора, позволяющаго человѣку и въ самомъ ужасѣ подмѣчать смѣшное и тѣмъ смягчающаго его. Съ первой и до послѣдней страницы его «Дневникъ» ни разу не вызываетъ негодованія, брезгливости или отвращенія, хотя авторъ никогда не рисуется и ничего, повидимому, не скрываетъ. Предъ нами все время благодушный россіянинъ, милый человѣкъ и не безъ достоинствъ. Въ немъ есть и благородство, и прямая честь. Вы ни разу не заподозрите его во взяточничествѣ, напр., хотя его окружали взяточники, взятка носилась въ воздухѣ, а въ «Дневникѣ» то и дѣло попадаются записи: «слышно, такой-то (имярекъ) своровалъ столько-то».

Рѣзкіе, сильные типы, въ ту или иную сторону, требуютъ особой культуры, которая вырабатывается борьбой. Гдѣ тишь да гладь, тамъ не выживаютъ яркіе характеры, требующіе простора для проявленія своей энергіи. Гдѣ личность связана и вся дѣятельность сведена, какъ у Никитенки, къ «Дневнику», тамъ и характеры получаютъ особую закругленность, какъ рѣчные голыши, постоянно омываемые водой, которая исподволь, но неудержимо шлифуетъ всѣ ихъ неровности, сглаживаетъ шероховатости и полируетъ всѣхъ подъ одно.

То же случилось и съ Никитенко, который въ самомъ началѣ выступаетъ

предъ нами, какъ личность очень оригинальная, незаурядная, безспорно выдающаяся, хотя и безъ яркой окраски. Сынъ крѣпостного, безъ всякой поддержки и внѣшняго руководства онъ выбивается изъ низинъ тогдашняго общества къ свѣту, поступаетъ въ университетъ и сразу попадаетъ въ кругъ лучшихъ людей своего времени. Что онъ—бывшій крѣпостной, не препятствуетъ ему въ этомъ кругу, даже придаетъ ему извѣстный ореолъ въ глазахъ общества, которое служило тогда центромъ прогрессивнаго движенія. Это было наканунѣ роковыхъ декабрьскихъ дней, во время которыхъ Никитенко уцѣлѣлъ «какимъ-то чудомъ», какъ говоритъ одинъ изъ его оффиціальныхъ біографовъ. Но его спасло знакомство съ Я. И. Ростовцевымъ, которому пришлось сыграть довольно опредѣленную роль въ этомъ дѣлѣ, за что онъ и былъ награжденъ флигель-адъютантствомъ и быстро пошелъ вверхъ по лѣстницѣ наградъ и отличій. Повидимому, тяжелыя событія этого времени произвели сильное, подавляющее впечатлѣніе на молодого Никитенко. Въ «Дневникѣ» 26 г. есть уже намеки на будущаго благополучнаго россіянина. Никитенко еще растерянъ, не знаетъ, какъ быть и какъ держаться. Осторожно, но цѣпко хватается онъ за разныя благопріятныя обстоятельства и полегоньку, потихоньку, но увѣренной поступью идетъ къ благополучному устроенію своихъ дѣлишекъ. Любопытно и назидательно видѣть, какъ уже въ студентѣ развивается его будущая способность сходиться со всякими людьми и изъ каждаго извлекать посильную пользу. Въ «Дневникѣ» этого періода нѣтъ, конечно, ничего, что слишкомъ строгій моралистъ поставилъ бы на счетъ Никитенки въ дурную сторону. Какъ до конца, такъ и въ началѣ предъ нами умный, тонко понимающій человѣкъ, кующій свою судьбу, не брезгая никакимъ матеріаломъ, но слишкомъ умный, чтобы подмѣшивать сюда завѣдомую гадость ради минутныхъ выгодъ. Вотъ, напр., какъ онъ объясняетъ мотивы дѣйствій Ростовцева, котораго онъ не въ силахъ ни осудить, ни оправдать. Надо помнить, что это пишется въ глубочайшей тайнѣ, наединѣ съ самимъ собой, слѣдовательно, ни хитрить, ни умалчивать нѣтъ нужды. «Поступокъ Ростовцева, во всякомъ случаѣ, заключаетъ въ себѣ много твердой воли и присутствія духа, чему я самъ былъ свидѣтелемъ, но онъ, мнѣ кажется, слишкомъ хотѣлъ показаться благороднымъ, а это въ соединеніи съ тѣмъ сомнительнымъ положеніемъ, въ коемъ онъ находился, можетъ показаться многимъ только хитрой стратегемой, посредствомъ которой онъ хотѣлъ въ одно время и выпутаться изъ бѣды, и явиться человѣкомъ доблестнымъ. Весьма естественно, что и государь такъ думаетъ. Это мнѣніе могло быть сильно подкрѣплено еще тѣмъ, что Ростовцевъ объявилъ заговорщикамъ о разговорѣ своемъ съ государемъ наканунѣ бунта и даже далъ имъ копію съ письма своего къ нему, что объявили сами заговорщики при допросахъ. Сей поступокъ могъ быть сдѣланъ и съ хорошимъ намѣреніемъ, то-есть, чтобы остановить заговорщиковъ, показавъ имъ, что правительству уже извѣстны ихъ замыслы, и оно, слѣдовательно, готово принять мѣры. Но, съ другой стороны, это могло быть и простой несостоятельностью, которая являлась какъ бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ первыхъ его связей съ княземъ Оболенскимъ и Рылѣевымъ, то-есть, онъ хотѣлъ показать, что онъ дѣйствуетъ не какъ предатель. Но для сего уже было достаточно того, что онъ не назвалъ заговорщиковъ предъ государемъ, а предоставилъ имъ самимъ объявиться или скрыться. Но въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ находился Ростовцевъ, трудно не сдѣлать ошибки» (т. I, стр. 207—208).

Нельзя отказать въ тонкости этому сужденію, особенно, если вспомнимъ, что нашему мудрецу только 23 года. Ужъ

*

если наединѣ съ самимъ собой онъ такъ остороженъ, можно представить, какъ тонко поведетъ онъ свою политику въ жизни, «въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ», въ какихъ находился Никитенко, бѣдный студентъ, безъ средствъ, безъ особо выдающихся талантовъ и той нравственной силы, которая въ сознаніи своей мощи, въ сознаніи, хотя бы и смутномъ на первыхъ порахъ, ищетъ и находитъ для себя опору in rebus adversis (въ трудную минуту жизни). Никитенко ищетъ опоры во внѣ, сближаясь съ литераторами въ родѣ Булгарина и Греча, въ канцеляріи попечителя, къ которому проникаетъ черезъ Языкова, и т. д. И не думайте, что это окупается какими-либо нравственными жертвами, компромиссами съ совѣстью. Ничего подобнаго. Онъ скользитъ между подводными камнями моря житейскаго съ инстинктомъ, который не оставитъ его никогда и впослѣдствіи, когда ему придется сочинять уставъ о цензурѣ и засѣдать во всякихъ коммиссіяхъ.

Въ этомъ инстинктѣ мы видимъ опять черту, крайне характерную для Никитенки. Именно люди этого типа выступаютъ всегда самыми ярыми противниками компромиссовъ и защитниками убѣжденій. Нигдѣ не приходится слышать столько рѣчей на эти темы и такихъ горячихъ споровъ, вобуждающихъ въ противникахъ ненависть, чуть не «до крово ваго мщенія», по выраженію Достоевскаго («Бѣсы»), какъ въ нашемъ, русскомъ, обществѣ. И въ то же время нигдѣ не встрѣчается столько покладистыхъ натуръ, какъ у насъ, натуръ, въ родѣ Никитенки. И было бы несправедливо ставить имъ это въ укоръ и осужденіе. Убѣжденія не вычитываются изъ книгъ и не получаются готовыми изъ рукъ учителя. Ихъ вырабатываетъ только жизнь, а разъ она требуетъ прежде всего приспособленности, чтобы только существовать могъ человѣкъ, то у послѣдняго, помимо его воли и желанія, и слагается особая философія безсознательной приспособляемости. Въ спорахъ, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда душа паритъ въ надзвѣздныхъ высотахъ, иной и возмнитъ себя героемъ, даже «трибуномъ», но когда «стеченіе обстоятельствъ» совлекаетъ его на землю, нашъ трибунъ поступаетъ à la Никитенко.

Весь «Дневникъ» его за 27, 28, 29, 30, 31 и 32 года переполненъ любопытными фактами изъ дѣятельности тогдашней цензуры. Напр., въ октябрѣ 1827 г. онъ заноситъ въ «Дневникъ»: «Сочиненіе мое о политической экономіи (диссертація) во многихъ мѣстахъ урѣзано цензурою. Между прочимъ, въ одномъ мѣстѣ у меня сказано: «Адамъ Смитъ, полагая свободу промышленности краеугольнымъ камнемъ обогащенія народовъ» и прочее... Слово «краеугольный» вычеркнуто потому, какъ глубокомысленно замѣчаетъ цензоръ, что краеугольный камень есть Христосъ, слѣдовательно, сего эпитета нельзя ни къ чему другому прилагать» (стр. 239, т. I). Или еще, 4 апрѣля 1833 г.: «Было время, что нельзя было говорить объ удобреніи земли, не сославшись на тексты изъ св. писанія. Тогда Магницкіе и Руничи требовали, чтобы философія преподавалась по программѣ, сочиненной въ министерствѣ народнаго просвѣщенія; чтобы, преподавая логику, старались бы въ то же время увѣрить слушателей, что законы разума не существуютъ, а преподавая исторію, говорили бы, что Греція и Римъ вовсе не были республиками, а такъ чѣмъ-то похожимъ на государство съ неограниченною властью, въ родѣ турецкой или монгольской. Могла ли наука приносить плоды, будучи такъ извращаема? А теперь? О, теперь совсѣмъ другое дѣло! Теперь требуютъ, чтобы литература процвѣтала, но никто бы ничего не писалъ ни въ прозѣ, ни въ стихахъ; требуютъ, чтобы учили какъ можно лучше, но чтобы учащіе не размышляли, потому что учащіе— что такое? Офицеры, которые сурово

управляются съ истиной и заставляютъ ее вертѣться во всѣ стороны передъ своими слушателями. Требуютъ отъ юношества, чтобы оно училось много и, притомъ, не механически, но чтобы оно не читало книгъ и никакъ не смѣло думать, что для государства полезнѣе, если его граждане будутъ имѣть свѣтлую голову, вмѣсто свѣтлыхъ пуговицъ» (стр. 319, т. I). А 16 числа того же мѣсяца Никитенко дѣлается цензоромъ, замѣчая по этому поводу въ дневникѣ: «Я дѣлаю опасный шагъ. Сегодня министръ очень долго говорилъ со мною о духѣ, въ какомъ я долженъ дѣйствовать. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка государственнаго и просвѣщеннаго (рѣчь идетъ объ Уваровѣ). «Дѣйствуйте,—между прочимъ, сказалъ онъ мнѣ,—по системѣ, которую вы должны постигнуть не изъ-за одного цензурнаго устава, но изъ самыхъ обстоятельствъ и хода вещей. Но при томъ дѣйствуйте такъ, чтобы публика не имѣла повода заключить, будто правительство угнетаетъ просвѣщеніе» (стр. 313 — 314, т. I). И Никитенко «дѣйствуетъ» безъ колебаній, безъ «думы роковой», словно ему только вицъ-мундиръ перемѣнить пришлось. Впрочемъ, и мѣнять не надо было, потому что въ то время цензурное вѣдомство было подчинено министерству народнаго просвѣщенія, въ которомъ Никитенко служилъ профессоромъ словесности петербургскаго университета.

Съ этого времени и до 1862 года Никитенко безсмѣнно цензируетъ днемъ, а ночью, въ тиши кабинета, изливаетъ душу. «Цензоръ считается естественнымъ врагомъ писателя, — меланхолически заноситъ онъ 8 января 1834 г. и со вздохомъ заканчиваетъ,—въ сущности это и не ошибка» (стр. 316). Это не мѣшаетъ ему съ горечью жаловаться на Пушкина, поэму котораго «Анджело» онъ окарналъ по приказанію министра, имѣвшаго зубъ противъ поэта. Пушкинъ «взбѣсился», а Никитенко пренаивно оправдывается: «Напрасно Александръ Сергѣевичъ на меня сердится. Я долженъ исполнять свою обязанность, а въ настоящемъ случаѣ ему причинилъ непріятность (какъ нѣжно!) не я, а самъ министръ». И долго не можетъ Никитенко простить Пушкину его гнѣва. Въ отзывахъ о великомъ поэтѣ постоянно слышится нотка горечи несправедливо обиженнаго человѣка. «Съ Пушкинымъ слишкомъ тяжело имѣть дѣло», замѣчаетъ онъ вскользь.

Почти 30 лѣтъ несетъ Никитенко свой цензорскій крестъ, твердо и неуклонно исполняя обязанности, и только въ «Дневникѣ» отмѣчаетъ тернія, въ видѣ удивительныхъ казусовъ по цензурѣ, то и дѣло заносимыхъ имъ въ лѣтопись. Такъ, напр., ему дважды пришлось посидѣть на гауптвахтѣ за цензурные огрѣхи. Въ первый разъ по слѣдующему курьезному случаю. Въ «Библіотекѣ для чтенія», которую онъ цензировалъ, были напечатаны стихи Виктора Гюго:

Красавицѣ.

Когда-бъ я былъ царемъ всему земному міру,
Волшебница! тогда-бъ повергъ я предъ тобой
Все, все, что власть даетъ народному кумиру:
Державу, скипетръ, тронъ, корону и порфиру,
За взглядъ, за взглядъ единый твой!
И если-бъ богомъ былъ—селеньями святыми
Клянусь—я отдалъ бы прохладу райскихъ струй,
И сонмы ангеловъ съ ихъ пѣснями живыми,
Гармонію міровъ и власть мою надъ ними
За твой единый поцѣлуй!

«Болѣе двухъ недѣль прошло, какъ эти стихи были напечатаны, меня не тревожили. Но вотъ, дня за два до моего ареста, Сенковскій нарочно пріѣхалъ увѣдомить меня, что эти стихи привели въ волненіе монаховъ, и что митрополитъ собирается принести на меня жалобу. Я приготовился вынести

бюрю». Дѣйствительно: приказано цензора, пропустившаго стихи, посадить на 8 дней на гауптвахту.

Другой случай еще болѣе комиченъ. Въ повѣсти «Гувернантка» обратили на себя вниманія Клейнмихеля два мѣста: «Я васъ спрашиваю, чѣмъ дурна фигура вотъ хоть бы этого фельдъегеря, съ блестящими, совсѣмъ новыми эксельбантами? Считая себя военнымъ и, что еще лучше, кавалеристомъ, господинъ фельдъегерь имѣетъ полное право думать, что онъ интересенъ, когда побрякиваетъ шпорами и крутитъ усы, намазанные фиксатуаромъ, котораго розовый запахъ пріятно обдаетъ и его самого, и танцующую съ нимъ даму... Затѣмъ, прапорщикъ строительнаго отряда путей сообщенія, съ огромными эполетами, высокимъ воротникомъ и еще высшимъ галстукомъ». По жалобѣ Клейнмихеля, увидившаго въ этихъ строкахъ оскорбленіе для фельдъегерьскаго корпуса и вѣдомства путей сообщенія, Никитенко попалъ на одну ночь на гауптвахту.

Какъ ни комичны эти «случаи» для читателя, но не такъ было для литературы. «Былъ у меня Погодинъ, профессоръ московскаго университета. Онъ пріѣзжалъ сюда, между прочимъ, съ жалобою къ министру на московскую цензуру, которая ничего не позволяетъ печатать. Послѣ моего ареста, она превратилась въ настоящую литературную инквизицію. Погодинъ говоритъ, что въ Москвѣ удивляются здѣшней свободѣ печати. Можно себѣ представить, каково же тамъ!» (стр. 356—57, т. I).

Прекрасно понимая все значеніе своей роли, какъ цензора, Никитенко тѣмъ не менѣе ни разу не задается вопросомъ, да зачѣмъ же служить въ цензурѣ ему, профессору, личному секретарю министра и человѣку вполнѣ обезпеченному? «Утопаю въ дѣлахъ», «заваленъ дѣлами», «ни минуты собраться съ мыслями»—постоянно записываетъ Никитенко въ дневникѣ, но цензуры не бросаетъ. Наконецъ, его, что называется, взорвало. Какой-то Машковъ избралъ себѣ псевдонимъ «Кукуреку», за что министръ сдѣлалъ Никитенкѣ выговоръ. Никитенко огорчился. «Былъ сегодня у князя Волконскаго (начальника цензурнаго комитета), горячо объяснялся съ нимъ и просилъ уволить меня отъ цензуры. Что остается дѣлать въ этомъ званіи честному человѣку? Цензора теперь хуже квартальныхъ надзирателей. Князь во всемъ согласенъ со мной, но крайне огорченъ моимъ намѣреніемъ подать въ отставку», и отставка не подана. «На прощаніе мы горячо обнялись» (стр. 444—5, т. I).

Все-таки Никитенко испытываетъ по временамъ нѣкій зудъ въ душѣ. Онъ оправдывается и хватается за особую теорію, придуманную нарочито на случай дѣйствій «примѣнительно къ подлости», по выраженію Щедрина. «Составленныя мною постановленія о публичныхъ лекціяхъ напечатаны уже въ журналѣ «Министерства Народнаго Просвѣщенія» и въ другихъ журналахъ. Многіе недовольны, не столько сутью постановленій, сколько появленіемъ ихъ на свѣтъ, и даже не оставляютъ безъ укора и меня. Но притомъ забываютъ или не хотятъ помнить, что идея закона не моя, а я, призванный осуществить ее, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, руководствовался однимъ, а именно: сдѣлать законъ наименѣе обременительнымъ, полагая, что если онъ попадетъ въ другія руки, то будетъ хуже для всѣхъ. Пусть упрекаютъ меня въ самонадѣянности, но, во всякомъ случаѣ, я дѣйствовалъ одушевленный благими намѣреніями и правиломъ: не отказываться ни отъ какого дѣла, если это обѣщаетъ хотя отрицательную, если не положительную пользу просвѣщенію» (стр. 420, т. I).

Тотъ же мотивъ звучитъ у него постоянно, когда ему приходится принимать участіе въ дѣлахъ, плохо примиряющихся съ его «направленіемъ»,

если только это слово примѣнимо къ людямъ этого типа. Такъ, когда въ 1857 г. былъ образованъ знаменитый «негласный комитетъ» надъ печатью и надъ самой цензурой, Никитенко сначала страшно возмущается. Но вотъ его самого приглашаютъ въ члены комитета, и Никитенко моментально воодушевляется «примирительными соображеніями». «Жребій брошенъ, — восклицаетъ торжественно новый Юлій Цезарь отъ цензуры. — Я на новомъ поприщѣ общественной дѣятельности. Трудности тутъ будутъ—и трудности значительныя. Но нехорошо, нечестно было бы, избѣгая ихъ, отказываться дѣйствовать. Много будетъ толковъ. Возможно, что многіе станутъ меня упрекать за то, что я рѣшился съ моимъ чистымъ именемъ засѣдать въ трибуналѣ, который признается гасительнымъ, но въ томъ-то и дѣло, господа, что я хочу парализовать его гасительныя вожделѣнія». Впрочемъ, когда «гасительныя» свойства комитета оказались неугасимыми, Никитенко ушелъ. Тѣми же соображеніями руководствуется Никитенко, принимая на себя порученіе выработать новый цензурный уставъ, стать во главѣ оффиціальной газеты Валуева, словомъ, принимая всякія порученія, отъ которыхъ его нѣсколько мутитъ. Въ концѣ концовъ, получается общее неудовольствіе. Изъ примирительныхъ намѣреній Никитенки ничего не выходитъ въ комитетѣ, его цензурный уставъ такъ передѣлывается «умѣлой рукой бюрократа, посѣдѣвшаго въ канцелярскихъ бояхъ», что самъ Никитенко въ унылымъ недоумѣніи вопрошаетъ: «Мой уставъ...Да развѣ отъ него что осталось?» Увы, какъ оказывается дальше—осталось, именно всѣ мѣры «строгости и пресѣченія», которыя въ первой редакціи умѣрялись и уравновѣшивались «правами и вольностями». Никитенко, такимъ образомъ, только сыгралъ въ руку «посѣдѣлому бюрократу», уяснивъ ему первое и внушивъ понятное отвращеніе къ послѣднему.

Но обыватель никогда не унываетъ и не теряетъ надежды. Въ этомъ его сила и слабость. Безъ надежды онъ бы зачахъ и увялъ, тина жизни засосала бы его окончательно. Благодаря надеждамъ, онъ какъ ни какъ, все же барахтается, и хотя ничего, кромѣ пузырей, не появляется на поверхности, тѣмъ не менѣе, онъ снова и снова, съ видомъ все того же Юлія Цезаря, стремящагося за Рубиконъ, восклицаетъ въ концѣ 1861 года: «Итакъ, жребій брошенъ. Я становлюсь редакторомъ этой («Сѣверной Почты», оффиціальное изданіе Валуева) газеты и, наконецъ, попытаюсь осуществить мою завѣтную мысль о проведеніи въ обществѣ примирительныхъ началъ» (стр. 290, т. II). А въ іюнѣ 1862 г., т. е. спустя полгода, Никитенко не безъ юмора философствуетъ: «Ну, право же, главный редакторъ оффиціальной газеты сильно смахиваетъ на каторжника. Онъ отвѣчаетъ за каждую букву, за каждую запятую, которыя поставлены или выпущены. Пока не вышелъ номеръ, онъ въ тревогѣ; вышелъ номеръ — онъ еще въ большей тревогѣ. Тамъ можетъ быть сдѣлана ошибка, здѣсь она уже сдѣлана и поправить ее нельзя. Публика недовольна тѣмъ, что номеръ не весь по ея вкусу; начальство тѣмъ, что вы литераторъ, а не чиновникъ. Словомъ, надо имѣть большой запасъ мужества и еще бо́льшій той философіи, которая учитъ многое презирать» (стр. 333, т. II),—и 30 іюня слагаетъ съ себя обязанности редактора, ибо «министръ желаетъ дать такой оборотъ газетѣ, что мнѣ рѣшительно въ ней нечего дѣлать».

Такой неглубокой обывательской философіей проникнута вся оффиціальная и оффиціозная дѣятельности Никитенки. Ее же онъ разводитъ и въ своемъ дневникѣ, какъ только рѣчь заходитъ объ обществѣ, государствѣ, администраціи. Ему ни разу не приходитъ въ голову, что самостоятельность, которую онъ лелѣетъ въ душѣ, какъ чудный идеалъ, не есть нѣчто, лежащее

въ душѣ человѣка, а всецѣло зависитъ отъ внѣшнихъ условій его жизни. Цѣлыя страницы онъ посвящаетъ глубокомысленнымъ разсужденіямъ о такомъ строѣ администраціи, при которомъ чиновникъ былъ бы самостоятеленъ, не замѣчая, что этимъ въ корень подрывается основной принципъ бюрократіи—исполнительность. И когда другіе начинаютъ разсуждать именно самостоятельно, онъ злится, брюзжитъ и разноситъ и литературу, и молодежь, и даже книги, «которыя пріучаютъ человѣка думать по готовымъ образцамъ». Онъ упрекаетъ либераловъ шестидесятыхъ годовъ въ недальновидности, въ излишней требовательности, поспѣшности, въ отсутствіи «государственныхъ способностей». Каковъ его «государственный умъ», показываетъ его отношеніе къ переходу цензурнаго комитета изъ министерства народнаго просвѣщенія въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Онъ возмущается и пишетъ: «Дѣло въ томъ, что оторванная отъ министерства народнаго просвѣщенія цензура сдѣлается добычею всякаго искателя власти и вліянія... Тогда, чего добраго, цензура, пожалуй, угодитъ и въ III-е отдѣленіе» (стр. 170, т. II). Онъ совершенно забываетъ, что самъ, въ теченіе 30 лѣтъ, испыталъ и на себѣ, и на примѣрѣ другихъ видѣлъ, какъ та же цензура при министерствѣ народнаго просвѣщенія была постоянно «добычею» не только «всякаго искателя власти и вліянія», а рѣшительно всѣхъ, начиная съ Уварова и до какой-то пѣвицы Ассандри, которая «настолько же худо пѣла, насколько была прекрасна» (стр. 456, т. I), что «съ цензорами обращались тогда, какъ съ мальчишками или безбородыми прапорщиками, и сажали подъ арестъ за пустяки, не стоющія вниманія» (стр. 437, т. I).

А между тѣмъ, нельзя придумать болѣе злой критики на бюрократію, чѣмъ критика Никитенки. Насколько всѣ его положительныя мысли слабы и наивны, настолько отрицательная критика его «Дневника» остра, обильна фактами и уничтожающа. Достается всѣмъ въ равной мѣрѣ—и либераламъ, и консерваторамъ, и начальству, и подчиненнымъ. Самый слогъ «Дневника» рѣзко мѣняется. Изъ напыщеннаго и восклицательно-торжественнаго, образчики котораго мы приводили выше, онъ дѣлается мѣткимъ, афористически-рѣзкимъ, смѣлымъ и острымъ. Въ немъ чувствуется нѣчто лапидарное, словно на камнѣ высѣкаетъ авторъ свои характеристики, скупясь на слова, избѣгая каждаго лишняго штриха. Иногда такъ и кажется, что это строфы изъ Ювенала или характеристики Тацита. Отъ нихъ вѣетъ холодомъ отчаянія извѣрившагося въ добро и правду человѣка, и жгучая скорбь оскорбленнаго до глубины души гражданина проникаетъ до сердца читателя. Тутъ Никитенко уменъ, блестящъ и ярокъ и дѣйствительно проявляетъ государственный умъ. «Отчего у насъ мало способныхъ государственныхъ людей?— задается вопросомъ Никитенко вскорѣ послѣ севастопольскаго погрома, и отвѣчаетъ съ злой ироніей:—оттого, что отъ каждаго изъ нихъ требовалось одно—не искусство въ исполненіи дѣлъ, а повиновеніе и, такъ называемыя, энергическія мѣры, чтобы всѣ прочіе повиновались... Теперь только открывается,—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — какъ ужасны были для Россіи прошедшія 29 лѣтъ. Администрація въ хаосѣ; нравственное чувство подавлено; умственное развитіе остановилось; злоупотребленія и воровство возрасли до чудовищныхъ размѣровъ. Все это плодъ презрѣнія къ истинѣ и слѣпой вѣрѣ въ одну матеріальную силу»... Тутъ же онъ даетъ мимоходомъ характеристики нѣкоторыхъ особенно видныхъ представителей этой силы. «Всѣ радуются сверженію Бибикова. Это былъ тоже одинъ изъ нашихъ великихъ государственныхъ мужей школы прошедшаго. Это

умъ, по силѣ и образованію своему, способный управлять пожарною командою и, пожалуй, возвыситься до начальника управы благочинія. Никто, кромѣ развѣ графа Клейнмихеля, не понималъ лучше него системы рѣшительныхъ мѣръ, сущность которой превосходно опредѣлена словами одной сказки: «а нашъ богатырь, что медвѣдь въ лѣсу—гнетъ дуги не паритъ, сломитъ—не тужитъ» (стр. 19, л. II). По поводу паденія, или, какъ говоритъ Никитенко, «политической смерти», этого Клейнмихеля, не менѣе яркая замѣтка: «Продолженіе всеобщей радости, по случаю паденія Клейнмихеля. Всѣ поздравляютъ другъ друга съ побѣдою, которая, за недостаткомъ настоящихъ побѣдъ, составляетъ истинное общественное торжество. Въ самомъ ли дѣлѣ онъ такъ виноватъ? Онъ ограниченъ. Ума у него настолько, чтобы быть надзирателемъ тюремнаго замка, но онъ не золъ отъ природы. Зло заключалось не въ немъ, а въ его положеніи, положеніе же его устроила судьба, сдѣлавъ изъ него всевластнаго вельможу въ насмѣшку русскому обществу» (стр. 21, т. II). Мѣтко опредѣляетъ Никитенко склонность русскаго обывателя къ нетерпимости. Одинъ литераторъ, по поводу уличныхъ листковъ, предшественниковъ нашей современной уличной прессы, выразилъ мнѣніе, что ихъ надо бы запретить. «Зачѣмъ?—отвѣчалъ я.—Конечно, это вздоръ, но онъ пріучаетъ грамотныхъ людей къ чтенію. Да и что это за система—все запрещать. Къ чему только протянетъ руку русскій человѣкъ самымъ невиннымъ образомъ, тотчасъ и бить его по рукамъ. Но наши великіе администраторы во всемъ видятъ опасность» (стр. 97, т. II).

Горечь ли личнаго положенія, или близкое знакомство съ бюрократической средой своего времени, только послѣдней сугубо достается отъ Никитенки. Въ сущности, весь его огромный (три тома) «Дневникъ» есть одна сплошная критика бюрократіи. То и дѣло натыкаешься на такіе, напр., отзывы: «Всякій чиновникъ есть рабъ своего начальства, и, право, нѣтъ рабства болѣе жестокаго, чѣмъ это рабство. Чиновникъ еще счастливъ, если онъ глупъ: онъ тогда, пожалуй, даже можетъ гордиться своимъ рабствомъ. Но если онъ уменъ, положеніе его ужасно. Онъ долженъ насиловать передъ своимъ господиномъ свою волю, свое чувство, свои убѣжденія, и, какъ вообще начальникъ не любитъ въ подчиненномъ ума, то этотъ подчиненный каждую минуту долженъ трепетать или за свою честь, или за свой жребій. Положеніе его нѣсколько смягчается, когда начальникъ самъ настолько уменъ и просвѣщенъ, чтобы не слишкомъ бояться ума въ другихъ, и чувствуетъ потребность въ умныхъ подчиненныхъ, умѣя извлекать изъ нихъ пользу. Но и въ такомъ случаѣ бѣдный чиновникъ только терпимъ. Внутренно его боятся и ему не довѣряютъ. Понимая это, онъ поставленъ въ необходимость льстить, дѣлать видъ, что онъ раздѣляетъ взгляды и мнѣнія начальника, когда онъ ихъ вовсе не раздѣляетъ и когда его собственныя мнѣнія діаметрально противоположны мнѣніямъ, которыя онъ, однако, долженъ чтить, какъ законъ. Кто въ состояніи эмансипировать этихъ рабовъ въ такомъ бюрократическомъ государствѣ, какъ Россія, гдѣ, кромѣ того, произволъ начальника не находитъ нигдѣ обузданія: и общественное мнѣніе, и печать ему ни почемъ (стр. 47, т. III)... Наши чиновники консервативны, потому что всякое новое движеніе угрожаетъ имъ паденіемъ, какъ неспособнымъ сочувствовать и содѣйствовать никакому общественному преуспѣянію. Закоснѣлые въ эгоизмѣ, они знаютъ, что ихъ не одобряютъ благомыслящіе люди, и чтобы хоть сколько-нибудь оправдаться въ ихъ глазахъ, они дѣлаютъ видъ, будто слѣдуютъ какой-нибудь доктринѣ, надѣваютъ личину какого-нибудь принципа, признан-

наго въ исторіи человѣческихъ обществъ и въ цивилизаціи. Но кого они этимъ обманываютъ?» (стр. 168, т. III). Не приводимъ другихъ отзывовъ, еще болѣе рѣзкихъ и характерныхъ,—пришлось бы перебрать добрую половину «Дневника», а наши выдержки и безъ того заняли слишкомъ много мѣста.

Но таково достоинство этой замѣчательной лѣтописи, что, разъ начавъ ее, не хочется оторваться. Личность автора въ концѣ концовъ стушевывается за фактами и лицами, которыя безконечной вереницей проходятъ предъ нами, ничѣмъ не прикрашенныя, во всемъ ореолѣ правды. Незамѣтно, одна за другой таютъ и исчезаютъ легенды, связываемыя съ добрымъ, старымъ временемъ, и холодный ужасъ закрадывается въ душу, когда читаешь эти вылившіяся изъ сердца строки Никитенки: «Я долженъ преподавать русскую литературу,—а гдѣ она? Развѣ литература у насъ пользуется правомъ гражданства? Остается одно убѣжище—мертвая область теоріи. Я обманываю и обманываюсь, произнося слова: развитіе, направленіе мыслей, основныя идеи искусства. Все это что-нибудь, и даже много, значитъ тамъ, гдѣ существуютъ общественное мнѣніе, интересы умственные и эстетическіе, а здѣсь просто швырянье словъ въ воздухъ. Слова, слова и слова! Жить въ словахъ и для словъ, съ душою, жаждущею истины, съ умомъ, стремящимся къ вѣрнымъ и существеннымъ результатамъ—это дѣйствительное, глубокое злополучіе... Если бы я жилъ среди дикихъ, я ходилъ бы на звѣриную и рыбную ловлю, я дѣлалъ бы дѣло,—а теперь, я, какъ ребенокъ, какъ дуракъ, играю въ мечты и призраки! О, кровью сердца написалъ бы я исторію моей внутренней жизни! Проклятое время, гдѣ существуетъ выдуманная, оффиціальная необходимость моральной дѣятельности, безъ дѣйствительной въ ней нужды,—гдѣ общество возлагаетъ на васъ обязанности, которыя само презираетъ» (стр. 424, т. I).

«Повѣритъ ли потомство?»—сомнѣвается Никитенко, записывая одинъ изъ чудовищныхъ фактовъ, изъ которыхъ слагалась тогдашняя дѣйствительность (стр. 456, т. I).

Хотѣлось бы не вѣрить, но нельзя не вѣрить.

Пройти такую суровую школу и сохранить «душу живу» тамъ, гдѣ столько другихъ, какъ Погодинъ, Шевыревъ, Давидовъ и масса другихъ превратились въ «живыхъ мертвецовъ», промѣнявшихъ науку на взаимное шпіонство и подсиживаніе,—уже подвигъ и заслуга предъ тѣмъ обществомъ, которому «моральная дѣятельность не нужна». При всѣхъ задаткахъ недюжиннаго характера, изъ автора «Дневника» не выработался «философъ» и даже «умѣренный прогрессистъ», какимъ онъ себя неоднократно называетъ. Но не выработался и сторонникъ «рѣшительныхъ мѣръ», врагъ всего живого, который бы, какъ Уваровъ, стремился «прекратить самое существованіе русской литературы», мѣшающей ему «спокойно спать». «Если мнѣ удастся отодвинуть Россію на 50 лѣтъ отъ того, что готовятъ ей теоріи, то я исполню мой долгъ и умру спокойно», говорилъ Уваровъ, этотъ «государственный и просвѣщенный мужъ» (стр. 360, т. I), и все окружающее согласнымъ хоромъ подпѣвало ему. Никитенко не принималъ участія въ этомъ хорѣ, и если въ моментъ расцвѣта русской жизни онъ не оказался на высотѣ положенія, многаго не понялъ и закончилъ прогрессирующей умѣренностью, которая чувствуется все сильнѣе и сильнѣе къ концу «Дневника», то отвѣтственность ложится на это тяжкое прошлое. «Конечно,—пишетъ онъ въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ,—эта эпоха пройдетъ, какъ и все проходитъ на землѣ, но она можетъ затянуться на долго, на пятьдесятъ, на шестьдесятъ лѣтъ. Тѣмъ временемъ успѣешь умереть въ

этой глухой, дикой, каменистой Аравіи, вдали отъ Земли Святой, отъ Сіона, гдѣ можно жить и пѣть высокія пѣсни. Увы!

Рабы, влачащіе оковы,
Высокихъ пѣсней не поютъ».
(Стр. 328, т. I).

Эти слова для него оказались пророческими, и «высокія пѣсни» возрожденія русской жизни уже не встрѣтили отголоска въ его душѣ, изсушенной долгимъ странствіемъ въ глухой пустынѣ эпохи, такъ поразительно и ярко имъ описанной.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Земское и неземское хозяйство. Въ «Вятскомъ краѣ» помѣщены интересныя статьи П. Голубева, въ которыхъ онъ разсматриваетъ положеніе народнаго образованія, народной медицины и общественнаго призрѣнія въ земскихъ и неземскихъ губерніяхъ.

Прежде всего авторъ названныхъ статей указываетъ несправедливость упрековъ, раздающихся по адресу земства, будто оно облагаетъ населеніе непосильными сборами. *Земскіе повинности и сборы существовали еще задолго до открытія земскихъ учрежденій*, еще съ конца прошлаго столѣтія, и продолжаютъ существовать и теперь во всѣхъ, какъ земскихъ, такъ и неземскихъ губерніяхъ. *Съ открытіемъ въ 1864 году земскихъ учрежденій въ 34 губерніяхъ, мѣстныя повинности и сборы и часть дворянскихъ сборовъ были переданы въ вѣдѣніе земства, а въ неземскихъ остались въ вѣдѣніи администраціи и дворянства.* Разница между земскими и неземскими губерніями заключается только въ томъ, что въ губерніяхъ земскихъ выборные представители населенія выполняютъ тѣ обязанности, которыя въ неземскихъ губерніяхъ находятся въ вѣдѣніи администраціи. Кто же оказывается лучшимъ хозяиномъ — земцы или чиновники? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ статья «Вятскаго края» приводитъ очень любопытныя сравнительныя данныя, характеризующія земское и неземское хозяйство.

Необязательные расходы на медицину и народное образованіе находятся въ смѣтахъ и неземскихъ губерній, но стоитъ только сравнить эти смѣты со смѣтами земскихъ губерній, чтобы увидѣть всю разницу въ земскомъ и неземскомъ хозяйствахъ.

За 1895 г. (къ которому относятся приводимыя ниже данныя) въ 14 неземскихъ губерніяхъ изъ средне-годового расходнаго бюджета на 1896—1898 гг. въ 9.147.642 р. обязательные расходы поглощаютъ 7.038 т. р., а необязательные (медицина, народное образованіе и ветеринарія) всего 2.110 т. р., тогда какъ въ 34 земскихъ губерніяхъ въ 1894 г. обязательные расходы изъ всѣхъ 60.302 т. р. составляли уже только 24.572 т. р., а необязательные 35.730 т. р., или необязательные составляли въ неземскихъ губерніяхъ только 23%, а въ земскихъ болѣе 59%.

Обращаясь затѣмъ къ народному образованію, которое, также какъ и сельская медицина является всецѣло

созданіемъ земства, мы видимъ, что по всѣмъ 14 неземскимъ губерніямъ, на народное образованіе ассигновано на 1897 годъ 463.611 рублей, что составляетъ всего 5,7% ихъ земской годовой смѣты или 1,9 к. на человѣка; въ 34 земскихъ губерніяхъ, съ населеніемъ ихъ въ 64.801 т. душъ об. п., на 1895 г. было ассигновано 9.326.675 р. или 14,2% смѣты—по 14,4 к. на человѣка. Есть нѣсколько отдѣльныхъ губерній, гдѣ ассигновки земства на народное образованіе равняются и даже превосходятъ общую цифру расходовъ (463,6 т. руб.) на то же всѣхъ 14 неземскихъ губерній.

Изъ опубликованныхъ оффиціальныхъ данныхъ, могущихъ характеризовать эти результаты, мы имѣемъ, къ сожалѣнію, только довольно старыя свѣдѣнія о вліяніи школы. Эти данныя касаются принятыхъ на военную службу новобранцевъ и опубликованы пока за I-е десятилѣтіе воинской повинности 1874—1883 г.г. и отдѣльно за 1887 г. За первое десятилѣтіе, когда вліяніе земской школы на новобранцевъ не могло еще распространяться, результаты получаются слѣдующіе: окончившихъ курсъ со свидѣтельствами начальныхъ школъ (IV разр.) новобранцевъ тогда было въ 14 неземскихъ губерніяхъ 0,98% по отношенію къ принятымъ, а въ 34 земскихъ только 0,89%. Черезъ 3 года, въ 1887 году, когда новобранцы явились уже со свидѣтельствами изъ земскихъ школъ, картина быстро измѣнилась, и въ 14 неземскихъ губерніяхъ новобранцевъ со свидѣтельствами было только 2,4% къ общему числу здѣсь принятыхъ, а въ 34 земскихъ губерніяхъ уже 56%!

Медицина въ неземскихъ губерніяхъ обращаетъ на себя, повидимому, больше вниманія, чѣмъ народное образованіе. Въ общемъ по 14 губ. тратится на нее 1.281.119 р. или 14%. Это затраты только на сельскую медицину; расходы на содержаніе городскихъ больницъ приказа общественнаго призрѣнія ассигнуются отдѣльно по этому послѣднему и составляютъ въ общемъ особо 10% смѣты.

Въ земскихъ губерніяхъ расходы на медицину занимаютъ первое мѣсто; въ 34 губерніяхъ на это ассигновано въ 1895 г. всего 17.767.3 т. руб. или 27%.

По отношенію къ населенію тѣхъ и другихъ губерній расходы на медицину и общественное призрѣніе выразятся въ 34 земскихъ губерніяхъ (по смѣтамъ 1895) въ среднемъ по 30 коп. на каждаго человѣка, а въ 14 неземскихъ (по смѣтамъ 1896—1898 г.) по 9 коп., т. е. въ три слишкомъ раза менѣе первыхъ.

Среди какъ земскихъ, такъ и неземскихъ губерній есть нѣсколько такихъ, которыя, повидимому, уже не случайно занимаютъ болѣе или менѣе постоянное мѣсто въ ряду другихъ по расходамъ и на школы, и на медицину. Изъ неземскихъ губерній одинаково мало расходуютъ на то и другое губерніи Ковенская и Оренбургская. Изъ земскихъ губерній постоянное мѣсто въ числѣ первыхъ занимаютъ Олонецкая и Таврическая, въ числѣ послѣднихъ какъ по народному образованію, такъ и медицинѣ занимаютъ Симбирская, Уфимская и Петербургская губерніи.

Естественно, что въ земскихъ губерніяхъ медицинская помощь населенію, при всей своей недостаточности, все-таки поставлена лучше, чѣмъ въ неземскихъ губерніяхъ.

Было бы странно не найти данныхъ, говорящихъ о прямомъ и положительномъ вліяніи медицинской помощи. Это вліяніе всего лучше сказывается въ борьбѣ съ заразными болѣзнями, распространяющимися преимущественно среди дѣтей (оспа, скарлатина, дифтеритъ), а затѣмъ тифы и дизентерія. Относительно этого мы разсмотрѣли данныя по земскимъ и неземскимъ губерніямъ за три года 1886,

1889 и 1892 г. (безъ холерныхъ больныхъ) и вотъ результаты: число пользовавшихся медицинскою помощью и умершихъ изъ нихъ на 100.000 ж. выражается слѣдующими цифрами въ 12 неземскихъ и 34 земскихъ губерніяхъ:

Въ неземскихъ губерніяхъ.

	1886.	1889.	1892.
Изъ 100.000 ж. пользовавшихся.	786	2.169	2.912
Изъ 100.000 ж. умершихъ изъ этихъ. . .	129	257	456
°/о смертности	16,4	11,9	15,6

Въ земскихъ:

Изъ 100.000 ж. пользовавшихся.	1.046	3.965	4.638
Изъ 100.000 ж. умершихъ.	102	151	362
°/о смертности	10,0	4,0	7,8

Здѣсь, не смотря на то, что нами взятъ 1892—самый тяжелый годъ, тѣмъ не менѣе, оказывается, что °/о смертности противъ 1886 г. уменьшился, какъ въ земскихъ, такъ и неземскихъ губерніяхъ.

Цифры, приводимыя г-номъ Голубевымъ, указываютъ, какъ много и много еще остается дѣлать и какъ мало въ сущности сдѣлано даже въ самыхъ передовыхъ земскихъ губерніяхъ для народнаго просвѣщенія и здравія. Но въ то же время они свидѣтельствуютъ о томъ, насколько земскія губерніи въ этомъ отношеніи опередили неземскія, и статистически опровергаютъ ходячія мнѣнія о неудовлетворительности земскихъ учрежденій.

Нищенство въ Петербургской губерніи. Статистическое отдѣленіе петербургской земской управы собрало интересныя свѣдѣнія о нищенствѣ въ Петербургской губ. По словамъ «Русск. Вѣд.», общее число побирающихся и получающихъ пособія отъ мѣстнаго крестьянскаго населенія опредѣлилось въ 2.436 чел., а въ богадѣльняхъ находятъ себѣ призрѣніе лишь 206 человѣкъ. Побираться ходятъ изъ 1.607 семей, изъ которыхъ 364 семьи имѣютъ избу и полевой надѣлъ, 673 семьи имѣютъ избу, но безъ полевого надѣла, 543 семьи не имѣютъ ни избы, ни надѣла. Около 80°/о общаго числа семей, изъ которыхъ ходятъ побираться, занималось раньше или занимается и въ настоящее время сельскимъ хозяйствомъ, остальныя же 20°/о семей не имѣли никогда собственнаго хозяйства и занимались поденными работами, ремеслами, отхожими промыслами и т. п. 50°/о нищенствующихъ—одиночки, 25°/о семей состоятъ изъ 4-хъ и болѣе душъ. Въ составѣ побирающихся семей числится всего 4.023 души обоего пола, изъ нихъ въ рабочемъ возрастѣ 1.474 чел. Подробное изслѣдованіе показало, что нищенствующая семья бываетъ большею частью лишена мужской рабочей силы. Наибольшее число побирающихся приходится на Новоладожскій уѣздъ (8 чел. на 1.000 душъ населенія), наименьшій—на С.-Петербургскій (1 чел. на 1.000 душъ населенія). Въ общемъ, расположеніе уѣздовъ по относительному числу нищихъ—концентрическое: чѣмъ дальше отъ столицы, т. е. чѣмъ меньше всякаго рода внѣземледѣльческихъ заработковъ, тѣмъ больше нищихъ. Отмѣчаемъ этотъ фактъ, какъ еще одно доказательство всѣхъ благъ, связанныхъ съ «натуральнымъ хозяйствомъ», спасающимъ будто бы деревню отъ золъ капитализма.

Относительно общаго числа нищихъ во всей губерніи нельзя отмѣтить особенно сильнаго вліянія послѣднихъ неурожайныхъ годовъ; но въ отдѣльныхъ уѣздахъ несомнѣнно, что нищенство сильно возрасло за эти годы. Въ общемъ же нищіе, побирающіеся болѣе 5 и даже 10 лѣтъ, составляютъ 70°/о всего количества нищихъ.

Изслѣдованіе статистическаго отдѣленія выясняетъ также различные виды помощи нуждающимся, прак-

тикуюемыя разными учрежденіями и частными лицами. Самый простой видъ такой помощи составляетъ выдача пособій на руки. Изъ числа 2.436 побирающихся пособія получаютъ 484 лица, т. е. въ пять разъ меньше, чѣмъ число лицъ побирающихся. Пособія выдаются казной, церковными приходами, сельскими обществами, волостями, земствами, частными лицами и т. п. Дальнѣйшій шагъ въ дѣлѣ устройства общественнаго призрѣнія представляютъ богадѣльни и пріюты. Начало имъ положено уже въ каждомъ изъ уѣздовъ Петербургской губерніи, за исключеніемъ Гдовскаго, въ которомъ не существуетъ никакихъ учрежденій общественнаго призрѣнія. Общее число богадѣленъ, которыя существуютъ преимущественно для сельскаго населенія или въ которыхъ принимаетъ участіе земство, равняется въ настоящее время 14; кромѣ богадѣленъ существуетъ еще 3 пріюта и 1 даровая столовая. Почти всѣ эти учрежденія возникли въ самое недавнее время, устроены и содержатся на средства преимущественно частныхъ лицъ и разныя пожертвованія.

Харьковскія участковыя попечительства о бѣдныхъ. До 1896 г. благотворительность въ Харьковѣ сосредоточивалась въ Харьковскомъ благотворительномъ обществѣ. Но давно уже всѣми сознавались недостатки такой организаціи общественной помощи. Недостатки эти заключались преимущественно въ централизаціи дѣла призрѣнія бѣдныхъ, довольно пассивной роли лицъ, собиравшихъ свѣдѣнія, и недостаточности ихъ для дѣйствительнаго ознакомленія съ бѣдными порученнаго участка и постояннаго наблюденія за ними. Главнымъ же недостаткомъ было отсутствіе прямаго и непосредственнаго отношенія между бѣдняками и лицами, имъ благотворившими, кругъ которыхъ былъ довольно замкнутымъ и ограниченнымъ.

Послѣдствіемъ было то, что выдаваемыя благотворительнымъ обществомъ денежныя пособія носили случайный характеръ.

Два года тому назадъ, подъ вліяніемъ успѣшныхъ результатовъ дѣятельности московскихъ участковыхъ попечительствъ, въ Харьковскомъ обществѣ возникла мысль организовать въ своемъ городѣ попечительства на тѣхъ же началахъ, какъ и въ Москвѣ. Въ ноябрѣ 1895 г. харьковскій губернаторъ г. Тобизенъ внесъ на обсужденіе членовъ благотворительнаго общества вопросъ объ учрежденіи въ Харьковѣ, въ видѣ филіальныхъ отдѣленій общества, особыхъ участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ. При этомъ харьковскій губернаторъ такимъ образомъ мотивировалъ свое предложеніе.

Г. Тобизенъ предлагалъ придать участковымъ попечительствамъ «такую организацію, при которой общественнымъ начинаніямъ и дѣятельности былъ бы доставленъ возможный просторъ, роль же совѣта благотворительнаго общества была бы только направляющая и ограничивалась бы утвержденіемъ должностныхъ лицъ попечительствъ, контролемъ и ревизіей денежныхъ суммъ и отчетности и т. п.

Предложеніе г-на Тобизена было принято и, по полученіи надлежащаго разрѣшенія, харьковскія участковыя попечительства открыли свою дѣятельность въ январѣ 1896 г. Въ настоящее время уже вышелъ отчетъ за первый (1896 г.) годъ ихъ дѣятельности. Какъ уже сказано, образцомъ для нихъ послужили московскія попечительства о бѣдныхъ, но между организаціей дѣла благотворительности въ Харьковѣ и Москвѣ есть и нѣкоторое различіе: во-первыхъ, харьковскія попечительства пріурочены не къ дѣятельности городского управленія, и,

во-вторыхъ, раздѣленіе Харькова на участки произведено по церковнымъ приходамъ. По числу приходовъ предполагались къ открытію 18 попечительствъ, но въ трехъ приходахъ дѣло призрѣнія приняли на себя существовавшія раньше приходскія попечительства. Разсматривая отчетъ, «Харьк. Губ. Вѣд.» прежде всего отмѣчаютъ обильный приливъ новыхъ силъ къ дѣлу благотворительности: новая организація привлекла къ себѣ 1.385 человѣкъ, изъ которыхъ членовъ комитета было 223. «Харьк. Вѣдом.» сообщаютъ, что «съ перваго же начала дѣятельности 8 попечительствъ о бѣдныхъ признали необходимымъ примѣнить на дѣлѣ указанія совѣта о раздѣленіи участка на особые районы, всѣ бѣдные которыхъ поручались наблюденію особыхъ членовъ (подобіе Эльберфельдской системы); такихъ районовъ (кварталовъ) въ 8-ми участкахъ было образовано 76. Остальные же 7 попечительствъ, преимущественно изъ имѣющихъ незначительное число нуждающихся, на особые районы раздѣляемы не были, а собираніе о бѣдномъ свѣдѣній въ каждомъ опредѣленномъ случаѣ поручалось извѣстному члену. Такимъ образомъ, всѣхъ наименьшихъ дѣленій города въ отношеніи общественнаго призрѣнія (вмѣстѣ съ 3-мя приходами, имѣющими церковныя попечительства) числилось 86, т. е. болѣе чѣмъ въ два раза больше числа полицейскихъ околотковъ».

Что касается затѣмъ до денежныхъ поступленій, имѣвшихъ мѣсто въ прошломъ году, то по 15-ти попечительствамъ поступило 12.492 р., бóльшая часть которыхъ падаетъ на членскіе взносы.

Расходовъ въ 1896 г. попечительствами было произведено на 6.512 р. 39 к., т. е. нѣсколько болѣе половины поступившихъ въ попечительства денегъ. Эта помощь была распредѣлена между 1.862-мя лицами, которыя составили болѣе ³/₄ общаго числа лицъ, обращавшихся въ попечительства съ просьбами о вспомоществованіи.

Помощь выдавалась какъ деньгами, такъ и натурою: каменнымъ углемъ, платьемъ и обувью, лѣкарствами, предоставленіемъ работъ. Были открыты и два заведенія для призрѣнія старухъ, дѣвочекъ и глухонѣмыхъ: для первыхъ — небольшая богадѣльня, для вторыхъ — пріютъ съ обученіемъ шитью и кройкѣ, для третьихъ — школа. Главнымъ однако образомъ попечительства, не имѣя пока собственныхъ учрежденій для призрѣнія, помѣщали нуждающихся въ послѣднемъ въ существующіе въ Харьковѣ сословные, общественные и частные богадѣльни, пріюты, больницы и т. п.

Духоборцы. Въ 1895 г. около 4.000 духоборцевъ на Кавказѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней вынуждены были оставить свои села и поселиться на другія указанныя имъ мѣста, по двѣ—три семьи въ одномъ селеніи, среди чуждыхъ имъ горцевъ. Теперь въ газетахъ появляются различныя описанія, рисующія бѣдственное положеніе духоборцевъ на новыхъ мѣстахъ. «Биржевыя Вѣд.» сообщаютъ о нихъ слѣдующія свѣдѣнія: «При выселеніи духоборамъ пришлось собраться, уложиться и распродать все свое имущество въ три дня; легко себѣ представить, какіе они при этомъ потерпѣли убытки. То, что стоило 50 р., продавалось за 5 р., что не успѣли продать, бросали. Побросали много скота, и хлѣбъ на корню остался неубраннымъ. Но все-таки, не смотря на такую убыточную ликвидацію, нѣкоторые видѣвшіе переселеніе ихъ въ это время (въ 1895 г.) разсказывали, что они ѣхали въ прекрасныхъ фургонахъ, запряженныхъ тройкой и четверкой лошадей, и производили впечатлѣніе зажиточныхъ людей. По разселеніи ихъ, они сумѣли снискать себѣ любовь и уваженіе горцевъ, не смотря на то, что тѣ

были предупреждены противъ нихъ и считали ихъ за разбойниковъ. Духоборы помогали и работали безвозмездно на бѣднѣйшихъ грузинъ, дѣлали и услуживали, чѣмъ могли, раздавали даже деньги, которыя у нихъ еще были. «Намъ извѣстенъ,—говорятъ изслѣдователи,—напримѣръ, такой случай: одна грузинская семья начала уборку хлѣба, но заболѣла и не могла окончить ее. Объ этомъ узнали жившіе по сосѣдству духоборы, убрали сообща весь хлѣбъ, сложили и ушли. Каково же было изумленіе грузинъ, когда они увидѣли, что̀ сдѣлано и сдѣлано безвозмездно. Духоборы были поселены безъ предоставленія имъ земли и жилищъ и сначала жили въ своихъ фургонахъ, а потомъ стали нанимать помѣщеніе или строить землянки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ позволили это владѣльцы. Послѣднее имѣло мѣсто въ Душетскомъ уѣздѣ, въ $3^1/_2$ верст. отъ ст. Закавказской жел. дороги Ксанка, въ имѣніи кн. Замухранскаго, и въ селеніи Скра, Горійскаго уѣзда. Въ имѣніи Замухранскаго поселено 288 духоборовъ. Разселеніе духоборовъ произведено было лѣтомъ 1895 г., т. е. почти два года тому назадъ, произведено оно было, какъ временная мѣра, впредь до рѣшенія вопроса о ссылкѣ разселенныхъ въ другія мѣста.

Тяжелыя условія жизни вызвали сильную заболѣваемость среди духоборовъ. Въ «Биржевыхъ Вѣд.» помѣщена таблица съ указаніемъ числа больныхъ разными болѣзнями; изъ которой видно, что заразными болѣзнями заражено около 40% всѣхъ духоборовъ. Лихорадками болѣютъ почти всѣ—около 90%. Послѣ разселенія и по 1-е января 1897 г. умерло въ одномъ Горійскомъ уѣздѣ 460 душъ.

Необходима и медицинская помощь. Но духоборы опасаются докторовъ. «Кабы не было такъ,—говорятъ они,—что доктора скажутъ начальству, что мы пособирались въ очень большія семейства и что отъ тѣсноты зараза происходитъ. И не стали бы снова насъ разселять въ разныя села, а это будетъ опять для насъ зарѣзъ».

Какимъ же образомъ можно теперь помочь несчастнымъ духоборамъ? На прокормленіе всѣхъ разселенныхъ требуется около 5.000 р. въ мѣсяцъ. Разсчитывать же на то, что они сами могутъ прокормить себя, по словамъ корреспондента «Бирж. Вѣд.», невозможно.

Въ одномъ только Горійскомъ уѣздѣ возможно еще достать работу, да и то, во-первыхъ, не во всѣхъ мѣстахъ, во-вторыхъ, только во время уборки хлѣба и, въ-третьихъ, за крайне ничтожное вознагражденіе. Такъ, напримѣръ, въ 1896 г. для разселенныхъ въ селеніи Скра бывали работы такія: въ Гори—носить камни на рукахъ по 3 руб. за 1 куб. сажень или нагружать камнемъ вагоны по 40—50 коп. за 1 вагонъ, но и такихъ работъ было очень мало и рѣдко. Иногда выпадала работа въ садахъ, копать землю. На эти работы нанимали поденно; но духоборы рядились сдѣльно, такъ какъ поденно работать имъ было не въ моготу изъ за болѣзней, въ сдѣльной же работѣ одинъ смѣнялъ другого. Заработывали въ среднемъ въ день: мужчины отъ 10—50 к., женщины 15—25 к. на своихъ харчахъ. Въ Метехѣ возили дрова и иногда заработывали въ двое сутокъ на парѣ лошадей 4—5 р. Вообще, по словамъ корреспондента, помощь духоборамъ крайне необходима.

Врачъ-самозванецъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ арестованъ недавно самозванецъ-ревизоръ Раменскій, о похожденіяхъ котораго писалъ, между прочимъ, В. Г. Короленко въ своихъ очеркахъ о «Самозванцахъ гражданскаго вѣдомства». Послѣднее время

Раменскій выдавалъ себя за врача. «Вятскій край» сообщаетъ слѣдующія характерныя для нашей провинціи подробности о путешествіи современнаго Хлестакова по Волгѣ и его посѣщеніи Вятки.

Пассажиры на пароходѣ Тырышкина «Иванъ» 12 іюля имѣли случай свести знакомство съ интересною личностью. Въ рубкѣ перваго класса. большинство были дамы, ѣхавшія въ Орловъ на концертъ (13 іюля). Изъ мужчинъ выдавался своею внушительною фигурою — высокимъ ростомъ—молодой человѣкъ (лѣтъ 30-ти) въ форменномъ сюртукѣ, съ погонами, золотымъ галуномъ, розетками орденовъ, который рекомендовалъ себя докторомъ медицины Владиміромъ Владиміровичемъ Каменскимъ. На печатной визитной карточкѣ его значилось: «Врачъ для командировокъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ». Цѣль поѣздки, по его словамъ, была ревизія всѣхъ врачебныхъ учрежденій и врачей Россійской имперіи, состоявшихъ на службѣ правительственной и земской. Ѣдетъ онъ изъ Иркутска, сдѣлалъ 35 тысячъ верстъ пути; между прочимъ, обозрѣлъ весь Глазовскій уѣздъ и т. д. Тамъ, гдѣ онъ находилъ неисправности, врачей увольнялъ, штрафовалъ, напримѣръ, врача въ Кукаркѣ Афанасьева. Менѣе чѣмъ за десять лѣтъ службы онъ уже статскій совѣтникъ. Отецъ его—членъ государственнаго совѣта, директоръ департамента полиціи, разъ заступавшій мѣсто товарища министра; братъ его, 39 лѣтъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ. Одинъ изъ предковъ его былъ генералъ-фельдмаршалъ при Екатеринѣ II и у него въ подчиненіи находились Суворовъ и Румянцевъ. Въ началѣ знакомства онъ говорилъ, что у него нѣтъ никакого семейства; а потомъ оказалось, что у жены его 4 тысячи десятинъ земли, а у него лично во владѣніи 800 десятинъ и сахарный заводъ. Докторскую степень Каменскій получилъ первоначально въ Вѣнѣ; въ Петербургской медицинской академіи защитилъ диссертацію — весьма замѣчательную. Онъ не прочь былъ бы остаться въ Орловѣ съ любезными пассажирками, но на одной изъ пристаней ожидаетъ его пароходъ на всѣхъ парахъ.

Съ первыхъ же словъ онъ объявилъ пассажирамъ, что онъ морфинистъ; но какъ врачъ, самъ знаетъ мѣру употребленія, и ему какіе-то заграничные ученые дали совѣтъ употреблять морфій и т. д. Всѣ пассажиры были очарованы, даже польщены присутствіемъ въ ихъ обществѣ такой знаменитости, которая удостоивала угощеніемъ желающихъ абрикотиномъ.

Въ Вяткѣ знаменитый врачъ посѣтилъ уѣздную земскую управу, гдѣ ему былъ оказанъ самый любезный пріемъ. Онъ велъ себя очень развязно, познакомился и любезно бесѣдовалъ почти со всѣми въ то время, какъ писался ему билетъ на земскихъ лошадей, и поджидалъ предсѣдателя управы для подписи его. Во время этихъ разговоровъ, въ управу зашелъ предсѣдатель уѣзднаго съѣзда В. А. Шубинъ, которому нашъ докторъ медицины, со своими розетками вмѣсто орденовъ, не преминулъ также представиться. Наконецъ, не дождавшись предсѣдателя Захарова, билетъ подписалъ заступающій его мѣсто членъ Дьяконовъ. При выдачѣ билета у Каменскаго пожелали знать, на сколько лошадей и станцій ему нужно билетъ.—«Конечно, на тройку, ну а станцій достаточно двухъ». По числу ихъ начали отрывать 4 квитанціи. Увидавъ цѣлый квитанціонный листъ, онъ перемѣнилъ свое желаніе и взялъ всѣ квитанціи въ листѣ, что ему и предоставлено было съ большимъ удовольствіемъ.

Изъ Вятки Каменскій отправился по

Волгѣ въ Нижній и на пути заѣхалъ въ Василь-Сурскъ. О пребываніи его въ этомъ городѣ «Нижегородскій Листокъ» разсказываетъ слѣдующіе эпизоды, точно выхваченные изъ гоголевскаго «Ревизора». Одинъ изъ покладистыхъ васильскихъ обывателей С......скій, скучающій во время своихъ частыхъ разъѣздовъ по Волгѣ по дѣламъ службы, на одномъ изъ пароходовъ Кашина познакомился съ представительнымъ и галантнымъ джентльменомъ, который отрекомендовался ему докторомъ Каменскимъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, посланнымъ въ Сибирь отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, для важныхъ порученій по санитарнымъ мѣропріятіямъ. Важный генералъ своимъ привѣтливымъ обхожденіемъ, галантными манерами такъ обворожилъ скромнаго васильскаго обывателя, что онъ его попросилъ въ буфетъ. Здѣсь завязалась интимная бѣсѣда. Генералъ много говорилъ о своемъ трудномъ путешествіи, о понесенныхъ трудахъ и о желаніи гдѣ-нибудь отдохнуть дня два—три... Васильскій обыватель предупредительно довелъ до свѣдѣнія его превосходительства о красивомъ мѣстоположеніи города Василя, о его чистомъ воздухѣ и о прелести его жизни и предложилъ ему свое гостепріимство. Генералъ принялъ любезное приглашеніе отдохнуть немного отъ административныхъ трудовъ въ мирномъ уголкѣ. Въ Василѣ ему былъ оказанъ радушный пріемъ и въ честь посѣщенія такого высокаго гостя данъ былъ торжественный «раутъ», на который были приглашены «сливки» васильскаго общества и «бомондъ» и устроенъ былъ прекрасный обѣдъ, съ пикантной закуской. На «раутѣ» предупредительный хозяинъ постарался устроить для «генерала» приличную партію въ винтъ, въ которую, за отсутствіемъ въ городѣ Василѣ генераловъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, вошли болѣе представительные и солидные обыватели и мѣстный докторъ, хотя последнему обстоятельству не особенно былъ радъ «генералъ». Но какъ-никакъ все-таки согласился сыграть «по маленькой» съ этой мелкотой... Раутъ вышелъ очень удачный: никто не обращалъ вниманія на нѣсколько странную форму генерала и на его фантастическіе ордена — скромнымъ васильскимъ обывателямъ было совсѣмъ не до того; они упивались сознаніемъ, что важный петербургскій «генералъ» такъ запросто дѣлитъ съ ними свой отдыхъ... Долго за полночь затянулось чествованіи «генерала». Одинъ изъ обывателей, страдавшій ожиреніемъ сердца, даже попросилъ «генерала» почтить и его своимъ посѣщеніемъ на другой день, и опять ему былъ устроенъ «раутъ» и«винтъ», въ которомъ участвовалъ опять «бомондъ» и «сливки» общества, время было проведено очень пріятно и весело, тѣмъ болѣе, что заѣзжій докторъ не нашелъ у хозяина никакого «ожиренія сердца»... Вечеромъ заѣзжаго генерала съ «помпой» проводили въ Нижній на пароходѣ Кашина и «чествователи» разошлись по домамъ, разговаривая о необыкновенной пріятности и привѣтливости «генерала»... Въ тотъ же день была получена изъ Казани телеграмма, что по Волгѣ разъѣзжаетъ бѣжавшій изъ Сибири ссыльный, выдающій себя за доктора Каменскаго и «генерала»... Бросились въ аптеку справляться въ медицинскихъ спискахъ; такого доктора во всей Россійской Имперіи не оказалось...

Смѣшно легковѣріе, съ какимъ обыватель у насъ относится ко всякой хлестаковщинѣ, но въ основѣ этого явленія лежитъ очень грустная черта русской общественности, именно — обывательская приниженность и полное отсутствіе чувства собственнаго достоинства. Любой

нахалъ можетъ сыграть у насъ любую роль, такъ какъ обыватель еще понятія не имѣетъ о томъ, что называется *правомъ*, и принимаетъ нахальство за проявленіе права.

Воспоминанія о Шевченкѣ. Въ «Русск. Вѣд.» напечатаны интересныя воспоминанія полковника Косырева о Шевченкѣ. Косыревъ командовалъ одной изъ ротъ оренбургскаго линейнаго батальона въ то время, когда Шевченко былъ сосланъ рядовымъ въ этотъ батальонъ.

Въ 1850 г., разсказываетъ Косыревъ, изъ Оренбурга былъ присланъ въ Ново-Петровское укрѣпленіе рядовой Тарасъ Шевченко и назначенъ въ 4-ю роту, которою командовалъ тогда штабсъ-капитанъ Потаповъ, человѣкъ мало развитой и строгій. Призвавъ къ себѣ Шевченка, ротный командиръ обошелся съ нимъ очень круто.

— Ты, братецъ мой, за политическія дѣла попалъ въ солдаты?— спросилъ онъ.

— Да, за политическія,— отвѣтилъ Шевченко.

— Не да, а точно такъ, ваше благородіе,—поправилъ его штабсъ-капитанъ.

— Точно такъ, ваше благородіе,—повторилъ Шевченко.

— Смотри ты у меня,— грозя пальцемъ, сказалъ ротный командиръ,—а не то я изъ тебя всю эту дурь повышибу. Ступай въ казармы и безъ моего разрѣшенія оттуда никуда,—прибавилъ онъ.

И дѣйствительно, за Шевченкой былъ учрежденъ самый строгій надзоръ.

Въ казармахъ къ Шевченку былъ приставленъ дядька изъ старыхъ солдатъ, который наблюдалъ за его поведеніемъ и обучалъ ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ въ три темпа учебнымъ шагомъ. Трудно давалась Шевченкѣ эта премудрость; физически былъ онъ слабъ и стоялъ подъ ружьемъ, согнувшись въ три погибели. Непривыкшій къ строевой службѣ, онъ началъ хирѣть отъ постоянныхъ ученій, а тутъ еще изъ корпуснаго штаба было получено секретное предписаніе не давать Шевченкѣ возможности ни писать, ни рисовать. Оказалось, что за свое короткое пребываніе въ Оренбургѣ, послѣ аральской экспедиціи, онъ и тамъ успѣлъ накуралесить, рисуя каррикатуры на высокопоставленныхъ лицъ. Къ счастью для него, Потаповъ былъ скоро переведенъ, и командиромъ роты назначенъ былъ Косыревъ. Шевченко, отличавшійся всегда живымъ характеромъ, любившій побалагурить, очутившись въ такой узкой рамкѣ дисциплины того времени, запилъ.

Я видѣлъ, говоритъ Косыревъ, что ни аресты, ни наказанія не приведутъ ни къ чему, что позывъ къ вину у Шевченки есть потребность его больной души. Я уговаривалъ его, говоря, что онъ сломитъ виномъ свое и безъ того некрѣпкое здоровье, но онъ всегда, во время нашихъ аудіенцій, стоялъ, понуря голову, и не возражалъ ни слова. Я видѣлъ близкую гибель этого человѣка и началъ дѣлать ему поблажки. Во-первыхъ, я разрѣшилъ ему имѣть бумагу и карандашъ, а также инструменты для лѣпки изъ глины. Шевченко съ жадностью ухватился за эти искусства. Онъ рисовалъ портреты съ солдатъ и офицеровъ. Очень удачно изобразилъ меня карандашемъ на большомъ листѣ бумаги (хотя вообще портреты у него рѣдко удавались), а также лѣпилъ изъ глины разныя фигуры, которыя охотно раскупались офицерами и солдатами нашего укрѣпленія. Помню двѣ такихъ фигуры: одна изображала Христа въ моментъ, когда на него былъ надѣтъ терновый вѣнецъ; передъ Христомъ стоялъ жидъ на колѣняхъ,

высунувъ языкъ, а внизу имѣлась надпись: «радуйся, Царь Іудейскій». Другая группа представляла киргизскую кибитку, въ которой противъ двери сидѣлъ полунагой киргизъ, въ конической съ загнутыми по бокамъ полями шапкѣ на головѣ, съ небольшой бородкой, улыбающейся физіономіей, играющій на домбрѣ (балалайкѣ); снаружи кибитки противъ двери, лицомъ къ киргизу, была представлена его жена, съ смѣющимся лицомъ и толкущая въ деревянной ступѣ деревяннымъ же пестомъ просо, а около нея на землѣ—двое нагихъ дѣтей, играющихъ съ котенкомъ. Шевченко отлилъ изъ гипса много этихъ группъ, которыми и надѣлилъ какъ офицеровъ, такъ и солдатъ. Послѣдніе брали охотнѣе «Царя Іудейскаго». Офицеры платили за группу по рублю, а нѣкоторые и больше. Кромѣ того, Тарасъ Григорьевичъ писалъ стихи и любилъ распѣвать малорусскія пѣсни, особенно «Дуютъ вітры».

Мало-по-малу Шевченко сошелся съ обществомъ офицеровъ и сдѣлался полноправнымъ членомъ среди нихъ.

Какъ человѣкъ образованный и хорошій разсказчикъ, Шевченко былъ всегда желаннымъ гостемъ, и его приглашали какъ семейные, такъ и холостые. По мѣстному обыкновенію, тогда, преимущественно въ воскресные дни, устраивали или завтракъ въ 12 ч. дня, или вечернюю закуску часовъ въ 9. Когда приходилъ Шевченко, за нимъ строго слѣдили, сколько рюмокъ водки онъ выпьетъ. Послѣ третьей рюмки семейные обыкновенно выпроваживали его въ казармы, а холостые — послѣ четвертой или пятой. Сообразно съ количествомъ выпитыхъ рюмокъ, у Шевченка проявлялась страсть къ анекдотамъ и разсказамъ, которые постепенно доходили до того, что нужно было затыкать уши. Шевченко, впрочемъ, былъ скупъ и никогда не расходовалъ на водку своихъ денегъ, а выпивалъ болѣе при случаяхъ.

Косыревъ разсказываетъ слѣдующій характерный случай изъ жизни поэта.

Комендантъ, укрѣпленія полковникъ У., большой любитель охоты, собралъ разъ цѣлую компанію и отправился за нѣсколько верстъ, захвативъ съ собою и Шевченка. Выѣхали мы на берегъ моря, сопровождаемые казачьимъ конвоемъ, — время тогда было небезопасное; киргизы только и ждали случая напасть на русскихъ. Проѣхавъ верстъ 15, мы выѣхали въ урочище Лбище (мысъ, выдающійся съ сѣверовосточнаго берега Каспійскаго моря), съ котораго видны острова Кулалинскій и Канный. Видъ былъ очень живописный. Море широкою гладью своихъ водъ разстилалось какъ ровная скатерть на необозримое пространство. Два смерча невдалекѣ отъ насъ казались подпирающими небо и то расходились, то приближались одинъ къ другому. Спустившись къ морю, мы оставили лошадей и экипажи и засѣли въ ожиданіи перелета. Тарасъ Шевченко, отойдя отъ нашего лагеря, гдѣ приготовлялся ужинъ, шаговъ на 15, сѣлъ на камень, досталъ бумагу и карандашъ изъ портфеля и началъ рисовать красивый видъ на море. Огромная соломенная шляпа, сплетенная имъ самимъ изъ морскихъ водорослей, была нахлобучена сильно на носъ и скрывала его лицо. Около остатковъ разрушенной туркменской крѣпости мы ожидали добычи, а многіе разбрелись въ разныя стороны съ тѣмъ, чтобы къ вечеру всѣмъ собраться въ назначенное мѣсто. Въ 6 часовъ мы стали собираться, и когда я спускался съ горы, то видѣлъ Шевченка въ томъ же положеніи съ нахлобученной шляпой и опущенной головой. Увлеченные разсказами объ охотѣ и хвастаясь своими трофеями, мы однако, совер-

шенно позабыли про Шевченка, который все не приходилъ. Между тѣмъ шашлыкъ былъ готовъ, запахъ жареной баранины пріятно щекоталъ носъ, а рюмка водочки соблазнительнымъ миражемъ уже рисовалась въ нашемъ воображеніи.

Каково же было наше удивленіе, когда три бутылки водки оказались порожними, а бутылка спирта, захваченная для казаковъ, оказалась тоже почти пустою. Тутъ мы вспомнили о Шевченкѣ. «Ужь не онъ ли все это выпилъ?» спросилъ полковникъ. — «Да его бы разорвало отъ такой дозы», замѣтилъ кто-то. Въ сопровожденіи коменданта, мы отправились посмотрѣть, что̀ дѣлаетъ нашъ художникъ. Онъ сидѣлъ все въ томъ же положеніи и крѣпко спалъ, опустивъ голову на колѣни. Около него валялся прекрасно исполненный рисунокъ Каспійскаго моря съ двумя смерчами. Запахъ водки такъ и разносился вокругъ спящаго. Мы стали будить его, но онъ повалился на землю и только мычалъ, но не проснулся,—очевидно, что онъ былъ мертвецки пьянъ.

Тогда казакамъ приказано было взять его, положить на арбу и отливать водою; но и это не помогло. Шевченко не проснулся до самаго укрѣпленія. Эта продѣлка не прошла ему даромъ; онъ былъ посаженъ на недѣлю подъ арестъ съ исполненіемъ караульной службы. Послѣ этого случая онъ долго не пилъ и написалъ на малорусскомъ языкѣ большое меланхолическое стихотвореніе.

За границей.

Молодой Египетъ. Толчокъ къ развитію національной идеи въ Египтѣ былъ данъ Араби-пашей. Этотъ умный и способный феллахъ, начавшій службу рекрутомъ и добившійся поста министра и даже вице-короля, съумѣлъ организовать національную партію и, сдѣлавшись вліятельнымъ человѣкомъ при хедивѣ Тевфикѣ-пашѣ, систематически устранялъ европейцевъ изъ администраціи и противодѣйствовалъ европейской финансовой коммиссіи, назначенной для контроля египетскихъ финансовъ. Араби-паша имѣлъ много приверженцевъ въ арміи и среди духовенства и очень искусно пользовался для своихъ цѣлей раздорами европейскихъ правительствъ. Въ концѣ концовъ обѣ державы, Франція и Англія, оспаривавшія другъ у друга преобладаніе въ Египтѣ, поняли, какая опасность угрожаетъ ихъ обоюдному вліянію. Спохватившись, онѣ на время прекратили раздоры и послали флотъ въ Александрію. Перепуганный этою демонстраціей, египетскій хедивъ Тевфикъ-паша поспѣшилъ уволить въ отставку своего пылкаго министра, но тотъ не покорился и возбудилъ кровавое возстаніе, которое повело къ избіеніямъ европейцевъ въ большихъ городахъ Египта и къ очень жестокимъ репрессаліямъ со стороны державъ. Англійскій флотъ бомбардировалъ Александрію, но возстаніе не прекратилось до тѣхъ поръ, пока, послѣ ожесточенной битвы, Араби-паша не сдался самъ въ руки англичанамъ, которые сначала приговорили его къ смерти, но затѣмъ помиловали и отвезли на островъ Цейлонъ, гдѣ онъ жилъ въ изгнаніи, причемъ великодушные побѣдители даже назначили ему пенсію.

Возстаніе Араби-паши послужило поводомъ къ подчиненію Египта Англіи. Религіозно-политическое движеніе въ Суданѣ, вызванное махдистами, послужило для Англіи предлогомъ окончательно оккупировать Египетъ. Временная оккупація, какъ

и слѣдовало ожидать, превратилась въ постоянную, и другимъ державамъ, недовольнымъ воцареніемъ Англіи въ Египтѣ, волей-неволей приходится теперь мириться со свершившимся фактомъ. Управленіе Англіи выгодно отразилось какъ на финансахъ Египта, такъ и на его благоустройствѣ. Дефицитъ въ бюджетѣ Египта исчезъ, подати понизились, пути сообщенія стали лучше, развилась самостоятельная египетская печать, и вообще Египетъ мало-по-малу преобразовывался на европейскій образецъ. Но съ развитіемъ страны стало развиваться и національное самосознаніе. Сѣмя, брошенное Араби-пашей, пустило ростки и на обломкахъ прежней національной партіи возросла новая, такъ-называемая, молодая египетская партія.

Египетская молодежь, получившая воспитаніе въ современныхъ египетскихъ школахъ, до такой степени отличается отъ предшествующаго поколѣнія, что отцы и дѣти перестаютъ понимать другъ друга. Старое поколѣніе съ нѣкоторою тревогой и безпокойствомъ смотритъ на то, которое пришло ему на смѣну. Идея, воодушевляющая современную египетскую молодежь, повидимому, та же самая, которая вдохновляла ихъ отцовъ, но это какъ будто старое вино, влитое въ новые мѣха. «Ваша наука—прекрасная вещь,—сказалъ одинъ старый коптъ, пріѣхавшій въ Каиръ повидаться съ сыномъ.—Но вотъ бѣда! Я не могу пожаловаться на своего сына, онъ попрежнему относится ко мнѣ съ уваженіемъ, но я самъ, какъ-то, теперь не осмѣливаюсь давать ему никакихъ совѣтовъ!» Отцовъ, которые находятся въ такомъ же положеніи, какъ этотъ старый коптъ, теперь въ Египтѣ много. Но положеніе дѣтей нисколько не лучше. Одинъ молодой студентъ въ Каирѣ жаловался французскому журналисту, что они съ отцомъ не понимаютъ другъ друга. «Мы точно обитаемъ въ другомъ мірѣ!» сказалъ онъ. Въ Бени-Сеуфѣ, гдѣ обитаетъ семья этого студента, по его словамъ, почти нѣтъ ни одного человѣка, настолько европейски образованнаго, чтобы отрѣшиться отъ рутинныхъ взглядовъ прошлаго. Онъ привелъ въ негодованіе всѣхъ своихъ близкихъ, не согласившись съ ними относительно качествъ нильской воды, которую каждый правовѣрный египтянинъ долженъ обязательно считать самою лучшею и здоровою водою въ свѣтѣ! «Мой отецъ и мои дяди,—говорилъ молодой студентъ,—хотя и разспрашиваютъ меня съ большимъ любопытствомъ о моихъ занятіяхъ, но видимо относятся къ нимъ съ подозрѣніемъ и я внушаю имъ тревогу».

Единственный пунктъ, на которомъ сходится молодое и старое поколѣнія—это ненависть къ иноземному игу. Но старое относится также съ недоброжелательствомъ и къ разнымъ европейскимъ нововведеніямъ и въ особенности къ преобразованію египетской жизни на европейскій ладъ, между тѣмъ какъ молодое поколѣніе стремится оевропеиться и все больше и больше измѣняетъ старымъ традиціямъ, видя спасеніе Египта никакъ не въ возвращеніи къ этимъ традиціямъ, а въ окончательномъ отреченіи отъ нихъ и отъ всѣхъ рутинныхъ взглядовъ и предразсудковъ прошлаго. Дѣйствительно, западная система воспитанія, введенная въ Египтѣ, успѣла уже воздвигнуть стѣну между двумя поколѣніями и у многихъ даже возникаютъ опасенія, что стѣна эта слишкомъ высока и что слишкомъ рѣзко порывается связь между настоящимъ и прошлымъ. Въ Египтѣ не далѣе, какъ въ началѣ этого столѣтія, полное невѣжество было единственнымъ общимъ наслѣдіемъ во всѣхъ классахъ. Но со временъ Мегемета-Али все измѣнилось. Когда этотъ энергичный человѣкъ сдѣлался намѣстникомъ

Египта, онъ ввелъ много реформъ, измѣнившихъ строй египетской жизни. Стремясь къ независимости Египта, Мегеметъ-Али не пренебрегалъ и духовнымъ развитіемъ страны, и при немъ возникло много школъ, была основана типографія и газета. Образованіе, какъ и многія другія реформы, Мегеметъ - Али вводилъ силой. Учениковъ сгоняли силой въ школы и даже совершались настоящіе набѣги, похищались маленькіе феллахи, которыми и наполнялись школы вицекороля. Оторванные отъ семьи, юные феллахи мало-по-малу привыкали къ своей обстановкѣ. Ихъ обучали по стольку, по скольку это нужно было, чтобъ изъ нихъ вышли солдаты и чиновники. Ихъ облекали въ мундиръ, и это обстоятельство, повидимому, въ значительной степени смягчало юношамъ горечь разлуки съ семьей. Школы, въ которыхъ воспитывались молодые египтяне, носили громкія названія: политехническая школа, медицинская школа и т. п, и эти названія сохранились до сихъ поръ, но отмѣнены блестящіе мундиры. Послѣ смерти Мегемета-Али наступила реакція; правительству болѣе не нужны были образованные чиновники и военные, и оно позакрывало всѣ школы, а въ тѣхъ, которыя не были закрыты, отсутствовали какъ ученики, такъ и учителя. Египетъ вернулся къ старинной первоначальной системѣ обученія въ мечетяхъ и школахъ при нихъ.

Мало-по-малу частыя сношенія съ иностранцами, требованія экономической борьбы, сближеніе съ Европой по случаю проведенія Суэзскаго канала заставили египетское правительство подумать о преобразованіи воспитательной системы. Туземные учителя могли только преподавать коранъ и арабскій языкъ; для всего же остального нужно было обращаться къ помощи европейцевъ. Сначала, какъ это всегда бываетъ, въ Каирѣ сосредоточились разные искатели приключеній, потерпѣвшіе крушеніе на жизненномъ поприщѣ. Испробовавъ всѣ карьеры, они тѣмъ не менѣе признавали себя годными для педагогическаго поприща, и среди египетскаго учебнаго персонала встрѣчались самыя разнообразныя личности, отставные и разжалованные офицеры, разстриженные священники, чиновники, ремесленники, однимъ словомъ, всѣ, кромѣ настоящихъ учителей и педагоговъ.

Но толчокъ, данный Европой, не пропалъ даромъ. Мало-по-малу система была совершенно преобразована и учрежденіе бюджета просвѣщенія дало возможность пригласить европейскихъ учителей и воспитателей. Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ просвѣщеніе сдѣлало громадный шагъ впередъ въ Египтѣ, постепенно проникая въ народныя массы. И здѣсь, какъ и вездѣ, повторился общій законъ, по которому въ самомъ началѣ образованіе составляетъ лишь удѣлъ привилегированныхъ классовъ, питомцевъ правительства, затѣмъ уже становится достояніемъ среднихъ классовъ и лишь позднѣе распространяется и на народъ. Конечно, египетскія школы наполняются пока еще только избранною частью народа, огромное большинство котораго пребываетъ еще въ прежней косности, и едва 10.000 изъ 500.000 мальчиковъ, достигшихъ школьнаго возраста, попадаетъ въ правительственныя школы и около 3—4.000 воспитывается въ частныхъ школахъ, но изъ нихъ-то выходятъ будущіе дѣятели, независимые люди и надежда Египта. Они-то и составляютъ молодой Египетъ. Получивъ первоначальное образованіе въ элементарныхъ школахъ (такихъ школъ въ Египтѣ 41), гдѣ также преподается одинъ изъ иностранныхъ языковъ, они переходятъ во второразрядныя, гдѣ подготовляются къ экзамену на степень баккалавра. По-

лучивъ ее, молодые люди или прямо поступаютъ на государственную службу, или же спеціализируются, поступая въ политехническую, медицинскую или юридическую школу или же отправляются доканчивать образованіе въ Европу. Изъ этой-то молодежи и образуется та партія, которая мечтаетъ о независимости Египта. Но заимствовавъ у стариковъ, сторонниковъ Араби-паши, ихъ лозунгъ: «Египетъ—египтянамъ», «молодой Египетъ» стремится къ достиженію своей цѣли совершенно новыми путями, не путемъ обособленія отъ Европы, а путемъ общенія съ нею и замѣны иностранныхъ культурныхъ дѣятелей въ Египтѣ своими собственными.

Американскіе лѣтніе курсы. Исторія возникновенія лѣтнихъ курсовъ въ Чаутаквѣ настолько извѣстна, что мы считаемъ лишнимъ возвращаться къ ней, тѣмъ болѣе, что въ свое время у насъ были помѣщены статьи объ этихъ курсахъ. Скажемъ только, что умѣлая организація этого дѣла дѣйствительно сдѣлала въ настоящее время Чаутакву центромъ умственнаго движенія.

Ассоціація, организовавшая лѣтніе курсы въ Чаутаквѣ, не пожалѣла усилій, чтобы сдѣлать пребываніе тамъ какъ можно болѣе привлекательнымъ и полезнымъ для ума и здоровья во всѣхъ отношеніяхъ. Устройство всевозможныхъ клубовъ, общественныхъ прогулокъ, не только для взрослыхъ, но и для дѣтей, организація общественныхъ увеселеній, концертовъ, собраній, драматическихъ представленій и т. д. входитъ въ программу учредителей лѣтнихъ курсовъ. Программа курсовъ, продолжающихся отъ 26-го іюня н. ст. до 23-го августа н. ст., составлена чрезвычайно разнообразно и захватываетъ разные отдѣлы знаній, съ цѣлью удовлетворить всѣхъ, кто стремится къ самообразованію. Кромѣ публичныхъ лекцій, затрогивающихъ самыя разнообразныя темы и современные вопросы, ассоціація организовала правильные курсы, придерживающіеся опредѣленной программы, чтобы дать возможность людямъ разныхъ профессій, школьнымъ учителямъ и др. усовершенствоваться въ своей спеціальности и ознакомиться съ прогрессомъ науки, а также тѣмъ, которые просто интересуются наукой, или желаютъ подготовить себя къ какой-нибудь профессіи и дѣятельности. Такихъ курсовъ или школъ существуетъ двѣнадцать; они составляютъ отдѣлы нью-іоркскаго университета, и по окончаніи учебной сессіи, желающіе могутъ держать экзаменъ и получить соотвѣтствующее свидѣтельство. Курсы эти слѣдующіе: курсъ англійскаго языка и литературы; курсъ современныхъ языковъ; курсъ классическихъ языковъ; курсъ математическихъ и естественныхъ наукъ; курсъ соціальныхъ наукъ; курсъ богословской литературы; курсъ педагогики; музыкальные курсы; изящныя искусства; школа физическаго воспитанія; школа декламаціи и школа прикладныхъ искусствъ. Эта послѣдняя распадается на семь отдѣловъ: 1) практическое знакомство съ парламентскими законами и пріемами и подготовленіе къ исполненію секретарскихъ и иныхъ обязанностей; 2) разговорный классъ; упражненіе памяти и пріученіе къ правильной, связной рѣчи и хорошему англійскому языку. Въ этомъ отдѣлѣ устраиваются бесѣды и пренія на самыя разнообразныя темы. 3) Обученіе корреспонденціи всякаго рода; 4) кулинарное искусство и домашнее хозяйство; 5) фотографія; 6) фонографія и типографское искусство; 7) коммерческія знанія.

Чтобы судить о полнотѣ и разнообразіи лѣтнихъ курсовъ, мы приведемъ программу нѣкоторыхъ отдѣловъ. Въ отдѣлѣ педагогики въ ны-

нѣшній сезонъ читались слѣдующія лекціи: 1) изученіе и преподаваніе исторіи; 2) опытъ историческаго разсказа; 3) преподавательская рутина; 4) поэтическое наслѣдіе американскаго дитяти; 5) изученіе и пониманіе природы и ея отношеніе къ искусству, литературѣ, наукамъ и религіи; 6) развитіе литературнаго вкуса у дѣтей; 7) физическое воспитаніе и его отношеніе къ умственному развитію; 8) чтеніе и разговоръ; обученіе тому и другому. Когда начинать обученіе иностраннымъ языкамъ. Драматическое чтеніе, выразительность. Писаніе сочиненій. 9) Юношество; физическія и психическія перемѣны, сопряженныя съ этимъ періодомъ. Школьныя занятія въ этомъ періодѣ. Высшія школы, коллегіи. Юношескій возрастъ и отношеніе къ нему различныхъ педагогическихъ системъ въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ. 10) Питаніе ребенка. Природные и искусственные вкусы въ младенческомъ возрастѣ, дѣтствѣ и юности. Діэта при умственномъ трудѣ. Школьные завтраки. Отношеніе между развитіемъ организма и ученіемъ. 11) Піонеры народнаго воспитанія; 12) новыя открытія въ области развитія ума; 13) Чаутаква и американскія лѣтнія школы; 14) кэмбриджскіе и оксфордскіе лѣтніе курсы; 15) вакаціонные курсы въ Эдинбургѣ и новые факты въ исторіи народнаго воспитанія; 16) національный союзъ домашняго чтенія; 17) Платонъ-учитель; 18) дитя въ домашнемъ быту.

Въ програму соціологическаго и политико-экономическаго отдѣла вошли слѣдующіе вопросы: филантропическія реформы нашего вѣка; гарвардское кооперативное филантропическое движеніе; вліяніе клубной жизни на домашній бытъ; соціальные результаты и вліяніе на домашнюю жизнь высшаго женскаго образованія; современная періодическая печать; рабочее движеніе; университеты и университетскія поселенія въ Лондонѣ; эра промышленной революціи; нищета и государство; фабричная система; жизнь восточнаго Лондона; организація труда; обзоръ Англіи въ соціальномъ отношеніи: семья какъ соціальное учрежденіе; идеалъ христіанскаго дома; домъ и тюрьма; дѣтскіе сады и семья; гражданинъ и государство и мн. др. Въ отдѣлѣ философіи читались публичныя лекціи на слѣдующія темы: міръ ощущеній и иллюзій; міръ науки и искусства; міръ личностей; міръ учрежденій; міръ нравственности и т. д.

Также разнообразно были составлены и программы другихъ отдѣловъ. Многія изъ занятій въ Чаутаквѣ происходятъ на открытомъ воздухѣ, въ особенности классы рисованія, лѣпки и т. п., а теперь нѣкоторыя изъ публичныхъ лекцій читаются въ открытомъ амфитеатрѣ. Огромное стеченіе публики въ лѣтніе мѣсяцы въ Чаутаквѣ указываетъ, что организаторы курсовъ угадали потребности общества. Для чтенія лекцій приглашаются выдающіеся профессора и въ теченіе зимы подготовляется и тщательно обсуждается программа и производятся въ ней необходимыя перемѣны и усовершенствованія. Экскурсіи, устраиваемыя обществомъ подъ руководствомъ компетентныхъ лицъ съ научными цѣлями и ради развлеченія и ознакомленія съ достопримѣчательными окрестностями озера, много содѣйствуютъ разнообразію жизни въ Чаутаквѣ. Такія же прогулки и экскурсія устраиваются и для дѣтей. Жизнь кипитъ ключомъ, пока осенніе холода не напомнятъ временнымъ посѣтителямъ Чаутаквы о необходимости вернуться къ своимъ обычнымъ занятіямъ и прелестные берега озера опустѣютъ.

По примѣру Америки, такіе же лѣтніе курсы устраиваются и въ Англіи и др. мѣстахъ. Въ Оксфордѣ они

существуютъ уже восьмой годъ. Программа ихъ не столь обширна и разнообразна, какъ программа американскихъ лѣтнихъ курсовъ, но въ нее также входятъ важнѣйшіе отдѣлы знаній. Приводимъ программу этого года: 1) Исторія литературы, искусства и экономики въ революціонную эпоху 1789—1848 г. 2) Романтическое возрожденіе въ англійской литературѣ; 3) Кантъ и Гегель; 4) Шериданъ; 5) Коуперъ и Шелли; 6) «Фаустъ» Гёте, 7) Рёскинъ и его ученіе о красотѣ; 8) Байронъ и Кольриджъ; Шиллеръ и Гейне; 9) Бентамъ; 10) Бёркъ и Годуинъ, и т. д.

На французскомъ языкѣ были прочитаны лекціи о Шатобріанѣ, Викторѣ Гюго, Бальзакѣ, Madame Сталь, Ламартинѣ, Готье, Мюссе, Дюма и Жоржъ Зандъ. Кромѣ того, былъ прочитанъ рядъ публичныхъ лекцій на различныя тэмы. Между прочимъ, въ программу вошли слѣдующія тэмы: Даніэль О'Коннелль и католическая эмансипація; отмѣна рабства; эпоха экономической, муниципальной и избирательной реформы въ Англіи; Чартизмъ; Мальтусъ и Рикардо; исторія фабричнаго законодательства и др. Нѣсколько извѣстныхъ профессоровъ и ученыхъ прочли лекціи о французской революціи. Области естественныхъ наукъ и педагогикѣ было также отведено подобающее мѣсто. Спеціально для иностранцевъ устроены были курсы англійскаго языка и для всѣхъ желающихъ—французскаго, греческаго и латинскаго. Въ отдѣлѣ искусствъ преподавалась исторія архитектуры въ связи съ исторіей древнихъ оксфордскихъ построекъ.

«Отверженные» или «каготы» во Франціи. Мало кому извѣстно, о существованіи деревни Сенъ-Жакъ, въ Бретаніи, населенной настоящими отверженными, къ которымъ бретонскіе крестьяне питаютъ чувство отвращенія и презрѣнія, смѣшанное съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ. Можно предположить, что обитатели этой деревни совершили какой-нибудь проступокъ или преступленіе, покрывшее ихъ позоромъ, такъ какъ бретонскіе крестьяне отказываются отъ всякаго съ ними общенія, какъ отъ чего-то въ высшей степени унизительнаго. Несчастные «cacous», какъ ихъ называютъ въ Бретани, осуждены влачить самое жалкое существованіе. Они не смѣютъ селиться въ какой-нибудь другой мѣстности и въ нѣкоторыхъ деревняхъ имъ даже не разрѣшается въ церкви заходить далѣе кропильницы, находящейся у входа. Они женятся между собой, потому что никто не рѣшится вступить съ ними въ родство. Былъ такой случай, что въ одной бретонской деревнѣ молодая дѣвушка полюбила одного изъ отверженныхъ и захотѣла выйти за него замужъ. Всѣ ея родные отреклись отъ нея послѣ этого и она считалась на вѣки опозоренной. Если даже какой-нибудь бретонскій крестьянинъ и влюбится въ дѣвушку изъ семьи «Cacous», то все же онъ никогда не рѣшится опозорить себя подобнымъ бракомъ; предубѣжденіе противъ нихъ слишкомъ сильно и крестьянину очень трудно бороться съ нимъ.

Для объясненія этого страннаго отвращенія къ безобиднымъ обитателямъ деревни Сенъ-Жакъ, надо обратиться къ исторіи, а именно къ среднимъ вѣкамъ, когда послѣ крестовыхъ походовъ въ Европѣ появилась неизвѣстная до того болѣзнь проказа, занесенная христіанскими воинами съ востока. Боязнь заразы вызвала необычайно строгія и, главное, жестокія мѣропріятія по отношенію къ прокаженнымъ, которыхъ навсегда исключали изъ человѣческаго общества и совершенно изолировали. Когда какой-нибудь человѣкъ заболѣвалъ проказой, его вели къ священнику и тотъ сначала пробовалъ

на немъ дѣйствіе святой воды, а когда она оказывалась недѣйствительной, священникъ произносилъ свой окончательный приговоръ надъ прокаженнымъ; несчастный осужденъ былъ до конца жизни находиться внѣ человѣческаго общества и связь его съ прочими людьми прекращалась. Такого больного отводили въ церковь, гдѣ совершалось надъ нимъ похоронное богослуженіе и затѣмъ священникъ напутствовалъ его и сообщалъ ему правила, отъ которыхъ онъ уже не смѣлъ отступать ни на шагъ во всей своей дальнѣйшей жизни, подъ угрозою строгаго наказанія. Онъ долженъ былъ жить отдѣльно отъ прочихъ людей, носить особую одежду и ни подъ какимъ видомъ не вступать въ сношенія и не подходить близко къ здоровымъ людямъ. Въ 1172 году проказа такъ свирѣпствовала въ Бретани, что приходилось устраивать отдѣльныя кладбища и имѣть отдѣльныя церкви и священниковъ для прокаженныхъ. Мало-по-малу болѣзнь начала исчезать и въ XV вѣкѣ она встрѣчается уже очень рѣдко. Но потомки прежнихъ прокаженныхъ остались отверженными попрежнему; они-то и образовали касту отверженныхъ въ Бретани. Правила, регулирующія ихъ поведеніе, сдѣлались съ теченіемъ времени нѣсколько мягче, тѣмъ не менѣе, они все-таки остаются отверженными людьми; имъ не разрѣшено было заниматься никакими другими ремеслами, кромѣ канатнаго и бочарнаго, и слово канатчикъ сдѣлалось синонимомъ «Cacous». Кромѣ того, жителямъ запрещалось продавать имъ какой-нибудь матеріалъ, кромѣ пеньки, и т. п., или оставлять имъ какое-нибудь наслѣдство.

Презрѣнные «Cacous», осужденные на самое жалкое существованіе, въ то же время очень много терпѣли отъ притѣсненій духовенства и вымогательствъ. Въ началѣ XVII вѣка однако терпѣніе ихъ должно быть, истощилось и они заявили протестъ противъ того, чтобы ихъ считали прокаженными, доказывая, что у нихъ уже не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ этой болѣзни. Въ отвѣтъ на это, епископъ конфисковалъ земли непокорныхъ. Они обязаны были не только поставлять веревки для церковныхъ колоколовъ, но также они же доставляли веревки для осужденныхъ, которыхъ казнили на городскихъ площадяхъ. Это обстоятельство не мало содѣйствовало укрѣпленію отвращенія и презрѣнія къ нимъ.

Строгіе законы воспрещали имъ браки съ другими людьми; обыкновенный смертный не смѣлъ даже крестить ребенка у «Cacous», и эти послѣдніе не могли вступать ни въ какія дѣловыя сношенія съ другими людьми и не смѣли переступать отведеннаго имъ мѣста въ церкви. Нашлись однако мужественные и храбрые люди, которые пробовали вступиться за этихъ несчастныхъ, совершенно безвинно несущихъ на себѣ тяжесть общественнаго презрѣнія. Но бороться съ укоренившимися предразсудками трудно. Крестьяне въ Финистере и въ Морбиганѣ относятся къ нимъ, хотя и не съ такою злобною ненавистью, какъ прежде, но все же враждебно и въ этой области даже существуетъ обычай, который требуетъ, чтобы при заключеніи брака каждая изъ сторонъ представила свою генеалогію и доказала самымъ неопровержимымъ образомъ, что въ числѣ ея предковъ, нѣтъ ни одного «Cacous», въ противномъ же случаѣ происходитъ неминуемый разрывъ. А между тѣмъ многіе изъ этихъ отверженныхъ могли бы похвалиться знатнымъ происхожденіемъ, такъ какъ въ числѣ ихъ предковъ прокаженныхъ было много очень знатныхъ дворянъ, даже королевской крови. Но болѣзнь сгладила всѣ соціальныя различія и знатный дворянинъ, какъ и простой

крестьянинъ, сдѣлались одинаково родоначальниками отверженныхъ.

Въ странѣ самоубійцъ. Самоубійства составляютъ въ Китаѣ самое обычное явленіе. Самоубійцы встрѣчаются повсюду, на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, среди богатыхъ и бѣдныхъ, среди женщинъ и дѣтей, среди господъ и слугъ. Повидимому, китаецъ нисколько не привязанъ къ жизни и достаточно самыхъ пустяковъ, чтобы заставить его разстаться съ нею. Вообще китаецъ обнаруживаетъ необыкновенное равнодушіе къ утѣхамъ жизни и въ въ Китаѣ такъ легко найти замѣстителей, жертвующихъ своею головой. Приговоренный къ смерти китаецъ легко можетъ найти замѣстителя, если не будетъ скупиться. Очень часто вмѣсто мандариновъ, приговоренныхъ къ смерти за избіеніе христіанскихъ миссіонеровъ, казнятъ какихъ-нибудь бѣднягъ, охотно продающихъ свою жизнь за какую-нибудь сотню франковъ и соглашающихся подставить свою голову подъ ножъ вмѣсто знатнаго мандарина. Цифра самоубійствъ должна быть очень велика въ Китаѣ, въ виду такого равнодушія къ жизни. Докторъ Матиньонъ, состоящій при французскомъ посольствѣ въ Пекинѣ, занялся, по словамъ «Revue des Revues», изслѣдованіемъ этого вопроса, съ цѣлью опредѣлить, какія причины порождаютъ такое изумительное равнодушіе къ жизни и какіе мотивы въ Китаѣ чаще всего служатъ поводомъ къ самоубійству.

По мнѣнію доктора, самыми частными поводами къ самоубійству служатъ мщеніе и досада. Китаецъ необыкновенно мстителенъ и не колеблясь прибѣгаетъ къ самоубійству, если знаетъ, что можетъ доставить этимъ непріятность лицу, противъ котораго питаетъ злобу. Въ основѣ всякой мести подобнаго рода всегда заключается денежный вопросъ. Разорившійся китаецъ отправляется къ дому того, по чьей волѣ это случилось, и вѣшается на воротахъ. Два конкурента ведутъ между собою ожесточенную войну; тотъ, который чувствуетъ себя болѣе слабымъ, принимаетъ опіумъ и отправляется умирать въ лавку своего соперника. Потерявъ процессъ, за неимѣніемъ возможности дать взятку судьямъ, китаецъ вѣшается у ихъ дома и это часто приводитъ къ пересмотру процесса и рѣшенію въ пользу самоубійцы. Китаецъ, лишающій себя жизни ради мести, всегда принимаетъ всѣ мѣры, чтобы смерть его принесла желаемые результаты. Онъ обдумываетъ родъ самоубійства и заранѣе приготовляетъ записку, изъясняющую мотивы, побудившіе его къ самоубійству и указывающую правосудію на лицо, которое было случайною причиною его смерти. Но случается, что опасаясь какъ бы эта записка не пропала послѣ его смерти, китаецъ пишетъ все это на своей кожѣ. Въ Китаѣ существуетъ убѣжденіе, что то, что написано на кожѣ человѣка, не можетъ быть уничтожено и, прибѣгнувъ къ такому способу, самоубійца можетъ быть спокоенъ, что месть его будетъ удовлетворена и суду сдѣлается извѣстно, кто довелъ его до самоубійства.

Каждый китаецъ боится такой мести, такъ какъ она является для него источникомъ всевозможныхъ непріятностей, придирокъ со стороны судебной власти и матеріальныхъ потерь. Ничего нѣтъ удивительнаго, слѣдовательно, что самоубійство сдѣлалось орудіемъ шантажа въ Китаѣ. Слѣдующій характерный анекдотъ подтверждаетъ это: одинъ китаецъ шелъ по мосту и несъ кошель съ деньгами. На него напалъ другой и отнялъ деньги. — «Воръ, отдай мои деньги!» кричалъ ограбленный, но воръ продолжалъ бѣжать по мосту.—«Отдай мнѣ деньги, не то я сейчасъ

утоплюсь!» крикнулъ китаецъ, и воръ немедленно вернулся и отдалъ деньги.

Китайское правосудіе отличается недобросовѣстностью и зачастую окончательно разоряетъ того, кто попадетъ къ нему въ руки, не говоря уже о дурномъ обращеніи, которому подвергается обвиняемый, иногда долгіе мѣсяцы томящійся въ тюрьмѣ. Поэтому случается, что виновникъ самоубійства самъ, въ свою очередь, становится самоубійцей, чтобы избѣжать предстоящихъ ему непріятностей.

Китайцы находятъ вполнѣ естественнымъ самоубійство изъ мести. Разсказываютъ, что одинъ китаецъ, имѣвшій двухъ враговъ, которымъ онъ желалъ отмстить, высказывалъ сожалѣніе, что не можетъ лишить себя жизни у дверей обоихъ враговъ, а долженъ поневолѣ выбрать когонибудь одного.

Другая причина самоубійства— ревность и гнѣвъ, чаще встрѣчается у женщинъ, что объясняется большею импульсивностью ихъ натуры. Пустое неудовольствіе, досада, заставляютъ ихъ иногда принимать подобное роковое рѣшеніе. Дурная организація китайской семьи много способствуетъ увеличенію числа самоубійствъ среди женщинъ. Во многихъ округахъ китайскія дѣвушки до такой степени боятся брака, который представляется имъ адомъ, что собираются вмѣстѣ для протеста и, взявшись за руки, бросаются въ воду.

Въ китайской семьѣ очень строго соблюдается іерархія; младшіе подчиняются старшимъ, невѣстки подчиняются свекрови, жена младшаго сына подчиняется женѣ старшаго и т. д. Это ведетъ къ постояннымъ распрямъ, къ мѣстничеству, ко всевозможнымъ столкновеніямъ. Выведенныя изъ терпѣнія, молодыя женщины очень часто кончаютъ жизнь самоубійствомъ.

Китайская свекровь весьма часто доводитъ свою невѣстку до самоубійства. Дѣтей обручаютъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ и случается, что невѣста, едва имѣющая 5 — 6 лѣтъ отъ роду, поселяется въ домѣ своей будущей свекрови и эта послѣдняя, большею частью, старается запугать ее и заранѣе дать ей почувствовать свою власть, какъ будто бы малютка уже была въ самомъ дѣлѣ женою ея сына. Роль свекрови въ китайскомъ обществѣ настолько значительна, что молодую китаянку, недавно вышедшую замужъ, никогда не спрашиваютъ, счастлива ли она, а спрашиваютъ: въ какихъ отношеніяхъ она со свекровью, такъ какъ этимъ все сказано. Докторъ Матиньонъ разсказываетъ, что ему пришлось во французскомъ госпиталѣ въ Гон-Конгѣ лѣчить девятилѣтнюю дѣвочку-невѣсту, тѣло которой было все покрыто ранами и синяками отъ ударовъ, которыми и награждала ея будущая свекровь. Дѣвочка умолала монахинь, ухаживавшихъ за нею, оставить ее у себя, такъ какъ возвращеніе домой было для нея равносильно смерти. Въ оффиціальныхъ документахъ не разъ упоминается о случаяхъ насильственной смерти маленькихъ дѣвочекъ и жестокаго обращенія свекрови. Большею частью эти малютки бываютъ жертвами китайскихъ матронъ, доводящихъ свою жестокость до крайнихъ предѣловъ. Малютки не переносятъ такого обращенія и умираютъ, а молодыя дѣвушки и женщины сами лишаютъ себя жизни, чтобы избавиться отъ мучительства.

Самоубійства изъ-за вопросовъ чести составляютъ самое частое явленіе въ Китаѣ. Китаецъ очень обидчивъ, чувствителенъ ко всякой насмѣшкѣ и самолюбіе его легко уязвляется. У китайцевъ даже существуетъ особое выраженіе для такого рода случаевъ. «Потерять лицо»— значитъ подвергнуться униженію, насмѣшкѣ и т. п., и эта «потеря лица» зачастую служитъ поводомъ къ самоубійству. Такого рода самоубійства

всего чаще встрѣчаются среди зажиточныхъ классовъ и высшихъ чиновниковъ.

Женщины весьма часто предпочитаютъ смерть безчестію и память умершихъ при такихъ условіяхъ всегда очень почитается. Самоубійства вдовъ въ началѣ этого вѣка были очень часты, но теперь число ихъ значительно уменьшилось, хотя положеніе вдовъ въ китайской семьѣ нисколько не стало лучше. Въ прежнее время очень прославляли самоубійства женъ послѣ смерти мужей и даже по приказанію императора была построена тріумфальная арка въ честь такихъ самоубійцъ, и очень часто вдовы, соблазнявшіяся почестями, которыя ихъ ожидали послѣ смерти и побуждаемыя своими семьями, приносили себя въ жертву на алтарь тщеславія.

Если какой-нибудь изъ высокопоставленныхъ чиновниковъ имперіи совершитъ преступленіе, за которое онъ долженъ неминуемо поплатиться жизнью, то случается, что императоръ, чтобы избавить его отъ такого униженія, посылаетъ ему «одинъ изъ трехъ драгоцѣнныхъ подарковъ»: тонкій листочекъ золота, мѣшечекъ съ ядомъ или шелковую веревку. Получившій такой подарокъ прекрасно знаетъ, что онъ означаетъ, и долженъ благодарить императора за его деликатное вниманіе. Въ декретѣ, сопровождающемъ подарокъ, императоръ назначаетъ нѣсколькихъ мандариновъ, которые должны присутствовать при совершеніи самоубійства. Всего чаще императоръ посылаетъ шелковый шнурокъ и приговоренный вѣшается въ присутствіи назначенныхъ свидѣтелей. Если же осужденному вручается тончайшая золотая пластинка, то онъ кладетъ ее на ладонь, подноситъ ко рту и затѣмъ усиленно вдыхаетъ. Пластинка втягивается вмѣстѣ съ воздухомъ и закупориваетъ дыхательное горло.

По вычисленію одного миссіонера, въ Китаѣ одно самоубійство приходится на 2.000 человѣкъ. Притомъ же число самоубійствъ нисколько не уменьшается и все возростаетъ. Это удивительное равнодушіе къ жизни, проявляемое китайцами, лучше всего указываетъ, какъ ненормальны ихъ условія жизни и какія важныя коренныя перемѣны должны произойти во всемъ строѣ китайскаго общества, чтобы измѣнить ихъ взгляды на жизнь.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue de Paris».—«Revue des Revues».—«Popular Science Monthly».

Вопросъ о народномъ театрѣ серьезно занимаетъ парижанъ. Проектъ муниципальнаго театра въ Парижѣ указываетъ, что вопросъ этотъ назрѣлъ и близокъ къ разрѣшенію, притомъ въ печати онъ успѣлъ уже возбудить довольно оживленную полемику. «Revue de Paris», между прочимъ, посвящаетъ статью этому предмету и сообщаетъ кое-какія свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи возникновенія этой идеи въ Парижѣ.

Въ 1892 году, по случаю какого-то національнаго праздника, въ небольшой общинѣ, заключенной въ Вогезскихъ горахъ, нѣсколько молодыхъ людей задумали устроить театральное представленіе. Выбрана была пьеса Мольера «Médecin malgré lui», и, къ величайшему удивленію образованныхъ людей, относившихся весьма скептически къ этой затѣѣ и думавшихъ, что классическія произведенія доступны только пониманію

сравнительно небольшой части культурнаго меньшинства; пьеса была разыграна очень недурно и имѣла огромный успѣхъ, несмотря на первобытное устройство сцены. На этой исценѣ, очень обширной, совершенно отсутствовала задняя декарація, которую замѣняла открывающаяся взорамъ зрителей панорама горъ. Занавѣсь, раздѣленная на двѣ части, образовывала кулисы; актеры исполняли порою нѣсколько ролей заразъ, такъ какъ не хватало дѣйствующихъ лицъ. Все это не помѣшало, однако, публикѣ чуть не съ бою брать мѣста. Театръ всегда былъ полонъ и притомъ самою пестрою публикой. Тутъ были даже иностранцы, заинтересованные народнымъ театромъ, рабочіе, крестьяне, буржуазныя семьи и художники. Часть публики сидѣла на грубыхъ деревенскихъ скамьяхъ, другая часть стояла. Залою для публики служилъ обширный лугъ, надъ которымъ была натянута легонькая парусинная крыша. Цѣпь небольшихъ холмовъ, покрытыхъ сосновымъ лѣсомъ, окаймляла этотъ лугъ, превращенный въ зрительную залу, и служила для нея естественною оградой. Болѣе несложную театральную обстановку трудно было бы выдумать. Красивая природа, служившая декораціей, не только не портила общаго впечатлѣнія, но, вѣрнѣе, даже усиливала его.

Успѣхъ этого перваго народнаго театра во Франціи настолько былъ великъ, что вопросъ о его дальнѣйшемъ существованіи разрѣшился самъ собою. На слѣдующій же годъ театръ этотъ открылся при той же самой обстановкѣ. Организаторы его не имѣли въ виду никакой коммерческой выгоды, но все-таки они обставили дѣло такъ, что оно не носило исключительно благотворительнаго характера. Развиваясь далѣе, театръ этотъ сталъ твердо на ноги уже въ прошломъ году и теперь въ немъ устроена постоянная сцена, поставлены кулисы, декораціи; но, тѣмъ не менѣе, сдѣланы все-таки приспособленія, дозволяющія комбинацію искусственныхъ декорацій съ естественными тамъ, гдѣ это дозволяется по ходу пьесы. Такую комбинацію во многихъ случаяхъ можно было назвать очень удачной, такъ какъ пьеса только выигрывала отъ нея въ жизненности и красотѣ. Актеры—все любители и притомъ большею частью только такіе, которые выступаютъ на сцену только на народномъ театрѣ, но между ними встрѣчаются очень талантливые люди, безкорыстные служители искусства. Составъ труппы народнаго театра отличается большимъ разнообразіемъ; тутъ, какъ и въ публикѣ, посѣщающей театръ, встрѣчаются люди, принадлежащіе къ различнымъ слоямъ общества, различнаго состоянія и возраста, однимъ словомъ, это тоже народъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Итакъ, скромное частное предпріятіе, задуманное нѣсколькими, преданными идеѣ, общественными дѣятелями, имѣло совершенно неожиданный успѣхъ, доставившій ему довольно громкую извѣстность. Любопытство большой публики было возбуждено, газеты стали писать объ этомъ скромномъ народномъ театрѣ, декораціей къ которому служили родныя горы. Мало-по-малу идея прокладывала себѣ дорогу и далѣе. Впрочемъ, эта идея въ сущности не заключала въ себѣ ничего новаго, недоставало только ея осуществленія. Критика, какъ и слѣдовало ожидать, обратила вниманіе на народный театръ, и вотъ тотчасъ же поднялись голоса противъ низведенія искусства до уровня пониманія толпы. Голоса эти раздавались преимущественно изъ группы такихъ художниковъ и писателей, которые постоянно гоняются за оригинальностью, но въ то же время относятся

съ величайшимъ недовѣріемъ ко всему, что не подходитъ подъ рубрику какой-нибудь школы. «Revue de Paris» приводитъ слова Роденбаха, одного изъ выдающихся представителей молодой эстетической школы во Франціи, и возстаетъ противъ его заявленія, что «искусство создано не для народа» и что «драматическое искусство должно понизиться до уровня понятій толпы, чтобы сдѣлаться доступнымъ этой толпѣ». «Искусство,—восклицаетъ Роденбахъ,—сдѣлается средствомъ пропаганды и будетъ служить или такимъ идеямъ, которыя принято называть филантропическими, или интересамъ политиковъ; оно сдѣлается утилитарнымъ и поучающимъ и будетъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ пародія на искусство».

Такъ говорятъ и думаютъ во Франціи всѣ приверженцы идеи чистаго искусства, ревниво оберегающіе входъ въ его святилище и допускающіе туда лишь немногихъ избранныхъ. Но число тѣхъ, которые требуютъ, чтобы двери храма искусства были широко раскрыты для всѣхъ, увеличивается съ каждымъ днемъ. Споръ разгорается все сильнѣе и сильнѣе. «Нельзя впускать непосвященныхъ туда, гдѣ совершаются таинства искусства!»—восклицаютъ тѣ, которые присвоили себѣ званіе его жрецовъ и охранителей. «Но какъ же вы хотите, чтобы толпа понимала искусство, если ей подносятъ только варварское угощеніе въ видѣ кровавыхъ мелодрамъ, акробатическихъ упражненій и т. д. вплоть до боя быковъ, устраиваемаго въ Нимѣ?» возражаютъ имъ, указывая на древній народный театръ Эсхила и Софокла въ Аѳинахъ, и на то, что художественное воспитаніе древніе аѳиняне получали въ театрѣ. Слушая рѣчи своихъ поэтовъ, они пріобрѣтали пониманіе искусства, совершенно такъ же, какъ пріобрѣтали пониманіе своихъ гражданскихъ обязанностей, прислушиваясь къ рѣчамъ своихъ ораторовъ.

Устроители народнаго театра въ Вогезахъ, конечно, не думали, что они вызовутъ такой ожесточенный споръ въ печати и обществѣ, но этотъ споръ далъ сильный толчекъ идеѣ народнаго театра и, пожалуй, болѣе всего другого содѣйствовалъ ея успѣху.

По словамъ «Revue des Revues», заимствующаго свои свѣдѣнія изъ одного американскаго журнала, въ штатѣ Нью-Іоркъ находится маленькій городокъ Фривилль, представляющій самостоятельную республику, самую крошечную въ свѣтѣ, не только по размѣрамъ своей территоріи, но и по росту и возрасту своихъ гражданъ, такъ какъ во всей республикѣ находится только одинъ взрослый человѣкъ—ея президентъ и основатель, извѣстный нью-іоркскій филантропъ, Уилльямъ Жоржъ.

Территорія этой оригинальной республики обнимаетъ пространство въ сорокъ восемь акровъ. Населенія ея—двѣсти человѣкъ, состоитъ изъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ возрастѣ отъ 12 до 17 лѣтъ. Граждане этой республики обязуются проживать въ ней безвыѣздно 70 дней, въ теченіе лѣта, но многіе остаются и дольше. Во главѣ исполнительной власти стоитъ президентъ, могущій наложить veto на рѣшенія конгресса.

Дѣтская республика представляетъ точную копію великой американской. Въ ней есть и сенатъ, и палата представителей. Члены этихъ собраній выбираются всеобщею подачею голосовъ, сенаторы—на двѣ недѣли, а депутаты—на одну. Что касается судебной власти, то она также состоитъ изъ гражданскихъ и уголовныхъ судовъ, но судьи назначаются президентомъ. Полиція же составляетъ постоянное учрежденіе, куда граж-

дане принимаются на службу только по конкурсу.

Подражаніе великой республикѣ доведено до того, что и въ маленькой существуютъ налоги, какъ и въ другихъ государствахъ, а также своя монетная система. Ходячую монету составляютъ круглые жетоны изъ бѣлаго желѣза съ надписью: «George Junior Republic» и стоимостью отъ ста до одного доллара. Эти жетоны имѣютъ свободное обращеніе въ предѣлахъ миніатюрнаго государства и въ концѣ концовъ выкупаются правительствомъ, которое даетъ взамѣнъ одежду и картофель. Кромѣ того, банкъ принимаетъ сбереженія, выдаетъ ссуды и выплачиваетъ жалованье тѣмъ, кто состоитъ на службѣ правительства. Всѣ правительственныя учрежденія помѣщаются въ трехъ зданіяхъ. Одно изъ нихъ — Капитолій, въ которомъ проживаетъ президентъ; другое—судъ, при которомъ находится полицейское бюро, тюрьма и зала для засѣданій конгресса. Въ третьемъ зданіи помѣщается банкъ, почтовое бюро и даровая лѣчебница.

Всѣ граждане республики посѣщаютъ школы, устроенныя на счетъ государства, и только болѣе взрослые обучаются въ высшей школѣ въ Драйденѣ, находящейся на разстояніи трехъ миль. Публичная библіотака заключаетъ въ себѣ 600 томовъ; кромѣ того, существуетъ коллегія для устройства публичныхъ лекцій, управляемыя факультетомъ, въ составъ котораго входятъ мальчики старше шестнадцати лѣтъ.

Всѣ граждане побуждаются къ труду, но за лѣность не налагается никакого наказанія, только лѣнтяи и сами скоро убѣждаются на собственномъ опытѣ, что надо трудиться, такъ какъ иначе имъ приходится кормиться на счетъ благотворительности и довольствоваться строго необходимымъ. Не имѣющіе средствъ платить за свое помѣщеніе и пищу уплачиваютъ государству работой за свое содержаніе. Кто желаетъ работать, тотъ всегда получаетъ хорошую плату. Мальчики работаютъ на фермѣ, въ полѣ и на постройкахъ, дѣвочки шьютъ, моютъ и стряпаютъ. Работы продолжаются только до полудня, остальное время всѣ свободны.

Президентъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы дѣла шли гладко въ маленькомъ государствѣ, но лично вмѣшивается лишь въ крайнихъ случаяхъ, такъ что граждане пользуются большою самостоятельностью; они издаютъ законы и вотируютъ ихъ въ палатѣ представителей. Собранія этой палаты представляютъ въ миніатюрѣ точную копію депутатскихъ собраній великой республики. Какъ эти собранія, такъ и въ особенности засѣданія суда, представляютъ крайне любопытное и оригинальное зрѣлище и постоянно посѣщаются взрослыми жителями окрестностей Фривилля. Очень часто въ Фривилль являются профессора сосѣднихъ коллегій, занимающіе по преимуществу каѳедры соціологическихъ наукъ, и просятъ разрѣшенія переночевать на территоріи республики, чтобы не пропустить засѣданія суда или конгресса.

Граждане маленькой республики чрезвычайно серьезно относятся къ своимъ обязанностямъ и тотъ, кто явился бы къ нимъ на собранія съ цѣлью позабавиться надъ этою дѣтскою игрой, долженъ былъ бы скоро убѣдиться, что эта игра носитъ серьезный характеръ. Дѣти пріучаются къ сознанію своихъ гражданскихъ обязанностей и своего гражданскаго долга, пріучаются уважать свободу, подчиняясь въ то же время законамъ. Вообще, эту маленькую республику, пожалуй, можно назвать практическою школой гражданскаго долга. Когда полицейскій, стоящій у входа въ залу суда, произноситъ традиціонное: «судъ идетъ» и всѣ снимаютъ шапки, то

въ залѣ воцаряется такая торжественная тишина и порядокъ, что взрослые посѣтители, въ первый разъ наблюдающіе эту картину, невольно понижаютъ голосъ и проникаются торжественностью минуты, какъ будто бы передъ ними находился настоящій судъ.

Курьезнѣе всего, что въ этой маленькой республикѣ существуетъ также свой женскій вопросъ. Дѣвочки возмутились, что ихъ заставляютъ платить налоги, а между тѣмъ онѣ не имѣютъ права голоса и исполнительная власть находится исключительно въ рукахъ мальчиковъ. Онѣ выбрали депутацію и отправили ее къ президенту для переговоровъ. Президентъ посовѣтовалъ имъ представить петицію въ законодательное собраніе, что́ онѣ и сдѣлали. Однако, законопроектъ объ уравненіи правъ въ первый разъ не прошелъ, и только когда онъ былъ внесенъ вторично, въ слѣдующую сессію конгресса, то получилъ нужное большинство голосовъ.

Президентъ вообще сторонникъ женскаго равноправія и доказалъ это тѣмъ, что наложилъ veto на постановленіе конгресса, по которому дѣвочки должны были платить вдвое меньше мальчиковъ за право свободнаго выѣзда за предѣлы территоріи республики. Свое veto президентъ мотивировалъ тѣмъ, что дѣвочки впослѣдствіи могутъ найти такое снисхожденіе унизительнымъ для своего достоинства и противорѣчащимъ принципу равенства всѣхъ передъ закономъ.

Разумѣется, республика имѣетъ и свое войско, во главѣ котораго находится полковникъ. Однако, только одинъ барабанщикъ, изъ всего штаба войска, носитъ мундиръ. Почему онъ удостоился такой привилегіи — неизвѣстно.

Авторъ не сообщаетъ, сколько времени существуетъ эта республика и откуда берутся ея граждане. Онъ говоритъ только о палаткахъ, разбиваемыхъ вокругъ республиканскихъ зданій и составляющихъ, по всей вѣроятности, временныя лѣтнія жилища гражданъ этого миніатюрнаго государства. О практическихъ результатахъ и воспитательномъ значеніи идеи Уилльяма Жоржа, организовавшаго эту лиллипутскую республику, судить пока нельзя.

О Кореѣ и корейцахъ въ послѣднее время писали очень много, но мнѣнія, высказанныя о нихъ различными авторами, были довольно противорѣчивы. Нѣкоторые изъ авторовъ склонны были даже идеализировать корейцевъ и видѣть въ нихъ признаки возрожденія и прогресса. Съ этимъ взглядомъ, однако, совершенно несогласенъ авторъ статьи о корейцахъ, напечатанной въ «Popular Science Monthly». Авторъ заимствуетъ свои свѣдѣнія о корейцахъ изъ разговоровъ съ самими же корейцами, почему онъ и называетъ свою статью «Korean interviews». Собесѣдниками автора были какъ молодые, такъ и старые корейцы, оффиціальныя лица, члены корейскаго посольства и учащіеся. Онъ задавалъ имъ вопросы, касающіеся семейныхъ отношеній, существующихъ въ Кореѣ, воспитанія, положенія женщинъ, различныхъ обычаевъ, предразсудковъ, общественнаго устройства и т. п. и тщательно записывалъ получаемыя свѣдѣнія, чтобы имѣть возможность сдѣлать изъ нихъ какой-нибудь общій выводъ.

Изъ полученныхъ отвѣтовъ, относящихся къ семейнымъ отношеніямъ, видно, что сыновняя любовь и преданность составляютъ самое обычное явленіе въ Кореѣ, но въ то же время въ корейской семьѣ господствуетъ самый абсолютный деспотизмъ главы семьи. Сыновья находятся въ полномъ порабощеніи у отца и заработокъ ихъ принадлежитъ ему. Если

сынъ живетъ отдѣльно со своею женой, то онъ можетъ распоряжаться своимъ заработкомъ до тѣхъ поръ, пока отецъ не нуждается въ деньгахъ; въ послѣднемъ же случаѣ отецъ можетъ отнять все имущество у сына и продать его домъ, если вздумаетъ. Отъ этого ига сынъ освобождается только со смертью отца. Дочерямъ живется легче: онѣ ничего не дѣлаютъ и вообще въ зажиточной корейской семьѣ съ ними обращаются хорошо и балуютъ ихъ. Что касается воспитанія, то высшіе классы обыкновенно прибѣгаютъ къ частнымъ учителямъ и только дѣти низшихъ классовъ посѣщаютъ частныя школы. Ученіе начинается съ пяти-шести-лѣтняго возраста. Дѣтей обучаютъ китайской азбукѣ и заставляютъ заучивать пять главныхъ правилъ поведенія, нѣчто въ родѣ нашихъ заповѣдей: 1) повиноваться отцу; 2) уважать старшаго брата; 3) почитать короля; 4) уважать свою жену; 5) никогда не измѣнять друзьямъ.

Когда дѣти хорошо усвоили эти правила, ихъ начинаютъ обучать письму и исторіи, затѣмъ они изучаютъ Конфуція и китайскихъ классиковъ. Впослѣдствіи имъ преподается искусство писать стихи. Когда корейскій студентъ является на государственный экзаменъ, его запираютъ на три дня въ комнату безъ всякихъ книгъ, причемъ ему задаются слѣдующія задачи: онъ долженъ процитировать двѣ поэмы изъ древнихъ классиковъ; разрѣшить проблему, тоже заимствованную оттуда; разъяснить нѣкоторыя темныя мѣста у классиковъ; высказать сужденіе о знаменитыхъ людяхъ древнихъ временъ и сообщить, какого рода военная организація можетъ лучше всего защитить страну и контролировать ея дѣйствія, а также какого рода система нравственности можетъ скорѣе повести къ исправленію и уничтоженію вредныхъ обычаевъ. При постановкѣ своихъ вопросовъ экзаменаторы руководствуются слѣдующими взглядами: что человѣческая натура лучше всего узнается въ поэзіи; что разрѣшеніе проблемы указываетъ знаніе классиковъ, что разъясненіе темныхъ мѣстъ указываетъ на быстроту соображенія, а сужденіе о знаменитыхъ людяхъ—на хорошее знаніе исторіи; два же послѣднихъ вопроса служатъ для опредѣленія умственныхъ способностей экзаменующихся.

Въ древности въ Кореѣ были общественныя школы, но теперь ихъ давно нѣтъ и существуютъ только частныя школы въ частныхъ домахъ. Спеціальнаго зданія для школы не существуетъ нигдѣ.

Положеніе женщины въ Кореѣ весьма унизительное. Нѣкогда, лѣтъ 500 тому назадъ, женщины пользовались большею свободою, но теперь онѣ — настоящія плѣнницы и не смѣютъ выходить изъ дому и показываться кому бы то ни было. Законъ совершенно игнорируетъ женщину и если она совершитъ какое-нибудь преступленіе, то несетъ наказаніе не она, а ея мужъ или братъ.

Народъ въ Кореѣ раздѣляется также на классы, какъ и въ Японіи, и низшіе классы болѣе чѣмъ гдѣ-либо находятся въ порабощеніи у высшихъ классовъ. Тутъ царствуетъ самый беззастѣнчивый произволъ, и знатный кореецъ можетъ заставить работать на себя любого ремесленника, не уплачивая ему за это ни малѣйшаго вознагражденія. Вымогательства и поборы правительственныхъ чиновниковъ распространены еще больше, чѣмъ въ Китаѣ. Поэтому-то корейскій ремесленникъ боится обратить на себя вниманіе своимъ искусствомъ, такъ какъ знаетъ, что высшіе не замедлятъ эксплуатировать его. Точно также, если онъ будетъ вести образъ жизни, указывающій на достатокъ, то можетъ быть увѣренъ, что немед-

ленно подвергнется вымогательствамъ и будетъ разоренъ. Онъ знаетъ, что правосудіе и справедливость въ Кореѣ существуютъ только на бумагѣ, законы покровительствуютъ только сильнымъ и богатымъ, и почитаетъ себя только тогда счастливымъ, когда эти сильные и богатые не обращаютъ на него вниманія. Онъ знаетъ, что плодами его трудовъ воспользуются только богатые, знатные и праздные люди, и работаетъ спустя рукава, лишь бы имѣть дневное пропитаніе, не заботясь о будущемъ и не имѣя ни малѣйшаго честолюбія. Въ Кореѣ народъ живетъ въ самой страшной нищетѣ и совершенно мирится съ нею, если только у него есть табакъ и онъ не страдаетъ отъ холода. Ни къ какому другому комфорту онъ не стремится, да и не вѣдаетъ его. При такихъ условіяхъ, конечно, никакой трудъ и никакая промышленность процвѣтать не можетъ и возрожденіе возможно лишь тогда, когда кореннымъ образомъ измѣнится весь строй корейской жизни и будутъ уничтожены всѣ слѣды китайскаго вліянія.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Прив.-доц. **М. Ю. Гольдштейна.**

Законъ Веберъ-Фехнера въ біологіи. — Относительность нашихъ знаній и попытка Крукса дать естественно научную гипотезу телепатіи. — Некрологи: Р. Фрезеніусъ, В. Прейеръ и В. Мейеръ.—*Научныя новости и мелочи*: Бациллы мочки льна.—Ядъ медоносной пчелы.—Ядовитость человѣческаго пота.—Телеграфъ безъ проволоки.—Статистика института Пастера.—Бактеріи въ спиртѣ.—Доисторическая станція Schweizersbild.—Крупнѣйшіе астрономическіе объективы.—Новыя путешествія къ полюсу.—Солнечный свѣтъ и чумныя бактеріи.—Научные «гвозди» будущей парижской выставки.

Скоро минетъ полстолѣтія, какъ знаменитый германскій физіологъ Эрнстъ-Генрихъ Веберъ, производя свои классическія наблюденія надъ ощущеніями давленія, производимаго грузомъ, пришелъ къ закону, которому суждено было сыграть роль одного изъ важнѣйшихъ законовъ психологіи. Первые опыты Вебера заключались, между прочимъ, въ томъ, что на протянутую руку онъ накладывалъ опредѣленнаго вѣса гирьки. Если положить такимъ образомъ на руку очень маленькую гирьку, напр., въ $^1/_{10}$ миллиграмма, то ощущенія давленія не получится, такъ какъ это раздраженіе, какъ выражаются, лежитъ за «порогомъ». Если постепенно прибавлять гирьки и дойти, приблизительно, до 2-хъ миллиграмовъ ($\frac{1}{200.000}$ фунта), то уже ощущеніе нѣкотораго давленія получится. Прибавляя къ этому вѣсу постепенно очень маленькія гирьки, замѣчаютъ, что не каждая прибавляемая гирька даетъ ощущеніе увеличившагося давленія; только когда эти прибавляемыя гирьки достигнутъ извѣстной величины, только тогда человѣкъ, надъ которымъ производится опытъ, почувствуетъ, что давленіе на его руку увеличилось. Возьмемъ болѣе рельефный примѣръ: пусть на рукѣ лежитъ грузъ въ 1 фунтъ. Если вы прибавите одинъ золотникъ, то увеличеніе давленія не почувствуется; Веберъ нашелъ, что въ среднемъ для того, чтобы почувствовать увеличеніе давленія, необходимо къ этому 1 фунту прибавить еще $^1/_{14}$ фунта. Если на руку было первоначально положено два фунта, то, чтобы получить ощущеніе увеличившагося давленія, нужно прибавить $^2/_{14}$ фунта; при 3-хъ фунтахъ,

необходимо прибавить $^3/_{14}$ и т. д. Изъ этого видно, что ощущеніе прироста въ давленіи зависитъ не отъ абсолютной величины прибавляемаго груза, а отъ отношенія между этимъ прибавочнымъ грузомъ и тѣмъ грузомъ, который уже раньше лежалъ на рукѣ.

Такой выводъ можетъ быть подвергнутъ математическому весьма простому анализу и тогда онъ приводитъ къ одному изъ замѣчательнѣйшихъ законовъ, называемому психо-физическимъ закономъ Веберъ-Фехнера. Если, напримѣръ, ощущается разница въ давленіи, когда прибавленный грузъ составляетъ $^1/_{14}$ предыдущаго, уже лежавшаго на рукѣ груза, то мы можемъ написать такія двѣ строки:

Ощущенія — O_1, O_2, O_3, O_4 и т. д.

Раздраженія—$1,\ \frac{15}{14},\ \frac{15}{14}\cdot\frac{15}{14},\ \frac{15}{14}\cdot\frac{15}{14}\cdot\frac{15}{14},\ \left(\frac{15}{14}\right)^4$ и т. д.

Обратимъ вниманіе на то, что въ первой строкѣ (0, 0_1, 0_2 и т. д.) каждое послѣдующее ощущеніе (0) отличается отъ предыдущаго на одну и ту же величину, т. е. представляетъ ариѳметическую прогрессію, между тѣмъ какъ вторая строка представляетъ прогрессію геометрическую, въ которой каждый послѣдующій членъ образуется изъ предыдущаго умноженіемъ его на $^{15}/_{14}$. Этотъ математическій выводъ дается въ болѣе общей формѣ такъ: ощущеніе пропорціонально логариѳму раздраженія.

Только что было указано, что для полученія ощущенія прироста въ давленіи, прибавляемый грузъ долженъ составлять $^1/_{14}$ ранѣе лежавшаго груза. Это число, которое весьма удобно было бы называть психофизическимъ коеффиціентомъ, для различныхъ ощущеній и раздраженій бываетъ различно: такъ, напримѣръ, для свѣтовыхъ раздраженій средней силы и притомъ для разныхъ цвѣтовъ этотъ коеффиціентъ = около $^1/_{50}$ и т. д.

Въ законѣ Веберъ-Фехнера слѣдуетъ отмѣтить и то, что онъ справедливъ для раздраженій средней силы; если же раздраженія очень слабы, то ощущеніе растетъ быстрѣе, если же раздраженіе очень сильно, то ощущеніе растетъ гораздо медленнѣе, нежели должно было бы расти по закону Веберъ-Фехнера. Точнѣе можно выразить только-что сказанное такъ: психофизическій коеффиціентъ съ увеличеніемъ раздраженія убываетъ.

Законъ Веберъ-Фехнера, какъ уже давно признано, господствуетъ въ сферѣ нашихъ ощущеній съ такою силою, что, оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли математическая его формулировка точна, мы можемъ, однако, видѣть на каждомъ шагу, въ какой степени мы ему подчинены. Возьмите два-три примѣра: человѣкъ входитъ въ комнату, которая освѣщена одною свѣчею; когда онъ посидѣлъ здѣсь и привыкъ къ этому освѣщенію, вносятъ вторую свѣчу; онъ ясно чувствуетъ, что въ комнатѣ стало свѣтлѣе. Отсюда мы были бы склонны заключить, что прибавка одной свѣчи ясно ощущается человѣкомъ; однако, на дѣлѣ оказывается иначе; если бы въ комнатѣ было 200 свѣчей, и въ нее внесли еще одну, то никто изъ находящихся не почувствовалъ бы измѣненія въ освѣщеніи. Этотъ примѣръ ясно показываетъ, что не абсолютное значеніе прироста раздражителя играетъ въ подобныхъ случаяхъ роль, а лишь отношеніе его величины къ величинѣ предыдущаго значенія.

Пусть нѣсколько человѣкъ потеряютъ одинъ рубль. Предположимъ, что всѣ эти люди математически одинаковы между собою и отличаются лишь тѣмъ, что у каждаго изъ нихъ въ карманѣ была различная сумма денегъ; очевидно, что непріятное ощущеніе отъ потери рубля будетъ у

всѣхъ этихъ людей различно; тотъ изъ нихъ, который имѣлъ наименьше денегъ, будетъ огорченъ больше, нежели тотъ, у кого было денегъ больше. Обычная фраза: «Что для Ротшильда тысяча рублей? То же, что для меня одна копѣйка!»—представляетъ выраженіе того же закона Веберъ-Фехнера. Конечно, тысяча рублей для Ротшильда есть все-таки тысяча рублей, но у него она представляетъ такую малую часть его состоянія, что потеря этой тысячи не произведетъ почти никакого раздраженія, сопряженнаго съ непріятнымъ чувствомъ.

И если вдуматься въ то, что масса общественныхъ, самыхъ сложныхъ, явленій тѣсно связана съ психофизическимъ закономъ Веберъ-Фехнера, то станетъ понятнымъ, почему этотъ законъ со времени его открытія постоянно привлекалъ къ себѣ вниманіе ученыхъ.

Но въ послѣднее время сдѣланы были попытки еще болѣе расширить область этого закона. Былъ поставленъ вопросъ о томъ, не является ли законъ Веберъ-Фехнера не только психофизическимъ, но и вообще общимъ біологическимъ закономъ, не примѣнимъ ли онъ къ физіологическимъ явленіямъ въ узкомъ смыслѣ этого слова?

Уже въ 1884 году извѣстный нѣмецкій біологъ Пфефферъ произвелъ рядъ опытовъ, свидѣтельствовавшихъ, повидимому, что веберовскій законъ примѣнимъ даже къ сперматозоидамъ папоротника. Пфефферъ наполнялъ запаянную съ одного конца капиллярную трубку растворомъ яблочной кислоты 0,001% крѣпости; эту трубку онъ опускалъ въ каплю воды, содержавшую большое количество сперматозоидовъ папоротника, причемъ яблочная кислота понемногу переходила черезъ капиллярное отверстіе въ каплю; благодаря такой обстановкѣ опыта, сперматозоиды подвергались одностороннему раздраженію и начали устремляться къ отверстію капиллярной трубки; черезъ короткое время уже всѣ сперматозоиды вошли въ трубочку; но если они находились въ каплѣ, которая и сама содержала яблочную кислоту въ количествѣ 0,0005% раствора, то уже 0,001 процентный растворъ, содержавшійся въ капиллярной трубкѣ, не привлекалъ ихъ; а для того, чтобы вызвать ихъ стремленіе въ трубку, въ ней долженъ былъ содержаться 0,015% растворъ. Такимъ образомъ, сперматозоиды привыкли къ раздраженію отъ 0,0005 процентнаго раствора и, стало быть для того, чтобы они почувствовали прибавку раздраженія, нужно было, чтобы раздражающій факторъ возросъ до опредѣленной величины, а именно яблочная кислота только тогда раздражала сперматозоидовъ, когда въ капиллярной трубкѣ ея растворъ былъ въ 30 разъ крѣпче, нежели въ той средѣ, въ которой они находились, т. е. когда прибавка раздраженія находилась въ опредѣленномъ отношеніи къ бывшему уже ранѣе раздраженію.

Дальнѣйшія наблюденія Пфеффера показали, что для различныхъ одноклѣточныхъ организмовъ существуютъ и различные раздражители; такъ, яблочная кислота дѣйствуетъ на сперматозоиды папоротниковъ, между тѣмъ какъ сперматозоиды лиственнаго мха относятся къ ней безразлично, но раздражаются растворами сахара. И здѣсь тоже оказалось, что для того, чтобы вызвать раздраженіе этихъ послѣднихъ сперматозоидовъ, необходимо, чтобы въ капиллярной трубочкѣ растворъ сахара былъ въ 50 разъ крѣпче, нежели въ окружающей средѣ. Точно также на такъ называемую bacterium termo дѣйствуютъ растворы мясного экстракта раздражающимъ образомъ, если отношеніе концентрацій въ капиллярной трубкѣ и въ окружающей средѣ равно 5 : 1.

Изслѣдованіями Массара подтверждена такая же законность по отношенію къ нѣкоторымъ грибкамъ при раздраженіи ихъ свѣтовыми лучами. Уаллеръ (Waller) доказалъ то же самое для свѣтового раздраженія, дѣлая свои испытанія надъ вырѣзаннымъ глазомъ лягушки; оказывается, что глазъ реагируетъ при увеличеніи силы раздраженія только тогда, когда приростъ составляетъ извѣстную часть предшествовавшаго раздраженія.

Извѣстно, что до настоящаго времени психологи старались дать закону Веберъ-Фехнера спеціально психологическое толкованіе. Теперь появляются голоса въ пользу того, что мы въ законѣ Вебера имѣемъ общій біологическій законъ, въ одинаковой мѣрѣ приложимый какъ къ высшимъ, снабженнымъ центральною нервною системою, организмамъ, такъ и къ простымъ одноклѣточнымъ существомъ.

Въ качествѣ научнаго хроникера я долженъ былъ отмѣтить это новое интересное направленіе въ біологіи, хотя, съ своей стороны, считаю нужнымъ указать, что здѣсь возможны три допущенія: либо примѣнимость закона Вебера къ указаннымъ выше примѣрамъ есть простое случайное совпаденіе числовыхъ результатовъ, либо же эта примѣнимость свидѣтельствуетъ о томъ, что между простою раздражимостью протоплазмы и сложными психическими функціями высшихъ организмовъ нѣтъ *качественнаго* различія, или же, наконецъ, въ вышеприведенныхъ наблюденіяхъ надъ одноклѣточными организмами мы имѣемъ сложный физическій процессъ, не имѣющій ничего общаго съ такъ называемой раздражимостью, а зависящій отъ диффузіонныхъ токовъ и отъ измѣненія поверхностнаго напряженія (натяженія) клѣтокъ, происходящаго вслѣдствіе того, что эти клѣтки находятся въ средѣ, постоянно измѣняющейся съ какой-либо одной стороны.

Послѣднее допущеніе, представляющееся для меня лично наиболѣе вѣроятнымъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало останавливаетъ на себѣ вниманіе современныхъ біологовъ.

Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о двухъ статьяхъ, изъ которыхъ одна принадлежитъ перу знаменитаго Уильяма Крукса, другая—перу французскаго философа Гастона Моха (Gaston Moch).

Обѣ статьи трактуютъ объ одномъ и томъ же предметѣ—*объ относительности человѣческихъ знаній.*

Въ сущности говоря, тема довольно старая и довольно избитая. Сказать что-либо новое по этому поводу мудрено, въ особенности послѣ того, что было слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ по этому поводу сказано Кантомъ.

Каждому натуралисту, каждому философу хорошо извѣстно, что міръ, какъ таковой, представляется для насъ закрытою книгою, и что тотъ міръ, который мы знаемъ, описываемъ и изучаемъ, есть результатъ какого-то неизвѣстнаго намъ внѣшняго дѣятеля и нашихъ органовъ чувствъ. Уничтожьте органъ зрѣнія или, точнѣе, зрительные центры, и сейчасъ же исчезнутъ для насъ явленія свѣта. Уничтожьте слуховой органъ—и воздушныя волны, воспринимаемыя нами въ формѣ звука, потеряютъ это своеобразное для насъ значеніе и вызовутъ въ крайнемъ случаѣ лишь осязательное ощущеніе.

На этихъ примѣрахъ уже съ достаточною рельефностью сказывается зависимость, существующая между нашею организаціей и состояніемъ наукъ. Оптика существуетъ лишь благодаря существованію зрительныхъ аппаратовъ, акустика—благодаря слуховымъ приспособленіямъ и т. д. И если мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ и пытаемся выйти за эти поставляемые намъ природою предѣлы,

стараясь познать міръ, какъ таковой, безъ отношенія къ намъ, то всѣ эти попытки, какой бы области онѣ ни касались, не выходятъ за границу гипотезъ, значеніе которыхъ всегда было и всегда будетъ только чисто условнымъ, такъ сказать, временнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы говоримъ, что явленія свѣта обусловливаются волнообразнымъ движеніемъ особаго воображаемаго вещества, которое мы называемъ эфиромъ; но въ то же время мы знаемъ, что это волнообразное состояніе можетъ вызвать ощущеніе свѣта лишь въ томъ случаѣ, когда оно дѣйствуетъ на зрительный аппаратъ; значитъ, все-таки *свѣта* при отсутствіи зрительнаго аппарата не будетъ. Что же касается до предполагаемаго нами волнообразнаго движенія эфира, то это только методъ, удобнѣе всего обобщающій цѣлый рядъ свѣтовыхъ, тепловыхъ и электрическихъ явленій. И только. Ни одинъ серьезный ученый не станетъ утверждать, что завтра же не можетъ появиться новая гипотеза, которая еще проще обобщитъ всѣ названныя явленія, которая, кромѣ того, позволитъ ввести въ группу этихъ явленій еще многія другія, остававшіяся до сихъ поръ въ сторонѣ. А въ такомъ случаѣ волнообразная теорія будетъ оставлена и замѣнена этой новою.

Всякая попытка къ рѣшенію вопроса о томъ, каковъ міръ, каковы явленія сами по себѣ, представляетъ метафизическую эквилибристику, на которую теперь ни одинъ серьезный ученый и философъ не станетъ тратить время. До какой степени природа въ нашемъ пониманіи зависитъ отъ нашей организаціи, лучше всего видно, когда подумаешь, какой бы, напримѣръ, органъ чувствъ, сверхъ имѣющихся, хотѣлъ еще имѣть. И сколько бы вы ни думали, вы никогда не придумаете себѣ новаго органа чувствъ, такого, который отличался бы отъ всѣхъ уже имѣющихся у васъ органовъ. Многіе, напримѣръ, говорятъ, что человѣкъ лишенъ органа для непосредственнаго воспріятія электричества. Но когда такихъ людей спросишь, какъ же они хотѣли бы воспринимать электричество, то они всегда отвѣтятъ такъ, что сведутъ дѣло не къ новому органу чувствъ, а къ усовершенствованію котораго-нибудь изъ имѣющихся уже органовъ. И если бы боги древней Греціи предложили Аристотелю за его заслуги подарить ему сверхъ пяти органовъ чувствъ еще какой-либо шестой, но лишь при условіи, чтобы онъ самъ его назвалъ, то великій философъ сталъ бы втупикъ.

Итакъ, значитъ, поскольку явленія окружающаго насъ міра воспринимаются нами только при помощи органовъ чувстъ, постольку всѣ наши знанія зависятъ отъ устройства и функцій этихъ органовъ. Разбирая этотъ вопросъ подробнѣе, мы увидимъ, что наше отношеніе къ внѣшнему міру, наша способность составлять себѣ то или другое сужденіе о немъ зависятъ и отъ быстроты процессовъ, происходящихъ внутри нашего организма, и отъ величины нашего тѣла и т. д. Понятно поэтому, что если бы всѣ эти присущія намъ свойства стали мѣняться, если бы мы вдругъ сдѣлались по величинѣ равными какой-либо бактеріи, если бы могли перемѣщаться съ мѣста на мѣсто со скоростью нѣсколькихъ милліоновъ верстъ въ секунду, то въ зависимости отъ этого измѣнились бы многіе изъ нашихъ воззрѣній и, стало быть, измѣнились бы и всѣ науки, которыя, какъ извѣстно, представляютъ ничто иное, какъ формулированныя отношенія нашего «я» къ внѣшнему міру.

Все это въ такой степеніи можетъ быть предвидимо a priori, что зани-

маться опредѣленіемъ тѣхъ измѣненій, какія претерпѣли бы науки отъ того, что измѣнилось бы наше я — трудъ совершенно безполезный и во всякомъ случаѣ не могущій принести человѣчеству никакихъ плодотворныхъ результатовъ; тѣмъ болѣе смѣшно думать, что подобныя упражненія могутъ открыть человѣчеству какіе-либо новые горизонты, обогатить его міросозерцаніе.

Не такъ, однако, думалъ, повидимому, Круксъ; не такъ думалъ и Мохъ, когда писали свои статьи, представляющія, какъ мнѣ кажется, явленіе, совершенно подобное декадентству въ искусствѣ.

Круксъ, напримѣръ, начинаетъ съ того, что представляетъ себѣ человѣка — гомункула столь крошечнаго, что молекулярныя явленія, которыя нами еле-еле замѣчаются (какъ, напримѣръ, явленія капиллярности, явленія внутриклѣточнаго броуновскаго движенія и проч.) для него, напротивъ, представляются особенно рѣзкими. Помѣстимъ его, напримѣръ, на капустный листъ. Поверхность этого листа представится ему громадною; она окажется покрытою громадными блестящими и прозрачными шарами (капли росы), и каждый изъ этихъ шаровъ сравнительно съ величиною нашего гомункула значительно превзойдетъ высоты самыхъ громадныхъ египетскихъ пирамидъ. Съ одной стороны, онъ увидитъ, что эти шары испускаютъ яркій свѣтъ. Заинтересованный этимъ страннымъ явленіемъ, онъ приблизится къ шарамъ и попробуетъ коснуться одного изъ нихъ. При этомъ онъ почувствуетъ, что шаръ оказываетъ сопротивленіе, на подобіе резиноваго мяча; но вдругъ, благодаря случайности, поверхность такого шара нарушаетъ свою цѣлость и нашъ гомункулъ будетъ ухваченъ и послѣ цѣлаго ряда водоворотовъ, которые произойдутъ на шарѣ, гомункулъ очутится на поверхности этого шара въ положеніи неподвижномъ и въ полной невозможности освободиться изъ плѣна. Черезъ часъ или два онъ вдругъ замѣтитъ, что шаръ уменьшается и исчезаетъ (капля росы испаряется), гомункулъ освободится. Представимъ себѣ, что, продолжая свои изслѣдованія, нашъ гомункулъ находитъ ручеекъ и ему удается наполнить водою маленькій сосудъ, который онъ держитъ въ рукѣ. Опрокинувъ этотъ сосудъ, гомункулъ замѣтитъ, что жидкость изъ него не выливается иначе, какъ помощью весьма сильныхъ толчковъ. Утомленный этой работою, онъ садится на берегу ручья и начинаетъ забавляться бросаніемъ туда камешковъ; при этомъ окажется, что если камешки мокры, то они тонутъ, если же они сухи, то они упорно остаются на поверхности и плаваютъ. Тогда онъ начинаетъ пробовать тотъ же опытъ съ другими предметами: онъ беретъ громадный (для него, конечно), стальной полированный шестъ (иглу), платиновый шестъ (тоненькую проволочку) и проч., пускаетъ ихъ на воду и видитъ, что они не тонутъ, несмотря на то, что въ три, въ пять разъ тяжелѣе камней. И вотъ послѣ подобныхъ опытовъ гомункулъ составляетъ ученіе о водѣ. Скажетъ ли онъ, что жидкости стремятся имѣть горизонтальную поверхность, когда онъ только что видѣлъ огромные шары? Скажетъ ли онъ, что твердыя тѣла, опущенныя въ жидкости, тонутъ или плаваютъ сообразно своему удѣльному вѣсу? Нисколько! Вотъ его заключенія: жидкости въ состояніи покоя принимаютъ сферическія формы; изъ сосуда, наполненнаго ими, онѣ не выливаются и, стало быть, противодѣйствуютъ силѣ тяжести; тѣла обыкновенно не погружаются въ жидкость, независимо отъ того, великъ или малъ ихъ удѣльный вѣсъ. Далѣе нашъ гомункулъ будетъ все время волноваться, потому что со всѣхъ сторонъ будетъ получать удары камней, неизвѣстно от-

куда на него летящихъ (носящаяся въ воздухѣ пыль), и будетъ еще болѣе пораженъ, когда вдругъ увидитъ гигантское чудовище, покрытое огромной чешуей и быстро поднимающееся вверхъ, ища себѣ добычи. Этимъ чудовищемъ будетъ... муха.

Далѣе Круксъ цитируетъ профессора Джемса («Принципы психологіи»).

«Мы,—говоритъ Джемсъ,—имѣемъ не мало данныхъ для утвержденія, что существа могли бы поразительно отличаться другъ отъ друга, если бы измѣнилась ихъ способность воспринимать событія во времени. Предположимъ, что мы обладали бы способностью замѣчать въ теченіе одной секунды десять тысячъ событій вмѣсто десяти, которыя обыкновенно могутъ быть нами воспринимаемы. Если наше существованіе связано съ количествомъ получаемыхъ нами впечатлѣній, то, при такой способности къ громадному числу воспринимаемыхъ впечатлѣній, наша жизнь оказалась бы въ тысячу разъ короче ея теперешней продолжительности, иначе говоря, она длилась бы меньше мѣсяца; въ такомъ случаѣ, родившись зимою, мы не имѣли бы никакого представленія о лѣтѣ, и мы читали бы историческіе документы о томъ, что бываетъ лѣто, съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ мы встрѣчаемъ разсужденія геологовъ о каменноугольномъ періодѣ. Движенія животныхъ представлялись бы намъ до такой степени медленными, что мы даже не могли бы ихъ замѣтить и т. д... Вообразимъ теперь обратное: представимъ себѣ существо, способное въ единицу времени получать только одну тысячную часть тѣхъ впечатлѣній, какія получаемъ мы теперь, и которое, стало быть, способно жить въ тысячу разъ дольше насъ. Зима и лѣто будутъ для такого существа чередоваться также, какъ для насъ событія, совершающіяся въ четверть часа. Растенія булутъ какъ бы выскакивать изъ земли; движенія животныхъ будутъ казаться совершающимися съ такою же быстротою, съ какою теперь намъ кажется совершающимся движеніе ружейной пули. Солнце будетъ проходить по небу, какъ падучая звѣзда, оставляя яркій слѣдъ съ востока на западъ и т. д.».

Я привелъ эти мѣста изъ статьи Крукса только для того, чтобы показать, какія забавныя построенія можно сдѣлать, предположивъ измѣненія въ организаціи нашего физическаго существа. Читатель можетъ помечтать на эту тему и додуматься до совершенно новыхъ законовъ, новыхъ наукъ, новой этики и проч.

Но какой, спрашивается, смыслъ въ этомъ? Развѣ эти фантазіи откроютъ намъ что-либо новое, сдѣлаютъ болѣе прочнымъ наше міросозерцаніе? Нисколько!

Можно понимать, напримѣръ, Фехнера, который на старости лѣтъ, отдыхая отъ своихъ долголѣтнихъ трудовъ, написалъ небольшую книжку подъ названіемъ «Зендавеста», въ которой представилъ себѣ всю вселенную, какъ многоклѣточный организмъ, и каждое міровое тѣло, въ томъ числѣ и землю, какъ клѣточку. Въ этомъ сочиненіи вы видите великаго натуралиста, которому вздумалось объединить всю вселенную въ наиболѣе конкретномъ поэтическомъ образѣ, натуралиста, написавшаго, если угодно, аллегорическую поэму природы. И только.

Круксъ задается другою цѣлью: онъ желаетъ дать научное объясненіе телепатіи, передачи мыслей и образовъ на разстояніи, безъ участія какихъ-либо посредствующихъ механизмовъ. Убѣжденный въ реальности всѣхъ этихъ явленій, убѣжденный въ томъ, что часто, напримѣръ, люди видятъ своихъ близкихъ, находящихся на очень далекихъ разстояніяхъ, въ самый моментъ ихъ смерти—Круксъ ищетъ есте-

ственно-научнаго объясненія этимъ явленіямъ, и все дѣло сводитъ къ тому, что между качаніями маятника, совершающимися 1 разъ въ секунду, и колебаніями эфира, дающими Рентгеновскіе лучи, есть промежутки, которые, быть можетъ, составляютъ эфирныя волны, передающія мысли и образы на разстояніи.

Оставимъ вопросъ о реальности телепатіи и прочаго. Допустимъ даже, что все это существуетъ, и что объясненіе Крукса совершенно допустимо. Но при чемъ же здѣсь относительность нашихъ знаній, при чемъ фантазіи о томъ, что было бы, если бы человѣкъ пересталъ быть человѣкомъ и сдѣлался бы богъ знаетъ чѣмъ. А вотъ при чемъ: Круксу нужно показать, что медіумы и могутъ быть такими организмами, которые способны воспринимать эфирныя колебанія, недоступныя для прочихъ смертныхъ. Вѣдь не всякая пластинка, на которую падаютъ Рентгеновскіе лучи, будетъ свѣтиться, а только опредѣленная; точно также и не всякій организмъ можетъ воспринять—простите за вольность—телепатическія волны эфира, а только опредѣленный.

И спириты нападаютъ послѣ этого на матеріализмъ! Да можно ли найти болѣе грандіозный матеріализмъ, нежели ученіе, допускающее, что мысль—не только колебаніе мозговыхъ молекулъ, но даже колебаніе того самаго эфира, который несетъ свѣтовыя или электрическія волны?!

Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ наука потеряла весьма выдающихся дѣятелей: химиковъ Ремигіуса Фрезеніуса, Виктора Мейера и физіолога Вильгельма Прейера.

Ремигіусъ Фрезеніусъ родился въ Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1818 г. Уже въ ранніе годы сказалась въ немъ любовь къ химическимъ занятіямъ. Окончивъ высшее образованіе, Фрезеніусъ въ 1841 году поступилъ ассистентомъ къ знаменитому Либиху. Это было въ то самое время, когда лабораторія Либиха въ Гиссенѣ считалась какъ по своему богатству, такъ и по тому, что ею руководилъ самъ Либихъ — первою въ Европѣ. Поработавъ у Либиха втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Фрезеніусъ въ 1848 г. основалъ въ Висбаденѣ собственную частную лабораторію, въ которой и занялся спеціально производствомъ всевозможныхъ анализовъ и разработкою аналитической химіи. Въ скоромъ времени Фрезеніусъ пріобрѣлъ въ Европѣ имя одного изъ лучшихъ знатоковъ аналитической химіи и въ его частную лабораторію стали съѣзжаться молодые химики въ огромномъ количествѣ. Занятія въ лабораторіи Фрезеніуса напоминали по своему характеру такія же занятія въ германскихъ университетахъ съ тою однако разницей, что кто начиналъ работать въ этомъ спеціальномъ учрежденіи, тотъ уже всецѣло долженъ былъ отдавать свое время и свои силы химіи и родственнымъ съ нею наукамъ. Впослѣдствіи у Фрезеніуса создалась до нѣкоторой степени какъ бы школа химіи, въ которой читались лекціи по различнымъ, имѣющимъ отношеніе къ химіи и химическимъ анализамъ наукамъ. Такъ, здѣсь читались и гигіена, и бактеріологія, и химическая технологія и т. д. Посвятивши свои силы одной только аналитической химіи, Фрезеніусъ написалъ три большихъ тома, въ которыхъ разработаны: качественный анализъ, количественный анализъ и техническій анализъ. Сочиненіе это выдержало болѣе десяти изданій, и нѣтъ той лабораторіи, въ которой сочиненія Фрезеніуса не были бы въ употребленіи. Кромѣ того, Фрезеніусъ основалъ и до самой смерти издавалъ (съ 1862 г.) журналъ, посвященный исключительно вопросамъ химическаго анализа—«Zeitschrift für analytische Chemie».

Поставить частную лабораторію на такую ногу, что она могла конкуррировать съ любою университетской (при чемъ химикамъ, представлявшимъ свидѣтельство отъ Фрезеніуса, многіе заводчики и фабриканты отдавали предпочтеніе передъ химиками, окончившими университеты) было дѣломъ крайне труднымъ. Фрезеніусъ достигъ этого какъ постановкою занятій, такъ и устройствомъ хозяйственной стороны дѣла. Работавшіе у Фрезеніуса, во-первыхъ, платили довольно дорого, во-вторыхъ, всякую химическую посуду, необходимую для работъ, должны были покупать, при чемъ тутъ же и помѣщался магазинъ посуды; по окончаніи занятій посуда принималась обратно, но уже за половинную цѣну, несмотря на то, что конечно, она ничѣмъ не отличалась отъ новой. Лица служебнаго персонала (профессора, лаборанты и пр.) либо находились въ родствѣ съ самимъ директоромъ (два сына и зять), либо же получали самое маленькое вознагражденіе, или, наконецъ, работали только ради одной репутаціи, не получая при этомъ никакого вознагражденія. Конечно, такая «хозяйственность» подавала поводъ къ улыбкамъ, въ большинствѣ случаевъ... впрочемъ, добродушнымъ

Каждаго, кто являлся въ лабораторію работать, Фрезеніусъ обыкновенно спрашивалъ: «а купили ли вы *послѣднее* изданіе моей книги?» Вообще, много въ лабораторіи Фрезеніуса было патріархальнаго; такъ, сынъ его, профессоръ Гейнрихъ Фрезеніусъ, читая лекціи, очень часто произносилъ: «Впрочемъ, объ этомъ вы найдете въ книгѣ моего папаши» (Das können sie im Buche meines Papa's lesen).

Несмотря на всѣ эти маленькія шероховатости, лабораторія Фрезеніуса дала Европѣ очень много прекрасныхъ — я не скажу химиковъ — но аналитиковъ, и въ области аналитической химіи Фрезеніусъ считался первымъ авторитетомъ въ мірѣ, такъ что очень часто къ нему присылались на разрѣшеніе вопросы, не только возникавшіе въ Европѣ, но и во всѣхъ другихъ частяхъ свѣта, и мнѣніе, имъ высказанное, считалось не подлежащимъ никакимъ возраженіямъ. Руководства Фрезеніуса переведены почти на всѣ европейскіе языки и пользуются огромнымъ распространеніемъ, несмотря даже на то, что такой великій химикъ, какъ Бунзенъ, не называлъ ихъ иначе, какъ химическою поваренною книгою нѣкоего Frezenius (Das chemische Kochbuch von einem gewissen Frezenius).

Не смотря на свои преклонные годы, Фрезеніусъ не переставалъ работать почти до самой смерти.

Значительно болѣе крупною величиною является скончавшійся недѣли 3 тому назадъ профессоръ гейдельбергскаго университета, замѣститель Бунзена, Викторъ Мейеръ. Этотъ ученый скончался въ цвѣтѣ лѣтъ (ему не было еще 49 лѣтъ) и притомъ кончилъ свою жизнь самоубійствомъ. Смерть Мейера тѣмъ болѣе поразила всѣхъ, что это былъ человѣкъ, отъ котораго наука могла ждать еще очень и очень многаго. Въ 70-хъ годахъ Мейеръ началъ свою профессорскую дѣятельность въ Штутгартѣ и Цюрихѣ и уже тамъ пріобрѣлъ, будучи еще юношей, столь крупное имя, что германское правительство предложило ему каѳедру въ Гейдельбергѣ, что уже само по себѣ составляетъ великую честь. Быть профессоромъ того университета, который прославленъ именами Кирхгофа, Бунзена, Гельмгольтца,—этого удостоивались лишь очень рѣдкіе ученые, да и то не въ молодые годы. Въ 70-хъ годахъ появилась первая изъ крупнѣйшихъ работъ Мейера, надѣлавшая много шуму въ Европѣ; Мейеру удалось

выработать общій способъ для полученія нитросоединеній жирнаго ряда и получить цѣлый рядъ этихъ соединеній, въ возможности существованія которыхъ нѣкоторые ученые даже сомнѣвались. Почти одновременно съ этимъ, Мейеръ изобрѣлъ новый способъ опредѣленія плотности паровъ, облегчившій химикамъ въ значительной степени этотъ важный пріемъ изслѣдованія. Приборъ Мейера въ настоящее время почти въ такой же степени необходимъ для каждой научной химической лабораторіи, какъ необходимы, напримѣръ, вѣсы. Самъ Мейеръ, воспользовавшись этимъ приборомъ, произвелъ рядъ въ высшей степени важныхъ работъ надъ простыми тѣлами и показалъ, что нѣкоторые изъ нихъ при очень высокихъ температурахъ становятся, такъ сказать, проще. Въ особенности интересны были въ этомъ отношеніи работы Мейера надъ іодомъ. Третье весьма важное изслѣдованіе Мейера касалось очень оригинальнаго вещества, называемаго тіофеномъ. Полученіе и изученіе этого вещества уяснило химикамъ множество особенностей того интереснаго ряда органическихъ соединеній, который называется «ароматическимъ» и представителями котораго могутъ служить такія вещества, какъ, напримѣръ, карболовая кислота или нафталинъ. Всѣ работы Мейера были такъ, сказать, идейными; онъ глубоко вѣрилъ въ полное торжество науки, въ то, что она совершитъ полный переворотъ въ жизни человѣчества, и рѣчь его о будущемъ химіи намѣчаетъ эти задачи, выражая глубокую увѣренность въ томъ, что не далеко то время, когда человѣчество будетъ приготовлять себѣ пищу изъ угля, воды и воздуха.

Потеря Мейера для науки очень, очень трудно вознаградима.

Очень тяжелую утрату потерпѣла физіологія въ лицѣ профессора В. Прейера.

Прейеръ родился въ 1841 г. въ Манчестерѣ, но образованіе получилъ въ Германіи. Блестящія дарованія и прекрасныя работы дали Прейеру уже въ 1869 году возможность занять мѣсто профессора физіологіи въ іенскомъ университетѣ. Когда Прейеръ туда пріѣхалъ, онъ не нашелъ тамъ никакой почти физіологической лабораторіи. Воспитанникъ знаменитѣйшихъ германскихъ физіологовъ, Прейеръ со всею горячностью юноши принялся за устройство лабораторіи, что ему стоило не малыхъ трудовъ, ибо, въ первое время въ особенности, профессора іенскаго университета отнеслись къ молодому ученому довольно холодно и при такихъ условіяхъ работать было не легко. Еще въ 1877 г. Прейеръ, показывая мнѣ свою лабораторію, разсказывалъ, какъ тяжело далась она ему. Нѣкоторую холодность проявили профессора къ молодому товарищу, главнымъ образомъ, потому, что Прейеръ не представлялъ типа классическаго нѣмецкаго ученаго. Это былъ чрезвычайно образованный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, горячій поклонникъ искусствъ, откликавшійся на всякія злобы дня—научныя или общественныя,—живой, веселый, напоминавшій скорѣе француза, нежели нѣмца; поэтому многіе изъ профессоровъ склонны были видѣть въ немъ дилеттанта науки. Какъ они заблуждались—это видно изъ цѣлаго ряда замѣчательныхъ—и по исполненію, и по оригинальности замысла—работъ. Назову нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ. Прейеръ первый установилъ принципы количественнаго спектральнаго анализа; въ работѣ «Elementen der reinen Empfindungslehre» Прейеръ примѣнилъ грассмановское ученіе къ ощущеніямъ. Въ статьѣ «О причинахъ сна» онъ далъ новую, весьма оригиналь-

ную и весьма правдоподобную теорію сна—этого, до сихъ поръ еще темнаго физіологическаго явленія. Далѣе Прейеръ выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе: «Частная физіологія зародыша — изслѣдованіе жизненныхъ явленій до рожденія», въ которомъ, какъ видно изъ заглавія, затрогивается совершенно новая область физіологіи.

Въ сочиненіи «Душа ребенка» (переведенномъ и на русскій языкъ) Прейеръ съ большой настойчивостью прослѣдилъ появленіе различныхъ психологическихъ функцій ребенка, начиная съ рожденія. Въ обоихъ названныхъ сочиненіяхъ авторъ особенно ярко выдвигаетъ важное значеніе ученія о наслѣдственности для уясненія физіологическихъ и психологическихъ вопросовъ.

Въ своихъ популярныхъ статьяхъ, вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 2-хъ томахъ, изъ которыхъ первый озаглавленъ «Естественно-научные факты и задачи», а второй—«Изъ жизни природы и человѣка», Прейеръ откликался на всѣ жгучіе вопросы, интересовавшіе не только спеціалистовъ, но и образованное общество вообще.

Въ этихъ популярныхъ статьяхъ, между прочимъ, есть одна, которая получила особенную извѣстность благодаря тому, что стремилась дать объясненіе происхожденію жизни вообще. Прейеръ считаетъ, что вопросъ о происхожденіи жизни поставленъ невѣрно: не живое вещество произошло изъ мертваго, а наоборотъ —мертвое изъ живого. Мы нигдѣ не видимъ, чтобы мертвое вещество обращалось въ живое, но что живое превращается къ мертвое—это мы видимъ на каждомъ шагу. Спрашивается, однако, была ли жизнь во вселенной въ то время, когда эта вселенная находилась еще въ огненно-жидкомъ состояніи? На это Прейеръ отвѣчаетъ такъ: мы совершенно произвольно приписываемъ аттрибуты жизни только протоплазмѣ; начало жизни лежитъ въ движеніи вообще: когда вселенная находилась въ огненно-жидкомъ состояніи, то она вся была жива; по мѣрѣ охлажденія, части ея умирали и жизнь всей массы постепенно дифференцировалась, обращаясь въ жизнь отдѣльныхъ ея частей. Такимъ образомъ, путемъ дифференцировки и эволюціи получилась та жизнь, которую мы теперь называемъ этимъ словомъ.

Можно, конечно, возражать противъ такихъ воззрѣній, но несомнѣнно, что гипотеза Прейера—одна изъ самыхъ оригинальныхъ, остроумныхъ и въ то же время глубоко философскихъ гипотезъ, высказанныхъ когда-либо по поводу вопроса о происхожденіи жизни.

Научныя новости и мелочи.

Бациллы мочки льна. Русскому изслѣдователю, В. А. Фрибесу удалось доказать, что процессъ мочки льна, приводящій ленъ къ удобной для дальнѣйшей обработки формѣ, обусловливается особенной бациллою, культуры которой и удалось г. Фрибесу получить въ чистомъ видѣ. Бацилла «мочки льна» принадлежитъ къ организмамъ, развивающимся при отсутствіи воздуха. При введеніи культуръ этой бациллы въ воду, гдѣ находятся пучки льна, замѣчается возникновеніе весьма энергическаго броженія, при чемъ выдѣляются газы, и ленъ въ очень непродолжительномъ времени получаетъ тотъ самый видъ, который при вымачиваніи получается лишь послѣ многихъ дней. Открытіе г. Фрибеса представляетъ то важное значеніе, что, благодаря ему, процессъ вымачиванія льна можетъ быть весьма сильно сокращенъ.

Ядъ медоносной пчелы. Въ «Archiv. experiment. Pathol. und Pharmacolog.», издающемся въ Прагѣ, помѣщено весьма интересное изслѣдованіе Josef'a Langer'a о ядѣ пчелъ. Дѣло въ томъ, что до настоящаго времени природа этого яда оставалась совершенно темною. Для рѣшенія вопроса авторъ извлекъ 12.000 пчелиныхъ жалъ вмѣстѣ съ прилегающими къ нимъ ядоносными железками. Эти жала онъ обработалъ спиртомъ, въ которомъ пчелиный ядъ растворяется, и, выпаривъ спиртъ, получилъ вещество, обладающее горькимъ вкусомъ и свойствами кислоты. При ближайшемъ изслѣдованіи Langer нашелъ, что кислота, находящаяся въ ядѣ—та же, что кислота, выдѣляемая муравьями, а именно муравьиная; но не она причина столь сильнаго дѣйствія пчелинаго яда, такъ какъ и послѣ ея удаленія, ядъ сохраняетъ свои ядовитыя свойства. Дальнѣйшее, болѣе подробное изслѣдованіе показало, что пчелиный ядъ сходенъ съ ядомъ нѣкоторыхъ змѣй, и что онъ принадлежитъ къ группѣ тѣлъ алкалоиднаго характера. Прежде высказывались предположенія о томъ, что пчелиный ядъ имѣетъ характеръ фермента; нѣкоторые даже думали, нѣтъ ли тутъ какихъ-либо микроорганизмовъ. Но ни то, ни другое предположенія не оправдались. Что пчелиный ядъ не ферментъ, это доказывается тѣмъ, что онъ не даетъ ни одной химической реакціи, свойственной бѣлковымъ веществамъ. Бактерій же въ ядѣ не найдено.

Ядовитость человѣческаго пота. Въ засѣданіи парижской академіи наукъ, S. Arloing сдѣлалъ докладъ о ядовитости человѣческаго пота. Впрыскивая въ вены животныхъ воду, въ которой содержался потъ, Arloing получилъ цѣлый рядъ болѣзненныхъ явленій,—дыханіе измѣнялось и въ частотѣ, и въ силѣ дыхательныхъ движеній: число ихъ уменьшалось, а глубина дѣлалась больше. Давленіе крови рѣзко колебалось. Температура сначала понижалась, а затѣмъ, черезъ четыре часа, повышалась на $1^1/_2$—2 градуса. Кромѣ того, потъ дѣйствуетъ на рвотный центръ и на спинной мозгъ, вызывая явленія полупараличнаго состоянія заднихъ конечностей. Число кровяныхъ тѣлецъ быстро уменьшается и возстановленіе ихъ происходитъ лишь очень медленно. Это изслѣдованіе можетъ впослѣдствіи сыграть очень видную роль, какъ въ теоріи ожоговъ, такъ и вообще въ патологіи многихъ процессовъ человѣческаго организма.

Телеграфъ безъ проволоки. Въ настоящее время всѣхъ ученыхъ очень занимаетъ телеграфъ, изобрѣтенный Marconi и дѣйствующій безъ всякихъ проводниковъ. Принципъ этого телеграфа основанъ на томъ, что электрическія волны посылаются изъ одной станціи на другую при посредствѣ электрическаго «испускателя» Гертца. Онѣ принимаются особымъ небольшимъ приборомъ, который вообще представляетъ изоляторъ, т. е. не проводитъ тока; когда же на приборъ попадаютъ электрическія волны, то онъ становится проводникомъ. Подробности телеграфа Marconi и схема его устройства будутъ даны въ научной хроникѣ за октябрь.

Статистика Пастёровскаго института. Въ «Annales de l'Institut Pasteur», д-ръ Henri Pottevin сообщаетъ данныя относительно лѣченія лицъ, укушенныхъ бѣшеными животными. Данныя собраны за 10 лѣтъ (1886—1896). Изъ нихъ ясно видно, что смертность отъ бѣшенства съ каждымъ годомъ падаетъ; въ 1886 году умерло 0,94% укушенныхъ, а въ 1896 году только 0,3%. За эти десять лѣтъ прививки были сдѣланы 18.645 лицамъ; изъ нихъ умерло отъ

бѣшенства 90 человѣкъ. Такимъ образомъ, средняя смертность составила 0,48%. Всего больше смертныхъ случаевъ пришлось на долю людей, укушенныхъ въ лицо и голову (1,36%), изъ получившихъ укушенія руки умерло 0,47%; изъ укушенныхъ въ ноги—0,29%.

Бактеріи въ спиртѣ. Въ англійскомъ «Nature» помѣщено весьма любопытное сообщеніе V. H. и L. I. Velley о томъ, что имъ удалось найти въ ромѣ, содержавшемъ 74,6% алкоголя, микроорганизмъ, который не только продолжалъ жить въ этой средѣ, но и развивался въ ней. Микроорганизмъ этотъ, относящійся къ микрококамъ, найденъ былъ въ осадкѣ, отстоявшемся на днѣ бутылки. Авторы обѣщаютъ опубликовать въ скоромъ времени обстоятельное и подробное изслѣдованіе этого оригинальнаго микроорганизма.

Доисторическая станція Schweizersbild. Недавно появилась статья Charles Sarasin'а, въ которой авторъ собралъ все, что теперь извѣстно о мѣстечкѣ Schweizersbild, служившемъ мѣстомъ жительства доисторическаго человѣка и открытомъ въ 1893 году Nuesch'емъ. Станція эта существовала, по крайней мѣрѣ, 20.000 лѣтъ. Самый нижній слой, покоящійся на наносныхъ образованіяхъ, не содержащій ни ископаемыхъ, ни кремневыхъ орудій, свидѣтельствуетъ, что человѣкъ проходилъ по этимъ мѣстамъ, хотя и не жилъ здѣсь долго. Здѣсь попадаются остатки птицъ и животныхъ, кремневые ножи и пилы, иглы, сдѣланныя изъ кости, и проч. Между прочимъ, здѣсь былъ найденъ небольшой очагъ, показывающій, что проходившіе люди уже умѣли добывать огонь. Человѣческихъ скелетовъ въ этомъ мѣстѣ не найдено. Надъ этимъ слоемъ лежитъ другой, содержащій много остатковъ промышленной дѣятельности доисторическаго человѣка. Тутъ уже виденъ значительный прогрессъ: орудія, все еще кремневыя, сдѣланы болѣе изящно и удобно, и многіе остатки свидѣтельствуютъ, что въ это время человѣкъ поселился здѣсь болѣе прочно. Встрѣчающіяся, очень хорошо устроенныя, печи и рисунки животныхъ, вырѣзанные на кости, свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ развитіи художественнаго вкуса. Надъ этимъ слоемъ лежитъ слѣдующій; въ немъ уже ясно видно, что человѣкъ, до этого времени жившій въ пещерахъ, покинулъ ихъ, благодаря смягчившемуся климату. Позднѣе, въ неолитическій періодъ, онъ опять перешелъ въ пещеры. Тутъ встрѣчаются остатки глиняныхъ сосудовъ и шлифованнаго камня. Найденные черепа и скелеты отвѣчаютъ долихоцефалическому и мезцефалическому типу. Здѣсь, очевидно, жили рядомъ двѣ совершенно различныя расы; одна обыкновеннаго средняго человѣческаго роста, другая—почти карлики; ростъ первой, судя по скелетамъ, равенъ 1,6 метра; ростъ второй—1,4 метра.

Крупнѣйшіе астрономическіе объективы. Недавно скончался знаменитѣйшій на всемъ земномъ шарѣ мастеръ астрономическихъ объектовъ, Alvan Clark. Въ журналѣ «Ciel et Terre», W. Prinz сообщаетъ перечень инструментовъ, построенныхъ Alvan Clark'ами—отцомъ и сыномъ. Вотъ эти инструменты:

1) Объективъ Чикагскаго астрономическаго общества, изготовленный въ 1862 г. и давшій возможность открыть спутника Сиріуса.

2) Объективъ (26-дюймовый) морской обсорваторіи въ Вашингтонѣ. При посредствѣ этого объектива Hall открылъ два сателита Марса.

3) Объективъ самаго крупнаго телескопа Lick'ской обсерваторіи. Діаметръ его 36 дюймовъ. Благодаря

этому объективу, Barnard открылъ пятаго спутника Юпитера. Посредствомъ этого же объектива были сдѣланы весьма подробные фотографическіе снимки луны и наблюдены многія кометы, слабый свѣтъ которыхъ не позволялъ открыть ихъ при помощи другихъ астрономическихъ трубъ меньшихъ размѣровъ. Этотъ объективъ обошелся въ 265.000 франковъ.

4) Объективъ Yerkes'ской обсерваторіи въ Чикаго. Діаметръ его 40 дюймовъ. Это самый большой изъ всѣхъ существующихъ на земномъ шарѣ объективовъ. При установкѣ телескопа, для котораго этотъ объективъ былъ приготовленъ, произошло несчастіе: полъ обсерваторіи, не выдержавъ большой тяжести трубы, провалился. Къ счастью, самый объективъ не пострадалъ и въ настоящее время телескопъ поставленъ на мѣсто. Стоимость описываемаго объектива 325.000 франковъ. Мастерская Clark'а занята была его приготовленіемъ въ теченіе пяти лѣтъ.

Астрономы весьма озабочены теперь вопросомъ, кто будетъ продолжать дѣло Clark'а и найдутся ли оптики, которые съумѣютъ приготовлять астрономическіе большіе инструменты съ тѣмъ искусствомъ и тою точностью, которая отличала работу Clark'овъ—отца и сына.

Солнечный свѣтъ и чумныя бактеріи. Въ послѣднее время бактеріологи не мало занимались изученіемъ вопроса о томъ, какъ дѣйствуютъ физическіе дѣятели—теплота, свѣтъ, электричество на жизнеспособность низшихъ организмовъ вообще и бактерій по преимуществу. Относительно дѣйствія теплоты этотъ вопросъ изслѣдованъ съ достаточною обстоятельностью. Что касается до дѣйствія свѣта на болѣзнетворныхъ микробовъ, то сравнительно недавно было доказано, что дифтеритныя палочки при непосредственномъ дѣйствіи солнечныхъ лучей довольно быстро погибаютъ. Въ настоящее время извѣстный изслѣдователь чумы, д-ръ Kitasato нашелъ, что бациллы бубонной чумы, освѣщаемыя въ теченіе 4-хъ часовъ лучами солнца, погибаютъ. Д-ръ Rudolph Abel провѣрялъ наблюденія Kitasato и вполнѣ подтвердилъ ихъ. Изъ изслѣдованій Abel видно, между прочимъ, что бациллы бубонной чумы чрезвычайно жизнеспособны. Онѣ могутъ не терять своей способности къ размноженію и своей ядовитости, оставаясь до 20 сутокъ въ совершенно чистой дестиллированной водѣ.

Новыя путешествія къ сѣверному полюсу. Блестящее путешествіе Нансена вызвало не мало охотниковъ къ повторенію попытки достигнуть сѣвернаго полюса. Извѣстный полярный путешественникъ, лейтенантъ Peary, собирается достигнуть полюса, держась принциповъ, высказанныхъ на одномъ изъ съѣздовъ Германскаго географическаго общества по поводу южной полярной экспедиціи. Peary думаетъ достигнуть сѣвернаго полюса не въ одинъ пріемъ, а постепенно; начавши экспедицію съ одной изъ крайнихъ точекъ земли Франца-Іосифа, Peary будетъ подвигаться впередъ, оставляя сзади себя станціи, снабженныя провіантомъ, заселенныя нѣсколькими семействами самоѣдовъ и достаточнымъ количествомъ собакъ. Кромѣ Peary, въ экспедицію къ полюсу собирается еще американецъ Ducke; онъ начнетъ свое движеніе отъ Аляски. Помня, что погибшая «Жаннетта», пройдя черезъ Беринговъ проливъ, была отнесена теченіемъ къ новосибирскимъ островамъ, Ducke надѣется попасть въ это теченіе и, подобно Нансену, пройти черезъ сѣверный полюсъ. Какимъ кораблемъ располагаетъ Ducke, неизвѣстно, но зная участь «Жаннетты» и зная, какому страшному напору льдовъ подвергся

«Fram», Ducke, конечно, позаботится о томъ, чтобы имѣть надлежащее судно и соотвѣтственныя самой цѣли путешествія приспособленія.

«Гвозди» будущей Парижской выставки 1900 года. Журналъ «Revue technique» сообщаетъ, что интереснѣйшими предметами всемірной Парижской выставки будутъ, между прочимъ, слѣдующіе.

Состояніе горныхъ промысловъ Франціи; для этого въ подземныхъ галлереяхъ Трокадеро будутъ устроены въ малыхъ размѣрахъ шахты со всѣми машинами и приспособленіями для извлеченія рудъ, каменнаго угля и проч. Кромѣ того, особеннаго вниманія, по словамъ названнаго журнала, заслуживаютъ: громадный телескопъ Deloncle'я, который дастъ возможность видѣть настолько увеличенное изображеніе луны, насколько ни одинъ изъ существовавшихъ до настоящаго времени телескоповъ этого не давалъ. Далѣе, на выставкѣ будутъ самыя разнообразныя движущіяся панорамы: 1) «Мареорама» Alesi, которая будетъ состоять въ томъ, что зрители, размѣстившись на спеціально устроенномъ суднѣ, будутъ какъ бы совершать путешествія въ самыя отдаленныя страны. 2) Панорама «Путешествіе вокругъ свѣта» Demoulin'a: зрителю, переходящему съ мѣста на мѣсто, будутъ открываться діарамы, изображающія виды различныхъ странъ свѣта. Для полной иллюзіи на первомъ планѣ діарамы будутъ размѣщены восковыя фигуры людей и животныхъ въ натуральную величину. 3) Альпійская хижина (Chalet). Зритель, помѣстившись въ ней, будетъ видѣть панораму всѣхъ видовъ, открывающихся съ вершины Монблана въ ясный день. 4) Исторія человѣческой одежды съ древнѣйшихъ временъ и до настоящаго времени, представленная на восковыхъ фигурахъ. 5) Громадный земной шаръ Reclus (діаметромъ, кажется, въ 10 метровъ, т. е. около 5 саженъ). 6) Полная панорама улицы современнаго Парижа.

БИБЛIОГРАФИЧЕСКIЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МIРЪ БОЖIЙ“.

Сентябрь 1897 г.

Содержанiе. Русская и переводная литература. Беллетристика.—Критика и исторiя литературы.—Исторiя всеобщая. —Соцiологiя. — Естествознанiе.—Новыя книги, поступившiя въ редакцiю.—*Иностранная литература* —Изъ западной культуры.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Iоаннъ Мильтонъ. «Потерянный и возвращенный рай». Изд. Губанова. *Тоже* изд. Е. Коноваловой.

Потерянный и возвращенный рай. Поэмы Iоанна Мильтона. Москва. 1897. Изданiе книгопродавца Губанова. Ц. 1 р. 50 к. Потерянный и возвращенный рай. Изд. Е. Коноваловой. Москва. 1897. Ц. 2 р. Поэмамъ Мильтона выпала на долю едва ли не самая оригинальная судьба среди всѣхъ классическихъ произведенiй. Даже среди русской публики трудно найти читателя, который бы не слышалъ о *Потерянномъ раѣ* и, что̀ особенно любопытно, даже въ томъ случаѣ, если этому читателю во всю жизнь не было суждено прочесть ни одного иностраннаго литературнаго произведенiя. Поэма Мильтона искони распространена среди русскихъ любителей «божественнаго», совершенно равнодушныхъ и даже враждебныхъ къ «свѣтскимъ книгамъ». Ни одно западно-европейское поэтическое произведенiе не переводилось и не издавалось въ Россiи столько разъ, сколько *Потерянный рай*, и не пользовалось такими, можно сказать, *непримиримыми* правами на авторитетъ. Замоскворѣцкiй читатель, упивающiйся исторiей райской жизни прародителей и ихъ грѣхопаденiя, непремѣнно пришелъ бы въ ужасъ отъ нашихъ представленiй о Сатанѣ и счелъ бы ихъ клеветой на автора. Противорѣчiе, единственное въ литературной исторiи, и тѣмъ болѣе любопытное, что возникло и существуетъ вполнѣ основательно.

Потерянный рай писался поэтомъ на склонѣ лѣтъ послѣ очень бурной политической дѣятельности и далеко не благополучной семейной жизни. Поэма должна была сослужить великую нравственную службу престарѣлому слѣпцу, доставить ему единственное утѣшенiе *воспоминанiй*, какое только доступно одинокимъ дѣятелямъ, сходящимъ съ общественной сцены. Она въ сущности продолжала ту же дѣятельность, только въ формѣ творческихъ образовъ и вдохновенныхъ рѣчей. Люди, подобные Мильтону, умираютъ, не покидая поста и только мѣняя оружiе.

Въ результатѣ, библейскiя сказанiя о безнадежной, но упорной борьбѣ падшихъ ангеловъ съ Творцомъ, о блаженствѣ и преступ-

леніи первыхъ людей ничто иное, какъ или замаскированная лѣтопись англійской революціи, или часто въ высшей степени искренняя личная исповѣдь поэта о мимолетныхъ радостяхъ и долголѣтнихъ испытаніяхъ своей молодости. Это одновременно эпопея и лирическая пѣснь, одинаково субъективныя, горячо прочувствованныя. Не даромъ, и послѣ поэмъ у Мильтона оставалось еще много невыплаканныхъ слезъ и недоговоренныхъ рѣчей: въ драмѣ *Самсонъ-борецъ* на сцену являлся такой же обездоленный слѣпецъ-патріотъ, такой же одинокій энтузіастъ свободы, какимъ самъ авторъ былъ среди общества реставраціи.

Отсюда совершенно особое впечатлѣніе, овладѣвающее вами при чтеніи поэмы,—впечатлѣніе, казалось бы, совершенно неожиданное по сюжету и по величавому тону рѣчи. Предъ вами будто совершенно исчезаетъ разстояніе, отдѣляющее васъ отъ изображаемыхъ событій и отъ времени возникновенія поэмы. Васъ окружаютъ такіе могучіе вѣчные вопросы человѣческаго прогресса, такія настоятельныя задачи человѣческой психологіи, что вы только изумляетесь искусству поэта слить библейскій сюжетъ съ неумирающими злобами нашей повседневной дѣйствительности.

Это въ силахъ почувствовать рѣшительно всякій читатель, какъ бы скроменъ ни былъ уровень его литературнаго развитія. Этимъ и объясняется непрерывный спросъ на поэмы Мильтона и появленіе все новыхъ изданій.

Къ сожалѣнію, только качества этихъ изданій далеко не всегда заслуживаютъ привѣтствій и весьма часто скорѣе способны ввести читателя въ заблужденіе, чѣмъ познакомить съ красотой и величавымъ смысломъ мильтоновской поэзіи.

Образчикомъ такихъ искаженій можетъ считаться изданіе московскаго книгопродавца Губанова. Изданіе, несмотря на довольно высокую цѣну, разсчитано на сбытъ среди сѣрой публики: именно она—кліентъ издателя, и тѣмъ прискорбнѣе небрежность и невѣжество, отмѣчающія каждую страницу текста.

Мы укажемъ на самыя существенныя мѣста, не по грубости самихъ искаженій: есть и гораздо болѣе замѣчательныя въ этомъ отношеніи, а по важности содержанія, по той тщательности, съ какою ихъ долженъ былъ отдѣлывать поэтъ въ силу своего глубокаго личнаго сочувствія извѣстнымъ мотивамъ.

Прежде всего, образъ и характеръ Сатаны нарисованъ Мильтономъ отнюдь не подъ вліяніемъ исключительно благочестиваго желанія заклеймить позоромъ мятежнаго ангела. Поэтъ, конечно, на сторонѣ неба и свѣта, но онъ не можетъ отказать въ своемъ невольномъ удивленіи мужеству и волѣ Сатаны. Предъ нами поэтическое настроеніе будто двоится, всякій разъ, когда на сценѣ Сатана. Въ этомъ фактѣ характернѣйшая черта мильтоновской поэмы. Авторъ, пережившій мятежную эпоху и лично принимавшій горячее участіе въ борьбѣ націи за свободу, не могъ въ лицѣ даже падшаго ангела не оцѣнить великой отваги и великихъ усилій *личности*.

Нѣкоторыя мѣста поэмы поразительны по этому сплетенію правовѣрнаго *объективнаго* негодованія на преступленіе Сатаны и *инстинктивнаго* поэтическаго восторга предъ силой и доблестью.

«Въ его глазахъ,—читаемъ мы о Сатанѣ,—грозно глядѣвшихъ изъ подъ нахмуренныхъ бровей, читалась жестокость, но въ нихъ зато свѣтилась необузданная отвага; въ выраженіи лица, правда, отражалась неумолимая жажда мести, но оно было такъ гордо, такъ величаво и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ полно глубокой скорби, вызванной упреками совѣсти, что не трудно было не только имъ залюбоваться, но даже почувствовать къ нему состраданіе».

И дальше эти величественнѣйшія картины Сатаны-оратора, Сатаны-воина: онъ говоритъ «преисполненный царственной гордостью, безъ малѣйшаго признака волненія», передъ боемъ онъ похожъ на «блестящую комету, раскинувшую по сѣверному небу свою громадную гриву, съ которой сыпались на міръ войны, моровая язва и прочія бѣдствія»... А эти рѣчи: «сознаніе собственной слабости всегда постыдно», «разумъ въ самомъ себѣ находитъ подобающее ему мѣсто и можетъ сдѣлать изъ ада рай, а изъ рая адъ. Не все ли равно, гдѣ бы я ни жилъ, когда я остаюсь и буду оставаться такимъ же, какимъ былъ и какимъ долженъ быть, хотя бы и казалось, будто я стою ниже того, кто побѣдилъ меня своими громами»; «тотъ, кто побѣдилъ только силою, побѣдилъ врага только на половину»...

Очевидно, по какому направленію идетъ вдохновеніе поэта, и значитъ не понимать самой сущности мильтоновскаго замысла, если исказить образъ Сатаны въ *Потерянномъ раѣ*.

Именно это и происходитъ въ русскомъ переводѣ. Въ первой же книгѣ англійское, столь характерное выраженіе «th'unconquerable will», *непобѣдимая воля*, переводится «неумолимая злоба», дальше русское «непреклонная твердость» не соотвѣтствуетъ англійскому *courage never to submit or yield*—«мужество никогда не покоряющееся и ничему не уступающее».

Не менѣе извращены и описанія соратниковъ Сатаны, и извращены въ томъ же направленіи благонамѣренности. Напримѣръ, Молохъ у Мильтона едва уступаетъ Сатанѣ по надменной отвагѣ: онъ стремится сравняться съ самимъ Богомъ и лучше не существовать, чѣмъ быть ниже его по силѣ. На русскомъ языкѣ совершенно другая мысль (стр. 28).

Въ результатѣ, у читателя остается превратное представленіе о важнѣйшемъ мотивѣ поэмы. Это тѣмъ сильнѣйшій недостатокъ перевода, что мильтоновскій Сатана долженъ считаться родоначальникомъ популярнѣйшей художественной поэмы, увлекавшей поэтовъ всѣхъ народовъ и въ публикѣ вызывавшей въ полномъ смыслѣ головокружительные восторги. Мы говоримъ о *демонизмѣ*. Всѣ его существенныя черты цѣликомъ находятся въ мильтоновской поэмѣ и впослѣдствіи поэтамъ оставалось только воспользоваться богатымъ матеріаломъ; величественный Сатана могъ стать родоначальникомъ безчисленныхъ демоновъ большого и малаго калибра, отъ Чайльдъ-Гарольдовъ и Манфредовъ до Ренэ и Онѣгиныхъ.

И Мильтонъ предвосхитилъ не только демоническую гордость и ненависть, но также и демоническое очарованіе, ту сторону психологіи, гдѣ демонизмъ граничитъ съ донъ-жуанствомъ и борецъ за личность, свободу превращается въ губителя женскихъ сердецъ.

На эту тему у Мильтона классическая исторія искушеній Евы Сатаной. Здѣсь затронуты и развиты рѣшительно всѣ мотивы демоническаго донъ-жуанства, начиная съ классическаго изображенія женской красоты и кончая глубокой психологіей неотразимыхъ вліяній на женскую природу льстивыхъ и въ то же время *сильныхъ* рѣчей мужчины.

Здѣсь также не мало заключено личныхъ авторскихъ впечатлѣній и воспоминаній. Не даромъ разсказъ безпрестанно прерывается лирическими восклицаніями и явно личной исповѣдью поэта. Не могъ онъ до послѣднихъ дней забыть жгучаго оскорбленія, пережитаго въ день бѣгства молодой жены отъ него—любящаго, блестяще-талантливаго и на рѣдкость красиваго! Но воспоминанія теперь не вызовутъ метательнаго чувства, на столько оно успѣло улечься, тѣмъ болѣе что легкомысліе было скоро заглажено и, надо думать, искуплено. И поэтъ съумѣетъ со всѣмъ богатствомъ и лирической яркостью красокъ изобразить очаровательную красоту Евы, первое пробужденіе страсти и представить одну изъ самыхъ женственныхъ сценъ женскаго увлеченія, какія только удавались романистамъ.

Но такъ въ подлинникѣ. Въ переводѣ опять или извращеніе текста, или ничѣмъ неоправдываемые пропуски. Именно тончайшіе штрихи въ картинѣ Мильтона совершенно исчезли. Напримѣръ, поэтъ неоднократно описываетъ впечатлѣнія, какія красота и грація Евы производитъ на все населеніе рая, и достигаетъ здѣсь изящнѣйшей прелести стиля. Ева удаляется, оставляя Адама бесѣдовать съ Ангеломъ, въ подлинникѣ

Not unattended; for on her as queen
A pomp of winning graces waitedstill...

т. е. Ева уходитъ «не одна», «не безъ свиты», «удаляется какъ царица», и свита ея—ея прелести, всюду ее сопровождающія и заставляющія горѣть всю природу пламенемъ страсти. Русскій переводчикъ не почувствовалъ и малой доли поэзіи подлинника (стр. 166). Не менѣе обезцвѣчена и классическая сцена спора Адама съ Евой, въ роковой день искушенія: Ева хочетъ *одна* выполнить дневную работу, безъ Адама отдаться тайно волнующимъ ее думамъ и какимъ-то неразгаданнымъ, но страстно томящимъ предвкушеніямъ.

Мильтонъ умѣетъ въ нѣсколько строкъ заключить необычайно сложную цѣпь настроеній, какія овладѣваютъ душой женщины, инстинктивно сознающей могущество своей красоты, по природѣ тѣмъ болѣе склонной настаивать, чѣмъ убѣдительнѣе доказываютъ ей неосновательность ея желанія, готовой загорѣться гнѣвомъ отъ противорѣчій Адама, но и въ самомъ раздраженіи обаятельно женственной.

Вотъ три стиха, которые для столь же лаконическаго и содержательнаго перевода на другой языкъ потребовали бы цѣлаго конкурса завзятыхъ мастеровъ стихотворной формы и тончайшихъ поэтическихъ оттѣнковъ:

To whom *the virgin majesty* of Eve,
As one who loves, and some unkindness meets,
With *sweet austere composture* thus replied... (Book IX)

У переводчика остался грубый остовъ, не дающій и слабой тѣни подлиннаго рисунка.

Немного дальше переводчикъ выпускаетъ нѣсколько строкъ, наполненныхъ сравненіями Евы съ разными миѳологическими красавицами. Трудно рѣшить, почему нѣкоторыя изъ этихъ красавицъ пощажены, а другія, какъ разъ самыя эффектныя, выпущены.

Въ результатѣ *Потеряный рай* въ изданіи г. Губанова рѣшительно не заслуживаетъ распространенія, и, по пословицѣ, будутъ плакать тѣ деньги, какія иной простой любитель грамоты отдастъ за уродливое дѣтище книгопродавческой спекуляціи.

Другой переводъ въ изданіи Е. Коноваловой не такъ опасенъ, потому что не разсчитанъ на простодушную публику. Въ общемъ онъ лучше и добросовѣстнѣе своего конкуррента, языкъ гораздо литературнѣе и авторъ несомнѣнно знакомъ съ языкомъ подлинника. Но и здѣсь попадаются недоразумѣнія, не дѣлающія чести вниманію переводчика. Приведемъ одинъ примѣръ изъ наиболѣе элементарныхъ.

Мильтонъ, изображая совѣтъ падшихъ ангеловъ, тщательно характеризуетъ личность каждаго оратора, непремѣнно своеобразную, не похожую на другихъ, между прочимъ Веліала, образецъ внѣшней красоты и внутренняго растлѣнія. Поэтъ говоритъ:

A fearer person lost not Heaven...

т. е. болѣе красиваго созданія не утрачивало небо. Даже въ изданіи г. Губанова эти слова переданы довольно точно: «Небо лишилось въ немъ прекраснѣйшаго ангела», въ изданіи Е. Коноваловой: «Немного потеряло небо отъ потери этой прекраснѣйшей личности» (стр. 35). Это не переводъ, а творчество переводчика!

Потомъ цѣну книги нельзя не признать слишкомъ высокой и слѣдуетъ пожелать, чтобы *Потерянный рай* нашелъ дѣйствительно литературнаго издателя и сталъ доступнымъ обширной русской публикѣ въ формѣ, достойной подлинника. Особенно въ наше время эта популярность была бы желательна: мало можно указать произведеній, гдѣ бы такое *художественное* вдохновеніе служило такимъ высокимъ *нравственнымъ цѣлямъ* не ради тенденціи, а въ силу своего естественнаго благородства.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Ф. Брюнетьеръ. «Возрожденіе идеализма».—*Н. П. Барсуковъ.* «Жизнь и труды Погодина».

Ф. Брюнетьеръ. Возрожденіе идеализма. Одесса 1897 г. Названная брошюра—объемомъ въ 28 страницъ—является № вторымъ въ изданіи *Новая библіотека.* Это одно изъ многочисленныхъ въ настоящее время предпріятій, оно тожественно, между прочимъ, съ московскимъ: тамъ брошюры носятъ общее названіе: *Вопросы науки, искусства, литературы и жизни.* У новой библіотеки тотъ же планъ, но, повидимому, меньше средствъ или умѣнья

выполнить его. Вышло двѣ брошюры и обѣ переводныя, при чемъ вторая—съ большими пропусками и далеко не совершенно безукоризненнымъ языкомъ. Несмотря на это, цѣна 15 коп. слишкомъ высока для полутора печатнаго листа перевода съ французскаго. Наконецъ, издатели, повидимому, склонны придавать особенное значеніе выбранной ими брошюрѣ, основываясь, конечно, на имени автора и на заглавіи его произведенія. Они снабдили ее кое-какими, подчасъ непозволительно наивными, примѣчаніями—въ родѣ разъясненія, что *оппортюнистическій*—прилагательное отъ *оппортюнизмъ*. Это, кажется, можно знать, не учась и въ семинаріи. Издателямъ, явно разсчитывающимъ на бойкія темы (первая брошюра—*Государственный строй швейцарскаго союза*), слѣдуетъ нѣсколько поднять свой взглядъ на своихъ кліентовъ и установить нѣкоторую гармонію между этимъ взглядомъ и своей задачей, точнѣе—ея выполненіемъ. Само по себѣ, предпріятіе можетъ принести пользу нашей публикѣ, даже если издатели и сосредоточатся преимущественно на переводахъ. Только опять-таки слѣдуетъ понизить цѣну брошюрокъ.

Рѣчь Брюнетьера сама по себѣ не заслуживаетъ особеннаго вниманія ни съ какой точки зрѣнія: это просто наборъ банальностей, на французскомъ языкѣ звучащихъ, по обыкновенію, довольно красиво, но на русскомъ онѣ головой выдаютъ мелкоту и шаблонность мысли и буржуазную затхлость авторскаго міросозерцанія. Любопытны не идеи рѣчи, а самый фактъ ея возникновенія, ея *существованіе* именно ради извѣстной темы. Оно характерно вообще для французскаго умственнаго движенія и не только нашей эпохи.

Характерность заключается въ одной довольно неожиданной, но яркой чертѣ, чрезвычайно шумной, на первый взглядъ серьезной идейной борьбѣ, но въ дѣйствительности вызванной сплошнымъ недоразумѣніемъ.

Обыкновенно дѣло происходитъ такъ.

Благодаря національному свойству французскаго ума—всякое отвлеченное положеніе заключать въ систему и выводитъ изъ него какія угодно крайнія логическія слѣдствія,—во французскомъ сознаніи безпрестанно господствуетъ та или другая философская, нравственная или художественная idée fixe самой рѣзкой и рѣшительной окраски. Это—настоящій фанатизмъ школъ, формулъ, по возможности, простыхъ, математически строгихъ, все равно, какъ бы факты и вообще живая дѣйствительность ни протестовали противъ разсудочныхъ деспотическихъ рамокъ. Примѣровъ можно привести сколько угодно и изъ какой угодно области. Возьмемъ такъ называемую положительную философію.

Принципъ ея—пытное изслѣдованіе, факты, добытые опытомъ и наблюденіемъ, обобщенія и законы, не выходящія за предѣлы этихъ фактовъ, т. е. отнюдь не распространяющіеся на всѣ вопросы, какіе представляются человѣческому уму. Послѣ всевозможныхъ комбинацій и выводовъ ученаго остается еще нѣчто неизслѣдуемое и невѣдомое, и истинный ученый скромно опускаетъ руки предъ закрытой дверью.

Не то французскій прозелитъ того же направленія. Онъ будто сказочный герой, цѣлующій красавицу чуть не на поднебесной высотѣ, беретъ приступомъ *всю истину*, все понимаетъ и все объясняетъ какъ простую таблицу умноженія, за чашкой чая—это буквально—открываетъ причину всѣхъ причинъ, къ пяти—шести *аксіомамъ* сводитъ всѣ науки, въ пригоршню своей руки—опять буквально—заключаетъ вѣка и народы со всею ихъ исторіей.

Это *позитивистъ* во французскомъ жанрѣ, тотъ самый Тэнъ, который, къ великому русскому конфузу, и въ нашемъ отечествѣ нашелъ достаточно «малыхъ сихъ», чтобы прослыть большимъ умомъ.

То же самое въ искусствѣ.

Основа новой литературы—*реализмъ*, т. е. изученіе дѣйствительности, искренное и свободное, вѣрность жизненной правдѣ, подлинной человѣческой психологіи и какимъ бы то ни было будничнымъ мелочамъ человѣческаго существованія. Но это не значитъ, будто вся жизнь и состоитъ исключительно или изъ мелочей, или потрясающаго зла, будто человѣкъ безусловно животное и въ его природѣ рѣшительно нѣтъ той «лучшей части», о какой пѣлъ даже поэтъ римской имперіи.

Французскій писатель съ вами ни за что не согласится. Ужъ если реализмъ, такъ онъ долженъ быть послѣдовательнымъ до конца, покончить разъ навсегда со всевозможной «идеологіей», вдохновляться одной чистой физіологіей и въ человѣкѣ непремѣнно искать «особь» того или другого пола, а въ жизни—трущобу или застѣнокъ.

И реализмъ превратится въ золаизмъ, все равно, какъ положительная наука перейдетъ въ школьническое фанфаронство и всезнайство.

Все это—подлинные факты, и вы видите, они сами по себѣ вызываютъ невольный протестъ и критику у всѣхъ, кто сколько-нибудь свободенъ отъ ослѣпляющаго вліянія идейнаго фанатизма и просто не утратилъ здраваго смысла и чутья дѣйствительности подъ вліяніемъ теоретическаго деспотизма школы.

Естественно, и среди французовъ могутъ явиться такіе здравомыслящіе люди. Не потребуется ни большихъ знаній, ни особенной проницательности, критика непремѣнно окажется очень благодарной, и писатель даже можетъ вообразить себя благодѣтелемъ своихъ читателей, все равно, какъ его жертвы—Тэнъ и Золя считали себя изобрѣтателями научной и художественной истины.

И мы наблюдаемъ эти факты во всей ихъ непосредственной наивности. Къ разряду ихъ принадлежитъ и агитація Брюнетьера.

Академическій критикъ, толковавшій всю жизнь о разныхъ «литературныхъ жанрахъ», вдругъ вообразилъ себя вершителемъ самыхъ сложныхъ культурныхъ вопросовъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ вопроса о банкротствѣ или состоятельности науки. Разсуждать на эту тему при обычныхъ условіяхъ въ высшей степени трудная и отвѣтственная задача, но только не при французскихъ. Здѣсь говорить о «банкротствѣ науки» значитъ доказывать, что днемъ свѣтло, а ночью темно, потому что мишенью будетъ не

наука собственно, и даже не позитивизмъ, а *тэнизмъ*. Точно также защищать идеалы въ искусствѣ—дѣтская игра, потому что опровергать приходится золаизмъ. А то и другое, т. е. наука Тэна и искусство Золя, до такой степени кричатъ сами о критикѣ и протестѣ, что можно только удивляться позднему ихъ появленію.

И вотъ Брюнетьеръ гордо и развязно выступаетъ во главѣ «возрождающаго идеализма», доказываетъ, что *фактами* отнюдь не исчерпывается все существующее, что есть вопросы неразрѣшимые для нашихъ чувствъ и для такихъ наукъ, какъ химія, физика и біологія.

Это говорится тономъ откровенія, а между тѣмъ это буквальный плагіатъ изъ стариннѣйшаго трактата позитивиста Милля о позитивизмѣ, и не одного Милля, а даже французскаго ученика Конта—Литтре. Мало того. Восклицаніе, приписываемое Брюнетьеромъ «одному знаменитому химику»: «нѣтъ болѣе тайнъ», ни что иное, какъ заявленіе Тэна послѣ «анализа»: «я не вижу болѣе тайны», и всѣ замѣчанія Брюнетьера по этому поводу предвосхищены настоящими учеными, не бравшими на себя смѣлости судить о «банкротствѣ» науки. Обанкротилась и въ будущемъ будетъ банкротиться не наука, а французскіе неразумные прозелиты мнимой научности.

Еще эффектнѣе разсужденія Брюнетьера о проникновеніи идеаловъ въ литературу. Да эти идеалы только у золаизма подверглись изгнанію, а тотъ реализмъ, о какомъ проповѣдуетъ критикъ, всѣмъ извѣстный и всѣми признанный фактъ опять весьма давняго происхожденія.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмите чрезвычайно широковѣщательныя восхваленія, расточаемыя Брюнетьеромъ по адресу современнаго французскаго художника Пиви-де-Шавана. За что собственно?

За то, что Пиви-де-Шаванъ понялъ слѣдующую истину: «копированіе природы не есть цѣль искусства, и для того, чтобы восхищаться этими, по выраженію Паскаля, «подражаніями, оригиналами которыхъ мы не восхищаемся», нужно, чтобы мысль художника распознала въ нихъ нѣчто скрытое, высшее, котораго взоръ толпы распознать не можетъ.

Не угодно ли эту *новую* истину сличить съ слѣдующимъ простымъ замѣчаніемъ, свободнымъ отъ философскихъ претензій и ученыхъ цитатъ:

«Рабское буквальное подражаніе натурѣ есть уже проступокъ и кажется яркимъ нестройнымъ крикомъ... Если возьмемъ предметъ безучастно, безчувственно, не сочувствуя съ нимъ, онъ непремѣнно предстанетъ только въ одной ужасной своей дѣйствительности, не озаренный свѣтомъ какой-то непостижимой, скрытой во всемъ мысли, предстанетъ въ той дѣйствительности, какая открывается тогда, когда, желая постигнуть прекраснаго человѣка, вооружаешься анатомическимъ ножомъ, разсѣкаешь его внутренность и видишь отвратительнаго человѣка».

И дальше представляется такая картина, будто авторъ имѣлъ предъ глазами всѣ спеціально натуралистическіе романы.

А между тѣмъ авторъ—*Гоголь*, и такъ онъ разсуждалъ въ

Портретъ, т. е. когда о славѣ Золя не было и помину. Вотъ какъ ново открытіе французскаго критика! И все-таки ничто не мѣшаетъ этимъ критикамъ русскую литературу считать не болѣе, какъ отголоскомъ французской, и здѣсь же съ забавнѣйшей важностью «открывать Средиземное море».

Всегда, конечно, будутъ возможны подобныя открытія и даже Брюнетьеры будутъ щеголять въ уборѣ Колумбовъ, если для французовъ рѣшающими фактами прогресса во всѣхъ направленіяхъ останутся ихъ нарочитыя извращенія научныхъ и художественныхъ идей. Сами же люди доведутъ мысль до нелѣпости, впадутъ въ явную безсмыслицу, а потомъ начинаютъ себя же изобличать и поднимать шумъ совершенно не по настоящему адресу.

Было бы вполнѣ цѣлесообразно просто сопоставить позитивизмъ Тэна и натурализмъ Золя съ дѣйствительно научными идеями другихъ ученыхъ и подлиннымъ реализмомъ другихъ художниковъ, сдѣлать это въ видѣ скромной справки и элементарнаго сравненія. Это—еще понятно.

Но взывать о банкротствѣ *науки* потому, что здѣсь, рядомъ, въ Парижѣ оказался опрометчивый крикунъ, и громогласно провозглашать права идеализма, никѣмъ никогда не опровергнутыя, потому что на томъ же парижскомъ рынкѣ явились *Нана* и *Западня*, это, по меньшей мѣрѣ, наивно.

Брюнетьеръ основательно знаетъ *французскую* литературу, даже ея неизданные документы, но онъ мало свѣдущъ или совсѣмъ несвѣдущъ въ европейской мысли, даже въ своей спеціальности, т. е. въ художественной литературѣ. Кое-что онъ знаетъ по наслышкамъ отъ своихъ товарищей академиковъ и даже Лемэтръ можетъ поучить его на счетъ «сѣверныхъ литературъ».

Естественно, можно пускаться въ какія угодно экскурсіи по пути къ невѣдомому и новому, совершенно какъ Тэнъ перефразировалъ старыхъ философовъ, заявляя о своей жаждѣ, *refaire la philosophie*, передѣлать философію. Выходитъ банкротство не науки, а національнаго культурнаго невѣжества, и вмѣсто банальной болтовни о «возрожденіи идеализма» полезнѣе было бы французскому профессору прочесть нѣсколько не только изданныхъ, но и весьма извѣстныхъ книжекъ на чужихъ языкахъ, если ему эти языки доступны. Тогда бы онъ пересталъ вводить въ заблужденіе свою аудиторію, заставляя ее глотать, какъ «откровенія» въ полномъ смыслѣ «пыль вѣка», если не вѣковъ, и смущать русскихъ Иванушекъ новѣйшей формаціи, безсознательно переписывающихъ и переводящихъ прописныя декламаціи, только потому, что на нихъ стоитъ извѣстный, опять-таки безсознательно почитаемый штемпель.

Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга XI. Спб. 1897 in 8-vo. Стр. XII + 560. Ц. 2 руб. 50 коп. Житіе Погодина, предпринятое г. Барсуковымъ, вступило въ предѣлы уже одиннадцатаго тома и дошло лишь до 1851 года включительно. Читателямъ нашего журнала извѣстенъ общій характеръ труда г. Барсукова, знакомы его курьезныя стороны и цѣнность, какъ наивной лѣтописи и какъ сборника сырого, порой очень любопытнаго историческаго матеріала. Свойствами этого послѣдняго и объясняется, что книгу

г. Барсукова можно читать, что о ней не совсѣмъ ужъ совѣстно говорить. Новый томъ, обнимая 1850 и 1851 годы, уступаетъ нѣсколько въ интересѣ предшествующему, хотя надо было бы предполагать, что чѣмъ дальше будетъ двигаться въ своемъ лѣтописаніи г. Барсуковъ, тѣмъ оно должно становиться интереснѣе по своей близости къ нашей современности.

Если ужъ останавливаться на нѣкоторыхъ сторонахъ содержанія новаго тома, то, быть можетъ, всего умѣстнѣе начать съ его печальнаго конца, посвященнаго разсказу о гибели Гоголя. Шесть послѣднихъ главъ заняты этимъ разсказомъ, въ которомъ читатель находитъ новаго лишь нѣсколько неизданныхъ еще писемъ. Тѣмъ не менѣе пробѣгаются они съ большимъ интересомъ. Тутъ же нѣсколько словъ о смерти Е. М. Хомяковой и неизмѣнныя ссылки нашего лѣтописца на м. Филарета при описаніи похоронъ, торжествъ, пріѣздовъ и пр. Разсказъ г. Барсукова о смерти Гоголя носитъ совершенно внѣшній характеръ, а процессъ постепенной его гибели и хотя бы малѣйшій философскій анализъ этого процесса — вещи, которыя нашему автору не могли и въ голову придти. Напротивъ, его чуть ли не умиляетъ весь тотъ вздоръ, который только благодаря скорой смерти, выражаясь вѣрнымъ на этотъ разъ языкомъ С. Т. Аксакова, не привелъ Гоголя «въ сумасшедшій домъ». Когда съ Гоголемъ случилась душевная неурядица, Аксаковъ писалъ: «или художникъ погибъ и выйдетъ святой отшельникъ, или Гоголь умретъ въ сумасшедшемъ домѣ» (стр. 542). Когда Гоголя не стало, Аксаковъ прибавилъ: «не сбылось послѣднее, но зато онъ *ничего не произвелъ новаго* и умеръ». Философскій анализъ гибели Гоголя, написанный вполнѣ научно, просто, искренно, искренно прежде всего, могъ бы получить въ наши дни громадное общественеое значеніе и поучительность. Гоголевская душевная неурядица стоитъ не одиноко въ исторіи русской общественности: она имѣетъ параллели за предшествующее и послѣдующее время, она имѣетъ и разнообразныя варіаціи. Прослѣдить эту вереницу выдающихся душевныхъ явленій, связать ее неразрывными нитями съ нашей тусклой дѣйствительностью, породившей послѣднія и задавившей массу лучшихъ и благороднѣйшихъ людей, задача — столько же важная, сколько трудная и невольно приходящая въ голову при чтеніи заключительныхъ главъ одиннадатой книги г. Барсукова. Гоголь находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Погодинымъ, либо переписывался, либо даже жилъ у него и на Дѣвичьемъ полѣ задавалъ свои именинные обѣды,—вотъ почему на всемъ протяженіи труда г. Барсукова Гоголю посвящено не мало страницъ, и читатели навѣрно еще помнятъ тѣ, на которыхъ изображенъ шумъ, поднявшійся въ свое время благодаря такой выходкѣ Гоголя, какъ изданіе въ свѣтъ избранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями, которая съ рѣдкимъ единодушіемъ вызвала всеобщее негодованіе.

По смерти Гоголя Погодинъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* свою переписку съ нимъ. Съ *Москвитяниномъ* попрежнему не везетъ Погодину и въ XI-ой книгѣ. Повѣствованіе г. Барсукова разнообразится здѣсь лишь описаніемъ (опять-таки чисто внѣш-

нимъ) кружка такъ называемой *молодой редакціи Москвитянина*. Обрисованъ кружокъ односторонне и не живо, а въ основу положенъ, главнымъ образомъ, такой источникъ, какъ г. Филипповъ, причемъ самому этому источнику отведено въ изложеніи слишкомъ много мѣста, что, конечно, преждевременно. Для журналиста въ этомъ кружкѣ всего любопытнѣе Б. Н. Алмазовъ и А. А. Григорьевъ, люди, которыхъ направленію въ цѣломъ симпатизировать нельзя, но которые по талантливости, живости, искренности, влюбленности въ живую литературную дѣятельность обращаютъ на себя вниманіе нынѣшняго читателя журналовъ, привыкшаго встрѣчать ложь и холопскую услужливость даже въ тѣхъ случаяхъ, когда этого не требуется по современному литературно-полицейскому кодексу.

Что касается самого Погодина, то онъ былъ у себя въ *Москвитянинѣ* чѣмъ-то въ родѣ оффиціозной sancta simplicitas и въ качествѣ таковой писалъ прелюбопытныя пустыя мѣста. Нужно изумляться поразительной способности Погодина съ жаромъ и чувствомъ писать статьи, виртуозныя по своей пустотѣ, пристегнутой къ разнымъ «важнымъ случаямъ». Одно изъ такихъ классическихъ «пустыхъ мѣстъ», вылившихся изъ подъ пера Погодина, г. Барсуковъ приводитъ въ началѣ разбираемаго тома. Это— писанія Погодина по поводу университетскаго праздника 12 января 1850 г. Только что замолкъ вопросъ объ уничтоженіи университетовъ въ Россіи и успокоились на уничтоженіи пока лишь каѳедръ философіи, какъ Погодинъ восклицаетъ въ статьѣ: «и прильпни языкъ къ гортани того профессора, того учителя, который забылъ бы эти жизненныя благодѣянія... для просвѣщенія». (стр. 7)... Немного далѣе Погодинъ восторженно описываетъ, какъ на университетскомъ концертѣ дирижеръ махалъ палочкой, а музыканты его слушались. «Ахъ!—пишетъ Погодинъ,—да станутъ русскіе университеты непреоборимыми крѣпостями порядка, спокойствія и мира». Горячее сердце Погодина не разъ омрачало его разсудокъ: по его мнѣнію, университету и наукѣ желалась палочка, подъ маханіе которой цвѣла бы тропа казеннаго профессорства, а не такіе господа, какъ Кавелинъ, Грановскій и др. Написавъ статью, Погодинъ отправилъ ее предварительно на милостивое одобреніе попечителя округа. Перечитайте со вниманіемъ эту первую главу въ новомъ томѣ житія Погодина, и вы получите изумительное по своей неподдѣльности впечатлѣніе добраго стараго времени, столь любезнаго для многихъ изъ теперешнихъ умственныхъ недоносковъ патріархальныхъ порядковъ. Для усиленія же этого впечатлѣнія обратитесь сейчасъ къ стр. 434— 435, гдѣ вы найдете двa-три примѣра изъ дореформенной русской юстиціи, а затѣмъ къ четвертой главѣ, которая повѣствуетъ объ уходѣ Каткова изъ московскаго университета за упраздненіемъ каѳедры философіи, и тѣмъ страницамъ, которыя написаны на тему, какъ смѣть писать исторію Россіи послѣ Карамзина (по поводу выхода въ свѣтъ перваго тома *Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ* С. М. Соловьева).

Кстати, не дурно отмѣтить одну еле замѣтную черточку изъ

біографіи одного славянофильскаго идеалиста. А. С. Хомяковъ, занявшись отъ скуки и бездѣлья механикой, выдумалъ какую-то паровую машину съ «сугубымъ давленіемъ». Изъ письма его къ А. В. Веневитинову, напечатаннаго г. Барсуковымъ (стр. 115—116), узнаемъ, что Хомяковъ задумалъ отправить свою машину съ К. А. Коссовичемъ въ Лондонъ на всемірную выставку. Коссовичъ долженъ былъ выхлопотать въ Англіи привилегію Хомякову. Послѣдній и пишетъ: «слухъ есть, что будто бы привилегіи за границей нельзя брать безъ позволенія отъ нашего правительства; я думаю, что это вздоръ; кажется, какое дѣло правительству до того, беру ли я привилегію въ Англіи, Франціи и Бельгіи или нѣтъ; однако же, можетъ быть, и есть какое-нибудь положеніе. Если есть, сдѣлай одолженіе похлопочи, чтобъ Коссовичъ получилъ такое позволеніе. Представь, главное—я въ Россіи не прошу привилегіи изъ *чистаго патріотизма*, дабы мои соотечественники даромъ могли пользоваться моимъ изобрѣтеніемъ, а *между нами* (sic!) причина та, что дѣланіе машинъ паровыхъ еще слишкомъ ничтожно въ Россіи и что игра не стоитъ свѣчъ». Тотъ ничѣмъ не прикрытый цинизмъ, съ какимъ авторъ письма, приведеннаго г. Барсуковымъ, говоритъ о понятіи, извѣстномъ подъ именемъ патріотизма, рѣзко бросается въ глаза читателямъ. Чего только и кто только не прикрывалъ у насъ этимъ злополучнымъ терминомъ, когда надѣялся на какія-либо «великія и богатыя милости»! За другими примѣрами ходить недалеко, въ одиннадцати томахъ книги г. Барсукова ихъ достаточно.

Въ томъ же разбираемомъ томѣ къ категоріи патріотическихъ приключеній можно отнести фактъ назначенія деканомъ отъ правительства Шевырева вмѣсто избраннаго факультетомъ на эту должность Грановскаго. Станкевичъ, Соловьевъ и Леонтьевъ не пощадили Шевырева, ставшаго «казеннымъ деканомъ», и Никитенко со словъ Леонтьева записалъ въ своемъ дневникѣ: «Шевыревъ вообще сдѣлался теперь въ Москвѣ чѣмъ-то въ родѣ нашего Булгарина». Читать такія записи въ дневникахъ о профессорахъ московскаго университета едва ли особенно пріятно для патріотовъ новѣйшей формаціи, тѣмъ болѣе, что Шевыревъ былъ человѣкъ съ пониманіемъ многихъ сторонъ дѣйствительности и Погодинъ не даромъ при всемъ своемъ простосердечіи писалъ ему 6 августа 1850 года: «сейчасъ иду къ обѣднѣ помолиться, о еже книги читати въ любезномъ отечествѣ было можно». Повторяемъ еще разъ, что такія строки писалъ Погодинъ Шевыреву, и онѣ хорошая параллель къ извѣстному письму Грановскаго къ Герцену (см. статью В. Н. Сторожева *Памяти Грановскаго* въ «Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній).

Какъ и въ предшествующихъ томахъ, въ разбираемомъ не мало лишняго, не мало курьезнаго, попрежнему много замѣчаній о такихъ дѣятеляхъ, какъ Островскій, Писемскій, Григоровичъ, Грановскій, Кавелинъ или разнаго рода археологическихъ руинахъ, величественно толкующихъ вкривь и вкось, и отставленныхъ вельможахъ, вокругъ которыхъ увивались тогдашніе чиновники «отъ науки». Авторъ попрежнему силится тщетно изобразить

въ своей книгѣ собственную приверженность къ какому-то «направленію», какъ выразился въ предисловіи къ десятой книгѣ, и для этого прибѣгаетъ къ разнаго рода крѣпкимъ эпитетамъ. Все это было бы смѣшно, когда бы... когда бы авторъ воздерживался въ «ученой работѣ» отъ неумѣстно хвалебнаго тона по адресу людей, еще живущихъ. Мы имѣемъ въ виду его отношеніе къ своему источнику для разсказа о *молодой редакцій Москвитянина*. Очень жаль, что у нашего автора такъ странно выражается «направленіе», и физіономія его весьма не бойкаго пера складывается черезчуръ бойко въ льстивую физіономію. Впрочемъ, чего не пишутъ перья гг. Барсуковыхъ.

Нашъ отзывъ объ одиннадцатой книгѣ мы обязаны закончить маленькой выдержкой. 3 августа текущаго года въ Москвѣ схоронили одного изъ старѣйшихъ русскихъ ученыхъ, который, въ описываемое г. Барсуковымъ время, уже былъ въ числѣ корреспондентовъ Погодина. Имѣемъ въ виду академика-москвича Буслаева. Когда-то Буслаевъ не отказывался писать кое-что въ погодиновскомъ *Москвитяннинѣ*. Въ 1851 г. Погодинъ обратился къ Буслаеву съ просьбой написать для *Москвитянина* рецензію на книгу П. Я. Лукашевича *Чаромутіе или священный огонь маговъ, волхвовъ и жрецовъ*. 13 февраля 1851 г. Буслаевъ отвѣчалъ Погодину небольшой запиской-рецензіей на упомянутую книгу. «О Миклошичѣ,—писалъ Буслаевъ (стр. 427),—статью для *Москвитянина* готовлю, и давно бы она была уже у васъ, если бы я не прохворалъ всѣ святки, и ничего, разумѣется писать не могъ. Что же касается до Лукашевича, то рѣшительно отказываюсь. Его книги сумасшедшія: другого приличнѣйшаго эпитета не придумаю. Смѣяться надъ ними не хочу, потому что надъ сумасшествіемъ смѣяться —и неприлично, и оскорбительно въ нравственномъ отношеніи. Говорить ученымъ образомъ—нѣтъ никакой возможности. Всего лучше посовѣтовалъ бы вамъ все это *чаромутіе* пройти молчаніемъ. Пусть кричитъ о немъ, кому это покажется забавнымъ». Этотъ отвѣтъ не лишенъ поучительности для присяжныхъ рецензентовъ. Въ письмѣ къ А. Н. Попову Буслаевъ описалъ защиту своей диссертаціи «*О вліяніи христіанства на словенскій языкъ. По Остромирову евангелію*», въ московскомъ университетѣ (3 іюня 1848 г.). Помимо спеціалистовъ, возражалъ Хомяковъ. Считая себя истымъ русскимъ человѣкомъ, т. е. способнымъ до всего своимъ умомъ дойти, Хомяковъ, пишетъ Буслаевъ, началъ «свои возраженія общимъ замѣчаніемъ, что теперь, на нѣкоторое время, наука въ Европѣ остановилась въ своемъ развитіи (sic!!!), и намъ, русскимъ, только однимъ, предстоитъ обработывать ее, а потому моя (т. е. Буслаева) диссертація для него пріятное явленіе; затѣмъ нападалъ на меня за излишнюю осторожность въ сличеніи языка словенскаго съ санскритскимъ и приводилъ примѣры». Далѣе Буслаевъ ядовито замѣчаетъ: «*изъ его словъ я вывелъ, что онъ считаетъ санскритъ мѣстнымъ нарѣчіемъ языка русскаго*». Хомяковъ, судя по настоящему отчету о книгѣ г. Барсукова, очень хорошо умѣлъ доказывать, гдѣ и когда надо, что онъ патріотъ и русскій, ради чего и научное развитіе Запада у него остановилось, уступивъ позицію гг. славянофиламъ.

Одиннадцая книга труда г. Барсукова, также какъ и десятая, издана на средства А. Н. Мамонтова, которому при послѣдней авторъ посвятилъ необыкновенно витіеватое предисловіе.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.

Г. Д. Трайль. «Общественная жизнь Англіи».—*Ш. Сеньебосъ.* «Политическая исторія современной Европы».

Общественная жизнь Англіи. Изданіе Г. Д. Трайля. Томъ II, переводъ съ англ. П. Николаева. Москва. 1897. Изд. Солдатенкова. Ц. 2 р. 50 к. Нѣсколько времени тому назадъ, на страницахъ *Міра Божьяго* *) былъ данъ отчетъ о первомъ томѣ изданія Трайля. Только что явился второй въ русскомъ переводѣ. Онъ охватываетъ періодъ отъ воцаренія Эдуарда I до смерти Генриха VII, т. е. заканчиваетъ средніе вѣка и вступаетъ въ такъ называемую, новую исторію. На этомъ пространствѣ развертывается оргинальнѣйшая перспектива всей «старой Англіи». У поэтовъ она стяжала наименованіе «веселой», въ исторіи она далеко не всегда отличается этимъ завиднымъ качествомъ. Очень часто эта Англія преисполнена самой подлинной варварской жестокости и всевозможныхъ пороковъ, какіе свойственны физически-могучей и и нравственно-первобытной человѣческой природѣ. Исторія бурная и менѣе всего пригодная для развлеченія. Но именно поэтому она богата въ высшей степени значительнымъ содержаніемъ.

Одно, напримѣръ, пятнадцатое столѣтіе стоитъ какой угодно эпопеи по обилію исключительно сильныхъ и оригинальныхъ личностей, по необычайному размаху событій, и, что любопытнѣе всего, по широкому развитію внутренней политической и общественной жизни. Именно въ этотъ отдаленный вѣкъ положены были едва ли не всѣ существенныя основы англійскихъ конституціонныхъ вольностей. Будущему и даже очень отдаленному пришлось только ссылаться на средневѣковыя преданія, какъ на *прецеденты*.

Естественно, какой можно сказать неистощимый матеріалъ представляется политическому и культурному историку, какъ бы ни была скромна его талантливость и ученая находчивость. Сами событія создаютъ изумительно яркія и цѣльныя картины и простое теченіе дѣлъ приводитъ къ самымъ поучительнымъ выводамъ. Достаточно вспомнить, что Шекспиръ именно изъ этого періода извлекъ свои лучшія хроники и почти не измѣнялъ ихъ лѣтописнаго содержанія.

Трайль и его сотрудники, конечно, не Шекспиры, но и они могли бы выполнить свою задачу гораздо успѣшнѣе, чѣмъ она выполнена въ дѣйствительности.

Почти всѣ недостатки, указанные нами въ первомъ томѣ, сохраняются и во второмъ. Предназначеніе сборника попрежнему остается неопредѣленнымъ—до такой степени разнохарактерны статьи, его составляющія. Одни—ничто иное, какъ конспекты,

---

*) 1897 г., № 1, «Библ. отд.», «Исторія всеобщая».

предполагающіе у читателей обширныя, общія и спеціальныя свѣдѣнія не только по исторіи, но и по искусству, военному дѣлу. Другія, напротивъ, элементарны до умилительности, заключаются въ хронологическомъ сводѣ главнѣйшихъ фактовъ съ наивными обобщеніями и, повидимому, совершенно случайной «философіей». Мы сейчасъ оцѣнимъ ея достоинства по поводу важнѣйшаго вопроса, какой только могъ подлежать разрѣшенію англійскихъ историковъ—развитія конституціонной теоріи и практики въ средніе вѣка.

Но разнохарактерность не единственный недостатокъ, фатально созданный пестрымъ составомъ сотрудниковъ Трайля. Безпрестанныя повторенія, безцѣльно обременяющія книгу, во второмъ томѣ, кажется, еще многочисленнѣе, чѣмъ въ первомъ.

О какихъ только предметахъ мы ни слышимъ по нѣскольку разъ! При этомъ авторы вовсе не дополняютъ другъ друга, а надо полагать, только стремятся показать читателю тожественный объемъ своихъ свѣдѣній и единство убѣжденій, хотя бы то по нѣкоторымъ вопросамъ.

Напримѣръ, чтобы получить понятіе о религіозной драмѣ, надо прочесть двѣ статьи разныхъ авторовъ, отдѣленныя другъ отъ друга ровно полутораста страницами. (*Литература*, Франка Гита, стр. 73, и *Общественная жизнь*, Трайля, стр. 221). Разговоръ объ алхиміи также ведется дважды, при чемъ повторяются одни и тѣ же факты, почти въ одинаковой формѣ (*Наука и псевдо-наука*, Стиля, стр. 62, *Магія и колдовство*, того же автора, стр. 309).

Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, двукратное обсужденіе однихъ и тѣхъ же предметовъ не вводитъ насъ въ заблужденіе. Есть примѣры, способные произвести настоящую смуту въ умѣ читателя, не имѣвшаго до чтенія сборника Трайля своего, вполнѣ установленнаго взгляда на извѣстное явленіе. А такихъ читателей, конечно, много и среди англійской публики, особенно когда дѣло касается, положимъ, Виклефа, вообще далекой старины.

Виклефъ настолько личность *историческая*, что, кажется, англійскимъ изслѣдователямъ, по крайней мѣрѣ, въ одной и той же книгѣ слѣдовало бы придти къ какому-нибудь опредѣленному воззрѣнію. Въ дѣйствительности, въ сборникѣ Трайля Виклефъ играетъ роль какого-то неразгаданнаго миѳа, о которомъ позволительно имѣть какія угодно сужденія: истина пребываетъ въ непроницаемомъ туманѣ и всѣмъ одинаково извѣстна и неизвѣстна.

Въ статьѣ *Литература* (стр. 168) мы читаемъ очень живую характеристику Виклефа. Она была бы даже удовлетворительна, если бы авторъ шире пользовался фактами и не стѣснялся заглавіемъ своей статьи, т. е. цѣнилъ бы заслуги Виклефа не только предъ англійскимъ языкомъ. Но такова участь сотрудниковъ Трайля: у каждаго опредѣленная рубрика и онъ долженъ изнывать въ непрестанномъ страхѣ, какъ бы не захватить чужой полосы. Остаться въ идеальныхъ границахъ позволеннаго не всегда удается, да и трудно ихъ опредѣлить. Въ результатѣ авторъ, которому поручено было писать о Виклефѣ-литераторѣ, захватилъ и Виклефа-реформатора.

«Онъ, т. е. Виклефъ, былъ первымъ, отстаивавшимъ мысль объ абсолютномъ и единомъ авторитетѣ священнаго писанія и это вмѣстѣ съ самымъ переводомъ (Библіи на англійскій языкъ) обусловливало то вліяніе, какое стиль и мысль этой книги (одного изъ сочиненій Виклефа — Triologus) имѣли съ тѣхъ поръ на нашу литературу».

Очевидно, не художественную только, потому что восхваляемое сочиненіе трактуетъ о богословскихъ, нравственныхъ и церковныхъ вопросахъ, между прочимъ, о таинствахъ, о духовенствѣ, даже о нищенствующихъ монахахъ, впослѣдствіи благодарнѣйшей темѣ германскихъ гуманистовъ и реформаторовъ. Авторъ упоминаетъ и о публицистическихъ талантахъ Виклефа, подчеркиваетъ страстность его агитаціи, но во имя чего собственно велась эта агитація и какіе слѣды оставила въ общественной жизни Англіи— не его дѣло. До какой степени самоограниченіе автора во имя непремѣнно *чисто литературныхъ* вопросовъ странно и даже забавно, показываетъ его же оговорка: «Если бы правительство хотѣло и умѣло понять и направить импульсы мышленія и стремленія къ реформѣ, ведущія свое начало отъ Виклефа, вмѣсто того, чтобы подавить ихъ, что̀ оно немилосердно дѣлало въ слѣдующемъ столѣтіи, Англія могла бы пережить великое прогрессивное движеніе въ своей прозаической литературѣ за двѣсти лѣтъ раньше, чѣмъ было въ дѣйствительности».

Всѣмъ извѣстно, что въ XV вѣкѣ лолларды преслѣдовались вовсе не за литературныя новшества Виклефа и стихи, проза и «ритмъ» были не причемъ, когда англійскій король пытался воспользоваться популярностью Виклефа среди народа въ цѣляхъ давленія на парламентскіе выборы въ 1377 году.

Какое же представленіе можетъ получить читатель о великомъ религіозномъ и соціальномъ движеніи средневѣковой Англіи послѣ такой *эстетической* картины! Но даже и эта картина блѣднѣетъ въ статьѣ *Религія*, принадлежащей перу другого автора. Здѣсь безъ всякихъ доказательствъ движеніе лоллардовъ сводится на нѣтъ, отрицается всякая связь лоллардизма съ реформаціей и ни словомъ не упоминается растространеніе пропаганды лоллардовъ на Шотландію. А именно здѣсь одинъ изъ вождей реформаціи Ноксъ своими предшественниками называлъ лоллардовъ. Не осталось безъ отголосковъ ученіе Виклефа и на континентѣ.

А между тѣмъ авторъ статьи даже не считаетъ достойнымъ *историка* интересоваться культурной связью лоллардовъ съ реформаціоннымъ движеніемъ XVI-го вѣка: это, по мнѣнію автора, можетъ вызвать интересъ развѣ только у антикварія!

Хорошъ антикварный вопросъ, наполняющій собой политику, церковь, литературу нѣсколькихъ вѣковъ! Историческая *безотчетность* дальше идти врядъ ли можетъ, особенно у англійскаго историка.

Еще печальнѣе въ сборникѣ Трайля участь еще болѣе важнаго вопроса постепеннаго развитія конституціи. Какъ это ни странно, но мы не находимъ ни одной, болѣе или менѣе полной статьи, представляющей картину конституціонныхъ идей и практики. Важ-

нѣйшій періодъ въ этомъ отношеніи—правленіе Ланкастеровъ—общины этой эпохи достигли небывалаго могущества и почти неограниченнаго вліяніе на государственное управленіе. Но уже при Ричардѣ III парламентъ является покорнымъ орудіемъ королевской власти, а Тюдоры водворяютъ настоящій деспотизмъ, насколько онъ былъ возможенъ вообще на англійской почвѣ.

Все это факты капитильной важности не только для англійской исторіи. Почему не могла удержаться конституціонная практика общинъ, созданная Ланкастерами? Почему парламентъ, успѣвшій пріобрѣсти въ сущности всѣ права, какія только послѣ низложенія Стюартовъ вошли окончательно въ конституцію, оказался способнымъ играть совершенно подвластную роль у цѣлаго ряда монарховъ и этимъ самымъ натолкнуть Стюартовъ на притязанія, вызвавшія двѣ революціи?

Вопросы, любопытнѣе какихъ врядъ ли можно и представить для историка, и для философа исторіи.

Наши авторы очень просто рѣшаютъ дѣло. Мы, по обыкновенію, нѣсколько разъ слышимъ одну и ту же истину весьма невысокаго полета: развитіе общинъ было *преждевременно*, зашло *дальше своей цѣли.*

Это очень не трудно сообразить, но несравненно труднѣе объяснить, въ чемъ заключалась *преждевременность* и чѣмъ были вызваны *преждевременные* факты? Личная слабость носителей короны ничего не объясняетъ или очень мало,—потомъ такіе государи, какъ Генрихъ V — Ланкастеръ, были, конечно, даровитѣе и сильнѣе, чѣмъ Тюдоры въ родѣ Генриха VII и Эдуарда VI. А между чѣмъ, вся сила Генриха V заключалась въ его солидарности съ парламентомъ такъ же, какъ и его предшедственника Генриха IV. Сама династія Ланкастеровъ не была бы основана, если бы на сторонѣ Генриха IV не стояло народное представительство. Это, правда, мимоходомъ, признается и сборникомъ Трайля (стр. 235). Именно при нескончаемыхъ мятежахъ и измѣнахъ среди знати, общины хранили непоколебимую вѣрность коронѣ и на нихъ, слѣдовательно, покоился государственный организмъ.

Этого мало. Эпоха Ланкастеровъ создала даже своего теоретика конституціоннаго строя—Фортескьё. Имя это извѣстно всякому, кто сколько-нибудь интересовался исторіей политическихъ ученій. Сборникъ Трайля, повидимому, не признаетъ Фортескьё достойнымъ такой извѣстности, удѣляетъ ему десятокъ строкъ и даже не называетъ его важнѣйшаго сочиненія *De natura legis naturae.* Фактъ едва вѣроятный, а между тѣмъ онъ вполнѣ гармонируетъ съ общей основательностью книги. И курьезнѣе всего, что Фортескьё, подобно Виклефу, попадаетъ въ рубрику литературы, въ статью *Школа Чосера* (стр. 317).

У Фортескьё вполнѣ развитыя идеи и точная терминологія. Онъ много лучше гораздо позднѣйшаго «философа» Монтескьё понимаетъ механизмъ конституціоннаго управленія, и его *dominium regale et politicum* удовлетворительно характеризуетъ совмѣстное существованіе двухъ властей въ теоріи и одной на практикѣ, такъ какъ у короля нѣтъ самостоятельнаго права на законодательство и особенно на налоги.

*

Правда, у Фортескьё нѣтъ подробностей практическаго осуществленія системы, но оно было гарантирована *сознаніемъ націи* своихъ правъ. Такъ понимаетъ ланкастерскій періодъ Стэббсъ, авторъ классической книги *The Constitutional History of England*.

Нѣкоторые сотрудники Трайля писали свои статьи, просто излагая сочиненіе Стэббса, даже составляя подчасъ статью изъ цитатъ; цѣлесообразнѣе было бы держаться той же политики и въ другихъ случаяхъ, чѣмъ вводить читателей въ недоразумѣніе.

Несомнѣнно, состояніе англійской конституціи при Ланкастерахъ не стояло выше уровня національнаго сознанія: Стэббсъ здѣсь совершенно правъ, и если позже власть короля усилилась и вліяніе администраціи развилось, повидимому, за счетъ народнаго представительства, это означало также вполнѣ сознательную уступку со стороны націи. Извѣстенъ фактъ, когда общины при Ланкастерахъ сами заявляли о слабости административной власти и выражали желаніе видѣть ее болѣе сильной и энергичной. Очевидно, въ смутную эпоху Ричарда III и при неулегшемся броженіи послѣ него, нація, въ дѣйствительности не поступаясь ни единымъ своимъ пріобрѣтеніемъ, могла дать бо́льшій просторъ королевской власти исключительно *практически* и ради извѣстныхъ цѣлей. Но лишь только Стюарты вознамѣрились временную практику упрочить и даже обобщить теоретически, немедленно послѣдовалъ протестъ націи.

Въ результатѣ, предъ нами именно исторія политическаго сознанія націи, а не рядъ случайныхъ подъемовъ и паденій парламентскаго своеволія. Въ этомъ обстоятельствѣ и заключается историческая сила англійскаго строя: его создала не хартія, не билль о правахъ, а сама народная стихія, свободно и послѣдовательно осуществляющая свои политическіе инстинкты и традиціи.

«Новая монархія не была нова», говоритъ одинъ изъ авторовъ по поводу событій въ эпоху Стюартовъ. Это справедливо, но претенденты относились не только къ практикѣ, но и къ самымъ идеямъ, точнѣе, къ національной политической вѣрѣ, унаслѣдованной отъ цѣлаго ряда поколѣній.

Такимъ образомъ, важнѣйшіе вопросы средневѣковой исторіи въ книгѣ Трайля остаются безъ должныхъ разъясненій. Весь интересъ статей ограничивается нѣкоторыми бытовыми свѣдѣніями, нерѣдко въ высшей степени любопытными просто благодаря оригинальности «старой веселой Англіи». Авторамъ приходилось просто цитировать хроники, чтобъ получались изумительныя на современный взглядъ картины. Хороша, напримѣръ, сцена короля съ лондонскимъ мэромъ. Король, обѣдая у мэра, проигралъ ему 50 марокъ. Это обстоятельство до крайней степени огорчило государя. Тогда мэръ обратился къ его величеству съ такою рѣчью: «Государь мой и король, не огорчайтесь—я не желаю вашихъ денегъ, а только желаю играть съ вами. Я пригласилъ васъ сюда не за тѣмъ, чтобы разгнѣвать васъ, а затѣмъ, чтобы, между прочимъ, испытать вашу игру».

И мэръ отдалъ королю деньги, продолжаетъ хроника, «и щедро

одарилъ свиту своими собственными деньгами; кромѣ того, онъ далъ много богатыхъ подарковъ королю и другимъ вельможамъ и рыцарямъ, обѣдавшимъ съ нимъ, къ великой славѣ лондонскихъ гражданъ».

Фактъ любопытенъ не только въ смыслѣ бытового курьеза, но и въ политическомъ отношеніи. Легко представить, что положеніе короля рядомъ съ такими лондонскими гражданами не могло быть особенно величественнымъ, и разъ приходилось принимать отъ мэра подарки и даже возвратъ проигрыша, трудно было и въ болѣе серьезныхъ обстоятельствахъ поддерживать свой авторитетъ и даже свое достоинство иными, болѣе дѣйствительными средствами, чѣмъ дурное настроеніе духа.

Происшествіе съ мэромъ относится къ 1357 году, какъ разъ къ эпохѣ рѣшительныхъ притязаній общинъ—давать королю субсидіи не иначе, какъ при гарантіи со стороны короля выполнить петиціи народнаго представительства. Въ случаѣ неисполненія этого условія, корона оставалась безъ денегъ. И требованіе было осуществляемо. И было бы очень поучительно, если бы авторы статей приводили въ связь бытовую исторію съ политической, тогда сами собой выяснялись бы многія сложныя черты прошлаго и прочнѣе оставались въ памяти читателей. Но именно безсвязность и разбросанность матеріала—основныя качества сборника Трайля.

Фактъ этотъ до такой степени фаталенъ для нашихъ авторовъ, что ихъ единодушіе и постоянство проявляются непремѣнно на сомнительныхъ вопросахъ. Напримѣръ, нѣсколько разъ въ сборникѣ подчеркивается суевѣріе Шекспира, между прочимъ, по поводу смерти Орлеанской дѣвы: Шекспиръ будто бы раздѣлялъ предразсудки англичанъ начала XV вѣка на счетъ колдовства Жанны д'Аркъ. Но, во-первыхъ, дѣло идетъ о хроникѣ, принадлежность которой Шекспиру, по крайней мѣрѣ, цѣликомъ весьма сомнительна, и, во всякомъ случаѣ, о хроникѣ изъ перваго, самаго ранняго, періода дѣятельности поэта. Потомъ, въ хроникѣ на первомъ планѣ *патріотическое* чувство автора, дѣйствительно, вполнѣ свойственное Шекспиру, а не религіозный фанатизмъ, о чемъ у Шекспира нѣтъ и помину. Наконецъ, англійскіе авторы должны бы знать, какъ авторъ *Гамлета* скептически относился именно къ суевѣрію и фанатизму, неоднократно смѣялся надъ предзнаменованіями (*Генрихъ IV*), надъ пророческими снами, единорогами, фениксами, хиромантіей (*Венеціанскій купецъ*, *Буря*), въ томъ же *Генрихъ IV* высказалъ такую истину, врядъ ли гармонизирующую съ міросозерцаніемъ тѣхъ, кто сжигалъ Орлеанскую Дѣву:

Въ ученьи сила,
Которой мы паримъ на небеса,
Въ невѣжествѣ же—Божіе проклятіе.

Вообще, историкамъ, да еще англійскимъ, слѣдовало бы вдумчивѣе относиться къ подобнымъ вопросамъ, и если ужъ у нихъ до такой степени мучительно желаніе смягчить дикое преступленіе своихъ предковъ, то не пользоваться авторитетомъ Шекспира, для этой цѣли менѣе всего пригоднымъ.

Переводъ и второго тома столь же неудовлетворителенъ, какъ и перваго. Переводчикъ, видимо, мало знакомъ и съ самими предметами, о какихъ трактуютъ статьи, и крайне небрежно относится къ русской рѣчи. Примѣрами изобилуетъ каждая отдѣльная статья и перечислять ихъ нѣтъ ни малѣйшей возможности. Это тѣмъ печальнѣе, что книга Трайля могла бы оказаться полезной для русскихъ читателей при единственномъ условіи, если бы при переводѣ были сдѣланы хотя бы самыя существенныя дополненія и поправки.

Ш. Сеньебосъ. Политическая исторія современной Европы. Эволюція партій и политическихъ учрежденій. 1814—1896. Переводъ съ французскаго. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1897 г. Цѣна 2 рубля. Первая часть сочиненія лектора парижскаго университета излагаетъ политическую исторію Англіи, Франціи, Бельгіи и Голландіи, Швейцаріи, Испаніи, Португаліи и Италіи. Во второй части, еще не появившейся въ оригиналѣ, авторъ намѣренъ дать, какъ видно изъ предисловія, исторію партій и политическихъ учрежденій Германіи, Австріи, Скандинавскихъ государствъ и группы восточныхъ имперій, Оттоманской и Русской. Выпуская въ свѣтъ политическую исторію современной Европы, авторъ задался цѣлью сдѣлать понятнымъ существенныя явленія политической жизни европейскихъ государствъ въ XIX столѣтіи, разъясняя внутренній строй народовъ, правительствъ и партій, тѣ политическіе вопросы, какіе возникали въ теченіе вѣка, и, наконецъ, какъ эти вопросы были разрѣшены. Другими словами, авторъ замыслилъ написать *толковую исторію*, *объясняющую политическую эволюцію*. Этимъ объясняется, съ одной стороны, то, что въ разбираемомъ сочиненіи отведено много мѣста короткимъ революціоннымъ эпохамъ въ ущербъ долгимъ консервативнымъ періодамъ: консерватизмъ нормальное явленіе, не требующее объясненій, революція же фактъ исключительный, который становится понятнымъ только благодаря подробному описанію вызвавшихъ его причинъ. Съ другой стороны, въ книгѣ Сеньебоса не нашли себѣ мѣста общественныя явленія, не оказавшія непосредственнаго воздѣйствія на политическую жизнь. Въ особенности обращается вниманіе на возникновеніе, составъ, тактику и программы различныхъ партій, какъ болѣе яркихъ и важныхъ факторовъ, рѣшавшихъ судьбу учрежденій.

Установивъ выборъ фактовъ, авторъ распредѣляетъ ихъ въ трехъ послѣдовательныхъ частяхъ: первая часть заключаетъ исторію внутренней политики европейскихъ государствъ въ хронологическомъ порядкѣ—это рядъ національныхъ исторій, изложенныхъ одна рядомъ съ другой и совершенно независимыхъ, благодаря чему лучше уясняются національный складъ каждаго народа и событія, оказавшія преобладающее вліяніе на его политическое развитіе. Во второй части будутъ сгруппированы политическія явленія, общія различнымъ европейскимъ странамъ: это преобразованія матеріальныхъ условій политической жизни и дѣйствія международныхъ партій (католической и соціалистическо-революціонной). Наконецъ, третья часть посвящена внѣшнимъ отноше-

ніямъ между государствами, изложеннымъ въ хронологическомъ порядкѣ по періодамъ, при чемъ каждый періодъ отмѣченъ преобладаніемъ одной изъ великихъ державъ—Австріи, Англіи, Россіи, Франціи, Германіи.

Отмѣтимъ также оригинальный методъ, котораго придерживался авторъ въ своемъ трудѣ. Самое крупное препятствіе для историка XIX столѣтія, говоритъ Сеньебосъ въ предисловіи,—это подавляющее обиліе документовъ. Строгій историческій методъ требуетъ непосредственнаго изученія источниковъ; но не хватило бы цѣлой человѣческой жизни на то, чтобы просто прочесть всѣ оффиціальные документы хотя бы одного только государства Европы. Такимъ образомъ, нѣтъ физической возможности написать исторію современной Европы согласно съ основными началами исторической критики, и публика не знаетъ современной исторіи по той причинѣ, что ученые располагаютъ черезчуръ обширными средствами для ея изученія. Вотъ почему, желая дать публикѣ возможность ознакомиться съ исторіей Европы XIX вѣка, Сеньебосъ прибѣгнулъ къ сокращенному способу чтенія источниковъ, заимствуя матеріалъ изъ монографій, спеціальныхъ изслѣдованій и ежегодниковъ, которые составлены на основаніи данныхъ изъ первыхъ рукъ; извлеченія и критическія выборки изъ документовъ, содержащихся въ этихъ трудахъ, даютъ достаточно вѣрное изображеніе событій, благодаря чему историкъ избавленъ въ большинствѣ случаевъ отъ необходимости прибѣгать къ подлинному документу. Такой сокращенный методъ принудилъ автора ограничить свое изложеніе общими фактами политической жизни, всѣмъ извѣстными и неоспоримыми.

Судя по всему изложенному, новый трудъ по новѣйшей исторіи Европы представляетъ оригинальную и широко задуманную попытку краткой, толковой исторіи политической эволюціи Европы въ XIX столѣтіи.

Особенное же значеніе пріобрѣтаетъ разбираемое сочиненіе въ виду того, что авторомъ чуть ли не впервые весьма детально обработана исторія политическихъ партій, самыхъ важныхъ факторовъ въ развитіи различныхъ политическихъ учрежденій.

Въ концѣ каждой главы приложенъ библіографическій указатель, придающій книгѣ Сеньебоса особую цѣнность. Переводъ, къ сожалѣнію, не вездѣ удовлетворителенъ.

СОЦІОЛОГІЯ.

Лестеръ Уордъ. «Психическіе факторы цивилизаціи». — *Адольфъ Позада.* «Очеркъ современныхъ теорій происхожденія семьи, общества и государства».—*Г. Тардъ.* «Происхожденіе семьи и собственности».

Лестеръ Уордъ. Психическіе факторы цивилизаціи. Перев. Л. К. Давыдовой. Спб. 1897. (Изд. Павленкова). **Лестеръ Уордъ. Психическіе факторы цивилизаціи. Переводъ Е. И. Бошнякъ. М. 1897.** Книга эта въ настоящее время представляетъ особенный инте-

ресъ потому, что пытается дать отвѣтъ на привлекающій всеобщее вниманіе вопросъ о факторахъ соціальной жизни. Въ настоящее время въ популярномъ сознаніи теорія такъ-называемаго «экономическаго матеріализма» представляется теоріей, признающей главнымъ факторомъ соціальной жизни экономическій, а не психическій. Разумѣется, едва ли сами сторонники экономическаго матеріализма согласились бы съ такимъ формулированіемъ ихъ теоріи, но въ дѣйствительности она такъ понимается и такъ формулируется.

Роль психическаго фактора въ развитіи соціальной жизни разсматривается въ разбираемой книгѣ. Авторъ книги американскій соціологъ Лестеръ Уордъ, авторъ извѣстнаго сочиненія, вышедшаго въ 1883 году, «Динамическая соціологія». «Задача разбираемаго сочиненія,—по словамъ самого автора,—заключается въ опредѣленіи той роли, которую играетъ духъ въ соціальныхъ явленіяхъ». Авторъ по справедливости придаетъ огромное значеніе психологіи для разработки науки объ обществѣ. «Соціальныя силы по существу своему являются силами психическими. Вслѣдствіе этого основанія для соціологіи необходимо слѣдуетъ искать въ психологіи». Огюстъ Контъ и Гербертъ Спенсеръ ошибочно отождествляли соціальныя силы съ жизненными силами вообще, а не психическими и потому не пользовались психологіей для своихъ соціологическихъ построеній.

Придавая такое важное значеніе психологіи, авторъ самъ пытается дать новое обоснованіе психологіи или, по крайней мѣрѣ, дѣленіе психическихъ явленій и нельзя не признать, что это ему удается сдѣлать не безъ нѣкоторой оригинальности. Мы не желаемъ этимъ сказать, что его взглядъ вполнѣ оригиналенъ, но должны признать, что онъ не пользуется извѣстностью въ широкихъ кругахъ, а пока еще остается достояніемъ только спеціалистовъ. По обычнымъ представленіямъ существенную сторону въ нашей душевной жизни составляетъ моментъ познавательный. Это такъ называемый интеллектуализмъ. Но есть еще другое теченіе, которое со времени Руссо придаетъ особенно важное значеніе чувствамъ и, наконецъ, находящееся въ тѣсной связи съ этимъ послѣднимъ теченіе, придающее существенное значеніе волѣ. Представителемъ этого послѣдняго направленія является Шопенгауэръ и въ послѣднее время Вундтъ. Къ этому же направленію принадлежитъ и Л. Уордъ. Онъ находитъ, что интеллектъ не можетъ быть названъ *силою* въ настоящемъ смыслѣ этого слова. По его мнѣнію *желаніе* (одинъ изъ элементовъ воли) есть настоящая сила природы. Первая часть книги подвергаетъ разбору именно этотъ вопросъ и приходитъ къ тому выводу, что чувство, тѣсно связанное съ волей, есть существенная сторона духовной жизни и что происхожденіе интеллекта относится къ болѣе позднему времени, чѣмъ происхожденіе души.

По мнѣнію автора, «душа является великимъ трансформирующимъ факторомъ въ природѣ». Какъ примѣръ такого вліянія, можное привести вліяніе насѣкомыхъ на растенія. Извѣстно, что единственное назначеніе яркихъ и пахучихъ цвѣтовъ заключается

въ томъ, чтобы привлекать къ себѣ насѣкомыхъ и обезпечивать, благодаря этому, перекрестное оплодотвореніе. Поэтому можно сдѣлать предположеніе, что цвѣты всецѣло обязаны своимъ происхожденіемъ насѣкомымъ и развивались параллельно съ высшими типами этихъ послѣднихъ. Это только одинъ примѣръ такого вліянія. Ихъ можно было бы привести чрезвычайно много. Вообще, по мнѣнію Уорда, слѣдуетъ признать, что «не будь этого психическаго фактора въ мірѣ животныхъ, земная растительность была бы не только совершенно отличной отъ того, чѣмъ она представляется теперь, но въ такой степени была бы лишена тѣхъ элементовъ, которые поддерживаютъ жизнь человѣка и доставляютъ ему удовольствіе, что люди едва ли могли бы жить на земномъ шарѣ». Съ такой точки зрѣнія Уордъ разсматриваетъ вліяніе психическаго фактора и на соціальную жизнь. Онъ находитъ, что при разсмотрѣніи соціальныхъ явленій обыкновенно упускаютъ изъ виду одинъ факторъ, который слѣдовало бы назвать *интуиціей* (терминъ у автора не особенно ясный). «Интуиція, по его мнѣнію, заключается въ способности, пріобрѣтенной духомъ, всматриваться въ болѣе или менѣе сложное сплетеніе обстоятельствъ и въ пониманіи того, что къ успѣху ведутъ не тѣ движенія, которыя повинуются первичной психической силѣ», именно къ первичнымъ движеніямъ присоединяется интеллектуальный моментъ, который болѣе или менѣе точно опредѣляетъ, какія именно дѣйствія приводятъ къ опредѣленной цѣли. Этотъ факторъ въ высокой мѣрѣ важный; онъ именно ясно показываетъ, что человѣкъ и общество не находятся подъ вліяніемъ тѣхъ великихъ динамическихъ законовъ, которые управляютъ остальнымъ органическимъ міромъ. Благодаря вліянію этого фактора, динамическая *біологія* представляетъ отдѣлъ науки, совершенно отличный отъ динамической *соціологіи*, и именно потому, что вышеупомянутый психическій элементъ замѣняетъ природу искусствомъ.

Вслѣдствіе признанія важности психическаго фактора въ соціальной жизни, онъ поставляетъ въ упрекъ Герберту Спенсеру то обстоятельство, что онъ свою психологію не положилъ въ основаніе ни своей соціологіи, ни этики. Онъ находитъ, что между животной и человѣческой жизнью существуетъ различіе, заключающееся въ томъ, что «среда преобразуетъ животное, тогда какъ человѣкъ преобразуетъ среду». Съ этой точки зрѣнія онъ находитъ крайне нецѣлесообразнымъ такое явленіе въ современной соціальной жизни, какъ конкурренція. «Духъ одинъ понимаетъ, что конкурренція слишкомъ много энергіи растрачиваетъ даромъ, и поэтому духъ становится въ антагонизмъ къ ней и замѣняетъ ее искусствомъ, наукой и коопераціей».

Книга заканчивается разсмотрѣніемъ вопроса о соціальномъ сознаніи, соціальной волѣ, соціальномъ интеллектѣ. Наконецъ, въ послѣдней главѣ о соціократіи онъ приходитъ къ тому выводу, что «только послѣ того, какъ душа общества, воплощенная въ его сознаніи, волѣ и интеллектѣ, станетъ къ соціальному организму въ такія же отношенія, въ какихъ индивидуальная душа находится къ индивидуальному организму, только послѣ этого можно

ожидать появленія вполнѣ развитого искусства управленія». Т. е. соціальный организмъ, подобно организму индивидуальному, обладаетъ душой и сознаніемъ; душа организма соціальнаго можетъ такъ же регулировать жизнь общества, какъ душа или сознаніе организма индивидуальнаго регулируетъ жизнь послѣдняго.

Основная мысль автора, что духъ является весьма важнымъ факторомъ въ соціальной жизни и вообще въ процессѣ эволюціи, выдвигается имъ, какъ нѣчто совершенно новое, на самомъ же дѣлѣ мысль эта совсѣмъ не новая, а высказывалась раньше его, напр., Вундтомъ въ «Основаніяхъ психологіи», а также и гораздо яснѣе его Паульсеномъ (во «Введеніи въ философію». М. 1894).

Между двумя, вышедшими на русскомъ языкѣ, изданіями книги Л. Уорда разница та, что переводъ Е. И. Бошнякъ нѣсколько полнѣе, чѣмъ переводъ Л. К. Давыдовой, которая нашла возможнымъ (по нашему мнѣнію, безъ ущерба для самой книги) выпустить цитаты изъ различныхъ авторовъ, которыми, въ видѣ эпиграфовъ, предваряется каждая глава книги Л. Уорда.

Адольфъ Позада. Очеркъ современныхъ теорій происхожденія семьи, общества и государства. Переводъ съ французскаго Л. С. Зака. Изданіе Южно-русскаго О-ва Печатнаго Дѣла. Одесса. 1897. Ц. 50 к. «За послѣдніе годы,—говоритъ извѣстный русскій ученый М. М. Ковалевскій въ предисловіи къ своимъ лекціямъ, читаннымъ въ стокгольмскомъ университетѣ о происхожденіи и развитіи семьи и собственности,—такъ много писали о происхожденіи семьи и собственности, что появленіе новаго сочиненія на эту тему можетъ быть оправдано въ томъ только случаѣ, если оно хоть нѣсколько разъясняетъ эти спорные вопросы, сообщаетъ новыя этнографическія, историческія и юридическія данныя, или представляетъ тщательную критику господствующихъ теорій».

Съ этой точки зрѣнія появленіе въ русскомъ переводѣ сочиненія профессора государственнаго права въ овіедскомъ университетѣ Адольфа Позада вполнѣ законно.

Нужно отдать справедливость испанскому ученому: книга его прекрасно написана, даетъ ясное и стройное изложеніе всевозможныхъ теорій происхожденія семьи, общества и государства. Начиная съ вступительной главы, трактующей о современныхъ точкахъ отправленія при изслѣдованіи происхожденія общества, Позада указываетъ на значеніе для соціологіи и соціологовъ слѣдующихъ исходныхъ моментовъ: 1) изученіе обществъ животныхъ, какъ источника весьма полезныхъ аналогій и сравненій; 2) познаніе природы первобытнаго человѣка, изученіе его психологіи; 3) признаніе гипотезы *прогресса* въ противоположность гипотезѣ *регресса*, по которой человѣческія расы начали свое существованіе съ золотого вѣка, предшествовавшаго тѣмъ періодамъ варварства и дикости, которые мы знаемъ; 4) допущеніе аналогіи между первобытнымъ человѣкомъ и современнымъ дикаремъ и теорія самопроизвольности человѣческаго прогресса, и 5) позитивный характеръ метода изслѣдованія.

Далѣе, авторъ подробно излагаетъ различныя теоріи происхожденія общества: теорію патріархата, главнымъ образомъ, по Сом-

неру Мэну, противоположныя патріархальной теоріи Бахофена, Макъ-Леннана и Моргана, теорію Жиро-Тейлора, Леббока, Штарке. Затѣмъ А. Позада указываетъ на то, какъ долженъ быть поставленъ вопросъ о первобытномъ обществѣ: здѣсь авторъ указываетъ на значеніе соціологіи животныхъ для изслѣдователя по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли считать началомъ человѣческаго общества патріархатъ или коммунистическое состояніе. Далѣе разсматривается споръ о патріархатѣ и дается критика всѣхъ изложенныхъ до сихъ поръ теорій, при чемъ попутно Позада высказываетъ свои собственныя воззрѣнія на различные вопросы. Сущность высказанныхъ А. Позада мнѣній состоитъ въ слѣдующемъ. Вначалѣ политическое общество слито съ обществомъ домашнимъ; *по формѣ* долгое время ихъ нельзя отличить другъ отъ друга, и они объясняются одно другимъ. Различіе между ними начинаетъ обнаруживаться благодаря болѣе или менѣе сознательному выдѣленію изъ смѣшаннаго и аморфнаго первобытнаго общежитія двухъ типовъ: 1) домашняго общежитія или семьи, этого продукта полового союза и инстинктивной коопераціи, цѣль которой сгладить различія возраста, и 2) сосѣдскаго общежитія съ тенденціей сдѣлать это сосѣдство постояннымъ и держаться на опредѣленной территоріи (*симбіозъ*, по терминологіи Позада). Это-то *соціальное раздвоеніе* и производитъ извѣстное въ исторіи отдѣленіе *публичнаго* права отъ *частнаго*. Не существуетъ *единой* и *однообразной* прогрессіи въ эволюціонномъ развитіи основныхъ юридическихъ институтовъ (семьи, общества и государства). Первобытныя группы должны были въ сильной степени отличаться разнообразіемъ, неустойчивостью и смѣшанностью. Расходясь со сторонниками патріархата, Позада допускаетъ существованіе въ первобытныя времена орды или трибы, члены которой связаны между собою не однѣми лишь кровными узами, но и симбіозомъ; семья, хронологически, не есть зародышъ человѣческаго общества, семья и общество появляются одновременно; со сторонниками матріархата Позада расходится въ томъ, что, по его мнѣнію, мужчина игралъ роль отца съ самаго начала. Доказательства авторъ почерпаетъ изъ филологическихъ данныхъ о первобытныхъ формахъ языка, именно о легкости произношенія словъ, употребляемыхъ для обозначенія отца и матери, доказывающей, что оба эти слова весьма древняго происхожденія и что, слѣдовательно, материнская связь не древнѣе отцовской.

Г. Тардъ. Происхожденіе семьи и собственности. Переводъ съ французскаго. Спб. 1897 г. Изданіе В. И. Губинскаго. Цѣна 60 коп. Книга, изданная г. Губинскимъ, не представляетъ цѣльнаго сочиненія, а лишь переводъ двухъ главъ обширнаго труда «Les transformations du droit» («Преобразованія права») извѣстнаго французскаго соціолога Тарда. Врядъ ли можно назвать удачной мысль о такомъ выдѣленіи изъ цѣлаго сочиненія, проникнутаго одной общей идеей, двухъ отдѣльныхъ главъ для самостоятельнаго перевода и изданія. Столь важному вопросу, какъ происхожденіе семьи, посвящено всего немного болѣе двадцати страничекъ. Нѣсколько подробнѣе излагается не менѣе важная въ соціологіи проблема о правѣ собственности и о преемственности ея формъ

въ исторіи. Такая обработка столь важныхъ вопросовъ объясняется только тѣмъ, что двѣ эти главы, изданныя теперь отдѣльной книжкой, составляютъ часть пространной работы и подкрѣпляютъ общія идеи, высказываемыя авторомъ на протяженіи цѣлаго сочиненія; выдѣленныя же изъ монографіи Тарда и изданныя самостоятельно, главы о происхожденіи семьи и собственности теряютъ всякое значеніе. Глава о происхожденіи семьи нисколько не уясняетъ труднѣйшаго вопроса первобытнаго права о примитивныхъ системахъ родства и брака и не даетъ научно-обоснованнаго генезиса семьи. Основная мысль Тарда можетъ быть выражена такъ: не существуетъ однообразной эволюціонной прогрессіи соціальнаго строя; первобытная семья была крайне разнообразна—въ одномъ мѣстѣ была моногамія, въ другомъ полигамія, въ третьемъ поліандрія, гдѣ-нибудь экзогамія или же эндогамія. Въ первобытной толпѣ могли возникать и находиться долгое время рядомъ самыя различныя, несходныя попытки семейной организаціи. Пресловутый рядъ, установленный Бахофеномъ и др. учеными—промискуитетъ, матріархатъ и патріархатъ—есть что-то фантастическое. Нѣтъ никакихъ основаній считать, что устройство первобытной семьи было вездѣ одинаково. Доказывается это тѣми противорѣчивыми результатами, къ которымъ приводили изслѣдованія, производившіяся съ одинаковою добросовѣстностью. Вотъ все, что Тардъ считаетъ необходимымъ высказать для опроверженія теорій Мэна, Бахофена, Моргана, Макъ Леннана и др. серьезныхъ ученыхъ. Въ главѣ о происхожденіи собственности Тардъ оспариваетъ ученіе о коллективномъ характерѣ первобытной собственности и о его всеобщности. Тардъ исходитъ изъ основной идеи о подражательности и настаиваетъ на томъ, что якобы архаическій коллективизмъ, къ которому такъ хотѣли бы прицѣпить точку зрѣнія «непроизвольнаго, естественнаго, необходимаго возникновенія эволюціи собственности», начался простымъ разсчетомъ, который сталъ потомъ общимъ достояніемъ, распространившись далеко широкой волной подражанія. Между тѣмъ, изслѣдованіями Лавелэ, Мэна, Лоріа и Віоллэ несомнѣнно доказанъ фактъ коллективности первобытной собственности, повсемѣстная распространенность котораго объясняется тѣмъ, что всюду одинаковыя причины порождали всегда одинаковыя послѣдствія. Повторяемъ, въ томъ видѣ, въ какомъ издана часть работы Тарда, она не знакомитъ ни съ идеями его по вопросу о преобразованіяхъ, происходящихъ въ правѣ, ни съ происхожденіемъ семьи и собственности.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

«Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева».— *Ф. Вальда.* «Современная метеорологія».—*Вюильменъ.* «Біологія растеній».

Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева, читанныя профессорами П. Я. Армашевскимъ и Вл. Б. Антоновичемъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца въ мартѣ 1896 года. Съ двумя рисунками. Кіевъ. 1897. Стр. 2 + 87. Ц. 75 коп. Публичныя лекціи, устроенныя кіевскимъ историческимъ обществомъ Нестора лѣтописца при университетѣ св. Владиміра, составляютъ любопытное звено въ той серіи лекцій, которыя предприняты были за послѣднее время въ университетскихъ и другихъ провинціальныхъ городахъ. Часть ихъ организовалась самостоятельно, другая вышла изъ коммиссіи по организаціи домашняго чтенія въ Москвѣ, которая должна явиться центральнымъ справочнымъ бюро, съ одной стороны, для лекторовъ, желающихъ читать лекціи въ провинціи и предлагающихъ извѣстныя темы, а съ другой—для тѣхъ или другихъ учрежденій, которыя желаютъ устроить въ провинціи лекціи. Каждое такое учрежденіе, обратившись въ коммиссію, получаетъ подходящій списокъ лекторовъ и темъ, изъ котораго и выбираетъ тему и лектора, наиболѣе желательныхъ для данной мѣстности. Само собою разумѣется, что наличность такого центральнаго справочнаго бюро по устройству публичныхъ лекцій въ Россіи представляется въ высокой степени цѣнной. Нельзя не пожелать развитія болѣе широкаго этой стороны дѣятельности московской коммиссіи, равно какъ того, чтобы свои списки темъ и лекторовъ она печатала во всеобщее свѣдѣніе и разсылала ихъ по всѣмъ учрежденіямъ, которыя могли бы или должны были бы заняться устройствомъ публичныхъ лекцій въ провинціи, какъ первой и главнѣйшей ступени для движенія, извѣстнаго подъ именемъ «распространенія университетскаго образованія». «Цѣль публичныхъ лекцій, организованныхъ въ Казани физико-математическимъ обществомъ, говоритъ проф. Смирновъ въ брошюрѣ *Публичныя лекціи по философіи наукъ* (Казань, 1896),—популяризація высшихъ научныхъ знаній, преподаваемыхъ въ университетахъ. Насколько можно судить по нѣкоторымъ фактамъ какъ за границей, такъ и у насъ, въ настоящее время въ обществѣ все болѣе и болѣе чувствуется потребность высшаго знанія. Иностранные университеты идутъ навстрѣчу этой потребности. Особенно сильный толчокъ этому движенію, этому расширенію университетскаго образованія данъ въ Англіи, гдѣ существуетъ много обществъ и кружковъ, поставившихъ своей задачей организацію чтеній по разнымъ отраслямъ знанія. Профессора университетовъ и другихъ заведеній, и вообще люди науки, и просто любители просвѣщенія и лица, жаждущія расширенія и углубленія своихъ познаній, подаютъ другъ другу руку и дѣйствуютъ совмѣстно къ достиженію этой цѣли. Тамъ возникли и особые органы, посвященные этому движенію. Въ Россіи аналогичное стремленіе пока сказалось въ организаціи домашняго чтенія (и

публичныхъ лекцій), предпринятой особою коммиссіей при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній въ Москвѣ». *Кіевскія* публичныя лекціи устроились самостоятельно, представляя живой укоръ бездѣятельности и сну московскихъ историческихъ обществъ, которыхъ при университетѣ два: одно подъ предсѣдательствомъ В. О. Ключевскаго, другое — В. И. Герье; оба предсѣдателя соперничаютъ другъ съ другомъ въ энергіи окончательно дискредитировать въ общественномъ мнѣніи и то, и другое общество. Точно также *казанскія* публичныя лекціи являются укоромъ для московскаго университета, который, имѣя особый фондъ, забылъ даже о томъ, что существуютъ на свѣтѣ публичныя лекціи.

Лекція *первая* (стр. 1—27) посвящена геологіи Кіева вообще, но преимущественно образованіямъ той геологической эпохи, которая носитъ названіе послѣтретичной и въ которую впервые появился здѣсь человѣкъ. Авторъ излагаетъ дѣло очень сжато, но недостаточно популярно, и намъ думается, что изложеніе проф. Армашевскаго доступно лишь для тѣхъ, кто по уровню своего развитія сравнялся съ прошедшими среднюю школу. На основаніи геологическихъ данныхъ проф. Армашевскій приходитъ къ выводу, что человѣкъ появился на территоріи Кіева въ довольно ранній періодъ послѣледниковой эпохи; весьма вѣроятно, что въ это время въ сѣверной, а можетъ быть, и въ средней Россіи находился еще ледниковый покровъ, а въ южной—господствовалъ холодный климатъ, благопріятный для существованія мамонта, носорога, мускуснаго быка. Если, согласно В. Антоновичу, мы оцѣниваемъ періодъ исторической жизни человѣка на кіевской территоріи въ 2.000 лѣтъ, то періодъ до-историческаго его существованія здѣсь обнималъ промежутокъ времени въ нѣсколько разъ большій. Изъ всѣхъ русскихъ мѣстностей въ Кіевѣ найдены пока самые древніе слѣды существованія человѣка, такъ что пока эта мѣстность можетъ считаться однимъ изъ древнѣйшихъ пунктовъ поселенія человѣка на обширной территоріи нынѣшней Европейской Россіи. Мы считаемъ весьма удачной и полезной мысль предпослать историко-археологическому очерку Кіева очеркъ геологическій.

Лекція *вторая* (стр. 29—59) «Кіевъ въ до-христіанское время» и *третья* (стр. 61—87) «Кіевъ въ княжеское время» принадлежатъ г. Антоновичу. Лекторскій талантъ Антоновича извѣстенъ очень многимъ, о немъ съ восторгомъ говорятъ кіевляне; но у кіевлянъ не мало чисто мѣстнаго патріотизма. Пишущій настоящія строки имѣлъ случай не разъ слышать Антоновича, какъ докладчика очень спеціальныхъ археологическихъ рефератовъ, и можетъ засвидѣтельствовать, что г. Антоновичъ способенъ заинтересовать самаго неблагодарнаго слушателя. Совершенно простое, безыскусственное изложеніе, простая манера рѣчи, отсутствіе фейерверкерскихъ отступленій, минутно увлекающихъ поверхностную публику, стройность изложенія, а главное, тотъ внутренній живой огонь, котораго не замѣнить никакимъ дѣланнымъ оживлевленіемъ — вотъ отличительныя свойства лекторскаго таланта г. Антоновача, дѣлающаго его очень цѣннымъ въ роли популяри-

затора знанія. Два очерка Кіева, предложенные проф. Антоновичемъ, отличаются большимъ интересомъ: изложеніе сжатое, научное, хотя и допускающее не мало разговоровъ по существу. Пожелаемъ, чтобы примѣръ профф. Армашевскаго и Антоновича вызвалъ многочисленныя подражанія: выступая популяризаторами знанія, они знакомятъ публику съ сложными научными вопросами, далеко не модными и не легкими.

Современная метеорологія. Очеркъ ея прошлаго и настоящаго. Франка Вальдо, бывшаго профессора «сигнальнаго бюро» въ Сѣв.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Переводъ съ англійскаго М. П. Косача, подъ редакціей профессора Б. И. Срезневскаго, съ 112 рис. Изд. Девріена. Спб. 1897 г. 380 стр. Ц. 2 р. 75 коп. Авторъ предназначаетъ свое сочиненіе для любителей метеорологіи, каковы, напримѣръ, большинство наблюдателей на метеорологическихъ станціяхъ, а также для преподавателей физической географіи и общей физики. Читатель найдетъ въ немъ не мало дополненій къ тому, что имѣется въ обыкновенныхъ учебникахъ и руководствахъ по метеорологіи. Въ I-й главѣ Вальдо дѣлаетъ обзоръ главнѣйшихъ сочиненій по этому предмету въ порядкѣ ихъ появленія въ свѣтъ. Во 2-й главѣ изложена исторія и дано описаніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ метеорологическихъ приборовъ и методовъ ихъ употребленія. 3-я глава посвящена реферату докладовъ по термодинамикѣ атмосферы, сдѣланныхъ въ Берлинской академіи наукъ профессоромъ Бецольдомъ. Глава 4-я содержитъ изложенія идей Ферреля по вопросу объ общей циркуляціи атмосферы, а также нѣкоторыхъ данныхъ, добытыхъ другими учеными по тому же предмету. Въ 5-й главѣ авторъ говоритъ о второстепенныхъ циркуляціяхъ атмосферы, обусловливающихъ мѣстные вѣтры. Наконецъ, въ 6-й главѣ изложены главнѣйшіе выводы, полученные проф. Брюкнеромъ при изслѣдованіи результатовъ метеорологическихъ наблюденій съ самаго начала ихъ возникновенія и до настоящаго времени; здѣсь же говорится объ основныхъ точкахъ зрѣнія названнаго ученаго на постепенное измѣненіе климатическихъ явленій, а также о приложеніи метеорологіи къ агрономіи. Такимъ образомъ, сочиненіе Франка Вальдо по своему содержанію не представляетъ чего-нибудь цѣльнаго. Это скорѣе метеорологическая хрестоматія, или сборникъ отдѣльныхъ статей по разнымъ вопросамъ метеорологіи. Оно вполнѣ удовлетворяетъ той цѣли, для которой его предназначаетъ самъ авторъ, но только при томъ условіи, если книга попадетъ въ руки любителя съ достаточно солидной подготовкой. Изданіе книги вполнѣ опрятно, но высокая цѣна ея не оправдывается даже и помѣщеніемъ 112 рисунковъ, изъ которыхъ многіе — простые чертежи.

Вюильменъ, профессоръ медицинскаго факультета въ Нанси. Біологія растеній. Переводъ И. А. Петровскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. К. А. Тимирязева. М. 1897. 290 стр. Ц. 50 к. (Научно-образовательная библіотека). Подъ именемъ «біологіи растеній» обыкновенно подразумѣваютъ отдѣлъ ботаники, занимающійся изслѣдованіемъ значенія частей растительнаго организма, поскольку такія изслѣдованія не требуютъ примѣненія физико-хи-

мическихъ методовъ. Такимъ образомъ, «біологія растеній» есть какъ бы описательная физіологія, т. е. физіологія безъ опытовъ, получающая свой матеріалъ изъ наблюденій надъ растеніями въ естественныхъ условіяхъ ихъ жизни. Другими словами, «біологія растеній» является переходной стадіей нѣкоторыхъ отдѣловъ физіологіи, стадіей накопленія сырого матеріала, подлежащаго еще строго-научной экспериментальной обработкѣ. Такъ какъ современная наука въ устройствѣ органовъ растенія ищетъ «приспособленія» этихъ органовъ къ условіямъ существованія, то и «біологія растеній» по этой причинѣ въ значительной мѣрѣ становится ученіемъ о «приспособленіяхъ». Въ указанномъ смыслѣ понимаетъ этотъ отдѣлъ ботаники и авторъ разсматриваемаго сочиненія. Его книжка не есть учебникъ. Это популярное изложеніе главнѣйшихъ, наиболѣе интересныхъ данныхъ по біологіи растеній. Въ виду назначенія книги, въ виду также того, что пониманіе многихъ «приспособленій» невозможно безъ нѣкотораго знакомства съ фактами экспериментальной физіологіи, г. Вюильменъ часто останавливается на описаніи самыхъ существенныхъ процессовъ растительной жизни, и на опытахъ, поясняющихъ сущность этихъ процессовъ. Во введеніи онъ знакомитъ читателя съ главнѣйшими особенностями живого существа вообще и съ признаками, отличающими растительный организмъ отъ животнаго. Въ первой части (двѣ главы) онъ даетъ очень обстоятельное описаніе клѣточки вообще, и растительной въ частности. 2-я часть (8 главъ) посвящена индивидуальной жизни растенія. Здѣсь описаны строенія тѣла растеній, ихъ главнѣйшія функціи, способы прикрѣпленія, защиты, процессы поглощенія, выдѣленія, дыханія, внутреннія превращенія и, наконецъ, способы размноженія. Особенный интересъ представляетъ третья и послѣдняя часть сочиненія, озаглавленная «общественная жизнь растенія». Здѣсь авторъ разсматриваетъ отношенія растеній другъ къ другу, къ животнымъ и вообще къ внѣшнему міру. Различныя проявленія борьбы за существованіе, опыленіе растеній при помощи насѣкомыхъ и вѣтра, явленія паразитизма, симбіоза, гибридизма, способы перенесенія растеній—таково содержаніе этой занимательной главы. Мы можемъ пожелать самаго широкаго распространенія прекрасной книгѣ Вюильмена. Чтеніе ея можетъ доставить истинное наслажденіе всякому любителю природы. Популярное и живое изложеніе дѣлаетъ ее доступной для пониманія всякаго образованнаго читателя. 71 рисунокъ въ текстѣ, хотя и просты по исполненію, но достаточно хорошо поясняютъ прочитанное. Цѣну книги при такомъ количествѣ рисунковъ нельзя не признать очень умѣренной.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го іюля по 15-е августа 1897 года.

А. и Г. Ортлебъ. Физическіе опыты. Понятія о магнетизмѣ, электричествѣ, оптическихъ явленіяхъ, теплотѣ, механизмѣ, съ указаніемъ практическихъ опытовъ съ магнитомъ, электрофоромъ, лейденской банкой, калейдоскопомъ и др. Перев. съ нѣм. Изданіе К. И. Тихомирова. Москва. 1897. Ц. 30 коп.

И. Скворцовъ. Гигіена со включеніемъ анатоміи и физіологіи человѣческаго тѣла. Съ 80-ю рисунками. Харьковъ. 1897. Ц. 2 р. 50 к.

М. Мандрыка. Житейскій задачникъ для дѣтей. Сумы. 1896. Ц. 20 коп.

В. В. Петровъ. Вопросы народнаго образованія въ Московской губерніи. Москва. 1897. Ц. 75 коп.

П. Маевскій. Осенняя флора средней Россіи. Таблицы для опредѣленія растеній, цвѣтущихъ осенью. Москва. Изд. Сабашниковыхъ. 1897. Ц. 40 коп.

А. Р. Рождественскій. Въ безконечныхъ безднахъ вселенной. Астроном. сказка. Москва. 1897.

Марія Ределинъ. Книга о консервахъ, съ 13-ю рис. Изд. Маркса. Спб. 1897. Ц. 50 коп.

И. Н. Захарьинъ (Якунинъ). Для народа. Разсказы. Изд. Сойкина. Спб. 1897. Ц. 20 коп.

Юрій Кази-Бекъ. Современная Турція. Очерки и разсказы. Изд. Сойкина. Спб. 1897. Ц. 50 коп.

М. Бобрѣевъ. Систематическій курсъ ариѳметики. Либава. 1897. Ц. 50 к.

Сборникъ въ память Ал. С. Гацисскаго. Съ приложеніемъ портрета и списка сочиненій. Изд. Нижегородской ученой архивной коммиссіи. Н.-Новгородъ. 1897.

П. И. Умновъ. О чумѣ. Сызрань. 1897. Ц. 25 коп.

Грегоръ Фильброзе. Заиканіе, лепетаніе, шепелявость—ихъ лѣченіе. Изданіе Зихмана. Рига. 1897. Ц. 30 коп.

Auguste Collet. L'hygiène des yeux dans l'école et dans la maison paternelle. St.-Pétersb. 1897.

И. М. Радецкій. Темныя и больныя силы. Публичная рѣчь. Изд. II. Одесса. 1897. Ц. 10 коп.

П. Барышниковъ. Учебникъ русской грамматики. Часть II. Синтаксисъ. Изд. Тихомирова. Москва. 1897. Ц. 35 коп.

Правила и учебныя программы училища для приготовленія иностранныхъ корреспондентовъ. Москва. 1897. Ц. 40 к.

Матеріалы по статистикѣ Вятской губ. Т. X и XI.

Сельскохозяйственный обзоръ Вятской губ. за 1894, 1895 и 1896 гг.

Проектъ общихъ основаній оцѣнки усадебныхъ, пахотныхъ, сѣнокосныхъ и выгонныхъ земель по 10 уѣздамъ Вятской губ., за исключеніемъ Слободскаго.

Обзоръ погоды въ Вятской губерніи за 1893—1894 годъ. Сост. П. М. Сорокинъ.

Проектъ общихъ основаній оцѣнки недвижимыхъ имуществъ городовъ: Нолинска, Уржума, Малмыжа, Яранска, Сарапуля, Котельнича, Вятки, Глазова, Слободского, Орлова и Царевосанчурска.

Проектъ общихъ основаній оцѣнки торговыхъ и промышленныхъ заведеній, жилыхъ домовъ, сельскихъ построекъ и оброчныхъ статей уѣздовъ: Малмыжскаго, Елабужскаго, Слободского, Уржумскаго, Орловскаго, Глазовскаго, Сарапульскаго и Вятскаго.

Т. Осадчій. Образованные земледѣльцы

въ южной Руси. Общественно-экономическій этюдъ. Кіевъ. 1897. Ц. 40 к.

Т. Осадчій. Съѣзды сельскихъ хозяевъ во время Кіевской сельскохозяйственной промышленной выставки. Кіевъ. 1897. Ц. 15 к.

М. Ферворнъ. Общая физіологія. Основы ученія о жизни. Вып. I и II. Изд. Библіотеки для самообразованія. Съ 118-ю рис. Москва. 1897. Ц. 2 р.

Э. Порритъ. Современная Англія, права и обязанности гражданъ. Изд. Библіотеки для самообразованія. Москва. 1897. Ц. 1 р. 60 к.

В. Гёте. Фаустъ. Перев. Н. П. Маклецовой. Саратовъ. 1897. Ц. 1 р.

Отчетъ за 1896 г. Общества попеченія о начальн. образованіи въ г. Барнаулѣ. 1897.

Извѣстія Императ. русск. географич. Общества. Т. XXXII и XXXII. Спб. 1896 и 1897.

В. Кукъ. Практическій хозяинъ-птицеводъ или какъ сдѣлать птицеводство доходнымъ. Перев. Л. Колонтай. Изд. К. И. Тихомирова. Москва. 1897.

Записки науковаго товариства имени Шевченка. Изд. подъ ред. М. Грушевскаго. 1897.

Л. Ханъ-Аговъ. Очеркъ маслобойнаго производства. Съ 25 рис. Изд. К. Тихомирова. Москва. 1897. Ц. 15 коп.

К. Дмитріевъ. Объ удобреніи почвы известью. Изд. К. Тихомирова. Москва. 1897. Ц. 20 коп.

К. Дмитріевъ. Разведеніе кормовыхъ травъ на поляхъ. Изд. К. Тихомирова. Москва. 1897. Ц. 20 коп.

Туркестанъ. По дорогѣ къ Туркестану, завоеваніе Туркестана. Земледѣліе въ Туркестанѣ. Изд. К. Тихомирова. Москва. 1897. Ц. 15 коп.

К. Тумскій. Лѣсные промыслы. Добываніе живицы, сѣры, скипидара, канифоли и вара. Изд. Тихомирова. Москва. 1897. Ц. 15 коп.

Народы и промыслы Россіи. Для чтенія въ школахъ и дома. Изд. К. Тихомирова. Москва. 1897. Ц. 25 коп.

Э. А. Андресъ. Недостатки рѣчи и борьба противъ нихъ въ семьѣ и школѣ. Съ рисунками. Рекоменд. Главнымъ Управл. военно-учебн. завед. для пріобр. въ фунд. библ. военно-учебн. завед.

Статист. сборникъ по Яросл. губ. за 1897 г. Вып. I. Виды на урожай хлѣбовъ и травъ. Ярославль. 1897.

Первый годичн. отчетъ перв. Московск. Общества трезвости за 1897 г. Москва. 1897.

А. Генкель. Краткій очеркъ морфологіи и органографіи цвѣтковыхъ растеній. Текстъ къ 1-му вып. школьнаго ботанич. атласа. 14 таблицъ по морфологіи растеній.

Н. И. Борисовъ. Опытъ изученія конокрадства въ Херсонской губ. Изд. Херсонской губ. земск. управы. 1897.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Кто онъ?

По поводу переписки Ренана и Бертело. («Revue de Paris», juillet 1897).

I.

Въ былые годы среди русскихъ литературно-любительскихъ кружковъ большой популярностью пользовалось картинное выраженіе московскаго профессора Шевырева объ излюбленномъ предметѣ его ученыхъ занятій: «что въ морѣ купаться, что Данта читать».

Эта фраза въ теченіе многихъ лѣтъ поддерживала вообще извѣстность ученаго критика и впослѣдствіи для большой публики осталась едва ли не единственнымъ его наслѣдствомъ.

Фраза, дѣйствительно, очень эффектна и содержательна, но, какъ безпрестанно случается, эффектъ и на этотъ разъ купленъ цѣной истины.

Надо обладать исключительной способностью къ комфортабельному эстетическому самоуслажденію и неисчерпаемымъ запасомъ чисто россійскаго обывательскаго благодушія, чтобы надъ дантовской поэмой испытать ласкающія и нѣжащія ощущенія морского купанья.

Не для нихъ былъ созданъ флорентійскій аристократъ и итальянскій патріотъ!

Божественная комедія ничто иное, какъ длинный рядъ протоколовъ и приговоровъ суроваго, часто безпощаднаго суда. На каждой страницѣ предъ нами жесткое, непреклонное лицо, будто испитое и изборожденное страстями гнѣва и ненависти, — лицо, съ какимъ искони изображаютъ поэта на картинахъ и памятникахъ.

И много требуется читателю исторической сообразительности и любви къ чисто-художественной талантливости, чтобы подчасъ, въ свою очередь, не смутиться и не вознегодовать предъ казнями и наградами поэта!

Онъ одинаково жестокъ и къ кровожаднымъ преступленіямъ вырожденцевъ-кондотьеровъ, и къ юному, единственному за всю жизнь страстному увлеченію—Франчески, въ его аду уготованы тягчайшія муки и подлой своекорыстной измѣнѣ, и свободолюбивому идеализму—въ лицѣ Брута...

А сколько рядомъ съ этой инквизиціонной галлереей схоластической тьмы, замысловатыхъ иносказаній средневѣковой богословской науки и церковной морали! Какой «темный лѣсъ» тонкоразсчитанныхъ, мучительно-придуманныхъ загадокъ и аллегорій, гдѣ не можетъ быть и рѣчи о поэзіи и вдохновеніи!

Нѣтъ! Если дантовское произведеніе и напоминаетъ чѣмъ размѣренную музыку прибоя и мощно-волнующуюся даль спокойнаго моря,—только развѣ важнымъ, отчеканеннымъ *лапидарнымъ* стихомъ. Но это и есть рѣчь уголовнаго безапелляціоннаго трибунала!

И все-таки живописная фраза русскаго профессора не должна быть утрачена для потомства. Ея смыслу вполнѣ соотвѣтствуютъ талантъ и произведенія другого писателя, намъ современнаго,—не поэта и не политическаго дѣятеля, а ученаго историка, отчасти публициста, отчасти философа, но прежде всего писателя, пріятнаго во всѣхъ отношеніяхъ.

Мы говоримъ о Ренанѣ.

Читателямъ, конечно, извѣстна его чрезвычайно шумная дѣятельность на поприщѣ исторіи израильскаго народа и начатковъ христіанства. Эта дѣятельность, какъ выражался самъ Ренанъ, заставила его поссориться съ самой знатной дамой во всемъ мірѣ,—съ католической церковью.

Но, во-первыхъ, дама эта искони извѣстна своей исключительной сварливостью: въ человѣческой культурѣ она до послѣднихъ дней съ примѣрнымъ постоянствомъ играетъ роль шекспировской Катарины. А потомъ, у Ренана это была первая и послѣдняя ссора. Да и то въ высшей степени оригинальная.

Недоразумѣнія съ папскими догматами и преданіями не помѣшали блестящему автору въ теченіе всей жизни быть первымъ гостемъ въ правовѣрныхъ салонахъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья и побѣдоносно выдерживать конкурренцію съ самыми модными исповѣдниками въ сердцахъ современныхъ Арсиной.

Надо родиться съ такими талантами, чтобы въ нашъ вѣкъ самой пестрой идейной борьбы, напряженнѣйшихъ личныхъ и партійныхъ интересовъ, безконечной смѣны политическихъ и культурныхъ теченій—сохранить подобныя сочувствія одновременно съ великими успѣхами изслѣдователя-скептика и критика.

Мало этого.

Ренанъ у современной французской молодежи считается родоначальникомъ и учителемъ *идеализма.* На его имя опираются всѣ, кто желаетъ серьезно бороться съ тупымъ позитивизмомъ тэновской школы и деревяннымъ натурализмомъ золаическаго искусства.

Это онъ предостерегалъ легкомысленныхъ фанатиковъ «нравственной химіи» предъ *невѣдомымъ*, предъ вѣчно-неуловимымъ для какихъ угодно инструментовъ и вычисленій. Въ произведеніяхъ Ренана ищутъ вдохновеній и оправданій всѣ, кого постигло разочарованіе въ «положительной» наукѣ и кого томитъ жажда по таинственному свѣту чистой поэзіи и надземнаго идеала.

Развѣ это не удивительная судьба?

До сихъ поръ исторія учила и, кажется, вполнѣ основательно, что идеальные вожди непремѣнно люди рѣзкой принципіальной

окраски, безпокойной, отнюдь не двусмысленной энергіи, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, люди, окруженные врагами и завистниками, а еще чаще настоящіе страстотерпцы и часто жертвы своихъ слишкомъ отвѣтственныхъ преимуществъ надъ остальными смертными.

А здѣсь, идеалистъ и въ то же время воплощенная утѣха консервативнѣйшихъ элементовъ эгоистическаго общества, по самой природѣ враждебныхъ идеалу и прогрессу, за исключеніемъ развѣ «успѣховъ новѣйшей техники»!

Есть, очевидно, нѣчто своеобразное, особенное въ ренановскомъ идеализмѣ, и, слѣдовательно, въ новѣйшихъ представленіяхъ объ идеалѣ. Это нѣчто—капитальнѣйшая черта въ психологіи современнаго человѣка, претерпѣвшаго на Западѣ множество нравственныхъ и политическихъ разочарованій.

Въ сущности слѣдовало бы изобрѣсти совершенно другое слово для новаго настроенія и, если угодно, обозначить имъ цѣлую полосу европейской мысли. Теперь Ренанъ лично сошелъ со сцены и оставилъ богатое наслѣдство въ разнообразнѣйшихъ произведеніяхъ, отъ ученаго трактата до философской драмы. И было бы въ высшей степени поучительно воспользоваться этимъ наслѣдствомъ не съ научными или литературно-критическими цѣлями, а съ нравственными и психологическими.

Трудно и вообразить, какіе бы внушительные горизонты открылись изслѣдователю въ этой области одного изъ первостепенныхъ умовъ и разностороннѣйшихъ талантовъ нашего вѣка! Ренановская психологія представила бы фокусъ, объединяющій множество крупныхъ и мелкихъ духовныхъ явленій, порознь часто едва понятныхъ и противорѣчивыхъ въ глазахъ наблюдателя современной западной культуры.

Можно сказать, французской расѣ рѣдко удавалось производить столь сложные типы и столь глубокіе умы. Въ общемъ, по своему нравственному складу, она вполнѣ естественно могла подсказать самому нехитрому философу теорію о *преобладающей способности*, т. е. о возможности всю личность человѣка съ ея талантами и страстями свести къ одной какой-нибудь чертѣ. Это математическое упрощеніе человѣческой природы далеко не одинаково достижимо у всѣхъ націй, и французская, даже въ лицѣ своихъ даровитѣйшихъ представителей, самая благодарная для подобныхъ упражненій.

Именно она, путемъ историческаго развитія, до послѣдней степени упрощая свой языкъ и логическій процессъ мысли, заключая въ геометрическія фигуры даже художественное творчество, выработала и самый общій психологическій типъ интеллигентной личности

Въ нѣкоторыя эпохи этотъ типъ является будто моделью для подавляющаго большинства характеровъ и талантовъ, и французскій критикъ свободно можетъ разбить исторію отечественной цивилизаціи на рубрики въ родѣ слѣдующихъ: *La société classique*, *l'homme romantique*, *le type impressioniste*... Даже удручающе узкая, мертвенно формальная психологія Тэна можетъ оказаться

весьма умѣстной для характеристики какого-нибудь Расина или Ламартина.

Исключенія отнюдь не часты, и Ренанъ за весь девятнадцатый вѣкъ едва ли не самое интересное.

Если окинуть его крупнѣйшія идеи бѣглымъ взглядомъ, можно придти въ крайнее недоумѣніе. Такая смѣсь неразрѣшимыхъ, повидимому, противорѣчій, такія странныя, недопустимыя даже для самой уживчивой натуры усилія обнять необъятное, примирить предметы по существу враждебныя и удовлетворить всѣ партіи и сочувствія!

Новѣйшій англійскій авторъ, безъ дальнихъ оговорокъ и колебаній, призналъ «самопротиворѣчіе» «фатальнымъ» свойствомъ ренановскаго ума и во всѣхъ его произведеніяхъ увидѣлъ только «рядъ поворотовъ въ разныя стороны» *). Эффектнѣйшія доказательства онъ могъ указать въ капитальныхъ историко-критическихъ работахъ Ренана. И указанія неопровержимы.

Мы припомнимъ безъ всякаго выбора нѣсколько примѣровъ. Ихъ такое множество, что всякій, сколько-нибудь знакомый съ произведеніями Ренана, можетъ безъ затрудненій наши примѣры дополнить собственными.

Напримѣръ, самые жгучіе вопросы для современныхъ французовъ и вообще западноевропейцевъ разрѣшены Ренаномъ крайне своеобразно.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, большого шума надѣлали его драмы, особенно одна, посвященная великой политической задачѣ, сравнительной оцѣнкѣ демократическаго и аристократическаго общественнаго строя.

Демократія воплощалась у Ренана въ лицѣ Калибана-дикаря, исполненнаго злыхъ, разрушительныхъ инстинктовъ, лишеннаго всякой культуры и особенно художественныхъ инстинктовъ,—естественно было заключить о сочувствіи автора аристократіи и тонкому эстетическому міросозерцанію.

И такъ заключали всѣ читатели драмы, и заключеніе вполнѣ совпадало съ личными вкусами и личными связями Ренана, насколько они были извѣстны публикѣ.

Но въ сущности дѣло не рѣшается такъ просто съ нашимъ неуловимымъ публицистомъ.

Правда, демократія—Калибанъ, но присмотритесь къ противоположному лагерю, къ этому царству выспреннихъ искусствъ и утонченнѣйшихъ жизненныхъ радостей!

Здѣсь столько же духовной немощи и банальности, сколько тонкости вкуса и привередливости воображенія. Отсутствіе мысли полное. Кавалеры и дамы прямо заявляютъ, что у нихъ отъ всякой умственной работы разболѣвается голова. Церемоніймейстеръ и придворные музыканты—вся ихъ философія и школа, весь горизонтъ ихъ бытія.

---

*) John Mackinnon Robertson. Онъ называетъ Ренана непереводимымъ эпитетомъ *the divers-natured* Renan. «There was in his intelligence a fatality of self-contradiction which makes his whole product a series of tergiversations».

Имѣетъ ли послѣ этого оно какую-либо цѣну? И неужели Калибанъ непростительно преступенъ, устраняя со сцены этихъ тунеядцевъ-микроцефаловъ?

Очевидно, не требуется даже спеціально-адвокатской логики, чтобы на основаніи подлиннаго текста дать отнюдь не аристократическіе отвѣты.

Въ такомъ же духѣ произнесъ Ренанъ свой судъ и надъ великой революціей, даже не надъ ней собственно, а надъ терроромъ.

Кажется, у подобнаго философа не могло быть колебаній на счетъ робеспьеровскаго царства, а Ренанъ дѣйствительно сначала ясно и рѣшительно заявилъ: «Терроръ обезглавилъ Францію». Это значитъ—уничтожилъ все выдающееся по уму и характеру и наложилъ позорное клеймо безличія и нравственнаго тщедушія на послѣдніе годы восемнадцатаго вѣка и начало девятнадцатаго. Общество, слѣдовавшее за революціей, явилось обществомъ рабскимъ, потому что вся умственная аристократія исчезла.

Это вполнѣ справедливо. Бонапартъ и бонапартизмъ именно и расцвѣли на почвѣ полудикаго безличнаго плебса, выплывшаго на поверхности революціоннаго потока по своему ничтожеству.

Но Ренанъ быстро забываетъ и свою мысль, и исторію, и въ томъ же разсужденіи восторженно вспоминаетъ о необыкновенно оригинальныхъ и сильныхъ характерахъ, съ какими ему приходилось встрѣчаться въ молодости. Ничего подобнаго «въ наше время»! Ни такого достоинства и благородства, ни такой умственной культуры и независимости въ убѣжденіяхъ!

И между тѣмъ, раньше именно «наше время» ставилось на высоту сравнительно съ пореволюціонной эпохой, годами авторской молодости.

Естественно, англійскій писатель безусловно отрицаетъ у Ренана всякое представленіе о «соціальной наукѣ».

Ученый врядъ ли и заботился объ этомъ предметѣ. Трудно представить соціолога въ роли панегириста дамскихъ модъ. А именно Ренану дамы и обязаны блестящей рѣчью въ защиту костюмовъ, даже не съ эстетической, а съ культурной точки зрѣнія. Моды, по его мнѣнію, знаменуютъ своего рода философію исторіи и по нимъ можно судить о смыслѣ великихъ эпохъ и движеній.

Можно ли было даже бонапартисткамъ графинямъ негодовать на такого любезнаго философа, хотя бы и не угодившаго католической церкви!

И на Ренана ни у кого не поднимались руки.

Ему удалось разрѣшить два труднѣйшихъ вопроса человѣческаго общежитія—о дружбѣ и любви—къ своему полнѣйшему удовольствію. Сердце у философа, подобно его уму, не отличалось постоянствомъ и послѣдовательностью. Но женщины все забывали и прощали.

Бертело трогательно разсказываетъ, какъ двѣ женщины, столкнувшіяся на пути къ чувствамъ Ренана, помирились на одной общей цѣли: сдѣлать его *счастливымъ*. И по мѣрѣ силъ онѣ неуклонно выполняли свою задачу. Въ Парижѣ конца XIX-го вѣка

фактъ былъ и остался, вѣроятно, единственнымъ примѣромъ подобнаго ménage en trois.

Что касается дружбы даже у стоическихъ философовъ, усерднѣйшихъ апостоловъ этого чувства, намъ не приходилось встрѣчать такихъ проникновенныхъ страницъ, какія написаны Бертело въ честь друга—Ренана.

За всю продолжительную жизнь знаменитый естествоиспытатель не зналъ болѣе тѣсныхъ сердечныхъ связей, чѣмъ отношенія къ Ренану. Это высшее его утѣшеніе, и теперь, печатая письма друга, Бертело вспоминаетъ о своемъ знакомствѣ съ Ренаномъ, будто о первомъ юношескомъ романѣ...

Было, слѣдовательно, у человѣка нѣчто безусловно исключительное въ самой личности, если онъ могъ вызывать такія прочныя и по истинѣ трогательныя впечатлѣнія. И это нѣчто заставляло близкихъ людей забывать и объ идейныхъ противорѣчіяхъ, и объ эпикурейскихъ, какъ всегда, эгоистическихъ наклонностяхъ Ренана, и даже объ его поразительныхъ успѣхахъ въ литературѣ и въ свѣтѣ.

Послѣднее обстоятельство—самый опасный пробный камень для дружбы и, мы видимъ, блаженное теченіе ренановской жизни благополучно преодолѣло даже это испытаніе.

И намъ отъ начала до конца рисуется фигура несравненно болѣе олимпійски ясная и умиротворенная, чѣмъ, напримѣръ, образъ веймарскаго министра и тайнаго совѣтника Гёте.

Тамъ все-таки была *служба* и, по условіямъ времени и мѣста, прислуживаніе, придворный мундиръ, тѣмъ болѣе отвѣтственный и притязательный, чѣмъ мельче дворъ и микроскопичнѣе государь. И авторъ *Фауста* легко могъ подать поводъ даже простодушнымъ, но независимымъ нѣмецкимъ поэтамъ своего времени пышное слово *олимпійство* подмѣнить другими, гораздо менѣе почетными. И впослѣдствіи, именно эта подмѣна все чаще и чаще будетъ попадаться рядомъ съ именемъ поэта и въ наши дни одновременно прозвучитъ въ двухъ культурнѣйшихъ странахъ Европы,—въ собственномъ отечествѣ Гёте и въ Англіи,—подъ защитой авторитетнѣйшихъ именъ Доудена и Дюринга.

Можно ручаться, ничего подобнаго не случится съ именемъ Ренана. Кому онъ служилъ и кому угождалъ? Никто не можетъ предъявить правъ на его исключительную благосклонность и тѣмъ менѣе угодливость.

Напротивъ, онъ, будто источникъ свѣта и теплоты, всѣхъ влекъ къ себѣ стихійной силой. Ему оставалось только благосклонно изливать блескъ своихъ талантовъ на восхищенную толпу и снисходительно принимать ея поклоненіе.

Ренанъ превосходно выполнялъ свою роль и, естественно, съ теченіемъ времени все больше и больше терялъ вкусъ къ «односторонности» и «рѣшительности» сужденій. Эти качества безусловно неудобны въ положеніи всеобщаго кумира, и Ренанъ будто замеръ съ невыразимо-благоволительной и въ то же время неуловимо-иронической улыбкой, вопрошавшей всякаго, слишкомъ «горячаго» искателя *одной* правды:

— Что есть истина?..

А когда допросы становились слишкомъ назойливы и вопли наивныхъ подражателей древняго мудреца, тосковавшаго о человѣкѣ, «неприлично» громки, современный мудрецъ мягко останавливалъ мятущуюся молодежь и, смакуя послѣобѣденный ликёръ, говорилъ кротко, но убѣжденно:

— Полноте! Можно жить и во времена упадка.

И мудреца слушали. Онъ учитель идеализма, до сихъ поръ твердятъ намъ... Развѣ не любопытный этотъ міръ и не единственная въ своемъ родѣ иллюзія духовнаго зрѣнія?

II.

Наступитъ время, историкъ-психологъ найдетъ настоящій плодъ въ личности и въ жизни Ренана. Мы заговорили объ этомъ сокровищѣ по случаю единичнаго факта, — появленія въ печати переписки Ренана съ Бертело.

Пока писемъ Ренана очень мало, но все, выходящее изъ-подъ такого талантливаго пера, всегда краснорѣчиво и содержательно, и вызываетъ у читателя подчасъ гораздо болѣе мыслей и выводовъ, чѣмъ иная книга. Кромѣ того, указанная выше оригинальная черта ренановской натуры, именно что такому своеобразному философу нужно было *родиться*, сообщаетъ почти одинаковое значеніе всѣмъ произведеніямъ Ренана, къ какой бы эпохѣ они ни принадлежали.

Сущность ренановской личности осталась неизмѣнной отъ ранней молодости до послѣднихъ лѣтъ. Житейскій опытъ только накоплялъ фактическія данныя, утверждавшія философа въ его естественной прирожденной позиціи.

Письма, лежащія предъ нами, возникли полвѣка тому назадъ, въ періодъ глубочайшаго потрясенія политической и общественной жизни Франціи. Ренанъ былъ очень молодъ, переживалъ всего третій десятокъ и былъ свидѣтелемъ, какъ его современники всѣхъ возрастовъ отдавались съ страстнымъ пыломъ политикѣ.

И страсти бушевали не только во Франціи.

Сорокъ восьмой годъ явился своего рода вулканическимъ годомъ, потрясшимъ всю Европу, и именно съ него Германія, исконная классическая страна отрѣшеннаго искусства и внѣземной философіи, должно считать эпоху своего рѣшительнаго пробужденія къ политической жизни. Это многаго стоило—вызвать къ жизни новую духовную стихію у цѣлаго народа, приводившаго еще такъ недавно своихъ патріотовъ въ отчаяніе филистерствомъ, прекраснодушіемъ и созерцательностью.

Очагомъ были Франція и Парижъ по преимуществу. И вотъ въ этомъ-то очагѣ и въ самый разгаръ движенія Ренанъ сохранилъ невозмутимую ясность духа и тѣ самыя чувства, какія вызвали поразительно единодушную оцѣнку у самыхъ разнообразныхъ судей. Солонъ присудилъ бы Ренана къ вѣчному изгнанію изъ отечества. Данте посадилъ бы въ адъ, подобный же приговоръ изрекъ бы голосъ христіанскаго *Откровенія*.

Ренанъ не чувствовалъ ни жара, ни холода въ то время, когда Франція и за ней вся Европа рѣшала вопросы первостепеннаго культурнаго и соціальнаго значенія.

Молодой ученый находился въ Римѣ.

«Вѣчный городъ» въ сороковые годы долженъ былъ произвести на него, приблизительно, то самое впечатлѣніе, какое когда-то произвелъ на Лютера. Папская власть и католическая іерархія находились во цвѣтѣ силъ. Ренанъ всюду встрѣчалъ осязательнѣйшіе признаки духовнаго могущества: папскіе гербы, бѣлыя знамена монаховъ съ видомъ повелителей и цѣлыя «стада священниковъ»...

Было отчего выйти изъ терпѣнія молодому человѣку, уже тогда совершенному скептику въ области католической церкви и религіи! И какія бы негодующія рѣчи должны были наполнить его письма къ другу подъ наплывомъ личныхъ впечатлѣній, если потомъ всю жизнь этотъ человѣкъ посвятитъ въ полномъ смыслѣ вольтеровской задачѣ!

Да, со всякимъ другимъ такъ и произошло бы. Припомнимъ, папскій Римъ искони проявлялъ изумительную способность вызывать самыя стремительныя враждебныя чувства даже у людей искренне вѣрующихъ и преданныхъ церкви. Могъ онъ, напримѣръ, того же Лютера въ нѣсколько дней изъ смиреннаго монаха превратить въ критика и реформатора!

Ничего подобнаго съ Ренаномъ.

Онъ глубоко возмущенъ и монахами, и аббатами, но здѣсь же, рядомъ съ невыносимо-тяжелымъ предметомъ, юный наблюдатель находитъ и нѣчто въ высшей степени усладительное. Онъ въ восторгѣ, его рѣчь попеременно становится то отрывкомъ эпической поэмы, то октавой лирическаго стихотворенія.

Ренанъ пишетъ:

«Повѣрите ли вы мнѣ, дорогой другъ, я совершенно измѣнился, я уже не французъ, я больше не критикую и не возмущаюсь, я даже не имѣю опредѣленнаго мнѣнія, я не знаю, чтó сказать о томъ, чтó вижу».

Это цѣлый переворотъ для такого спокойнаго характера, и произведенъ онъ изумительно-идеальными свойствами итальянскаго народа.

Свойства эти заключаются прежде всего въ религіозности римской черни, потомъ въ ея непреодолимой наклонности къ праздности, къ ничего недѣланью.

Раньше Ренану католическая религія казалась наборомъ грубыхъ суевѣрій, чувственной и мелочной; теперь онъ побѣжденъ. Онъ открылъ въ итальянской толпѣ, въ ея вѣрѣ и въ ея цивилизаціи «нѣчто несравненно высокое, поэтическое, идеальное». И итальянскій идеализмъ выше всякаго другого: онъ чуждъ всего отвлеченнаго, онъ преисполненъ образовъ, всегда пластиченъ и всегда стремится выразиться въ какой-либо видимой формѣ.

Обратите вниманіе: именно то, чтó приводило въ смущеніе и негодованіе германца XVI-го вѣка, будущаго основателя протестантизма,—отсутствіе чисто-духовнаго, строго-нравственнаго со-

держанія въ католичествѣ,—именно это и повергаетъ въ восторгъ Ренана. Чрезвычайная осязательность культа и религіознаго созерцанія, чувственная наглядность вѣры кажется ему несравненнымъ идеализмомъ.

И онъ дальше распространяетъ свою мысль на весь бытъ, на всю природу итальянца.

Сущность ея — бездѣятельность всяческая и практическая, и умственная. Итальянецъ только воспринимаетъ впечатлѣнія извнѣ, переживаетъ навѣянныя ими чувства, поддается внѣшнему теченію жизни, а самъ даже не думаетъ ни о чемъ, развѣ только мечтаетъ.

И это именно восхищаетъ нашего наблюдателя.

Итальянецъ предпочитаетъ сидѣть на порогѣ своей хижины, питаться нѣсколькими горстями маиса, чѣмъ взять на себя трудъ построить настоящій домъ и правильно обрабатывать землю.

«Что̀ сказать на это?—спрашиваетъ Ренанъ.—Это дѣло вкуса; итальянецъ самъ себѣ господинъ. За то этотъ народъ живетъ гораздо больше въ области идеала, его мечты—прекрасны, эти полуварварскія головы обличаютъ мощь и идеализмъ».

Выше, конечно, трудно превознести пресловутое *dolce far niente*, и цѣлый конгрессъ неаполитанскихъ лаццарони не придумалъ бы болѣе краснорѣчивой самозащиты.

Но Ренанъ идетъ дальше. Онъ желаетъ возвести въ высшій законъ міроваго счастья и прогресса итальянскую мечтательность. Онъ приглашаетъ человѣчество отречься отъ дѣятельности, отъ мысли, отъ критики, открыть душу сладкимъ впечатлѣніямъ, это и будетъ значить—вести благородную жизнь и «молиться въ духѣ».

Приглашеніе высказывается ради одного изъ великолѣпныхъ римскихъ пейзажей и буквально совпадаетъ съ еще болѣе краснорѣчивыми проповѣдями Руссо. Мы опять можемъ повторить извѣстную остроту о «богѣ хорошей погоды» и невольно подивиться устойчивости во французской натурѣ идиллическаго сентиментализма и ни къ чему не ведущаго прекраснодушнаго декламаторства.

Но не въ этомъ дѣло.

Ренанъ говоритъ вполнѣ серьезно, восторгъ его неподдѣленъ, и авторъ до глубины души былъ бы оскорбленъ комическимъ впечатлѣніемъ. Мы и не думаемъ смѣяться. Напротивъ. Независимо отъ важности настроеній такого писателя, какъ Ренанъ, нашъ интересъ долженъ быть въ высшей степени возбужденъ большой популярностью и, если угодно, *естественностью* только-что изложенныхъ впечатлѣній.

Конечно, кто, подобно Лютеру или Ламеннэ, явится въ Римъ спасать душу или искать истины, тотъ не перечувствуетъ ничего подобнаго, и «образы» и «мечты» итальянскаго народа вызовутъ въ душѣ такого наблюдателя совершенно другіе отголоски, какіе именно—впослѣдствіи намъ намекнетъ самъ Ренанъ.

Но кого Римъ интересуетъ независимо отъ религіи и нравственности, тотъ можетъ вполнѣ поддаться рекомендуемому Ренаномъ блаженному состоянію.

И кому неизвѣстно, до какой степени считаются обязательными восторги предъ римскимъ прошлымъ и настоящимъ. Тамъ все грандіозно, почти сверхъестественно, здѣсь несказанно прекрасно, оригинально, исполнено жизни...

Больше—особой способности легко и дѣтски-непосредственно отдаваться *процессу* жизни, способности, повидимому, безповоротно утраченной другими европейскими народами.

Откуда она у итальянцевъ? Вѣдь это—неоцѣненный духовный капиталъ. Съ нимъ не страшны никакія испытанія—будничныя и историческія, все-равно, какъ для плодоносной почвы не страшны никакія бури: на мѣсто цвѣтовъ, уничтоженныхъ сегодня, еще пышнѣе расцвѣтутъ завтра.

И такова именно исторія Италіи.

Ни одна страна не перенесла столько нашествій и разрушеній, не видѣла такой головокружительной смѣны народовъ и царствъ, не поила своей кровью столько тирановъ и деспотовъ, и все-таки она тридцатимилліонная держава. И эти тридцать милліоновъ попрежнему производятъ въ изобиліи всякаго рода художественные таланты, этихъ призванныхъ носителей радости жить.

Откуда такая жизненность? Какую роль играло здѣсь католичество? Вопросъ именно для Италіи самый любопытный. Она—центръ католической церкви и въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ столица папской монархіи. Итальянцы дали подавляющее большинство папъ и они же должны были являться въ авангардѣ первосвященнической арміи.

Естественно предполагать, католическій престолъ оказалъ могущественное воспитательное вліяніе на итальянскую расу, и именно ему, какъ религіи и морали, простой народъ въ особенности долженъ быть обязанъ своимъ нравственнымъ достояніемъ и основнымъ тономъ своей житейской практики.

Ренанъ и видитъ въ итальянскомъ характерѣ господствующую ноту—религіозныя чувства, наивныя, суевѣрныя, но непосредственныя и для нашего философа трогательныя.

Онъ всюду встрѣчалъ изображенія Мадонны, видѣлъ церкви, переполненныя женщинами, наблюдалъ, какъ онѣ молятся безъ словъ и молитвъ, а просто погружаются въ потокъ сладостныхъ ощущеній, куда-то, къ чему-то безсознательно и пассивно стремятся...

Такова религія римлянъ, и Ренанъ открываетъ въ ней источникъ «несравненнаго идеализма».

Какъ легко послѣ этого достигается въ нашемъ бѣдномъ мірѣ идеальное и божественное?

Но правъ ли молодой философъ? Вопросъ касается не только *исторической Италіи*, но и настоящей. Разрѣшеніе его броситъ нелицепріятный свѣтъ на психологію и судьбу одной изъ талантливѣйшихъ націй культурнаго міра. И мы должны, помимо ренановскихъ указаній, искать этого свѣта: иначе философъ заведетъ насъ, по своему обыкновенію, въ безвыходный лѣсъ противорѣчій и загадокъ.

III.

Да, мы подвергаемся жестокому испытанію... Не знай мы изъ множества другихъ источниковъ несомнѣннаго великаго ума Ренана и его критической проницательности, мы бы подумали, предъ нами легкомысленный питомецъ какой-нибудь католической семинаріи, только что выпущенный на свободу и попавшій въ бѣду.

Бѣда пришла даже не отъ какого-либо врага, а отъ того же Бертело. Очевидно, корреспондентъ юнаго ученаго устроилъ нѣкоторый холодный душъ, прочитавъ восторги своего друга. Мы не знаемъ, какой именно: Бертело, къ сожалѣнію, не напечаталъ своихъ отвѣтовъ на письма Ренана, но душъ, безъ сомнѣнія, очень чувствительный.

Послѣ него начинается рѣшительное отступленіе, и Ренанъ въ сущности уничтожаетъ всѣ свои прежніе отзывы о Римѣ. Уничтожаетъ чрезвычайно характерно.

Бертело, повидимому, указалъ ему на опрометчивость его восторговъ предъ поэтической матеріальностью итальянцевъ и ихъ пристрастіемъ къ чувственнымъ образамъ. Ренанъ отвѣчаетъ:

«Я думаю такъ же какъ и вы, что Италію убиваетъ ея исключительная наклонность ко всему артистическому и поэтическому».

Дальше, оказывается, и религіозность итальянцевъ ничто иное, какъ особая форма чувственнаго наслажденія. И она останется навсегда, какъ бы ни мѣнялись идеи и культура итальянскаго народа. Его религія нѣчто художественное, чувственное, пріятное (voluptueux), изнѣженное, т. е. съ одной стороны—искусство и поэзія, съ другой—суевѣріе и легковѣріе.

Еще дальше—совершенно уничтожающій приговоръ всей итальянской нравственной природѣ.

Ей недостаетъ болѣе всего серьезности. И послѣ того, какъ мы только что слышали о несравненномъ идеализмѣ и даже мощи итальянскихъ грезъ, теперь все итальянское искусство кажется Ренану крайне поверхностнымъ и даже бездушнымъ.

Это—замѣчательное признаніе и особенно въ устахъ такого прирожденнаго эпикурейца и эстетика.

«Итальянская поэзія, — говоритъ Ренанъ, — очаровательна своимъ колоритомъ, свѣжестью, но она лишена глубины, она—антиподъ германскому генію. Здѣсь—душа, идеализмъ, тамъ—внѣшность, форма, чувство. Итальянская опера—нѣчто восхитительное; потокъ ея гармоніи приводитъ въ упоеніе даже менѣе всего чувствительныя натуры. Но у итальянцевъ нѣтъ ни одной оперы серьезной, глубокой, «граничащей съ безконечностью». Слушая итальянскую музыку—«плачешь, смѣясь и плача—смѣешься».

Ренанъ приводитъ въ примѣръ поэтовъ и трогательнѣйшія произведенія итальянскаго религіознаго искусства и всюду находитъ отсутствіе серьезности, одинаково въ сонетахъ Петрарки и даже въ храмахъ, гдѣ чувствуется съ перваго раза невольное желаніе пасть на колѣни.

Все это обличаетъ «дурной вкусъ»!—таково заключеніе. И

знаете, почему? Какъ разъ по той самой причинѣ, какая при первыхъ римскихъ впечатлѣніяхъ автора повергала его въ сладчайшую созерцательность и «умную молитву».

«Все что народно, все дурного вкуса»—tout ce qu'est populaire est de mauvais goût!

Вы едва вѣрите своимъ глазамъ, читая все это въ признаніяхъ одного и того же автора и въ самый короткій промежутокъ времени. Можно ли послѣ этого ждать отъ подобнаго писателя не только убѣжденій, а просто логики и извѣстнаго *писательскаго* достоинства, не допустимаго при такихъ идейныхъ контрдансахъ?

И между тѣмъ, Ренанъ по существу не противорѣчилъ ни себѣ, ни фактамъ. Онъ только обнаружилъ ту самую способность, какая его восхитила у итальянцевъ—«все получать извнѣ и поддаваться тысячѣ впечатлѣній». *Mille impressions!*—вотъ точное выраженіе ренановской философіи и личности. А это, въ свою очередь, значитъ, не дѣлать усилій ни для воздѣйствій на внѣшній міръ, ни для точнаго опредѣленія собственной личности. Что подскажетъ минута, то и будетъ истиной до слѣдующаго впечатлѣнія!

Нашъ выводъ можетъ показаться неожиданнымъ: вѣдь дѣло идетъ о первостепенномъ *ученомъ* нашего времени и о несомнѣнно-сильномъ философскомъ умѣ! Но подождемъ немного: самъ Ренанъ подтвердитъ наше заключеніе и притомъ съ откровенностью, отнюдь не менѣе рѣшительной, чѣмъ его двѣ совершенно противоположныя характеристики итальянскаго народа.

Слѣдуй Ренанъ дѣйствительно наукѣ и мысли, онъ никогда бы не могъ впасть въ противорѣчіе, придти въ восторгъ отъ католической религіозности итальянцевъ, чтобы потомъ ихъ народный геній объявить «дурнымъ вкусомъ».

Въ самомъ дѣлѣ, всякому, сколько-нибудь вникавшему въ исторію Италіи и въ настроенія народныхъ массъ, должна непремѣнно броситься въ глаза одна изумительная черта: католичество, какъ церковь и какъ политическая сила, менѣе всего уважалось въ Италіи. И это отношеніе къ великой міровой власти едва ли не единственный пунктъ единодушія итальянской аристократіи и итальянской черни. И въ то же время мы понимаемъ, почему на почвѣ Италіи при такихъ условіяхъ не совершилось ничего подобнаго германской реформаціи.

Да просто потому, что реформація—взрывъ искренняго глубокаго религіознаго чувства, можно сказать, нравственное негодованіе дѣвственно неиспорченной и непосредственно довѣрчивой души. Только сильная любовь и могучая вѣра способны перейти въ жестокую ненависть и безпощадное отрицаніе. Только Лютеръ, летѣвшій въ Римъ съ пламенной жаждой тоскующаго сердца, могъ почувствовать смертельную будто личную обиду, увидѣвъ мерзость запустѣнія на святомъ мѣстѣ. Для тѣхъ, кто цѣлые вѣка стоялъ у этого мѣста, кто постепенно, поколѣніе за поколѣніемъ, привыкъ видѣть Римъ во всей его реальной правдѣ, для тѣхъ подобное страстное возмущеніе было совершенно непонятно и даже забавно.

На великомъ историческомъ театрѣ разыгралась въ сущности та самая сцена, о какой разсказываютъ современники Людовика XV.

При дворѣ этого государя оказался провинціальный дворянинъ, новичокъ въ столичныхъ нравахъ и понятіяхъ. Съ нимъ случилась непріятность, считавшаяся правиломъ хорошаго тона среди настоящихъ джентльмэновъ,—ему измѣнила жена.

Бѣднякъ потерялъ голову отъ стыда и отчаянія.

— Успокойтесь! — утѣшалъ его самъ король. — Дѣло — совершенные пустяки, о немъ не стоитъ и толковать.

Съ такой же, приблизительно, рѣчью могъ обратиться къ Лютеру любой итальянецъ, когда наивный нѣмецъ возмущался чрезвычайной быстротой и небрежностью римскихъ церковныхъ службъ, скандальной свободой нравовъ папской куріи.

Но, все равно, какъ успокоительныя слова Людовика XV отнюдь не свидѣтельствовали о бóльшемъ уваженіи къ достоинству женщины, чѣмъ негодованіе мужа, совершенно напротивъ, такъ и снисходительность итальянцевъ къ попамъ и ихъ сподвижникамъ менѣе всего доказывала любовь и почтеніе къ католической церкви. Терпимость въ данномъ случаѣ истекала изъ полнаго равнодушія и презрѣнія.

Именно отраженіе этихъ чувствъ мы видимъ и въ итальянской исторіи и въ народной итальянской поэзіи.

Нѣтъ рѣшительно ни одного свѣтскаго государства Италіи, гдѣ бы нельзя было встрѣтить, еще въ самыя отдаленныя времена, признаковъ полнаго нравственнаго банкротства папства.

И фактъ вполнѣ естественный.

Папы, пренебрегши «царствомъ не отъ міра сего» и сосредоточивши всѣ свои попеченія на матеріальномъ могуществѣ, этимъ самымъ утратили священный ореолъ и по необходимости, въ практикѣ и въ ученіи, снизошли на степень свѣтскихъ властителей. А это значило—кровавыя войны, вѣроломная политика, хищничество и насилія всякаго рода.

Папы купили себѣ тройную корону страшной цѣной, подготовившей постепенно униженіе и полный разгромъ ихъ власти. Нельзя было безнаказанно крестъ промѣнять на мечъ и слова евангельскаго мира и любви заглушить воинственнымъ, часто клятвопреступнымъ кличемъ.

Въ результатѣ, государи и республики Италіи привыкли видѣть въ лицѣ главы католической церкви просто политическаго противника, владѣющаго только лишнимъ оружіемъ—духовнымъ авторитетомъ. А народъ цѣлыми вѣками, вмѣсто нравственнаго руководительства, терпѣлъ разрушенія городовъ и странъ, сопровождаемыя проклятіями и отлученіями отнюдь не во имя христіанскихъ добродѣтелей и царства небеснаго.

Можетъ ли быть рѣчь о религіозномъ воспитаніи при такихъ условіяхъ? И католичество вовсе *не воспитывало* своихъ послѣдователей, оно вплоть до конца дней даже не интересовалось народомъ, какъ предметомъ воспитанія. Только возникновеніе итальянскаго королевства заставило католическую церковь приблизиться къ народу и въ лицѣ знаменитѣйшаго современнаго агитатора-прелата, кардинала Маннинга заявить:

«До сихъ поръ міръ управлялся династіями. Впредь св. пре-

столъ долженъ имѣть дѣло съ народомъ и съ епископами въ тѣсныхъ, ежедневныхъ и личныхъ отношеніяхъ».

И этотъ призывъ неуклонно выполняется современнымъ католичествомъ. Оно «пошло въ народъ», по выраженію гр. Мэна, вождя французскихъ клерикаловъ. Вплоть до конца XIX-го вѣка міръ долженъ былъ ожидать этого поворота. И поворотъ явился подъ давленіемъ все той же политики, отнюдь не народническихъ любовныхъ чувствъ церкви. «Это—*задача* грядущаго вѣка», заявилъ тотъ же гр. Мэнъ; «потерять вліяніе на народъ, значитъ утратить все будущее», одновременно убѣждалъ папу американскій прелатъ.

Однимъ словомъ, со всѣхъ сторонъ поднялись демократическія волны и исконная аристократка, католическая церковь, въ лицѣ Льва XIII издала, наконецъ, своего рода соціалистическій манифестъ, знаменитую энциклику *Rerum novarum*...

Здѣсь подробно обсуждаются вопросы о рабочемъ днѣ, о трудѣ малолѣтнихъ и женщинъ, о заработной платѣ, о рабочихъ союзахъ, о вмѣшательствѣ государства въ отношенія хозяевъ и рабочихъ,—все, что только стоитъ въ программѣ самыхъ передовыхъ западныхъ политиковъ.

Такъ быстро умѣетъ папство научаться полезнымъ вещамъ отъ ненавистнаго прогресса! Все равно, какъ реформація въ свое время много способствовала нравственному очищенію католическаго клира, такъ современная общественная мысль демократизировала даже непогрѣшимаго намѣстника Петра.

Но это фактъ *нашего* поколѣнія: энциклика, создавшая эпоху, по мнѣнію католиковъ, возникла только 15 мая 1891 года. А до этого великаго дня?

Папство не знало и не хотѣло знать народа вообще, и итальянскаго въ частности. Доказательствъ сколько угодно.

Всѣмъ, напримѣръ, извѣстно, какое обиліе праздниковъ у итальянцевъ. Такъ велось съ давнихъ поръ и существуетъ не мало спеціальныхъ ученыхъ работъ, посвященныхъ исторіи разныхъ торжествъ въ разныхъ городахъ Италіи.

Исторія любопытная, и прежде всего именно тѣмъ, что доказываетъ отчужденность простого народа отъ оффиціальныхъ представителей его религіи.

Возьмемъ Венецію, особенно славную роскошью и великолѣпіемъ своихъ праздниковъ.

Оказывается, большинство ихъ не имѣетъ ничего общаго съ церковью. Въ основѣ ихъ лежитъ какое-нибудь политическое событіе, внѣшнее или внутреннее, и если въ празднествѣ принимаетъ участіе духовенство, то исключительно какъ декоративный или патріотическій хоръ. Но въ старину бывали праздники, прямо оскорбительные для папства и высшаго духовенства. Государство и народъ праздновали то или другое пораженіе сосѣдняго прелата или самого папы, причемъ народное остроуміе изощрялось въ самыхъ обидныхъ иллюстраціяхъ событія, поднимало на смѣхъ побѣжденнаго, нисколько не церемонясь съ его священнымъ саномъ.

Отсюда изобиліе пѣсенныхъ мотивовъ, направленныхъ на выс-

шее духовенство. И что особенно характерно, эти мотивы становятся все откровеннѣе и безпощаднѣе, чѣмъ дальше вы углубляетесь къ югу Италіи, т. е. чѣмъ болѣе демократическая и суевѣрная толпа начинаетъ давать тонъ.

Въ Неаполѣ, напримѣръ, не проходитъ воскреснаго дня безъ религіознаго торжества, и какого! Внѣ Италіи ни о чемъ подобномъ нельзя составить даже самаго отдаленнаго представленія. Бѣднѣйшіе кварталы разоряются на иллюминацію, на украшенія цѣлыхъ улицъ цвѣтами и лентами, и особенно на ракеты и петарды. Всю ночь стоитъ настоящій адъ отъ грома выстрѣловъ, шума безчисленной толпы, разнузданнѣйшей музыки. И такъ круглый годъ!

Вы думаете, это торжествуетъ церковь?

Ничуть не бывало! Торжествуетъ прежде всего южная страсть къ зрѣлищамъ, южный темпераментъ и чисто-неаполитанскій азартъ къ грохоту и крику.

А что касается церкви, никто лучше неаполитанца не разскажетъ вамъ знаменитой исторіи о капуцинѣ и дѣвицѣ, о чудесахъ св. Сано, замѣчательнаго комическими неудачами своего чудотворческаго таланта, не посмѣется надъ папскими ключами и индульгенціями и не кропаетъ остроумнѣйшихъ куплетовъ, гдѣ молодецъ сравниваетъ счастье прослушать мессу или повидаться съ дѣвицей, и отдаетъ преимущество дѣвицѣ.

Все это сравнительно скромно.

На самомъ югѣ Италіи и въ Сициліи уже полное извращеніе религіозныхъ представленій. Здѣсь будто и не слыхали о догматахъ и церкви. Народная поэзія—неисчерпаемая сокровищница ересей, а народная жизнь поражаетъ первобытностью воззрѣній и культа.

Существуетъ, напримѣръ, обычай канонизировать казненныхъ преступниковъ и призывать ихъ въ молитвахъ. Эти святые такъ и именуются *corpi decollati*, *обезглавленныя тѣла*, и сициліанецъ ихъ да еще самоубійцъ считаетъ своими естественными помощниками въ предпріятіяхъ вендеты или просто разбоя. Къ нимъ же обращается съ молитвой и дѣвушка, покинутая милымъ. Нѣкоторые святые этого типа, напримѣръ Francesco Frusteri, казненный за убійство матери, пользуются исключительнымъ почетомъ. О чудесахъ этого Франческо существуютъ даже легенды.

Вотъ религія самыхъ религіозныхъ итальянцевъ!

Она, очевидно, развилась вѣками и въ сторонѣ отъ католичества.

Человѣкъ изъ итальянскаго народа по части религіи былъ и остался естественнымъ человѣкомъ. Онъ, правда, украшаетъ свои жилища священными изображеніями, но онъ вѣритъ, что св. Розалія существовала раньше св. Троицы, что Мадонна очень высоко цѣнитъ, если онъ утромъ поклонится ей раньше, чѣмъ сосѣдямъ, и что съ св. Николаемъ можно вести формальный торгъ по поводу его милостей и жертвъ за нихъ.

Всѣ эти факты важны не только сами по себѣ, но и по своимъ великимъ историческимъ результатамъ.

Въ настоящее время папство ведетъ ожесточенную войну съ

итальянскимъ королевствомъ. Папа не только издаетъ демагогическіе манифесты, но лично является въ роли демагога, принимаетъ рабочихъ-пилигриммовъ, говоритъ имъ рѣчи, увѣряетъ, что «домъ папы—ихъ домъ», и что онъ желаетъ называться «папой рабочихъ»... Такія рѣчи звучатъ подъ сводами св. Петра! Дальше, католическое духовенство усиливается покрыть страну своими школами, обильно снабжая ихъ наградами, дѣлая ихъ доступными бѣднякамъ. Наконецъ, въ деревняхъ появляются вспомогательныя католическія кассы, общества мелкихъ сельскихъ хозяевъ, подъ руководствомъ патеровъ. Рядомъ идетъ періодическая печать, призванная къ жизни и усердно покровительствуемая тѣмъ же Львомъ XIII...

Однимъ словомъ, церковь усердно и очень искусно пользуется всѣми средствами соціальной агитаціи.

Но вдумайтесь въ этотъ фактъ.

Прежде всего самая необходимость прибѣгать къ этимъ средствамъ, цѣликомъ заимствовать ихъ у своихъ враговъ, и это послѣ вѣкового политическаго и духовнаго господства надъ итальянскимъ народомъ, развѣ это не краснорѣчивое свидѣтельство безплодности этой власти?

Развѣ могъ бы возникнуть такъ называемый «римскій вопросъ», т. е. ватиканское плѣненіе папы и совершенный разгромъ папскаго свѣтскаго могущества въ самомъ его центрѣ, если бы церковь съумѣла стяжать себѣ друзей и защитниковъ?

Очевидно, савойская династія нашла или равнодушныхъ, или прямо враждебныхъ къ участи св. престола, и нашла именно среди народа, толпы, гдѣ, повидимому, церковныя вліянія должны бы оставить наиболѣе глубокіе слѣды.

Но этого мало.

Предъ нами самыя послѣднія свѣдѣнія о результатахъ католическаго хожденія въ народъ. Большинство фактовъ засвидѣтельствованы католическими источниками, и выводы оказываются въ высшей степени прискорбны.

Прежде всего школы за послѣднее время даютъ все болѣе и болѣе внушительные дефициты. Администрація уничтожила обычныя ежегодныя награды, чтобы достигнуть сбереженія въ 12.000 лиръ! Но и это не помогло. Дефицитъ не исчезъ.

Тогда папа назначилъ спеціальную коммиссію. Она послѣ многолѣтнихъ трудовъ и опытовъ не изобрѣла ничего болѣе остроумнаго, какъ просить субсидіи изъ «лепты св. Петра». Это произошло нынѣшнимъ лѣтомъ, и отвѣтъ получился слѣдующій.

— Я ничего не могу дать,—говорилъ папа.—Лепта св. Петра со дня на день уменьшается. Если не можете продолжать, распустите учителей и учительницъ и закройте школы.

Это было бы самоубійствомъ католической пропаганды. Коммиссія, въ составъ которой входятъ почти всѣ важнѣйшіе представители чернаго духовенства, рѣшила на собственныя средства и на новыя урѣзки и сбереженія поддержать дѣло.

А между тѣмъ вопросъ о *L'obolo di S. Pietro* принимаетъ все болѣе жгучій характеръ. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ католи-

ческіе органы печати, съ римской *Voce della verità* во главѣ, усердно обсуждаютъ новые способы увеличить дань католическаго міра папскому престолу.

Нѣкоторыя статьи прямо трогательны своей наивностью и безпомощностью логики и правовѣрныхъ чувствъ. *Голосъ истины* принужденъ доказывать, что для папы не унизительно жить приношеніями вѣрующихъ, что эти приношенія необходимы въ виду многообразныхъ потребностей церкви, что слѣдуетъ учредить по церквамъ особые сборы спеціально въ пользу папы...

Врядъ ли подобныя разсужденія возвышаютъ престижъ папскаго престола, тѣмъ болѣе, что, по словамъ газетъ, папа ведетъ такія же рѣчи и на своихъ частныхъ аудіенціяхъ съ прелатами и представителями католической аристократіи.

Наконецъ, пропаганда путемъ сельскихъ обществъ и кассъ, повидимому, обращается противъ самихъ иниціаторовъ. Предъ нами въ высшей степени обстоятельная книга проф. Гверчи (Guerci) *Instituzione agrarie della provincia di Parma.* Она касается только одной мѣстности Италіи, но именно той, гдѣ католическая пропаганда вызвала со стороны ученыхъ и свѣтскихъ политическихъ агитаторовъ учрежденіе сельскихъ кассъ взаимопомощи. Результаты получились быстрые и менѣе всего благопріятные «черной партіи».

Нѣкоторые профессора, въ числѣ ихъ Гверчи, организовали публичныя лекціи въ деревняхъ по предметамъ, касающимся исключительно крестьянской жизни, сельскихъ работъ, культуры всевозможныхъ продуктовъ. Одновременно съ странствующими аудиторіями были учреждены библіотеки, кассы, бюро земледѣльческихъ консультацій.

И въ теченіе двухъ лѣтъ цѣлый край Эмилія (Парма, Модена, Болонья) былъ окончательно вырванъ изъ рукъ патеровъ. Мало этого. Именно онъ сталъ посылать въ парламентъ ожесточеннѣйшихъ враговъ католической агитаціи—соціалистовъ. Изъ шестнадцати депутатовъ этой партіи въ дѣйствующемъ парламентѣ шесть принадлежатъ Эмиліи.

Такую воспріимчивую почву находятъ противники папства даже въ сельскомъ населеніи.

Не доказываетъ ли это, что католическая церковь была и осталась внѣшней нравственной и общественной силой для итальянскаго народа? И религіозность его, въ какой бы формѣ она ни проявлялась, менѣе всего доказываетъ его преданность оффиціальной церкви. Только этимъ фактомъ можно объяснить современную судьбу папства и положеніе католическаго духовенства въ Италіи.

Что̀ же послѣ этого остается отъ восторговъ Ренана, отъ его стремительныхъ заявленій, будто итальянскій народъ такъ же религіозенъ, какъ арабы, будто даже религія его самый жизненный интересъ, настоятельнѣйшая потребность его природы?..

Можно ли додуматься до чего-либо, болѣе противорѣчащаго дѣйствительности? И намъ легко указать источникъ заблужденія.

Въ тѣхъ же письмахъ Ренанъ всѣми силами открещивается отъ всякаго опредѣленнаго мнѣнія въ области политики. Онъ не до-

пускаетъ мысли, чтобы можно было принадлежать къ какой бы то ни было политической партіи: это значило бы отказаться отъ критической точки зрѣнія, обнаружить «большую долю простоты». Всякій догматическій человѣкъ въ глазахъ Ренана—пентюхъ (lourdaud), деревенскій простофиля и фанатикъ. Развѣ существуетъ что-либо въ человѣческой жизни, что̀ бы стоило близко принимать къ сердцу? Рѣшительно ничего.

Есть, впрочемъ, кое-что: это впечатлѣнія—пріятныя, убаюкивающія, ласкающія. Вотъ они и пусть будутъ цѣлью нашей жизни, а все прочее... Развѣ истина доступна человѣку и что̀ такое истина?

Замѣтьте, такъ разсуждаетъ очень молодой человѣкъ, въ сущности только начинающій жить, и такимъ онъ останется до конца. Мы сейчасъ видѣли, къ какимъ недоразумѣніямъ влечетъ столь усладительная философія, до какой степени извращается дѣйствительность въ глазахъ, затуманенныхъ эстетическими впечатлѣніями и эпикурейской созерцательностью. Ренанъ во всемъ Римѣ рѣшительно ничего не увидѣлъ, кромѣ вздыхающихъ женщинъ и изображеній мадоннъ. Душа, жизнь, исторія итальянскаго народа не вошли въ кругъ его впечатлѣній, и онъ покинулъ Римъ, едва только успѣвъ—и то подъ чужимъ внушеніемъ—бросить камнемъ въ «дурной вкусъ». И опять какъ бросить? Безотчетно, бездоказательно, въ прямое самопротиворѣчіе,—все подъ наитіемъ впечатлѣнія и мимолетнаго настроенія.

И изъ этой ячейки развился великій мыслитель и ученый, даже учитель идеализма нашего времени... Кто же онъ въ дѣйствительности?

Намъ придется вернуться къ этому вопросу по поводу той же переписки. Она обѣщаетъ быть едва ли не самымъ поучительнымъ явленіемъ культурной мысли и вообще французской литературы за послѣдніе четверть вѣка.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Portraits et Souvenirs» par Gabriel Monod. (Портреты и воспоминанія). Въ книгѣ заключаются слѣдущіе очерки: Викторъ Гюго, Мишле, Фюстель де-Куланжъ, Викторъ Дюрюи, Джемсъ Дармштетеръ, Байретъ въ 1876 г., Юбилей Нибелунговъ, Мистеріи въ Обераммергау. Авторъ зналъ лично многихъ изъ тѣхъ, чей портретъ онъ желалъ изобразить въ своихъ очеркахъ и воспоминанія его объ этихъ личностяхъ представляютъ несомнѣнный интересъ. Не лишено также животрепещущаго интереса описаніе знаменитыхъ мистерій въ Обераммергау. (Revue de Paris).

«The History of the United States of America and its Institutions» by Charles Morris, author of «An Elementary History of the United States», «Half-Hours with American History», «Civilization» etc. (Lippincott C°). (Исторія Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и ихъ учрежденій). Авторъ этого руководства къ изученію исторіи Соединенныхъ Штатовъ уклоняется отъ избитой дороги, считающейся обязательной для всѣхъ составителей подобныхъ книгъ, и пытается найти новые пути. Его книга отличается оригинальностью взглядовъ и мастерскимъ изложеніемъ предмета. (The Citizen).

«American History as told by Contemporaries» by Albert Bushnell, Harvard University (Macmillian and C°). (Исторія Америки въ разсказахъ современниковъ). Рядъ изданій, заимствованныхъ изъ первоначальныхъ источниковъ американской исторіи и заключающихъ въ себѣ подлинныя описанія и разсказы людей, бывшихъ свидѣтелями тѣхъ или иныхъ историческихъ событій. Вышелъ изъ печати первый томъ: «Колонизаціонный періодъ, 1492—1689» и въ скоромъ времени выйдетъ второй: «Образованіе республики, 1689—1783». Къ каждому тому приложено практическое руководство, какъ пользоваться источниками. (The Citizen).

«Ruling Ideas of the present Age». By Washington Gladden (Crown). (Руководящія идеи нашего вѣка). Авторъ этой любопытной книги, проникнутой энтузіазмомъ и любовью къ человѣчеству, изслѣдуетъ руководящія идеи нашего вѣка, отразившіяся на его исторіи и общественныхъ движеніяхъ, и старается опредѣлить ихъ взаимное соотношеніе и значеніе и указать, какая изъ этихъ идей способна доставить наибольшую сумму счастья человѣчеству. (The Citizen).

«Glimpses of Life in Bermuda and Tropics» by Margaret Newton (Digby Long and C°). (Очерки жизни въ Бермудѣ и тропикахъ). Авторъ передаетъ свои личныя впечатлѣнія и наблюденія во время путешествія подъ тропиками и, обладая повѣствовательнымъ талантомъ, заинтересовываетъ читателя своими разсказами. Помимо описаній и картинъ природы, въ книгѣ можно найти много любопытныхъ свѣдѣній о жизни и нравахъ обитателей Ямайки, Тринидада и др. острововъ. (Athaeneum).

«The Naturalist in Australia» by W. Saville-Kent (Chapman and Hall's). (Натуралистъ въ Австраліи). Въ этой книгѣ заключаются результаты многолѣтнихъ изслѣдованій и наблюденій надъ аборигенами Австраліи и ея флорой и фауной. Австралійскій континентъ представляетъ богатѣйшую область для научныхъ изслѣдованій и естественно привлекаетъ вниманіе ученыхъ, тѣмъ болѣе, что спорное происхожденіе австралійскаго материка до сихъ поръ еще остается невыясненнымъ. (Athaeneum).

«The Sultan and his subjects» by Richard Davey (Chapman and Hall's). (Султанъ и его подданные). Эту книгу можно смѣло назвать однимъ изъ лучшихъ сочиненій, написанныхъ о Турціи въ послѣднее время. Авторъ обнаруживаетъ основательное знакомство съ положеніемъ дѣлъ въ Турціи, а также много наблюдательности въ своей оцѣнкѣ современныхъ турецкихъ событій и въ описаніи взаимныхъ отношеній султана и его подданныхъ. (Athaeneum).

«Blind Larry: Irish Idylls». By Lewis Macnamara (Jarrold and Sons). (Ирландскія идилліи). Авторъ изображаетъ въ своихъ очеркахъ время, когда національная лига въ Ирландіи пользовалась большимъ авторитетомъ и властью и когда еще не было никакого раскола въ ирландской парламентской партіи. Разсказы авторомъ хорошо задуманы и талантливо написаны.

(Literary World).

«Prehistoric Problems» by Robert Munro (Blackwood and Sons). (Доисторическія проблемы). Книга раздѣляется на двѣ части: антропологическую и археологическую. Первая часть посвящена изложенію эволюціонной теоріи. Авторъ — убѣжденный сторонникъ этого ученія и это сквозитъ въ каждой строкѣ его книги. Вторая, нѣсколько болѣе слабая часть, носитъ исключительно характеръ археологическаго изслѣдованія. Въ прибавленіи авторъ помѣщаетъ нѣкоторыя статьи и публичныя лекціи, произнесенныя по поводу интересующихъ автора вопросовъ.

(Literary World).

«Waste and Repair in Modern Life». A series of Essays on the Maintenance of Health under Conditions which prevail at the present Time. By Robson Roose (Murray). (Растрата и возстановленіе въ современной жизни). Авторъ имѣетъ цѣлью познакомить читателей съ наиболѣе дѣйствительными способами поддержанія жизни при современныхъ условіяхъ. Въ своей книгѣ авторъ разсматриваетъ различныя вредныя вліянія, укорачивающія жизнь человѣка, и научаетъ, какъ бороться съ ними. Искусству продленія жизни (макробіотикѣ) посвящена отдѣльная глава. Авторъ также посвящаетъ вниманіе вопросу объ алкоголизмѣ и въ одной изъ главъ говоритъ о физіологіи поста. Вопросъ о распространеніи и предупрежденіи нѣкоторыхъ эпидемическихъ болѣзней изслѣдуется авторомъ очень подробно, такъ же, какъ и многое другое, относящееся къ гигіенѣ городовъ.

(Daily News).

«The Wisdom of Fools» by Margaret Deland (Longmans, Green and C°). (Мудрость сумасшедшихъ). Авторъ, подъ видомъ четырехъ разсказовъ, представляетъ на судъ читателей четыре проблемы соціальной этики, которыя не берется разрѣшить самъ безъ посторонней помощи, находя ихъ черезчуръ сложными и трудными. Авторъ, повидимому, желаетъ указать, что во многихъ спеціальныхъ случаяхъ жизни нельзя руководствоваться общими правилами морали, совершенно непримѣнимыми къ этимъ случаямъ. Авторъ затрогиваетъ очень интересные и жизненные вопросы и предоставляетъ читателю разрѣшать ихъ по своему усмотрѣнію. (Literary World).

«Contributions to the Analyses of the Sensations» by Professor E. Mach Translated by C. M. Williams (Chicago). (Анализъ ощущеній). Авторъ книги—профессоръ исторіи и теоріи индуктивныхъ наукъ въ Вѣнѣ и постоянно имѣетъ дѣло съ областью физическихъ наукъ, но въ особенности интересуется психологіей и ея проблемами. Въ своей книгѣ авторъ говоритъ преимущественно объ идеяхъ времени и пространства въ связи съ нашими зрительными и слуховыми ощущеніями. Несмотря на свой спеціальный научный интересъ, книга написана легко и можетъ заинтересовать каждаго мало-мальски подготовленнаго читателя.

(Literary World).

«The Ynner Life of the House of Commons» by W. White. Witth a preface by Juslin Mac Carthy (Fisher Unwin). (Внутренняя жизнь палаты общинъ). Подъ этимъ названіемъ изданы очерки парламентской жизни, печатавшіеся раньше въ «The Illustrated Times»; они обнимаютъ собою десятилѣтній періодъ (1860—1870 г.) и представляютъ очень интересное изображеніе внутренней жизни англійскаго парламента и характеристику нѣкоторыхъ его выдающихся дѣятелей. (Literary World).

«On the Trail of Don Quixote» by C. A. Saccaci. Illustrated by Daniel Verge (Lawrence and Bullen). (По слѣдамъ Донъ-Кихота). Авторъ хорошо знакомъ съ жизнью испанскихъ деревень и всѣ его разсказы о нихъ проникнуты горячею симпатіей къ испанскому крестьянину, котораго онъ изображаетъ со всѣми его достоинствами и недостатками,

а также со всѣми его особенностями и оригинальными чертами. Передъ глазами читателя проходитъ рядъ картинъ испанской сельской жизни, иллюстрирующихъ ее съ разныхъ сторонъ. Авторъ съ любовью подчеркиваетъ хорошія качества испанскаго народа, его честность, безкорыстіе и чувство собственнаго достоинства и съ огорченіемъ говоритъ объ ужасной бѣдности испанскаго населенія. Очень хороши также рисунки, приложенные къ книгѣ, изображающіе различныя сцены крестьянской жизни. (Athaeneum).

«The Public Man his Duties, Powers and Privileges and how to exercise Them» by M-r James Tayler (Effingham Wilson). (Общественный дѣятель, его обязанности, права и привилегіи). Единственный упрекъ, который можно сдѣлать книгѣ, это ея сжатость, но, не смотря на то, она можетъ служить полезнымъ руководствомъ для каждаго, выступающаго на общественное поприще. (Daily News).

«The Concise Knowledge Library» (Hutchinson and C°) London. (Краткая библіотека знаній). Издатели этой библіотеки задались цѣлью доставить читателямъ возможность въ короткій срокъ ознакомиться съ цѣлымъ отдѣломъ знанія. Предполагается выпускать отдѣльные томы, заключающіе въ себѣ краткое, но въ то же время настолько популярное изложеніе какого-нибудь предмета, чтобы сдѣлать его вполнѣ доступнымъ пониманію обыкновеннаго неподготовленнаго читателя. Въ настоящее время вышелъ первый томъ: «Краткія познанія изъ естественной исторіи», въ составленіи котораго приняли участіе многіе научные авторитеты. Читатель, дѣйствительно, можетъ вполнѣ основательно познакомиться съ естественною исторіей, не смотря на краткость изложенія. (Daily News).

«Stories of Australia in the early days» by Marcus Clarke (Hutchinson and C°). (Очерки Австраліи ранняго періода). Въ книгѣ собраны разсказы о жизни и событіяхъ въ Вандименовой землѣ, какъ называлась тогда Тасманія, служившая исключительно мѣстомъ ссылки. Авторъ, повидимому, не пожалѣлъ красокъ для изображенія ужасовъ этой колоніи ссыльныхъ, но, къ облегченію читателя, мрачныя картины чередуются съ романтическими описаніями и сценами изъ жизни первыхъ поселенцевъ Австраліи. Описаніе бѣгства ирландскихъ политическихъ преступниковъ полно драматическаго интереса; очень интересно также описаніе перваго театральнаго представленія у антиподовъ. (Daily News).

«A African Millionaire». Episodes in the Life of the Illustrions Colonel Clay. By Grant Allen. With 60 illustrations by Gordon Browne. (Африканскій милліонеръ). Талантливо написанная книга, изображающая одного изъ знаменитыхъ африканскихъ дѣятелей, а также рисующая яркими красками африканскую жизнь со всѣми ея особенностями. Грентъ Алленъ хорошо извѣстенъ всѣмъ европейскимъ читателямъ и поэтому лишнее хвалить его стиль и образность его произведеній. Иллюстраціи, дополняющія текстъ, очень недурны. (Daily News).

«Les criminels dans l'art et la littérature» par Enrico Ferri prof. à l'université de Rome et de Bruxelles. Bibliothèque de philosophie contemporaine. (Alcan). (Преступники въ произведеніяхъ искусства и литературы). Извѣстный итальянскій антропологъ не только не осуждаетъ, но даже находитъ чрезвычайно полезнымъ для уголовной антропологіи изображеніе преступныхъ типовъ въ литературѣ и искусствѣ. Разсматривая всѣ типы злодѣевъ въ шедёврахъ современнаго романа, въ декоративномъ искусствѣ, у поэтовъ, художниковъ и скульпторовъ, Ферри выставляетъ на видъ услуги, оказанныя этими произведеніями уголовной наукѣ и вмѣстѣ человѣчеству. Съ точки зрѣнія своей классификаціи Ферри выдѣляетъ пять главныхъ преступныхъ типовъ у современныхъ авторовъ. Между прочимъ, Ферри анализируетъ достоинства и недостатки великихъ романистовъ, французскихъ и иностранныхъ, и, отдавая справедливость ихъ усиліямъ, не стѣсняется, однако, высказывать имъ свое искреннее мнѣніе насчетъ ихъ умѣнья изображать преступные типы. Бурже, по его мнѣнію, изображаетъ только свѣтскихъ изящныхъ преступниковъ и пользуется для этого данными самой обыденной психологіи. Д'Анунціо онъ считаетъ выше Бурже, но много ниже Достоевскаго. У этого послѣдняго авторъ находитъ неистощимый запасъ глубокихъ наблюденій надъ жизнью и характеромъ преступниковъ. То же самое онъ говоритъ и о произведеніяхъ Золя. Однако, отдавая должное искусству и литературѣ, какъ полезнымъ сотрудникамъ, знаменитый антропологъ находитъ все-таки, что «искусство черезчуръ ужъ занимается преступниками и прославляетъ ихъ» и что ему уже слѣдуетъ обра-

титься къ добродѣтельнымъ людямъ и заимствовать оттуда свои сюжеты.

(Revue des Revues).

«*L'Année biologique» publiés sous la direction du prof. Yves Delage, avec la collaboration d'un comité des rédacteurs. (Première Année 1897). (Біологическій ежегодникъ*). Вопросы біологіи интересуютъ въ настоящее время не однихъ только врачей, а также всѣхъ, занимающихся соціологическими науками, и можно заранѣе предсказать успѣхъ этому изданію, заключающему въ себѣ отчетъ о всѣхъ наиболѣе важныхъ работахъ въ области біологіи за прошлый и этотъ годъ. Редакторъ сборника извѣстенъ своими работами о протоплазмѣ и теоріяхъ наслѣдственности. Многія изъ статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ, представляютъ общій интересъ. (Revue des Revues).

«*L'Individu et la Société» par Jean Grave (Stock) 1897. (Индивидъ и общество*). Авторъ изучаетъ взаимныя отношенія индивида и общества и доказываетъ, что между ними роковымъ образомъ долженъ существовать антагонизмъ, такъ какъ индивидъ всегда приносился въ жертву обществу и сильные всегда порабощали слабыхъ, находя для этого поддержку въ войнѣ. Авторъ возстаетъ противъ оффиціальной морали и настаиваетъ на томъ, что человѣкъ, прежде всего, долженъ заботиться о воспитаніи своей воли и отказаться отъ навязываемыхъ ему идей. Онъ долженъ пріучаться видѣть вещи такъ, какъ онѣ есть. Въ заключеніе авторъ говоритъ о женщинѣ и ея правахъ человѣка и доказываетъ, что въ будущемъ она займетъ подобающее ей мѣсто въ жизни рядомъ съ мужчиной.

(Revue des Revues).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ **Викторъ Острогорскій.**

